178/166
7.32.

178/166

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

178
166

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

2 экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
991536

Ф. Буличъ.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ

ВЪ

СОВРЕМЕННОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ И НАРОДНОМЪ

РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

ЧАСТЬ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

ПАМЯТИ

учителя и друга

Н. В. КРУШЕВСКАГО

авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Работа эта первоначально была задумана въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Авторъ предполагалъ дать, какъ вступительныя главы, общій очеркъ процесса заимствованія, обзоръ литературы вопроса о церковнославянскихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ, краткую общую характеристику церковнославянскаго языка поздняго періода (того періода по преимуществу, въ который, благодаря книгопечатанію, вліяніе церковнославянскаго на устный и особенно письменный, литературный языкъ должно было сказываться болѣе сильно), и затѣмъ представить полную картину отношеній, созданныхъ въ русскомъ языкѣ заимствованіемъ церковнославянскихъ элементовъ.

При этомъ авторъ имѣлъ и имѣетъ въ виду изученіе процесса заимствованія вообще, какъ одного изъ весьма важныхъ факторовъ развитія языка, значеніе котораго теперь все болѣе и болѣе признается въ наукѣ о языкѣ. Точка зрѣнія, съ которой предполагалось и предполагается разсматривать церковнославянскія заимствованія въ этой работѣ—общесравнительная, имѣющая цѣлью выяснить не только фактическія отношенія вопроса, но и сдѣлать изъ нихъ извѣстные общіе выводы, важные въ методологическомъ отношеніи. Такъ какъ главный матеріалъ былъ уже ранѣе собранъ, то авторъ разсчитывалъ вскорѣ же приступить собственно къ его разработкѣ. Но, пытаясь установить характеристическія черты церковнославянскаго языка позднѣйшаго періода, авторъ скоро убѣдился въ необходимости самостоятельнаго изслѣдованія въ этой области, въ виду крайней скудости и недостаточности матеріала, имѣвшагося по этой части въ научной нашей литературѣ *). Вслѣдствіе этого

*) Почти единственная попытка обработки этого матеріала—Грамматика славяно-церковнаго языка новаго періода В. Классовскаго. Спб. М. О. Вольфъ. 2-е измѣненное изданіе 1867, 5-е безъ перемѣнъ 1887.

предполагавшійся сжатый очеркъ церковнославянскаго языка разросся до такихъ размѣровъ, что автору пришлось разбить всю работу на двѣ части, изъ которыхъ первая и повергается теперь на судъ компетентныхъ цѣнителей. Вторая часть уже будетъ разсматривать самыя церковнославянскія заимствованія въ фонетическомъ, морфологическомъ и семасіологическомъ отношеніяхъ. Выступая въ первый разъ съ болѣе обширной работой, авторъ вмѣняетъ себѣ въ пріятную обязанность высказать свою живѣйшую признательность лицамъ и учрежденіямъ, такъ или иначе помогавшимъ ему въ настоящей работѣ: прежде всего учителю своему, извѣстному языковѣду-слависту, профессору И. А. Бодуэну де Куртенэ, лекціямъ, научнымъ бесѣдамъ и совѣтамъ котораго авторъ много обязанъ первымъ пробужденіемъ научнаго интереса къ области явленій языка и своимъ дальнѣйшимъ научнымъ развитіемъ; другому учителю своему, бывшему профессору Казанскаго Университета М. П. Петровскому, который самымъ радушнымъ образомъ предоставлялъ автору многія рѣдкія старопечатныя книги своей прекрасной библіотеки; приватъ-доценту С.-Петербургскаго Университета П. А. Сырку, благодаря любезности котораго авторъ могъ пользоваться также нѣкоторыми рѣдкими старопечатными книгами Русскаго Отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, и Императорскому С.-Петербургскому Университету, давшему средства для печатанія этой работы. Авторъ не можетъ здѣсь благодарить еще одного своего учителя (которому онъ, быть можетъ, болѣе всего обязанъ своимъ научнымъ развитіемъ), потому что его уже нѣтъ въ живыхъ. Памяти этого преждевременно и трагически погибшаго для науки талантливаго ученаго посвящается настоящая работа, тема которой указана была автору покойнымъ.

Спб. 14 мая 1893 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе. О процессѣ заимствованія въ языкѣ ..... 1— 56
Глава I. Обзоръ литературы вопроса ..... 57—129
Глава II. Церковнославянскій языкъ:
§ 1. Языки старославянскій и церковнославянскій .... 130—131
§ 2. Фонетическія особенности церковнославянскаго языка.
1. Вокализмъ. Живое произношеніе ..... 131—145
2. Церковнославянскій консонантизмъ ..... 135—156
§ 3. Морфологическія особенности церковнославянскаго языка. А. Склоненіе. Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими спонтанеическими..... 156—159
Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими комбинаторными..... 159—162
§ 4. Общая характеристика церковнославянскаго склоненія ..... 162—163
§ 5. Склоненіе бывшихъ основъ на ei- (i-) ..... 163—169
§ 6. Склоненіе бывшихъ м. и ср. р. основъ на согласный n- ..... 169—175
§ 7. Склоненіе первичной основы на n- дѥ́нь..... 175—176
§ 8. Склоненіе бывшихъ основъ на er- ..... 176—178
§ 9. Склоненіе бывшихъ основъ на es-..... 178—182
§ 10. Склоненіе бывшихъ основъ на nt- ..... 182—184
§ 11. Склоненіе бывшихъ основъ на ū-..... 184—186
§ 12. Склоненіе бывшихъ основъ м. р. на eu- (u-)... 186—190
§ 13. Склоненіе бывшихъ основъ на ā-, jā- ..... 190—205
§ 14. Склоненіе бывшихъ основъ м. и ср. р. на o-.. 205—227
§ 15. Склоненіе бывшихъ основъ м. и ср. р. на jo-.. 227—246
§ 16. Имена прилагательныя и причастія простыя.... 246—251
§ 17. Мѣстоименія..... 251—288
§ 18. Имена прилагательныя и причастія сложныя ... 288—303

Стр.
§ 19. Степени сравненія ..... 303—305
§ 20. Имена числительныя ..... 305—310
§ 21. Б. Глаголъ. Личныя окончанія первичныя..... 310—319
Личныя окончанія вторичныя ..... 319—324
§ 22. Образованіе глагольныхъ формъ..... 324—325
Повелительное наклоненіе ..... 325—334
Причастіе настоящаго времени дѣйств. и страдат. залоговъ ..... 334—349
§ 23. Аористъ и имперфектъ ..... 349—373
§ 24. Причастія прошедшаго времени дѣйств. и страд. залоговъ ..... 373—385
§ 25. Перифрастическія выраженія ..... 385—396
§ 26. Страдательный залогъ ..... 396—398
§ 27. Неопредѣленное наклоненіе и супинъ ..... 398—399
Заключеніе..... 399—406

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящая работа посвящена изслѣдованію лексическихъ, фонетическихъ и морфологическихъ элементовъ, вошедшихъ въ русскій литературный и народный (насколько это было возможно прослѣдить) языкъ изъ церковно-славянскаго въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ ихъ очень близкой совмѣстной жизни.

Прежде чѣмъ перейти къ непосредственной задачѣ настоящаго изслѣдованія, намъ кажется не лишнимъ разсмотрѣть явленіе языковаго заимствованія вообще и выяснить понятіе о немъ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ факторовъ развитія языка.

Какъ мы увидимъ ниже, заимствованіе увеличиваетъ лексическое богатство языка, служитъ источникомъ новыхъ корней, суффиксовъ и префиксовъ, даже грамматическихъ формъ, имѣетъ весьма важное значеніе для семасіологическаго развитія и является вполнѣ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ какъ наличныхъ, такъ и уже не существующихъ историческихъ, культурныхъ и соціальныхъ условій, а также и общихъ свойствъ человѣческой природы вообще.

Между тѣмъ, до послѣдняго времени лингвисты очень мало обращали и обращаютъ вниманія на данное явленіе, во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ оно заслуживаетъ по своему значенію въ жизни языка. Въ наиболѣе извѣстныхъ трудахъ, посвященныхъ общимъ вопросамъ методологіи языкознанія и принадлежащихъ Дельбрюку, Витнею, М. Мюллеру [1]), вопросъ о заимствованіи

[1]) Delbrück. B. Einleitung in das Sprachstudium. Первое изд. Leipzig 1880, второе 1884.

совершенно или почти совершенно обходится молчаніемъ. Даже въ лучшей, наиболѣе обстоятельной работѣ этого рода, — Principien der Sprachgeschichte Пауля, глава, посвященная вопросу о заимствованіи, явилась только во второмъ изданіи (Halle 1886), а въ первомъ (1880), кромѣ весьма немногочисленныхъ и разбросанныхъ, случайныхъ замѣчаній, о заимствованіи не было и рѣчи.

Работы Маценауера, Миклошича, Брюкнера, Вейзе и Шухардта [1]) являются въ современной научной литературѣ почти единственными крупными работами, посвященными изслѣдованію занимающаго насъ явленія въ области индо-европейскихъ языковъ. Да и большинство этихъ работъ имѣетъ характеръ главнымъ образомъ словарный (работа Маценауера, большинство работъ Миклошича) и воздерживается отъ какихъ-либо выводовъ и обобщеній. Только въ работахъ Вейзе и Шухардта встрѣчаемъ стремленіе проникнуть въ самую сущность даннаго явленія, изучить и представить его характерныя черты.

Whitney. W. D. Die Sprachwissenschaft. Нѣмецкая обработка Jolly. München 1874.

M. Müller. Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. 1-я и 2-я серія въ обработкѣ Böttger'a (Leipzig 1875, 1870).

[1]) Matzenauer Ant. Cizí slova ve slovanských řečech. V Brně 1870.

Miklosich. F. Die slavischen Elemente im Neugriechischen. Wien. 1870.
» » » » » Magyarischen » 1872.
» » » » in den Mundarten der Zigeuner 1872.
» » » » im Rumunischen. Wien. 1862.
» » » » » Albanischen » 1870.
» Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien. 1867.
» » türkischen Elemente in den südost-und osteuropäischen Sprachen. Wien. 1885.
» » romanischen Elemente im Albanischen 1871.
» » christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Wien 1875.

Brückner. A. Litu-slavische Studien. I. Theil. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar. 1887.

Weise. Fr. O. Dr. Die griechischen Wörter im Latein. Lepzig. 8°. VIII. 544. 1882.

Schuchardt. H. Slawo-deutsches und slawo-italienisches. Graz. 1885. 4o. 140.

Веске. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань. 1890.

Краткій очеркъ относящейся сюда литературы см. у О. Шрадера въ его Sprachvergleichung und Urgeschichte. 2 изд. 1890, стр. 102—110.

Нѣкоторые прежніе ученые, какъ, напримѣръ, Гейзе [1]), были даже склонны смотрѣть на заимствованіе, какъ на факторъ разрушительнаго свойства, влекущій за собой паденіе языка и полное его преобразованіе, какъ на порчу языка. Такъ, примѣсью чуждыхъ элементовъ Гейзе объясняетъ переходъ языковъ изъ синтетическаго состоянія въ аналитическое, образованіе такъ называемыхъ „производныхъ“ языковъ (abgeleitete Sprachen) изъ „основныхъ“ (Stammsprachen) и т. д. [2]).

Въ настоящее время этотъ взглядъ не раздѣляется ни однимъ серьезнымъ ученымъ [3]), тѣмъ болѣе, что и во взглядахъ на то, что считалось прежде паденіемъ языка, произошелъ коренной переворотъ.

Тѣмъ не менѣе, въ образованныхъ слояхъ общества, у многихъ литераторовъ и даже филологовъ подобные взгляды на заимствованіе не рѣдкость. Обыкновенно такіе взгляды находятся въ связи съ преувеличеннымъ и ложно понимаемымъ патріотиз-

---

[1]) System der Sprachwissenschaft. Berlin. 1856. § 84 и слѣд.

[2]) § 84. Основные языки—языки первичной формаціи. Въ нихъ запасъ словъ не перемѣшанъ съ преобладающими чужими элементами, и грамматическая система развита по «собственному» принципу образованія. Ихъ развитію не мѣшала никакая «чуждая сила», и они «даже въ своихъ послѣднихъ стадіяхъ постоянно способны къ образованію и развитію изъ собственной физической силы».

Производные языки — языки вторичной формаціи, образовавшіеся изъ основныхъ «черезъ совершенное разложеніе стараго языковаго матеріала или преобладающее вліяніе новаго, чуждаго элемента и переобразованные по новому принципу, слѣдовательно основанные на окончательномъ разрушеніи и переобразованіи природнаго организма основнаго языка».

Какъ примѣръ Гейзе приводитъ романскіе языки.

§ 88. Древне-греческій языкъ умеръ медленной смертью, послѣ того какъ онъ совершенно выродился вмѣстѣ съ паденіемъ древне-греческаго народнаго духа. Греческая имперія была часто опустошаема походами чуждыхъ племенъ, и наконецъ греки были тяжко угнетены владычествомъ турокъ. Такимъ образомъ организмъ ихъ языка при падающей силѣ народнаго духа и проникновеніи въ него многочисленныхъ чуждыхъ элементовъ долженъ былъ окончательно разрушиться. Ср. также §§ 86, 87, 93, 94.

[3]) Асколи, правда, въ своихъ «Глоттологическихъ письмахъ» (Нѣм. изданіе п. з. Sprachwissenshaftliche Briefe. Leipzig. 1887. Первое письмо) проводитъ похожій взглядъ на образованіе французскихъ фонетическихъ особенностей подъ вліяніемъ кельтскаго произношенія, но взглядъ этотъ пока еще почти никѣмъ изъ романистовъ не раздѣляется.

момъ съ одной стороны и смутнымъ представленіемъ о жизни языка съ другой.

Въ этомъ отношеніи весьма характерно современное движеніе противъ заимствованныхъ словъ въ Германіи, исходящее часто изъ административныхъ и оффиціозныхъ сферъ (одинъ изъ главныхъ дѣятелей—директоръ почтъ Стефанъ, введшій въ употребленіе массу нѣмецкихъ неологизмовъ въ своемъ вѣдомствѣ. Желѣзнодорожные термины иностраннаго происхожденія, также мало-по-малу замѣняются новыми нѣмецкими, причемъ замѣна эта происходитъ оффиціальнымъ путемъ, а не предоставлена жизни и времени) и нерѣдко приводящее къ комичнымъ эпизодамъ [1]).

Причиной подобныхъ отрицательныхъ взглядовъ на языковое заимствованіе является непониманіе или незнаніе того, что дѣйствительный прогрессъ языка въ семасіологическомъ отношеніи заключается въ приближеніи къ возможно полному и совершенному соотвѣтствію понятій и ихъ звуковыхъ символовъ—словъ.

Состояніе языка, при которомъ достигается болѣе точное выраженіе понятій словами, безспорно, есть состояніе болѣе совершенное. Между тѣмъ, какъ мы увидимъ ниже, въ ряду прочихъ факторовъ, доставляющихъ языку средства для этого болѣе точнаго выраженія идеи словомъ, заимствованіе занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто.

Если Гейзе утверждалъ, что языковое смѣшеніе гибельно и влечетъ за собой полное паденіе языка, то Максъ Мюллеръ, наоборотъ, отрицаетъ существованіе смѣшанныхъ языковъ (Mischsprachen) [2]), противъ чего въ послѣднее время возстаетъ Шу-

[1]) Въ родѣ, напримѣръ, торжества шовинистской нѣмецкой печати по поводу замѣны въ заголовкѣ канцелярскихъ бланковъ дворцоваго правленія (новой императрицы Викторіи Августы) слова Cabinet (*французскаго* происхожденія) словомъ Dienst (природнымъ нѣмецкимъ).

Торжествовавшіе упустили при этомъ совсѣмъ изъ виду, что и въ новой редакціи: «Dienst Ihrer Majestät Kaiserin und Königin...» все-таки остаются еще два чужеземца: Majestät вполнѣ недавняго происхожденія (и опять-таки латино-французскаго—Majesté) и Kaiserin болѣе давняго (греческаго).

[2]) «Кельтъ можетъ стать англичаниномъ, кельтская и саксонская кровь могутъ смѣшаться..., но языки не смѣшиваются никогда». Vorlesungen über die Wissenschaft d. Sprache bearbeitet von Böttger. I. Serie. Dritte Auflage. Leipzig. 1875, стр. 90.

хардтъ [1]), утверждающій съ неизмѣримо бо́льшимъ на то основаніемъ, что нѣтъ ни одного языка, который не былъ бы „смѣшаннымъ“. Хотя М. Мюллеръ имѣлъ въ виду только невозможность смѣшенія въ морфологическомъ отношеніи, невозможность скрещенія двухъ различныхъ типовъ языковаго строенія, но и въ этомъ отношеніи его отрицаніе слишкомъ рѣзко и опровергается несомнѣннымъ свидѣтельствомъ фактовъ, приводимыхъ, между прочимъ, и Шухардтомъ.

Явленіе языковаго заимствованія представляетъ особый интересъ для изученія и въ томъ отношеніи, что, быть можетъ, ни въ одномъ изъ прочихъ явленій жизни языка не проявляется такъ рѣзко соціальная основа и природа послѣдняго. Ни одно изъ другихъ языковыхъ явленій не имѣетъ такихъ тѣсныхъ и многочисленныхъ связей съ разными факторами общественной жизни, и поэтому также ни одно изъ языковыхъ явленій не представляетъ (взятое во всемъ своемъ объемѣ) такой сложности и разнообразія, смѣющихся надъ попыткой изслѣдователя уложить относящіеся сюда факты въ какую-нибудь простую и ясную систему.

Разъ признавъ вмѣстѣ съ Паулемъ [2]) соціальную природу языка и его явленій, мы тѣмъ самымъ должны будемъ признать за человѣческимъ обществомъ и право сознательнаго воздѣйствія на эту сторону общественной жизни, какъ и на любую другую, т. е. право сознательнаго вмѣшательства въ жизнь языка, каковое въ дѣйствительности всегда имѣло мѣсто [3]), хотя и въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Поэтому съ объективной, научной точки зрѣнія, стремленія нѣмецкихъ и иныхъ пуристовъ языка, направленныя къ замѣнѣ иностранныхъ лексическихъ элементовъ собственными, природными, не представляютъ ничего нелѣпаго, разъ эти стремленія не переступаютъ извѣстныхъ границъ и осуществляются болѣе или менѣе раціонально, т. е. согласно съ требованіями здраваго смысла и характерными особенностями даннаго языка

[1]) Slawo-deutsches und slawo-italienisches. Стр. 5.

[2]) Principien der Sprachgeschichte. Zweite Aufl. Halle. 1886. Einleitung, стр. 1 и слѣд.

[3]) Особенно въ языкѣ литературномъ и поэтическомъ.

Во всякомъ случаѣ коррективомъ подобныхъ сознательныхъ стремленій (какъ и въ другихъ соціальныхъ явленіяхъ) является прочая инертная масса общества, которой и принадлежитъ здѣсь рѣшающая роль.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ къ разсмотрѣнію разныхъ категорій заимствованія.

Уже въ основаніи всей нашей языковой дѣятельности лежитъ процессъ заимствованія, такъ какъ, начиная говорить (хотя бы и на родномъ языкѣ) и говоря, мы не создаемъ сами почти ничего новаго, а только заимствуемъ готовый языковой матеріалъ отъ окружающихъ насъ [1]) или воспроизводимъ его по наличнымъ, готовымъ образцамъ, созданнымъ опять-таки не нами самими.

Языкъ каждаго отдѣльнаго индивидуума, принадлежащаго къ извѣстному народу, можетъ быть разсматриваемъ какъ отдѣльный языкъ, до извѣстной степени отличный отъ языка каждаго другаго индивидуума, принадлежащаго къ тому же народу. Каждый такой индивидуальный языкъ представляетъ извѣстныя особенности не только въ звуковомъ, физіологическомъ отношеніи, но и въ лексическомъ, морфологическомъ и синтактическомъ.

Единственной силой, которая удерживаетъ эти индивидуальные языки въ границахъ наибольшаго взаимнаго сходства, указывающаго на ихъ принадлежность къ одной языковой единицѣ, является постоянный процессъ заимствованія, имѣющій мѣсто всякій разъ, какъ только встрѣчаются хотя бы два индивидуума.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не согласиться съ Шухардтомъ, признающимъ вопросъ о заимствованіи самымъ важнымъ вопросомъ въ наукѣ о языкѣ [2]).

Но разницы между языками отдѣльныхъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же народу, настолько незначительны, взаимное заимствованіе и коррегированіе языка въ звуковомъ и прочихъ отношеніяхъ происходитъ такъ постоянно, что различеніе заимствованныхъ и природныхъ элементовъ въ этихъ

---

[1]) Ср. Schuchardt. Slawo-deutsches etc. стр. 6 и Paul. Principien d. Sprachg. 2-е изд. стр. 37, 89.

[2]) Slawo-deutsches und slawo-italienisches. Стр. 3.

индивидуальныхъ языкахъ не только не представляется необходимымъ, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ просто невозможно. Съ другой стороны подобное заимствованіе вполнѣ неизбѣжно и неразрывно связано съ самой природой, сущностью языка, подразумѣвается вездѣ и всегда само собой.

Потому этотъ родъ заимствованія, который можно назвать „однопочвеннымъ“ (въ этнографическомъ и хронологическомъ смыслѣ) или „одноязычнымъ“, можетъ быть смѣло оставленъ въ сторонѣ безъ ущерба для научнаго изслѣдованія.

Другіе результаты получаются, когда въ соприкосновеніе приходятъ не такіе схожіе между собою языки, какъ индивидуальные языки двухъ представителей одного и того же народа, а языки, разнящіеся другъ отъ друга въ большей или меньшей степени. Это соприкосновеніе не такъ неизбѣжно, какъ соприкосновеніе индивидуальныхъ говоровъ, принадлежащихъ одной языковой единицѣ; оно можетъ быть и не быть и находится въ зависимости отъ извѣстныхъ условій.

Заимствованіе, какъ слѣдствіе такого соприкосновенія, также не неизбѣжно, и необходимы опять извѣстныя условія для того, чтобы оно могло произойти.

Этотъ родъ заимствованія, который, въ противоположность разсмотрѣнному выше, можно было бы назвать „разнопочвеннымъ“ или „иноязычнымъ“, имѣетъ своимъ результатомъ большее или меньшее усвоеніе чуждаго языковаго матеріала, представляющаго извѣстныя отличія отъ природнаго. Усвоеніе это можетъ заходить такъ далеко, что въ концѣ-концовъ чуждый языковой матеріалъ вытѣсняетъ совершенно природный и заступаетъ его мѣсто. Въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ ассимиляціей въ языковомъ отношеніи одного народа другому, за которой мало-по-малу слѣдуетъ полная ассимиляція и въ другихъ отношеніяхъ.

Остатки прежняго, природнаго языка могутъ сохраниться въ видѣ областныхъ словъ или провинціализмовъ и въ новомъ добровольно принятомъ или силою навязанномъ языкѣ, но они ничѣмъ не будутъ разниться отъ обыкновенныхъ иноязычныхъ за-

имствованій и будутъ находиться къ новому языку именно въ отношеніи этихъ послѣднихъ.

Таковы, напримѣръ, областныя слова финскаго и тюркскаго происхожденія въ русскихъ мѣстностяхъ, нѣкогда заселенныхъ инородческими финскими или тюркскими племенами, таковы славянскіе провинціализмы въ восточныхъ прусскихъ (силезскихъ) говорахъ и т. д.

При соприкосновеніи разнящихся другъ отъ друга языковъ могутъ быть слѣдующіе случаи [1]):

a) языки совсѣмъ не родственны другъ другу;

b) языки родственны другъ другу, т. е. представляютъ собой: 1) языки, происшедшіе отъ одного общаго уже совсѣмъ исчезнувшаго или мертваго проязыка, каковы языки индо-европейскіе, славянскіе, германскіе, романскіе и т. д., 2) нарѣчія или говоры одного живаго языка;

c) въ соприкосновеніе приходятъ не два разныхъ языка, а двѣ разныхъ стадіи развитія одного и того же языка. Заимствованіе происходитъ здѣсь въ предѣлахъ одной и той же языковой единицы, но заимствуемые элементы принадлежатъ болѣе древнему состоянію даннаго языка и потому представляютъ извѣстныя отличія. Само собою разумѣется, что подобное заимствованіе можетъ имѣть мѣсто только въ языкахъ, уже обладающихъ письменностью, и происходитъ при посредствѣ этой послѣдней, т. е. носитъ характеръ исключительно книжный.

Заимствованіе иноязычное отсюда можетъ быть двоякое: изустное, какъ слѣдствіе непосредственнаго соприкосновенія двухъ народовъ, говорящихъ разными языками, и книжное, совершающееся при помощи письменности.

Заимствованіе изустное восходитъ къ самымъ отдаленнымъ историческимъ (и безъ сомнѣнія и доисторическимъ) временамъ и является слѣдствіемъ извѣстныхъ культурныхъ и соціальныхъ условій: географическаго сосѣдства, торговыхъ сношеній, путешествій, переселеній и колонизацій, завоеваній и т. д. Условія эти имѣютъ большую или меньшую силу сообразно различнымъ историче-

[1]) Ср. Paul. Principien d. Sprachgeschichte. 2 изд., стр. 337.

скимъ эпохамъ. Такъ, для образованія смѣшанныхъ языковъ (въ родѣ англійскаго), основанныхъ на заимствованіи, завоеваніе уже не играетъ такой важной роли въ настоящее время, какъ, напримѣръ, въ эпоху завоеванія Англіи норманнами или Галліи, Испаніи и Дакіи римлянами. Въ свою очередь, торговыя сношенія и путешествія имѣютъ въ наше время неизмѣримо большее значеніе для заимствованія, чѣмъ нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, что находится въ связи съ широкимъ развитіемъ средствъ сношенія, благодаря которому явилась возможность непосредственнаго заимствованія изъ самыхъ отдаленныхъ (въ географическомъ смыслѣ) языковъ (ср., напримѣръ, англійское tea, заимствованное изъ китайскаго, фр. и англ. tapioca—южно-американскаго происхожденія, р. арарутъ=англ. arrow-root и т. д.).

Заимствованіе книжное, совершающееся при посредствѣ письменности, можетъ имѣть мѣсто только при извѣстной степени культурнаго и умственнаго развитія даннаго народа, слѣдовательно въ эпохи уже болѣе къ намъ близкія. Кромѣ того, оно является прежде всего въ языкѣ книжномъ, письменномъ, и живое употребленіе (въ устной рѣчи) заимствованные элементы получаютъ только у общественныхъ классовъ, стоящихъ въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ письменности, т. е. въ классахъ грамотномъ, образованномъ и ученомъ, говорящихъ языкомъ книжнымъ или очень близкимъ къ книжному.

Отъ этихъ классовъ заимствованные элементы уже переходятъ къ другимъ, вовсе не имѣющимъ отношенія къ письменности или имѣющимъ его въ гораздо меньшей степени, и часто тогда, когда образованные классы давно уже утратили ихъ (ср. р. оказія, для близиру и т. д.).

Какъ изустное, такъ и книжное заимствованіе могутъ происходить непосредственно изъ одного языка въ другой или при посредствѣ какого-либо другаго и даже нѣсколькихъ другихъ языковъ. Примѣромъ такого посредственнаго заимствованія (книжнаго) въ русскомъ языкѣ могутъ служить, напримѣръ, многіе церковные термины греческаго происхожденія, попавшіе въ русскій при посредствѣ церковно-славянскаго и т. п.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ заимствованіе чужихъ словъ обусловливается заимствованіемъ новыхъ понятій, т. е. имѣетъ ближайшей причиной культурное заимствованіе. Т. о. заимствованіе здѣсь является слѣдствіемъ развитія или роста культуры даннаго народа и вытекаетъ изъ необходимости давать обозначеніе понятіямъ, дотолѣ неизвѣстнымъ.

Образчикомъ подобныхъ заимствованій съ культурнымъ заимствованіемъ въ основѣ могутъ служить:

астрономическая терминологія индусовъ, заимствованная вмѣстѣ съ астрономическими понятіями у грековъ и имѣющая поэтому греческое происхожденіе:

anaphâ = ἀναφή	jûka = ζυγόν
âkokera = αἰγόκερως	tâvuri = ταῦρος
âpoklima = ἀπόκλιμα	taukshika = τοξότης
âra = Ἄρης	panapharâ = ἐπαναφορά
kendra = κέντρον	pâthena = παρθένος
trikona = τρίγωνος	liptâ = λεπτή
kaurpia = σκορπίος	sunaphâ = συναφή
jâmitra = διάμετρος	heli = Ἥλιος, horâ = ὥρα и т. д. [1])

французская морская терминологія, заимствованная частью у норманновъ, частью у голландцевъ и имѣющая потому германское происхожденіе:

affréter — фрахтовать (ствн. frêht, голл. vracht)

agrès = снасти (голл. gereide, gerei)

bâbord = бакбортъ (лѣвая сторона судна, голл. bakboord)

bitte = битенгъ (стойка, нѣм. Bätingsholz, англ. bit)

bomerie = бодмерея (голл. bodemerij)

bosseman = боцманъ (голл. bootsman)

bouline, стфранц. boline = булинь (голл. boe-lijne, англ. bowline)

cahute = каюта (стфр. chahute и cahuette = голл. kajuit)

cane, стфр. canot = челнокъ (голл. kaan, новон. Kahn)

---

[1]) Ср. Weber. A. Indische Beiträge zur Geschichte der Aussprache des Griechischen. Monatsberichte d. Königl. Akademie d. Wissensch. zu Berlin. 1871. 7 Dec., и его же Indische Studien, т. II, стр. 254, 261.

chaloupe=шлюпка (г. sloep, англ. sloop, шв. slup)

èbe=отливъ (голл. ebbe)

стфр. esturman=штурманъ (голл. stuurman, агс. steórman, а. steersman)

стфр. estiere=руль (агс. steóre)

étai=штагъ (голл. staede, staye, англ. stag)

пикард. étrain=берегъ (голл., нѣм. strand)

falaise, стфр. falise=скала (ствнм. felisâ)

flibot=англ. fly-boat (родъ судна)

haubans, стфр. hobenes=ванты (голл. hobant вм. hoofdbant)

havre, стфр. havene=гавань (агс. häffen, дрсканд. höfn)

hune=марсъ (дрсакс. hûn, ср.голл. hûne) и т. д.

Сюда же принадлежатъ и названія четырехъ странъ свѣта: nord, sud, est, ouest и т. д.

Французская военная терминологія заимствована у сосѣднихъ германскихъ племенъ (франковъ, аллемановъ и т. д.), поставлявшихъ главный контингентъ старо-французской арміи:

bivac (bîwacht), boulevard (bolwerk), guerre (ствн. werra), halt (halt), hampe — рукоятка (handhaba), havre-sac (habersack) и т. д. [1]).

Такими же примѣрами могутъ служить: общеевропейская музыкальная терминологія, имѣющая итальянское происхожденіе и объясняющаяся преобладающимъ одно время вліяніемъ итальянцевъ на исторію музыки (XVI, XVII и половина XVIII-го вѣка), русская морская терминологія, цѣликомъ заимствованная вмѣстѣ съ мореплаваніемъ и кораблестроеніемъ у голландцевъ и частью англичанъ, многіе нѣмецкіе коммерческіе термины итальянскаго происхожденія [2]), русская (и вообще славянская) и готская христіанская терминологіи [3]), заимствованныя вмѣстѣ съ христіан-

[1]) См. Diez. Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. Морскіе романскіе термины также у O. Schrader'a. Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde. Erster Theil. Jena, 1886. стр. 51—52.

[2]) Agio, bankerott, bilanz, börse (ит. borsa, въ концѣ концовъ сводящееся къ греческ. βόρσα), brutto, conto, corrent, disconto, dito, franco, loco, per (предлогъ: per August и т. д.), porto, risico и т. д.

[3]) Русская: акаѳистъ, амвонъ, аналой, анаѳема, ангелъ, антиминсъ, ан-

ствомъ у грековъ, русская модная терминологія французскаго происхожденія [1]) и т. д.

По такимъ болѣе или менѣе прочнымъ и многочисленнымъ слѣдамъ, которые оставляютъ въ языкахъ сношенія народовъ между собою и ихъ вліяніе другъ на друга, можно возстановить до извѣстной степени исторію ихъ умственнаго и культурнаго развитія. Такой рядъ заимствованныхъ словъ [2]), какъ ирійск. múr, дрвн. mûra, mûri, словинск. mir, малор. муръ, польск. mur, р. муровать, лит. múras, алб. mur, берущій свое начало изъ лат. murus, показываетъ, откуда получили данные народы каменностроительное искусство.

О культурномъ заимствованіи свидѣтельствуютъ также: лат. mina=греч. μνᾶ=еврейск., ассир. maneh, mana, откуда египетское mn и ведійское manâ, сводящіяся всѣ вмѣстѣ къ аккад.

тифонъ, антихристъ, апокалипсисъ, апостолъ, артосъ, архангелъ, архидіаконъ, архимандритъ, архи-пастырь, архіепископъ, архіерей, далматика, демественный, дискосъ, діаконъ, евангелистъ, евангеліе, евхаристія, екклесіастъ, екклесіархъ, ексархъ, ектенія, елей, епархія, епархъ, епископъ, епитимія, епитрахиль, ересь, еретикъ, еѳимоны, игуменъ, игуменья, идолъ, икона, ирмологій, ирмосъ, іерархія, іерархъ, іерей, іеродіаконъ, іеромонахъ, кадило, канонъ, катавасія, катехизисъ, каѳедра, каѳисма, каѳолическій, кивотъ, кимвалъ, киновія, клирикъ, клиросъ, кондакъ и т. д.

Готская: aikklesjo, aipiskaupei, aipiskaupus, aipistaule, aggilus, aivaggeli, aivaggelista, aivaggeljo, aivxaristia, alev, anap̄aima, apaustaulei, apaustaulus, arkaggilus. daimonareis, diabaulus, diakonus, hairaisis, hyssopo, nardus, paintekuste, parakletus, paraskaive, paurpura, praizbytairi, praufetes, psalma, synagoge и т. д.

[1]) Абажуръ, антука, аграмантъ, (les agréments), бандо, бильеду, біе, бланжевый (blanche), блонды, блуза, бордюръ, бортъ, ботфорты, бра, браслетъ, брошь, будуаръ, букля, букетъ, вальсъ, визитъ, воланъ, вуаль, газъ, гардеробъ, гарнитюръ (гарнитуръ уже черезъ посредство нѣмецкаго), грезетъ (grisette), гроденапль, гродетуръ, декольте, драдедамъ, жабо, жилетъ, жирандоль, кабинетъ, кабріолетъ, кадриль, камзолъ, камлотъ, канапе, канва, канделябръ, канитель, капишонъ, капотъ, кенкетъ, коленкоръ, колье, корсажъ, корсетъ, костюмъ, кринолинъ, куафёръ, куафюра, кушетка, ландо, лансье, левантинъ, люстра, люстринъ, мантилья, манто, медальонъ, модистка, моаре, неглиже, палевый цвѣтъ (jaune paille), пальто, панталоны, панье, папильотки, плиссе, портмоне, портфель, портшезъ, пудра, рандеву, ридикюль, рояль, салонъ, сервизъ, сертукъ (или сюртукъ), солитеръ, софà (французское удареніе), тафтà (taffetas), трипъ, тротуаръ, трюмò, туалетъ, тупей, фалбала. фарсъ, фасадъ, фасонъ, фаэтонъ (изъ греч.), фаянсъ и т. д.

[2]) O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte 1883, стр. 204, 2 изд. 1890. 206.

mana [1]); санскр. dînâra, заимствованное изъ греч. δηνάριον, откуда происходятъ и стсл. **динарь**, серб. динар, слов. denar, ит. denaro или danaro, рум. denarîĭ [2]); скр. dramma, сводящееся къ греч, δραχμὴ, откуда гот. dracma, стсл. **драхма**, серб. драм, рум. drahmŭ, тур. dirhém, dirém, болг. диремли (уже изъ турецкаго источника), алб. derhem (тоже изъ турецкаго), курд. dirhem [3]). Лат. pondus является источникомъ для гот. и др. сканд. pund, англо-сакс. pund, англ. pound, дрсакс. pund, дрвн. pfunt и т. д.; русское *фунтъ* = нѣм. pfund, а *пудъ* представляетъ болѣе древнюю форму заимствованія или изъ латинскаго, или изъ германскаго еще до передвиженія согласныхъ; къ этой же семьѣ принадлежатъ польск. pudek и серб. фунта [4]). Интересными образчиками такого рода культурныхъ заимствованій являются имена для большихъ чиселъ въ языкахъ аборигеновъ Тихаго океана, заимствованныя изъ европейскихъ языковъ (гл. образомъ англійскаго) вмѣстѣ съ чуждыми дотѣхъ поръ представленіями. Такъ на Сандвичевыхъ и Маркизскихъ островахъ 1000 = mila, на Таити и Гавайскихъ 100 = haneri (hundred) и tausani (thousand) и т. д. [5]).

Мы могли бы привести цѣлыя страницы подобныхъ примѣровъ, но и приведеннаго уже достаточно, чтобы показать значеніе заимствованныхъ словъ какъ для лингвиста, такъ и для историка культуры.

Но культурное заимствованіе не всегда лежитъ въ основѣ языковаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (правда, несравненно болѣе рѣдкихъ) мы встрѣчаемъ языковое заимствованіе, за которымъ не скрывается никакого культурнаго. Такъ, напримѣръ, въ англійскомъ языкѣ встрѣчаемъ параллельныя „классическія“ (романскаго происхожденія, заимствованныя) и „тевтонскія“ (природныя, гер-

---

[1]) O. Schrader. Linguistisch-historische Forschungen, стр. 126. H. Zimmer. Altindisches Leben. 1879, стр. 51.

[2]) O. Schrader. Linguist. histor. Forsch., стр. 136, а также Weber. A. Indische Beiträge zur Aussprache d. Griechischen.

[3]) O. Schrader. Linguist hist. Forsch., стр. 136.

[4]) Ср. тамъ же стр. 158.

[5]) L. Geiger. Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft. Stuttgart. 1868. I Bd., стр. 286.

манскаго корня) слова, обозначавшія первично одно и то же вполнѣ обыкновенное и извѣстное понятіе [1]).

Примѣрами могутъ служить:

ox || beef (boeuf), calf || veal (veau), swine || pork, sheep || mutton, holy || sacred, heavenly || celestial, deed || act, action, dale || vale, to heal || to cure, freedom || liberty и т. д.

Здѣсь разница значеній уже вторична и развилась очевидно впослѣдствіи уже на англійской почвѣ, приноровленная къ лексическому параллелизму, которымъ языкъ воспользовался для семасіологической дифференціаціи.

Часто заимствуются названія безнравственыхъ людей или учрежденій, хотя это обыкновенно совсѣмъ не значитъ, чтобы заимствующему народу были неизвѣстны сотвѣтствующія понятія. Такъ финикійское pillegesh заимствуется въ греческій въ видѣ παλλακίς (откуда лат. pelex), хотя рядомъ и имѣлось природное греческое слово πορνικός, перешедшее въ свою очередь въ армянскій въ видѣ pornik.

Изъ лат. meretrix происходитъ ирійск. mertrech (сюда же относится и русская Мелектриса Кирбитьевна, обязанная своимъ происхожденіемъ итальянскому meretrice, которое переводчикъ старинной повѣсти принялъ за собственное имя). У финновъ имѣются даже три заимствованныхъ названія для даннаго понятія: huora=шв. hora, portto (дрсканд. portkona) и kurva (заимствованное изъ русскаго) [2]).

Извѣстно также, что, при сношеніяхъ различныхъ народовъ между собою, скорѣе и легче всего усваиваются ругательныя и неприличныя слова, хотя не найдется народа, который не имѣлъ бы въ своемъ словарѣ большаго или меньшаго ихъ запаса. Для объясненія этого явленія слѣдуетъ имѣть въ виду сравнительную частоту употребленія извѣстныхъ словъ въ низшихъ общественныхъ классахъ, а также бо́льшую, сравнительно съ прочими словами, энергію, съ которой они произносятся.

---

[1]) Cp. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Первое изд. стр. 203 — 204. 2 изд. 1890, стр. 207.

[2]) Ibidem стр. 204. 2 изд. 1890, стр. 207.

Въ языкахъ литературныхъ заимствованіе чуждыхъ языковыхъ элементовъ часто является необходимымъ для приданія описанію или разсказу большей точности или живости, смотря по тому, какая цѣль имѣется въ данномъ случаѣ: научная или художественная (такъ называемый „мѣстный колоритъ“) [1]).

Кромѣ необходимости, въ заимствованіи играетъ также роль извѣстная аффектація, мода, манерность [2]). Этимъ объясняется смѣшеніе природной рѣчи съ отдѣльными словами и цѣлыми предложеніями чужаго языка, каковое имѣетъ, напримѣръ, мѣсто въ языкѣ европейской аристократіи относительно французскаго языка.

Но культурное вліяніе и здѣсь, такъ или иначе, всегда является сопутствующимъ факторомъ.

Въ подобныхъ случаяхъ чужая культура, а отсюда и чужой языкъ, имѣютъ бо́льшую цѣну и привлекательность, чѣмъ свои собственные [3]).

Заимствованія этого рода имѣютъ обыкновенно очень эфемерный характеръ, будучи часто вызываемы прихотью минуты, случаемъ, но извѣстная часть ихъ все-таки сохраняется и держится иногда еще въ языкѣ низшихъ классовъ общества, въ то время, какъ классы, первично заимствовавшіе, давно уже ихъ утратили.

Такъ, народный русскій языкъ сохранилъ выраженіе „для близиру“ (для виду, на показъ,=фр. plaisir, съ народнымъ словопроизводствомъ отъ „близь, близкій“), совсѣмъ уже не встрѣчающееся въ языкѣ образованныхъ классовъ. Такой же случай имѣется въ народн. *оказія* (фр. occasion). Въ народной пѣснѣ до сихъ поръ поется объ „аломъ гризетѣ“, давно уже позабытомъ въ высшихъ слояхъ. Извѣстно, что разговорный языкъ русскаго образованнаго общества прошлаго столѣтія изобиловалъ массой преимущественно французскихъ словъ, изъ которыхъ въ употребленіи уцѣлѣла сравнительно незначительная часть.

Нѣкоторыя слова сохранились только въ простонародномъ языкѣ, какъ вышеприведенные примѣры. Въ нѣмецкихъ народныхъ гово-

---

[1]) Ср. Paul. Principien d. Sprachgeschichte, 2 Aufl., стр. 340.
[2]) Ср. Schuchardt. Slawo-deutsches und slawo-italienisches., стр. 81.
[3]) Ср. Paul. Principien, стр. 339—340.

рахъ до сихъ поръ употребительно adrett (изящный, ловкій) = франц. adroit, исчезнувшему уже изъ языка высшихъ классовъ и т. д.

Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ заимствованіе является слѣдствіемъ культурнаго общенія народовъ между собою, то отсюда само собой вытекаетъ предположеніе, что съ развитіемъ международныхъ сношеній должно увеличиваться и количество заимствованныхъ словъ въ соотвѣтственныхъ языкахъ. Дѣйствительно, въ новѣйшихъ культурныхъ языкахъ мы встрѣчаемъ несравненно болѣе заимствованныхъ словъ, чѣмъ въ древнихъ, а также и современныхъ некультурныхъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы заимствованіе не имѣло мѣста въ древнихъ языкахъ или было въ размѣрахъ, едва заслуживающихъ вниманія, какъ склонны были думать ученые старой школы въ родѣ Гейзе.

Прежде всего необходимо замѣтить, что наши свѣдѣнія о заимствованіяхъ, сдѣланныхъ индо-европейскими языками, весьма недостаточны. Мы можемъ опредѣлить только заимствованія, сдѣланныя уже въ эпоху историческую, послѣ раздѣленія индо-европейскаго праязыка на отдѣльные языки; заимствованія же, сдѣланныя этимъ праязыкомъ въ эпоху доисторическую, до раздѣленія и переселенія племенъ, наука пока не въ состояніи выдѣлить изъ общаго лексическаго состава индо-европейскихъ языковъ и, вѣроятно, никогда не будетъ въ силахъ сдѣлать это.

Весьма вѣроятно такимъ образомъ, что многія или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ словъ, считаемыхъ общеарійскими, природными словами, были заимствованы въ праязыкъ отъ сосѣднихъ народовъ [1]). Многія заимствованія, сдѣланныя уже въ отдѣль-

[1]) Ср. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. 1-е изд., стр. 161: «уже a priori вѣроятно, что во всѣхъ индогерманскихъ языкахъ имѣется подъ индогерманской одеждой извѣстный запасъ словъ, который никогда нельзя будетъ свести къ общему индогерманскому доисторическому періоду, по той простой причинѣ, что онъ происходитъ отъ языковъ доиндогерманскихъ и не индогерманскихъ. Выдѣлить подобныя слова въ какомъ-либо объемѣ, при почти совершенномъ отсутствіи свѣдѣній относительно этихъ доиндогерманскихъ языковъ, будетъ, конечно, всегда невозможно».

K. Brugmann. «Zur Frage nach den Verwandschaftsverhältnissen der indog.

ныхъ языкахъ въ доисторическую и даже въ историческую эпоху, нельзя выдѣлить по неимѣнію для этого средствъ, о которыхъ мы еще будемъ говорить ниже.

Кромѣ чисто апріористическихъ соображеній о возможности заимствованій въ доисторическія эпохи, мы имѣемъ и цѣлый рядъ положительныхъ фактовъ, подтверждающихъ вѣроятность этихъ соображеній по аналогіи.

Такъ, напримѣръ, въ греческомъ языкѣ имѣется извѣстное количество словъ, заимствованныхъ изъ семитическихъ языковъ (еврейскаго, финикійскаго, арамейскаго и т. д.).

Проф. А. Мюллеръ [1]) насчитываетъ въ старомъ греческомъ немного болѣе сотни словъ, которыя обыкновенно принято считать за имѣющія семитическое происхожденіе. Изъ этого количества онъ выдѣляетъ около тридцати, несомнѣнно семитическихъ. Въ позднѣйшемъ греческомъ имѣется также извѣстное количество словъ, заимствованныхъ изъ латинскаго.

Особенно сильно вліяніе греческаго языка на латинскій, въ которомъ имѣется большое количество словъ, перешедшихъ изъ греческаго. Число этихъ заимствованій въ Index graecorum vo-

---

Sprachen» (Techmer. Internationale Zeitschrift für die allgem. Sprachwissenschaft. Bd. I. H. I. стр. 250), говоритъ по этому поводу: «...мы вовсе не знаемъ, какъ часто въ доисторическія времена одинъ языкъ заимствованъ отъ сосѣднихъ языковъ. Если принять во вниманіе, какъ часто имѣли мѣсто заимствованія словъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ въ историческія времена, то очень мало вѣроятно, чтобы въ доисторическія времена имѣлись только такія немногочисленныя перенесенія словъ, какія можно было до сихъ поръ выдѣлить при помощи звуковыхъ законовъ или какъ-нибудь иначе». Далѣе: «поэтому, вѣроятно, что въ собраніяхъ словъ, долженствующихъ доказать ближайшую связь двухъ сосѣднихъ языковъ, попадается не одно сопоставленіе, которое слѣдовало бы оставить, такъ какъ данное слово на одной сторонѣ является заимствованнымъ».

Ср. также L. Geiger. Urspr. d. Sprache u. d. Vernunft т. I, стр. 298: «заимствованія имѣли мѣсто въ чудовищныхъ (ungeheuer) размѣрахъ; и именно слова переходили изъ одного языка въ другой частью пѣликомъ со своими звуками, частью только со своимъ понятіемъ въ переведенномъ видѣ...» Ниже: «эти явленія не ограничиваются одними новыми языками и не касаются однихъ только единичныхъ матеріальныхъ понятій: они появляются уже въ первобытныя времена и въ примѣненіи къ понятіямъ, которыя мы должны считать за основныя...»

[1]) Semitische Lehnworte im älteren Griechisch (Bezzenb. Beitr. z. K. d. idg. Spr. 1877. Bd. I).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

cabulorum in linguam latinam translatorum Saalfeld'a (Berlini MDCCCLXIV) доходитъ приблизительно до 1.800; въ изслѣдованіи же Вейзе [1]) перечень ихъ занимаетъ 218 страницъ въ большую восьмую, что, по среднему разсчету по тридцать три слова на страницу, составляетъ болѣе 7.000 словъ (7.200). Сверхъ того въ греческомъ имѣется также небольшое количество заимствованій изъ санскрита, которыхъ А. Веберъ насчитываетъ девятнадцать, хотя изъ этого числа кое-что придется исключить, какъ не вполнѣ достовѣрное [2]).

О санскритскихъ заимствованіяхъ изъ греческаго языка мы говорили уже выше. Кромѣ того въ санскритѣ съ большой вѣроятностью предполагаютъ извѣстное количество словъ, взятыхъ изъ дравидическихъ языковъ, а въ новыхъ индійскихъ языкахъ эти заимствованія и очень замѣтны. Если мы вспомнимъ еще, что каждый изъ такъ-называемыхъ „первичныхъ“ языковъ представляетъ массу словъ, встрѣчающихся только въ немъ одномъ и не подтверждаемыхъ другими родственными языками, такъ что корни ихъ не могутъ быть опредѣлены, что имѣется значительное количество спеціально индійскихъ, спеціально греческихъ, спеціально латинскихъ, германскихъ, славянскихъ и т. д. словъ, если вспомнимъ, кромѣ того, сколько совершенно неизвѣстныхъ и темныхъ въ исторіи народовъ исчезло, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, то намъ сдѣлается яснымъ, что заимствованіе въ такъ-называемыхъ „первичныхъ“ языкахъ могло быть въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это принято было думать.

Заимствованіе изъ другаго языка можетъ быть двухъ родовъ: предметомъ заимствованія могутъ быть цѣлыя слова или части словъ (суффиксы, префиксы, въ ограниченныхъ размѣрахъ даже флективныя окончанія), причемъ до извѣстной (правда, весьма ограниченной) степени возможно даже усвоеніе чужихъ звуковъ, т. е. предметомъ заимствованія является чужой, языковой мате-

---

[1]) Weise. Die griechischen Wörter im Latein. Gekrönte Preisschrift. Leipzig. Hirzel. 1882, gr. 8o VIII + 546 стр. Также п. з. Preisschriften der fürstlich Jablonowski'schen Gesellschaft zu Leipzig. Bd. XXIII.

[2]) A. Weber. Indische Beiträge zur Geschichte der Aussprache d. Griechischen. Monatsberichte d. Berliner Akademie. December 1871.

ріалъ, заимствуется внѣшняя форма слова. Затѣмъ можетъ быть другой случай, когда слово по своему матеріалу, по звукамъ, корню и прочимъ морфологическимъ частямъ (суффиксамъ, префиксамъ и т. д.) является вполнѣ природнымъ и ничѣмъ не изобличаетъ своего иностраннаго происхожденія, которое обнаруживается только при сравненіи его внутренняго строенія (или принципа его строенія) со строеніемъ соотвѣтствующаго иностраннаго слова.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ перенесеніемъ чужой внутренней формы слова (того, что Гумбольдтъ и Штейнталь называютъ innere Sprachform), съ заимствованіемъ духовнаго, не матеріальнаго характера. Къ подобнаго рода заимствованіямъ относятся такъ называемые германизмы, галлицизмы, полонизмы и т. д. т. е. буквальные переводы или перенесенія чужихъ оборотовъ рѣчи цѣлыхъ фразъ или ходячихъ формулъ.

Примѣрами подобнаго заимствованія могутъ служить;

р. выглядѣть=нѣм. aussehen, откуда также ведутъ свое начало чешское vyhlížeti, польск. wyglądać и серб. изгледати.

р. вліяніе, п. wpływ, ч. vplyv, также сводящіяся къ нѣмецкому Einfluss, которое, въ свою очередь, восходитъ къ лат. influentia (фр. influence, англ. influence, ит. influenza) и т. д.

р. предметъ (слово, сдѣланное въ прошломъ вѣкѣ), которое какъ и польск. przedmiot (вѣроятно служившее образцомъ для русскаго), обязано своимъ происхожденіемъ не совсѣмъ точному переводу нѣм. Objekt (лат. objectus, къ которому сводится и нѣм. Gegenstand).

р. обстоятельство=нѣм. Umstand,=лат. circumstantia (фр. circonstance и т. д.).

нѣм. barmherzig (р. милосердый)=лат. misericors и т. д.

ит. prelezione (студенческій терминъ у австрійскихъ итальянцевъ)=Vorlesung [1]).

Польско-русское podobny na słońce (похожій на солнце) вм. р. do słońca.

---

[1]) Schuchardt. Slawo-deutsches..., стр. 25.

австрійско-нѣмецкое: sich spielen (подъ вліяніемъ словинскаго igrati se, польск. bawić się),

„ sich weiben, sich mannen (Gottscheever Mundart: слов. ženiti se, možiti se) [1].

словино-нѣмецкое: sich lernen (učiti se) [2].

Польско-нѣмецкое: sich beleidigen (obrazić się: Schuchardt, Slawo-deutsches. 110).

Словинское: mi gre dobro (es geht mir gut. Ibidem 96).

Словинское: in den Städten sind alle Häuse gebaut, такъ какъ zidati значитъ и *bauen*, и *mauern* (ibidem).

Въ Силезіи и сѣверной Богеміи, также въ венгерскихъ горахъ: bleibt in Gottes Namen=ч. zůstávejte s Pánem Bohem=п. zostańcie z Panem Bogiem (ibidem).

Польско-нѣмецкое: die Klage austragen (wynieść skargę. Ibidem).

Примѣры подобныхъ перенесеній при предлогахъ:

польск. chorować na zęby вызываетъ польско-нѣмецкое auf den Zähnen krank sein (ibidem, 115).

„ na drugi dzień — ankommen auf den andern Tag (ibidem).

Словинское: auf den Hof des Königs gehen (подъ вліяніемъ — na kraljev dvor. Ibidem).

Чешско-нѣмецкое: auf die Messe (na mši); auf Bier gehen (na pivo); auf Kaffee geladen (na kafe).

Польско-нѣмецкое: er ist mit ihr geschieden (z nią rozłączony. Ibidem стр. 116), zum Widersehen — do widzenia (стр. 117) и т. д.

Подобныхъ перенесеній внутренней формы слова мы найдемъ много и въ болѣе отдаленныя времена:

стсл. **аггело-гласьнъ**	(ἀγγελόφωνος)	**аггело-видьнъ**	(ἀγγελοειδής)
		„ **зрачьнъ**	
аггело-лѣпьнъ	(ἀγγελοπρεπής)	„ **образьнъ**	

---

[1]) Ibidem, стр. 109.

[2]) Ibidem.

багроносьнъ (πορφυροφόρος)
багрѣно-постланъ (πορφυρόστρωτος)
„ **-родьнъ** (πορφυρογέννητος,-φυτος)
балъванотворѥниѥ (ἀγαλματοποιΐα)
басно-дѣꙗниѥ (μυθοποιΐα)
„ **словити** (μυθολογεῖν)
„ **словиѥ** (μυθολογία)
беꙁакониѥ (ἀνομία)
беꙁаконьнъ (ἄνομος)
беꙁаконьновати (ἀνομεῖν)
беꙁбогъ,-божьнъ (ἄθεος)
беꙁбожьство,-божиѥ (ἀθεΐα)
беꙁбоꙗꙁниѥ (ἀφοβία)
беꙁбѣдьнъ (ἀκίνδυνος)
беꙁвиньнъ (ἀναίτιος)
беꙁводиѥ (ἀνυδρία)
беꙁгласиѥ (ἀφονία)
беꙁгодиѥ (ἀωρία)
беꙁдоушиѥ (ἀψυχία)
беꙁдѣтиѥ (ἀτεκνία) и т. д.
благовидьнъ (ἐυειδὴς)
„ **вониѥ** (ἐυωδία)
благо-вѣствиѥ } (εὐαγγέλιον)
„ **-вѣсть** }
„ **-глагольнъ** (εὔλαλος)
„ **-гласиѥ** (εὐφωνία)
„ **-давьць** (ἀγαθοδότης)
„ **-дѣтель** (ἐυεργέτης) и т. д.
„ **-плавати** (εὐπλοεῖν)
„ **-родьнъ** (εὐγενής)
„ **-словити** (εὐλογεῖν)
богато-любивъ (φιλοπλούσιος)
бого-блаженъ (θεομακάριος)
„ **-борьнъ** (θεομάχος)
„ **-лѣпъ** (θεοπρεπής)
„ **-словиѥ** (θεολογία)
брако-крадьца (γαμοκλόπος)
брато-любьствиѥ (φιλαδελφία)
брѣмено-носьць (ἀχθοφόρος)
боуѥ-словиѥ (μωρολογία) и т. д.
прѣ-больство (ὑπερβολή)
прѣ-даниѥ (προδοσία)
прѣ-датель (προδότης)
прѣди-теча (πρόδρομος)
прѣдъ-вести (προάγειν)
„ **-градиѥ** (προάστειον)
„ **-мыслиѥ** (προθυμία)
„ **-написаниѥ** (praescriptio)
прѣдъ-ображениѥ (πρόσχημα)
прѣдъ-сѣдатель (praeses)
„ **-сѣдати** (praesidere)
самовластьць (αὐτοκράτωρ)
самотворець (αὐτοποιός)
съвойникъ } (συστρατιώτης)
съвоинъ }
съвѣсть, съвѣдь (συνείδησις, conscientia)
съгласиѥ (συμφωνία, concentus)
сѫпрѫгъ (σύζυγος, conjux) и т. д.

Къ этой же категоріи заимствованій принадлежатъ такіе галлицизмы и германизмы, какъ: разъ я берусь сдѣлать то и то— я сдѣлаю=une fois, que je m'en charge..., дѣлать кого-либо несчастнымъ (faire quelqu'un malheureux), считаться съ чѣмъ-

нибудь (tenir compte de quelque chose или sich rechnen mit), разсчитывать на кого или что (compter sur), имѣть жестокость, проходить молчаніемъ, хранить молчаніе (silentium servare), предпослать что чему, имѣть что нибудь противъ, быть слишкомъ добрымъ или умнымъ, чтобы..., имѣть что сказать или возразить, раздѣлять чьи либо чувства или мысли, трогательный (touchant), немыслимый (undenkbar), сосредоточить (concentrer), начитанный (belesen), начитанность (Belesenheit), развитіе (développement или Entwickelung), утонченный (raffiné), осмотрительный (umsichtig), предусмотрительный (vorsichtig) и т. д.

Въ началѣ своего употребленія заимствованное слово принадлежитъ языку только немногихъ индивидуумовъ и отъ нихъ передается путемъ заимствованія „одноязычнаго“ или „однопочвеннаго“ (см. выше стр. 7) все большему и большему кругу говорящихъ тѣмъ же языкомъ [1]). Въ этомъ отношеніи исторія такого слова та же, что и всякаго новаго слова. Распространеніе извѣстнаго заимствованія находится также въ зависимости отъ того, какому кругу идей оно принадлежитъ: извѣстныя слова остаются надолго и часто навсегда въ тѣсномъ кругу тѣхъ или другихъ спеціалистовъ, не выходя за его предѣлы, причемъ и въ этомъ тѣсномъ кругу онѣ распространяются постепенно, другія сейчасъ же или скоро по своемъ заимствованіи становятся достояніемъ болѣе широкихъ слоевъ общества или и всего народа.

Заимствуясь въ извѣстный языкъ, чужое слово подвергается дѣйствію звуковыхъ и морфологическихъ законовъ, имѣющихъ силу въ языкѣ въ данное время, и принимаетъ вслѣдствіе этого извѣстныя фонетическія и морфологическія особенности, характеристичныя для заимствующаго языка. Такъ какъ между звуками любыхъ двухъ языковъ всегда имѣется болѣе или менѣе значительная разница, дающая себя чувствовать въ произношеніи даже вполнѣ бѣгло владѣющихъ чужимъ языкомъ, и такъ какъ вполнѣ точное воспроизведеніе чужихъ звуковъ требуетъ спеціальнаго упражненія въ этомъ, то при заимствованіи всегда происходитъ

[1]) Ср. Paul. Principien 2. стр. 340.

подстановка природныхъ, привычныхъ звуковъ на мѣсто чужихъ [1]). Вслѣдствіе этого постояннаго условія заимствованіе отдѣльныхъ чужихъ звуковъ является невозможнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое заимствованіе, повидимому, имѣетъ мѣсто, какъ, напримѣръ, въ русскихъ словахъ

благодать (blъɣâdát')
съ Бóгомъ (zbóɣъm),

заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго, или

графъ, филенка (Füllung), фонетика,

идущихъ изъ нѣмецкаго и грѣческаго (звуки ɣ и f въ независимомъ положеніи первично чужды русскому языку), заимствованные звуки уже имѣются въ звуковой системѣ даннаго языка.

Такъ заднеязычный звонкій спирантъ ɣ имѣется и въ природныхъ русскихъ словахъ:

когда, всегда, иногда (kâɣdá, fs'æɣdá, jьnâɣdá),

гдѣ онъ вполнѣ законенъ фонетически и обязанъ своимъ появленіемъ (изъ звонкаго заднеязычнаго взрывнаго *г*) фонетической диссимиляціи. Звукъ *ф* (f) также имѣется въ природныхъ русскихъ словахъ и является результатомъ комбинаторнаго измѣненія зубно-губнаго спиранта *в* (v) въ глухой въ концѣ словъ или передъ слѣдующимъ глухимъ согласнымъ:

головъ (gâlóf), Петровъ (p'ætróf), готовъ (gâtóf) и т. д.
всѣ (fs'æ), готовься (gâtóf's'â), въ свой... (fsvój), мутовка (mutófkâ) и т. д.

Заимствованіе звуковъ, совершенно чуждыхъ звуковой системѣ заимствующаго языка, никогда не имѣетъ мѣста. Такъ фр. robe ronde переходитъ въ русскій въ видѣ *робронд*ъ, гдѣ носовой гласный уже замѣненъ сочетаніемъ гласнаго съ подходящимъ носовымъ согласнымъ, т. е. *н*. Такой же случай представляетъ *вензель* = польск. węzieł.

Но, получая такимъ образомъ извѣстную, если можно такъ выразиться, окраску, присущую тому или другому языку въ моментъ заимствованія въ него даннаго слова и соединяющую его въ одну общую семью съ другими, природными словами, заим-

[1]) Cp. Paul. Principien. 2. стр. 340—341.

ствованное слово все же остается чуждо принявшему его языку по своему звуковому составу и строенію или по исторіи своихъ составныхъ частей, хотя бы это и трудно было замѣтить съ перваго взгляда.

Возьмемъ, напримѣръ, русское слово „телефонъ“, заимствованное изъ „международнаго“ греческаго языка (о такихъ международныхъ языкахъ см. ниже), употребляемаго для различныхъ научныхъ и техническихъ терминовъ. Это слово произносится русскими:

t'ьl'æfón,

тогда какъ нѣмецъ, заимствовавшій также это слово, произноситъ его иначе—

tæl'æfón (Telefon),

причемъ, разумѣется, всѣ гласные и согласные звуки будутъ въ большей или меньшей степени отличаться отъ соотвѣтствующихъ русскихъ. Итальянецъ заимствуетъ это слово въ видѣ:

telefónio

опять съ извѣстной разницей въ звукахъ отъ нѣмецкой и русской формъ. Кромѣ того и въ морфологическомъ отношеніи это слово принимаетъ въ его языкѣ другой видъ. Французъ опять иначе заимствуетъ это слово, а именно какъ téléphon, и т. д.

Въ языкахъ съ опредѣленной, неподвижной системой ударенія заимствованное слово принимаетъ и новое удареніе:

ит. fenéstra переходитъ въ нѣмецкомъ въ Fenster.
лат. feniculum „ „ „ „ Fenchel
„ flagellum „ „ „ „ Flegel
„ forestum „ „ „ „ Forst
„ cerefolium „ „ „ „ Kerbel
„ catena „ „ „ „ Kette
„ cerasum „ „ „ „ Kirsche
„ magister „ „ „ „ Meister
„ monacus „ „ „ „ Mönch
„ monasterium „ „ „ „ Münster
„ moneta „ „ „ „ Münze
греч. πεντεκόστη „ „ „ „ Pfingsten

лат.	predicare	„	„	„	„ predigen
„	signare	„	„	„	„ segnen
„	tractarius	„	„	„	„ Trichter
„	vocatus	„	„	„	„ Vogt и т. д.

Въ польскомъ языкѣ, напримѣръ, заимствованныя слова имѣютъ удареніе на второмъ слогѣ: kościół (castellum), bassarunek (Besserung), ładunek (Ladung) и т. д.

Во французскомъ удареніе будетъ на послѣднемъ слогѣ и т. д.

Въ старомъ англійскомъ въ собственныхъ именахъ: A'bimeleh, A'chaia, A'ndreas, A'pollinus, и т. д.

Въ неизмѣненныхъ заимствованіяхъ: básilisca, crístallus, ístoria, kálendas и т. д.

Въ другихъ случаяхъ: ceren = carenum, cycene = coquīna, cymen = cumīnum, mynet = monēta, mynster = monasterium и т. д. brêfian = breviare, offrian = offerre, pinsian = pensare, prôfian = probare и т. д. [1]).

Если чужое слово и принимаетъ окраску заимствующаго языка, чуждое его происхожденіе не можетъ быть окончательно замаскировано. Такъ, въ вышеприведенномъ русскомъ словѣ

t'ьl'æfón

звукъ f въ подобномъ положеніи (въ серединѣ слова и въ началѣ слога) чуждъ русскому языку, самые корни, давшіе это сложеніе, отсутствуютъ въ русскомъ языкѣ и, наоборотъ, природны въ греческомъ. Если звукъ f и природенъ нѣмецкому языку, за то корни tele и phon такъ же, какъ и въ русскомъ, не имѣютъ нѣмецкихъ родичей, не связаны никакими ассоціаціями съ природными нѣмецкими словами и потому не могутъ быть понятны тому, кто не знаетъ по гречески. То же должно сказать, mutatis mutandis, и объ итальянской или французской формѣ даннаго слова.

Такимъ образомъ, критерія, по которому мы заключаемъ о непринадлежности извѣстнаго слова данному языку и о его иноязычномъ происхожденіи, мы должны искать въ его фонетиче-

[1]) Ср. *Pogatscher*, Alois. Zur Lautlehre der griechischen, lateinischen und romanischen Lehnworte im Altenglischen. Strassburg. 1888, стр. 17, 18, 19.

скихъ, морфологическихъ и даже семасіологическихъ особенностяхъ. Мы узнаемъ заимствованныя слова по ихъ строенію или виду, чуждому для того языка, въ который они попали, т. е. противорѣчащему его звуковымъ и прочимъ законамъ [1]).

Въ такихъ случаяхъ, напримѣръ, какъ заимствованныя въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго

градъ, страна, гладъ, хладъ и т. д.,

противорѣчитъ фонетическимъ законамъ русскаго языка сочетаніе *-ра-*, *-ла-*, соотвѣтствующее основно-славянскому -or-, -ol-, литовскому -ar-, -al-, и вмѣсто котораго мы ожидали бы -оро-, -оло-, имѣющееся въ природныхъ русскихъ словахъ:

городъ, сторона, голодъ, холодъ и т. д.

Въ словахъ: *среда, древесный, прибрежный* и т. д. встрѣчаемъ слогъ *-ре-* (стсл. и цсл. -рѣ-), который соотвѣтствуетъ основно-славянскому -er-, дающему *-ере-* въ природныхъ русскихъ формахъ: *середа, середка, дерево, берегъ* и т. д.

Изъ этого противорѣчія мы заключаемъ, что данныя слова не природны въ русскомъ языкѣ и попали въ него изъ церковно-славянскаго. Между тѣмъ, еслибы эти же самыя слова были заимствованы изъ церковно-славянскаго въ сербскій или чешскій языки, мы не имѣли бы возможности выдѣлить ихъ изъ природнаго лексическаго состава этихъ языковъ, такъ какъ эти послѣдніе раздѣляютъ данныя фонетическія особенности со старо-славянскимъ и его книжнымъ видоизмѣненіемъ—церковно-славянскимъ языкомъ.

Можетъ быть также случай, что слово заимствуется въ языкъ до наступленія извѣстнаго звуковаго процесса и, подвергаясь его дѣйствію, измѣняется настолько, что отличить его отъ природныхъ словъ бываетъ трудно или просто невозможно. При этомъ, конечно, чѣмъ раньше было заимствовано слово, тѣмъ большему числу звуковыхъ процессовъ оно подвергается. Отсюда и проис-

[1]) *O. Schrader.* Sprachvergleichung und Urgeschichte 1883. стр. 201: «нашъ единственный вѣрный критерій того, имѣемъ ли мы дѣло съ тождествомъ, основаннымъ на праязыковомъ родствѣ, или съ заимствованіемъ, сводится къ правильности или неправильности звуковыхъ отношеній, отвѣчающихъ другъ другу въ извѣстномъ рядѣ словъ».

ходитъ упомянутая уже нами трудность выдѣленія заимствованій, сдѣланныхъ языками въ доисторическую пору [1]).

Такъ латинское tûs, tûris (ѳиміамъ), заимствованное изъ греческаго θύος, θύε(σ)ος еще до наступленія процесса такъ назыв. ротацизма въ латинскомъ, подверглось этому процессу, какъ любое природное латинское слово. Такимъ образомъ, это слово нельзя было бы отличить отъ природныхъ, если бы въ немъ не замѣчалось еще неправильное соотвѣтствіе лат. t греческому θ. Въ другихъ случаяхъ въ родѣ лат. mâlum || гр. μῆλον и т. п., совсѣмъ нѣтъ указаній на ихъ чуждое происхожденіе [1]).

При отсутствіи всякихъ внѣшнихъ признаковъ иноязычнаго происхожденія критеріемъ можетъ служить (далеко не всегда) значеніе слова. Этотъ семасіологическій критерій, однако, можетъ быть примѣняемъ только съ большой осторожностью въ виду того, что семасіологія до сихъ поръ пока представляетъ собой одинъ изъ наиболѣе трудныхъ и сложныхъ и въ то же время наименѣе разработанныхъ отдѣловъ науки о языкѣ. Приложеніе этого критерія допускаютъ болѣе всего слова, заимствованныя изъ близкородственныхъ языковъ и имѣющія въ данномъ языкѣ параллельныя природныя слова. Въ подобныхъ случаяхъ слова заимствованныя часто имѣютъ значеніе болѣе широкое и отвлеченное въ сравненіи съ параллельными природными, имѣющими болѣе узкое и конкретное значеніе. Ср., напримѣръ, французскія параллели:

acheter || accepter (acceptare)
chef || cap (caput)
champ || camp (campus)
chevalier || cavalier

---

[1]) Ср. J. Schmidt. Die Verwandschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar 1872, стр. 25: «Отдѣлить слова, которыя были заимствованы (такъ какъ входившіе во взаимный обмѣнъ языки стояли тогда еще ближе другъ къ другу, чѣмъ въ историческія времена) до вступленія въ дѣйствіе звуковыхъ законовъ, дающихъ позднѣе критерій заимствованія, или слова, формы которыхъ согласуются съ звуковыми особенностями обоихъ данныхъ языковъ, отъ первично родственныхъ мы до сихъ поръ еще не въ состояніи». Ср. также V. Hehn. Italien. [3] (1887) стр. 171.

[2]) Ср. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. 2 изд. 1890, стр. 204.

devin || divin (divinus)
frêle || fragile (fragilis)
noël || natal (natalis)
peser || penser (pensare)
sevrer || séparer (separare) и т. д.

Подобныя же русскія параллели:

голова || глава, сторона || страна, огородить || о-градить,
солодковый || сладкій и т. д.
рожать || рождать, свѣтить || о-свѣщать и т. д.

Примѣромъ такого случая, гдѣ значеніе помогаетъ намъ узнать заимствованное слово, или, точнѣе, заимствованное значеніе, могутъ служить такія русскія параллели, какъ
мужъ (conjux), жена (uxor) || мужъ (vir, homo), жена (femina).

Первыя значенія этихъ словъ принадлежатъ словамъ природно-русскимъ (или во всякомъ случаѣ усвоеннымъ весьма рано), вторыя словамъ, заимствованнымъ изъ церковно-славянскаго въ позднѣйшее время. Каждая пара при полномъ отсутствіи фонетическихъ признаковъ совпала съ другой совершенно, такъ что въ дѣйствительности мы имѣемъ только единичныя слова *мужъ*, *жена*, имѣющія, каждое, два значенія.

Для нашего языковаго чутья слова эти въ значеніи vir, femina имѣютъ такой же высокопарный оттѣнокъ, какъ *глава*, *брада*, *брегъ* и др. подобныя, несомнѣнно церковно-славянскія слова.

И дѣйствительно, мужъ = vir, жена = femina народному языку совсѣмъ чужды и дома только въ книжномъ языкѣ. Аналогичный случай представляетъ собой индостанское (урду) Dev, имѣющее также два значенія: природное — *богъ* и усвоенное изъ персидскаго (Div или Dev) — *дьяволъ* [1]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя открыть непосредственнаго источника заимствованія, хотя оно и совершилось на нашихъ глазахъ. Такъ, напримѣръ, приведенное уже выше русское слово

телефонъ,

несомнѣнно заимствованное, не природное, попало въ русскій языкъ

[1]) Ср. Grünbaum. Mischsprachen und Sprachmischungen. Berlin. 1885, стр. 3 и слѣд.

весьма недавно, но непосредственнаго источника, изъ котораго оно взято, мы не можемъ указать. Даже въ томъ случаѣ, если бы мы прослѣдили по разнымъ періодическимъ, техническимъ и общимъ изданіямъ исторію распространенія этого слова и нашли бы мѣсто, гдѣ оно употреблено впервые, все же едва ли оказалось бы возможнымъ доискаться, изъ какого собственно современнаго языка слово было взято. По своимъ составнымъ частямъ слово это несомнѣнно греческаго происхожденія, но очевидно не могло быть заимствовано изъ греческаго, тѣмъ болѣе, что въ древно-греческомъ языкѣ оно отсутствуетъ, а въ ново-греческомъ не можетъ быть первичнымъ въ силу условій культурныхъ [1]). Самая форма слова не вполнѣ сохраняетъ характерныя черты греческаго словообразованія, такъ какъ въ греческомъ мы ожидали бы τελέφωνος. Во французскомъ мы имѣемъ téléphon, въ англійскомъ telephon, въ нѣмецкомъ Telephon и т. д. Который изъ этихъ языковъ послужилъ источникомъ для русскаго слова, сказать на основаніи одного фонетическаго критерія невозможно.

Въ сущности открытіе непосредственнаго источника заимствованія въ данномъ и подобныхъ случаяхъ не имѣло бы даже почти никакого значенія въ смыслѣ языковомъ. Такъ, упомянутый только что терминъ возникъ вмѣстѣ съ понятіемъ въ Америкѣ, но былъ чужимъ и заимствованнымъ еще на этой своей родинѣ. Гораздо важнѣе для насъ первичный источникъ даннаго слова, взятаго изъ „международнаго“, какъ мы можемъ назвать его, греческаго языка. Въ наукѣ и техникѣ мы встрѣчаемъ массу подобныхъ терминовъ греческаго и латинскаго происхожденія, употребляющихся болѣе или менѣе одинаково у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Эта масса съ каждымъ годомъ увеличивается новыми подобными же образованіями.

Въ своей совокупности термины [2]) эти образуютъ настоящій всеобщій или международный языкъ, имѣющій также діалектиче-

---

[1]) Слово téléphonie во французскомъ встрѣчается задолго до изобрѣтенія телефона у Берліоза (Soirées de l'orchestre 1853. Paris. P. 324).

[2]) Ср. объ ученыхъ латинскихъ и греческихъ словахъ французскаго языка A. Darmesteter. De la création actuelle de mots nouveaux dans la langue française et des lois qui la regissent. Paris 1877. Часть II, главы XI—XVI.

скія различія (ср. фр. téléphon, ит. telefónio, русск. t'ьlæfón и т. д.), какъ и любой живой языкъ. Правда, кругъ идей, выражаемыхъ этимъ языкомъ, сравнительно ограниченъ, равно какъ и его употребленіе (преимущественно книжное), но языкъ этотъ постоянно растетъ и развивается, а кругъ его употребленія расширяется вмѣстѣ съ успѣхами науки и цивилизаціи. Польза, приносимая подобнымъ международнымъ языкомъ, очевидна и въ дѣйствительности перевѣшиваетъ далеко пользу, которую могутъ принести различные искусственные суррогаты, въ родѣ волапюка, pasilingua, langue internationale nèo-latine и т. д.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ совершенно своеобразнымъ явленіемъ, свойственнымъ исключительно новѣйшимъ временамъ и не имѣющимъ себѣ предшественниковъ въ древней исторіи человѣчества.

Претерпѣвъ болѣе или менѣе значительное измѣненіе (подстановка природныхъ звуковъ на мѣсто чужихъ) въ самый моментъ заимствованія, чужое слово продолжаетъ подвергаться различнымъ измѣненіямъ и по своемъ принятіи въ другой языкъ. Чуждое по своему морфологическому составу, не связанное семасіологическими и прочими ассоціаціями съ другими словами и поэтому непонятное, оно измѣняется легко и разнообразно. Измѣненія его являются или слѣдствіемъ недослышки, причемъ слово воспринимается другимъ иначе, чѣмъ было произнесено, или слѣдствіемъ недостаточно твердаго запоминанія говорящимъ, причемъ слово измѣняется опять въ его устахъ.

Такимъ образомъ открывается широкое поле дѣйствія какъ для такъ-называемыхъ „спорадическихъ“ звуковыхъ измѣненій такъ и для народнаго словопроизводства, играющаго при этомъ очень выдающуюся роль. Примѣромъ подобныхъ „спорадическихъ“ измѣненій могутъ служить, напримѣръ:

обще-русское тминъ (t'm'in)=гр. κύμινον, евр. kummōn, лат. cuminum, стсл. **кюмнкъ**, польское kmin. Благодаря полной этимологической обособленности этого слова, не имѣющаго въ русскомъ никакихъ родственныхъ словъ, по которымъ можно было бы исправить его произношеніе, произношеніе народа (говорящаго

въ извѣстныхъ мѣстностяхъ: *тислый, диря, типпть* и т. д., вмѣсто кислый, гиря, кипѣть) перешло и къ образованнымъ классамъ. Образованный русскій никогда не станетъ говорить *тислый, типпть* и т. д., такъ какъ его поддерживаетъ письменный, книжный языкъ, но говоритъ и пишетъ *тминъ;* онъ никогда не скажетъ *анделъ* (án'd'ъl) вмѣсто *ангелъ* (ἄγγελος), потому что въ его языкѣ, находящемся подъ вліяніемъ книжнаго и церковнаго языка, имѣется болѣе „правильная“ форма. у многихъ поддерживаемая еще знаніемъ греческаго или латинскаго слова. Но онъ такъ же, какъ и масса, говоритъ и пишетъ *крендель* (kr'ɛ́n'd'ъl'), такъ какъ происхожденіе этого слова изъ нѣмецкаго Kringel ему въ огромномъ большинствѣ случаевъ или совсѣмъ неизвѣстно, или никогда не приходитъ въ голову. Аналогичное измѣненіе *к* въ *т* находимъ въ давнишнемъ заимствованіи *витязь*, стсл. **витазь**, серб. витез, ч. vitěz, п. zwycięzca, вл. vićaz, = сканд. (исл.) vikingr, агс. wiccing. Фамилія *Акатьевъ* = Акакіевъ и народное имя *Авдотья* вмѣсто Евдокія (гр. Εὐδοκία) такъ же пишутся, какъ и произносятся народомъ, произношенію котораго слѣдуетъ въ данныхъ случаяхъ и образованный человѣкъ, если не желаетъ придавать своей рѣчи характеръ неестественной, манерной изысканности.

Образчиками подобныхъ книжныхъ и народныхъ параллельныхъ формъ одного и того же заимствованнаго слова могутъ также служить нѣмецкія:

Corporal || Kaporal, Sergeant || Scharsant, Gensd'armes || Schandarre, renovieren || rennefiren и т. д. [1]).

Въ приведенныхъ русскихъ случаяхъ измѣненіе *к, г* въ *т, д* произошло въ устахъ народа, гдѣ оно не имѣетъ „спорадическаго“ характера, а охватываетъ всѣ однородные звуки въ опредѣленныхъ условіяхъ; затѣмъ народныя формы этихъ заимствованій были въ другой разъ заимствованы въ языкъ образованныхъ классовъ, гдѣ ихъ соотвѣтствіе *к—т, г—д* уже является „спорадическимъ“, т. е. не имѣетъ никакой фонетической причины и,

[1]) См. Paul. Principien d. Sprachgeschichte [2] стр. 343.

слѣдовательно, совершенно чуждо звуковому составу книжнаго языка.

Съ другой стороны фонетическія измѣненія въ заимствованныхъ словахъ наступаютъ вообще скорѣе, чѣмъ въ природныхъ, что объясняется опять уже упомянутымъ отсутствіемъ ассоціативныхъ связей съ другими словами языка, лексической ихъ обособленностью. Такъ, напримѣръ, слово *портулакъ* превращается въ устахъ народа въ *протулакъ* (prʂtulák, а въ сильно „акающихъ“ говорахъ prâtulák), *портупе́я* въ *протупея*, хотя природное слово *портомойня* обыкновенно не претерпѣваетъ такого метатезиса въ виду связи съ *порты*, *портки* [1]).

Здѣсь фонетическій процессъ весьма тѣсно соприкасается съ другимъ факторомъ, играющимъ весьма важную роль въ обезличиваніи иностранныхъ словъ и ихъ пріурочиваніи къ заимствующему языку, — съ народнымъ словопроизводствомъ (являющимся однимъ изъ видовъ морфологической ассимиляціи или такъ называемой аналогіи). Такъ, форма *протулакъ* имѣетъ уже болѣе „русскій“ видъ, чѣмъ *портулакъ*, такъ какъ здѣсь уже возможно безсознательное этимологическое разложеніе слова на части *про-* и *-тулакъ*, изъ которыхъ первая совпадаетъ съ природнымъ предлогомъ *про-*, а вторая объединяется въ одну морфологическую группу со словами типа *кулакъ*, *буракъ*, *дуракъ* и т. д. Подобный же „метатезисъ“ имѣетъ въ народной формѣ *протупея* вмѣсто книжной *портупея*, болѣе близкой къ своему французскому источнику (porte-épée); здѣсь опять привходитъ элементъ народнаго словопроизводства, разлагающаго слово какъ бы на *про-* и *-тупея*, гдѣ чувствуется звуковая близость къ основѣ *туп-*, *тупой* и т. д.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ трудно сказать, что собственно является ближайшей причиной измѣненія внѣшней формы слова— фонетическій ли процессъ такъ называемаго метатезиса, или безсознательное стремленіе „осмыслить“ чужое слово, т. е. придать ему болѣе русскій, привычный видъ.

[1]) Впрочемъ, въ Дополненіи къ Областному Великорусскому Словарю находимъ и формы: *протомоя*, *протомывка*.

Примѣровъ подобныхъ измѣненій, вызванныхъ вліяніемъ народнаго словопроизводства и морфологической ассимиляціи, мы найдемъ массу во всѣхъ языкахъ.

Такъ, напримѣръ, въ нѣмецкомъ языкѣ: Armbrust (какъ бы Arm и Brust) явилось изъ средне-латинскаго arbalista, arcubalista [1]); въ словѣ Pilgrim (древн. piligrîm, взятое изъ средне-лат. peregrînus) окончаніе -grim вм. -grin обязано своимъ *m* морфологической ассимиляціи къ такимъ природнымъ собственнымъ именамъ, какъ Isegrim и т. д. [2]); латинское pyrethron (греч. πύρεθρον—растеніе жигунецъ) изъ ср.-нѣмецкаго birtron превращается въ Bertram, какъ бы собственное имя [3]); латинское betonicula (отсюда срвнѣм. batônje) въ Bathengel (также растеніе) [4]); Karfunkel = лат. carbunculus (срвн. Karbunkel), какъ бы отъ глагола funkeln [5]); названіе цвѣта bleu mourant превращается въ Blümerant (уподобленіе къ Blume—цвѣтокъ) [6]); французское новообразованіе (книжное) similor (похожій на золото) въ устахъ книжнообразованныхъ и знакомыхъ съ латинскимъ языкомъ принимаетъ форму semilor (полузолото) [7]). Нѣмецкое Felleisen = срвн. velîs, заимствованному изъ фр. valise. Слово осмыслено, какъ бы состояло изъ Fell и Eisen (Kluge. Etym. Wbuch d. d. Spr.). Особенно богатъ такими фактами народный языкъ, гдѣ изъ radikal дѣлается rattekahl, изъ horribel — harûbel, изъ famos — fermos и даже vermost, изъ justement—just am End и т. д. [8]); Stearinlichter превращаются въ Sternlichter, а unguentum Neapolitanum въ umgewendter Napoleon; pneumatische Post (новинка въ Берлинѣ) осмысляется въ neumodische Post (газета Post. 1887. № 120 B. B. Zur Sprachreinigung) и т. д.

---

[1]) См. F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch d. deutsch. Sprache. 4 изд. 1889, стр. 11.

[2]) См. Andresen. Ueber deutsche Volksetymologie. 3 изд. Heilbronn. 1878, стр. 167.

[3]) Kluge. Ibidem, стр. 26. Andresen. Ibid., стр. 156.

[4]) Kluge. Ibid. стр. 21. Andresen. Ibid, стр. 158.

[5]) Andresen. Ibidem, стр. 160.

[6]) Ibidem, стр. 190.

[7]) Ibidem, стр. 160.

[8]) Ibidem, стр. 75.

Весьма часты подобныя измѣненія въ географическихъ именахъ: славянскія Branibor и Mezibor, превращаются въ Brandenburg и Merseburg (Andresen. Ueber d. Volksetymologie, стр. 110); нижне-лужицкія Selésna (желѣзная) въ Sellessen [1]), Hussoka (высокая), вѣроятно черезъ болѣе древнюю форму Wysoka въ Weissagk [2]) подъ вліяніемъ weiss; Luboras въ Lieberose [3]); кельтское Vitodurum въ древн. Winturdûra, а это въ Winterthur, латинское Claudii forum въ Klagenfurt, Venustus mons въ Finstermünz и т. д. [4]).

Въ восточныхъ прусскихъ (силезскихъ) народныхъ говорахъ Kalinkenbeere (заимствованіе изъ польскаго kalinka, русск. калина) превращаются въ Kalkbeere (Kalk известка) и Kaninchenbeere (кроличьи ягоды) [5]).

Французскими примѣрами могутъ быть:

Beaupré, заимствованное изъ голландскаго Bugsprit (какъ бы beau+pré) [6]); choucroute, заимствованное изъ нѣмецкаго Sauerkraut или, вѣрнѣе, изъ діалектическаго Sûrkrût и осмысленное, какъ бы состояло изъ chou и croûte [7]), ridicule изъ réticule (лат. reticulum) подъ вліяніемъ прилагательнаго ridicule (лат. ridiculus).

Солдаты ландвера (Landwehr) въ послѣднюю франко-прусскую войну назывались langues vertes [8]). Sanglier не имѣетъ ничего общаго съ sang и имѣетъ въ основѣ лат. singulus (болѣе позднее, книжное заимствованіе есть singulier), vendredi ничего общаго съ vendre (=Veneris dies) и т. д.

Русскими подобными примѣрами могутъ служить: *расшива* (Reiseschiff) какъ бы отъ *раз-+шить; филенка* (нѣм. Füllung) съ такимъ же суффиксомъ, какъ *дѣвченка, коровенка* и т. д.

[1]) См. Buttmann. Die deutschen Ortsnamen. Berlin. 1856, стр. 104. Zwahr. I. G. Niederlausitz-wendisch-deutsches Handwörterbuch. Spremberg. 1847, стр. 320.
[2]) Buttmann. стр. 74. Zwahr, стр. 126.
[3]) Buttmann, стр. 91. Zwahr. стр. 194.
[4]) Andresen. Ueber deutsche Volksetymologie, стр. 113.
[5]) Schuchardt. Slawo-deutsches und Slawo-italienisches, стр. 65.
[6]) Andresen, стр. 28.
[7]) Ibidem, стр. 27.
[8]) Ibidem, стр. 31.

(морфологическая ассимиляція); *рынду-бей* (морской терминъ = англ. ring the bell); *битенъ* (морской терминъ) въ арханг. говорѣ превращается въ *битвень, битвенница; некрутъ*, народное вмѣсто *рекрутъ*, какъ бы *не*+*крут* въ *крутить, крутой* и т. д. *карасинъ* вмѣсто *керосинъ* (народное словопроизводство отъ *карась*); *рубль* едва ли имѣетъ что общее съ *рубить* и одинаковымъ образомъ можетъ быть заимствованіемъ съ Востока (рупія); діалект. *докоманно, докомонно, докоманный* (основательно, точно, подлинно), въ основѣ которыхъ очевидно лежитъ иностранное слово „*документъ*“ и, можетъ быть, „*документально*“, превращаются въ *доконно, доконный* подъ вліяніемъ *доконъ* = до+конъ (ср. *удоконъ* = договоръ: Каз. губ.); *конвой* превращается въ *конбой*, (какъ бы *конь* и *бой* [1]); *рубка* (каюта на палубѣ) = англ. roof, голл. roef, и опять не имѣетъ ничего общаго съ *рубить; налой* = греч. ἀναλόγειον чувствуется какъ на+лой; *выбленка* = нѣмецкому Webeling чувствуется какъ бы словомъ, сложеннымъ съ предлогомъ *вы-; высокосный* = лат. bissextilis разлагается какъ бы на *высокій* и *косный; Царское село* есть первоначально *Сарское село* (финское Saari); *крылосъ* = гр. κλῆρος или лат. clerus и съ *крыломъ* не имѣетъ никакой связи; народное *великáтный* = деликатный (délicat); *куролесить* также является результатомъ народнаго словопроизводства, которая изъ двухъ этимологій этого темнаго слова (χόριε-ἔλεισον или χοραύλης) и не была бы настоящей [2]); *кипарисъ* (κυπάρισσος) измѣняется въ *капарисъ* или *купарисъ* (Духовные Стихи). *Известка* (діалектическое *извяска* какъ бы изъ+вязкій) не заключаетъ въ себѣ никакого предлога *изъ* и заимствовано изъ греческаго ἀσβέστης, ближайшимъ рефлексомъ котораго является форма *известъ*, какъ бы разлагающаяся на изъ+вѣсть.

Островъ Голодай около Петербурга и Гороховая улица въ немъ

---

[1]) Оп. Обл. Слов.

[2]) Ср. однако Садовниковъ. Загадки русскаго народа. Загадка № 2105. идутъ лѣсомъ, поютъ куролесомъ, несутъ деревянный пирогъ съ мясомъ (похороны), или: шли плотники лѣсомъ, пѣли куролесомъ, несли пирогъ съ мясомъ (№ 24695).

*

по преданію получили свои названія отъ нѣкогда тамъ обитавшихъ англичанина Holyday и нѣмца Гарраха [1]). Солдаты передѣлываютъ фамилію своего генерала *Бистрома* въ *Быстрова* [2]). Изъ иностранныхъ фамилій: Пагенкампфъ, Косъ фонъ Даленъ, Гамильтонъ, Левенштейнъ, получаются русскія: Поганковъ [3]), Козодавлевъ [4]), Хомутовъ, Левшинъ [5]).

Въ духовныхъ стихахъ Волотоманъ превращается въ Володиміра, Володимера съ одной стороны и Малодумора съ другой.

Солдатъ, записывая народное чтеніе о землетрясеніяхъ, превращаетъ Лиссабонъ въ Лисадонъ и т. д. [6]).

Польское kościół есть заимствованіе изъ латинскаго — castellum, пріуроченное впослѣдствіи къ природному kość, bawełna (какъ бы ba+wełna, гдѣ сдѣлана понятной хотя бы вторая часть) =нѣм. Baumwolle.

Obstalować=нѣм. bestellen; makótra (малорусск. *макитра*, будто для терки маку)=греч. μάκτρα; собственное имя Στέφανος заимствуется въ видѣ Szczepan, лат. cortex превращается въ korek; Liebstöckel въ lubistek (какъ бы отъ lubić) и т. д. [7]).

Измѣненія заимствованныхъ словъ подъ вліяніемъ народнаго словопроизводства имѣли мѣсто и въ древнихъ языкахъ:

Такъ индійскія рѣки являются у греческихъ писателей въ такомъ видѣ:

Irâvati=Ὑδραώτης; Vipâç=Ὑφασις, Ὑπανις, Βίπασις, Βιβασις [8]); Vitastâ=Ὑδάσπης, Hiraṇyabâhu=Ἐραννοβόας.

Зендское huperetu превращается въ Εὐφράτης и т. д. У Птоломея (Geogr. 7. 1) Chandravatî обращается въ Σανδράβατις, а у

---

[1]) См. Карновичъ. Родовыя прозванія и титулы въ Россіи. 1886, стр. 86 и 42.

[2]) Ibidem, стр. 41.

[3]) Ibidem, стр. 42.

[4]) Ibidem, стр. 236.

[5]) Ibidem, стр. 65.

[6]) Ср. также другіе аналогичные примѣры въ статьѣ М. Савинова. Народная этимологія на почвѣ языка русскаго. Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1889, т. XXI, стр. 13—58.

[7]) Ср. Karłowicz. Słoworód ludowy. Kraków. 1878. Passim.

[8]) Zimmer. Altindisches Leben. Berlin. 1879, стр. 11

Діодора Сиц. (17. 93) Chandraguptas и Chandramas въ Σανδράκοπτος и Σανδράμης.

Арамейское dikela заимствуется въ греческій въ видѣ δάκτυλος; еврейское shikomāh въ видѣ συκάμινος, συκόμορος, συκομωρέα; санскритское pundarikas въ видѣ πάνθηρ, египетское chennuh (извѣстная мѣра) превращается въ σχοῖνος и т. д. [1]); латинское saxifraga въ σαρξίφαγος (пожирающій мясо).

Въ заимствованныхъ собственныхъ именахъ встрѣчаемъ то же явленіе: Θίνυς (Θῆβαι) = егип. t. ape, финикійскій городъ на островѣ Кипрѣ—Chamath превращается въ Ἀμαθοῦς (т. е. песчаный городъ отъ ἄμαθος, ἄμμος—песокъ, пыль); финикійскій же богъ Мелехъ или Молохъ послужилъ источникомъ для Зевса Μειλίχιος (сладостный); егип. Har pe chrat (Гаръ—дитя, ребенокъ) превращается въ Ἁρποκράτης и т. д. [2]).

Въ греческихъ собственныхъ именахъ, заимствованныхъ изъ латинскаго:

Βίβλος вмѣсто Bibulus, Ἀσύλλιος вмѣсто Asellius (какъ бы отъ συλάω), Νουμήτωρ вмѣсто Numitor (какъ бы Νοῦς+μήτωρ, какъ Φιλομήτωρ и т. п.), Λεύκουλλος, Λεύκιος, Λευκανία=Lucullus, Lucius, Lucania, Δολαβέλλας, откуда Δολοβέλλας (какъ бы отъ δόλος) вмѣсто Dolabella и т. д.

Латинскій языкъ заимствовалъ греч. γλυκύῤῥιζα въ видѣ liquiritia (ср. liquere), μηλόφυλλον въ видѣ millefolium, ὀρείχαλκον въ видѣ aurichalcum [3]), ὀψώνιον въ видѣ obsonium (какъ бы ob+sono), ἐγγυθήκη въ видѣ incitega [4]) и т. д.

Въ собственныхъ именахъ: Agrigentum=гр. Ἀκράγας (уподобленіе къ ager), Maleventum=гр. μαλόεις и т. д. [5]).

Подвергаясь подобнымъ измѣненіямъ какъ фонетическаго, такъ и морфологическаго свойства, заимствованное слово въ концѣ-концовъ перестаетъ чувствоваться чуждымъ и въ представленіи огром-

[1]) См. Weise. O. Wortentlehnung und Wortschöpfung. Steinthal. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, т. XIII, стр. 244.
[2]) Ibidem, стр. 243.
[3]) Weise, O. Die griechischen Wörter im Latein. Leipzig. 1882, стр. 73.
[4]) Ibidem, стр. 69.
[5]) Ibidem, стр. 68.

наго большинства говорящихъ ничѣмъ не разнится отъ всякаго другаго роднаго, природнаго слова. Въ связи съ этимъ обыкновенно принято различать двѣ категоріи заимствованій: слова усвоенныя или заимствованныя въ тѣсномъ смыслѣ (въ нѣмецкой лингвистической терминологіи Lehnwörter) и слова чужія или иностранныя (Fremdwörter).

Къ первой категоріи учеными принято относить заимствованія, утратившія свой иностранный видъ въ силу фонетическихъ или морфологическихъ причинъ и уже не чувствуемыя иностранными; если мы обратимъ вниманіе на ихъ исторію, то найдемъ въ большинствѣ случаевъ, что они вошли въ языкъ во времена, болѣе или менѣе отдаленныя. Таковы, напримѣръ, русскія слова:

анисъ, буква, бутылка, витязь, жаловать, жалованье, известка, кадка, кадило, казна, князь, комната, корабль, лошадь, наканунѣ, палаты, плита, попъ, поститься, пушка (древн. buhsa изъ греческаго πυξίς), рубль, сапогъ, стекло, суббота, таможня, тминъ, хлѣбъ царь, церковь, школа, якорь и т. д.

Нѣмецкія: Abenteuer (срвн. âventiure=фр. aventure), Abt (срвн. abt, abbet, древн. abbat=среднелат. abbas, abbat-), Almosen (древн. alamuosan, alamôsan=греч. ἐλεημοσύνη), Anker (древн. anchar=лат. ancora), Armbrust (срвн. armbrust=ср. лат. arballista, arcubalista), Arzt (древн. arzat, срвн, arzât, arzet=срлат. archiater=греч. ἀρχιατρός), Banner (фр. bannière), Bibel (гр. лат. biblia), Bischof (древн. biscof, срвн. bischof=ἐπίσκοπος), Brief (древн. и срвн. brief=лат. brevis), Brille (срвн. barille, berille, brille=лат. гр. beryllus), Butter (срвн. buter = ср.лат. butyrum=греч. βούτυρον), Dattel (срвн. datel=итал. dattilo=греч. δάκτυλος), dichten (срвн. tihten, древн. tihtôn = лат. dictare), Drache (срвн. trache, древн. trahho=лат. draco), Essig (л. acêtum), Estrich (срлат. astricus), Fenster (срвн. vęnster, древн. vęnster=лат. fenestra), Fieber (срвн. vieber, древн. fiebar=лат. febris), Flaum (срвн. phlûme, древн. pflûma=лат. plûma), Forst (срвн. vorst, forest, древн. forst=срлат. foresta), Insel (срвн. insel=лат. insula), Kaiser (срвн. keiser, древн. keisar=caesar), Kammer (срвн. kamer, древн. chamara=лат. camara=гр. καμάρα),

Kelch (срвн. kęlch, дрвн. chęlih, kęlih = лат. calix), Kerker (срвн. karkære, kęrkære, дрвн. karkâri=лат. carcer), Kette (срвн. kęten = лат. catena), kirche (срвн. kirche, дрвн. chirihha = греч. κυριακόν), Münster (срвн. münster, дрвн. munustiri = лат. гр. monastêrium), Münze (срвн. münze, дрвн. munizza=лат. monêta), pfeifen (срвн. pfîfen=лат. pipare), Pferd (срлат. paraverêdus, parifredus), Pfingsten (срвн. pfingsten=гр. πεντεκοστή), Pfirsich (срвн. pfërsich = лат. persicum), Pflanzé (срвн. pflanze, дрвн. pflanza=лат. planta), Pflaster (срвн. pflaster, дрвн. pflastar=греч. ἔμπλαστρον), Pflaume (срвн. pflûme=лат. prûnum), Pforte (срвн. pforte, дрвн. pforta=лат. porta), Pfund (срвн. дрвн. pfunt=лат. pondo), Pilz (срвн. bülez, дрвн. buliz=лат. bôlêtus), Segen (срвн. sëgen, дрвн. sëgan=лат. signum), Siegel (срвн. sigel=sigillum), Stiefel (срвн. stivel, stivâl=ит. stivále=срлат. aestivale), Vogt (срвн. vogt, дрвн. fógat=срлат. vocâtus) и т. д.

Латинскія: caduceus=гр. κηρυκεῖον, κηρύκιον; canistrum=κάναστρον; catapulta=καταπέλτης; cupressus=κοπάρισσος; funda=*σφονδα, σφενδόνη; obsonium = ὀψώνιον; obsono = ὀψωνείω; incitega=ἐγγυθήκη; liquiritiœ=γλυκόῤῥιζα и т. д.

Греческія: βάλσαμον (евр. bésheém), βύσσος (евр. buths), δέλτος (евр. délét), μνᾶ (евр. máneh), νάβλας и νάυλας (евр. nébél), παλλακίς (pillegesh), συκάμινος (shikomáh) и т. д.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ только ученому лингвисту ясно ихъ чужеземное происхожденіе; для природнаго же русскаго, нѣмца, римлянина, грека они не представляютъ (или не представляли) ничего чуждаго.

Ко второй категоріи относятъ слова, чуждое происхожденіе которыхъ чувствуется уже и не лингвистомъ; время ихъ заимствованія въ языкъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не такъ отдаленно, какъ у словъ предшествовавшей категоріи. Благодаря послѣднему обстоятельству, они не успѣли еще сильно измѣниться, такъ что ихъ иностранное происхожденіе ничѣмъ не замаскировано.

Примѣрами подобныхъ заимствованій могутъ служить рус-

скія слова: *аббатъ, аберрація, авансцена, автографъ, адвокатъ, администраторъ, адресъ, адъютантъ, акцентъ, акціонеръ*, и безчисленное множество подобныхъ словъ, доходящее въ (очень плохихъ и вполнѣ ненаучныхъ) словаряхъ иностранныхъ словъ русскаго языка до 40, 75 и болѣе тысячъ. Словарь иностранныхъ словъ нѣмецкаго языка Loof'a насчитываетъ до 90,000 такого рода заимствованій. Другіе языки не менѣе богаты заимствованіями этой категоріи.

Это раздѣленіе заимствованій на двѣ категоріи—словъ усвоенныхъ и чужихъ страдаетъ очень важнымъ недостаткомъ, а именно критеріемъ здѣсь служатъ не какіе-либо внутренніе или внѣшніе признаки разсматриваемаго слова, а субъективное чувство изслѣдователя. Мы напрасно стали бы искать у лингвистовъ, какъ современныхъ, такъ и принадлежащихъ прошедшему времени, иного, болѣе точнаго опредѣленія, чѣмъ даваемое Шлейхеромъ въ его книгѣ „Deutsche Sprache“ (1874. 3 изд., стр. 115—116):

„Тупость нашего языковаго чутья доходитъ до такихъ размѣровъ, что мы по большей части совсѣмъ не чувствуемъ чуждыми слова, заимствованныя изъ чужихъ языковъ въ раннія эпохи; эти болѣе древнія составныя части (языка) мы называемъ „усвоенными словами“ (Lehnworte) въ противоположность новымъ, еще не акклиматизировавшимся и производящимъ на каждаго чуждое впечатлѣніе „чужимъ словамъ“ (Fremdworte).

Пауль въ главѣ своихъ Principien der Sprachgeschichte, посвященной заимствованію, совсѣмъ обходитъ молчаніемъ вопросъ о дѣленіи заимствованій на только что помянутыя категоріи [1]). Профессоръ Тоблѐръ въ брошюрѣ „Die Fremden Wörter in der Deutschen Sprache (Basel 1872, 56 стр.)“ даетъ опредѣленіе „усвоенныхъ“ словъ, ничѣмъ не разнящееся отъ опредѣленія Шлейхера. По его словамъ они... „уже довольно рано проникли въ языкъ, вслѣдствіе этого уже пустили въ немъ достаточно

[1]) Попытка установить болѣе точное понятіе «чужаго» слова (Fremdwort) была сдѣлана нѣкіимъ Strackerjan'омъ въ статьѣ Ueber das Bürgerrecht der Fremdwörter in d. deutschen Sprache (Vietor. Zeitschrift für Orthographie 1880. I Bd. стр. 40 и сл., 67 и сл., 86 и слѣд.), но неудачно.

прочные корни, какъ бы получили права гражданства, *натурализировались* или *націонализировались*, слѣдовательно большею частью почти потеряли отпечатокъ своего иностраннаго происхожденія, такъ что только историческое языкознаніе, а не общее языковое чутье приноситъ съ собой сознаніе ихъ происхожденія“ (стр. 12).

Благодаря неопредѣленности критерія, во многихъ случаяхъ неизбѣжно должны возникать колебанія и сомнѣнія относительно принадлежности слова къ той или другой категоріи.

Трудность рѣшенія, возникающая при этомъ, увеличивается тѣмъ, что дѣйствительно имѣется переходный классъ словъ, не принадлежащихъ ни къ той, ни къ другой категоріи [1]).

Такое слово, напримѣръ, какъ *струбцынка* или *струбцынга* (Schraubenzwinge), не можетъ быть причислено ко второй категоріи „чужихъ“ или „иностранныхъ“ словъ, такъ какъ уже далеко отошло отъ своего источника, а къ первой категоріи его трудно отнести въ виду его непонятности и дикости для русскаго уха. Если первая его половина—*струб-* и совпадаетъ съ сложной основой *с+руб-* (народное *струб-*), то вторая—*цынка* не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ русскомъ языкѣ. Поэтому образованному и необразованному русскому, который никогда не видалъ столярнаго инструмента, носящаго приведенное названіе, оно такъ же мало скажетъ, какъ любое слово чуждаго и незнакомаго языка. Также затруднительна классификація такихъ случаевъ, какъ напримѣръ, *алтынъ*, *амбаръ*, *арканъ*, *кафтанъ*, *казакъ*, *курганъ* (тюркскія слова) или *баржа*, *дьяконъ*, *куполъ*, *роза-* (болѣе народная форма—*розанъ*) и т. д. [2]), которые представляютъ собой совсѣмъ или почти не измѣненныя иностранныя слова. Всѣ эти слова народъ, не колеблясь ни мало, признаетъ своими природными, исконными словами. Какъ иллюстрацію къ

[1]) Ср. о трудности различенія въ подобныхъ случаяхъ то, что говоритъ одинъ изъ изслѣдователей заимствованныхъ словъ—Эбель въ рецензіи на книгу Köhne. Werthung der Fremdwörter in d. deutschen Sprache (Kuhn's Zeitschrift Bd. II. 1853).

[2]) Фр. barge, лат. греч. διάκονος, фр. coupole или нѣм. Kuppel, лат. rosa, фр. rose, или нѣм. Rose.

этому, мы позволимъ себѣ привести небольшой анекдотъ изъ исторіи нашей Академіи Наукъ, слышанный нами отъ академика О. Н. Бётлинга: одинъ изъ академиковъ, авторъ „Общесравнительной грамматики русскаго языка“, давно уже умершій, бывшій противъ иностраннаго слова „шрифты“, желалъ замѣнить его (на листѣ съ образчиками „шрифтовъ“ академической типографіи) славянскимъ словомъ „письмена“, что, въ свою очередь, казалось фактору типографіи неудобнымъ и совсѣмъ неподходящимъ. Тогда этотъ послѣдній нашелъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, предложивъ замѣнить спорное слово кореннымъ, по его мнѣнію, русскимъ словомъ *литеры*, точнѣе передающимъ понятіе иностраннаго *шрифты* и происходящимъ по его глубокому убѣжденію отъ русскаго глагола *литъ*.

Въ виду ненадежности принятаго субъективнаго критерія для различенія словъ заимствованныхъ отъ словъ чужихъ и отсутствія какихъ-либо опредѣленныхъ и рѣзкихъ границъ между этими двумя категоріями, намъ кажется необходимымъ искать объясненія чуждому характеру извѣстныхъ заимствованныхъ словъ не въ болѣе недавнемъ перенесеніи ихъ въ языкъ [1]), а въ какихъ-либо другихъ условіяхъ. Мы видѣли, что есть слова, заимствованныя давно, совсѣмъ не измѣнившіяся (какъ приведенныя выше тюркскія) и все же не производящія чуждаго впечатлѣнія, тогда какъ рядомъ съ ними есть слова, принятыя недавно, уже измѣнившіяся и все же остающіяся непривычными и дикими (какъ *струбцынка*, напримѣръ). Въ то же время отрицать разницу во впечатлѣніи, производимомъ на насъ, положимъ, словами *казна* или *князь* съ одной стороны и словами *параллаксъ* или *дифференціація* съ другой, также не представляется возможнымъ.

Чуждое впечатлѣніе, производимое на насъ „иностранными“ словами, находится въ зависимости отъ трехъ причинъ: непонятности ихъ корней, не имѣющихъ родичей въ принявшемъ ихъ языкѣ, ихъ обособленнаго положенія, находящагося въ связи съ этимъ, и ихъ болѣе рѣдкаго употребленія. Изъ этихъ трехъ при-

[1]) Какъ это дѣлаютъ Шлейхеръ и Тоблеръ въ приведенныхъ выше цитатахъ (стр. 40—41) изъ ихъ сочиненій.

чинъ, несомнѣнно самую главную роль играетъ послѣдняя, а самую незначительную первая (ср. *казакъ*, *курганъ* или *дьяконъ*, *куполъ* и т. д.). Такія слова, какъ *аберрація*, *экваторъ*, *параллаксъ* и т. д. (я нарочно беру рѣдко употребляемыя слова), не имѣютъ родичей и не связаны, слѣдовательно, съ другими словами психическими ассоціаціями, которыя у природныхъ словъ или у словъ весьма давно заимствованныхъ въ высшей степени разнообразны и многочисленны. Если мы возьмемъ, напримѣръ, слово *экваторъ*, то въ памяти нашей ему отзовется прежде всего слово *экваторіальный*, затѣмъ, можетъ быть, слово *Эквадоръ*, имя южно-американской республики, уже болѣе отдаленное и связанное съ первыми непосредственной ассоціаціей сходства и болѣе слабымъ представленіемъ, что республика эта находится около экватора (ассоціація смежности). У знающаго же латинскій языкъ семья эта примкнетъ къ aequus, aequalis, æquare и т. п., которыя дадутъ ему основное значеніе для всѣхъ вышеприведенныхъ словъ. Подобныхъ связей у слова *параллаксъ* будетъ гораздо меньше (прежде всего будетъ чувствоваться только связь префикса *пара-* съ другими словами, гдѣ онъ встрѣчается) и т. д. Частота употребленія всѣхъ этихъ словъ очень незначительна и будетъ колебаться сообразно съ родомъ занятій говорящаго: такъ, географъ или астрономъ чаще будетъ встрѣчаться съ подобными терминами и употреблять ихъ, чѣмъ, напримѣръ, средній образованный человѣкъ, музыкантъ и т. д.

Если мы возьмемъ другое, болѣе употребительное иностранное слово, напримѣръ, *сцена*, то сейчасъ же замѣтимъ, что оно производитъ болѣе „русское“, привычное впечатлѣніе, чѣмъ, положимъ, *параллаксъ* или *аберрація*. Причинами этого будутъ: во-первыхъ, случайное звуковое совпаденіе съ нѣкоторыми русскими словами (какъ бы съ+цѣна). Звуковыя сочетанія слова вполнѣ обычны въ русскомъ и могли бы принадлежать коренному русскому слову. Кромѣ того, хотя слово это также не имѣетъ многочисленныхъ родичей (сцена, сценическій), но за то гораздо чаще употребляется и потому привычнѣе, чѣмъ приведенныя выше слова.

Если для сравненія мы обратимся къ какой нибудь природ-

ной семьѣ словъ, какъ, напримѣръ, *свѣт-* (свѣт-ать, свѣт-ить, свѣчка, свѣтлый, свѣтелка, свѣтецъ, о-свѣщать, про-свѣщать, освѣтительный, освѣщеніе, просвѣтитель и т. д.) и прослѣдимъ внутри ея всѣ родственныя связи, то увидимъ, какъ онѣ разнообразны и многочисленны въ сравненіи съ подобными же связями какого-нибудь иностраннаго слова. Частота употребленія также будетъ несравненно выше, чѣмъ у самаго употребительнаго иностраннаго слова. Благодаря этимъ многочисленнымъ родственнымъ связямъ, въ основаніи которыхъ лежитъ психическій законъ ассоціаціи идей, и частому употребленію, каждое слово приведенной семьи намъ привычно и не можетъ поражать своимъ страннымъ видомъ, какъ поражаютъ, положимъ, *аберрація* и *параллаксъ*. Между тѣмъ корень *свѣт-* въ сущности нисколько не понятнѣе для насъ, чѣмъ корни этихъ иностранныхъ словъ, такъ какъ общее понятіе, имъ означаемое, составляется только изъ всей совокупности видовыхъ, частныхъ понятій, означаемыхъ отдѣльными членами данной этимологической и семасіологической семьи. Уничтожьте всѣ другіе члены этой семьи, оставивъ только слово *свѣтъ*, и оно перестанетъ быть понятнымъ, какъ любое иностранное или русское слово, слышимое впервые и одинокое въ нашей памяти.

Отсюда видна относительность понятій, соединяемыхъ съ терминами *чужое* и *заимствованное* слово. Мы видимъ, что время заимствованія и измѣненія, претерпѣнныя словомъ въ принявшемъ его языкѣ, не имѣютъ въ данномъ случаѣ рѣшающаго значенія. Семасіологическая обособленность можетъ быть также наблюдаема въ одинаковой степени у природныхъ и чужихъ словъ. Наиболѣе важнымъ факторомъ является т. о. частота употребленія, которая можетъ совершенно замѣнять отсутствіе родственныхъ этимологическихъ и семасіологическихъ связей, вполнѣ парализировать чуждое впечатлѣніе, производимое извѣстнымъ словомъ, хотя бы и сохранившимъ вполнѣ свою иностранную структуру, и придать ему совершенно привычный, знакомый видъ.

Пока не будутъ вполнѣ изучены и сведены къ болѣе или менѣе точнымъ формуламъ ассоціативныя связи между членами

отдѣльныхъ семасіологическихъ и этимологическихъ группъ или гнѣздъ и опредѣлена частота употребленія этихъ членовъ, до тѣхъ поръ дѣленіе заимствованій на двѣ общепринятыя категоріи *усвоенныхъ* и *чужихъ* словъ всегда будетъ страдать субъективизмомъ и неизбѣжнымъ отсутствіемъ научной точности.

Безспорно, принадлежность заимствованнаго слова къ той или другой категоріи находится въ извѣстной зависимости отъ времени его заимствованія. Мы имѣемъ несомнѣнныя основанія ожидать, что многія изъ словъ, принадлежащихъ теперь къ категоріи чужихъ или иностранныхъ словъ, благодаря разнымъ фонетическимъ и морфологическимъ измѣненіямъ, утратятъ свой иностранный видъ и перейдутъ въ категорію усвоенныхъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что и слова этой послѣдней категоріи въ началѣ своей жизни въ заимствовавшемъ ихъ языкѣ должны были чувствоваться чуждыми, иностранными словами, пока не подверглись извѣстнымъ измѣненіямъ или не стали общеупотребительными. Но было бы ошибочно придавать и времени слишкомъ большое значеніе: такъ, напримѣръ, слово *солдатъ*, ведущее свое начало изъ XVII столѣтія, не раньше, чувствуется совсѣмъ привычнымъ, своимъ словомъ, а какое-нибудь *архіепископъ* или *епитрахиль*, несравненно старѣйшія, до сихъ поръ не усвоились.

И въ процессѣ усвоенія словъ опять, какъ мы видимъ изъ этихъ примѣровъ, главная роль принадлежитъ распространенности извѣстнаго понятія и отвѣчающаго ему слова и частотѣ употребленія, которая находится въ прямой зависимости уже отъ условій, лежащихъ внѣ самого языка, и именно отъ условій культурныхъ. *Амбаръ*, *сцена*, *генералъ*, *солдатъ*, *дьяконъ*—понятія въ силу культурныхъ условій общераспространенныя, тогда какъ понятія *параллаксъ*, *дифференціація*, *интегралъ* и т. д. понятія въ силу тѣхъ же условій малораспространенныя. Т. о. при опредѣленіи, къ какой категоріи должно быть отнесено извѣстное заимствованіе, рѣшающее значеніе должны играть не внѣшніе признаки слова, а его внутренніе (значеніе), а также соображенія культурно-историческаго свойства.

Заимствованію подлежатъ не только отдѣльныя слова, но и служебныя части рѣчи—суффиксы и префиксы.

Процессъ заимствованія этихъ послѣднихъ сводится къ заимствованію отдѣльныхъ словъ, въ составѣ основъ которыхъ находятся данныя служебныя части рѣчи. Отъ этихъ отдѣльныхъ словъ суффиксъ или префиксъ переходитъ къ другимъ словамъ при посредствѣ морфологической ассимиляціи (такъ называемой аналогіи).

Такъ, напримѣръ, польскій суффиксъ -unek (=нѣмецкому -ung) въ словахъ posałunek, podarunek, sprawunek и т. д. обязанъ своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи къ такимъ, какъ: bassarunek (Besserung), gatunek (Gattung), kierunek (Kehrung), ładunek (Ladung), rachunek (Rechnung), ratunek (Rettung), werbunek (Werbung) и т. д., гдѣ онъ былъ взятъ цѣликомъ вмѣстѣ со словами. Отъ этихъ послѣднихъ случаевъ, гдѣ и корни словъ нѣмецкіе, суффиксъ -unek перешелъ и къ чисто славянскимъ словамъ.

Аналогичное явленіе представляютъ такія нѣмецкія слова, какъ Contrahage, Renommage, Blamage, имѣющія французскій видъ, но не встрѣчающіяся въ самомъ французскомъ и образованныя по типу другихъ образованій съ этимъ суффиксомъ -age, которыя дѣйствительно были заимствованы изъ французскаго.

Суффиксъ -ard (=нѣм. -hard или -hart) во французскихъ bavard или bâtard перешелъ отъ такихъ заимствованныхъ словъ, какъ hagard (англ. haggard, нѣм. hagart), écard (дрвн. scartî, дрсканд. skard), renard (Reinhart) и т. д.

Такого же (германскаго) происхожденія итальянскій суффиксъ -ardo въ falsardo (рядомъ съ falsario), leggiardo и т. д.

Русскій суффиксъ *-тый* въ словѣ *грамотный* есть видоизмѣненіе греческаго -τεύς въ γραματεύς.

По аналогіи къ этой формѣ и такимъ, какъ *злодѣй*, возникаютъ новыя въ родѣ *богатѣй, зажитей.*

Заимствованныя слова съ греческимъ суффиксомъ *-инъ* (-ινος) въ родѣ *антипиринъ, нафталинъ, хининъ* и т. д. вызываютъ въ мало образованной средѣ аналогичныя образованія: *мозо-*

минъ, одобринъ, свободинъ, антимолинъ (жидкость противъ моли) и т. д.

Русскій префиксъ *пре-* въ словахъ: *преглупый, прекрасный, преумный, претрудный, предурацкій, премилый* и т. д., перешелъ къ нимъ отъ словъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго, какъ *преблагій, превратный, превѣчный, преблаженный* и т. д.

Греческій префиксъ *архи-* въ русскихъ словахъ: *архиплутъ, архибестія* (**архипастырь** было уже въ церковно-славянскомъ) перешелъ къ нимъ отъ словъ, заимствованныхъ изъ греческаго,— *архіерей, архидіаконъ, архіепископъ* и т. д. Образованія съ префиксомъ ἀντι- въ родѣ *антихристъ* и т. д., вызываютъ формы въ родѣ *анти-воръ*.

Такой же случай перенесенія греческой основы *прото-*, играющей роль префикса, имѣемъ въ словахъ: *протобестія, протоканалія*, гдѣ вторыя части сложеній тоже заимствованы (bestia—изъ латинскаго, а canaille—изъ французскаго), при чемъ образцами служили такія заимствованія изъ греческаго, какъ *протодіаконъ, протопресвитеръ, протопопъ, протоіерей* и т. д.

Въ *распротоканалія* имѣемъ еще сложеніе основы *прото-* съ русскимъ префиксомъ *рас-* или *раз-*. Изъ этихъ примѣровъ видно съ достаточной ясностью, что чужой суффиксъ или префиксъ чувствуется такой же составной частью рѣчи и также способенъ къ новообразованіямъ, какъ и любой природный.

Префиксъ *наи-* въ русскихъ книжныхъ формахъ превосходной степени также заимствованъ изъ польскаго языка.

На флективныя окончанія также распространяется заимствованіе, хотя это и отрицалось нѣкоторыми учеными, напримѣръ, Максомъ Мюллеромъ [1]). Хотя заимствованія въ этой области языка сравнительно рѣже, чѣмъ въ другихъ, но все же найдется не мало примѣровъ, опровергающихъ взглядъ Макса Мюллера.

Такъ въ индо-португальскомъ смѣшанномъ языкѣ (Manglore)

---

[1]) Ср. M. Müller. Ueber deutsche Schattirung romanischer Worte. Kuhn's Zeitschrift т. V.

имѣется такой родительный единственнаго числа: hombre's casa вмѣсто casa de ombre, для котораго послужило образчикомъ англійское the man's house [1]).

Въ подобныхъ случаяхъ въ языкѣ обыкновенно имѣется уже извѣстная поддержка въ видѣ какой-нибудь похожей на заимствованную морфологической особенности, которая и облегчаетъ распространеніе заимствованной. Такъ, напримѣръ, англійское -s множественнаго числа, обыкновенно принято объяснять изъ англосаксонскаго -as, но на самомъ дѣлѣ оно обязано своимъ происхожденіемъ французскому -s. Нѣмецкія формы такъ называемаго „schlechten Plurals": Albums, Leutnants, Rouleaus, Neins, Fräuleins, Vergissmeinnichts и т. д., сводятся къ французскимъ формамъ: albums, lieutenants и т. д., но облегчены существованіемъ нижне- нѣмецкаго -s [2]).

Точно такимъ же образомъ польскія формы именительнаго множественнаго на -a у именъ существительныхъ мужескаго рода: okręta, urzęda, kłopota и т. д., вызванныя иностранными (главнымъ образомъ латинскими первично neutra), какъ talenta, interesa, pakta, testamenta, dokumenta, akta, examina, projekta и т. д., съ другой стороны имѣютъ сильную поддержку въ формахъ, какъ bracia, księża, szlachta и т. д. Сверхъ того чисто славянское -a имѣется и въ именительномъ множественнаго существительныхъ средняго рода, какъ dzieła, miasta и т. д.

Въ русскомъ языкѣ мы можемъ указать на формы фамилій — Мертва̀го, Весела̀го, Жива̀го, Бѣла̀го и т. д. (рядомъ съ формами: Хитровò Добровò, Дурновò, Благовò), гдѣ *-аго* обязано своимъ происхожденіемъ или церковно-славянскому **-аго**, орѳографическому окончанію родительнаго падежа ед. числа, или *-аго* тѣхъ русскихъ говоровъ, которые сохранили еще такое окончаніе [3]).

---

[1]) Schuchardt. H. Slawo-deutsches, стр. 8.

[2]) Schuchardt. Ibidem.

[3]) Если *-аго* этихъ фамилій церковно-славянскаго происхожденія, то оно обязано своимъ существованіемъ рабскому чтенію написанной по образцу церковно-славянской графики и непонятной формы, которая уже не чувствовалась какъ родит. падежъ. Тогда мы имѣли бы здѣсь одинъ изъ случаевъ вліянія письма, графики на языкъ и заимствованіе черезъ посредство письменности.

Во всякомъ случаѣ формы и въ родѣ *Мертвáго*, и въ родѣ *Благовó* уже вовсе не чувствуются родительными падежами ед. числа, о чемъ говоритъ и ихъ своеобразная акцентуація, совершенно обособляющая ихъ отъ обыкновенныхъ формъ родительнаго падежа ед. числа (только форма *Живáго* представляетъ „правильное“ удареніе).

Въ особенно счастливыя условія поставлены языки, имѣющіе возможность заимствованія изъ близко родственныхъ языковъ, какъ, напримѣръ, русскій рядомъ съ церковнославянскимъ, романскіе языки рядомъ съ латинскимъ, новогреческій рядомъ со старогреческимъ и т. д.

Заимствованныя изъ такихъ родственныхъ языковъ слова, благодаря близости родства между языками заимствующимъ и дающимъ, прекрасно укладываются въ систему принявшаго ихъ языка и, не противорѣча сильно его фонетическимъ и морфологическимъ особенностямъ, но въ то же время представляя нѣкоторыя отличія, даютъ языку богатый матеріалъ для семасіологическаго развитія.

При условіи родства между заимствующимъ и дающимъ языками весьма легко возникаютъ параллели словъ съ родственнымъ значеніемъ, ничѣмъ, кромѣ своей исторіи, не отличающіяся отъ параллелей, развившихся на той же языковой почвѣ, но уже другимъ, фонетическимъ путемъ.

Небольшія отличія одного изъ словъ такой пары отъ другаго служатъ признаками, къ которымъ языкъ пріурочиваетъ семасіологическую разницу.

Такимъ образомъ рядомъ съ варіаціей корней, вызванной фонетическими (а также и морфологическими) процессами, возникаетъ варіація, представляющая собой результатъ заимствованія.

Такъ, рядомъ съ русскими природными словами: *голóва, городúть, сторона* имѣются заимствованныя изъ церковно-славянскаго *глава, о-градúть, страна*, имѣющія значенія, отличныя отъ природно-русскихъ. Мало того, по образцу такихъ параллелей, могутъ возникать новыя формы, уже не имѣющія ничего общаго съ церковно-славянскимъ.

Такъ отношенія: *голова* || *глава, борода* || *брада, ворота* || *врата, золото* || *злато* и т. д. вызываютъ къ формѣ *калоша* (слово, заимствованное изъ французскаго или нѣмецкаго galoche), которая чувствуется въ силу неопредѣленности неударенныхъ русскихъ гласныхъ (сравни sârókâ сорока и kâlóšâ калоша) какъ бы полногласной формой, параллельную шутливую форму *кла́ша,* имѣющую болѣе высокопарный и торжественный (въ силу ассоціацій, соединенныхъ съ церковью и ея языкомъ) оттѣнокъ значенія, такой же, какъ и у вторыхъ членовъ вышеприведенныхъ параллелей.

Подобныя же семасіологическія разницы мы имѣемъ также въ парахъ: горожанинъ || гра*ждан*инъ; городить || о-гра*ждать*; свѣ*т*ить || о-свѣ*щать*; ро*жать* || ро*ждать* и т. д.

Ниже мы вернемся къ этимъ отношеніямъ въ русскомъ языкѣ и подробно разсмотримъ ихъ. Приведенныхъ же примѣровъ достаточно, чтобы показать значеніе заимствованія какъ фактора, увеличивающаго варіацію корней, столь важную для семасіологическаго развитія языка. По отношенію къ разницѣ значеній, приведенныя параллели совершенно одинаковы съ параллелями, возникшими другимъ путемъ (помощью фонетическаго измѣненія однихъ формъ и морфологическаго возстановленія первичнаго звука въ другихъ при посредствѣ уподобленія къ формамъ, въ силу извѣстныхъ условій не измѣнившимся): *обязать* || *обязать, капнуть* || *кануть, гибнуть* || *гинуть* и т. д.

Какъ въ примѣрахъ вышеприведенныхъ семасіологическія разницы были пріурочены къ разницамъ, вызваннымъ заимствованіемъ, такъ здѣсь оттѣнки значенія связаны съ разницами, являющимися результатами фонетическаго измѣненія.

Такія параллели, основанныя на заимствованіи, имѣются во многихъ языкахъ. Подобныя французскія пары были уже приведены выше (стр. 27—28). Только роль церковно-славянскаго въ нихъ занималъ латинскій.

Одинаковыя параллели могутъ возникать путемъ заимствованія одного и того же слова въ различныя эпохи. Такъ, мы имѣемъ въ нѣмецкомъ:

Vogt || Advocat (лат. vocatus и advocatus)
Brille || Beryll (лат. beryllus)
Tafel || Tabelle (лат. tabella)
Meister || Magister (лат. magister)
predigen || prädicieren (лат. praedicare)
prüfen || probieren (лат. probare)
dichten || dictieren (лат. dictare) и т. д. [1]).

Въ русскомъ имѣемъ параллельныя формы *цезарь* || *царь*, *викингъ* || *витязь* и т. д.

Языкъ поступаетъ и съ этими параллелями такъ же, какъ съ другими, возникшими фонетическимъ путемъ, и пользуется ими для семасіологической дифференціаціи. Въ параллеляхъ: нѣмецкое причастіе erleuchtet (морфологическая ассимиляція къ неопредѣленному наклоненію erleuchten) || болѣе древняя форма причастія Erlaucht; durchgeleuchtet (подъ вліяніемъ durchleuchten) || Durchlaucht разница значеній пріурочена къ варіаціи корня, вызванной фонетическимъ процессомъ съ одной стороны и возстановленіемъ первичнаго вида корня подъ вліяніемъ тѣхъ формъ, гдѣ онъ сохранился законнымъ образомъ, съ другой (ср. приведенныя выше русскія параллели: *капнуть* || *кануть*, *гибнуть* || *гинуть* и т. д., стр. 51).

Возможенъ еще одинъ родъ параллелей, когда заимствованное слово не вытѣсняетъ исконнаго однозначащаго, и оба продолжаютъ существовать рядомъ, при чемъ значенія ихъ дифференцируются. Такова нѣмецкая параллель: Ross рядомъ съ Pferd (первое слово исконное, второе латинскаго происхожденія), совершенно тожественная по семасіологическому отношенію съ русской *конь* || *лошадь* (первое исконное, второе татарское). Здѣсь съ исконными словами соединяется высокопарный оттѣнокъ значенія, а заимствованное, напротивъ, имѣетъ обыденное значеніе.

Перечислить всѣ возможныя проявленія процесса заимствованія и пріурочить ихъ къ извѣстнымъ систематическимъ рам-

[1]) Подробно о нѣмецкихъ параллеляхъ: Andresen. K. G. Wortspaltungen auf dem Gebiete der neuhochdeutschen Schrift-und Verkehrssprache. Zeitschr. f. deutsche Philol. 1890. 265—286.

камъ довольно затруднительно въ виду разнообразія и обширности матеріала. Главныя существенныя категоріи указаны нами выше.

Судьба заимствованныхъ словъ также весьма разнообразна и представляетъ часто значительный интересъ (главнымъ образомъ въ виду ихъ историко-культурнаго значенія). Часто слово идетъ изъ глубокой древности (какъ, напримѣръ, приведенное уже выше μνᾶ, русское мина, сводящееся къ аккадійскому mana), часто попадаетъ къ отдаленнѣйшимъ народамъ, переходя отъ одного къ другому. Таково, напримѣръ, нѣмецкое слово Butter. Въ нѣмецкій оно попало изъ латинскаго (butyrum), взявшаго его отъ Грековъ (βούτυρον), въ языкѣ которыхъ оно было опять чужимъ, такъ какъ, по свидѣтельству Гиппократа, есть скиѳское слово. Греческая форма обнаруживаетъ несомнѣнное участіе народнаго словопроизводства, какъ бы отъ βοῦς—быкъ и τυρός (родственное славянское слово **творогъ**)—сыръ.

Русское *тминъ* (польское kmin, старославянское **кюминъ**) сводится къ греческому κύμινον, источникомъ котораго является еврейское kummōn [1]).

Арамейское dikela переходитъ въ греческій въ видѣ δάκτυλος, откуда ведетъ свое начало латинское dactylus, развивающееся въ итальянское dattilo, а это послѣднее переходитъ въ нѣмецкій въ видѣ Dattel.

Русское *хлѣбъ* сводится къ готскому hlaibs, изъ котораго оно заимствовано еще въ общеславянскій языкъ, а въ латинскомъ clibanus (печь для хлѣбовъ. Ср. также лат. lībum, родъ пирога, блина), имѣемъ родственное готскому слово, заимствованное изъ греческаго κλίβανος (также хлѣбная печь).

Русское *сакъ* заимствовано изъ нѣмецкаго Sack или французскаго sac (также заимствовано изъ нѣмецкаго), сводящихся къ латинскому saccus; въ основѣ же этого послѣдняго лежитъ греческое σάκκος, взятое въ свою очередь изъ еврейскаго sáq.

Обще-европейское *эликсиръ* (какъ бы отъ лат. elixare) за-

---

[1]) Въ русскомъ имѣются и діалектическія формы, болѣе близкія къ первоначальному источнику: *кимин*ъ, *кмин*ъ.

имствовано изъ арабскаго el-ixîr, а это сводится къ греческому ξήριον (сухое лекарство) [1]).

Французское tambour и итальянское tamburino происходятъ также изъ арабскаго, который въ свою очередь взялъ свое слово изъ греческаго τύμπανον [2]) и т. д.

Часто слово, заимствованное однимъ языкомъ изъ другого, возвращается черезъ извѣстный промежутокъ времени опять въ свой родной языкъ. Такъ, въ Лайбахѣ (въ Австріи) говорятъ: er sieht kumern aus. Kumern первично есть нѣмецкое kümmerlich, заимствованное въ этомъ видѣ словинцами у нѣмцевъ, которые въ свою очередь взяли свое слово, но уже въ измѣненной формѣ, обратно [3]).

Нѣмецкое Banner или Panier заимствовано изъ французскаго bannière, а послѣднее принято объяснять изъ германской основы, заключающейся въ готскомъ bandwa, bandwô=знакъ [4]). Новонѣмецкое Liste заимствовано изъ французскаго liste, итальянскаго lista, а эти сводятся къ верхненѣмецкому Leiste (срвн. liste) [5]).

Нѣмецкія Lotto и Lotterie, заимствованныя изъ романскихъ языковъ (итальянскаго и французскаго), въ этихъ послѣднихъ также не первичны и сводятся къ готскому hlauts (жребій); нѣмецкое же galoppiren взято изъ французскаго galoper, а это= дрвнм. ¦gâhlouf; Busch = итал. bosco, а это заимствовано изъ дрвнм. bûwisc; нѣмецкое Rang = франц. rangue, а это=дрвн. hring; Tanz взято изъ итальянскаго danza, а это изъ дрвн. dansôn. Fauteuil, Bouquet, Garde взяты обратно въ нѣмецкій изъ французскаго, который въ свою очередь еще раньше взялъ ихъ изъ нѣмецкаго: Faltstuhl, Busch, Warte и т. д.

---

[1]) См. L. Geiger. Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft. 1871. T. I, стр. 287.

[2]) Ibidem, стр. 288 и слѣд.

[3]) Schuchardt. H. Slawo-deutsches... стр. 70.

[4]) Kluge. Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 4 изд., 1889, стр. 18.

[5]) Ibidem. стр. 214. Этимологія Гейгера (изъ русскаго *мистъ*) неправдоподобна.

Въ народныхъ восточно-прусскихъ говорахъ (въ Силезіи) встрѣчаемъ слово komurke, заимствованное изъ польскаго (komórka), которое въ свою очередь является заимствованіемъ изъ нѣмецкаго (Kammer), нѣмецкая же форма есть заимствованіе изъ латинскаго (camera), который взялъ это слово изъ греческаго (καμάρα).

Подобно каждому другому слову, заимствованныя слова въ концѣ концовъ также выходятъ изъ употребленія, причемъ они замѣняются или новыми заимствованіями, или природными словами [1]). Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такимъ же „выживаніемъ“ заимствованныхъ словъ, подобное которому мы встрѣчаемъ и въ исторіи природныхъ словъ.

Иногда причина этого выживанія лежитъ внѣ языка—въ выживаніи культурномъ, когда самыя понятія исчезаютъ, замѣнялсь новыми, иногда въ самомъ языкѣ, хотя и не поддается опредѣленію. Примѣрами перваго рода выживанія могутъ служить, напримѣръ, мало употребительныя, а частью и совсѣмъ вышедшія изъ употребленія, заимствованныя слова: бостонъ (карточная игра), галера (гребное судно), гаубица (родъ пушки), гродетуръ (матерія), дилижансъ, монимаска (танецъ), роброндъ (нарядъ) и т. д.

Примѣрами втораго рода—исчезновеніе такихъ эфемерныхъ заимствованій, какъ, напримѣръ, заимствованія Петровскихъ временъ — викторія, фортеція, конфузія, сатисфакція и т. д. или нѣмецкія —durchflorieren, überparlieren, gepruefieren, unterordinieren и т. д., по образцу которыхъ возникали уже: schimpfieren, bildieren, schallieren, wandellieren и т. д.

Причины выживанія подобныхъ заимствованій такъ же трудно поддаются опредѣленію, какъ причины выживанія, напримѣръ, латинскаго caput или os въ романскихъ языкахъ и замѣны ихъ словами testa и bucca, или нѣмецкаго Haupt, вмѣсто котораго говорится теперь Kopf и т. д. Изслѣдователь, какъ кажется, можетъ только констатировать данное явленіе и этимъ и удовольствоваться.

[1]) Ср. Grünbaum. Mischsprachen und Sprachmischungen. Berlin. 1885, стр. 3 и слѣд.

Синтаксисъ также не остается свободнымъ отъ вліянія чужихъ языковъ. Случаи проявленія этого вліянія имѣютъ въ общемъ значительное сходство съ уже разсмотрѣнными случаями перенесенія чужой внутренней формы слова. Но часты случаи, когда переносится уже синтактическая структура. Примѣромъ могутъ служить такіе обороты, какъ accusativus и nominativus cum infinitivo въ русскомъ языкѣ, напримѣръ:

„Учинилъ слышимы быть повсюду мои рыданія“
(Третьяковскій. Ѣзда въ Островъ Любви).

„Тебя душа моя быть чаетъ“ (Державинъ. Ода Богъ).

„... Имъ печатный всякій листъ быть кажется святымъ“
(И. Дмитріевъ. Сатира „Чужой Толкъ“).

или въ церковнославянскомъ:

кого́ мл глаго́лютъ человѣцы бы́ти, Сы́на человѣ́ческаго
(M. XVI. 13).

вы́ же кого́ мл глаго́лете бытн (Ibidem. 15).

Дательный самостоятельный, перенесенный изъ церковно-славянскаго, у нѣкоторыхъ писателей прошлаго столѣтія, какъ, напримѣръ, „Преставшу Годофреду вѣщати, шумъ плесканій далъ знати“ и т. д. (Михаилъ Поповъ. Переводъ „Освобожденнаго Іерусалима“. 1772).

Такіе галлицизмы, какъ Пушкинское: „имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ“ (Выстрѣлъ) и т. д.

Въ этомъ отношеніи замѣчается во всѣхъ новыхъ языкахъ стремленіе къ извѣстному однообразію, сглаживаніе характерныхъ особенностей и появленіе извѣстныхъ международныхъ синтактическихъ оборотовъ. Это явленіе въ славянскихъ языкахъ имѣетъ въ виду Миклошичъ, когда говоритъ [1]):

„Способъ выраженія, аналогичный таковому европейскихъ языковъ, оттѣсняетъ постоянно на задній планъ своеобразный славянскій, — явленіе, которое можно наблюдать также и въ другихъ языкахъ нашей части свѣта; ибо извѣстный, если можно

[1]) Vergleichende Grammatik der Slaw. Sprachen. Bd. IV. Syntax, стр. 740.

такъ выразиться, новоевропеизмъ стремится какъ бы объединить въ одинъ языкъ языки европейскихъ народовъ, принимающихъ участіе въ культурѣ... Кто не обращаетъ вниманія на стремленіе языковъ нашей части свѣта къ извѣстному единообразію, тотъ никогда не будетъ въ состояніи объяснить себѣ постепенное преобразованіе славянскихъ языковъ. Не все въ языкахъ происходитъ извнутри“.

ГЛАВА I.

Обзоръ литературы вопроса.

Первой по времени грамматикой русскаго языка (точнѣе великорусскаго нарѣчія, и именно московскаго говора) является грамматика Генриха Вильгельма Лудольфа, вышедшая въ Оксфордѣ въ 1696 году подъ заглавіемъ: Grammatica Russica, quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam Slavonicam и т. д. (8⁰. VI+97 стр.).

Раньше появившіяся грамматики Лаврентія Зизанія [1]) и Мелетія Смотрицкаго [2]), не говоря уже о еще болѣе раннихъ, Виленской (1586 г.) и Львовской (1591 г.) [3]), имѣли въ виду только „славенскій“ или церковнославянскій языкъ. Русскіе элементы, принятые составителями за чисто славянскіе и безсознательно введенные въ установленныя въ этихъ попыткахъ грамматическія системы, обязаны своимъ происхожденіемъ не великорусскому нарѣчію, а малорусскому. Кромѣ того дѣло не обходится здѣсь и безъ обычныхъ полонизмовъ. Яснаго представленія объ особенностяхъ русскаго и церковнославянскаго языка и звуковой разницѣ между ними здѣсь нечего и искать.

---

[1]) Грамматїка Словѣнска съставлѣнїа Лаврѣнтїемъ Зизанїемъ. Вильно 1596.

[2]) Первое изданіе 1619 г. въ Эвю (близь Вильны), въ Москвѣ въ 1648 г. слѣдующее (для Москвы первое).

[3]) См. о нихъ П. Житецкаго. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія. Часть первая. Кіевъ. 1889. 8⁰. стр. IV+162+102: стр. 17.

Такъ, Мелетій Смотрицкій (Московское изданіе л. 50) считаетъ формы **вижю** и **молоую** церковнославянскими. На л. 55 встрѣчаемъ также формы **вожю̀**, **хожю̀**, приведенныя, какъ церковно-славянскія. Поэтому мы оставимъ эти грамматики въ сторонѣ.

Болѣе точное представленіе объ отличіяхъ русскаго отъ церковно-славянскаго мы находимъ въ „Лексиконѣ Славеноросскомъ" Памвы Берынды (Кіевъ. 1627. Второе изданіе въ типографіи Кутеинскаго монастыря вышло въ 1653) [1]. Но и онъ имѣетъ бо́льшее значеніе для малорусскаго, чѣмъ для русскаго языка, такъ какъ составитель руководился первымъ, какъ лучше ему извѣстнымъ. Кромѣ того языкъ лексикона кишитъ полонизмами не только въ „росской", но даже и въ „славенской" части.

Тѣмъ не менѣе нельзя отказать составителю въ извѣстномъ языковомъ чутьѣ; такъ, онъ ставитъ рядомъ со „славенскими" неполногласными формами:

бразда̀, брію бра́ду, бремя, вашестранъ, влажу́, влекуся, врагъ врата, возгласъ, глава̀, гласъ, дре́вянъ, загражденіе, заграждаю, злато, кладязь, крастель, млатобіецъ, мракъ и т. д., „росскія" полногласныя:

борозна̀, голю̀ бо́роду, бе́ремя, зва́шеи стороны̀, отволо́жую, волоку̀ся, во́рогъ, ворота̀, оголоше́ніе, голова̀, го́лосъ, деревя̀ный, загороже́нье, загоро́жую, зо́лото, коло́дезъ, коростѣль, бю̀чій (sic!) мо́лотомъ, моро́къ и т. д.

Но рядомъ съ этими правильно представленными случаями встрѣчаемъ въ „славенскомъ" отдѣлѣ формы: *голошу*=жалобно плачу и *колоколъ*=цимбалъ, дзвонокъ (п. dzwonek).

---

[1]) Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ, озаглавленнымъ. ЛЕ҃ЗІКОНЪ, славенорѡ́сскїй. име́нъ толъкова́нїе, Всече́стны̑ Ѿце́мъ Кѵ҃: Па́мвою беры́ндою Прѡтоси́ггелѡ̑ Ѳрѡ҃: І҆е҃рали́мского, Згрома́женый. И҆ Запозволе́не̑ ста́ршы̑, Пе́рвей в Кѵнѡ҃: с: Ве҃: Ла́вры Пече́рскїа Кі́евскїа. А҆ тепе́ръ з҃ Тѵпогра́фїи Ѻ҆бщежи́телнаго Монастыра́: КУТЕ́ИНСКАГО. Тща́нїемъ тоѧ́жде Оби́тели І҆нокѡ҃, Тѵ҃помъ и҆зда́сѧ. Влѣто: ѿ Рж҃тва̀ Хв҃а, ах҃нг. Мц҃а Септе҃: в҃і днѧ̀. Лист. тк҃д (324).

Правильно также понимаетъ Памва соотвѣтствіе „славенскихъ“ *щ, жд*, „росскимъ“ *ч, ж* въ такихъ сопоставленіяхъ: вижду = вижу, възмущáю = замучую, загражденіе = загорожéнье, заграждаю — загорожую, междá = межà, нощеваю (!) = ночую, помощъ = пóмочъ и т. д.

Но рядомъ съ этими сопоставленіями встрѣчаемъ въ качествѣ „славенскихъ“ формъ — *жажель* = хоть, *приблужаго, единорождъ* = единорóжецъ (unicornis) и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ „славенское“ *будущій* передано на „росскомъ“ формами *грядущій* и *прійдучій*, *немóщный* передано уже полонизмомъ *немóцный* и т. д. Такіе же полонизмы передаютъ „славенское“ *власть:* владза, звѣрхность, моцъ (п. władza, zwierznochść, moc).

Памва правильно считаетъ форму *предаша* „славенской“, но передаетъ ее полонизмомъ *полѣцúли*, гдѣ понято только соотвѣтствіе временъ.

Правильно также различеніе „славенскаго“ предлога *разъ* отъ „росскаго“ *роз-: разный = рóзный, разліяніе = розлúтье, рáзумъ = рóзумъ*. Послѣдній примѣръ можетъ быть также и полонизмомъ [1]).

Такимъ образомъ мы должны начать нашъ обзоръ литературы собственно съ помянутой выше грамматики Лудольфа, который является первымъ ученымъ, отличавшимъ великорусскій языкъ отъ церковно-славянскаго и обратившимъ вниманіе на ихъ разницу въ написанной имъ первой грамматикѣ живаго великорусскаго языка. На стр. 2-й мы находимъ у него слѣдующія общія замѣчанія о взаимныхъ отношеніяхъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ и ихъ значеніи въ обыденной и общественной жизни московскаго государства.

---

[1]) Ср. также то, что говоритъ Житецкій о словарѣ Памвы: Очеркъ литерат. исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ. 1889. стр. 37—51. Такой же характеръ, какъ Лексиконъ П. Берынды, имѣетъ и «Словарь книжной малорусской рѣчи» (рукопись XVII в.), изданный въ приложеніи къ названному только что труду. Предшественникомъ подобныхъ словарей является «Лексисъ сирѣчъ реченія въкратцѣ събранны и изсловенскаго языка, на просты Русскій діялектъ истолкованы», приложенный къ грамматикѣ Лаврентія Зизанія (1596).

Ideo autem Russis cognitio linguae Slavonicae necessaria est, cum apud ipsos non tantum S. Biblia et reliqui libri, quibus sacra peraguntur, Slavonico idiomate solummodo extent, rerum etiam de materiis eruditionem vel scientias spectantibus neque scribere neque disserere liceat, nisi lingua Slavonica in usum advocetur. Quamobrem quo quis doctior cæteris reputari vult, eo plus Slavonici sermonibus et scripturae immiscet, licet nounulli ridere illos soleant, qui in communi sermone Slavonica nimium affectant. Unicus tantum liber vulgari dialecto impressus est, qui **уложеніе** uloschenie vocatur et corpus Juris Russici repræsentat; licet constructiones nonnullae Slavonicam grammaticam potius quam communem modum loquendi sequantur".

Ниже говорится о Симеонѣ Полоцкомъ, что онъ въ своихъ переводахъ и сочиненіяхъ „quantum potuit difficilioribus vocabulis Slavonicis abstinuit, quo à pluribus legi et percipi posset, Interim tamen omnia sunt Slavonica et multo vulgo ignota. Sed sicuti nemo erudite scribere vel disserere potest inter Russos sine ope Slavonicae linguae, ita è contrario nemo domestica et familiaria negotia sola linguâ Slavonicâ expediet, nomina enim plurimarum rerum communium, quarum in vita quotidiana usus est, non exstant in libris, è quibus lingua Slavonica haurienda est. Adeone apud illos dicitur loquendum est Russice et scribendum est Slavonice. Quanquam autem plerique Russi, qui Idiotae videri nolunt, vocabula scribere solent, non ut efferuntur, sed sicuti secundum grammaticam Slavonicam scriberi deberent; v. g. scribunt **сегодня** segodnia hodie, cum tamen pronuncient **сєводни** sevodni".

Ниже, на стр. 4—5, находимъ весьма подробныя и точныя для своего времени замѣчанія о различіи русскаго и церковнославянскаго языковъ: „sequuntur observationes nonnullae circa differentiam Russicae dialectus a lingua Slavonica.

а Slavonicum duas consonantes sequens mutatur in duo **о**.

Slav.		Russ.
глава	caput	**голова**

градъ	urbs	**городъ**
гладъ	fames	**голодъ**

є Slavonicum à Russis saepe mutatur in **о**

Slav.		Russ.
ѣдинъ	unus	**одинъ**
ѣсень	autumnus	**осень**
ѣсеръ	lacus	**осеръ** (sic!)

In declinationibus Slavonicae linguae consonantes nominativi in nonnullis casibus mutantur, sed in Russica dialectu retinentur v. g. **рѫка** manus in dativo et ablat. singulari facit **рѫцѣ**, in lingua Russica vero **рѫкѣ**. Sic à **ꙗзыкъ** lingua est nominativus pluralis **ꙗзыцы**. Russice vero **ꙗзыки**. Similiter quoque in declinatione nominum Slavonicorum **г** in **з** et **ж**, **х** in **с** nonnunquam mutatur.

щ Slavonicum à Russis frequenter mutatur in **ч**.

Slav.		Russ.
нощь	nox	**ночь**
немощь	morbus	**немочь**
хощетъ	vult	**хочетъ**

In adjectivis Slavonicis genitivus singularis masculini et neutri desinit in **го** sed in lingua Russica in **во**.

		Slav.	Russ.
à **тавон**	talis	**такого**	**таково**
ѣдинъ	unus	**ѣдинаго** (sic!)	**одново**

In verbis Slavonicis praeteritum desinit in **х**, sed in verbis Russicis in **л**:

любихъ	amavi	**любилъ.**

Praepositiones nonnullae aliter construuntur in lingua Russicâ quam in Slavonicâ

Slav. **межде рѫскими людми**

Russ. **между рѫскихъ людей** Inter Russos.

Interdum quoque vocabula prorsus differunt.

Slav.		Russ.
глаголю	loquor	**говорю**

рекъ	dixit	сказалъ
днасъ (sic!)	hodie	сегодня
вынѣ	semper	всегда, вселдн (sic!)
истина	veritas	правда
тзне	gratis	даромъ

На стр. 15. „Denique notandum, quanquam in vulgari dialecto vocativus similis sit Nominativo, nonnunquam tamen Vocativum Slavonicum eos retinere, quod fieri solet in rebus spectantibus ad religionem; quae ipsis Slavonia tradita fuit. ut. **Боже помилзи** miserere Deus“.

На стр. 16: „Quod autem in lingua Slavonica **к** ante **ѣ** mutatur in **ц**. hoc Russi non observant. Dicunt enim **онъ держи̃ въ свое рзкѣ** tenet in manu sua, cum Slavonice dicendum esset **рзцѣ**“.

Въ приведенныхъ выдержкахъ заключается довольно разносторонняя характеристика русскаго языка въ отличіе отъ церковнославянскаго, для своего времени замѣчательная. Лудольфъ впервые обращаетъ вниманіе на русское полногласіе, на соотвѣтствіе начальнаго *о* старославянскому **ѥ**; на русское *ч* на мѣстѣ старославянскаго **шт**=**тj**, **кт**, **гт**, т. е. на главныя фонетическія отличія русскаго языка. Пропущено только соотвѣтствіе русскаго *ж* и старославянскаго **жд**. Въ области морфологіи отъ вниманія Лудольфа не ускользнуло въ русскомъ распространеніе (путемъ морфологической ассимиляціи) основъ безъ „смягченія“ заднеязычныхъ и на падежи, гдѣ это „смягченіе“ имѣется въ старославянскомъ („Russice vero **пзыкн**“ и т. д.). Указано также на различіе окончаній родительнаго падежа мѣстоименнаго склоненія въ русскомъ и старославянскомъ, на отсутствіе въ русскомъ звательнаго падежа, на неимѣніе аориста и замѣну его новой, вторичной формой.

Лудольфъ обращаетъ вниманіе и на синтактическія разницы въ управленіи падежей извѣстными предлогами, хотя и ошибочно въ данномъ случаѣ, а также и на нѣкоторыя лексическія особенности. Имъ первымъ отмѣчено присутствіе церковнославянскаго элемента въ русскомъ языкѣ и вліяніе его на русскую ореогра-

фію (разница между написаніемъ и произношеніемъ слова **сегодня**) и разграничены языки: книжный (церковнославянскій) и устный, разговорный (собственно русскій).

Въ предисловіи Добровскаго къ грамматикѣ русскаго языка Пухмайера (Lehrgebäude der russischen Sprache 1820) приводятся нѣкоторые руссизмы, встрѣчающіеся въ грамматикахъ и букваряхъ начала XVIII-го вѣка. Такіе руссизмы имѣются у Копіевича въ его „Славенороссійской Грамматикѣ“ [1]), въ букварѣ на трехъ языкахъ—славянскомъ, греческомъ и латинскомъ, изданномъ въ Москѣ въ 1701 г. (4°), затѣмъ въ „Лексиконѣ Трезычномъ“ Ѳедора Поликарпова (Москва 1704. 4°), но они проскальзываютъ здѣсь случайно, сознательнаго желанія разграничить русскіе элементы отъ старославянскихъ или церковнославянскихъ здѣсь нѣтъ, а потому мы ограничимся только упоминаніемъ.

Слѣдующимъ по времени сочиненіемъ, касающимся того же вопроса, является вторая гимназическая программа ректора одной изъ Берлинскихъ гимназій Іоанна Леонарда Фриша (1666—1743), вышедшая въ Берлинѣ въ 1727-мъ году подъ заглавіемъ: „Historiam linguae Sclavonicae continuat quatuor capitibus I. De origine Characteris Cyrillici speciatim, II. De cultura Linguae Sclavonicae, beneficio hujus Characteris III. De Typis novis Sclavonico-Moscoviticis. IV. De Dialecto Russica, tanquam filia Linguae Sclavonicae etc...

Въ четвертой главѣ этой программы отличается русскій языкъ отъ церковнославянскаго и приводятся его характерныя особенности. Но наблюденія Фриша не представляютъ почти ничего существенно новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что сказано было о данномъ предметѣ Лудольфомъ.

Въ началѣ главы читаемъ: „Dialectus Russica matri suae, linguae Sclavonicae in paucis dissimilis est. Retinent etiam Russi

---

[1]) Руководеніе въ Грамматыку (Manuductio in Grammaticam), Во Славянороссійскую (in slavonico Rosseanam), или Московского (seu Moscoviticam), но употребленію (in usum) учащыхся (discentium) языка (linguam) Московскаго (Moscoviticom). Per Eliam Kopijewitz v. d. m. Adorna anno 1706. 8°. Pag. 80.

Linguam Sclavonicam in rebus Theologicis & Ecclesiasticis & quicunque etiam in Politicis purius scribere volunt, amant & imitantur eam".

Дальше приводятся слѣдующія четыре отличія русскаго языка отъ церковно-славянскаго:

„Differt vero Dialectus Russica à Lingua Sclavonica quae apud Russos floret. 1) In verborum quorundam pronunciatione, permutando quasdam vocales et consonantes. Exempli causa pro Sclavonico edin dicunt & scribunt odin, pro Segodne, Sewodne; pro togo, towo. &c.

2) Inter Consonantes concurrentes, imprimis quarum posterior est r, interponunt vocalem ut: pro brada dicunt boroda; pro grad, gorod; pro strana, storona.

3) Propria sua vocabula habet per omnes partes Orationis, e. c. pro as (ego) dicunt ja; pro glagoliti, goworiti.

4) In declinationibus & conjugationibus, non habent, exempli causa, numerum Dnalem, nam hunc magistri Graecissantes Russicis Scholis obstruserunt (!!). In Conjugationibus e. c. tantum tria tempora habent Praesens, Praeteritum & Futurum, & Futurum circumscribunt verbo auxiliari budu sive stanu & Infinitivo, sicut nos verbo werden, pro quo Sclavonice praepositio wos vel alia Praesenti praeponitur, ut, pro budu liuwiti (sic!) Sclavonice scribitur woslubliu (amabo, ich werde lieben)".

Въ описаніи фонетическихъ особенностей русскаго языка встрѣчаемъ только нѣкоторые новые примѣры, за то въ смыслѣ полноты и точности, а также обилія примѣровъ Фришъ много уступаетъ своему предшественнику, и его замѣчанія представляются весьма поверхностными. Въ отношеніи морфологическихъ особенностей Фришъ обращаетъ вниманіе на нѣкоторыя черты, не упомянутыя Лудольфомъ,—на отсутствіе двойственнаго числа и меньшее количество временъ, а также на имѣющееся въ русскомъ „будущее составное".

Нѣкоторыя замѣчанія о различіи языковъ церковнославянскаго и русскаго и о литературномъ употребленіи ихъ, сообразно съ содержаніемъ литературныхъ произведеній, находимъ у В. К.

Тредьяковскаго въ предисловіи къ переводу его „Ѣзда въ островъ Любви“ (Спб. 1730): „На меня, прошу васъ покорно, неизволте погнѣваться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную (книгу) неславенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ Рускимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собои говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенскои, у насъ есть языкъ церковнои; а сія книга мирская. Другая: языкъ славенскои въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь теменъ, и многія его наши читая неразумѣютъ; А сія кніга есть СЛАДКІЯ ЛЮБВИ, тогоради всѣмъ должна быть вразумителна. Третія: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ славенскои нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не толко я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но зато у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскімъ особымъ РѢЧЕТОЧЦЕМЪ хотѣлъ себя показывать“ [1]).

Несмотря на высказанное здѣсь намѣреніе писать „почти самымъ простымъ Русскимъ языкомъ“, мы находимъ въ языкѣ перевода большое количество славянизмовъ. Таковы, напримѣръ, неполногласныя формы: *бремя* (стр. 654), *гласъ* (ibidem), *странны* (стр. 655), *брегъ* (656), *зракъ* (657), *драгая* (660), *младость* (661), *велегласно* (663), *прахъ* (664), *древеса* (671), *престаютъ* (672), *благосердна* (675), *дражайшимъ* (691), *премѣнъ* (696), *неизглашать* (702), *престать* (704), *градъ* (709), *премѣнила* (711), *краткое время* (713) и т. д., хотя рядомъ имѣются: *отъ берегу* (657), *оборотившися* (666), *перестань* (674), *холодность* (703), *города* род. ед. ч. (704), *беззвороту* (713), *вороты* (ibid.), *перестанъ* (674) и т. д.

Также шатко употребленіе Тредьяковскимъ формъ съ *щ, жд.* вмѣсто русскихъ *ч, ж*: *пещера* (670), *немощъ* (688), *немогуще* (672), *привлещи* (710), *нощь* (724), *вящшеи* (725), *ты-*

[1]) Александръ Смирдинъ. Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ. Сочиненія Тредьяковскаго. Санктпетербургъ. Въ типогр. Имп. Акад. Наукъ. 1819, т. III, стр. 649—650.

сящи (715), *зажещи* (716), *помощи* (неопред. накл. 727), *мощи* (716), *хощу* (701), *возмощи* (673) и т. д. рядомъ съ: *хочешь* (712), *тысячу* (720), *тысячю* (721), *свѣчи* (710) и т. д.

провождаемъ (665), *провождать* (703), *такожде* (653) и т. д. рядомъ съ *нахожу* (653), *такожъ* (654) и т. д.

Встрѣчаются также морфологическіе славянизмы: род. над. *любве* (708), род. над. *превеликія* (725), *горящія* (710), творит. множественнаго *рѣчьми учтивы* (658), третье лицо ед. ч. *имать* (658) и т. д. лексическія заимствованія въ родѣ *сице* (685), *понеже* (693), *выну* (696), *вотще* (612), *паки* (709), *зѣло* (714) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Тредьяковскій имѣлъ смутное представленіе о „самомъ простомъ Русскомъ языкѣ“; элементы церковнославянскіе и природно-русскіе, для различенія которыхъ у него не было никакого критерія, мѣшались въ его языковомъ запасѣ и казались ему совершенно равноправными.

Свой взглядъ на отношеніе русскаго и „славенскаго“ языковъ Тредьяковскій выразилъ еще въ „Разговорѣ о правописаніи“, написанномъ въ 1747 г.: „Вся разность, которая находится у нашего съ славенскимъ, касается токмо, такъ сказать, до поверхности языка, а не до внутренности, тѣмъ, что состоитъ она либо въ нововводныхъ словахъ, воспріятыхъ отъ чужихъ языковъ; либо въ отмѣнныхъ весьма немногихъ словахъ, какъ за славенское *аще*; у насъ *ежели*; либо въ простѣйшемъ выговорѣ отъ народа введенномъ, какъ вмѣсто *глава*, *голова*, вмѣсто *пити*, *пить*, вмѣсто *млеко*, *молоко*. Но такая разность не мѣшаетъ нимало, быть нашему языку однимъ и тѣмже съ славенскимъ [1]). При такомъ пониманіи отношеній между русскимъ и церковнославянскимъ неудивительно, если попытка Тредьяковскаго писать „простымъ Русскимъ языкомъ“ вышла неудачной.

Въ грамматикѣ, приписываемой Ададурову и изданной въ видѣ приложенія къ нѣмецко-латинско-русскому словарю Вейсманна [2]) подъ заглавіемъ „Anfangsgründe der Russischen Spra-

[1]) Сочиненія. Изд. Смирдина, т. III, стр. 203.

[2]) Teutsch-Lateinisch-und Russisches Lexicon Samt Denen Anfangs-Grün-

che“, различаются во флексіи формы русскія и славянскія, причемъ указывается и на особенности образованія тѣхъ и другихъ.

Вотъ относящіяся сюда мѣста:

Глава II (стр. 11). Объ образованіи русскихъ степеней сравненія: „Die Slavonier zahlen dergleichen Gradus drey, als den Positivum, Comparativum und Superlativum. Jenen den Comparatiuum formiren sie vom Positiuo dadurch, dass sie dessen Endung ыи oder їи das ш vorhersetzen und das ы in і verwandeln, als честныи in Comparatiuo, честшїи. Diesen den Superlatiuum, formiren sie gleichfalls vom Positiuo, wenn sie dessen Endigung in ѣишїи verwandeln, als честныи Superlatiuus честнѣишїи, worüber eine Slavonische Grammatic weitläufiger handelt. In der Russischen Sprache aber lassen die Adjectiua keine Comparatiuum Gradum zu, dahingegen haben sie desto mehrere Superlatiua“... и ниже: „Es lassen sich aber die Superlatiua in der Russischen Sprache auf dreyerley Art formiren. Die erste Art kömmt darinnen mit der Slavonier Superlatiuo Gradu überein, dass man die Terminationem des Positiui in ѣишїи verändert, als: святыи, heilig, святѣишїи, heiligst, честныи ehrlich, честнѣишїи, u. s. w“.

Рядомъ съ очевидными ошибками здѣсь замѣчается все же до извѣстной степени указаніе если не на славянское происхожденіе превосходной степени на *-ѣйшій*, то на ея отношеніе къ славянской сравнительной степени.

На стр. 13-й говорится объ отсутствіи въ русскомъ языкѣ двойственнаго числа: Die Slavonier haben auch noch den in der griechischen Sprache gewöhnlichen Dualen, der nur zwo Sachen allein anzeiget, aber in der Russischen Sprache ist dieser nicht gebräuchlich.

На той же 13-й страницѣ, въ III главѣ объ образованіи звательнаго падежа единственнаго числа: 1) Der Vocativus in

---

den der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften Zum Druck befördert. Нѣмецко-латинскій и рускій Лексиконъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при императорской академіи наукъ печатію изданъ. St. Petersburg, Gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschaften Buchdruckerey. 1731.

*

beyden Numeris dem Nominatiuo gleich sey. Ausgenommen in denjenigen Wörtern, die pur Slavonisch, oder in welchen die Russen die Slavonier nachahmen wollen. Dann alsdenn ist der Vocatiuus von dem Nominatiuo jezuweilen unterschieden, als: пастырю an statt пастырь, жено an statt жена, Христе, an statt Христосъ, боже an statt богъ, человѣче an statt человѣкъ u. s. w. Звательный на *-е* признается здѣсь церковнославянскаго происхожденія.

На стр. 23-й находимъ замѣчанія о двоякомъ склоненіи словъ *матерь* и *дочерь*: матерью, дочерью || матерію, дочерію; матерями, дочерями || матерьми, дочерьми: „Es kommt aber diese irregulaire Flexion daher, weil beyde Slavonische Wörter sind, und in derselben Sprache den Nominatiuum auf матерь und дочерь formiren. Согласиться однако съ этими замѣчаніями нельзя, въ виду хотя бы того, что *дочерь* не можетъ быть славянской формой, затѣмъ того, что именительные падежи *матерь*, *дочерь* чужды старославянскому языку. Въ данныхъ случаяхъ, имѣется просто сохраненіе первычной основы на r-.

На стр. 24-й говорится о переходѣ *і* въ *е* передъ j въ русскомъ и о сохраненіи его въ церковнославянскомъ, что позволяетъ считать формы, сохранившія это *і*, за церковнославянскія: „Diejenigen Wörter bey welchen gemeldeten *й* contracto das *ї* vorherstehet, sind Slavonischen Ursprungs, und verwechseln dieses *ї* in der Russischen Sprache mit e, als: врабій, Russisch, воробей der Sperling. Сергій, Russisch, Сергей, Sergius u. s. w.“.

На стр. 26-й „окончаніе“ Instr. plur. *-іями* существительныхъ съ суффиксомъ *-ie* признается природнымъ русскимъ и наоборотъ окончанія *-їи* и *-ьми* заимствованными изъ церковнославянскаго: „Es ist hier (въ книгѣ) sowohl in dem Schemate als in denen Paradigmatibus der Instrumentalis des Pluralis von denen Nahmen so auf *ie* ausgehen auf іями flectiret worden, welches vielleicht Liebhabern der Slavonischen Redens-Arten (писавшему, очевидно, были извѣстны таковые) möchte anstössig seyn, indem sie gewohnt sind selbigen mit їи oder ьми zu exprimiren. Allein da nunmehro aller Slavonismus vornehmlich eine

solche Art zu decliniren aus der Russischen Sprache exuliret, und einen gresslichen Laut in denen Ohren derer Heutigen erreget, so wird man auch nicht verdenken können, wenn man solches allhier übergangen und vielmehr dafür der natürlichen Art zu decliniren nachgegangen ist". Разумѣется, русскаго въ „окончаніи" *-іями* только одно *-ами*, заимствованное отъ основъ ж. рода на -ā; сохраненіе *і* въ этой формѣ, какъ и въ суффиксѣ *-ie*, есть черта церковнославянская.

На страницѣ 27-й находимъ слѣдующее о склоненіи слова Господь, заимствованнаго изъ церковнославянскаго: „Господь der Herr, ist Slawonisch, und wird irregulair decliniret. Der Singularis davon wird in der Russischen Sprache allzeit für den Heyland Christum genommen, und wird folglich also decliniret: Nom. Господь. Gen. Господа, Dat. Господу, oder Господеви, Acc. Господа, Voc. Господи, Instr. Господемъ. Nar. Господѣ. Der Pluralis Numerus von diesem Worte, ist in der Russischen Sprache, allwo es als ein Nomen Proprium genommen wird, nicht gebräuchlich. Daher wenn es ja in Pluralis vorkommt, solches erstlich Slawonisch ist und denn auch nicht mehr von Bedeutung ist als das teutsche Herr. Es wird aber folgender Maassen von den Slavoniern in Plurali decliniret: Nom. und Voc. господіе, Gen. господей, Dat. господемъ, Acc. господы, Instr. господами und господы, Nar. господѣхъ.

Какъ ни отрывочны и ни поверхностны (подчасъ ошибочны) эти замѣчанія, но они заслуживаютъ быть приведенными въ виду ихъ историческаго значенія, такъ какъ являются первой попыткой (въ грамматикѣ, составленной русскимъ и изданной въ Россіи) различенія въ составѣ русскаго языка чуждыхъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго элементовъ. Составитель грамматики однако обращаетъ преимущественное вниманіе на грамматическія формы въ противоположность Лудольфу, у котораго находимъ, главнымъ образомъ, противоположеніе русскихъ формъ церковнославянскимъ въ фонетическомъ отношеніи. Такъ въ грамматикѣ Ададурова говорится объ образованіи сравнительной и превосходной степеней, объ отсутствіи въ русскомъ двойственнаго

числа, звательнаго падежа, о склоненіи *матеръ* и *дочерь*, объ окончаніи творительнаго падежа множ. числа *-іями* у существительныхъ съ окончаніемъ *-ie* и о склоненіи слова Господь; фонетическаго характера только одно замѣчаніе о сохраненіи *і* передъ *j* въ церковнославянскомъ и переходѣ его въ русскомъ въ *е*.

Въ слѣдующей по времени грамматикѣ русскаго языка Грёнинга (на шведскомъ языкѣ) [1]), представляющей во многомъ замѣтное сходство съ грамматикой, приписываемой Ададурову, не находимъ никакихъ почти прямыхъ указаній относительно присутствія церковнославянскихъ элементовъ въ составѣ русскаго языка.

Болѣе подробныя, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ выше работахъ, указанія находимъ у М. В. Ломоносова въ его разсужденіи „о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“ (1755) [2]) и особенно въ его „россійской грамматикѣ“ (тоже 1755) [3]).

Въ разсужденіи „о пользѣ книгъ церковныхъ“ находимъ впервые въ русской литературѣ указанія на разницу словъ народныхъ (природныхъ, первично-русскихъ) и заимствованныхъ изъ церковнославянскаго въ семасіологическомъ отношеніи. Послѣ нѣсколькихъ вводящихъ замѣчаній о развитіи языка въ связи съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ народа, о значеніи перевода Священнаго Писанія съ греческаго на славянскій для обогащенія послѣдняго, а также о важности употребленія природныхъ языковъ въ качествѣ языковъ церкви, Ломоносовъ указываетъ на существованіе трехъ „степеней“ „россійскаго языка“ — высокой, посредственной и низкой. Эти три степени находятся въ связи съ употребленіемъ книгъ церковныхъ, а ближайшій ихъ источникъ „три рода реченій россійскаго языка“. Къ первому изъ этихъ родовъ Ломоносовъ относитъ слова, общія языкамъ церковнославянскому и русскому: „которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у

---

[1]) Thet är Grammatica Russica, Eller Grundelig Handledning Til Ryska Språket-Utgifwen Af Michael Groening, Koongl. Translator. Stockholm. 1750.

[2]) Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ. Сочиненія Ломоносова. Изданіе Александра Смирдина Спб. 1847, т. I.

[3]) Ibidem. T. III. также Ученыя Записки Втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 1856. Кн. III, стр. 1—150. №№ параграфовъ приведены у насъ по послѣднему изданію.

россіянъ общеупотребительны, напримѣръ: *Богъ, слава, рука, языкъ, почитаю*". При этомъ слова первично-русскія и заимствованныя изъ церковнославянскаго Ломоносовымъ другъ отъ друга не различаются, и въ этотъ его первый классъ попадаютъ и первично-русскія, какъ *рука*, и заимствованныя, какъ *Богъ, почитаю*. Ко второму классу Ломоносовъ относитъ рѣже употребляемыя, но понятныя каждому *грамотному* русскому: „кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ, однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю*. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: *обаваю, рясны, овогда, свѣнъ* и симъ подобныя". Такимъ образомъ изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Ломоносовъ относилъ къ этому, второму, классу тѣ заимствованія изъ церковнославянскаго, которыя вошли въ книжный, литературный языкъ. Наконецъ, къ третьему роду „относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славянскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: *говорю, ручей, который, пока, мишь*. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ употребить непристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ".

Хотя примѣры „реченій третьяго рода" Ломоносовымъ были выбраны несовсѣмъ удачно (при тогдашнемъ состояніи науки Ломоносовъ не могъ знать, что **говорити** встрѣчается въ Супрасльской рукописи и другихъ, позднѣйшихъ памятникахъ, **который** въ Остромировомъ Евангеліи, **лише** тамъ же и въ Сборникѣ 1076 года), но ясно, что онъ относилъ сюда слова природно-русскія, не заимствованныя изъ церковнославянскаго.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ попыткой извѣстнаго разграниченія словъ первично-русскихъ и словъ церковнославянскихъ, классификаціи русскаго лексическаго матеріала сообразно его употребленію и происхожденію. Разграниченіе это далеко не точно; Ломоносовъ основываетъ его не на данныхъ языка, а на чисто случайныхъ условіяхъ (употребленіе или неупотребленіе въ церковныхъ книгахъ).

Цѣль, преслѣдовавшаяся имъ въ данномъ случаѣ, не имѣла ни-

чего общаго съ научными задачами и была чисто практическая— способствовать установленію русской стилистики. Этимъ, конечно, и объясняется случайность основаній классификаціи, такъ какъ для ея цѣли было достаточно и такихъ основаній. На большемъ или меньшемъ употребленіи перечисленныхъ выше трехъ родовъ реченій Ломоносовъ и основываетъ свое извѣстное дѣленіе „штиля“ на три рода: высокій, посредственный и низкій. „Первый составляется изъ реченій славенороссійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славенскихъ, россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ... Средній штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славенскія, въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость... Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода то есть которыхъ нѣтъ въ славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться по пристойности матерій... Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію“.

Тутъ же указывается значеніе заимствованій изъ церковнославянскаго языка для обогащенія русскаго языка: „польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ“, а также объясняется возвышенный оттѣнокъ въ значеніи словъ, взятыхъ изъ церковнославянскаго языка: „по важности священнаго мѣста церкви Божіей и для древности, чувствуемъ въ себѣ къ славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо украситъ“.

Относительно присутствія въ русскомъ языкѣ церковнославянскихъ элементовъ находимъ довольно много отдѣльныхъ указаній, касающихся и фонетическихъ, и морфологическихъ особенностей этихъ заимствованій, въ „Россійской грамматикѣ“ Ломоносова.

Такъ вліяніемъ церковнославянскаго, точнѣе церковнаго произношенія объясняется здѣсь (§ 99) присутствіе звонкаго задне-

язычнаго спиранта γ (малорусское г) въ формахъ *Бога, богомъ...*, *господь, гласъ, благо* и производныхъ отъ нихъ *государь, государство, разглашаю, благодать, благословляю* и т. д., въ такихъ говорахъ русскаго языка, которые во всѣхъ первичныхъ, не заимствованныхъ словахъ имѣютъ звонкій заднеязычный взрывной г.

Въ § 168-мъ указывается на разницу окончаній р. п. у словъ первично русскихъ и книжныхъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго. У первыхъ по Ломоносову гораздо чаще имѣется окончаніе *-у: размаху, часу, взгляду, визгу, грузу* рядомъ съ *трепета, возраста; розоваго духу, прошлогодняго дому, птичья голосу* рядомъ со *Святаго духа, человѣческаго дома, Архангельскаго гласа* и т. д. (ср. также § 167).

Въ § 185-мъ Ломоносовъ замѣчаетъ, что въ „высокомъ штилѣ, гдѣ Россійскій языкъ къ Славенскому клонится“, преобладаетъ окончаніе предложнаго падежа на *-ѣ: очищенное въ горнѣ злато, жить въ домѣ Бога Вышняго, въ потѣ лица* и т. д. рядомъ съ: *въ горну, въ поту* и т. д.

Въ § 210-мъ говорится о невозможности сравнительной и превосходной степеней на *-шій* (какъ *свѣтлѣйшій, пресвѣтлѣйшій, обильнѣйшій, преобильнѣйшій* у заимствованныхъ изъ церковнославянскаго) отъ русскихъ первичныхъ („низкихъ“), какъ *прытчайшій, препрытчайшій* и т. д.

Въ § 338-мъ относительно окончанія причастія настоящаго на *-щій* замѣчается, что оно можетъ встрѣчаться только у такихъ глаголовъ, которые „отъ Словенскихъ какъ въ произношеніи, такъ и въ знаменованіи никакой разности не имѣютъ“. Наоборотъ подобныя причастія „весьма не надлежитъ производить отъ тѣхъ глаголовъ, которые нѣчто подлое значатъ“.

Еще яснѣе это формулировано въ § 435-мъ, гдѣ говорится, что причастія на *-щій* производятся отъ глаголовъ славянскаго происхожденія — *вѣнчающій, пишущій, питающій* и „весьма не пристойны произведенныя отъ простыхъ Россійскихъ, которые у Славянъ неизвѣстны — *говорящій, чавкающій*“. Это послѣднее замѣчаніе интересно еще въ томъ отношеніи, что для современ-

наго языковаго чутья послѣднія формы нисколько не странны или дики. Что здѣсь причиной—чрезмѣрный ли пуризмъ и ригоризмъ Ломоносова или бо́льшее распространеніе даннаго окончанія въ современномъ языкѣ, сказать трудно. Теперь формы причастія на *-щій* возможны у любаго глагола.

Въ связи съ этими §§ находится и § 351-й, въ которомъ Ломоносовъ замѣчаетъ, что „дѣепричастія на *-ючи* пристойнѣе у точныхъ россійскихъ глаголовъ, нежели у тѣхъ, которые отъ Словенскихъ происходятъ; и напротивъ того дѣепричастія на *-я* употребительнѣе у Словенскихъ, нежели у Россійскихъ. Напримѣръ, лутче сказать *толкаючи*, нежели *толкая*; но напротивъ того лучше употребить *дерзая*, нежели *дерзаючи*“. Современное языковое чутье разсудитъ нѣсколько иначе и склонится и въ первомъ случаѣ къ формѣ „*толкая*“; форма же „*дерзаючи*“ для него совершенно невозможна.

Въ § 437-мъ идетъ рѣчь о причастіяхъ прошедшаго времени на *-вшій* у глаголовъ съ суффиксомъ *-ну-* (*-нж-*), какъ „двигнувшій“ и т. д. Л. замѣчаетъ, что они возможны тоже не у всѣхъ глаголовъ, а только у заимствованныхъ изъ церковнославянскаго, „у Славенскихъ“; русскіе же глаголы это окончаніе „принять не всегда могутъ“, такъ что формы *брякнувшій*, *нырнувшій* и т. д. для уха Л—а кажутся „весьма противными“, между тѣмъ какъ для современнаго онѣ уже вполнѣ привычны.

Въ § 439-мъ окончаніе причастія настоящаго страдательнаго *-мый* Ломоносовъ также допускаетъ только у „глаголовъ Россійскихъ у Славянъ въ употребленіи бывшихъ“, напр. *вѣнчаемый*, *пишемый*, *питаемый*, *подаемый*, *видимый*, *носимый*. (Современному языковому чутью, напротивъ, совершенно чужды формы, какъ *пишемый*, *подаемый*). Онъ считаетъ ихъ болѣе умѣстными въ „риторическихъ и стихотворческихъ сочиненіяхъ, нежели въ простомъ штилѣ или въ просторѣчіи“. Наоборотъ, „отъ россійскихъ глаголовъ, у Славянъ въ употребленіи не бывшихъ, произведенныя, напр. *трогаемый*, *качаемый*, *мараемый*, весьма дики и слуху несносны“. Относительно послѣднихъ формъ современный

литературный языкъ гораздо болѣе снисходителенъ, чѣмъ былъ Ломоносовъ.

Въ §§ 441 и 442 разграничиваются два окончанія причастій прошедшихъ страдательныхъ на *-ый* и *-ой*, Первое Ломоносовъ считаетъ (основательно) болѣе подходящимъ у глаголовъ „отъ Славенскихъ происшедшихъ“, а вторые у „простыхъ россійскихъ“.

Въ § 443-мъ замѣчается, что „славенскіе глаголы“ не имѣютъ причастій „давнопрошедшихъ страдательныхъ“, встрѣчающихся только у „россійскихъ глаголовъ“, какъ напр. *сматриванъ, -а, -о.*

Въ § 445-мъ находимъ замѣчаніе, что причастія отъ „возвратныхъ, взаимныхъ и общихъ“ глаголовъ съ *-ся* болѣе свойственны „глаголамъ Славянамъ извѣстнымъ“.

Въ § 448-мъ указывается, что, если „причастія отъ обыкновенныхъ Россійскихъ неупотребительны, можно... взять изъ Славенскаго языка...“ Напримѣръ: „*колдующій, дерущійся*, не принимаются; но вмѣсто ихъ служить могутъ; *волшебствующій, воюющій*“. Современное языковое чутье и къ этимъ формамъ относится совсѣмъ иначе. Ни одна изъ нихъ не оскорбляетъ его.

Такимъ образомъ и замѣчанія Ломоносова имѣютъ главнымъ образомъ морфологическій характеръ; только одно касается фонетической особенности, обязанной своимъ происхожденіемъ церковнославянскому языку (спирантное произношеніе г въ нѣкоторыхъ словахъ), остальныя всѣ касаются морфологіи, причемъ особое вниманіе обращено на образованіе причастій и дѣепричастій (въ десяти параграфахъ), два замѣчанія посвящены окончаніямъ склоненій и одно образованію сравнительной степени. Попытки установить какіе либо отличительные признаки церковнославянскихъ словъ и формулировать различіе русскаго отъ церковнославянскаго въ фонетическомъ отношеніи мы не находимъ.

Въ трудахъ по русской грамматикѣ, вышедшихъ послѣ появленія грамматики Ломоносова, не находимъ никакихъ особенно новыхъ замѣчаній относительно присутствія церковнославянскихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ. Въ большинствѣ случаевъ мы встрѣчаемся съ простымъ повтореніемъ того, что уже было сказано Ломо-

носовымъ. Такъ, грамматика Шлёцера, писавшаяся и частію вышедшая (только первые листы) въ промежутокъ времени между 1762-мъ и 1766 годомъ [1]) и для своего времени въ извѣстныхъ отношеніяхъ примѣчательная, не представляетъ по занимающему насъ вопросу ничего новаго сравнительно съ грамматикой Ломоносова: § 3, п. 2, § 66, п. III и § 67, п. 3, гдѣ говорится о произношеніи г въ словѣ *Богъ* и нѣкоторыхъ другихъ словахъ являются пересказомъ соотвѣтствующихъ §§ грамматики Ломоносова, причемъ даже взяты тѣ самые примѣры. Такъ же мало находимъ мы указаній въ другихъ явившихся послѣ выхода въ свѣтъ грамматики Ломоносова работахъ этого рода, въ ряду коихъ болѣе другихъ выдаются грамматики Барсова и Соколова [2]).

Больше находимъ вниманія къ занимающимъ насъ отношеніямъ въ академической грамматикѣ, вышедшей въ 1802 г. [3]), хотя и она немного прибавляетъ новаго къ наблюденіямъ Ломоносова. Такъ, въ § 18-мъ находимъ утвержденіе, что „буква Г произносится двоякимъ образомъ, т. е. иногда какъ *g*, а иногда какъ *h* латинское, а именно:

1) Въ словахъ, заимствованныхъ изъ Славенскаго языка и высокому слогу свойственныхъ, соотвѣтствуетъ по большей части въ произношеніи буквѣ *h*, напримѣръ: *глава, погасаю, возгнѣщаю, господствую, гортань, гугнивый* (въ наше время, по крайней мѣрѣ въ произношеніи большинства, всѣ эти случаи имѣютъ взрывное г=лат. *g*): напротивъ того въ общемъ языка употребленіи выговаривается по большей части подобно буквѣ *g*, напр.: *галка, гвоздь, глодать, гну, грабли, грыжа*“.

---

[1]) Напечатана вновь въ Сборникѣ статей, изданныхъ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ. Т. XIII. Спб. 1875.

[2]) *Барсовъ*, А. Краткія правила россійской грамматики, собранныя изъ разныхъ Россійскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ Гимназіяхъ Московскаго Университета. Москва. 1771 г. 8°. Слѣд. изд. 1782, 1786, 1797, 1802 гг. *Соколовъ П.* Начальныя основанія Россійской грамматики въ пользу учащагося въ гимназіи при Императорской Академіи Наукъ юношества. Спб. 1788. 8°, VI+147 стр. Послѣдующія изданія: 1792, 1797, 1806, 1808 годовъ.

[3]) Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою Академіей. Спб. 1802 г. 8° IV+355 стр. Второе изданіе въ 1809 г. и слѣдующія въ 1819, 1827 годахъ. Мы пользовались вторымъ.

Остальныя замѣчанія посвящены только морфологическимъ особенностямъ. Такъ, въ § 79-мъ говорится, что „звательный падежъ обоихъ чиселъ подобенъ именительному, исключая слѣдующія слова: *Богъ, Боже; Господь, Господи; Христосъ, Христе; Іисусъ, Іисусе; отецъ, отче; владыка, владыко; творецъ, творче; сынъ, сыне; дѣва, дѣво; дщерь, дщи; матерь, мати; царь, царю; утѣшитель, утѣшителю:* но таковое окончаніе падежей звательныхъ приличествуетъ слогу Славенскому и можетъ иногда по приличію быть употребляемо въ слогѣ важномъ“.

Въ § 177-мъ (примѣчаніе) идетъ рѣчь о заимствованныхъ изъ „славенскаго“ именахъ числительныхъ: „Въ важныхъ предметахъ, такъ же въ слогѣ высокомъ и близко къ Славенскому подходящемъ употребляются лучше имена числительныя, по Славенскому правописанію пишемыя, какъ то: *единый, первый надесять, вторый надесять, третій надесять, двадесять, двадесятый, тридесять, тридесятый* и проч. поелику приличнѣе сказать и писать: *Карлъ вторый на десять*, нежели *двѣнадцатый; Людовикъ пятый на десять*, нежели *пятнадцатый* и проч.“. Замѣчаніе это въ настоящее время утратило значеніе.

Въ § 240-мъ находимъ замѣчаніе относительно употребленія вмѣсто повелительнаго наклоненія „настоящаго или будущаго времени наклоненія изъявительнаго съ частицею *да*, напримѣръ: *да иду, да идешь, да идетъ, да идемъ, да будетъ, да станетъ* и проч. Но поелику таковое повелительнаго наклоненія выраженіе свойственно языку Славенскому; то оно употребляется въ высокомъ только стилѣ“.

Въ § 245-мъ (примѣчаніе III) говорится почти то же о русскихъ дѣепричастіяхъ, что у Ломоносова въ § 351-мъ (см. выше стр. 74-я): „...замѣтить должно, что дѣепричастія глаголовъ собственно Россійскому языку принадлежащихъ, пристойнѣе оканчивать на *чи*, напротивъ того глаголы, изъ Славенскаго языка заимствованные, въ дѣепричастіи настоящаго времени лучше употребляются на *а* или *я*, напримѣръ: лучше сказать *толкаючи*, нежели *толкая;* но напротивъ того лучше сказать *дерзая*, нежели *дерзаючи; держа*, нежели *держучи* и проч.[1]).

[1]) О перемѣнѣ, совершившейся въ языковомъ чутьѣ нашего времени, ср. сказанное выше на стр. 74-й о таковомъ же мнѣніи Ломоносова.

Въ § 249-мъ, Примѣч. II. Относительно времени настоящаго страдательнаго залога, какъ *есмь любимъ, бываю любимъ* и пр. говорится: „Вообще же замѣтить надлежитъ, что таковое страдательнаго залога настоящее время развѣ въ высокомъ и близко къ Славенскому подходящемъ слогѣ бываетъ употребительно. Въ другихъ же случаяхъ вмѣсто онаго употребляется или глаголъ возвратный съ приличнымъ страдательному залогу падежемъ, или глаголъ дѣйствительный; наприм.: вмѣсто *я есмь, ты еси именуемъ, зовомъ*, или *мы есмы, вы есте именуемы, зовомы*, говорится: *именуюся, именуешься* или *меня, тебя именуютъ, зовутъ; именуемся, именуетеся*, или *насъ, васъ именуютъ;* такъ же вмѣсто *море есть волнуемо вѣтромъ*, говорится *море волнуется вѣтромъ*.

Въ § 259-мъ (примѣчаніе) говорится почти то же о причастіяхъ, что замѣчаетъ Ломоносовъ въ §§ 338-мъ и 435-мъ (см. выше стр. 73): „Вообще замѣтить должно, 1) что причастія, а наипаче настоящаго времени, по большей части употребляются въ высокомъ слогѣ, слѣдовательно отъ простыхъ глаголовъ, каковы суть, *вялю, топчу, барышничаю* и проч. причастія не употребляются, а вмѣсто оныхъ глаголы употребляютоя въ изъявительномъ наклоненіи съ мѣстоименіемъ *который* или *кой*.

Наконецъ въ § 265-мъ (примѣчаніе 3-е) находимъ замѣчаніе о дѣепричастіяхъ прошедшаго времени, которыя: „сугубое имѣющія окончаніе т. е. на *ши* и сокращено на *ъ* съ предъидущею согласною буквою, имѣютъ неодинаковое употребленіе. Первое можетъ быть употребляемо въ слогѣ важномъ и въ просторѣчіи, напротивъ того другое, какъ напримѣръ: *возставъ, воздвигъ, убоявся, прошедъ* и проч. болѣе приличествуетъ слогу высокому“.

Академическій словарь, вышедшій въ 1789—1794 гг. подъ заглавіемъ „Словарь Академіи Россійской“ (шесть частей in 4^{0}) въ своемъ отношеніи къ лексическому матеріалу церковнославянскаго происхожденія слѣдовалъ по стопамъ Ломоносова. Предисловіе къ словарю, говоря о значеніи „славенскаго“ языка для русскаго, почти буквально повторяетъ цѣлыя мѣста изъ знаменитаго разсужденія Ломоносова „о пользѣ книгъ церковныхъ въ россій-

скомъ языкѣ". Составители словаря [1]) такъ же, какъ и Ломоносовъ, не особенно строго отличали русскіе элементы отъ старославянскихъ.

По общераспространенному взгляду XVIII и начала XIX вв., языки „славенскій" и русскій считаются почти одинаковыми. Поэтому русскій языкъ часто называется „славенороссійскимъ"—терминъ неясный и употреблявшійся въ разныхъ значеніяхъ: „славенороссійскій языкъ большею частью состоитъ изъ славенскаго, или, яснѣе сказать, основу свою на немъ имѣетъ, хотя, впрочемъ, великое множество содержитъ словъ собственно русскихъ, по свойству коихъ, нѣкоторыя изъ Славенскаго языка почерпнутыя, иное окончаніе, иное образованія, а другія и новый смыслъ получили (Словарь Акад. Росс. 1789, ч. I, стр. VI)". Въ то же время „языкъ россійскій, имѣя незыблемымъ основаніемъ языкъ славенскій, посредствомъ книгъ священныхъ и церковныхъ, сохранилъ" свою цѣлость, такъ что „народъ россійскій, не взирая на дальнее разстояніе мѣстъ, имъ обитаемыхъ, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ (тамъ же, стр. VII)". Несмотря на это, составители словаря признаютъ „неоспоримую истину", что „языкъ россійскій болѣе измѣнился и измѣняется предъ языкомъ славенскимъ, что не можетъ показаться удивительнымъ тому, кто представитъ себѣ великое пространство россійскаго обладанія, сосѣдственныхъ и въ нутри обитающихъ разноплеменныхъ народовъ"... „Таковое состояніе языка славенороссійскаго заставило академію, при составленіи словаря своего, вникать въ тотъ и другой языкъ съ возможною точностью (тамъ же, стр. VIII)". Т. о. здѣсь какъ бы различаются эти два языка. Въ началѣ же предисловія говорится только о „Славенороссійскомъ" языкѣ: „Академія поставила себѣ долгомъ сочиненіе Словаря или изъясненія словъ, реченій, рѣчей и разнаго рода вѣщаній въ языкѣ Славенороссійскомъ употребительныхъ (стр. V)". Нѣсколько ниже: „разсѣянное обиліе языка Славенороссійскаго во множествѣ разныхъ книгъ какъ древ-

[1]) См. исторію его у Сухомлинова «Исторія Россійской Академіи», вып. VIII и послѣдній 1887 г., стр. 1-я и слѣд.

нихъ, такъ и новѣйшихъ писателей было главною доселѣ причиною трудности въ прямомъ нашего языка употребленіи... но сіе самое обиліе, въ единой составъ приведенное, облегчитъ каждаго трудъ въ познаніи точнаго смысла и употребленія языка Славенороссійскаго (стр. VI)". И только затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе „Славенороссійскаго" языка, приведенное выше. Тѣмъ не менѣе, въ самомъ словарѣ церковнославянскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ, въ большинствѣ случаевъ выдѣлены вполнѣ удачно. Признаки, которыми руководствовались при этомъ составители словаря, состояли въ слѣдующемъ: 1) критерій лексико-семасіологическій: а) внѣшнее различіе словъ въ томъ и другомъ языкѣ, означающихъ тожественныя понятія (синонимія); б) различіе значеній при внѣшнемъ тожествѣ славянскаго и русскаго слова (гомонимія); 2) критерій морфологическій: особенности морфологическаго строенія—употребленіе тѣхъ или другихъ суффиксовъ и т. п. словообразовательныхъ элементовъ; 3) критерій фонетическій: различіе звуковыхъ законовъ въ томъ и другомъ языкѣ (полногласіе и отсутствіе его, русское о || стсл. ъı, начальное русск. о || стсл. ѥ, русское ч, ж || стсл. шт, жд).

1) а. Примѣры отличенія славянскихъ и русскихъ синонимовъ: „*якорь*, послaвенски *ко́тва* (ч. VI, стр. 1044)"; „*ротъ*— послaвенски Уста (?! ч. V, стр. 168)".

б. Примѣры различенія славяно-русскихъ гомонимовъ: „*квасъ*— въ славенскомъ значитъ то же, что *закваска*, умал. *закваска*: „малъ *квасъ* все смѣшеніе кваситъ" (Гал. V, 9). Въ обыкнов. росс. язык. *квасъ* значитъ: Напитокъ кислый... (ч. III, стр. 495).

2) Примѣры примѣненія морфологическаго критерія. Различіе суффиксальное: Скороходъ — Послaвенски же Скороходецъ (ч. III, 221); Пѣтухъ — Послaвенски Пѣтелъ (IV. 1256); Оселъ—Послав. *осля* (IV. 646) и т. д.

3) Примѣненіе фонетическаго критерія. А) Полногласіе: „Лакоть—славенск.; просто же локоть (III. 1135); Власъ — Слав. въ общемъ же языка употр. Волосъ (I. 760); Класъ—Слав. просто же Колосъ (III. 591); Бразда—Слав. въ общемъ же языка

употребл.—Борозда (I. 312); Стражъ—Слав.; просто же: Сторожъ (V. 866)“ и т. д.

Б) Русское о || стсл. ы: „ною—Слав.; просто же Ною (IV. 573); мою—Послав.: мыю (IV. 282)“ и т. д.

В) Сохраненіе въ славянскомъ і = ь и исчезновеніе его въ русскомъ: „Бію—Послав.; въ обынов. же разговорѣ сокращенно... Бью (I. 172); Копіе—славенск.; просто же копье (III. 801)“ и т. д.

Г) Славянское **жд, шт** || русск. *ж, ч*: „Невѣжда—Славянск.; просто же Невѣжа (I. 974); вижду—Слав.; просто же: Вижу (I. 675); ночь—Послависнски: Нощь (IV. 555); Мощь—Слав.; просто же Мочь (IV. 206); хощу—Славенск.; просто же Хочу (VI. 577)“ и т. д.

Такимъ образомъ составители словаря знали главныя фонетическія отличія русскаго языка отъ старославянскаго, хотя и не всегда примѣняли это знаніе, какъ это видно будетъ изъ нижеприведенныхъ примѣровъ. То же слѣдуетъ сказать и о ихъ примѣненіи лексическаго и морфологическаго критеріевъ. Такъ находимъ:

1) Ротъ—Послав.: Уста (?) т. V. 168; Трактиръ—Послависнски: Гостинница „Приведе его въ гостинницу“ (Лук. X. 34).

2) Сиротскій—Послависнски: Сиротній (V. 458).

3) Предпріемлю—Слав. просто же: Предпринимаю (II. 99); обращаю, -ши, -тихъ, -ащати—Славенск.; просто же: Обращаю, -ешь, -илъ, -ать (I. 895). Благовременно—Въ слав. же языкѣ: Благовременнѣ (I. 926); Издалече и Издалеча—Славенск. (?); просто же Издалека (II. 460); Высóко—Слав.; просто же Высокó (I. 950) и т. д.

Большое количество примѣровъ см. у Сухомлинова (Исторія Россійской Академіи. Вып. VIII. 1887, стр. 76—86).

Относительно ударенія приводимыхъ въ словарѣ формъ находимъ опредѣленное указаніе въ Предисловіи (I, стр. XIII): „различное произношеніе и удареніе словъ по разности областей Академія тщилася соображать по выговору въ столицахъ употребляемому, наблюдая удареніе въ книгахъ Славенскихъ принятое, доколѣ не будутъ открыты точныя и на сіе правила“. Какъ видно, впрочемъ, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, составители не могли иногда разобраться въ томъ, какая акцентуація должна быть признана

русской и какая славянской, тѣмъ болѣе, что и акцентуація славянскихъ книгъ въ концѣ концовъ почти вся русская.

Второе изданіе „Словаря“ (Спб. 1806—1822 въ шести же частяхъ), уже безъ предисловія, не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ перваго, и все сказанное выше имѣетъ силу и въ отношеніи его.

Грамматики, выходившія въ послѣдующіе года, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ практическія, школьныя цѣли, мало самостоятельны, какъ въ отношеніи матеріала, такъ и его обработки и могутъ быть пройдены молчаніемъ. Направленіе „обще-грамматическое“, нашедшее себѣ на Западѣ выраженіе въ работахъ De Brosses'a, Court de Gébelin'a, ученыхъ des Port Royal, Beauzée, Silvestre'a de Sasy, Malmesbury, Horne Tooke'a, Августа Фридриха Бернгарди и др., и проникавшее мало по малу и къ намъ, было также мало благопріятно для разысканій фактическаго характера, такъ что изслѣдованіе занимающаго насъ вопроса не сдѣлало никакихъ успѣховъ въ трудахъ этого рода, представителями котораго у насъ являлись грамматики Орнатовскаго и Тимковскаго [1]).

Первый даже слабо различаетъ русскій языкъ отъ старославянскаго. Такъ на стр. 23 онъ заявляетъ, что будетъ „до нѣкотораго времени разсматривать исторію его (Славяно-россійскаго языка) вмѣстѣ, не раздѣляя на нарѣчія: Славянское и Русское“. Сверхъ этого находимъ у него слѣдующія замѣчанія по данному предмету: на стр. 30-й утверждается, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ „коренной Славянскій языкъ совершенно вышелъ изъ разговорнаго употребленія (?!); и знаніе его начало почитаться удѣломъ однихъ ученыхъ; а Уложеніе царя Алексія Михайловича было написано на общенародномъ Россійскомъ языкѣ, исключая немногія Славянскія выраженія“. На стр. 90-й говорится, что *мать* и *дочь* въ косвенныхъ падежахъ склоняются по образцу Славенскихъ *матерь* и *дщерь*, (что однако не должно значить, что эти формы заимствованы изъ

[1]) Новѣйшее начертаніе правилъ Россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ, сочиненное Иваномъ Орнатовскимъ. Харьковъ. 1810. 8° (311 стр.).

Опытный способъ къ философическому познанію Россійскаго языка. Соч. Ильи Тимковскаго. Харьковъ. 1811 г. 8° (310 стр.).

церковнославянскаго). На стр. 91-й находимъ замѣчаніе, что звательный падежъ на *-е* „приличествуетъ собственно слогу Славено-Россійскому“, затѣмъ на стр. 103-й утверждается, что „въ важныхъ предметахъ, также въ слогѣ высокомъ и близкомъ къ Славенскому употребляются лучше числительныя Славенскія“. На стр. 182-й замѣчается, что глаголы „собственно Славенскіе давнопрошедшаго (т. е. многократнаго вида) не имѣютъ“. Какъ видно, замѣчанія эти не представляютъ ничего новаго, сравнительно съ грамматиками Ломоносова и Россійской Академіи; напротивъ, проходятъ молчаніемъ многое въ нихъ встрѣчающееся. Находимъ у Орнатовскаго и неудачныя „правила“, какъ напр. на стр. 189, гдѣ глаголы въ родѣ *блуждаю* признаются русскими: „кончающіеся на *жу*, кои въ Славенскомъ кончатся на *жду*, *у* перемѣняютъ на *даю*. Напримѣръ *блуж-у блуж-даю* (отъ слав. *блужду*), *нуж-у принуждаю*, *суж-у разсуж-даю*“. Всѣ эти замѣчанія касаются морфологіи; только на стр. 245-й находимъ замѣтку синтактическаго свойства: „глаголъ *воскреснуть* принимаетъ родительный съ предлогомъ *изъ*..... Иногда же по свойству языка Славенскаго вмѣсто предлога *изъ* употребляется съ предлогомъ *отъ*, напр. *воскреснуть отъ гроба*“.

Тимковскій также не дѣлаетъ большаго различія между церковнославянскимъ и русскимъ, устанавливая существованіе „Славенороссійскаго“ языка. При этомъ однако, хотя онъ и утверждаетъ, что „Россійскій удержалъ силу Славенскаго въ существѣ и высшемъ употребленіи своемъ (стр. 50)“, но находитъ между ними и нѣкоторыя „разности“, заключающіяся:

„а) въ выговорѣ буквъ, а паче гласныхъ и въ удареніи словъ;

б) въ прибавкѣ или выпущеніи буквъ и слоговъ и въ грамматическихъ перемѣнахъ словъ; въ немъ также двойственное число и многія вспоможенія глагола существительнаго въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ времени оставлены. На прим.: *градъ городъ*; *древа*, *древеса*, *дерева*, *деревья*; *нощію*, *ночью*; *князи*, *князья*; *врази*, *враги*; *чту*, *читаю*; *предълъ*, *предъловъ*; *предълы*, *предълами*; *на чадѣхъ*, *на чадахъ*; *мя*, *меня*; *ся*, *себя*; *идоста*, *идоша*,

шли; ходихомъ, мы ходили; явитимися, явиться мнѣ; краснѣе, краше; позднѣе, позже.

в) Въ произведеніи, сложеніи и значеніи словъ. Многія слова прежнія оставлены, новыя отъ Славенскихъ корней произведены, новыя окончанія въ словопроизведеніи приняты; иныхъ словъ значеніе перемѣнилось.

г) Въ словосопряженіи и управленіи, напр. *солнце сіяетъ свѣтъ свой; радоватися о Господѣ* и т. д.

д) Въ слогѣ. Рѣчь возвышенная, а найпаче писменный высокій слогъ придерживаются болѣе словъ, словопроизведенія, словосопряженія и выговора Славенскаго, неудаляясь впрочемъ къ обветшалому употребленію".

Несмотря на свою голословность, не подкрѣпленную достаточнымъ количествомъ примѣровъ, эти замѣчанія являются довольно самостоятельной и опредѣленной попыткой формулировать „разности", имѣющіяся между русскимъ и церковнославянскимъ языками. Но отсутствіе примѣровъ (только пункты б) и г) снабжены ими), а также несовсѣмъ удачный ихъ выборъ (форма *враги* тоже славянская; *чту* и *читаю* могутъ одинаково хорошо принадлежать обоимъ языкамъ; формы *краснѣе* и *позднѣе* совершенно возможны и въ русскомъ) лишаютъ эту попытку почти всякаго положительнаго значенія.

Изъ грамматикъ, появившихся за это время на иностранныхъ языкахъ и принадлежащихъ иноземнымъ ученымъ, можно остановиться на трудахъ Фатера [1]) и Пухмайера [2]).

У перваго находимъ довольно обстоятельное замѣчаніе о разныхъ произношеніяхъ русскаго языка, сообразно содержанію и матеріалу рѣчи: „Was die Aussprache betrifft; so muss man die ge-

[1]) Vater (Ioh. Sever.). Praktische Grammatik der russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Uebungsstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik und Berichtigung der Heymischen Sprachlehre. Leipzig 1808. 8° (XL+160 стр.). 2-te vermehrte und umgearbeitete Auflage. Ibidem. 1814. 8° (XII ненум. +276).

[2]) Puchmayer (Ant. Jar.) Lehrgebäude der russischen Sprache. Nach dem Lehrgebäude der böhmischen Sprache des H. Abbé Dobrowsky. Prag. 1820. 8° (XLI+288 стр.).

wöhnliche Aussprache des Russischen von der feyerlicheren bey dem Vortrage öffentlicher Reden auch selbst der Rollen hoher Personen auf dem Theater oder bey dem Slawonischen, welches die Kirchensprache ist, wohl unterscheiden. Diese feyerlichere Rede weiss von der Aussprache des r durch *w*, und den mancherley nachher anzugebenden Veränderungen des *e* in *jo*, des *o* in ein *oa* u. s. w. nichts, sondern spicht a, e, o wie wir (стр. 4).

На слѣдующей (пятой) страницѣ замѣчается о произношеніи г, которое „... in vielen, besonders Slawonischen und gottesdienstlichen Wörtern ganz in *h* übergeht, z. B. благословляю blahoslowl'aju (ich segne), und so auch in den Wörtern господъ hospod (Herr), государь hosudar (Herr), in den Casibus von Богъ (Gott) z. B. Бога boha (Gottes).

На стр. 15—16 говорится о выговорѣ „дифтонга" *-ей*: „Doch muss man auch den Laut dieser Diphthongen ja aus dem Munde der Nationalen auffassen, und dabey wiederum den Unterschied der Slawonischen und der beym Umgange Gebildeter gewöhnlichen Aussprache wahrnehmen; Slawonisch verhallt z. B. bey *iй* das *й* ganz in *i*, sie flissen zusammen und der Laut hört fast auf Diphthong zu seyn, aber dasselbe iй lautet in der gewöhnlichen Russischen Aussprache, wenn es unbetont ist nach в, н, ж, ч, ш, щ, wie e^{j} z. B. сре́дній sredne^{j} dageden wenn es hinter andern Buchstaben unbetont ist z. B. высокій wie a^{j} und wenn es betont ist, wie bey какíй wie o^{j}.

Мы не можемъ уже судить, насколько доступно было Фатеру изученіе русскаго произношенія. Судя по нѣкоторымъ промахамъ (господъ=hospod, государь=hosudar) въ транскрипціи русскихъ словъ, можно думать, что русское произношеніе не было имъ твердо усвоено. Тѣмъ не менѣе, разница выговора обыкновеннаго, разговорнаго и церковнаго, книжнаго обратила на себя его вниманіе; какъ на особенности послѣдняго онъ указываетъ на спирантное произношеніе *i*, на сохраненіе ударенаго *é* (въ русскомъ=„ё") и ясное произношеніе неударенныхъ гласныхъ. Какъ понимать замѣчаніе Фатера, приведенное у насъ въ концѣ, сказать трудно. Неясно, хочетъ ли онъ сказать, что въ церковномъ выговорѣ произносилось

не *ій*, а *и* (какъ въ малорусскомъ *солодки*), что въ наше время уже не имѣетъ мѣста, или только обратить вниманіе на то, что церковному *ій* (-j въ -ij и такъ будетъ слышенъ весьма слабо) соотвѣтствуютъ въ народномъ языкѣ *-ей* въ неударенномъ слогѣ и *-ій* подъ удареніемъ. Этими замѣчаніями ограничивается все, что Фатеръ считалъ необходимымъ указать по данному предмету. Случаевъ, гдѣ онъ долженъ былъ бы отличать церковнославянскіе элементы отъ русскихъ, но не сдѣлалъ этого, очень много, но мы оставимъ ихъ въ сторонѣ и перейдемъ къ слѣдующему по времени иностранному изслѣдователю русскаго языка—Пухмайеру. Предисловіе къ грамматикѣ послѣдняго, написанное Іосифомъ Добровскимъ, заключаетъ въ себѣ обзоръ русскихъ грамматикъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ грамматики Лудольфа. (Vorrede. Literatur der russischen Sprachlehren).

Добровскій начинаетъ съ указанія руссизмовъ въ памятникахъ древней русской письменности (считая съ XIII-го вѣка, въ лѣтописяхъ Нестора и другихъ хронистовъ, въ Русской Правдѣ, Словѣ о Полку Игоревѣ), которыя въ общемъ все-таки по его мнѣнію написаны славянскимъ языкомъ. Примѣры, приводимые имъ, распадаются на слѣдующія категоріи: полногласныя русскія формы, рядомъ съ неполногласными, предлогъ *вы* вмѣсто *изъ*, начальное *о* вмѣсто *е*. Затѣмъ слѣдуетъ попытка прослѣдить постепенное проникновеніе русскаго природнаго элемента въ письменность и грамматики, пока онъ не вытѣсняетъ окончательно церковнославянскій и въ той, и другой области. При этомъ онъ пользуется приведенными у насъ выше свидѣтельствами Лудольфа и Фриша объ употребленіи двухъ языковъ въ Московскомъ государствѣ, перечисляетъ нѣсколько старопечатныхъ изданій (библія Фр. Скорины, Несвижскій Катехизисъ 1562 года, грамматика Мелетія Смотрицкаго и т. д.), гдѣ болѣе или менѣе даетъ себя чувствовать русскій разговорный языкъ, и разбираетъ въ отношеніи языка отрывокъ изъ „поученія избранна“, написанныхъ „wenigstens 100 Jahre vor Peter dem ersten“, на обычномъ южнорусскомъ, сильно полонизированномъ, книжномъ языкѣ. Въ точное изслѣдованіе и классификацію матеріала Добровскій не пускается и ограничивается общими замѣчаніями

историко-литературнаго и библіографическаго характера. Въ части, принадлежащей Пухмайеру и заключающей въ себѣ собственно грамматику, находимъ въ большинствѣ случаевъ обычныя замѣчанія, извѣстныя намъ изъ предшествующихъ работъ. Такъ на стр. 6-й говорится, что г произносится „in der feyerlihen Rede und der feinen Aussprache“ какъ *h*: бóга, Gottes, Boha; государь, Monarh, hosudár'“. На стр. 8-й указывается, что „простыя“ *д* и *т* нерѣдко переходятъ въ *жд* и *щ* („besonders in hohem Style“). Какъ примѣры приведены формы: *сужду̀, суждѐнъ, разсуждáю, умерщвлю̀, умерщвлѐнъ, умерщвля̀ю, прещу̀, рóпщу*. Это замѣчаніе о *жд* и *щ* вообще встрѣчается рѣдко у предшественниковъ Пухмайера, такъ что оно можетъ быть отмѣчено. На стр. 123-й замѣчается о славянскихъ числительныхъ типа „вторыйнадесять“ и т. д., что они употребляются „bloss im hohen Style bey den Namen der Regenten, und bey den Monatstagen“. На стр. 178-й признаются „славянскими“ дѣепричастія на *-я*: „Я ist mehr slawenische, ючи mehr russische Form“. На стр. 207-й говорится объ основахъ на -es (при этомъ невѣрно утверждается, что въ славянскомъ всѣ имена средняго рода способны имѣть этотъ „аугментъ“ *ес*) и прибавляется, что „im hohen Style und bey Dichtern hat dieses Augment noch seinen Werth“. Относительно остатковъ, въ которыхъ эта основа сохранилась, необходимо замѣтить, что изъ трехъ такихъ остатковъ, приводимыхъ Пухмайеромъ: *небесá, чудесá, тѣлесá*, современный живой и разговорный языкъ сохранилъ только двѣ первыя; формы же *очесá* и *тѣлесá*, приводимыя также, совсѣмъ не встрѣчаются. На той же 207-й страницѣ говорится, что звательный, какъ самостоятельный падежъ, свойственъ только библіи и церковнымъ книгамъ и „ist bey einigen Wörtern ins Russische übergangen“. Пухмайеръ приводитъ слѣдующіе примѣры: Бóже, Гóсподи, Хрѝсте (sic!), Іисýсе, óтче, влады̀ко, учѝтелю, человѣче, жéно[1]). На стр. 208-й признается *-ію* въ *мудростію* окончаніемъ „славянскимъ“, которому въ русскомъ соотвѣтствуетъ *-ью*. На стр. 211-й говорится, что окончаніе род. над. ед. ч. у именъ существитель-

[1]) Ср. также стр. 259, § 47.

ныхъ мужск. рода *-а* свойственно „mehr dem hohen Style, das *y* aber dem gemeinen Leben eigen“. Въ поясненіе приводятся примѣры: „Духъ hat дýха, wenn es Geist, дýху, wenn es Geruch bedeutet. So auch долгъ, Gen. дóлга der Pflicht, дóлгу der Schuld. На стр. 222-й формы *уль, онь* признаются славянскими, русскія же формы будутъ *уголь, огóнь*. Объясненіе русскихъ формъ тѣмъ, что „der Russe verbindet nie zwey Consonanten zu eine Sylbe, ohne einen Vocal dazwischen zu setzen“, должно быть, конечно, въ наше время оставлено. На стр. 125-й утверждается, что „der weibliche Genetiv ыя, ія gehört dem hohen Style zu“. На стр. 235-й находимъ указаніе, что нѣкоторые глаголы принимаютъ „den slawenischen Ausgang in вянъ: крóю—закровéнъ (sic!) мóю—измовéнъ (sic!)“. На стр. 236-й говорится, что глаголы на *-дуть* (*-дить*?) принимаютъ въ первомъ лицѣ ед. ч. настоящаго времени *жду* вм. *жу* „besonders im hohen Style“: судúть-сужду́, суждéнъ, суждéніе“.

Мало успѣха замѣтно и въ грамматикѣ Греча [1]), который вовсе не былъ ученымъ филологомъ. Нѣкоторыя изъ его замѣчаній свидѣтельствуютъ о не совсѣмъ точномъ представленіи, которое онъ имѣлъ объ отношеніяхъ церковнославянскаго къ русскому, другія не новы.

Въ § 51-мъ читаемъ: „Введеніе въ Россію Христіанской Вѣры Греческаго исповѣданія имѣло важное вліяніе на тогдашній Русскій языкъ. Вѣроятно, что многія выраженія и обороты Ц. Славянскаго нарѣчія, заимствованныя непосредственно изъ языка Греческаго, были чужды и дики Россіянамъ того времени. Мало по малу, слыша безпрестанно языкъ сей при отправленіи службы Божіей, они привыкли къ его особеннымъ свойствамъ, и наконецъ стали почитать сіе пріобрѣтеніе всегдашнимъ своимъ достояніемъ. Нѣкоторые писатели того времени употребляли въ своихъ сочиненіяхъ, какъ выше сказано, языкъ Церковный; другіе писали на Русскомъ, но всегда болѣе или менѣе сбивались на первый, такъ что весьма трудно опредѣлить тогдашнія границы ихъ нарѣчій“. Выраженный въ этихъ словахъ взглядъ долженъ быть

[1]) Пространная Русская грамматика, изданная Н. Гречемъ. Спб. Ч. I. 1827 г. 8°. XVI+386 стр. Второе изд. исправленное. Спб. 1830. 8°. XVI+408.

признанъ въ общемъ вѣрнымъ. Тѣмъ страннѣе читать у Греча замѣчанія въ родѣ нижеслѣдующихъ:

„Въ концѣ XVII столѣтія собственно Русскій языкъ началъ освобождаться отъ оковъ Польскихъ (?!) и, очищаясь отъ чуждой примѣси, заимствовалъ сильныя и краснорѣчивыя выраженія изъ языка богослужебнаго“ (§ 53. въ концѣ).

„Вообще Русскій языкъ заключаетъ въ себѣ слова слѣдующаго происхожденія: 1) Славянскія, свойственныя ему вмѣстѣ съ Церковнымъ: оныя составляютъ бо́льшее число. Нѣкоторыя изъ нихъ при переходѣ въ Русскій языкъ (?!) поизмѣнились, напр. глава, голова; мравій, муравей; яко, какъ; азъ, язъ, нынѣ я и т. д.“.

Другія замѣчанія болѣе вѣрны, но мало новы; такъ въ § 131. 5 находимъ слѣдующее: „Т превращается (!) въ измѣненіяхъ словъ, непосредственно и безъ перемѣны заимствованныхъ изъ Церковнославянскаго языка, и въ щ; напримѣръ: обратить, обращу“.

Въ § 239. 2. „Зват. падежъ въ обоихъ числахъ сходенъ съ именительнымъ. Изъ сего исключаются имена, заимствованныя непосредственно изъ Ц. Слав. языка: они имѣютъ въ семъ падежѣ особенное окончаніе, напримѣръ: Господи, Боже, мати, Владыко, Христе, Сыне, отче и проч.“.

Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ Гречъ совсѣмъ не различаетъ слова заимствованныя отъ русскихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ у него совсѣмъ невѣрные выводы и утвержденія. Такъ въ § 244. 3. говорится, что „имена *мать* и *дочь* принимаютъ въ косвенныхъ падежахъ единственнаго и во всѣхъ падежахъ множественнаго окончаніе Церковно-Славянское (матерь, дщерь) матери, дочери, матерью, дочерью“. Между тѣмъ въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ просто сохраненіе первичной основы. Въ томъ же §, 4-е. утверждается, что слово *дитя* въ единственномъ числѣ склоняется какъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ: Род. Дат. Предл. дитяти, Тв. дитятемъ (?!). Множ. числа И. дѣти, Р. дѣтей и т. д.“.

Въ § 290, примѣч. 98 находимъ невѣрное утвержденіе, что „окончаніе *-ыя* или *-ія*, въ род. пад. ед. числа ж. рода, встрѣ-

чается только въ слогѣ высокомъ, принимающемъ формы Слав. языка (напримѣръ: *добродѣтели Великія Государыни*)“ между тѣмъ, какъ это окончаніе вполнѣ обыкновенно въ былинномъ и пѣсенномъ языкѣ, гдѣ его нельзя объяснить церковнославянскимъ вліяніемъ.

Въ § 374-мъ читаемъ: „окончаніе *-ть*.... превращается (!) въ *чь* (влечь), а при непосредственномъ заимствованіи глагола изъ Ц. Слав. въ *-щь* (влещь)“.

Въ § 419-мъ перечисляются недостаточные глаголы, заимствованные изъ церковнославянскаго, въ числѣ которыхъ однако находятся нѣкоторые, едва ли могущіе считаться заимствованіями: *блюсти, влечь, гобзать, гонзать; дерзать, единить, жаждать, здравить, зиждить, зіять, звяцать, зрѣть, карать, колебать, личить, коснить, лобзать, мерцать, мнить, непщевать, крестить, рещи, ристать, рѣять (?), сѣнить, сѣтить, творить (затворить?), тязать, ухать, хранить, царить, цѣлить, чаять (?)*. Ниже за то приводится много глаголовъ также „недостаточныхъ“, но безъ обозначенія ихъ заимствованія, какъ напримѣръ: *алчничать, бѣдствовать, блистать, владѣть, вредить, касаться, расти, тщиться* и т. д.

Замѣчанія, заключающія въ „Чтеніяхъ о Русскомъ языкѣ“ [1]) Греча же, слишкомъ ничтожны, чтобы стоило ихъ приводить.

Ближайшими по времени трудами являются краткая и полная грамматики Востокова [2]). Однако, несмотря на выдающіяся дарованія и знанія автора, несмотря на то, что Востоковъ первый далъ въ свое время научную характеристику старославянскаго языка въ своемъ знаменитомъ „Разсужденіи о славянскомъ языкѣ“ [3]), мы

[1]) Часть 1—2-я. Спб. 1840 г., 8° (VI. 336+404 стр.).

[2]) Сокращенная Русская грамматика для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, составленная А. Востоковымъ. Спб. 8°. 207 стр. Послѣдующія изданія: 1833, 1835, 1837 (этимъ мы пользовались), 1839 и т. д.

Русская грамматика Александра Востокова по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная. Спб. 1831. 8° XXIV+408. Послѣдующія изданія: 1835 (мы пользовались этимъ), 1838, 1839, 1842 и т. д.

[3]) Труды Московскаго Общества Любителей Словесности 1820, т. XIX, а также Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова. Издалъ по порученію 2-го отдѣленія Академіи Наукъ И. Срезневскій. Спб 1865. 8°. LXXXIII + 216+114: стр. 1—27.

встрѣчаемъ въ этихъ грамматикахъ слишкомъ мало по интересующему насъ предмету въ сравненіи съ тѣмъ, чего слѣдовало бы ожидать. Происходило ли это дѣйствительно отъ той осторожности, о которой говоритъ Срезневскій въ своемъ предисловіи къ изданію Филологическихъ Наблюденій (стр. XLIX: „Осторожность заставила его въ Русской грамматикѣ дать маловидное мѣсто языку простонародному и языку древне-Славенскому“ и т. д.), или отъ низкой оцѣнки Востоковымъ церковнославянскихъ элементовъ относительно ихъ значенія въ общемъ составѣ языка, а можетъ быть и отъ какихъ либо другихъ причинъ, мы не будемъ разбирать, такъ какъ рѣшеніе этого вопроса представляется намъ едва ли возможнымъ въ наше отдаленное больше, чѣмъ на полвѣка, время.

Въ „Сокращенной Грамматикѣ“ находимъ слѣдующія замѣчанія:

Стр. 34. 5. „Притяжательныя *божій, вражій*, во всѣхъ падежахъ и въ окончаніяхъ женскаго и средняго рода имѣютъ *і* вмѣсто *ъ: божія, вражія, божіихъ* и пр. Такъ и числительное *третій*, въ важной рѣчи можетъ склоняться *третіяго*, вмѣсто *третьяго* и проч.“.

На стр. 66-й читаемъ, что предъ окончаніями изъявительнаго наклоненія „въ глаголахъ изъ церковнаго языка заимствованныхъ... (измѣняется)... также и *д* на *жд*, а *т* на *щ: страдать, -жду, клеветать, -щу*“.

На стр. 68-й находимъ аналогичное замѣчаніе, что въ неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ съ основами на *г* и *к*, „заимствованныхъ изъ Церковнославянскаго языка, *ч* замѣняется буквою *щ*, а *ъ* буквою *и*; напр. *рещи, реку; пещись, пекусь*“.

На стр. 78-й говорится, что многократнаго вида „не имѣютъ заимствованные изъ церковныхъ книгъ и въ важной рѣчи употребляемые глаголы, первообразные и производные. Таковы суть: *вѣщаю, дерзаю, желаю, караю, касаюсь, лишаю, глаголю, жажду, стражду, клевещу, ропщу, вопію, творю, томлю* и многіе другіе“.

Въ „Полной Грамматикѣ“ немногимъ больше замѣчаній относительно вліянія церковнославянскаго на русскій. На стр. 7. 4

говорится, что слова „съ суффиксами *ійца, дца* заимствованы изъ Церковнословенскаго языка“. На стр. 22. 3. указывается, что звательные падежи: *Боже! Господи! Іисусе Христе! Владыко! Отче!* также заимствованы „изъ церковнаго Словенскаго языка“.

На стр. 39-й II а) замѣчается, что „заимствованныя изъ старинныхъ книгъ имена народовъ *Варягъ, Сарацинъ*, сохраняютъ въ родительномъ множ. числа сіе же окончаніе, напр. *родомъ изъ Варягъ, изъ Сарацинъ*“.

На стр. 114-й. VII. г. указывается на измѣненіе *г, к* въ неопредѣленномъ наклоненіи въ *ч*, которое „въ глаголахъ, заимствованныхъ изъ Церковнославенскаго языка, замѣняется буквою *щ*, напр. *рещи, реку: пещись, пекусь* (то же замѣчаніе, что на стр. 68-й краткой редакціи).

На стр. 144. 1. говорится, что „предлогъ *воз* (вз) въ языкѣ важномъ и въ Церковнословенскомъ имѣетъ ту же силу, какую имѣетъ *за* въ обыкновенномъ языкѣ и въ просторѣчіи... напр. *воспылать, вострепетать...*“

На стр. 352-й находимъ замѣчаніе о согласномъ *г*, который „по двоякому произношенію своему (g и h) принадлежитъ также къ буквамъ, выражающимъ по два звука. Второй изъ сихъ звуковъ имѣетъ буква *г* не только... въ иностранныхъ словахъ; напр. *Гамбургъ, Богарне*: но въ нѣкоторыхъ Русскихъ словахъ, особенно важной рѣчи принадлежащихъ; напр. *Гласъ Господа Бога*, выражено бы было Латинскими буквами: Hlas Hospoda Boha, а не Glas Gospoda Boga“. Относительно сказаннаго здѣсь необходимо замѣтить, что нѣкоторые изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ произносятся и съ взрывнымъ г (лат. g). Такъ *Богарне* многіе (даже знающіе французскій языкъ) выговариваютъ не со спирантнымъ γ, а съ взрывнымъ г, тоже должно сказать и о примѣрѣ *Гласъ*, гдѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, передъ слѣдующимъ за *г* согласнымъ, спирантное произношеніе не имѣетъ мѣста.

На стр. 360-й находимъ еще одно замѣчаніе о существительныхъ *вѣдѣніе, свѣдѣніе, мнѣніе, прѣніе*, которыя Востоковъ признаетъ „произведенными отъ глаголовъ Церковнаго Словенскаго языка: *сѣдѣти, свѣдѣти* и т. д.“.

Изъ приведенныхъ замѣчаній нетрудно убѣдиться, что Востоковъ, хотя и понималъ хорошо взаимныя отношенія русскаго и церковнославянскаго языковъ, однако отвелъ церковнославянскому вліянію очень немного мѣста въ своихъ грамматикахъ, во многихъ другихъ отношеніяхъ и теперь весьма цѣнныхъ.

Мало обращаетъ вниманія на это вліяніе и Калайдовичъ въ своей грамматикѣ [1]), вышедшей три года спустя послѣ появленія въ свѣтъ грамматики Востокова. И у него находимъ въ общемъ все тѣ же замѣчанія, что въ грамматикахъ его предшественниковъ. Такъ на стр. 8-й *г* названо „твердымъ дыханіемъ“ („въ словѣ *Господь*, а въ Малороссійскомъ всегда“); на стр. 30-й читаемъ, что „въ нѣкоторыхъ страдательныхъ причастіяхъ, изъ Славянскаго языка взятыхъ, удерживается двойное *н* вездѣ, кромѣ муж. рода, напр. *вдохновенный*, *вдохновенъ*, *вдохновенна*, *вдохновенно*, *вдохновенны* (замѣчаніе новое и принадлежащее Калайдовичу).

На стр. 32-й замѣчается, что звательный падежъ „окончаніемъ своимъ одинаковъ съ именительнымъ, но слова *Господь*, *Богъ*, *Іисусъ*, *Христосъ* почти всегда удерживаютъ Славянскія окончанія: *Господи! Боже! Іисусе! Христе!* На стр. 39. 3. „окончаніе *-ья*“ вмѣсто *-ія* признается „разговорнымъ“: „Имена на *-ія* оканчиваются въ дат. и предложномъ падежахъ единств. числа на *-іи*, напр. *молнія*, *молніи*, *о молніи*, *судія*, *судіи*, *о судіи*. Но если окончаніе *ія* замѣняется разговорнымъ *ья*, то слѣдуетъ общему правилу, напр. *судья*, *судьѣ*, *о судьѣ*“. На стр. 40. 3 находимъ примыкающее къ этому замѣчаніе, что „творительный единственнаго *-ію*, можетъ сократиться въ *-ью*“, причемъ однако не сказано, что первая форма имѣетъ книжный оттѣнокъ и поддерживается церковнославянскимъ. Также ничего не говоритъ объ этомъ Калайдовичъ и на стр. 41. 3, гдѣ идетъ рѣчь объ именительномъ падежѣ на *-іе*, *-ье* и предложномъ на *-іи*, *-ьи*, *-ьѣ*, равно какъ на стр. 42. 5, гдѣ замѣчается, что „имена

[1]) Грамматика языка русскаго. Часть I, познаніе словъ. Сочиненіе Калайдовича (Ивана Ѳеодоровича). Москва. 1834. 8°. 102 + X + 2 ненумерованныхъ.

на *-іе*, перемѣняются на *-ій*“ въ род. пад. множ. числа: *оружіе, оружій* и т. д.

На стр. 43. 4. род. п. ед. ч. женскихъ прилагательныхъ на *-ыя, -ія* признается Славянскимъ. На стр. 65. 5. указывается, что „прошедшее страдательное причастіе на *тый*, въ высокомъ слогѣ имѣетъ и другое окончаніе, Славянское на *овѣнный* (спрягаемое *овѣнъ*), напр. *отрѝну, отрѝнутый* и *отриновѣнный*. На стр. 68. 5 признаются Славянскими обороты въ родѣ: *„да научусь творить угодное Тебѣ“*. На стр. 87-й указывается, что „усиливательное нарѣчіе *пре* можно найти только въ Славянскихъ гласныхъ, напр. *превосхожу, пребуду;* а въ другихъ, *пре* есть предлогъ, одного значенія съ предлогомъ *пере*“. Наконецъ на стр. 102. 6. говорится о глаголахъ, измѣняющихъ „окончаніе перваго лица наст. вр. ед. ч. *-щу*“ на *-тишь* во второмъ лицѣ и присовокупляется, что „почти всѣ сіи глаголы Славянскаго окончанія *щу*, въ Русскомъ имѣютъ соотвѣтственное окончаніе *чу*“.

Нѣкоторыя замѣчанія о церковнославянскихъ элемснтахъ въ русскомъ языкѣ встрѣчаемъ затѣмъ въ работахъ кіевскаго профессора Максимовича. Въ его „Критико-историческомъ изслѣдованіи о русскомъ языкѣ“ [1]) элементы церковнославянскій и природный разграничиваются другъ отъ друга въ общемъ очень ясно и вѣрно. Указывается на русскую первичность полногласія въ противоположность распространенному тогда мнѣнію о первичности старославянскихъ ра, ла, ре, лѣ; въ связи съ этимъ обращается вниманіе на параллелизмъ формъ предлога *разъ* и *розъ*, и приведены примѣры, хотя все формулировано нѣсколько неясно и сбивчиво. Ниже находимъ указаніе на книжное происхожденіе русскихъ формъ, въ составъ которыхъ входитъ предлогъ *изъ* (*избрать, исходъ, изгнать* рядомъ съ *выборъ, выбрать, выходъ, выгнать* стр. 14). На стр. 22-й указывается, что, хотя „въ великорусскомъ языкѣ и господствуютъ вообще примѣты Югозападныя, но иногда (?) сіе зависитъ отъ позднѣйшаго вліянія Церковнославянскаго языка“.

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1838, т. XVII. № 3. Стр. 531—562. Отд. оттискъ. Спб. 1838. 8°. Стр. 33. См. также Собраніе Сочиненій, т. III. 1880. Кіевъ (Цифры страницъ, цитируемыя въ текстѣ, относятся именно къ послѣднему изданію).

Въ вышедшей въ слѣдующемъ году „Исторіи древней русской словесности“ [1]) находимъ также частыя замѣчанія по интересующему насъ предмету. Въ VI-й главѣ, трактующей о русскомъ языкѣ въ отношеніи къ западнославянскимъ, въ отдѣлѣ „о полногласіи Русскаго языка“ (стр. 419 — 425) указываются различныя заимствованія изъ церковно-славянскаго (стр. 422, примѣчаніе 1). Церковнославянскому языку и его вліянію на русскій посвящена вся VIII глава (стр. 440—449), озаглавленная: „О письменномъ употребленіи церковнословенскаго языка въ древней Руси и о вліяніи сего языка на народъ русскій“. Здѣсь (въ примѣчаніи первомъ на стр. 441) приводятся примѣры природно-русскихъ формъ въ памятникахъ древней русской письменности. Критеріемъ для ихъ отличенія служатъ Максимовичу слѣдующія звуковыя соотвѣтствія: р. *оро*, *ере*, *оло* || стсл. **ра**, **ре**, **ла**, **ле**; р. *ж* и *ч* || стсл. **жд**, **шт**. Второй отдѣлъ этой главы „Вліяніе Церковно-словенскаго языка на народный русскій“ указываетъ на условія, способствовавшія смѣшенію этихъ двухъ языковъ и на значеніе заимствованныхъ элементовъ для лексическаго и семасіологическаго богатства русскаго языка. Несмотря на отсутствіе матеріальныхъ данныхъ (примѣровъ) и вполнѣ общій характеръ изложенія, этотъ отдѣлъ представляетъ очень полную общую картину даннаго вопроса и заслуживаетъ быть приведеннымъ въ подлинникѣ: „Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ Церковно-Словенскій въ древнее время входилъ у насъ и въ изустное или разговорное употребленіе, не только у духовенства, которое привыкало къ нему съ молода, но и у грамотныхъ мірянъ. Тутъ еще удобнѣе было Ц. Словенскому языку смѣшиваться съ народной Русской рѣчью и измѣняться посредствомъ живаго употребленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ и народной Русской рѣчи удобно было, изъ такого средняго или смѣшаннаго состоянія, переходить въ письменный языкъ, а въ себя принимать мало по малу стихіи Церковно-Словенскаго языка. Разговорный языкъ грамотнаго сословія, какъ замѣчено выше, составляетъ ту средину между книжнымъ и простонароднымъ языкомъ, гдѣ наиболѣе происходятъ различныя измѣ-

[1]) Кіевъ, 1839. 8°. 226, а также Собр. Сочин. Т. III. стр. 346—472.

ненія народнаго языка, и откуда сіи измѣненія переходятъ въ употребленіе простонародное. Потому и понятно, что языкъ Церковно-Словенскій, непрестанно слышанный нашимъ народомъ въ Богослуженіи и въ разговорѣ людей церковныхъ и грамотныхъ, отозвался и въ народной Русской рѣчи многими словами и выраженіями Библейскими, которые приживались къ языку Русскаго народа, какъ благопріобрѣтенное его достояніе и богатство.

„Итакъ Церковно-Словенскій языкъ не только далъ образованіе письменному языку Русскому, въ словосочиненіи и правописаніи; но болѣе всѣхъ другихъ языковъ имѣлъ участіе въ дальнѣйшемъ образованіи нашего народнаго языка. Сіе участіе мало простиралось на устроеніе цѣлой рѣчи или словосочиненіе: ибо устроеніе народной рѣчи образуется собственнымъ развитіемъ народной жизни и трудно принимаетъ образы чужой рѣчи, хотя бы и соплеменной. Живою силою своею она воспринятымъ стихіямъ даетъ собственный образъ, передѣлаетъ ихъ на свой ладъ.

„Вліяніе Церковно-Словенскаго языка преимущественно простиралось на стихійный составъ языка или части рѣчи, состоящія въ словахъ и звукахъ. И въ семъ отношеніи участіе его было велико. Онъ сообщилъ языку Русскому многія для него новыя слова, служащія выраженіемъ разныхъ понятій и предметовъ, которые были чужды Русскому народу до принятія имъ Христіанства; напримѣръ о предметахъ и понятіяхъ, относящихся къ Церкви, къ наукамъ. Сообщилъ слова, хотя и не новыя по своему значенію, но образованныя изъ иныхъ корней, чѣмъ прежде бывшія у насъ ихъ синонимы. Сообщилъ свои, въ то время новыя для насъ формы такихъ словъ, которыя уже прежде были въ нашемъ языкѣ. Таковы преимущественно слова сокращенной формы — *злато, мракъ, прахъ, млеко* и проч.

„По мѣрѣ того, какъ усвоялись намъ всѣ сіи слова и формы, наши прежнія народныя слова и формы часто принимали уже другое положеніе въ языкѣ: одни получали новую оттѣнку или значительность выраженія; другія ограничивались въ кругѣ своего значенія; иныя получили другой смыслъ; нѣкоторыя же совсѣмъ были вытѣсняемы взъ нашего языка словами Церковно-Словенскими.

„Нерѣдко и сами Русскіе, какъ бы примѣняясь къ Церковно-Словенскому языку (?) измѣняли по его образцу свои прежнія, и даже отъ него занятыя слова. Такъ напримѣръ (?!), слово *крестить*, — по древнему правописанію *крьстить*, — въ Великорусскомъ простонародіи говорится—*кстить* (Причемъ тутъ „примѣненіе“ къ церковнославянскому языку и какимъ образцомъ могъ онъ служить въ данномъ случаѣ, непонятно).

„Такимъ то образомъ и въ разговорномъ языкѣ Русскомъ,—не только общепринятомъ или употребляемомъ сословіями образованными, но и въ простонародномъ, — произошла та же двоякость, какая замѣчена выше въ нашемъ языкѣ письменномъ,—то же смѣшеніе нашей природной стихіи и усвоенной нами стихіи Церковно-Словенской. Одно и то же слово употребляется въ двухъ видахъ: въ чисто Русскомъ и въ Церковно-Словенскомъ; производныя слова того же корня, одни образованы по чисто Русской формѣ, другія по формѣ Церковно-Словенской.

„При такой двоякости формъ одного и того же слова, Церковно-Словенская форма имѣетъ обыкновенно болѣе возвышенный тонъ, болѣе мысленное и обширное значеніе, какъ форма нашего священно книжнаго языка. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ такъ глубоко усвоился намъ, что иногда принятое отъ него слово мы употребляемъ уже какъ наше народное, обыкновенное; а своенародная, но старинная форма того же слова имѣетъ уже значительность Словенской формы; напримѣръ *шлемъ* и *шеломъ*[a].

Такой полной картины занимающаго насъ явленія мы не встрѣчаемъ ни у одного предшественника Максимовича. За исключеніемъ одного абзаца (о глаголѣ *крестить—кстить*), весь отрывокъ является результатомъ яснаго научнаго мышленія, основаннаго на извѣстномъ знаніи предмета, тонкой наблюдательности и свѣтломъ умѣ.

Больше всѣхъ другихъ своихъ предшественниковъ, Максимовичъ обращаетъ вниманіе на семасіологическую сторону вопроса, указываетъ категорически на существованіе славяно-русскихъ и лексико-сематическихъ параллелей и опредѣляетъ оттѣнокъ значенія, принадлежащій членамъ этихъ параллелей. Замѣчаніе о формахъ *шлемъ* и *шеломъ* свидѣтельствуетъ уже о такой тонкости наблюденія,

которую мы тщетно искали бы раньше. Въ другихъ, позднѣйшихъ своихъ трудахъ Максимовичъ еще не разъ затрогиваетъ данный вопросъ, хотя новаго послѣ вышеприведенныхъ примѣровъ въ нихъ найдется мало. Чтобы не разбивать вниманія читателя, мы приведемъ выдержки изъ нихъ здѣсь же, хотя они и принадлежатъ гораздо болѣе позднему времени.

Въ „Начаткахъ русской филологіи“ (1845 г. „Русская рѣчь въ сравненіи съ западно-славянской“, Кіевъ) объясняется (Собр. Сочин., т. III, стр. 67) уменьшеніе случаевъ „первороднаго полногласія“ (Максимовичъ, какъ извѣстно, считалъ полногласныя русскія формы болѣе древними и первичными, чѣмъ формы другихъ славянскихъ языковъ) „вліяніемъ церковнаго языка на языкъ Руси въ христіанскую пору ея жизни“.

„Въ главѣ „объ отношеніи церковнославянскаго [1]) языка къ русскому“, Максимовичъ совершенно основательно полемизируетъ съ Шишковымъ, Калайдовичемъ, Давыдовымъ и Павскимъ, доказывавшими тожество старославянскаго и старорусскаго языка. Взглядъ Максимовича на взаимное отношеніе этихъ языковъ является вообще во многихъ отношеніяхъ вполнѣ здравымъ и основательнымъ, составляя этимъ выдающееся исключеніе среди современной ему русской научной литературы. Рядомъ съ вѣрнымъ мы находимъ, разумѣется, также не мало произвольныхъ, ничѣмъ не обоснованныхъ и недоказуемыхъ допущеній и предположеній, что впрочемъ является вполнѣ естественнымъ при тогдашнемъ состояніи науки не только у насъ, но и на Западѣ. О вліяніи церковнославянскаго на русскій говорится въ общихъ чертахъ въ § 45 (стр. 78 — 79) и между прочимъ такъ: „въ продолженіе вѣковъ древняя народная рѣчь Московской Руси и языкъ церковный сроднились между собою и сочетались недѣлимо въ одинъ живой, цѣльный составъ, какой представляетъ собою нынѣшній русскій языкъ. Въ немъ къ прежнимъ, своенароднымъ словамъ и оборотамъ, вполнѣ прижились не только многія слова, но и нѣкоторыя формы и обороты церковно-

[1]) Максимовичъ понимаетъ подъ этимъ терминомъ старославянскій языкъ. Въ настоящей же работѣ понятія старославянскаго и церковнославянскаго строго различаются (см. ниже, гл. II, § 1).

славянскіе, которыхъ прежде не было на Руси. Многія своенародныя формы словъ или исключены изъ него, какъ обветшалыя; или не успѣли еще войти въ него. Иныя слова утвердились въ немъ и по старой, народной формѣ, и по новой, церковной, съ разными ограниченіями. Сообразно съ значеніемъ церковнаго языка у Руси, и его слова въ русскомъ языкѣ имѣютъ обыкновенно болѣе мысленное и обширное значеніе, болѣе сановитости, чѣмъ тѣ же слова народной формы. Языкъ русскій не утратилъ отъ того своенароднаго свойства и склада; ибо основа его звуковъ, словъ и оборотовъ осталась своя прежняя. Но онъ, принявши въ себя такъ много изъ языка церковнаго, пріобрѣлъ то двойственное богатство, при которомъ онъ въ состояніи уже отвѣчать вѣрными отголосками русской душѣ, для выраженія ея мыслей и чувствъ, и для изображенія внѣшняго міра, въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ". Объясненія „двойственности полногласныхъ и сокращенныхъ формъ" въ рускомъ языкѣ церковнославянскимъ вліяніемъ находимъ на стр. 81 — 82, 97 (Собр. Сочин. т. III), гдѣ признаются церковнославянскими формы *сладкій*, *преставился*, *хранитъ*, *храмъ*, *предъ*, *шлемъ* и на стр. 102; на стр. 120 и 121 указывается на церковнославянское происхожденіе предлоговъ *разъ* (разумъ) и *изъ*. Позже, въ 1856-мъ году въ Филологическихъ Письмахъ къ Погодину [1]) Максимовичъ опять возвращается къ вопросу о языкѣ нашей древней письменности, высказываясь опять въ одномъ мѣстѣ (Сочин. Т. III, стр. 188) противъ мнѣнія Срезневскаго (о которомъ см. ниже), о тожествѣ старославянскаго и старорусскаго и выдѣляя русскіе природные элементы изъ памятниковъ X—XIII вѣка (письмо IV, стр. 199 и слѣд.). Критеріемъ при этомъ выдѣленіи Максимовичу служатъ; полногласіе, начальное *о-* (*осень*, *одинъ*...) *ж* и *ч* вмѣсто *жд* и *шт* (*по нужи*, *межи вами*, *утвержаю*... *хочу*, *ночь*...). На стр. 228, 229, 234 и др. (Сочин. Т. III) замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ (напр. *разно* || *розно* и т. д.). Въ отвѣтныхъ письмахъ Погодину [2]), равно какъ въ Новыхъ

[1]) Русская Бесѣда 1856, № 3, стр. 78 — 139 или Сочиненія, Т. III, стр. 183—243.

[2]) Русская Бесѣда 1857, № 2, стр. 80—104 или Сочиненія, Т. III; стр. 244—272.

Письмахъ къ Погодину о старобытности Малорусскаго нарѣчія [1]) встрѣчаемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній мимоходомъ, не представляющихъ ничего новаго въ сравненіи съ приведенными выше образчиками.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ наша филологическая научная литература начинаетъ нѣсколько оживляться. Мѣсто обыкновенныхъ школьныхъ грамматикъ, какими были цитированныя выше работы Ломоносова, Академіи, Орнатовскаго, Тимковскаго, Греча, Востокова, Калайдовича и т. д., начинаютъ занимать монографіи по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ исторіи рускаго языка. Сюда принадлежатъ уже указанныя выше работы Максимовича, Буслаева [2]), Аксакова и другихъ, къ разсмотрѣнію которыхъ въ интересующемъ насъ отношеніи мы теперь и переходимъ. Буслаевъ касается вопроса о присутствіи церковнославянскихъ элементовъ въ русскомъ народномъ и литературномъ языкѣ лишь слегка, мимоходомъ. На стр. 168-й читаемъ: „.... съ распространеніемъ Христіанства вкрались къ намъ грецизмы и болгаризмы. Церковнославянскій языкъ былъ у насъ въ старину тѣмъ же, чѣмъ въ западной Европѣ латинскій, съ тою только разницей, что ближе къ нашему нарѣчію, нежели латинскій не только къ нѣмецкимъ, но и къ романскимъ. Отсюда начинается и доселѣ продолжается смѣсь нарѣчія церковнославянскаго съ народнымъ. Мы привыкли считать церковнославянскія формы только архаизмами, а не варваризмами: пусть такъ и останется“.

Далѣе, на стр. 220-й находимъ слѣдующее о смѣшеніи двухъ стихій — церковнославянской и русской: „вообще надлежитъ замѣтить, что въ старинныхъ памятникахъ нашей литературы народный языкъ постоянно смѣшивается съ церковнославянскимъ, такъ что любая страница лѣтописи предложитъ нѣсколько примѣровъ руссизмовъ. Отдѣливъ цс. языкъ отъ русскаго, Ломоносовъ обратилъ вниманіе на народныя реченія (дальше слѣдуютъ цитаты изъ

---

[1]) Газета «День» 1863, №№ 8, 10, 15, 16. Отдѣльно 16°, стр. 70 и Сочин. Т. III, стр. 273—311.

[2]) О преподаваніи отечественнаго языка. Сочиненіе Ѳедора Буслаева и т. д. Москва 1844. Часть I и II-я. 8°. VI+335; III+375.

„Россійской Грамматики“ Ломоносова, приведенныя у насъ выше)“. Затѣмъ Буслаевъ разсматриваетъ архаизмы, сначала дѣйствительные, потомъ церковнославянскіе, которые слѣдовало бы отнести къ варваризмамъ, но, какъ мы уже видѣли выше, Буслаевъ дѣлаетъ уступку обычаю и привычкѣ и продолжаетъ считать славянизмы архаизмами. Ихъ исторіи посвящено шесть страницъ въ книгѣ почтеннаго ученаго (стр. 303—309). Мы не встрѣчаемъ здѣсь попытки дать хоть какой нибудь критерій для отличенія славянскихъ заимствованій отъ русскаго природнаго матеріала. Буслаевъ указываетъ только, что „какъ въ старинныхъ памятникахъ церковнославянскихъ, въ лѣтописяхъ, посланіяхъ, постоянно попадаются русскія рѣченія между церковнославянскими: такъ и въ народной рѣчи, какъ архаизмы, разсѣяны славянизмы“, и затѣмъ начинаетъ перечень ихъ по различнымъ памятникамъ русской словесности. Перечень этотъ начинается съ „Древнихъ Русскихъ Стихотвореній“. Указаны здѣсь славянизмы въ области фонетики: „*звуки*: ѳ вм. о: *единъ*, я вм. ѣ: *ясти*, щ вм. ч: *хощетъ*, и пр.“ (стр. 303), въ области морфологіи: „*Склоненія*: ед. им. мати (373). ед. род. женск. со тыя горы со высокія (210); только ты дай мнѣ загонъ земли, „непаханыя и неораныя“ (5). Цс. зват. вм. имен., и Цс. винительн.“ и т. д. (стр. 303). „*Спряженія*: неокончат. наклоненіе, весьма часто на -и: стали пити, ясти, прохлаждатися 154. сужено поняти, „подъ златъ вѣнецъ стати, „законъ Божій пріяти, „дѣтей сводити 397. прошедш. описат. еще имали были свои добрые кони 404. а поѣхали были на своихъ добрыхъ коняхъ ibid. Цс. безличн.: не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить 163“ и т. д.; въ области лексическаго заимствованія: „Архаизмы въ частицахъ: и паче мнѣ брата родимаго 75. Князю дары полюбилися, „а Княгинѣ наипаче того 5 . . . . почто увезъ ты Настасью Дмитріевну? 142. почто онъ платье снимаетъ? 43. вельми онъ Иванъ закручинился 137. а Иванушки пономаря здѣ же нѣтъ 384. ради корысти своея 109. и буде же я васъ побью 78 и т. д.“.

Какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь выдержекъ изъ книги Буслаева, его уступка привычкѣ считать славянизмы только архаизмами сказалась смѣшеніемъ воедино разнороднаго матеріала.

Рядомъ съ дѣйствительными славянизмами приводятся и формы, могущія одинаково хорошо принадлежать старому русскому языку, какъ родит. падежи *со тыя горы, со высокія,* неопредѣл. наклоненіе на *-ти,* прошедшее описательное *поѣхали были* или частицы въ родѣ *почто, буде* и т. д.

Далѣе находимъ у Буслаева примѣры славянизмовъ, подобранные изъ разныхъ писателей: Ломоносова, Жуковскаго, Мерзлякова, Пушкина, Карамзина (Исторія Государства Россійскаго), причемъ опять (особенно у послѣдняго) настоящіе славянизмы приводятся рядомъ съ особенностями старорусскими и просто народными, какъ эпитеты—*сабли свѣтлыя,* тавтологіи—*возить навозъ* или *судить и рядить землю,* обычныя выраженія—*отъ мала до велика* и т. д., какъ народное слово приведено даже *прохлада* (стр. 307). Точное разграниченіе и классификація матеріала просто и не входили въ задачи Буслаева, желавшаго только показать, какъ можно утилизировать имѣвшійся уже тогда матеріалъ при обученіи отечественному языку. Глава „Исторія архаизмовъ“ заключается слѣдующимъ общимъ выводомъ относительно ихъ роли въ литературномъ языкѣ въ разныя времена: „если мы сличимъ архаизмы у Ломоносова, у Карамзина и у Пушкина: увидимъ естественную послѣдовательность, съ какою вкоренялись они въ письменный языкъ. Старинныя формы въ одахъ Ломоносова и въ ИГР. иногда останавливаютъ читателя, ибо не вездѣ связываются органически съ предыдущимъ и послѣдующимъ: Пушкинъ внутреннею, живою связью связалъ славянизмы съ народной рѣчью“.

Несмотря на свою поверхностность и недодѣланность, указанныя замѣчанія Буслаева являются интересными, какъ первая попытка прослѣдить исторически судьбу и значеніе славянизмовъ въ русскомъ народномъ и особенно литературномъ языкѣ.

Хотя, со времени появленія въ свѣтъ книги Буслаева, прошло уже 47 лѣтъ, мы до сихъ поръ еще не имѣемъ ни одного труда, который разработалъ бы лишь отчасти набросанный имъ здѣсь планъ.

Въ появившемся спустя два года послѣ выхода въ свѣтъ книги Буслаева, извѣстномъ изслѣдованіи Аксакова „Ломоносовъ въ

исторіи русской литературы и русскаго языка“ [1]) идетъ весьма часто рѣчь о церковнославянскомъ языкѣ и его отношеніи къ русскому. Правда, разсужденія Аксакова страдаютъ извѣстной абстрактностью, оторванностью отъ реальныхъ фактовъ языка, но до него никто еще не посвящалъ такъ много вниманія данному вопросу въ смыслѣ его общаго, національнаго, литературнаго и психическаго значенія. Цѣль Аксакова была показать постепенное образованіе современнаго русскаго. главнымъ образомъ литературнаго, языка путемъ проникновенія народныхъ элементовъ въ книжный церковнославянскій языкъ; всю исторію русскаго литературнаго языка, которой посвящена большая часть книги, онъ разсматриваетъ какъ извѣстный подготовительный періодъ; дѣятельность Ломоносова завершаетъ этотъ періодъ и придаетъ русскому языку ту окончательную форму и отдѣлку, которая даетъ ему право считаться самостоятельнымъ, самобытнымъ цѣлымъ. Но научныя убѣжденія Аксакова были слишкомъ неопредѣленны, ему недоставало строгой филологической выправки и систематическихъ знаній. Поэтому мы наталкиваемся у него на необъяснимыя противорѣчія. Самая цѣль Аксакова была совершенно противоположна нашей цѣли — показать значеніе славянизмовъ въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Указать руководящіе взгляды Аксакова на отношенія русскаго и церковнославянскаго языковъ не совсѣмъ легко; такъ разбросано ихъ изложеніе, изобилующее, какъ мы уже сказали, слишкомъ оторванными отъ реальной основы разсужденіями. На стр. 40-й Аксаковъ указываетъ, что „церковныя книги, богослуженіе, однимъ словомъ вся христіанская письменность была перенесена къ намъ на языкѣ церковно-Славянскомъ (въ примѣчаніи Аксаковъ отказывается входить въ изслѣдованіе, „къ какому собственно нарѣчію Славянскому должно отнести языкъ, на который переведены церковныя наши книги“; онъ утверждаетъ только, „что этотъ языкъ никогда не былъ языкъ Русской, отдѣлялся отъ него по-крайней-мѣрѣ такъ, какъ особое нарѣчіе“, и надѣется доказать это отчасти въ послѣд-

[1]) Москва. 1846. 8º. 517 стр.+IV ненумерованныхъ

ствіи), языкѣ не нашемъ, который сталъ такимъ образомъ сокровищницей святыни религіи, хранителемъ ея среди толпы народной, понятный, но недоступный для нея, гремѣвшій для нея въ храмахъ, гдѣ съ благоговѣніемъ внимала она его звукамъ. Церковно-Славянскій языкъ, перенесенный къ народу, имъ неговорившему и посвященный на служеніе вѣчному, проникнутый вѣчнымъ, божественнымъ содержаніемъ, былъ оторванъ тѣмъ отъ случайности, оторванъ отъ измѣненій, налагаемыхъ преходящимъ, увлекающимъ съ собою все, что не отдѣлилось отъ него, — и остался неизмѣненъ и вѣченъ въ своей первобытной формѣ [1]); всякое слово тамъ освятилось, всякое выраженіе, свободное отъ обыденнаго употребленія, приняло важный, торжественный характеръ; все случайное (?) языка отброшено было въ сторону отъ языка церковно-Славянскаго; на немъ нельзя было разговаривать, употреблять его выраженіемъ своихъ страстей и минутныхъ мимоидущихъ движеній, и даже болѣе важныхъ житейскихъ дѣлъ. Чудное зрѣлище въ самомъ дѣлѣ представляетъ этотъ языкъ, весь освятившійся вѣчнымъ содержаніемъ, всего его проникнувшимъ, языкъ, понятный для народа, но никогда не сходящій въ міръ его нуждъ и заботъ, никогда не могущій сдѣлаться орудіемъ его затѣй и намѣреній (слѣдуетъ сравненіе съ прекрасными, но недоступными небесами)“ и т. д. Немного дальше: „По этому когда мы входимъ только въ самый языкъ церковно-Славянскій, оторванный, т. е. какъ небо отъ земли, отъ всего случайнаго, мы чувствуемъ уже себя перенесенными въ другой міръ, гдѣ все вѣчно, гдѣ все, какъ въ храмѣ, въ которомъ онъ раздается, освящено присутствіемъ безконечнаго божества и т. д.“ Мы нарочно дѣлаемъ эту длинную цитату, могущую служить образчикомъ разсужденій Аксакова. Дальше, на стр. 43-й находимъ нѣсколько болѣе опредѣленное замѣчаніе о смѣшеніи элементовъ природнаго и церковнославянскаго: „Мы не можемъ отрицать того, что въ рѣчи людей, знакомыхъ съ духовной письменностью, встрѣчались часто, такъ что рѣчь

[1]) Аксаковъ упускаетъ здѣсь совсѣмъ изъ виду тѣ глубокія измѣненія, которымъ съ теченіемъ времени подвергся старославянскій языкъ подъ вліяніемъ народныхъ языковъ—новоболгарскаго, сербскаго, русскаго.

пестрѣла, выраженія церковнаго языка; но эти выраженія встрѣчались, какъ цитаты, которыя не проникаютъ самую рѣчь и остаются ей чуждыми, какъ бы цитаты изъ Латинскаго и другихъ иностранныхъ, положимъ хоть и сопленныхъ, языковъ. Или же это были слова, слѣдствіе привычки, притязанія, а иногда и особеннаго пристрастія: точно такъ, какъ мы и теперь вмѣшиваемъ слова иностранныхъ языковъ въ нашъ разговоръ". Едва ли однако это замѣчаніе можно признать основательнымъ во всемъ его значеніи; несомнѣнно, что извѣстные славянизмы укоренились и пріобрѣли права гражданства въ разговорномъ языкѣ еще очень давно, такъ что никакъ не могли считаться и чуствоваться „какъ бы цитатами". Взглядъ Аксакова, выраженный въ приведенной выше выдержкѣ о родственности, понятности, но недоступности церковнославянскаго языка, повторяется въ его книгѣ весьма часто. То же, только въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, читаемъ на стр. 75, 247—248, 393 и т. д. На стр. 76-й и слѣд. находимъ разсмотрѣніе случаевъ, въ которыхъ употреблялись языки церковный и природный, имѣющее значеніе главнымъ образомъ историко-литературное. Указывается, что „на языкѣ церковномъ выразилась вся религіозная письменность", все религіозное содержаніе, все, что входило въ область церкви": Евангеліе и другія священныя книги, писанія святыхъотцовъ, благочестивыя поученія и размышленія, а также и лѣтописи, ибо и онѣ входили „въ міръ религіознаго созерцанія" и были „проникнуты духомъ церкви". Только „иногда, когда приводится чья нибудь рѣчь (въ лѣтописи), языкъ на которомъ была произнесена она, прорывается отдѣльно, болѣе или менѣе удаляя и потрясая формы языка церковно-Славянскаго, на которомъ пишется повѣствованіе"... „Надо прибавить, что кромѣ того церковно-Славянскія выраженія встрѣчаются и въ простой, народной рѣчи; но объ этомъ говорили мы выше (см. цитату изъ стр. 43-й) и, надѣемся, объяснили это" (стр. 77). На стр. 79-й находимъ опять приведенное уже выше мнѣніе о различіи русскаго и старославянскаго языковъ: „языкъ церковно-Славянскій и языкъ Русской, въ которыхъ выразилось это раздѣленіе слога (на церковный и народный), были два разные языка или два разныя нарѣчія, если называть

такъ языки одной вѣтви". Аксаковъ опять уклоняется далѣе отъ рѣшенія вопроса, какому именно славянскому народу принадлежалъ языкъ церкви (едва ли онъ и имѣлъ тогда какое нибудь опредѣленное мнѣніе по этому предмету), и переходитъ къ доказательству различія старославянскаго отъ русскаго, насколько это кажется ему нужнымъ. Это доказательство, однако, очень неопредѣленно и голословно. Аксаковъ утверждаетъ только: „языкъ Славянскій и языкъ Русской различны между собою, это видно съ перваго взгляда и при поверхностномъ вниманіи" (стр. 79—80). Представленіе отличительныхъ признаковъ дѣйствительно весьма „поверхностно": „разницу между церковно-Славянскимъ и Русскимъ языкомъ прежде всего встрѣчаемъ мы въ словахъ самихъ. Часто слова эти переплетаются по двумъ языкамъ словопроизводными связями, но между прочимъ двойственность многихъ словъ очевидна и ясно указываетъ на различіе этихъ двухъ языковъ". Примѣрами служитъ Аксакову: *плечо, рамо; очи, глаза.* Такая „двойственность", по мнѣнію Аксакова, „говоритъ прямо противъ неправильнаго предположенія, что, можетъ быть, Русскіе говорили въ старину по-церковно-Славянски". Приведенныя выдержки характеризуютъ научные пріемы Аксакова. „Прежде всего" онъ берется за самый ненадежный и несущественный признакъ—лексическое различіе, по его убѣжденію говорящее „прямо" въ пользу различія и народовъ, и языковъ. Напротивъ, единственный надежный критерій—фонетическій, оставляется имъ безъ вниманія: „Мы не вдаемся въ подробное разсматриваніе лексикографическаго (?!) различія двухъ языковъ, разности произношенія, какъ *глава* и *голова, брада* и *борода*—разницы самостоятельной то-же; это въ такомъ значеніи до нашего предмета не относится (?!); достаточно просто одного очевиднаго признанія этого различія" (стр. 80—81). Больше вниманія посвящаетъ Аксаковъ различіямъ морфологическимъ, опять критерію не вполнѣ надежному, что онъ признаетъ и самъ, находя отношенія „болѣе измѣняемыми, болѣе неопредѣленными и потому болѣе подверженными сомнѣнію" (стр. 81). Но и здѣсь пріемы Аксакова страдаютъ недостаткомъ настоящей научной строгости. Онъ сравниваетъ формы старославянскія съ формами новорусскими и приходитъ на этомъ

основаніи къ убѣжденію объ исконномъ различіи русскаго отъ старославянскаго, забывая, что между тѣми и другими формами лежитъ по меньшей мѣрѣ тысяча лѣтъ. „Настоящій Русскій языкъ“ Аксаковъ ищетъ только въ пѣсняхъ и въ сказкахъ; попытки поискать его въ памятникахъ нашей древней письменности у него не находимъ, да онъ и не былъ въ состояніи разобраться въ матеріалѣ, даваемомъ ими. Такимъ образомъ, если его выводъ о различіи русскаго и старославянскаго языковъ и вѣренъ, то это совершенно случайно, и результатъ этотъ полученъ помимо приводимыхъ доводовъ. Какъ однако ни поверхностно представленіе о различіяхъ между этими двумя языками, находимое нами у Аксакова, но все-таки оно у него было. Поэтому въ высшей степени неожиданнымъ является встрѣчаемое нами на стр. 119-й утвержденіе, что Остромирово Евангеліе представляетъ собой самый чистый старославянскій языкъ: „чуждаго элемента, нарушающаго единство языка, мы не встрѣчаемъ, и, списанное для посадника Остромира, Русскаго, оно не имѣетъ руссицизмовъ. Евангеліе Остромирово представляетъ намъ церковно-Славянскій языкъ во всей его чистотѣ; всѣ особенности его, о которыхъ хотя не вполнѣ мы говорили, всѣ хранятся тамъ“. Но сейчасъ же, однако, Аксаковъ замѣчаетъ, что „и Евангеліе Остромирово представляетъ иногда исключенія изъ правилъ языка, въ немъ являющіяся,—ошибки, если смѣть такъ сказать (!!); это были можетъ быть видоизмѣненія, можетъ быть, вслѣдствіе особыхъ правилъ и основаній“. Единственный „руссицизмъ“ находитъ Аксаковъ только въ припискѣ къ Остромирову Евангелію: „здѣсь вдругъ встрѣчается намъ употребленіе, несвойственное духу языка Остромирова Евангелія, употребленіе, принадлежащее Русской рѣчи, ворвавшейся въ языкъ церковно Славянской, явившей, что подъ нимъ современно была самобытная живая рѣчь, и оставившей такимъ образомъ первый, хотя блѣдный, свой памятникъ: это предложный падежъ безъ предлога, который почти не встрѣчается въ Евангеліи Остромировомъ, именно при собственныхъ именахъ, гдѣ предложный падежъ употребляется почти всегда съ предлогомъ, употребленіе, носящее на себѣ признакъ юности, неразвитости языка, что и былъ нашъ языкъ въ отношеніи къ церковно-Славянскому“ (стр. 120). Но указанная особенность

никакъ не можетъ считаться исключительно русской, такъ что въ данномъ случаѣ А—въ опять сдѣлалъ ошибку. Также ошибочно утвержденіе (стр. 126), что „форма именительнаго падежа въ винительномъ, явленіе не церковно-Славянскаго языка, явленіе языка Русскаго, которое часто и долго будетъ намъ встрѣчаться (въ разсматриваемыхъ А—вымъ памятникахъ)". А—въ былъ введенъ въ заблужденіе такими случаями, какъ былинное „голова рубить" и т. д., и распространилъ понятіе и на основы мужскаго рода (стр. 124). Такихъ ошибокъ можно указать у А—ва массу, но уже приведеннаго достаточно, чтобы показать, какъ мало было у него строгой школы и основательнаго знанія предмета. Аксаковъ только намѣтилъ себѣ планъ широкаго историческаго изученія отношеній между обоими языками—письменнымъ—старо-или церковнославянскимъ и народнымъ—русскимъ. Для выполненія этого плана ему не хватило научныхъ средствъ. Оттого положительная часть разсужденія Аксакова имѣетъ только значеніе и цѣнность конспекта, черноваго наброска, сдѣланнаго изслѣдователемъ для собственнаго употребленія, но такъ и не приведеннаго въ исполненіе. Задуманъ этотъ планъ широко и смѣло, но онъ превышалъ силы исполнителя и въ силу условій времени, и въ силу недостаточности и безпорядочности его познаній. Планъ, начертанный Буслаевымъ въ его книгѣ „Объ обученіи отечественному языку", (см. выше стр. 102) слѣдовательно такъ и остался не выполненнымъ, хотя задачи Аксакова были очень близки къ задачамъ этого плана.

Годомъ раньше книги Аксакова вышло другое разсужденіе „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка" М. Н. Каткова [1]). Работа эта, представляющая для своего времени не мало дѣльныхъ замѣчаній и мыслей, по занимающему насъ вопросу даетъ скудный матеріалъ. Нѣкоторыя утвержденія представляютъ положительный шагъ назадъ не только относительно Востокова или Буслаева, но даже сравнительно со взглядами грамматикъ прошлаго вѣка. Такъ на стр. 111-й читаемъ: „Въ общепринятой нынѣ Русской рѣчи дружно бытуютъ обѣ формы (полногласная и неполногласная), изъ которыхъ одна называется обыкновенно Славянскою и принимается

[1]) Москва. 1845. 8°. 257 стр. + 11.

за одинъ изъ слѣдовъ, оставленныхъ нарѣчіемъ Церковнымъ; другая же почитается за исконную коренную форму Русскую"; тѣмъ не менѣе Каткову „кажется, что обѣ формы испоконъ вѣка бытовали въ Русскомъ и равно ему принадлежатъ". На стр. 216-й читаемъ также: „у насъ еще доселѣ (не надо забывать, что это писано 25 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ Востоковскаго „Разсужденія о древнеславянскомъ языкѣ", дававшаго вполнѣ достовѣрныя средства для отличенія формъ славянскихъ отъ русскихъ) не найдено мѣрила для различія собственно Русскаго нарѣчія отъ Церковнаго (были у Каткова предшественники, лучше, чѣмъ онъ, различавшіе однимъ языковымъ чутьемъ). Послѣднее такъ сопроникло съ первымъ, что во многихъ случаяхъ крайне трудно между Русскимъ и Церковнымъ провести ясную черту". Ниже мы читаемъ: „почему древнія формы языка, какими наполнены напр. лѣтописи... непремѣнно должны быть исключаемы изъ исторіи Русскаго языка? Почему напротивъ не полагать по архаическому, преданіемъ завѣщанному типу, весьма близкому къ формамъ Кирилловскимъ, по Русскому же".

Впослѣдствіи, черезъ 40 лѣтъ, при совсѣмъ иномъ уже положеніи славянской филологіи вообще и русской въ частности, это неясное представленіе о границахъ и отличіяхъ русскаго и старославянскаго (или „Церковнаго" по Каткову) языковъ сказалось въ передовой статьѣ Московскихъ Вѣдомостей (1885 г., № 93) по поводу юбилея Славянскихъ Первоучителей, гдѣ поддерживалось самымъ категорическимъ образомъ мнѣніе, едва ли могущее найти себѣ представителя между современными ученымі, что языкъ перваго славянскаго перевода Священнаго Писанія былъ не что иное, какъ древнерусскій языкъ [1]). Подобный взглядъ является тѣмъ болѣе страннымъ, что въ 1856 году въ статьѣ о Пушкинѣ (Рус-

[1]) «Мы не сомнѣваемся, что языкъ этотъ (языкъ Перевода Св. книгъ) былъ первоначальный славянскій, еще не раздѣлившійся на діалекты, хотя заключавшій въ себѣ всѣ сѣмена ихъ, какъ языкъ гомерическій слитно заключалъ въ себѣ элементы еще не обособившихся діалектовъ греческихъ (?!)». И ниже: «славянскій языкъ есть также русскій, только въ его древнѣйшемъ состояніи. Всѣ древніе памятники нашей письменности писаны на этомъ языкѣ; славянскій языкъ есть славянорусскій и т. д.

скій Вѣстникъ 1856, № 2) Катковъ вполнѣ основательно и въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣнія, разграничивалъ церковнославянскій языкъ, языкъ древней русской письменности, отъ народнаго и говорилъ, что по его „убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ вѣтвямъ общаго семейства“ (стр. 320) [1]).

Замѣчаній, которыя можно признать вѣрными, у Каткова немного. Такъ на стр. 48-й находимъ замѣчаніе о принадлежности разнымъ языкамъ окончаній прилагательныхъ *-ій* и *-ей:* „извѣстно въ нашемъ языкѣ колебаніе голоса (!) между *е -і*. Оба эти элемента сходятся въ посредствующемъ *ъ -ѣ*. Мѣстоименіе *съ*, опредѣляясь, становится въ Церковно-Славянскомъ *сій*, въ Русскомъ—*сей*. Ср. Церковно-Славянскія и нынѣ употребляемыя формы — *Василій, бывшій* и пр. со Старо-Русскими *Василей, бывшей* и пр.“.

На стр. 97—98 читаемъ: „*жд* не только удержалось въ Церковномъ нарѣчіи, но и перешло отчасти въ общепринятое Русское“. Ниже: „общепринятое Русское нарѣчіе допустило (!) звукъ (!) *щ* въ большей части (?) случаевъ, гдѣ его оказываетъ Церковное“. Общій очеркъ исторіи образованія народнаго и книжнаго русскаго языка въ связи съ исторіей видоизмѣненія старославянскаго въ новый церковнославянскій (языкъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ) находимъ у И. И. Срезневскаго въ его „Мысляхъ объ исторіи русскаго языка“ [2]). Указаній на факты языка здѣсь немного (два, три лексическихъ заимствованія—*понеже, поелику, щ* и *жд* смѣ-

---

[1]) «То, что теперь называемъ мы русскимъ языкомъ, есть плодъ продолжительнаго и труднаго развитія. Какъ всѣмъ извѣстно, въ древнее время письменнымъ языкомъ въ Россіи было нарѣчіе церковнославянское. Не менѣе извѣстно, что это нарѣчіе существенно разнилось отъ народнаго... едва ли кто видитъ теперь въ церковномъ языкѣ древнѣйшее состояніе того же языка, который мы слышимъ въ народѣ; однако многіе еще полагаютъ, что въ семействѣ славянскихъ нарѣчій церковное принадлежитъ къ одному порядку съ народнымъ русскимъ; по нашему же убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ вѣтвямъ общаго семейства». Ниже на стр. 323: «русскій языкъ не состоитъ ни въ простонародной, ни въ церковнославянской рѣчи, а есть нѣчто новое, среднее, нѣчто происшедшее отъ ихъ соединенія, при многихъ другихъ историческихъ вліяніяхъ».

[2]) Гл. VI, стр. 92—102 отдѣльнаго изданія (Спб. 1850. 8°, стр. 210); гл. VI, стр. 152—162 перваго изданія (Актъ въ Императорскомъ С.-Петерб. Университетѣ 1849 г. 8°).

сто *ч* и *ж* и *ре, ле* вмѣсто *ере, оло*). Между прочимъ Срезневскій исходитъ изъ едва ли вѣрнаго и во всякомъ случаѣ трудно доказуемаго положенія, что древній русскій языкъ былъ гораздо ближе къ старославянскому, чѣмъ всѣ остальныя славянскія нарѣчія „и по составу, и по строю“. Между тѣмъ достаточно указать хотя бы на такія коренныя отличія, какъ разница между старославянскими и русскими соотвѣтствіями первичныхъ сочетаній Vocalis+cons. liquida (разница, отсутствующая въ чешскомъ, болгарскомъ, сербскомъ и словинскомъ) или первичныхъ tj, dj (отсутствующая въ болгарскомъ), чтобы поколебать это положеніе. Въ связи съ этой мыслью Срезневскій утверждаетъ, что „отъ этого, сколько ни мѣшались одинъ съ другимъ въ произведеніяхъ письменности, элементы Старославянскій и чисто Русскій, языкъ этихъ произведеній сохранялъ свою правильную стройность всегда, когда... не проникалъ въ него... элементъ Греческій“. Едва ли также кто согласится съ Срезневскимъ, что первой причиной удаленія языка письменнаго отъ народнаго были нѣкоторыя „уклоненія отъ правилъ общеславянской стройности языка, обязанныя своимъ происхожденіемъ греческому вліянію и касавшіяся сначала только слога, а потомъ и нѣкоторыхъ правилъ словосочетанія“. Ниже однако встрѣчаемъ оговорку, хотя и неясную по смыслу, благодаря отсутствію примѣровъ: „впрочемъ до тѣхъ поръ, пока въ языкѣ народномъ сохранялись еще древнія формы, языкъ книжный поддерживался съ нимъ въ равновѣсіи, составлялъ съ нимъ одно цѣлое“.

Болѣе всего матеріала встрѣчаемъ у Буслаева въ его Исторической грамматикѣ русскаго языка [1]), хотя освѣщеніе его далеко не всегда правильно. Такъ, въ § 10 (стр. 14) находимъ замѣчаніе о формахъ *прежній* и *прежній:* „по закону смягченія *д* въ *жд* и въ *ж*, *прежній* (отъ слова *предъ*) есть форма церковнославянская, въ отличіе отъ русской—*прежній* (NB): а *преже* (NB) и *переже* формы русскія вмѣсто церковнославянской *прежде*, усвоенной современнымъ употребленіемъ, по вліянію языка книжнаго

[1]) Первое изданіе: Москва 1858. 8°; второе, съ вполнѣ передѣланной первой частью, Москва 1863. 8°, 259+374, третье М. 1868, четвертое М. 1875 и т. д. Мы пользовались вторымъ изданіемъ.

(§ 36)". Въ приведенной выдержкѣ невѣрно опредѣленіе формъ *прежній* и *преже* какъ русскихъ формъ. Форма *прежній* легко можетъ быть дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ формы *преждній* въ силу исчезновенія *д* между согласными (ср. *поздній*, *праздный*, которыя произносятся póz'n'ьj, práznъj), такъ что *ж* въ этомъ словѣ не есть еще непремѣнно русское соотвѣтствіе первичнаго *дj* и одинаково можетъ быть результатомъ вторичнаго фонетическаго процесса (исчезновеніе одного изъ членовъ согласной группы). Кромѣ того мы находимъ въ этомъ словѣ, вмѣсто ожидаемой русской вокализаціи *пере-*, старославянскую форму плавнаго сочетанія *пре* (**прѣ**), имѣющуюся и въ *преже*. Послѣдняя форма представляетъ какъ бы компромиссъ между славянской и русской формами: *жд* замѣнено здѣсь *ж*, а *пре-* осталось.

Въ слѣдующемъ § 11-мъ (стр. 15) встрѣчаемъ аналогичное замѣчаніе о параллелизмѣ формъ *между* и *межъ*, изъ которыхъ первая признается Буслаевымъ за церковнославянскую. Общія замѣчанія объ отличіи русскаго языка отъ церковнославянскаго и отношеніи нашихъ писателей: Ломоносова, Карамзина, Пушкина, Жуковскаго и Крылова къ славянизмамъ находимъ въ § 17 (п. 4, стр. 23).

Параллелизмъ предлоговъ *раз-* и *роз-*, имѣющійся только въ литературномъ или книжномъ русскомъ языкѣ, не понятъ Буслаевымъ (§ 24. 2, стр. 29). Вмѣсто того, чтобы искать ему объясненія въ заимствованіи первой формы изъ церковнославянскаго, онъ даетъ фонетическое объясненіе, выводя *о* формы *роз-* изъ *а* формы *раз-* и признаетъ первую за вторичную, что совершенно невѣрно. Въ примѣчаніи 4-мъ къ этому же § (стр. 29) также невѣрно объясненіе формъ *ровный* и *розный* рядомъ съ формами *равный* и *разный*. Хотя еще Максимовичъ (см. выше, стр. 94) объяснялъ подобныя формы совершенно правильно, Буслаевъ видитъ здѣсь опять фонетическое явленіе и выводитъ *о* русскихъ формъ изъ *а* славянскихъ: „а переходитъ въ о въ словахъ..." Кромѣ того здѣсь находимъ также смѣшеніе разнороднаго матеріала; такъ формы *дубрава* и *дуброва* принадлежатъ совсѣмъ къ другой категоріи, чѣмъ формы *равный* и *ровный* или *разъ* и *розъ*.

Въ § 29. 4 (стр. 51), посвященномъ явленію такъ наз. русскаго полногласія, встрѣчаемъ довольно полное, хотя нѣсколько сбивчиво и неясно формулированное представленіе взаимныхъ отношеній между церковнославянскими заимствованными, неполногласными и природными русскими, полногласными формами. Буслаевъ различаетъ въ книжномъ и литературномъ русскомъ языкѣ три категоріи: 1) церковнославянскія формы, употребляемыя вмѣсто русскихъ: *владѣть*, *прежде* и т. д., 2) русскія формы, употребляемыя вмѣсто церковнославянскихъ (?!): *корова*, *ворона* и т. д., 3) параллельныя полногласныя и неполногласныя формы („и тѣ и другія“): *пламя* и *поломя*, *младшій* и *моложе*. Въ этомъ дѣленіи удивляетъ своей ненадобностью и нелогичностью вторая категорія; выраженіе „вмѣсто церковнославянскихъ“ заставляетъ предполагать, что Буслаевъ считаетъ русскія формы *корова*, *ворона* вторичными и ожидалъ бы видѣть на ихъ мѣстѣ церковнославянскія. Между тѣмъ онѣ искони были въ русскомъ языкѣ и совсѣмъ не появлялись „вмѣсто“ какихъ либо формъ. Очевидно, категорія эта придумана только для симметріи.

Ниже находимъ попытки установить критерій для отличенія русскихъ формъ отъ славянскихъ. Главный наиболѣе надежный и положительный критерій—сравнительно-фонетическій оставленъ совсѣмъ безъ вниманія. Буслаевъ принимаетъ только два признака: 1) значеніе, напр. *норовъ* и *нравъ*, *порожній* и *праздный*... и 2) употребленіе „въ рѣчи книжной и витіеватой: *бречь*, *глава*“... и въ „разговорной: *берегъ*, *голова*“. Указывается также на значеніе этихъ заимствованій въ семасіологическомъ отношеніи: „слова нравственнаго значенія, напр. *бремя*, *владѣть* и проч., приняли форму церковнославянскую; а слова, имѣющія значеніе вещественное и употребляемыя въ ежедневной рѣчи, напр. *воробей*, *горохъ*, *корова* и проч., удержали форму русскую. Въ привѣтствіяхъ: „*здравствуйте*“, „*здравія* желаю“ и „*здорово* живешь“, употребляется и та и другая форма, для выраженія различныхъ оттѣнковъ рѣчи“.

Въ слѣдующемъ, пятомъ пунктѣ (стр. 51—52) указывается на постепенное исчезновеніе неполногласныхъ славянскихъ формъ

изъ русскаго литературнаго языка: „въ нашемъ литературномъ и особенно въ стихотворномъ языкѣ долго господствовали формы церковнославянскія, каковы *брегъ, глава, младъ* и проч., но со времени Пушкина стали свободнѣе употребляться полногласныя чисто русскія“.

Въ шестомъ пунктѣ (стр. 52) указывается на присутствіе неполногласныхъ формъ въ народномъ языкѣ, которыя однако Буслаевымъ принимаются за „остатки старины“ (а не заимствованія?): „.... нѣкоторыя краткія формы, какъ остатки старины, допускаетъ и просторѣчіе. Напр., въ пѣсняхъ встрѣчаемъ: „злато-серебро“, „младъ ясенъ соколъ“, „я млада-младенька“—„молодой-младой Солодовниковъ“. Рыбн. I. 86“.

На стр. 61-й въ § 32 признаются остатками церковнаго языка, болѣе употребительными въ книжной рѣчи, формы *одѣяніе, даяніе*. Признакомъ ихъ чуждаго происхожденія для Буслаева служитъ „вставное для благозвучія“ j, которое онъ считаетъ явленіемъ только церковнославянскимъ, тогда какъ въ русскомъ должно бы ожидать вмѣсто j—*в*. Но съ этимъ трудно согласиться въ виду природныхъ русскихъ формъ со „вставнымъ“ j, какъ *вѣять, сѣять, таять* и т. д. Тѣмъ не менѣе формы *одѣяніе* и *даяніе* должны быть признаны церковнославянскими, но на основаніи суффикса *-ніе*, вмѣсто котораго въ русскомъ языкѣ должно бы быть *-нье*.

Не совсѣмъ вѣрно также противопоставленіе формы *вострый*, какъ исключительно народной, будто бы книжной формѣ *острый*, а также утвержденіе, что *вострый* „преимущественно имѣетъ значеніе вещественное (а *востр҃ха, востр҃шка?*), а *острый*—нравственное“ (тамъ-же § 32. 2. стр. 61).

Церковнославянскія формы съ *жд* и *шт*, вмѣсто русскихъ *ж* и *ч*, разсматриваются въ § 36 (стр. 67 и слѣд.). Указывается въ началѣ § на необходимость „при изученіи русскаго языка.... вникать въ отличіе смягченныхъ формъ русскихъ отъ церковнославянскихъ, въ отличіе, проникающее весь составъ того и другаго языка; такъ напр. въ образованіи прилагательныхъ: *надежн-ый, нуж-ный, преж-ній* (а не *надеж-дный, нуж-дный, прежд-ній*) отъ русскихъ формъ: *надежа, нужа, преже* (ср. относительно

послѣдней формы сказанное выше на стр. 112); въ образованіи дѣепричастій: русское окончаніе дѣепричастій настоящаго времени, на *-чи*, соотвѣтствуетъ цсл. причастію наст. времени женскаго рода, на *-щи*; напр. **творѧщи**, *дѣлающи* и проч.“.

Далѣе довольно подробно разсматриваются формы церковнославянскія и русскія, сообразно ихъ распредѣленію по различнымъ эпохамъ и памятникамъ русской письменности, а также разнымъ нарѣчіямъ и говорамъ: въ пунктахъ 1-мъ и 2-мъ приводятся примѣры русскихъ *ж* и *ч* въ Остромировомъ Евангеліи и другихъ памятникахъ русской рецензіи. При этомъ обращается вниманіе на присутствіе въ этихъ памятникахъ такихъ формъ, которыя въ настоящее время въ книжномъ или литературномъ языкѣ вытѣснены совсѣмъ церковнославянскими, какъ напримѣръ *вожь* вм. *вождь*, *переже* вм. *прежде*, *межю* и *межу* вм. *между*, *нужа* вм. *нужда*, *жажа* вм. *жажда*, *вѣчати*, *обѣчата*, вм. *вѣщати*, *обѣщати* и проч.

Въ пунктѣ 3-мъ (стр. 69) указывается на тотъ фактъ, что „областное просторѣчіе, въ отношеніи къ смягченію зубныхъ въ шипящіе, стоитъ ближе къ языку древнерусскихъ памятниковъ, нежели къ современному книжному; напр. *межу* или *межи*, *переже* или *перёжъ*, *нужа*, *собча*, вм. *между*, *прежде*, *нужда*, *сообща*.

Въ пунктѣ 4-мъ (стр. 69) указывается на присутствіе и въ позднѣйшемъ церковнославянскомъ языкѣ формъ съ русскими рефлексами *дj*. Форма *чуждый*, представляющая собой компромиссъ между русской формой *чужой* и старославянской **штоужьдь**, даетъ поводъ Буслаеву находить, что „какъ церковнославянскій, такъ и русскій законъ смягченія иногда оказываются даже въ одномъ и томъ же словѣ“ (!) и что *д* здѣсь „смягчилось въ *жд*, по церковнославянскому закону, а *т* въ *ч* по русскому“. Въ дѣйствительности же, какъ форма *чуждый*, такъ и приводимая Буслаевымъ форма изъ Остромирова Евангелія **цоужии** обязаны своимъ происхожденіемъ недоведенной до конца передѣлкѣ старославянской формы **штоужьдии** на русскій ладъ. Такія неполныя передѣлки не рѣдкость

въ нашихъ древнихъ памятникахъ (**млажайшнн** вм. *моложайшій* или **млаждайшнн**).

Въ пятомъ пунктѣ (стр. 69—70) обращается вниманіе на присутствіе въ составѣ современнаго литературнаго языка параллельныхъ формъ съ церковнославянскими и съ русскими соотвѣтствіями первичнымъ *dj, tj*.

Буслаевъ дѣлитъ относящійся сюда матеріалъ на такія же три категоріи, какія мы видѣли выше, когда дѣло шло о формахъ полногласныхъ и неполногласныхъ. Къ первой категоріи онъ относитъ церковнославянскія формы, употребляемыя вмѣсто русскихъ; напр. *прежде* вм. *преже* (должно бы быть *переже*), *между* вм. *межу, въжди* вм. *въжи, нужда* вм. *нужа, въщатъ* вм. *въчатъ, смущеніе* вм. *смученіе; общій, община* вм. народныхъ *обчій, обчина*. Замѣчая при этомъ, что „впрочемъ въ просторѣчіи, напр., въ пск. твер. говорится и *обча* и *общá, общуха*, купленное что либо съобща, арханг. *общиться*—соединяться, сообщаться", Буслаевъ, однако, ни слова не говоритъ о томъ, какими онъ считаетъ эти формы—природными или заимствованными изъ церковнославянскаго. Вторая категорія Буслаева—русскія соотвѣтствія вмѣсто церковнославянскихъ (напр. *вижу* вм. *вижду, клажа* вм. *клажда, кража* вм. *кражда, хочу* вм. *хощу, отвѣчатъ* вм. *отвѣщатъ* и проч.) такъ же излишня, какъ и разсмотрѣнная выше (стр. 113) категорія полногласныхъ формъ вмѣсто неполногласныхъ, и создана только для симметріи, а не изъ научной необходимости. Къ третьей категоріи Буслаевъ относитъ параллели формъ церковнославянскихъ и русскихъ, напр. *между* и *межъ, тождество* и *тожество, невѣжда* и *невѣжа, чуждый* („форма полурусская", замѣчаетъ Буслаевъ) и *чужой, со-кращать* и *у-корачивать, помощь* и *помочь* и пр.

Такъ же, какъ выше при разсмотрѣніи полногласныхъ и неполногласныхъ формъ, Буслаевъ устанавливаетъ отличительные признаки заимствованныхъ изъ церковнославянскаго формъ: „смягченныя формы церковнославянскія большею частью отличаются, въ образованномъ языкѣ, отъ русскихъ, какъ 1) по значенію; напр. *гражданинъ* и *горожанинъ, невѣжда* и *невѣжа*; такъ и 2) по употребленію: принадлежа языку книжному, онѣ болѣе

приличны рѣчи искусственной; напр. *вѣщать*, *услаждать*, *чуждый*, *поглощаю* (при русской формѣ: *проглочу*) и проч. Впрочемъ многія формы стали достояніемъ языка образованнаго вообще; каковы напр. *жажда*, *нужда*, *между*; причастія на *-щій*; напр. *дѣлающій*, *говорящій* и др.“.

Выборъ признаковъ, а также и распредѣленіе матеріала сообразно имъ, страдаютъ здѣсь тѣмъ же недостаткомъ, который мы нашли выше въ формулировкѣ Буслаева различій между природными полногласными и заимствованными неполногласными формами (стр. 112),—неточностью и сбивчивостью. Такъ оставленъ совершенно безъ вниманія критерій фонетическій; формы *вѣщать*, *услаждать*, *чуждый* и т. д. отличаются не однимъ употребленіемъ отъ соотвѣтствующихъ природныхъ формъ, а также и значеніемъ.

Въ примѣчаніи четвертомъ (стр. 70) неправильно приведено слово *дождь*, въ которомъ будто бы „*д* смягчается въ *ж* и *ч*“ (!).

Въ примѣчаніи шестомъ (стр. 70—71) утверждается, что смягченіе *д* въ *жд*, свойственное церковнославянскому языку, уцѣлѣло въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ русскаго“. Приводимые примѣры однако всѣ объясняются, хотя и не непосредственнымъ заимствованіемъ, но все же уподобляющимъ вліяніемъ заимствованныхъ изъ церковнославянскаго формъ; *жд* въ арханг. *урождай*, псковск. тверск. пенз. *забиждать*, тверск. *поваждать*, сибирск. *прихождане*, *неурождай*, рязанскомъ *обижда*, *обиждать* вовсе не фонетическаго происхожденія и является результатомъ морфологической ассимиляціи (аналогіи). Ничего общаго съ церковнославянскимъ не имѣетъ „особенно любопытный остатокъ ранняго церковнославянскаго смягченія *жд* вм. *жж* въ олон. *пріѣждялъ*, *пропѣждялъ* и т. д. Рыбниковъ. II. 253. 255“, такъ какъ написанія Рыбникова представляютъ собой только несовершенную попытку передать средствами обыкновеннаго русскаго алфавита усиленное палатальное произношеніе сочетанія согласныхъ ž’ и ǯ’ (ж’д͡ж’).

Въ § 37. В (стр. 71) находимъ невѣрное утвержденіе, что „на второй ступени смягченія, *т* переходитъ въ *щ*; напр. *запрещать*“, такъ какъ форма эта заимствована изъ церковнославянскаго. Перечисленными замѣчаніями исчерпывается матеріалъ, находимый нами

въ первой главѣ грамматики г. Буслаева, трактующей о „звукахъ и соотвѣтствующихъ имъ буквахъ“. Вторая глава, посвященная „образованію словъ“, даетъ также не мало матеріала, не всегда однако правильно освѣщеннаго. Такъ слишкомъ категорично признаніе церковнославянскими звуковъ *-ес-* въ основахъ косвенныхъ падежей отъ *тѣло, слово* (§ 44. 1. 2. стр. 89), потому что присутствіе основъ на es- въ русскомъ языкѣ несомнѣнно въ виду формъ въ родѣ *колёса, колёсный* и т. д., если и вѣрно, что основы *тѣло, слово, чудо, небо*, въ ихъ полномъ видѣ чужды русскому языку, такъ какъ очень рано совпали съ основами ср. рода на о-.

Въ § 55. 1. (стр. 104—105), трактующемъ о причастіяхъ, указывается на церковнославянское происхожденіе ихъ суффикса *-щій*, которому въ русскомъ народномъ языкѣ должно отвѣчать *-чій*. Но въ примѣчаніи 1-мъ къ этому § (стр. 105) утверждается (совершенно невѣрно), что, рядомъ съ прилагательными на *-чій*, „народный языкъ *сохранилъ* значительное число со звукомъ *щ* вм. *ч*, напр. *завидущій, загребущій, распадущій, некладущій, трепущій, умирущій, бдѣющій, бдющій, бодущій, забыдящій, забудущій* и т. д.“.

Во второмъ отдѣлѣ этого §, пунктъ 1 (стр. 106) находимъ замѣчаніе о формахъ причастія прошедшаго *падшій* и *павшій*, изъ которыхъ первая признается церковнославянской.

Церковнославянское происхожденіе признаетъ Буслаевъ и за причастіями настоящаго времени страдательнаго залога (стр. 108. Примѣч. 5): „причастія наст. страд. залога собственно принадлежатъ церковнославянскому языку, и только по вліянію его употребляются въ нашемъ образованномъ и книжномъ. Просторѣчіе даетъ имъ видъ прилагательныхъ“.

Въ § 60-мъ (стр. 126) находимъ различеніе окончаній *-ье* и *-ie*; первое Буслаевъ признаетъ природнымъ русскимъ, а второе церковнославянскимъ, усвоеннымъ въ книжной рѣчи.

Въ примѣчаніи 4-мъ къ этому § (въ концѣ, стр. 127) рекомендуется отличать отъ народныхъ формъ въ родѣ *замужье, пабѣдье, полусотье* и т. д. „неорганическія, позднѣйшія, составленныя въ духовныхъ стихахъ съ видимою цѣлью поддѣлаться подъ

книжный ладъ; напр. *словіе, желчіе,* вм, слово, желчь. Кал. I. 72. V. 203".

Въ § 62 п. 4 (стр. 130) признаются церковнославянскими прилагательныя *древесный, словесный, тѣлесный:* „образовавшись отъ церковнослав. формъ, эти прилагательныя отличаются въ нашемъ языкѣ оттѣнкомъ книжной рѣчи". Далѣе Буслаевъ указываетъ на невозможность произведенія такихъ прилагательныхъ отъ русскихъ формъ, напр. *деревесный,* и приводятся соотвѣтствующія, чисто-русскія, природныя прилагательныя: *деревянный, словный* (откуда *словно*), *небный, чудный.*

Въ § 63-мъ (пунктъ 5, стр. 133—134) указывается на ограниченіе числа „уменьшительныхъ", „ласкательныхъ", „увеличительныхъ" и „унизительныхъ" именъ въ книжной рѣчи въ силу ея приближенія „къ складу церковнославянскаго языка".

„Приставка" *пре-*, употребляемая, между прочимъ, для образованія превосходной степени: *пре-умный, пре-добрый* и т. д., о которой идетъ рѣчь въ § 69. Б. (стр. 143)—церковнославянскаго происхожденія, но Буслаевъ объ этомъ не говоритъ ничего.

Въ § 69, III. (стр. 147) признаются „остаткомъ" (что неточно) церковнославянскаго языка и свойственными рѣчи книжной и образованной такія формы превосходной степени, какъ *умнѣйшій, дражайшій, кратчайшій, младшій.*

Въ § 72, II. (стр. 154) не выдѣлено изъ другихъ нарѣчій, „замѣчательныхъ потому, что или сохранили въ своемъ составѣ древнѣйшія формы, или же, отъ давняго употребленія, такъ исказились, что въ нынѣшней ихъ формѣ едва замѣтны слѣды настоящаго, первоначальнаго ихъ состава"—нарѣчіе *вкратцѣ,* хотя и замѣчено, что оно имѣетъ церковнославянское смягченіе *к* въ *ц.* Немного ниже (стр. 155) встрѣчаемъ также въ числѣ другихъ русскихъ нарѣчій *впредь* безъ оговорки, что оно церковнославянскаго происхожденія. То же должно сказать относительно „внезапу" (стр. 155) или *предъ, прежде* (§ 73 стр. 157), *едва, развѣ* (стр. 158), *единожды, дважды, трижды* (§ 74, 159).

Въ § 76 (стр. 161) отдѣляются формы предлоговъ *пре-, предъ, чрезъ,* какъ церковнославянскія, отъ русскихъ: *пере-, передъ, че-*

рез-. Во второмъ пунктѣ а) этого § (162 стр.) указывается на церковнославянское происхожденіе префикса *из-* въ значеніи р. *вы-*: „церковнославянскія формы, вошедшія въ нашу книжную рѣчь, отличаются своимъ церковнославянскимъ оттѣнкомъ отъ чисто рускихъ формъ; напр. *избранный* и *выбранный*, *изложить* и *выложить*, *излить* и *вылить* и проч.“. Указано также на разницу въ значеніи природнаго *изъ*, напр. въ формахъ *износить*, *извести*. Въ пунктѣ б) находимъ также правильное представленіе взаимнаго отношенія между предлогами *розъ* и *разъ*, изъ которыхъ послѣдній признается церковнославянскимъ. Но рядомъ съ этимъ не объяснено правописаніе *раз-* въ формахъ: *разбирать*, *раздирать*, *разливать*, *разумѣть*, которыя Буслаевъ признаетъ „равно принадлежащими какъ русскому, такъ и церковнославянскому языку“ (что не совсѣмъ вѣрно).

Въ пунктѣ 3-мъ этого § (стр. 163) указано на книжное происхожденіе предлога *со-* и на принадлежность народному языку параллельной формы *су-*, но невѣрно мнѣніе, что въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ *сутулый*, *сукотый*, *супоросый* и т. д., книжная рѣчь удержала церковнославянскую форму **сж-**, *су-*. Церковнославянскимъ *су-* можетъ быть признано только въ немногихъ формахъ въ родѣ *супругъ*, *сумракъ*, въ другихъ же случаяхъ оно обыкновенно природно (какъ напр. народныя *сусѣдъ*, *суспкъ*, *сутолока* и т. д.).

Въ § 77. Примѣч. 5 (стр. 166) перечисляются союзы, употребляющіеся въ книжной рѣчи: *бо*, *да* (въ повелительномъ значеніи), *зане*, *ибо*, *поелику*, *понеже* и т. д.

Въ § 81, 6 (стр. 174) находимъ замѣчаніе, что „въ современномъ книжномъ языкѣ болѣе употребляются церковнославянскія сложныя реченія, переведенныя съ греческаго и реченія, составленныя по образцу ихъ въ позднѣйшія времена“. Выше въ примѣчаніи 7-мъ (стр. 173) приводятся примѣры такихъ сложеній новѣйшаго происхожденія, созданныхъ по образцу церковнославянскихъ Жуковскимъ въ переводѣ Одиссеи.

Какъ видно, не всѣ замѣчанія, отмѣченныя нами во второй главѣ Буслаева, посвящены словообразованію въ тѣсномъ смыслѣ;

нѣкоторыя (о предлогахъ *изъ* и *вы-*, *розъ* и *разъ*) затрагиваютъ область семасіологіи, или фонетики (о предлогахъ *пре-*, *предъ*, *чрезъ* и т. д.).

Въ третьей главѣ книги г. Буслаева, заключающей въ себѣ ученіе объ измѣненіи словъ, находимъ гораздо менѣе матеріала, чѣмъ въ предшествующихъ двухъ. Формы церковнославянскія здѣсь далеко не всегда отличаются отъ русскихъ, и новаго, сравнительно со своими предшественниками, Буслаевъ даетъ немного.

Въ § 96 с) (стр. 227) указывается, что „въ витіеватой рѣчи наши писатели позволяютъ себѣ употребленіе нѣкоторыхъ церк.-сл. окончаній. Напр. склоненіе съ суффиксомъ *-ес-*: *словеса* вм. *слова:* у Пушкина: „и полныя святыни словеса“ IX. 172; двойств. число *крылъ* (вм. *крылья*) неоднократно у Жуковскаго“.

Въ § 97-мъ (стр. 229) говорится о двоякомъ склоненіи слова *колѣно*, но не указано, что склоненіе *колѣна, колѣнъ* книжнаго происхожденія.

Въ § 101-мъ (стр. 246) находимъ замѣчаніе объ употребленіи краткой формы именъ прилагательныхъ и причастій: „нашъ книжный языкъ пользуется краткими формами, какъ церковнослав. языка, такъ и древнерусскаго и областнаго. Старинные писатели весьма богаты этими формами (слѣдуютъ примѣры изъ Оды на взятіе Хотина Ломоносова: „*Молдавски* горы“, „*чужи* поля“, „перо *злато*“ и т. д.); ниже: „писатели позднѣйшіе употребляютъ эти формы, или въ рѣчи витіеватой; напр. Пушкинъ въ Борисѣ Годуновѣ: „къ его одру, Царю едино зримый, явился мужъ необычайно *свѣтелъ*“ (I. 278) или же въ рѣчи разговорной, пользуясь нѣкоторыми народными выраженіями; напр. „до *бѣла* дня“.

Въ § 102, п. 3 (стр. 247) указывается на церковнославянское происхожденіе окончанія род. пад. ед. числа прилагательныхъ женск. рода *-ыя, -ія*, которое „встрѣчается и у позднѣйшихъ писателей въ книжномъ, тяжеломъ слогѣ, и даже иногда рядомъ съ окончаніемъ собственно русскимъ; напр. у Жуковскаго „блещетъ куполъ *соборныя, величественныя* церкви“; „онъ *слабыя*, земной руки созданье“ 2, 196, 213.

Въ § 103-мъ (стр. 248) встрѣчаемъ указаніе на „сокращеніе“

окончанія прилагательныхъ *-ій* въ русскомъ разговорномъ языкѣ и сохраненіе его въ цѣлости въ языкѣ книжномъ: „сокращеніемъ звука *и* на *ъ* отличается собственно русское склоненіе отъ церковнославянскаго: потому реченія, употребляющіяся въ разговорномъ языкѣ, имѣютъ *ъ* вм. *и*. Напр. *рыбій рыбья рыбье, рыбьяго, рыбьей, рыбьи* и проч. (вм. *рыбія, рыбіе, рыбіяго,* и проч.)".

Приведенными замѣчаніями ограничивается все, что можно найти у Буслаева относительно морфологическихъ элементовъ церковнославянскаго происхожденія, перешедшихъ въ русскій книжный и разговорный языкъ. Въ ряду этихъ заимствованій Буслаевымъ пропущено очень много, даже сравнительно съ грамматикой Ломоносова.

Замѣчаній относительно вліянія церковнославянскаго языка на синтактическій строй современнаго русскаго языка, какъ и слѣдовало ожидать по сущности самаго предмета, находимъ еще меньше.

Въ § 136 п. 2. (часть II, стр. 40) указывается на сохраненіе глагола вспомогательнаго подъ вліяніемъ строя церковнославянской рѣчи: „въ книжной рѣчи, равно какъ и въ церковномъ языкѣ, удерживается *есть* и *суть*: напр. „Грамматика есть наука", „Грамматика и Ариѳметика суть науки" (§ 202 [стр. 161]: „въ книжной рѣчи хотя и допускаются всѣ формы настоящаго времени: *есмь, еси* и проч.; но въ разговорной употребляется только *есть* напр., *есть лѣчѣ, есть городъ,* въ которомъ...").

Въ § 146-мъ (стр. 51—52 второй части) находимъ очеркъ взаимныхъ отношеній между синонимами разнаго (русскаго природнаго и церковнославянскаго) происхожденія: „Отъ собственныхъ синонимовъ должно отличать такія слова, которыя употребляются у насъ въ одномъ и томъ же значеніи, но различаются по своему происхожденію, а именно:

„1) Слова русскія и церковнославянскія, или русскія общеупотребительныя, книжныя—и народныя, областныя,—напр. *лобъ* и *чело, глаза* и *очи, щеки* и *ланиты, шея* и *выя, недѣля* и *сѣдмица, отдохнуть* и *опочить* и мн. друг. (въ примѣчаніи 1-мъ приводятся примѣры изъ древнерусскихъ памятниковъ).

„2) Различныя формы одного и того же слова, или русскія,

напр. *берегъ, вѣтеръ, золото, серебро, одежда* (sic! Должно бы быть *одежа*) и друг., или соотвѣтствующія имъ церковнославянскія: *брегъ: вѣтръ, злато, сребро, одежда* и друг.

„Такой разнообразный запасъ словъ въ нашемъ языкѣ служитъ для выраженія различныхъ оттѣнковъ рѣчи; какъ-то:

„а) Въ рѣчи книжной, витіеватой, употребляются слова и формы церковнославянскія, каковы: *брегъ, чело, глаголъ, усопшій* и проч., въ отличіе отъ рѣчи разговорной, которой свойственны слова чисто русскія, каковы: *берегъ, лобъ, слово, умершій* и проч.

„Примѣчаніе 2. Впрочемъ, въ народной рѣчи употребляются и слова общія съ церковнославянскимъ, напр. *очи, уста* и друг.“.

Въ § 156-мъ (стр. 76—77) указывается на общій законъ семасіологическаго развитія языковъ — переходъ отъ конкретнаго значенія къ абстрактному, на появленіе абстрактнаго представленія въ церковнославянскомъ языкѣ, откуда оно перешло и въ современный литературный языкъ: „Въ исторіи языка періодъ изобразительнаго представленія предшествуетъ періоду отвлеченныхъ понятій. Этотъ древнѣйшій періодъ сохранился до нашихъ временъ, частію и въ письменныхъ произведеніяхъ древнерусской литературы, но преимущественно въ языкѣ народномъ современномъ, по его мѣстнымъ нарѣчіямъ.

„Господство отвлеченнаго понятія надъ изобразительностію первоначальнаго впечатлѣнія и надъ свѣжестью живой разговорной рѣчи, оказалось уже въ древнѣйшихъ памятникахъ церковнославянской письменности, отъ которыхъ ведетъ свое начало нашъ книжный языкъ.

„Возведеніе слова отъ нагляднаго представленія до общаго, отвлеченнаго понятія, обыкновенно совершающееся въ языкѣ по мѣрѣ умственнаго развитія народа, у Славянъ получило свое начало отъ перевода Священнаго Писанія.

„Отвлеченность церковнославянскаго языка зависитъ: 1) частію отъ умственныхъ и нравственныхъ понятій христіанства, которыя нужно было передать по-славянски во всей ихъ чистотѣ; напр. *вѣра, надежда, терпѣніе, смиреніе, уповать* и пр.; 2) частію отъ реченій и оборотовъ чужеземныхъ, взятыхъ изъ греческаго

языка; напр. *іерей, діаконъ, литургія, ангелъ* (но вѣдь эти понятія конкретны?!) и др.; и наконецъ 3) большею частію отъ новыхъ, чисто книжныхъ реченій, составленныхъ переводчиками по образцу греческаго текста; *благочестіе* (εὐσέβεια), *благородіе* (εὐγένεια), *благодушіе* (εὐψυχία) и проч.

„Направленіе, данное нашему языку церковнославянскими книгами, болѣе или менѣе господствуетъ во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ русской литературы; потому что грамотные люди учились читать и писать по церковнымъ книгамъ. Отсюда понятно, почему языкъ древнерускихъ памятниковъ содержитъ въ себѣ значительное количество словъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, и уступаетъ нынѣшнему областному просторѣчію въ изобразительности.

„Нынѣшній книжный языкъ и составившаяся подъ его вліяніемъ рѣчь образованнаго общества, какъ плодъ умственнаго развитія, получившаго начало со времени перевода Св. Писанія, и воспитаннаго церковнославянскою литературою въ древнемъ періодѣ, и вліяніемъ образованности другихъ народовъ въ новѣйшее время, отличается отъ народнаго языка господствомъ отвлеченной мысли въ словѣ надъ изобразительнымъ представленіемъ“.

Въ слѣдующемъ, 157-мъ § (стр. 77—78) между прочимъ: „господство отвлеченнаго мышленія надъ этимологическою формою и надъ живымъ представленіемъ, выражаемымъ въ словѣ, оказало свое дѣйствіе на словосочиненіе преимущественно въ томъ, что подвело подъ одинаковыя общія правила множество частныхъ случаевъ, которыя нѣкогда, по богатству стариннаго языка, представляли значительное разнообразіе. Такъ, напр., разнообразное значеніе и употребленіе залоговъ древнѣйшаго глагола подведены теперь подъ болѣе общія правила, по которымъ глаголъ не такъ уже свободно можетъ переходить изъ одного залога въ другой, какъ это было въ старину (§ 176). Вмѣстѣ съ этимъ самое управленіе глаголовъ, нѣкогда весьма разнообразное, подведено теперь къ большему единству (§ 256). Равномѣрно и согласованіе словъ, нынѣ принимаемое въ рѣчи книжной, гораздо однообразнѣе и стѣснительнѣе для свободы языка, нежели согласованіе древняго и народнаго синтаксиса“. (Далѣе указывается еще на иностранное вліяніе: „русская

рѣчь слагалась по французскому синтаксису и изучалась по руководствамъ нѣмецкой грамматики“)... „Впрочемъ единообразіе и отвлеченность, возникшія въ языкѣ позднѣйшемъ, и преимущественно въ книжномъ,постоянно встрѣчаются въ нашей рѣчи съ формами древнѣйшими, живыми и разнообразными, доселѣ господствующими въ устахъ народа“.

Въ § 199-мъ, примѣч. 3 (стр. 151) находимъ замѣчаніе объ употребленіи причастій и дѣепричастій многократнаго вида въ литературномъ языкѣ: „причастія и дѣепричастія многократнаго, въ образованной, книжной рѣчи, мало употребительны; но въ народной—*пиваючи, ѣдаючи* и нѣкоторыя другія дѣепричастія употребляются“.

Въ § 204-мъ (стр. 167) указывается, что „мѣстоименіе *оный* употребляется только въ книжномъ языкѣ“.

Въ § 213, прим. 3 (стр. 181): „*многій, многая, многое*, было весьма обыкновенно въ церковносл., откуда заимствовано и въ нашу книжную рѣчь. Напр. *многая правда, многое благо* и т. п. Въ разговорномъ же языкѣ оно употребляется въ единственномъ числѣ, только въ именит. и винит. пад. средняго рода, и притомъ съ усѣченнымъ окончаніемъ. Что же касается до множ. числа *многіе, многихъ* и т. д., то хотя эти формы въ рѣчи употребительнѣе косвенныхъ падежей ед. числа, но принадлежатъ болѣе языку образованному, нежели просторѣчію. *Многій, многая* и пр., нынѣ могутъ быть употреблены только въ рѣчи витіеватой; напр. у Пушкина „присмотрѣна имъ *многая* неправда“ 5. 18“.

Въ § 243 г.) (стр. 245): „эпитетъ, выраженный только однимъ существительнымъ въ родительномъ падежѣ, безъ опредѣленія, принадлежитъ рѣчи книжной и слогу витіеватому. Напр. *мужъ совѣта, народы Съвера*“.

Въ § 244. 5 находимъ замѣчаніе о дательномъ самостоятельномъ, который считается Буслаевымъ принадлежащимъ только церковному. Попытки нѣкоторыхъ писателей (Буслаевъ приводитъ примѣры изъ Ломоносова и Жуковскаго) ввести этотъ оборотъ въ книжную рѣчь признаются тщетными.

Въ § 254-мъ (стр. 288—289) между прочимъ идетъ рѣчь о

двоякомъ управленіи „глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами *до-*, *из-*, *от-*, *с-* и съ нѣкоторыми другими“. Буслаевъ отмѣчаетъ при нихъ древнѣйшее и позднѣйшее управленія. „По древнѣйшему они требуютъ родительнаго безъ предлога, но позднѣйшему—съ предлогами *до*, *изъ*, *отъ*, *съ*... Это древнѣйшее словосочиненіе сохранилось какъ въ языкѣ разговорномъ, такъ и у писателей, отъ Кантемира и Ломоносова до нашихъ временъ; но при немъ постоянно встрѣчается уже и позднѣйшее; напр. *отрещись чего* и *отъ чего*, *достигнуть чего* и *до чего* и т. п.“.

Въ § 256. п. 3 (стр. 295 и слѣд.), гдѣ разсматриваются управленія различныхъ глаголовъ, встрѣчаемъ между прочимъ замѣчанія относительно слѣдующихъ глаголовъ: *внимать* съ дат. лица и винит. вещи, *клеветать*—кого, *насладиться*—*чѣмъ* въ разговорномъ языкѣ—и *чего* въ книжномъ, *презирать*, *пренебрегать*, *принадлежить*, *удовлетворить*, *удостоить*.

Въ § 258. II (стр. 304) находимъ замѣчаніе, имѣющее связь съ приведеннымъ выше изъ § 243 г.): „иногда, вмѣсто глагольнаго управленія, писатели употребляютъ именное: напр. *любовь славы* (вм. *къ славѣ*), *воспоминаніе прошлыхъ дней* (вм. *о прошлыхъ дняхъ*)... Это нововведеніе чуждо народной рѣчи“.

Далеко не всѣ приведенныя здѣсь замѣчанія Буслаева относятся къ области синтаксиса въ собственномъ смыслѣ. §§ 146, 156 и 157 имѣютъ своимъ предметомъ семасіологическія отношенія, возникшія подъ вліяніемъ церковнославянскаго языка, §§ 199, 204 и 213 указываютъ на лексическія или морфологическія заимствованія. Вліянію церковнославянскаго языка на синтаксисъ русскаго языка въ собственномъ смыслѣ посвящены только немногочисленныя и небольшія по объему замѣчанія въ §§ 136, 243, 244, 254, 256 и 258.

Какъ бы то ни было, грамматика Буслаева представляетъ наиболѣе полную разработку занимающаго насъ вопроса въ русской филологической литературѣ до начала 70-хъ годовъ. Да и послѣ вплоть до настоящаго времени мы не встрѣчаемъ, за однимъ исключеніемъ, ничего, что бы могло остановить на себѣ вниманіе. Направленіе, господствовавшее въ нашей отечественной филологіи въ

теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ, носило главнымъ образомъ характеръ палеографическій. Наши филологи посвящали свои силы главнымъ образомъ изданію и описанію памятниковъ древней русской и славянской письменности; изслѣдованій собственно грамматическихъ за этотъ періодъ мы находимъ сравнительно немного, и они частью касались слишкомъ спеціальныхъ и мелкихъ вопросовъ, частью разрабатывали такіе отдѣлы науки, которые лежали совсѣмъ въ сторонѣ отъ занимающаго насъ вопроса.

Въ литературѣ русской научной грамматики съ начала 70-хъ годовъ мы встрѣчаемъ только одну, весьма сжатую, но отличающуюся точностью и полнотой, обработку изслѣдуемыхъ нами отношеній, принадлежащую извѣстному слависту И. А. Бодуэну де Куртенэ. Уступая Буслаеву въ количествѣ матеріала (что является вполнѣ естественнымъ въ виду цѣли труда, въ которомъ мы находимъ эту обработку), характеристика проф. Бодуэна де Куртенэ стоитъ гораздо выше въ отношеніи научныхъ строгости и точности. Мы позволимъ себѣ привести эту характеристику цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что при всей ея содержательности, она очень невелика по объему.

И. А. Бодуэнъ де Куртенэ. Подробная программа лекцій въ 1876—1877 учебномъ году. „Глава 8 [1]). Вліяніе старословянской (церковнословянской) письменности на фонетическую сторону русскаго языка. Старословянскій элемент в русской фонетикѣ:

Вліяніе на *произношеніе*.

γ (звонкое *х*) рядом с *г* (звонкое *к*). Вліяніе кіевское и вообще малорусское.

é (*ǽ*) (=стсл. **є**, **ь**) вм. *ó*.

íj, *ij* (*ьj*) вм. *éj* (*ǽj*) *ej* (*æ̀j*) и т. д.

Вліяніе на *звуковой состав*. Замѣна русских развѣтвленій звуков и сочетаній звуков старословянскими.

шч (*щ*): *ш*, *жд*: *д* (*шч*, *жд* вм. *ч*, *ж*); *жд*: *зж* (*жд* вм. *жж* или *ждж*).

Слоги *ра*, *ла*, *ре* (*р́е*, *р́æ*), *ле* (*л'е*, *л'æ*) вм. русскаго полногласія (*оро*, *оло*, *ере*, *оло* или *еле*).

[1]) Казань. В университетской типографіи 1878. 8°. 92 стр. Стр. 62—63.

Различіе значенія тѣх же слов в русской и старословянской формѣ.

Форма, внѣшній вид извѣстнаго *слова*, усвоенный из старословянскаго, в противоположность настоящей русской формѣ. Между прочим, это доказывается удареніем форм (не говоря в нѣкоторых случаях о значеніи): *гро́б-гро́ба* вм. *гроба́* и т. п. (ср. *виноград* и т. п.).

Суффиксы и окончанія, усвоенные из старословянскаго, рядом с тѣми же суффиксами и окончаніями в чисто русском видѣ (или с разным значеніем, или же с тѣм же значеніем).

Суффикс *-ьj-ѣ* (*-іе*) р. съ его русскою формой *-'jó* (*-ьё*).

Суффикс причастій и прилагательных отпричастных: *-ущ-*, *-ащ-* р. с *-уч-*, *-ач-*.

Старословянское вліяніе только на *письменность*, хотя отчасти тоже и на произношеніе (ср. главу 2-ю).

Nom. s. m. adj. pron. *-ый, -ій.*

Gen. s. m. n. adj. pron. *-аго, -яго, -ого, -его.*

Nom. pl. f. n. adj. *-ыя, -ія.*

Gen. s. f. *ея* (произнос. *jьjó*)".

Какъ видно уже изъ самаго заглавія главы, главное вниманіе здѣсь обращено на сторону фонетическую, затронуты также элементы словообразовательные и морфологическіе, указаны слѣды вліянія церковнославянскаго правописанія на русское, а также послѣдствія принятія въ русскій языкъ старославянскихъ элементовъ въ отношеніи семасіологическомъ.

Оставлена совсѣмъ безъ вниманія только одна синтактическая сторона нашего вопроса.

Послѣдней характеристикой мы заканчиваемъ обзоръ литературы вопроса.

Подводя итогъ всему вышеразсмотрѣнному, приходится признать отсутствіе сколько нибудь дѣйствительной полной разработки нашего вопроса. Мы имѣли дѣло или съ отрывочными, отдѣльными замѣчаніями, разсѣянными по болѣе или менѣе научнымъ грамматикамъ русскаго языка, или съ конспектообразными набросками (какъ послѣдняя характеристика), а также съ полнымъ отсутствіемъ работъ, посвященныхъ нашему предмету исключительно;

все, что можно было найти въ нашей и иностранной филологической литературѣ, почти не уменьшаетъ работы изслѣдователю даннаго вопроса, не облегчая ему даже собираніе относящагося сюда матеріала.

Строго говоря, почти все, указанное нами въ этомъ обзорѣ, могло даже остаться безъ вниманія. Читателя поэтому не должно удивлять отсутствіе ссылокъ на литературу вопроса въ послѣдующихъ главахъ нашего изслѣдованія. Настоящая глава избавляетъ насъ отъ этой необходимости, свидѣтельствуя о нашемъ добромъ желаніи воспользоваться всѣмъ наличнымъ литературнымъ матеріаломъ.

ГЛАВА II.

Церковнославянскій языкъ.

§ 1. Языки старославянскій и церковнославянскій. Въ продолженіи всего послѣдующаго изслѣдованія понятія церковнославянскаго и старославянскаго строго отличены другъ отъ друга. Подъ первымъ здѣсь разумѣется языкъ русскихъ богослужебныхъ печатныхъ книгъ, представляющій позднѣйшее, подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ, видоизмѣненіе такъ называемаго старославянскаго языка, Въ основѣ этого, главнымъ образомъ, книжнаго языка лежитъ языкъ старославянскихъ памятниковъ, такъ называемой „русской“ рецензіи, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ проникшійся сильно новыми, русскими элементами, принявшій многія фонетическія и морфологическія русскія особенности и утративший многія старославянскія.

Что нужно подразумѣвать подъ старославянскимъ языкомъ, вопросъ для цѣли даннаго изслѣдованія достаточно второстепенный. Но во избѣжаніе недоразумѣній необходимо пояснить, что подъ этимъ терминомъ здѣсь разумѣется языкъ перваго славянскаго перевода Св. Писанія, ближайшимъ родичемъ или потомкомъ котораго, какъ свидѣтельствуютъ неоспоримыя языковыя данныя, можетъ быть признанъ только современный болгарскій языкъ, каковы бы ни были измѣненія, постигшія его въ теченіе вѣковой его исторіи.

Едва ли разрѣшимый вопросъ о томъ, какой собственно народъ говорилъ этимъ языкомъ, въ сущности не имѣетъ большаго значенія для лингвиста, въ виду общеизвѣстнаго факта, что понятія языка

и народа (т. е. понятія лингвистическое и этнографическое) не совпадаютъ одно съ другимъ. Достаточно напомнить только, что напр. значительныя части русскаго населенія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ въ антропологическомъ отношеніи принадлежатъ финскому или другимъ племенамъ, хотя языкъ ихъ уже довольно давно русскій, т. е. индоевропейскій. Не имѣетъ также особаго значенія для лингвиста и вопросъ о томъ, гдѣ жилъ народъ, говорившій „старославянскимъ“ языкомъ—въ Панноніи, Болгаріи, Македоніи или гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Его дѣло только констатировать совпаденіе извѣстныхъ „старославянскихъ“ языковыхъ особенностей (прежде всего фонетическихъ) съ таковыми же новоболгарскими и отсутствіе такого совпаденія въ языкахъ „старославянскомъ“ и „новословинскомъ“ (Altslovenisch и Neuslovenisch Миклошича). Отыскивать родину даннаго языка—дѣло историка, но отнюдь не лингвиста, который со своей стороны даетъ первому извѣстныя неоспоримыя лингвистическія данныя. Мы полагаемъ, что эти замѣчанія достаточно опредѣляютъ наше отношеніе къ вопросу о родинѣ или происхожденіи „старославянскаго“ языка, и переходимъ къ ближайшему предмету нашего изслѣдованія.

§ 2. Фонетическія особенности церковнославянскаго языка.

1. *Вокализмъ. Живое произношеніе.* Какъ языкъ до извѣстной степени живой, т. е. произносимый, церковнославянскій языкъ встрѣчается главнымъ образомъ и прежде всего въ православной церкви во время богослуженія; внѣ церкви несравненно рѣже, но во всякомъ случаѣ всегда въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ церковью, богослуженіемъ или религіей вообще.

Сообразно съ мѣстомъ употребленія, мы можемъ установить три вида современнаго церковнославянскаго произношенія: два „церковныхъ“ или „богослужебныхъ“—1) чтеніе священника или дьякона (евангеліе, ектеніи и т. д.) 2) чтеніе дьячка (апостолъ, часы и т. д.) и одинъ, если можно такъ выразиться, „мірской“, внѣцерковный (произношеніе текстовъ св. Писанія и различныхъ церковнославянскихъ отрывковъ внѣ церкви).

Первые два вида въ высшей степени искусственны и съ обыч-

нымъ способомъ русскаго произношенія не имѣютъ ничего общаго. Послѣдній, „мірской“, обыкновенно не отличается ничѣмъ особымъ отъ обычнаго живаго русскаго произношенія, и потому въ разсмотрѣніе его мы не будемъ входить.

Первые два вида представляютъ между собой рѣзкія противоположности. Одинъ видъ (чтеніе священника и дьякона)—протяжнаго и торжественнаго характера, является потенцированной рѣчью, переходною ступенью отъ обычнаго говора къ пѣнью и болѣе близокъ ко второму, чѣмъ къ первому, такъ что можетъ быть нотированъ совершенно опредѣленными музыкальными нотами (обычная рѣчь не всегда поддается точной музыкальной нотаціи въ силу извѣстной неопредѣленности, фальшивости представляемыхъ ей музыкальныхъ интерваловъ); второй — есть преувеличенная скороговорка, при которой неударенные гласные и даже цѣлые слоги почти совершенно проглатываются, такъ что произносимыя слова принимаютъ почти неузнаваемый видъ.

Такъ извѣстное предложеніе „Господи, помилуй!“, повторенное нѣсколько разъ сряду, принимаетъ въ этомъ произношеніи видъ, который можетъ быть выраженъ фонетической транскрипціей приблизительно такимъ образомъ:

γóspъd'ьpm'lóspm'lóspm'lós..... pъm'ílūj или даже

γ̑óspmlóspmlós..... pm'ílūj

Этотъ второй видъ церковнаго или богослужебнаго чтенія или произношенія церковнославянскаго языка (чтеніе дьячка) мы можемъ оставить въ сторонѣ, такъ какъ онъ представляетъ собой, такъ сказать, утрировку обычныхъ отношеній великорусскаго вокализма, въ которой слова такъ быстро скользятъ мимо ушей слушателя, что допустить возможность перехода церковнославянскихъ элементовъ, какъ фонетическихъ, такъ и лексическихъ, въ живой русскій языкъ именно этимъ путемъ, едва ли позволительно.

Поэтому мы представимъ общую картину церковнославянскаго произношенія, основываясь только на первомъ видѣ богослужебнаго чтенія (дьякона или священника). Какъ было уже замѣчено

выше, этотъ способъ произношенія есть родъ потенцированной декламаціи, псальмодіи, которая можетъ быть нотирована музыкально и имѣетъ извѣстное число неизмѣнныхъ музыкальныхъ формулъ или напѣвовъ.

Принятые въ нашемъ богослуженіи традиціонные способы чтенія передаются изустно отъ одного поколѣнія къ другому, и есть основаніе полагать, что они ведутъ свое начало, если и не отъ первыхъ временъ христіанства на Руси, то во всякомъ случаѣ изъ сѣдой старины. Какой нибудь нотаціи этихъ способовъ, насколько намъ извѣстно, не существуетъ, и изученіе ихъ происходитъ исключительно путемъ практическаго перениманія. Подробное изслѣдованіе особенностей нашего богослужебнаго чтенія на распѣвъ въ музыкальномъ отношеніи завело бы насъ слишкомъ далеко и лежитъ за предѣлами цѣли настоящаго изслѣдованія. Для этой цѣли, однако, указаніе на этотъ особый способъ чтенія является необходимымъ, такъ какъ отъ него зависятъ характерныя особенности церковнославянскаго вокализма, отличнаго въ своемъ принципѣ отъ русскаго, какимъ этотъ послѣдній является въ обыкновенномъ, непринужденномъ говорѣ. Всего вѣроятнѣе, что церковнославянскіе (особенно фонетическіе) элементы переходили (при устномъ, не книжномъ, заимствованіи) въ русскій языкъ именно при помощи этого протяжнаго чтенія на распѣвъ, которое особенно запечатлѣвало въ памяти слушателей извѣстныя формы или фонетическія особенности языка. Съ этимъ способомъ чтенія связаны извѣстныя характерныя черты церковнославянской звуковой системы, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и обратимся.

Какъ необходимое слѣдствіе музыкальной декламаціи, чтенія на распѣвъ, мы должны отмѣтить вполнѣ опредѣленное, ясное произношеніе всѣхъ гласныхъ, при которыхъ отсутствуетъ рѣзкая разница между гласными ударенными и неударенными, свойственная обычному русскому произношенію [1]). Другимъ факторомъ,

---

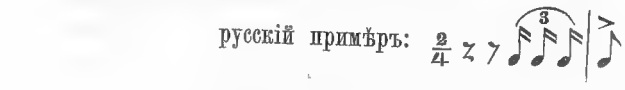
[1]) Представленіе этихъ отношеній можно найти въ работахъ: В. Богородицкаго. Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ. Казань 1884. 8°. стр. 144 и Бодуэна де Куртенэ. Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Воронежъ 1882. 8°. стр. 88+VI.

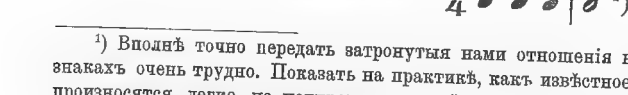
способствующимъ этому отчетливому произношенію, является, конечно, и то обстоятельство, что церковнославянскій есть языкъ книжный, мертвый, вдобавокъ богослужебный, требующій уваженія къ своей „буквѣ“.

Въ связи опять съ чтеніемъ на распѣвъ является иной, отличный отъ общерусскаго, способъ слогообразованія, при которомъ гласные всѣхъ неударенныхъ слоговъ болѣе или менѣе равнозначащи въ метрическомъ отношеніи, и удареніе не имѣетъ той энергіи, какъ въ русскомъ слогообразованіи. Разница станетъ для насъ очевидна, если мы возьмемъ одно и то же слово, напр. *благословенъ*, произнесенное „по русски“ и „по церковнославянски“: blъgъslâv'æn || blaγoslov'æn.

Какъ видно изъ приведеннаго примѣра, гласные ударенные даже обладаютъ въ церковнославянскомъ произношеніи качествомъ, отсутствующимъ у таковыхъ же русскихъ—долготой, обусловленной, разумѣется, музыкальными причинами.

Кромѣ разницы въ слогообразованіи имѣется разница въ темпѣ и ритмѣ произношенія. Первый, „русскій“ примѣръ произносится быстрѣе, второй, „церковнославянскій“ — медленнѣе. Нагляднѣе всего передать графически эту разницу можно было бы въ музыкальныхъ знакахъ такимъ образомъ:

русскій примѣръ: 

церковнославянскій: 

[1]).

[1]) Вполнѣ точно передать затронутыя нами отношенія въ графическихъ знакахъ очень трудно. Показать на практикѣ, какъ извѣстное слово или звукъ произносятся, легко, но нотировать вполнѣ точно и притомъ наглядно, чтобы читатель безъ посторонней помощи могъ самостоятельно и точно воспроизвести извѣстное произношеніе, почти невозможно при наличныхъ средствахъ. Поэтому приведенныя попытки графическаго обозначенія имѣютъ только приблизительное значеніе. Не надо забывать, что и въ музыкальной нотаціи, гдѣ дѣло идетъ объ изображеніи болѣе точныхъ отношеній, не обозначается и не можетъ быть обозначено и половины того, что имѣется въ дѣйствительно живомъ и музыкальномъ исполненіи. Отсюда деревянный и бездушный характеръ исполненія начинающихъ, пока, путемъ практическаго пониманія, они не научатся передавать не обозначаемое никакими нотами и другими музыкальными знаками.

Благодаря особому принципу слогообразованія, обусловленному музыкальнымъ характеромъ чтенія, церковнославянскій вокализмъ не представляетъ такихъ чередованій гласныхъ въ зависимости отъ ихъ мѣста въ словѣ относительно ударennаго слога, какія мы имѣемъ въ обычной русской рѣчи.

Гласные ударенные отъ неударенныхъ отличаются только бо́льшей энергіей произношенія (а также часто и долготой), но и въ этомъ отношеніи разница между ними не такъ сильна, какъ между русскими гласными.

Качественно церковнославянскіе гласные не отличаются существенно отъ общерусскихъ гласныхъ, такъ что церковнославянскіе *а* (а, ѧ, ѫ), *е* (ѣ, є), *о*, *и* (ѵ, оу, ю), *у* (ы), *і* (и, ї) ничѣмъ не разнятся въ отношеніи физіологической артикуляціи отъ соотвѣтствующихъ русскихъ, что вполнѣ естественно, такъ какъ церковнославянскій и въ церкви произносимъ *русскими* же, которые могутъ подставлять только свои звуки, привычные имъ съ дѣтства.

Въ свою очередь церковное чтеніе на распѣвъ съ яснымъ отчетливымъ произношеніемъ гласныхъ производитъ вліяніе на обычное произношеніе лицъ, читающихъ такимъ образомъ, такъ что у весьма многихъ лицъ духовнаго званія или происходящихъ изъ духовнаго званія, можно встрѣтить произношеніе гласныхъ, отличное отъ общепринятаго (московскаго) и называемое въ просторѣчіи говоромъ на „*о*“. Въ числѣ прочихъ отличительныхъ признаковъ типа „семинариста“, извѣстнаго изъ жизни и литературы, непремѣнно присутствуетъ и это произношеніе.

Въ извѣстныхъ случаяхъ подобное „оканье“ можетъ объясняться также принадлежностью говорящаго къ такъ называемымъ „окающимъ“ говорамъ, но съ другой стороны нельзя отрицать и существованія извѣстной, такъ сказать, „семинарской“ манеры произношенія, по которой въ обществѣ узнаютъ „семинариста“. Манера эта въ сущности и заключается въ болѣе равномѣрномъ слогообразованіи и связанномъ съ нимъ ясномъ произношеніи неударенныхъ гласныхъ.

Едва ли можно сводить ясное произношеніе неударенныхъ гласныхъ, характеризующее церковнославянскій вокализмъ, къ особен-

ностямъ произношенія малорусскаго, подобно тому, какъ это дѣлается относительно спирантнаго γ (г), вмѣсто общерусскаго *g*. Во всякомъ случаѣ, если и допустить малорусское происхожденіе яснаго произношенія гласныхъ, необходимо будетъ признать, что музыкальный характеръ церковнаго чтенія главнымъ образомъ способствовалъ сохраненію этой особенности, и она, вѣроятно, исчезла бы безслѣдно при отсутствіи такого сохраняющаго фактора.

Можно указать только одинъ случай, свидѣтельствующій о неясномъ произношеніи неударенныхъ гласныхъ: ѿскомена́тсѧ (Іер. XXXI. 30. Остр. библ. ѻ҃скомина́тсѧ, Первопеч. ѿ҃ско́мина́тсѧ) рядомъ съ ѿско́минишасѧ (ibidem 29. Остр. ѻ҃ско́минишасѧ, Первоп. ѿ҃ско́минишасѧ), хотя, вѣроятно, и онъ объясняется опечаткой.

Обращаясь къ историческимъ отношеніямъ церковнославянскаго вокализма, мы находимъ, что онѣ сильно видоизмѣнены русскимъ вліяніемъ.

Носовые гласные исчезли, какъ и въ русскомъ: ѫ измѣнилось въ *и*; ѧ—въ *а* (которому предшествуютъ согласные палатальные или происшедшіе путемъ палатализаціи). Такимъ образомъ гласный ѫ, какъ и въ русскомъ, совпалъ съ гласнымъ оу, и для обозначенія обоихъ этихъ, первично различныхъ, гласныхъ церковнославянская графика имѣетъ только знаки ꙋ или оу (слогъ ѭ=j+ą измѣнился въ ju, обозначаемое посредствомъ ю).

Изъ нихъ ꙋ употребляется въ современной церковнославянской графикѣ въ серединѣ и концѣ слова, а оу въ началѣ: пꙋ́ть (М. Ш. 3), ри́зꙋ (М. Ш. 4), но оу́чѧ (Лук. V. 17)—пріемъ чисто внѣшній. Въ Острожской библіи оу употреблялось и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ: їоудеи́ска (1 Макк. XIV. л. 14; Нов. Їуде́йска), саоу́лъ (1 Царств. XXXI. л. 139 об. Нов. Саꙋ́лъ) и т. д. Первопечатная Московская библія въ этомъ отношеніи согласуется съ Новой.

Примѣры. Въ корнѣ: пꙋ́ть (М. III. 3), бꙋ́ди (М. II. 13), сбꙋ́дется (М. II. 15. XXI. 4), зꙋ́бъ (М. V. 38), лꙋка́ваго (М. VI. 13), мꙋ́жъ (М. I. 91), смꙋти́сѧ (М. II. 3) и т. д.

Въ окончаніи: Acc. s. f. пшени́цꙋ (М. III. 12), въ хра́минꙋ

(М. II. 11), смѵ́рнꙋ (М. II. 11), ри́зꙋ (М. III. 4), въ зе́млю (М. II. 20) и т. д.

Jnstr. s. f. водо́ю (М. III. 11), ра́достїю (М. II. 10), ве́лїєю (М. II. 10), Мр҃і́єю (ibid.) но́щїю (М. II. 14) и т. д.

Въ окончанiи 3 л. множ. ч.: сꙋ́ть (М. II. 18), и҆́мꙋтъ (М. XXVI. 4), во́змꙋтъ (М. IV. 6), бꙋ́дꙋтъ (М. IV. 3), и҆жденꙋ́тъ (М. V. 11) и т. д.

Въ окончанiи 1 л. ед. ч.: послю̀ (М. XXIII. 34), гл҃ю (М. III. 9), крєща́ю (М. III. 11) и т. д.

Въ окончанiи 3 л. imperfecti.: слꙋжа́хꙋ (М. IV. 11), кр҃ща́хꙋсѧ (М. III. 6) и т. д.

Въ суффиксѣ -нѫ-: воздви́гнꙋти (М. III. 9), и т. д.

Такъ же точно исчезъ гласный ѧ, перешедшiй, какъ въ русскомъ, въ гласный *а*, передъ которымъ обыкновенно (за исключенiемъ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаевъ) имѣется палатальный согласный.

Но если церковнославянская графика утратила знакъ ѫ, то знакъ ѧ она сохранила, за исключенiемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ предшествуютъ ж, ш, ч, ц: всѧ́ко (М. III. 10), своѧ̀ (М. III. 6), и҆скреннѧго (М. V. 43), нарече́тсѧ (М. II. 23), сѣдѧ́щїи (М. IV. 16), проповѣ́даѧ (М. IV. 23), и҆сцѣлѧ́ѧ (ibidem); но: жа́тва (М. XXIV. 32), ча̑да (М. X. 21), зача́ло (М. I. 1), зача́тъ (Л. I. 24), ѡ҆дѣ́ѧша (М. XXVII. 28), и҆зомро́ша (М. II. 20), и҆до́ша (М. II. 9), реко́ша (М. II. 5), ви́дѣша (Мр. II. 9), ѻ҆троча̀ (М. II. 9), ѻ҆троча́ти (М. II. 8), оу҆ча̀ (Лук. V. 17) и т. д.

Въ Острожской и Первопечатной библiяхъ встрѣчается еще часто ѧ на концѣ словъ послѣ ш, хотя и рядомъ съ а: прїидо́шѧ но реко́ша, и҆до́шѧ, но ѻ҆троча̀ (М. II) и т. д.

Изрѣдка и въ Новой встрѣчаются написанiя въ родѣ оу҆́жѧ (Ис. XXXIII. 23).

Что знакъ ѧ не обозначалъ никакого другаго звука, кромѣ *а* (въ извѣстныхъ случаяхъ и цѣлаго слога *ja*, напр. проповѣ́даѧ М. IV. 23), свидѣтельствуютъ, напримѣръ, такiя написанiя, какъ: g. s. корабля̀ (М. V. 2. старослав. **корабля**), цр҃ѧ (М. II. 1. стсл. **царя**), гдѣ ѧ обозначаетъ несомнѣнное *а* съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ.

Орѳографическое употребленіе ѧ и ꙗ, выработавшееся въ церковнославянской графикѣ, не имѣетъ никакого основанія въ дѣйствительныхъ фонетическихъ особенностяхъ языка и является такимъ образомъ пріемомъ вполнѣ искусственнымъ, служащимъ для различенія гомонимовъ на письмѣ, почему мы и оставимъ его безъ вниманія.

Такъ же, какъ и въ русскомъ, исчезли на концѣ словъ и слоговъ гласные **ъ** и **ь**.

Первый исчезъ безслѣдно: зꙋ́бъ М. V. 38. (zup), за́повѣдєхъ Л. I. 6 (zápov'ed'æx), вше́дшꙋ Л. I. 9 (стсл. **въшьдшоу**), вше́дъ Л. I. 28 (стсл. **въшьдъ**), дщи́цꙋ Л. I. 63 (стсл. **дъштицѫ**), дще́рєй Л. I. 5. стсл. **дъштєръ**) ви́дѣвши Л. I. 29 (стсл. **видѣвъши**), сбꙋ́дєтсѧ М. I. 22 (стсл. **събѫдєтьсѧ**), пославъ М. II. 8, послю̀ М. XXIII. 34 (стсл. **посълѭ**), и҆знємо́жєтъ Л. I. 37, кто̀ М. III. 7 (стсл. **къто**), и т. д. На концѣ словъ онъ является только знакомъ непалатальности предшествующаго согласнаго.

Встрѣчаются даже написанія: ктомꙋ̀ М. V. 13, и҆́хжє М. VI. 8. Результатомъ исчезновенія **ъ** являются формы и написанія, совершенно невозможныя въ стслав., какъ и҆зсхо́ша (Ис. LI. 12 Остр. и Первоп. посо́хша), и҆́здшєтъ (Іезек. XXI. 7 Остр. и҆з҆дшє̑, Первоп. какъ въ Но́вой).

Второй исчезъ, въ извѣстныхъ случаяхъ сообщивъ палатальность предшествующему согласному: въ этихъ случаяхъ **ь** имѣется и есть только знакъ помянутой палатальности: пꙋ́ть М. III. 3, є҆́смь М. XXVII. 43, де́брь Л. III. 5, є҆́сть М. XXVI. 66, кади́льнагѡ Л. I. 11, М. XXVIII. 12, го́рькѡ М. XXVI. 75, Написанія: прєсе́лникъ Быт. XXIII. 4, се́лнѣи ib. 19, бѣли́лникъ М. IX. 3, дово́лни Л. III. 14, дово́лны М. XXVIII. 12, весьма часты и объясняются, вѣроятно, такъ же, какъ и современныя неграмотныя написанія этого рода: палатальность *л'* казалась такой ничтожной звуковой разницей, что обозначеніе ея представлялось излишнимъ.

Тамъ, гдѣ извѣстный палатальный согласный находился передъ гомоорганнымъ согласнымъ, палатальность его исчезла (какъ и въ русскомъ), и знакъ **ь** въ такихъ случаяхъ опускается: тѣ́сный М. VII. 14, и҆звѣ́стнѡ М. II. 8, пра́вєдныхъ Л. I. 17, дні́є

Л. I. 23, сокрꙋше́нныѧ, плѣне́ннымъ Л. IV. 18, невѣ́рными М. XXIV. 51 и т. д. (стсл. **тѣсьнъ, изъвѣстьно, дьниѥ** и т. д.).

Послѣ ч передъ слѣдующимъ согласнымъ ь также опускается[1]): зачне́ши Л. I. 31.

Всѣ эти написанія встрѣчаемъ уже въ Острожской библіи.

Послѣ губныхъ внутри слова передъ согласными и въ концѣ слова ь также не пишется, или замѣняется знакомъ ъ, что совпадаетъ съ исчезновеніемъ палатализаціи въ этихъ случаяхъ и въ русскомъ языкѣ (русскіе губные вообще мало склонны къ палатализаціи).

пшени́цꙋ М. III. 12 (Остр. и Первоп. такъ же), всѐ М. I. 22 (Остр. всє̑, Первоп. какъ въ Новой), собра́въ М. II. 4 (Остр. събравъ, Первоп. какъ въ Новой). мзда̀ М. V. 12 (Остр. м҃зда̀, Первоп. какъ въ Новой), слѣпца̀ М. XV. 14 (Остр. слѣп҃ца, Первоп. какъ въ Нов.), гꙋмно̀ М. III. 12 (Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. (стсл. **пьшеница, вьсе, събьравъ, мьзда** и т. д.).

Гласный ъ измѣняется въ о, какъ въ русскомъ, въ закрытомъ слогѣ:

а) внутри слова между согласными: на со́нмищахъ М. IV. 23, кро́вь М. XXVI. 28, до́ждь М. VII. 25, ѕо́лъ М. V. 11 и т. д. (стсл. **сънмиште, дъждь, ѕълъ**); такъ уже и въ Острожской библіи.

б) въ префиксахъ въз- и съ, сложныхъ съ различными словами: возвѣсти́те М. II. 8, на восто́цѣ М. II. 2, воззва́хъ М. II. 15, воздви́гнꙋти М. III. 9, во́змꙋтъ М. IV. 6 и т. д. (стсл. **възвѣстите; на въстоцѣ** и т. д.); въ Острожской библ. възвѣсти́те, въсто́цѣ, възва̑, въз҃ви́гнꙋти, но во́змꙋтъ. Первопечатная согласуется съ Новой.

в) въ предлогахъ въ, къ передъ словами, начинающимися съ нѣсколькихъ согласныхъ:

во странꙋ̀ (М. II. 12), во днѝ (М. II. 1), во чре́вѣ (М. I. 23) во всѣ́хъ (М. II. 16), во тмꙋ̀ (Матѳ. VIII. 12). Но рядомъ въ

---

[1]) Согласный č (ч) въ русскомъ всегда палаталенъ, и потому обозначеніе его палатальности посредствомъ **ь** представлялось излишнимъ. Непалатальнаго параллельнаго согласнаго не имѣется, и различеніе, имѣющее мѣсто въ другихъ случаяхъ, здѣсь не имѣло практическаго значенія.

хра́минъ (М. II. 11), въ слѣдъ (М. VIII. 1). Остр. въ странѣ, въ днй, въ чресѣ, въ всѣхъ, въ тмѣ, Первоп. какъ въ Новой. Встрѣчаются и вторичные случаи о=ъ передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова: йзо оу҃стъ (М. IV. 4. Остр. йзъ оу҃стъ, Первоп. йзоу҃стъ) и т. д.

Написанія съ о на мѣстѣ старославянскаго ъ принадлежатъ сравнительно новѣйшему времени. Въ богослужебныхъ и вообще церковнославянскихъ книгахъ XVI-го вѣка еще находимъ написанія съ ъ въ такихъ случаяхъ, которые имѣютъ въ современномъ русскомъ и церковнославянскомъ уже о или отсутствіе всякаго гласнаго. Такъ въ заглавіи грамматики Лаврентія Зизанія (1596) находимъ написаніе сѣставлє́йна. Въ Острожской библіи 1581 г. часты написанія съ ѣ: сѣвѣдыи, сѣвершенїе, вѣзвѣсти́ти, сѣгласно (стр. 1-я Предисловія Константина, воеводы Острожскаго), сѣвръшенїе. сѣвышє вѣздава́йте (стр. 2), но свѣрою; сѣтвори́, сѣберѣтсѧ, сѣбрасѧ (Бытія I), но соста́вы (ibid.) и т. д.

Но въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ уже книги съ правописаніемъ, въ этомъ отношеніи ничѣмъ не разнящимся отъ правописанія современныхъ богослужебныхъ книгъ. Таковы напр. Грамматика Мелетія Смотрицкаго (Московское изданіе 1648 г.) или московская перепечатка Острожской библіи (1663 г.), гдѣ имѣемъ уже свѣдый, совершє́нїе, возвѣсти́ти, согла́сно, воздава́йте, сотвори́, собе-ре́тсѧ, собра́сѧ и т. д.

Своего фонетическаго значенія, конечно, ъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно и писалось, уже не имѣло.

Поэтому нельзя придавать точнаго значенія свидѣтельству Смотрицкаго, у котораго читаемъ: „ъ, егда в' средѣ полагается, *тогда слогъ краткій составляетъ*; яко, съ человѣки. егда же на концѣ, тогда не составляетъ слога, но гласъ дебело вѣщати творитъ; яко, человѣкъ, законъ“ (М. Смотрицкій. Грамматика. Московское изданіе 1648-го года, л. 54). Тѣ случаи, въ которыхъ ъ писалось, представляютъ собой просто удержаніе традиціонныхъ написаній, встрѣчаемыхъ въ болѣе древнихъ памятникахъ.

Тѣ же отношенія, что и въ русскомъ, представляетъ исто-

рія гласнаго ь, измѣняющагося въ закрытомъ слогѣ въ є: внутри словъ между согласными:

а) въ корнѣ: вѐсь М. II. 3, шѐдъ, шѐдше М. II. 8, дѐверь Л. III. 5, стєзѝ Л. III. 4, дѐнми М. XXVII. 40 и т. д.; Остр. шѐше, шѐ, дѐверь, стєзѝ, дѐньми; Первоп. шѐдъ, шѐдше, дѐверь, стєзѝ, дѐньми.

б) въ суффиксѣ: вѣнѐцъ М. XXVII. 29, младѐнецъ Л. I. 41, пѫтѐмъ М. II. 12, двѐремъ Мр. I. 33, ѻгнѐмъ М. III. 11, прáздєнъ М. XII. 44, противєнъ М. XIV. 24 и т. д. Такъ уже въ Острожской библіи.

Въ концѣ словъ ь является, какъ и въ русскомъ, только показателемъ палатальности предшествующаго согласнаго: „ѣ же, выну на концѣ полагается, и тонкимъ гласомь вѣщается. яко, конь, кость (Мелетій Смотрицкій. Грамматика. Л. 54)“.

Вокализація плавныхъ сочетаній ръ, лъ, рь, ль представляетъ тѣ же особенности, какія находимъ въ русскомъ языкѣ.

Сочетаніе ръ=ор: гóрличица Л. II. 24 (Остр. такъ же), на тóржищахъ М. XI. 16 (Остр. такъ же). XXIII. 7 (Остр. тръжищихъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Сочетаніе лъ=ол: вóлны Мр. IV. 37, должникѽмъ М. VI. 12, дóлги ibidem, ѝспóлнити М. V. 17, вóлцы М. VII. 15, волкѽвъ М. X. 16, молчáхѫ Мр. III. 4, надóлзѣ Мр. XII. 40, молвà М. XXVI. 5 и т. д. Остр. влъны, (Первоп. вѽлны) дóлгы, дóлжникомъ, испóлнити, влъ́цы (Первоп. какъ въ Новой), влъ́ковъ (Первоп. волкѽѣ) млъчáхѫ (Первоп. какъ въ Новой), мóлъва (Первоп. какъ въ Новой).

Сочетаніе рь=ер: ѿвѐрзше М. II. 11, сѐрпъ Мр. IV. 29, пѐрвенца М. I. 25. совершѐнъ М. V. 48, сопѐрникомъ М. V. 25, чѐрна М. V. 36, оўмѐртвїѧ М. II. 15, чертà М. V. 18 и т. д.

Остр. ѿвръзше, срѣ́пъ, первенцà, съвръшѐнъ, сопѐрникомъ, черъна, оўмѐртїа, чрѣта; Первоп. такъ же, какъ въ Новой: ер на мѣстѣ старосл. рь.

Но если старославянскія сочетанія плавныхъ съ ъ, ь были замѣнены въ церковнославянскомъ русскими соотвѣтствіями, то сочетанія ра, ла, рѣ, лѣ остались нетронутыми. Хотя полногласныя

русскія формы встрѣчаются довольно часто на мѣстѣ старославянскихъ неполногласныхъ уже въ наиболѣе древнихъ старославянскихъ памятникахъ русской рецензіи, но съ теченіемъ времени онѣ исчезаютъ почти совершенно, что представляетъ своеобразное явленіе въ виду правильной подстановки русскихъ соотвѣтствій на мѣсто сочетаній **ръ, рь, лъ, ль.**

Приводить церковнославянскіе примѣры сочетаній **ра, ла** является излишнимъ въ виду ихъ обыкновенности.

Формы полногласныя, заимствованныя изъ русскаго, встрѣчаются, но крайне рѣдко. Такъ на весь Новый Завѣтъ мы имѣемъ только два случая:

ко́нь во́ронъ Апокал. VI. 5 (Остр. и Первоп. такъ же)

молотѧ́ща Тимоѳ. V. 18 (Остр. и Первоп. верхꙋ́ща)

молотьбꙋ̀ (3 Ездры IV. 32 Остр. и Первоп. другой текстъ: пожатїє), но млаче́нїє (ibid. 30), 3. s. Aor. и҆змлатѝ (Руѳь II. 17), почере́днѡ (1 Паралип. IX. 33 Остр. и Первоп. другой текстъ).

Что касается сочетаній **рѣ, лѣ,** то необходимо отмѣтить извѣстную особенность ихъ передачи въ церковнославянской графикѣ, находящуюся въ зависимости отъ особенностей русской фонетики.

Какъ извѣстно, русскія соотвѣтствія основнославянскихъ *ē* и *е* совпали въ современномъ языкѣ совершенно. Такъ какъ это совпаденіе произошло уже довольно рано [1]), то и въ церковнославянскомъ произношеніи разница между ѣ и є уже не могла быть соблюдаема, хотя иногда въ Остр. библіи и встрѣчаемъ написанія какъ пѣсо̑ (Ис. XLVIII. 19 Нов. и Первоп. песо́къ), пѣсцѣ̀ (М. VII. 26. Нов. и Первоп. песцѣ̀). Слѣдствіемъ этого безразличнаго произношенія являются написанія: мре́жи М. IV. 18, пре́данъ М. IV. 12, стрежа́хꙋ М. XXVII. 36, преткне́ши М. IV. 6, бре́гꙋ М. VIII. 32, бре́мѧ М. XI. 30, преше́лъ М. VIII. 34, пре́жде М. I. 18, преселе́нїѧ М. I. 17, ѡ҆блече́сѧ М. VI. 29,

---

[1]) Приблизительно въ концѣ XII-го вѣка, къ началу XIII в. (Ср. А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб. 1891 г. Изд. 2-е, стр. 68—69.

дре́во М. III. 10, чресле́хъ М. III. 4 и т. д. Подобныя написанія находимъ уже въ Острожской библіи 1581 г.: дре́во (Бытія II), препомса́нїѧ (ibid.), посредѣ (ibid.), вредѝ (Исходъ гл. VI), потребѝшисѧ (Исходъ гл. IX) и т. д. рядомъ съ оумре́ти (Іерем. XXXVIII. 26. Нов. оумре́ти, Первоп. оумрети) и пожре́ти (I. Цств. I. 3. 21. Нов. жре́ти, пожре́ти, Первоп. пожре́ти).

Но: грѣхѡ́въ М. XXVI. 28, сре́тєніе М. XXV. 1, кре́покъ М. XIV. 30, ѡ҃бре́та́єтъ М. VII. 8 и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, є послѣдовательно пишется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ порядокъ Liquida+Vocalis вториченъ, и въ русскомъ имѣется „полногласіе“, отвѣчающее праязыковому Vocalis+Liquida. Въ случаяхъ же, гдѣ сочетанія ре, ле сохранили праязыковой порядокъ звуковъ—Liquida+Vocalis, мы встрѣчаемъ въ церковнославянскомъ послѣдовательно ѣ.

Эта особенность церковнославянской графики перешла и въ русское правописаніе.

Исключеній изъ этой послѣдовательности немного, и мы коснемся ихъ впослѣдствіи при разсмотрѣніи церковнославянскихъ элементовъ въ русской графикѣ.

Послѣдовательное проведеніе написаній съ є во всѣхъ случаяхъ съ первичнымъ порядкомъ Vocalis+Liquida объясняется, конечно, только тѣмъ, что писавшіе имѣли надежное руководство въ русскихъ полногласныхъ формахъ.

Какого нибудь фонетическаго значенія такія написанія, разумѣется, не имѣли. Какъ аналогичный фактъ можно привести, напримѣръ, извѣстное явленіе, что поляку легче научиться употреблять въ русскомъ письмѣ букву *ъ*, чѣмъ русскому, такъ какъ онъ во многихъ случаяхъ имѣетъ возможность сообразоваться съ формами своего языка, въ которомъ первичныя *ē* и *e* имѣютъ различныя соотвѣтствія *-a* (-ia) и *e*.

Какъ другую характерную черту церковнославянскаго вокализма мы должны еще отмѣтить сохраненіе *é* передъ слѣдующимъ непалатальнымъ (твердымъ) согласнымъ, тогда какъ въ русскомъ это *é* измѣнилось въ *ò*. Напримѣръ:

церслав. те́плъ || русск. тёплый (t'ǽpl || t'óplъj)

церслав. сле́зы || русск. слёзы и т. д. (slǽ'zy || sl'ózy).

Эта особенность съ извѣстной вѣроятностью можетъ быть отнесена на счетъ малорусскаго произношенія, хотя одинаково возможно, что она вытекаетъ изъ вполнѣ въ данномъ случаѣ естественнаго стремленія сохранить въ точности „букву". Единственный примѣръ о́=є́: що́гла (Ис. XXXIII. 23. Остр. и Первоп. другой текстъ).

Различеніе въ новой печатной церковнославянской орѳографіи между є и є, встрѣчающееся уже въ Первопечатной библіи (въ Острожской одно є), такой же внѣшній пріемъ, какъ и расмотрѣнное выше употребленіе ꙋ, оу, ѧ и ꙗ, и фонетическаго значенія не имѣетъ.

Характерная особенность старо-славянскаго вокализма—сохраненіе ї (=ь) передъ слѣдующимъ j — въ церковнославянскомъ удерживается только въ нѣкоторыхъ случаяхъ и часто вытѣснена вліяніемъ русскаго языка. Такъ мы имѣемъ формы:

дні́й... и но́щїй... М. IV. 1, мні́й М. V. 19, две́рїй М. XXVIII. 2, ѕе́лїй Мр. IV. 32, днїй Л. II. 21, согрѣше́нїй М. VI. 15, свині́й М. VIII. 30, пов. пі́й Быт. XXIV. 18.

Но рядомъ: g. pl. дѣте́й М. XV. 38, мꙋже́й М. XV. 38, XIV. 21, господе́й М. XV. 27, за́повѣдей М. V. 19, пꙋте́й М. XXII. 9, дще́рей Л. I. 5, люде́й Л. II. 31, свине́й Л. VIII. 32, па́стырей Л. II. 18, ѿ дні́й сꙋде́й (4 Цств. XXIII. 22), би́серей М. XIII. 45. Кромѣ того въ причастіи рожде́йсѧ М. II. 2, прилагательномъ оу҆́трей М. VI. 34, и въ мѣстоименіи се́й Л. II. 34, Мр. XII. 7, 10. но сі́й Мр. XII. 16 и т. д.

Въ Острожской библіи въ большинствѣ случаевъ находимъ ї: дѣтїи мꙋжїи (bis), господїи, заповѣдїи, пꙋтїи, дщерїи, людїи, свинїи, па́стырїи, ѿдн҃їи сꙋде́и, рожде́исѧ, оу҆трѣи (какъ въ Остром. Еванг.), се́и и т. д. Первопечатная занимаетъ среднее мѣсто: дѣте́й, мꙋже́й, (bis), за́повѣдей, рожде́йсѧ, се́й, но госпо́дїй, пꙋті́й, дще́рїй, лю́дїй, сви́нїй, па́стырїй, оу҆́трїй.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда *і* передъ слѣдующимъ *j* въ русскомъ исчезаетъ, въ церковнославянскомъ оно сохраняется: оу҆бїе́ши М. V. 21 || русск. убьешь (ub'jóš), чїѧ̀ Быт. XXIV. 23 || русск. *чья* и т. д.

Какъ въ русскомъ, ꙑ послѣ заднеязычныхъ г к χ замѣнилось и въ церковнославянскомъ посредствомъ и (Прим. см. ниже на стр. 145—46, 160).

Перечисленными особенностями исчерпываются характерныя черты церковнославянскаго вокализма сравнительно съ русскимъ и старославянскимъ.

2. *Церковнославянскій консонантизмъ* въ своихъ современныхъ особенностяхъ представляетъ нѣкоторыя характерныя черты русскаго.

Прежде всего необходимо отмѣтить такую же точно палатализацію согласныхъ передъ палатальными гласными, какъ и въ русскомъ.

Передъ гласными *е* (обознач. є и ѣ) и *і* (и, ı) почти всѣ согласные (за исключеніемъ ж, ш, ц) произносятся палатально, какъ въ русскомъ. Кромѣ этого рода палатальности, находящейся въ зависимости отъ наличныхъ, дѣйствующихъ и теперь причинъ (вліяніе палатальнаго гласнаго), имѣются и случаи палатальности унаслѣдованной, являющейся результатомъ условій, теперь уже не существующихъ.

Такъ въ извѣстныхъ случаяхъ палатальность согласныхъ передъ гласнымъ *а* (обозначаемымъ посредствомъ ѧ, ꙗ, а) объясняется, какъ и въ русскомъ, исторически — вліяніемъ нѣкогда существовавшаго на его мѣстѣ палатальнаго носоваго гласнаго ę (ѧ).

Палатальность согласныхъ, имѣющаяся въ извѣстныхъ случаяхъ передъ *и* (ю), объясняется вліяніемъ *j*, въ настоящее время уже исчезнувшаго.

Такимъ образомъ отношенія церковнославянской палатализаціи согласныхъ въ общемъ одинаковы съ отношеніями русской.

Какъ въ русскомъ, область палатализаціи расширяется привлеченіемъ заднеязычныхъ согласныхъ к г χ передъ ꙑ, которое переходитъ въ и:

Acc. pl. проро́ки М. II. 23 (Остр. еще прр҃окы, Первоп. прр҃оки), сапоги̇ М. III. 11 (Остр. и Первоп. такъ же), дрꙋ́ги М. V. 47 (Остр. дрꙋгы, Первоп., какъ въ Новой), мѧ́гки М. XI. 8 (Остр. мѧ̀ккы, Первоп. мѧ́кки), мѣ́хи ве́тхи (Остр. мѣхы ве́тхы, Первоп.

какъ въ Новой), Мр. II. 22, пекі́йсѧ М. IV. 27 (Остр. пекїисѧ, Первоп., какъ въ Новой) и т. д.

Какъ въ большинствѣ русскихъ говоровъ согласные ж, ш, ц, непалатальны и вообще къ палатализаціи неспособны, что вызываетъ такія написанія: ѿше́дшымъ (М. II. 13. Остр. ѿше̑шимъ, Первоп. какъ въ Новой), влѣзшымъ (М. XIV. 32. Остр. и Первоп. двойств. число), ва́шъ (Мр. XII. 29. Остр. вашъ, Первоп. какъ въ Новой), на́шъ (М. VI. 9. Остр. и Первоп. такъ же), бы́вшыѧ (М. XI. 21. 23. Остр. бы́вшаѧ, Первоп. какъ въ Новой), ва́шымъ М. XI. 29. Остр. ва́шимъ, Первоп. какъ въ Новой), на́шымъ (М. VI. 12. Остр. на́шн̄, Первоп. какъ въ Новой), бы́вшымъ Мр. XVI. 10. Остр. бы́вшимъ, Первоп. какъ въ Новой), йспро́шъ (Л. I. 63. Остр. йспрошъ, Первоп. какъ въ Новой), оу̑жы (Instr. pl. Мр. V. 4. Остр. ю́жи, Первоп. оу̑жи), оу̑сѣцы (М. V. 30. Остр. оу̑сѣци, Первоп. какъ въ Новой), въ ср̑дцы (М. XII. 40. Остр. срдци, Первоп. ср̑дцы, Л. II. 19. Остр. и Первоп. ср̑цы, тамъ же 51: Остр. ср̑ци, Первоп. ср̑цы), пра́вед-ницы (М. XXV. 46. Остр. пра́ве̑ници, Первоп. какъ въ Новой), пецы́тесѧ (М. VI. 25. Остр. пецѣтесѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Рядомъ имѣются и написанія, сохранившія старославянское и: ме́ншихъ (М. XXV. 40, 45. Остр. меншихъ, Первоп. какъ въ Новой), N. s. f. оу̑го́ждши (Мр. VI. 22. Остр. оу̑гожьши, Первоп. какъ въ Новой), N. pl. лу̑чши (М. VI. 26. Остр. и Первоп. такъ же), N. s. f. бо́лши (М. VI. 25. Остр. болши. Первоп. какъ въ Новой), оу̑шїю (Л. IV. 21. Остр. оу̑шїю, Первоп. какъ въ Новой), слы́шите (М. X. 27. Остр. и Первоп. такъ же), мре́жи (М. IV. 18, 20, 21. Остр. очевидная опечатка мержю, мре́жѧ, мре́жю, Первоп. Acc. pl. му̑жи и му̑жы (Суд. VIII. 16. мре́жю, мре́жа, мре́жю), 17. Остр. му̑жа, Первоп. му̑жа, му̑жы), N. pl. мате́жи (Мр. XIII. 8. Остр. и Первоп. такъ же), оу̑жики (Л. I. 58. N. pl. Остр. оу̑жикы, Первоп. какъ въ Новой), бѣ̈иχъ (М. IV. 4. Остр. и Первоп. такъ же), вѣжѝ (М. II. 13. Остр. вѣжи, Первоп. какъ въ Новой), возло́жь (Л. IV. 40. Остр. възложь, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Случаевъ написанія ю послѣ ж, ш въ Новой Библіи не встрѣчается, хотя они не рѣдки въ Острожской и Первопечатной: мрѣ́жю (М. 18, 21. Остр. и Первоп.), сѣ́жю (Іерем. XL. 10. Первоп., въ Остр.—8), но сѣ́ж꙽ (Апок. XVIII. 7.), ви́ж꙽ (Іоа. XX. 24.). Ср. также написанія въ родѣ: въпроси́шѧ (Остр. М. XII. 10. Нов. и Первоп.—а), и҆до́шѧ (Остр. М. XII. 15 Первоп. и Нов.—а), рядомъ однако съ сътвори́ша и. т. д. ibid. 14).

Такія написанія, какъ влѣзшымъ, бы́вшымъ в т. д. (см. выше), вызвали въ свою очередь написанія: ни́щымъ (М. XXVI. 9. Остр. ни́щимъ, Первоп. какъ въ Новой), спа́щымъ (М. XXVIII. 13. Остр. спѧщемъ, Первоп. спа́щемъ), сѣда́щымъ, возглаша́ющымъ (М. XI. 16. Остр. сѣда́щимъ, възглаша́ющимъ, Первоп. какъ въ Новой), пла́ч꙽щымсѧ, рыда́ющымъ (Мр. XVI. 10. Остр. и Первоп. пла́чющимсѧ, рыда́ющимъ), боля́щым (Л. IV. 40. Остр. боля́щїа, Первоп. боля́щїѧ) и т. д. Кромѣ стремленія провести однообразіе въ правописаніи ы послѣ „шипящихъ“, здѣсь очевидно имѣлось и уподобляющее вліяніе такихъ, вполнѣ законныхъ фонетически, написаній, какъ, напримѣръ, до́брымъ, до́брым и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, ы послѣ щ является лишь въ Новой библіи, въ Острожской мы имѣемъ б. ч. и. Первопечатная занимаетъ среднее положеніе между обѣими.

Едва ли можно думать, чтобы подобныя написанія были вызваны произношеніемъ (въ современномъ церковномъ произношеніи, какъ и въ русскомъ ч палатально(=č'), и щ=š'č'). Въ другихъ формахъ мы встрѣчаемъ правильное и: Acc. du. но́щи М. XII. 40, N. s. f. и҆мы́щи М. I. 18, G. pl. но́щій М. IV. 1. и т. д.

Съ другой стороны послѣ ч мы чрезвычайно рѣдко встрѣчаемъ ы, что навѣрное случалось бы чаще, если бы ч означало собой согласный непалатальный. О палатальности ч свидѣтельствуютъ также частые случаи ю послѣ ч, вмѣсто ꙋ, имѣющіеся въ Острожской и Первопечатной библіяхъ: чю́жи (Ефес. II. 12), чюжи́мъ (Дѣян. XVII. 18) и. т. д. Въ Новой послѣдовательно проведено ꙋ. Случаи такого ы послѣ ч объясняются ассимиляціей на письмѣ къ другимъ формамъ, гдѣ ы было законно, напр. N. pl. f. про́чыѧ (М. XXV. 11. Остр. про́чаа, Первоп. прⷱ́чыѧ) подъ вліяніемъ мⷱ́дрыѧ и т. п.

формъ (тамъ же), D. pl. прóчымъ (Мр. XVI. 13. Остр. и Первоп. прóчимъ) подъ вліяніемъ такихъ, какъ мѹ́дрымъ; мечы (Acc. pl. Ис. XLI. 2. Остр. мечѧ, Первоп. мечи) подъ вліяніемъ такихъ какъ рабы и т. д. Такъ какъ въ сочетаніи ш (š'č') č очевидно ничѣмъ не отличалось отъ č независимаго, то есть основаніе думать, что написанія съ ы послѣ ш въ родѣ вышеприведенныхъ (ни́щымъ и т. д.), суть только слѣдствія морфологической ассимиляціи (аналогіи), попытка провести на письмѣ вездѣ одинъ ореографическій пріемъ, причемъ уподобляющими типами были формы, подобныя мѹ́дрымъ, влѣзшымъ и т. д.

Историческія же отношенія церковнославянской палатализаціи сохраняютъ характерныя старославянскія черты. Такъ сохранилось такъ называемое „переходное смягченіе“ заднеязычныхъ г к χ въ з ц с, имѣющее мѣсто въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ старославянскомъ: бо́зн (Исходъ XX. 3), проро́цы (Луки XVI. 16) и т. д.

Старославянскія соотвѣтствія первичныхъ *tj*, *dj* (*kt*, *gt*, *χt*) сохранились также, хотя и съ измѣненнымъ произношеніемъ.

Случаевъ замѣны церковнославянскихъ ш и жд русскими соотвѣтствіями *ч* и *ж* немного. Примѣрами могутъ служить: сѣжѹ (Іерем. XL. 10. Остр. сѣжѹ, Первоп. сѣжю), пре́жнїи (Тов. VI. 15. Остр. и Первоп. друг. текстъ), нѹ́жнаго (Прем. Солом. XVI. 3. Остр. и Первоп. такъ же), оу́твержа́мй (Амосъ IV. 13. Остр. и Первоп. оу́твержа́етъ), ю́ницѹ рыжѹ Числ. XIX. 2. (Остр. и Первоп. такъ же), благонаде́женъ (Притчи XIX. 18. Остр. и Первоп. друг. текстъ), гоѫ́жа (Лев. VII. 23. Остр. и Первоп. такъ же), оу́твержѹ (Лев. XVII. 10. Остр. и Первоп. друг. текстъ), стѹ́жею (Второзак. XXVIII, 22. Остр. и Первоп. друг. текстъ), сѣжѹ (Апок. XVIII. 7. Остр. и Первоп. такъ же), ви́жѹ (I. XX. 25. Остр. и Первоп. такъ же), процѣже́ное (Амосъ VI. 6. Остр. цѣ̑женое, Первоп. цѣже́ное), ко́нь рыжъ (Апок. VI. 4. Остр. и Первоп. такъ же), возбѹ́жѹ (I. XI. 11. Остр. и Первоп. возбѹждѹ), блѹже́нїе (1 Коринѳ. V. 1. Остр. и Первоп. такъ же), блѹже́нїм (Римл. I. 29. Остр. блѹже́нїм, Первоп. какъ въ Новой), пощажѹ (Іова VI. 10. Остр. нєпостыжѹсѧ, Первоп. нє по-

стыжѹсѧ), постыжѹсѧ (2 Коринѳ. X. 8. Остр. постыжѹсѧ. Первоп. какъ въ Новой), та҃коже (Галат. IV. 3. Остр. такоже, Первоп. какъ въ Новой), ѡбнадеживаетъ (4 Цств. XVIII. 30. Остр. и Первоп. другой текстъ), невѣжство (Ефес. IV. 18. Остр. невѣжьство, Первоп. какъ въ Новой), нѹжнѣйше (Филип. I. 24. Остр. и Первоп. такъ же), невѣжствѹющымъ (Евр. V. 2. Остр. невѣжствѹющихъ, Первоп. невѣѣствѹющихъ), невѣжествїихъ (Евр. IX. 7. Остр. и Первоп. другой текстъ) и наоборотъ въ Новой библіи вхождаѵ (Евр. IX. 6. Остр. вхожаѵ, Первоп. вхождаѵ), стыждѹсѧ (2 Тимоѳ. I. 12. Остр. и Первоп. постыжѹсѧ), тѡже (M. V. 46. Остр. тѡже, Первоп. какъ въ Новой), та҃кождє (M. V. 47. Остр. та҃коже, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. жд=зж также не всегда сохраняется. Часто находимъ формы съ возстановленнымъ зж: ѩзженѹтъ (Л. XI. 49. Остр. ѩженѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), возжелѣхъ (Л. XXII. 15. Остр. вѣжелѣх, Первоп. вожделѣхъ), ѩзженѹ (I. VI. 37. Остр. ѩженѹ, Первоп. какъ въ Новой), возжелѣющихъ (2. Коринѳ. IX. 14. Остр. вѣжделѣющємъ, Первоп, вожделѣющємъ), разжизаюсѧ (ibid. XI. 29. Остр. разжизаюсѧ, Первоп. разжизаюсѧ), ѩженѝ (Галат. IV. 30. Остр. и Первопеч. такъ же) и т. д., но пр҃ѩждивéши (Л. X. 35. Остр. такъ же, Первоп. преждивéши), ѩженéтъ (I. X. 4. Остр. такъ же; Первоп. ѩженéтъ), ѩждивѝ (Дѣянія Ап. XXI. 24. Остр. и Первоп. такъ же), раждежéнїѧ (Апок. XVIII. 18. Остр, раженїа, Первоп. какъ въ Новой), разжегóстє (Ис. L. 11. Остр. ражегóстє, Первоп. разжегóстє), хотя рядомъ раждизáєтє (тамъ же. Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, Острожская библія нѣсколько лучше сохраняетъ первичныя старославянскія отношенія, тогда какъ Первопечатная въ этомъ отношеніи приближается къ Новой, исправленной. Смѣшанную форму ѩзжденѝ находимъ I. Сир. VII. 28. (Остр. ѩжденѝ, Первоп. какъ въ Новой). Случаи замѣны целав. щ посредствомъ русскаго *ч* рѣже; большая часть ихъ приходится на различныя формы прилагательнаго *чуждый:* чѹждѝхъ (Дѣянія XVII. 18. Остр. чюжѝм, Первоп. чюжѝмъ), чѹждéмѹ (Римл. XIV. 4. Остр. чюждемѹ, Первоп. чюж-

де́мꙋ), чꙋ́жди (Ефес. II. 12. Остр. и Первоп. чю́жи), чꙋжы́ѧ (Быт. XXXI. 15. Остр. и Первоп. чꙋ́жди), чꙋжи́хъ (М. XVII. 26. Остр. чꙋ̑жихъ, Первоп. чꙋжди́хъ), млаче́нїє (Лев. XXVI. 5. Остр. млаченїє. Первоп. какъ въ Новой), плєчѐ (1 Цств. IX. 24. Остр. и Первоп. другой текстъ), и҆звєрчꙋ (1 Цств. XI. 2. Остр. и Первоп. такъ же), оу҆крочáєши (Псал. 88. 10. Остр. оу҆кротиши, Первоп. какъ въ Новой), и҆змлаче́нны (Іерем. LI. 33. Остр. млаченїѧ, Первоп. млаче́нїѧ), млачáшє (Суд. VI. 11. Остр. и Первоп. такъ же) и т. д.

Что касается произношенія согласныхъ сочетаній жд и щ, то оно разнится отъ новоболгарскаго и, вѣроятно, и старославянскаго. Въ то время какъ въ новоболгарскомъ щ=št и жд=žd, церковнославянское щ въ общераспространенномъ произношеніи =š'č' во всѣхъ случаяхъ, а жд только передъ непалатальными гласными имѣетъ то же звуковое значеніе, что въ новоболгарскомъ (žd); передъ палатальными же оно является звонкой параллелью щ и произносится какъ ž'ǯ' (въ произношеніи тѣхъ лицъ, которыя и въ русскомъ имѣютъ š'č', не (š̄)=*ждж*. На чемъ основано такое произношеніе? Тредьяковскій въ своемъ „Разговорѣ о правопісаніі“ [1]), указывая на различіе нашего выговора отъ южнославянскаго *(іллірiческихъ славянъ)*, говоритъ о произношеніи *щ:* „я не знаю, отъ кого мы сперва научілісь проізносіть ея за (шч), развѣ токмо отъ малороссіанъ“.

Какъ ни вѣроятно вообще вліяніе малорусскаго выговора на традиціонный церковнославянскій, но въ данномъ случаѣ ссылка на малорусскій намъ ничего не объясняетъ. И въ малорусскомъ, какъ и въ великорусскомъ, будетъ на мѣстѣ первичнаго tj—*ч*, а *щ(=шч)* вмѣсто этого сочетанія только и можетъ быть церковнославянскаго происхожденія.

Намъ кажется, что для объясненія церковнославянскаго произношеніи щ (стсл. **шт**) = *шч* должно исходить отъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ старославянское **шт** является корреспонден-

---

[1]) Александръ Смирдинъ. Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ. Сочиненія Тредьяковскаго. Санктпетербургъ. Въ Типогр. Имп. Акад. Наукъ. 1849, т. III, стр. 136.

томъ первичнаго сочетанія *skj*, напр. **врѣтиштє**, **влагалиштє**, **жилиштє** и т. д. и которыя, въ виду русскихъ *городище*, *логовище*, *топорище* и т. д. легко могли принять произношеніе щ=*шч*. Также должны были, навѣрное, имѣть значеніе въ этомъ случаѣ русскія формы: *пущу*, *прощу* и т. д., гдѣ сочетаніе *шч* объясняется изъ * *пустју* = * *пусчу* = * *пушчу* и т. д., а также *ищу*, *трещу* и т. д., гдѣ *шч*=опять *skj*. (Въ старославянскомъ во всѣхъ этихъ случаяхъ будетъ **шт**). Въ виду соотвѣтствія старославянскаго и церковнославянскаго *знаковъ* щ (**шт**) русскимъ сочетаніямъ *звуковъ шч* въ вышеприведенныхъ случаяхъ, знакъ щ легко могъ получить звуковое значеніе сочетанія *шч* и въ такихъ случаяхъ, какъ свѣща̀, пи́ща, врата́ти и т. д., но́щь, мо́щь, рєщѝ и т. д., гдѣ русскій языкъ представляетъ уже совсѣмъ другой рефлексъ первичныхъ tj, kt, gt, а именно *ч*.

Въ пользу вторичности произношенія щ передъ непалатальными гласными какъ *шч* (не *шт*) говоритъ и то обстоятельство, что **жд** сохранило передъ ними свое первичное звуковое значеніе. Не безъ вліянія на звуковое значеніе этихъ графическихъ знаковъ осталось, конечно, и то, что въ церковнославянской графикѣ сочетаніе шт давно уже вывелось изъ употребленія и уступило мѣсто лигатурѣ щ, составныя части которой замаскированы и не кидаются въ глаза, тогда какъ сочетаніе жд своей ясностью не давало никакого повода къ недоразумѣнію.

Если и допустить, что знакъ щ первично обозначалъ сочетаніе звуковъ št и передъ непалатальными, и передъ палатальными гласными, и только впослѣдствіи št передъ палатальными измѣнилось въ š'č' (ср. колебанія въ русскихъ говорахъ между формами *шти* и *щи*), все же придется признать, что распространеніе произношенія š'č' и на щ передъ непалатальными гласными есть явленіе вторичное и обязанное своимъ происхожденіемъ, во-первыхъ, сбивчивости самой лигатуры щ, во-вторыхъ, безсознательной подстановкѣ имѣвшагося въ языкѣ сочетанія š'č', которое въ извѣстныхъ случаяхъ совпадало со старославянскимъ **шт**, во всѣ случаи, гдѣ писалось въ церковнославянскомъ щ.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ вліянія графики на

фонетическую сторону языка, которое въ свою очередь опиралось на извѣстныя звуковыя особенности.

Въ то время какъ щ во всѣхъ случаяхъ имѣетъ звуковое значеніе š'č', жд выражаетъ собой три сочетанія согласныхъ: ž'd передъ гласными непалатальными и ž'ž' или žd' передъ гласными палатальными. Первое и послѣднее произношеніе жд (žd и žd') являются результатами строгаго соблюденія „буквы", точнаго чтенія написаннаго. Такъ какъ графическое обозначеніе было совершенно опредѣленно, то первичное звуковое значеніе жд (если руководиться новоболгарскимъ) сохранилось въ церковнославянскомъ произношеніи и изъ него перешло и въ русскій языкъ. Для того, чтобы найти исходный пунктъ для произношенія жд = = ž'ž' (передъ палатальными гласными), должно, мнѣ кажется, обратиться къ случаямъ русскаго ž'ž', возникшаго на русской почвѣ изъ сочетаній *zdj* и *zg'* - (*i*), *zgj*, каковы, напримѣръ: *дождь* (dóš'č', dâž'ž'á), *пъжать* (jɛ̂ž'ž'á'ť'), *можжить* (mâž'ž'íť') и т. д. и которымъ въ старославянскомъ (и церковнославянскомъ) должны отвѣчать формы съ жд. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что случаи эти довольно рѣдки, и подходящихъ церковнославянскихъ формъ съ жд сохранилось еще меньше, такъ что вѣроятность такого объясненія не особенно велика. Возможно еще предположеніе, что ž'ž' въ заимствованныхъ изъ цсл. словахъ развилось уже на русской почвѣ изъ žd' такъ, какъ развилось *щи* изъ *ити* (š'č'í ‖ št'í). Въ самомъ дѣлѣ въ говорѣ нѣкоторыхъ можно слышать *подождй* какъ ръdâž'ž'í, или *ждешь*, какъ ž'ž'óš. Но съ другой стороны необходимо замѣтить, что произношеніе *жд* передъ палатальными гласными въ церковнославянскихъ словахъ какъ ž'ž' (напр. гъž'ž'æstvó = рождество) встрѣчается въ говорѣ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя произносятъ *жд* въ *подождй* и тому подобныхъ формахъ какъ žd'. Мы имѣемъ слишкомъ мало положительныхъ данныхъ, чтобы рѣшить этотъ вопросъ окончательно, особенно въ виду почти полнаго отсутствія дѣйствительно научной разработки русскихъ говоровъ въ фонетическомъ отношеніи, которая могла бы пролить свѣтъ на нѣкоторые побочные вопросы. Произношеніе щ = š'č' и жд (передъ палатальными гласны-

ми)=ž'ž' въ заимствованныхъ изъ церковнославянскаго словахъ, разумѣется, имѣетъ мѣсто только въ тѣхъ русскихъ говорахъ, которымъ свойственны эти сочетанія согласныхъ. Въ говорахъ, гдѣ, вмѣсто *шч* (š'č') и *ждж* (ž'ž') встрѣчаемъ *шш* (š) *жж* (ž), имѣется безразлично p'íšâ (*пишша*=цслав. пи́ща) и ró̄šâ (*рошша*=русск. *роща*), pг'ǽ žæ (*прежже*=цсл. прѣ́ждє, стсл. **прѣжде**) и vóžy (русск. *вожжи*). Возможно, что произношеніе жд какъ ž'ž' (*ждж*) отразилось въ такихъ написаніяхъ древнерусскихъ памятниковъ, какъ *вѣжчелѣша* (Евангеліе Моск. Типогр. Библ. № 6. XII — XIII в. Соболевскій. Очерки изъ исторіи русск. языка. Ч. I. Кіевъ 1884. Стр. 16), *южчену*, *дожчь*, *вѣжчизаетъ* (Галицкое Евангеліе Имп. Публ. Библіот. 1266—1301 г. Тамъ же. Стр. 25) и т. д.

Въ этомъ *жч* надо видѣть попытку изобразить наличными средствами графики сочетаніе ž'ž' (*ждж*, польск. żdż). Особенно часто встрѣчаются такія написанія въ южно-русскихъ памятникахъ (Ср. цитированное сочиненіе, стр. 110 и Владимірова, Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. Кіевъ. 1890. Passim). Кромѣ южнорусскихъ памятниковъ, подобныя написанія имѣются и въ нѣкоторыхъ новгородскихъ рукописяхъ, а именно въ Псалтыри 1296 г. *дѣжчьвнымъ* и въ Прологѣ XIII в.—*привожчено* (Archiv für Slav. Philologie. VII. 70). Встрѣчающіяся въ сѣверно-русскихъ памятникахъ написанія съ *жг*, въ родѣ *дожгя*, *приважгяя* и т. д. (Соболевскій. Очерки и т. д. стр. 126) представляются загадочными (ср. цитир. сочиненіе, стр. 153).

Изрѣдка находимъ написанія съ ю послѣ жд, свидѣтельствующія о палатальномъ его произношеніи въ извѣстныхъ случаяхъ: надождю (I. s. Praes. Ам. IV. 7. Нов. и Первопеч.; Остр. надождꙋ), wдождю (Исх. XVI. 4. Остр. ѡдождꙋ, Первоп. ѡдождю; Іезек. XXXVIII. 22. Остр. ѡдождꙋ, Первоп. какъ въ Новой), хотя рядомъ встрѣчаемъ wсꙋждꙋ (Іезек. XXXVIII. 22) и. т. д. Вліяло здѣсь очевидно русское произношеніе: *сужꙋ* = sužú,—*дождю*=dâž'ž'u. Такъ какъ въ первой формѣ ž непалатально въ русскомъ, то и въ церковнославянскомъ находимъ—ꙋ, тогда какъ

формы *дождь, дождя, дождю* представляютъ сочетаніе палатальныхъ согласныхъ ž'ž'. Палатальность эта передана въ церковносл. написаніи съ—ю.

Другой особенностью церковнославянскаго консонантизма, отличающей его отъ русскаго, а также, вѣроятно, и старославянскаго, является и произношеніе г какъ заднеязычнаго спиранта (γ), а не какъ эксплозива (g, какъ въ русскомъ). Съ которыхъ поръ произносится такимъ образомъ г, сказать трудно, за неимѣніемъ какихъ-либо данныхъ. Мелетій Смотрицкій въ своей грамматикѣ помѣщаетъ г не въ разрядъ *полгласныхъ*, которыя „бо́лєє гласа́тъ“ (ж, ѕ, з, л, м, н, ρ, с, ц, ч, ш, щ, ѯ, ѱ), а въ разрядъ *безгласныхъ* (Mutae?). Но его классификація звуковъ не можетъ дать никакихъ указаній въ виду того, что въ томъ же разрядѣ „безгласныхъ“ мы находимъ и несомнѣнные спиранты, какъ ф, х, в и т. д.: „бєзгла́сна суо́ть б в г д к п т ф х ѳ“ (л. н̄). Въ другомъ мѣстѣ онъ причисляетъ г вмѣстѣ съ ѕ ф ѯ ѱ ѳ къ буквамъ „страннимъ“, которыя „ѿ гре́ковъ привза́та“, не упоминая однако о многихъ другихъ знакахъ также греческаго происхожденія.

Такимъ образомъ никакихъ полезныхъ указаній въ этомъ отношеніи Смотрицкій не можетъ дать; зато у Лавр. Зизанія въ глоссаріи, приложенномъ къ граматикѣ, находимъ глоссу: ѥ́гда̀—кгды̑, которая указываетъ на противоположеніе имъ церковнославянскаго г=γ (звонкій заднеязычный спирантъ) польскому g (звонкій заднеязычный взрывной), заимствованному въ данной частицѣ и въ югозападный русскій языкъ. Отсюда можно заключать, что въ концѣ XVI в. (разумѣется и раньше) церковнославянское г, по крайней мѣрѣ въ югозападной Руси, означало собой звонкій заднеязычный спирантъ, имѣющійся и донынѣ въ традиціонной церковнославянской звуковой системѣ. Спирантное произношеніе г, перешедшее, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ и въ русскій языкъ, отражается и въ языкѣ многихъ лицъ духовнаго званія или происходящихъ изъ духовенства. Такое произношеніе встрѣчается довольно часто у означенныхъ лицъ, хотя бы по мѣсту своего рожденія они и принадлежали къ такимъ великорусскимъ говорамъ, въ которыхъ этотъ спирантъ въ независимомъ положеніи

вовсе не встрѣчается. Есть основаніе думать, что эта особенность малорусскаго происхожденія, какъ это было уже предполагаемо и другими учеными [1]). Хотя профессоръ Ягичъ въ своемъ разборѣ русской грамматики г. Богородицкаго (Jagic. Archiv f. sl. Philologie Bd. XI. 1888, стр. 458) и отрицаетъ возможность малорусскаго вліянія на церковнославянское произношеніе, но мы позволимъ себѣ не согласиться съ нимъ, въ виду весьма правдоподобныхъ соображеній историческаго характера. Главнымъ аргументомъ противъ возможности такого вліянія проф. Ягичъ выставляетъ сильное нежеланіе малорусскихъ грамматиковъ признавать какое-либо соприкосновеніе малорусскаго и церковнославянскаго: „dass die neuere Kirchenslavische Sprache unter grossem Einflusse gerade der Kleinrussischen sich herausgebildet habe, das wird man nicht nachweisen können. Perhorresciren ja doch selbst in neuester Zeit manche Kleinrussische Grammatiker jeden Contact mit dem kirchenslavischen. Das würden sie kaum thun, wenn sie in der üblichen kirchenslavischen Sprache viele kleinrussiche Anklänge finden zu können hofften“. Между тѣмъ, если мы взвѣсимъ тѣ общеизвѣстные факты, что все относящееся до обрядности, до богослуженія и т. д. сохраняется съ большимъ постоянствомъ и точностью (преданностью традиціонной буквѣ), что русская церковь имѣла свою колыбель въ Кіевѣ и оттуда распространилась по всей Руси, что въ XVII вѣкѣ мы опять встрѣчаемся въ исторіи русскаго просвѣщенія съ сильнымъ приливомъ въ Москву югозападныхъ, кіевскихъ ученыхъ (которые, между прочимъ, имѣли немало дѣла и съ богослужебными книгами, а также учили въ школахъ для духовенства), то предположеніе о возможности малорусскаго вліянія на традиціонное церковнославянское произношеніе пріобрѣтаетъ вполнѣ правдоподобный характеръ. Объяснить иначе, какъ изъ малорусскаго, спирантное произношеніе цсл. г (=γ) не представляется возможнымъ. Какъ другой остатокъ малорусскаго вліянія можно разсматривать (съ меньшей вѣроятностью) упомянутое выше (стр. 143) сохраненіе ударенаго ѥ передъ слѣдующимъ непалатальнымъ согласнымъ.

[1]) Ср. Бодуэнъ де-Куртенэ. Подробная Программа Лекцій. 1878 г. Стр. 62.

Изъ другихъ особенностей церковнославянскаго консонантизма можно указать на возникновеніе (въ силу исчезновенія ъ и ь въ открытыхъ слогахъ) невозможныхъ для старославянскаго сочетаній согласныхъ, которыя еще поддерживаются (точнѣе возстановляются) чутьемъ этимологическаго состава слова. Таковы случаи: зсх — и҃зсхо́ша (Іерем. XXIII. 10. Остр. и҃сше́на бы҃, Первоп. и҃сше́на бы҃сть), зжг — возжгѵ҆ (Іерем. XXI. 14. Остр. вьжгѵ҆, Первоп. вожгѵ҆, ibid. L. 32. Остр. вьжгѵ҆, Первоп. вожгѵ҆), зжж (zz'з'?)— разжже́ный (Іезек. XX. 47. Остр. и Первоп. раждже́ный). Точно такъ же возстановляется сочетаніе зш: возшѵ҆мѣ́ша (Іерем. XXXI. 36. Остр. вьзшѵ҆мѣ́ша, Первоп. возшѵ҆мѣ́ша) и т. д. Слѣдовъ діалектическаго вліянія на фонетику церковнославянскаго языка немного: образчиками могутъ служить случаи ч вмѣсто ц, встрѣчающіеся изрѣдка, напр. чепе́й (Суд. VIII. 26. Остр. и Первоп. гри́венъ) че́пи, чепо́чки (Исх. XXVIII. 24. 25 Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. Особенности эти внесены уже въ текстъ Новой Библіи, какъ видно изъ примѣровъ.

Морфологическія особенности церковнославянскаго языка.

А. Склоненіе.

§ 3. Характерныя особенности церковнославянскаго склоненія, отличающія его отъ старославянскаго и часто совпадающія съ особенностями русскаго, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: a) особенности, являющіяся слѣдствіемъ различныхъ фонетическихъ измѣненій спонтанеическихъ и комбинаторныхъ, свойственныхъ русскому языку и перенесенныхъ въ церковнославянскій; b) особенности, обусловленныя чисто морфологическими процессами (морфологической ассимиляціей или аналогіей).

Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими спонтанеическими.

Въ ряду особенностей первой категоріи отмѣтимъ измѣненія старославянскихъ формъ вслѣдствіе измѣненія краткихъ гласныхъ ъ и ь, одинаковаго съ русскимъ:

Творит. ед. числа на о-мъ вмѣсто стсл. ъ-мь у основъ на u-: до́момъ Мат. XXIV. 45. сы́номъ (Мелет. Смотрицкій л. 113) и т. д.; съ другой стороны формы эти однако совпа-

даютъ съ соотвѣтствующими формами основъ на о-, гдѣ о первично, и могли быть вызваны вліяніемъ этихъ послѣднихъ. Творит. ед. числа на є-мъ вмѣсто стсл. **ь-мь** у основъ на і- или на согласный: ѻ҆гне́мъ (М. III. 11), пꙋте́мъ (М. VIII. 28), и҆́менемъ (М. VII. 22), небесе́мъ М. XXIII. 22 и т. д. Дат. и твор. двойств. ч.: и҆́менема (М. Смотр. л. 115), ѻ҆трочѧ́тема (ibid. л. 114). Дательный и предложный множ. у тѣхъ же основъ: болѣ́знемъ М. XXIV. 8, две́ремъ Мр. I. 33. пꙋте́мъ (Ис. LV. 3), словесе́мъ (Л. I. 20) и т. д. две́рехъ (М. XXIV. 33), ꙗ҆́слехъ (Л. II. 7. 12), пꙋте́хъ (Ис. XLII. 24), и҆́менехъ (Дѣянія XVIII. 15) и т. д. [1]).

Измѣненіе краткаго гласнаго **ь**, видоизмѣняющее обликъ старославянскихъ формъ, имѣетъ мѣсто еще въ родительномъ множ. основъ на -і муж. и женскаго рода: лакте́й Быт. VI. 15. ѕвѣре́й ib. 19. пꙋте́й (М. XXII. 9), за́повѣдей (М. V. 19) русск. *путе́й, косте́й*, стсл. **пѫтьи́, пѫтии́; костьи́, костии́**.

Также въ родит. множ. основъ на ū-: церкве́й II. Коринѳ. VIII. 19. Апок. I. 20. (р. церкве́й, стсл. **кръвьи́, кръвии́**), основъ на r-: дще́рей Л. I. 5, которыя идутъ въ церковнославянскомъ по типу основъ на і- (русск. *дочерей*, стсл. **дъштеръ**).

Случаи съ сохраненіемъ старославянскаго **и=ь** имѣются рядомъ съ приведенными формами: дні́й (Л. XIII. 14) и дне́й (М. XI. 12). См. другіе примѣры выше: стр. 144).

Въ образованіи нѣкоторыхъ изъ этихъ формъ могла играть роль и морфологическая ассимиляція къ соотвѣтствующимъ формамъ другихъ основъ. Кромѣ основъ на о-, которыя, какъ было сказано, могли повліять на склоненіе основъ на u-, на формы въ родѣ тв. ѻ҆гне́мъ, дат. мн. пꙋте́мъ, могли вліять формы основъ на jo-, гдѣ **-ѥ-мь** и **-ѥ-мъ** являлись вполнѣ законными въ смыслѣ фонетическомъ.

Измѣненіе носовыхъ гласныхъ **ѫ, ѧ** въ простое *u, a* (съ

---

[1]) Написанія съ -ѣхъ, встрѣчающіяся также у этихъ основъ, объясняются морфологической ассимиляціей на письмѣ къ соотвѣтствующимъ формамъ основъ на о- (См. ниже § 12-й въ концѣ).

предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ въ извѣстныхъ случаяхъ) отразилось также въ церковнославянскомъ склоненіи на различныхъ окончаніяхъ, въ составѣ которыхъ имѣлся тотъ или другой изъ этихъ гласныхъ.

Въ винительномъ падежѣ ед. ч. бывшихъ основъ муж. и женск. рода на ā- и jā-, вмѣсто старославянскаго ѫ, находимъ -*и*, какъ въ русскомъ (ꙋ, ю): странꙋ М. II. 11, зе́млю М. II. 20, ю̃ношꙋ Дѣянія Ап. XXIII, 17, 18, сꙋдію Д. Ап. VII. 27 и т. д.

Въ творительномъ падежѣ ед. ч. тѣхъ же основъ, а также основъ ж. р. на ū-, i- и на r-: водо́ю М. III. 11. кро́вію Римл. V. 9 мт̑рію М. II. 11 и т. д. вмѣсто старославянскаго ѭ имѣется -ju (ю).

Въ именительномъ и винительномъ падежѣ ср. р. на n- (en-, men-), nt̀-, вмѣсто старослав. ѧ, имѣется, какъ въ русскомъ -а или -'а (съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ), обозначаемое посредствомъ ѧ и а: и̑мѧ М. I. 21, 25, вре́мѧ М. II. 7, о̀троча̀ М. II. 9, 11 и т. д.

Въ отглагольныхъ именахъ прилагательныхъ (причастіяхъ) вмѣсто старосл. -ѧ, -ѩ такъ же, какъ въ русскомъ, имѣется *а*, *-'а* (съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ) или *-ja*, обозначаемыя посредствомъ ѧ или а: просѧ́й, ищѧ́й М. VII. 8. гл̑го́лѧ М. I. 19, исцѣлѧ́ѧ М. IV. 23, оу̑ча̀ Л. V. 17, лежа I. XI. 41, скача̀ Д. Ап. III. 8.

Въ мѣстоименномъ склоненіи; у основъ на o-: въ родит. падежѣ ед. ч. ж. р. мѣстоименія указательнаго тъ, та, то: тоѧ̀ (стсл. **тоѩ**) Л. VI. 49. ты̑ѧ кни̑ги Евр. IX. 19; въ винит. падежѣ ед. числа того же рода: тꙋ̑ю Іерем. XXV. 12. Быт. III. 17. (Московская библія 1663—тꙋ̑, стсл. **тѫ**); въ творит. падежѣ ед. числа то́ю (стсл. **тоѭ**).

Во множественномъ числѣ: винит. ж. р. ты̑ѧ (стсл. **ты**) I. X. 16, тотъ же падежъ м. р. ты́ѧ (стсл. **ты**) Апок. IX. 6.

Въ винит. падежѣ ед. ч. мѣстоименія личнаго: мѧ̀, тѧ̀ (стсл. **мѧ, тѧ**) Іоа. II. 48; въ творительномъ ед. ч. мно́ю Іоа. VIII. 29 (стсл. **мъноѭ**), тобо́ю (стсл. **тобоѭ**) Іоа. IV. 27.

У основъ на jo-: въ род. падежѣ ед. ч. ж. р. указатель-

наго мѣстоименія стсл. **и, ꙗ, ѥ**: ѥ̂ѧ̀ (стсл. **ѥѩ**) М. I. 19, притяжательныхъ мѣстоименій: моеѧ̀ (стсл. **моѥѩ**) I. VIII. 43, твоеѧ̀ М. I. 20, своеѧ̀ М. X. 10. вашеѧ̀ Д. Ап. III. 22.

Въ винит. падежѣ ед. ч. ж. рода: ю̀ (стсл. **ѭ**) М. IX. 22. I. 19, мою̀ (**моѭ**) I. VI. 54, твою̀ I. IV. 42, свою̀ М. I. 24.

Въ творительномъ падежѣ ед. ч. е̂ю (стсл. **ѥѭ**) I. XVII, 26, не́ю I. XI. 51, свое́ю Д. Ап. III. 12 и т. д.

Во множественномъ числѣ: въ именительномъ и винительномъ ж. р. ѧ̀ (стсл. **ꙗ**) Апок. XII. 4. на́шѧ I. X. 24. моѧ̀ (стсл. **моꙗ**) I. X. 27, своѧ̀ I. XIII. 12. Д. Ап. V. 18, твоѧ̀ М. V. 33. и т. д., въ винительномъ множ. муж. рода указат. мѣстоименія стсл. **и, ꙗ, ѥ**: ѧ̀ (стсл. **ꙗ**) Апок. XIII. 7. мѣстоименій притяжательныхъ: ва́шѧ М. V. 44, своѧ̀ М. I. 21, моѧ̀ М. II. 6. и т. д.

Въ склоненіи мѣстоименій стсл. **вьсь** и **сь**, первично основъ на і-: въ родит., винит. и творит. ед. ч. ж. рода: всеѧ̀ Апок. XVI. 14, сеѧ̀ ibid. XVII. 7 (стсл. **вьсеѩ, сеѩ**), всю̀ (стсл. **вьсѫ**) Л. II. 1. сїю̀ (стсл. **сиѭ**) Іоа. II. 19, все́ю (стсл. **вьсеѭ**) Мр. XII. 33, се́ю (стсл. **сеѭ**). Во множественномъ числѣ: въ именит. и винит. ж. рода и винит. м. рода: всѧ̀ (стсл. **вьсѧ**) Д. Апост. II. 47, сїѧ̀ (стсл. **сиꙗ**) Д. Апост. III. 24.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ полной формы съ послѣднимъ согласнымъ основы непалатальнымъ: въ род. п. ед. ч. ж. р. сме́ртныѧ (стсл. **съмрьтныꙗ**) Д. Ап. II. 24; въ винит. пад. ед. ч. ж. р. десну́ю (стсл. **деснѫѭ**) Д. Ап. III. 7; въ тв. п. ед. ч. ж. р. чи́стою (стсл. **чистоѭ**) М. XXVII. 59; въ имен. и винит. падежахъ мн. ч. ж. р. и винит. мн. муж. р.: дѡ́брыѧ, ѕлы̂ѧ (стсл. **добрыꙗ**) М. XIII. 48.

Въ винит. пад. ед. ч ж. р. основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: кромѣ́шнюю (стсл. **кромѣшьнѭѭ**) М. VIII. 12; въ творит. п. ед. ч. ж. р. дома́шнею (стсл. **домашьнѥѭ**) 1. Коринѳ. XVI. 19, въ именит. и винит. мн. ч. ж. р. и винит. муж. ни́щыѧ (стсл. **вышьнѭꙗ**) М. XXVI. 11.

Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими комбинаторными. Свойственное русскому языку

измѣненіе *ы* послѣ заднеязычныхъ согласныхъ *г*, *к*, *х* въ *и* отразилось также и на окончаніяхъ церковнославянскихъ. Такъ въ вин. множ. бывшихъ основъ муж. р. на о- имѣемъ: мѣ́хи ве́тхи (стсл. **мѣхы ветъхы**) М. IX. 17, Мр. II. 12, грѣхѝ (стсл. **грѣхы**) М. IX. 6, пр҃ро́ки (старослав. **пророкы**) М. V. 12, кни́жники (стсл. **кънижьникы**) М. II. 4 и т. д. То же имѣется въ творительномъ падежѣ данныхъ основъ, во множ. числѣ: о҆брѡ́ки Л. III. 14, грѣ́шники М. IX. 11. оу҆ченикѝ М. IX. 10; пастꙋхѝ Быт. XII. 7; въ родительномъ падежѣ ед. ч. и именит., винит., звательномъ множественнаго у бывшихъ основъ муж. и ж. рода на ā-: acc. pl. влады́ки М. X. 18, g. s. рꙋкѝ Апок. VIII. 4 (стсл. **владыкы, ржкы**), рꙋ́ки N. pl. Быт. XVI. 12.

Въ N. A. pl. прилагательныхъ краткой формы ж. р.: мѧ́гки М. XI. 8; въ опредѣленномъ склоненіи: N. s. m. вели́кїй Апок. VI. 4., Instr. s. вели́кимъ Апок. XIV. 7., G. f. вели́кїѧ Апок. XVII. 1, Dat. pl. зе́мскимъ Апок. XVII. 5 и т. д.

Неспособность согласныхъ ц и ш палатализироваться, свойственная русскому языку, вызываетъ измѣненіе слѣдующаго за ними и въ ы: N. pl. во́лцы хи́щницы М. VII. 5 (Остр. вл҃ъцы хы́щ҃ницы, Первоп. какъ въ Новой), оу҆ченицы̀, оу҆чн҃цы̀ М. IX. 14 (Остр. оу҆ченици, оу҆ченицы, Первоп. оу҆чн҃цы̀), Acc. pl. сопцы̀ М. IX. 23 (Остр. сопцѧ. Первоп. сопца̀), чл҃вѣцы М. XVI. 13 (Остр. и Первоп. чл҃цы), A. pl. ѡ҆́вцы М. X. 16 (Остр. о҆́вцѧ, Первоп. о҆́вцы), пти́цы М. X. 29 (Остр. птици, Первоп. какъ въ Новой), дꙋ́шы (Прем. Сол. III. 1. XVII. 14. Остр, дш҃а, Первоп. дш҃ы), ю҆́ношы (Дѣян. V. 10. Остр. ю҆́ноша, Первоп. -ы) и т. д.

Этой же неспособностью ц, ш, ж къ палатализаціи объясняются написанія: Acc. s. N. sing. О҆ц҃ъ М. XI. 27 (Остр. ѿц҃ъ, Первоп. о҆ц҃ъ), род. множ. коне́цъ М. XII. 42 (Остр. и Первоп. коне́цъ), ста́рецъ М. XV. 2 (Остр. ста́рець, Первоп. какъ въ Новой), N. s. слѣпе́цъ М. XV. 14 (Остр. слѣпець, Первоп. какъ въ Новой), G. pl. ры́бицъ М. XV. 34 (Остр. ры́бицъ, Первоп. какъ въ Новой), дꙋ́шъ (Прем. Сол. III. 13, Быт. XLVI. 22. 25, Остр. и Первоп. такъ же), ко́жъ (Исх. XXVI. 14. Остр.

и Первоп. творит. падежъ), ю҆́ношъ (1 Парал. XIX. 10, Остр. друг. текстъ) и т. д.

Въ появленіи приведенныхъ написаній играло также навѣрное извѣстную роль уподобленіе на письмѣ къ однороднымъ формамъ, гдѣ ы или ъ были вполнѣ законны.

Въ ряду прочихъ фонетическихъ измѣненій, замѣчаемыхъ въ области окончаній церковнославянскаго склоненія, укажемъ на замѣну въ церковнославянскомъ старославянскаго окончанія твор. и пред. п. ед. ч. **-мь** (именнаго и мѣстоименнаго склоненія) окончаніемъ -мъ, т. е. просто *-m*, вмѣсто ожидаемаго *-m'* (какъ въ русскомъ). Эта утрата палатальности объясняется тѣмъ, что русскіе губные согласные вообще мало склонны къ палатализаціи и въ нѣкоторыхъ говорахъ ее совершенно утратили на концѣ словъ (въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ говорахъ krof вм. krof' = кровь, ostáf вм. ostáf' = оставь и т. д.).

Уже въ Острожской библіи имѣется окончаніе -мъ, если не во всѣхъ случаяхъ, то въ огромномъ большинствѣ: нимъ, гм҃ъ бм҃ъ твои́мъ, наси́лїемъ, твое́мъ, нане́мже и т. д. Второзаконіе, гл. XXIV. дх҃омъ, ср҃дцемъ, по҆спꙋ́домъ, нб҃немъ, о҆лтаре́м҃, сопе́рникомъ свои́мъ и т. д. Матѳ. гл. V.

Въ первопечатной Московской библіи замѣчается то же самое явленіе. Что касается грамматики Мелетія Смотрицкаго, то у него въ парадигмахъ вездѣ почти находимъ еще окончаніе -мь: клевре́томь (л. 105), во́иномь (л. 106), ю҆ро́домь (107), дре́вомь (108), дроу́гомь (109), проро́комь (л. 109 на обор.), грѣхо́мь (110), чва́нцемь (л. 111 на об.), сы́номь (113), отрочѧ́темь (114 на обор.), и҆́менемь (115), словесе́мь (116), ри́млѧниномь (117), бра́томь (118 на об.), па́стыремь (123), мѧте́жемь (124), свидѣ́телемь (124 на обор.), хода́таемь (125 на обор.), і҆ере́емь (126), мра́вїемь (ibid. на оборотѣ), зно́емь (127 на обор.), крагоу́емь (128), любодѣ́емь (128 на обор.), древодѣ́лемь (129) и т. д., но ꙗ҆рмо́мъ (106), о҆тце́мъ (111), се́рдцемъ (112 на об.), до́момъ (118), дроу́гомъ (120) и т. д.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ: м. и ср. тѣмь ст҃ы́мь (133, 134 на обор.), м. и ср. благи́мь благо́мъ (135, 136),

м. р. нищимъ (137), м. р. сно́вникъ (140) и т. д., но ср. р. тѣмъ сно́вникъ (141 на обор.), м. и ср. р. тѣмъ вжїимъ (142, 143) и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, правила относительно употребленія М. Смотрицкимъ окончаній -мъ и -мь (т. е. -*m* и -*m'*) установить нельзя.

Окончаніе -мъ (-*m*) однако встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ -мь (-*m'*) и чаще у именъ прилагательныхъ ср. рода, чѣмъ у таковыхъ же мужескаго.

Едва ли, впрочемъ, можно видѣть въ этомъ употребленіи -мъ и -мь попытку (хотя бы и не проведенную послѣдовательно), дифференцировать на письмѣ схожія формы разныхъ родовъ.

Въ мѣстоименномъ склоненіи наоборотъ гораздо чаще имѣется -мъ: м. р. всѣмъ (152), но ср. р. всѣмъ (на обор.), м. и ср. р. предложн. только всѣ́мъ (ibid.), м. и ср. р. о҃бо́имъ, о҃бо́емъ (152 на обор. и о҃бои́мъ, о҃бо́емъ 153), м. и ср. творит. е҆ди́нѣмь (154, 155), но предл. е҆ди́номъ или е҆ди́нѣмъ въ обоихъ родахъ и т. д.

Въ текстѣ, напротивъ, находимъ почти исключительно -мъ: жела́нїемъ (2), оу҃че́нїемъ (3), витїйствомъ (4), о҃гне́мъ (ibid.), небесе́мъ (5 на оборотѣ), ума́мъ (6), о҃бразомъ (7), прехожде́нїемъ, показа́нїемъ (7 на оборотѣ), трудо́мъ (9), молча́нїемъ (9 на обор.), е҆стество́мъ (10), родомъ (ibid.) и т. д., но лице́мь (11), просты́мъ обы́чаемь и кро́кимъ гла́сомъ (тамъ же на обор.), че́тцемь (тамъ же), то́нкимъ гла́сомь (листъ 54) и т. д.

Во всякомъ случаѣ эти написанія свидѣтельствуютъ скорѣе о томъ, что въ живомъ произношеніи писавшаго имѣлось только окончаніе -*m* (-мъ), написанія же съ -мь фонетическаго значенія очевидно вовсе не имѣли и должны быть сведены просто къ остаткамъ старославянской графики, если не къ типографскимъ погрѣшностямъ (въ извѣстныхъ случаяхъ).

§ 4. Въ исторіи церковнославянскаго склоненія играла важную роль морфологическая ассимиляція (аналогія), проявленія которой часто совершенно одинаковы съ проявленіями ея въ русскомъ склоненіи. Какъ и русское склоненіе, церковнославянское утратило различеніе многихъ первичныхъ основъ, еще имѣвшееся

въ старославянскомъ. Образованія, первично чуждыя извѣстнымъ основамъ и вызванныя морфологической ассимиляціей къ другимъ типамъ, встрѣчаются и въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, такъ что многія изъ новообразованій церковнославянскаго склоненія ведутъ свое начало издалека, только они болѣе распространились и упрочились въ языкѣ церковныхъ печатныхъ книгъ.

Лучше всего сохранилось склоненіе болѣе многочисленныхъ основъ муж. и ср. рода, соотвѣтствующихъ первичнымъ на о-, jo-, ж. р. на ā-, jā-, ei- (i-). Прочія основы болѣе или менѣе тѣсно примкнули къ тѣмъ или другимъ изъ только-что названныхъ, послужившимъ уподобляющими типами.

§ 5. Такъ почти совсѣмъ исчезло самостоятельное склоненіе бывшихъ основъ м. р. на ei- (i-), которыя примкнули къ основамъ того же рода на jo-.

У Смотрицкаго первичныя основы на ei- (i-): поу̑ть, о̑гнь, оу̑гль, дреко́ль, горта́нь приводятся вмѣстѣ съ несомнѣнными основами на jo-: какъ во́пль, кли́чь и т. д. и склоняются по образцу мѧте́жь—основы на jo- (л. 124 на обор.). Въ еванг. Матѳ. XXIII. 33 находимъ родит. падежъ ед. ч. о̑гнѧ̀, ла́ктѧ (3 Цств. VII. 35. Такъ уже въ Остр.) и т. д. дат. ед. о̑гню̀ (Іезек. XXI. 32. Остр. о̑гню, Первоп. о̑гню̀). Склоненіе слова Госпо́дь, приведенное у Смотрицкаго (л. 132), сохранило въ единств. числѣ только одну несомнѣнную форму основъ на i-, звательный падежъ—Гд҃и (См. также М. XVIII. 26 и т. д.). Творительный ед. гд҃емь (Л. II. 22 Гд҃емъ, Остр. гм҃ъ, Первоп. какъ въ Новой) одинаково можетъ принадлежать и основамъ на jo- (съ є, равнымъ -jo-), и основамъ на ei- (со вторичнымъ є, развившимся изъ ь). Сверхъ того вполнѣ возможна форма творит. единственнаго Го́сподомъ по типу основъ на о-, свойственная и современному русскому языку.

Родительный, дательный и предложный падежи единств. числа идутъ по типу основъ на о-: гд҃а (Исаіи II. 12. Остр. г҃а, Первоп. какъ въ Новой), гд҃ꙋ (ibid. XIX. 20. Остр. г҃ви, Первоп. гд҃ви), гд҃ѣ (Псал. XXXI. 11). Дательный встрѣчается и съ весьма

*

распространеннымъ окончаніемъ -єви, получившимся изъ окончанія -овн, заимствованнаго отъ основъ на eu- (u-): гдѣви, гдѣєви (Л. I. 17, П. 23, М. XXII. 44. Остр. гвѣи. Первоп. гдѣви), о҃гнѣви (Іезек. XV. 6. Остр. о҃гнєви, Первоп. о҃гнѣви) и т. д. Вмѣсто винит. падежа, какъ у всѣхъ именъ существительныхъ, означающихъ одушевленныхъ существъ, находимъ форму родит. падежа по типу основъ на о-: гдѣа (Псал. CII. 1. Остр. гѣ, Первоп. какъ въ Новой).

Что касается двойственнаго числа, то, въ виду его неупотребительности, мы ограничимся приведеніемъ формъ изъ грамматики Смотрицкаго. Хотя онѣ и не могутъ считаться достовѣрными, все же извѣстное значеніе у нихъ есть, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ онѣ свидѣтельствуютъ объ отношеніи къ нимъ хотя бы и искусственнаго языковаго чутья. Мы находимъ первичную форму только для твор. и дат. двойств.: гдѣма или гдѣма. Первая—тѣма гдѣма стоитъ у Смотрицкаго для дат. пад., вторая тѣма гдѣма для творительнаго. Эта дифференціація, разумѣется, ни на чемъ реальномъ не основана и принадлежитъ къ числу вообще очень частыхъ у Смотрицкаго педантичныхъ и произвольныхъ измышленій. Такая дифференціація твор. и дат. дв. ч., пріуроченная къ параллелизму окончаній—ьма и -ема, проведена у Смотрицкаго во всѣхъ основахъ муж. и женск. рода на i- и jo- (съ -ь въ именит. единственнаго). Для И. В. З. и Р. и Пр. двойственнаго Смотрицкій беретъ формы отъ основъ на о-: го́спода, гдѣ҃. Ср. также: два̀ ла́кта (Числ. XI, 31. Остр. и Первоп. еще правильно ла́кти).

Множественное число сохранило лучше первичное склоненіе основъ на i-, хотя рядомъ съ правильными формами и здѣсь встрѣчается не мало новообразованій. Именительный падежъ идетъ правильно: госпо́діє (Ефес. гл. VI. 9 какъ зват. падежъ, Дѣян. Апост. IV. 34. Остр. и Первоп. такъ же). Винительный падежъ въ Новой библіи = род. множ. госпо́дій (1 Тимоѳ. VI. 1). Въ Острожской и Первопечатной находимъ форму, образованную по типу бывшихъ основъ на о-: господы въ Остр. и го́споды въ Первопечатной. Родительный, дательный и предложный множе-

ственнаго разнятся отъ ожидаемыхъ старославянскихъ формъ только переходомъ ь въ є, свойственнымъ русскому и церковнославянскому. Въ родительномъ однако встрѣчается и старинная форма: госпо́дїй (Псал. CXXII. 2, Остр. господїи, Первоп., гдїй. 1 Тимоѳ. VI. 1. Остр. винит. пад.), рядомъ съ господе́й (Псал. CXXXV. 3. Остр. дат. мн. господе́м, Первоп. господе́й. Второзак. X. 17. Остр. дат. гм҃ъ. Первоп. господе́мъ), дат. множ. имѣетъ также двѣ формы—„правильную“ господе́мъ (Ам. IV. 1. Остр. господємъ, Первоп. господе́мъ. Посл. къ Титу II, 9. Остр. какъ въ Новой), рядомъ съ госпо́дїѧмъ (Тов. II. 12, 13, 14. Остр. и Первопеч. другой текстъ), которая представляетъ собой образованіе отъ основы именит. пад. множ. ч. госпо́дїє (чувствовавшагося какъ собирательная форма) съ морфологической ассимиляціей къ основамъ женск. рода на ā-. Предложный падежъ, приведенный у Смотрицкаго (л. 132 на обор.), — го́сподєхъ отвѣчаетъ стсл. формѣ ***господьхъ**. Относительно дательнаго падежа надо еще замѣтить, что его форма совпадаетъ также съ дат. множ. основъ на jo-, гдѣ—ємъ (стсл. **-ѥмь**) имѣетъ другое происхожденіе (є = jo). Для творительнаго множественнаго имѣется нѣсколько формъ: правильная го́сподьми (Смотр. л. 132 на обор.), го́споды (ibidem) по типу основъ на о- и госпо́дїѧми (Маккав. кн. I, гл. IX. 25 [1]), образованная такъ же, какъ и вышеприведенная форма дат. множ. госпо́дїѧмъ, подъ двойнымъ вліяніемъ формы именит. множ. и основъ на ā-.

Склоненіе основъ горта́нь и пꙋ́ть сохранилось безъ особыхъ измѣненій. У Смотрицкаго находимъ замѣчаніе (л. 131 на оборотѣ), что поу̑ть въ родит. ед. и винит. множ. имѣетъ пꙋти̑, каковая форма, „чистѣе, нежели пꙋтѧ̀“.

Лучше всего сохранилось ед. число, не представляющее уклоненій отъ старославянской нормы. Род. пад. горта́ни (Іова XX.

---

[1]) Въ Острожской библіи вмѣсто этой формы находимъ творит. множ. господїи, превращенный въ Первопечатной въ госпо́дїй (р. множ.). Эта форма есть образованіе по типу основъ на jo-, съ суффиксомъ **-ніє**, какъ стсл. **ꙁнаменни**. По аналогіи съ людми̑ (Луки VIII. 48) можно было бы также ожидать и формы *господми̑.

13), дат. ед. также (Псал. XXI. 16, Iезек. III. 26), пꙋти̇ (Матѳ. XXII. 16), вин. горта́нь (Притчи V. 3), предл. горта́ни (Пѣснь Пѣсней II. 3. Пс. CXLIX. 6), пꙋти̇ (Матѳ. XXI. 19), тв. горта́нємъ (Пс. CXIII. 15. Остр. и Первоп. такъ же), пꙋте́мъ (съ є=ь, но совпадающимъ и съ є=jo основъ на jo-) Матѳ. XXI. 32 (Остр. пꙋтємъ, Первоп. какъ въ Новой). Множ. число, кромѣ общихъ фонетическихъ измѣненій, также не представляетъ особыхъ отклоненій отъ старославянскаго. Именит. множ. имѣетъ правильную форму отъ основъ на i-: пꙋтїѐ (Ис. XXXIII. 8, LV. 8, Остр. пꙋтїє, Первоп. пꙋтїѐ). Родит. имѣетъ пꙋте́й (Матѳ. XXII. 9, Ис. LV. 9, Остр. пꙋтїи, Первоп. пꙋтíй и пꙋте́й). Дат. пꙋте́мъ (Исаія LV. 3, Остр. пꙋтємъ, Первоп. пꙋте́мъ), гдѣ є=ь, но совпадаетъ также съ є основъ на jo- (=jo). Винит. пꙋти̇ (Ис. LV. 7, 11, Остр. и Первоп. такъ же), твор. пꙋтьми̇ (Ис. LVII. 10, Остр. и Первоп. такъ же), людми̇ (Второз. X. 11, Суд. I. 16. Остр. люми̇, Первоп. какъ въ Новой), пꙋтми̇ (Второз. XXVIII. 7, Остр. пꙋтїи, Первоп. пꙋтїи̇, какъ выше твор. мн. госпо́дїи), предложный пꙋте́хъ (Ис. XLII. 24. Второзак. VIII. 6, Остр. и Первоп. вин. множ.). Изрѣдка встрѣчаются образованія по типу другихъ основъ, напр. р. мн. те́стєвъ (Тов. XIV. 13. Остр. др. текстъ) по типу основъ на eu- и т. д.

Основы женскаго рода на i- (ei-) въ единственномъ числѣ не представляютъ почти никакихъ уклоненій отъ старославянскаго склоненія, если не принимать въ разсчетъ фонетическихъ измѣненій, характеризующихъ церковнославянскій (исчезновеніе -ь, переходъ ѫ въ ꙋ и т. д.). Въ именительномъ единственнаго встрѣчаемъ написанія въ родѣ ло́жъ [1]) (Іоан. VIII. 44, Остр. ло̑ж, Первоп. какъ въ Новой), невозможныя въ старославянскомъ и свидѣтельствующія о томъ, что согласные ж и ш, какъ во многихъ современныхъ русскихъ говорахъ, произносились непалатально. Въ формахъ д. ед. Є̑сѳи́рѣ (Есѳ. V. 6. VIII. 1. Остр. є̑сѳи́ри, Первоп. какъ въ Новой), Рꙋфѣ (Руѳь I. 15. Остр. рꙋѳє, Первоп.

[1]) Встрѣчается и форма лжа̀ (Іов. XVI. 8. Остр. и Первоп. такъ же. I. Сир. XX. 24. Остр. лжа, Первоп. лжа̀, образованная по типу основъ на ā-.

какъ въ Новой) имѣемъ примѣръ морфологической ассимиляціи къ основамъ на ā-. Рядомъ однако Є҆сѳи́ри (Эсѳ. II. 12. Остр. и Первоп. такъ же). Встрѣчается и родительный по типу основъ на ā-: Рꙋ́фы (Р. IV. 5. Остр. рꙋ́ѳъ, Первоп. рꙋ́ѳь — винит. ед.). Въ винит. падежѣ ед. ч. отъ этой же основы имѣемъ форму, образованную по типу основъ на ā-: лжꙋ̀ (ibidem. Остр. лжꙋ̀, Первоп. какъ въ Новой). Такія образованія, однако очень рѣдки. Единственное общее уклоненіе отъ старосл. имѣется въ звательн. падежѣ единств. числа, гдѣ вмѣсто формы, схожей съ родит., дат., предложн. (напр. стсл. **кости**) имѣемъ образованіе по типу основъ ж. р. на jā-: Є҆сѳи́ре (Эсф. V. 1. 2. Остр. є҆сѳи́ръ, Первоп. какъ въ Новой), ра́достє (Филипп. IV. 1, Остр. и Первоп. ра́дость), по́мощє (Великое Повечеріе. Молитва Богородицѣ), крѣ́постє (Псал. XVII. 2. Остр. крѣ́пости, Первоп. какъ въ Новой). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что зват. на -є принадлежитъ уже позднѣйшему языку; въ Острожской библ. находимъ или старинный звательный, или форму именит. падежа. Первопечатная, какъ всегда, занимаетъ среднее мѣсто. Въ творительномъ имѣется только позднѣйшая форма съ долгимъ ī (-їю), вмѣсто старославянскаго -ь- (-ьѭ) и русскаго ⊂ (нуль гласнаго) — 'ju (-ью): тро́стїю (Мр. XV. 19. Остр. тростью, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Двойственное число не представляетъ уклоненій. И. В. З. ча́сти (Іерем. XXXIV. 18 на двѣ...), скрижа́ли (Второз. IX. 10. 15), Р. Пр. за́повѣдїю (М. XXII. 40). Дат. и Твор. должны бы имѣть -єма, гдѣ є=ь (стсл. **костьма**): у М. Смотрицкаго имѣемъ произвольную дифференціацію окончаній -єма и -ьма (въ сущности -ema и '-ma): дат. за́повѣдєма и твор. за́повѣдьма (л. р҃к на обор.). У Зизанія но́щєма, ко́стєма (л. 28 на об.).

Множественное число. И. В. правильно: болѣ́зни (М. VIII. 17). У основъ съ послѣднимъ согласнымъ „шипящимъ" въ написаніи встрѣчается уподобленіе къ основамъ на твердый согласный: вє́щы (З. Ездры IV. 21; винит. мн. Остр. вєщи, Первоп. вє́щи). Род. также правильно, но съ є=стсл. ь: нощє́й (Быт. VII. 12. 17, Остр. но́щїи, Первоп. но́щїй и нощє́и), за́повѣдєй (М.

V. 19), двере́й (Неем. VI. 1); въ Острожской библіи еще запове́дїи, две́рїи, въ Первопечатной уже за́повѣдей, двере́й. Тѣмъ не менѣе и въ современныхъ церковныхъ книгахъ формы съ *і* не исчезли: две́рїй (М. XXVIII. 2), за́повѣдїй (Мр. XII. У Зизанія нѡ́щїй, кѡ́стїй, рядомъ съ нѡ́щей, кѡ́стей (л. 28 на об.). Дат. правильно, но съ є=стел. ь: две́ремъ (Мр. I. 35, Остр. и Первоп. такъ же), болѣзнемъ (Матѳ. XXIV. 8, Остр. болѣзнемъ, Первоп. болѣзнемъ), ба́снемъ (1. Тим. I. 4, Остр. такъ же, Первоп. ба́снемъ). Изрѣдка встрѣчаются образованія по типу другихъ основъ ж. р., напр. вѣтвамъ (Исх. XXV. 35, Остр. вѣтвемъ, Первоп. вѣтвемъ), лжа́мъ (Притчи XXIV. 2, Остр. и Первоп. такъ же). Творительный представляетъ два написанія съ ь (-ьми) и безъ него (-ми): въ нѣкоторыхъ изданіяхъ [1]) печа́льми (Л. XXI. 34, Остр. печа́льми, Первоп. печа́лми), страстьмѝ (М. IV. 24, Остр. стра́стьми, Первоп. страстьмѝ), въ другихъ [2]) печа́лми, страстмѝ, вѣтвми (Исх. XXV. 35, Остр. и Первоп. двойств. ч. вѣтвѣма), болѣзнми (3. Ездры VIII. 30, Остр. и Первоп. другой текстъ), и т. д., но частьмѝ (Лев. IV. 11, Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. Зависѣло ли это отъ того или другого произношенія, сказать, конечно, трудно. Вѣроятнѣе всего здѣсь просто опущеніе знака ь, который представлялся излишнимъ для обозначенія палатальнаго оттѣнка *л'*, *т'*, *в'*, и безъ того неизбѣжнаго. Образованіе по типу бывшихъ основъ на ā- имѣемъ въ формѣ: мы҃шами (1 Цств. VI. 1, Остр. мы҃́хами).

Предложный множественнаго представляетъ два написанія: правильное -єхъ, гдѣ є=стел. ь и -ѣхъ, обязанное своимъ происхожденіемъ уподобляющему вліянію соотвѣтствующаго падежа основъ м. р. на о-: пе́рсѣхъ (Апок. XV. 6, Остр. персєхъ, Первоп. какъ въ Новой), ю҆до́лѣхъ (1 Паралип. XII. 15, Остр. в҆ долѣ, Первоп. въ до́лѣхъ), вєсѣхъ (Мр. VI. 36, Остр. вєсєхъ, Первоп. вєсѣхъ), рядомъ съ ѩслєхъ (Л. II. 7. 12. 16, Остр.

[1]) Такъ, напримѣръ, въ Евангеліи, изданномъ въ Москвѣ, въ 1838, in-4°. Январь.

[2]) Такъ въ изданіи Библіи. Москва 1879 г. Ноябрь. Мал. 8, которымъ мы пользовались для новаго періода.

ѧслєхъ, Первоп. ѧслѣхъ и ꙗслѣхъ), скорбєхъ (2. Солун. I. 4, Остр. такъ же, Первоп. скорбѣхъ), сластéхъ (Посл., Iак. IV. 3, Остр. сластєхъ, Первоп. сластéхъ), заповѣдєхъ (Л. I. 6, Остр. такъ же, Первоп. -ѣхъ), вѣтвєхъ (М. XIII. 32, Остр. вѣтвѣхъ, Первоп. вѣтвѣхъ), двéрєхъ (М. XXIV. 33, Остр. такъ же, Первоп. двéрєхъ), вéщєхъ (Л. I. 1, Остр. такъ же, Первоп. вéщєхъ), напáстєхъ (1 Петр. I. 6, Остр. напáстѣ, Первоп. напáстєхъ) и т. д. У Зизанія находимъ только формы съ -єхъ: нѡ̑щєхъ, кѡ̑стєхъ (л. 28 на обор.). Фонетическаго значенія (въ печатномъ церковнославянскомъ) такая двойственность написаній, разумѣется, не имѣла. Въ Острожской Библіи чаще формы на -єхъ, въ Первопечатной на -ѣхъ. Новая Библія ближе къ Острожской.

Изрѣдка попадаются и формы, вызванныя вліяніемъ бывшихъ основъ ж. р. на ā-: лжáхъ (Притчи С. IX. 12, Остр. и Первоп. такъ же), двермѧ́хъ (3 Царствъ VI. 34, Остр. и Первоп. друг. текстъ), благостѧхъ (Осія III. 5, Остр. и Первоп. бл҃гостѧхъ), въ Остр. б. вéщ҃а (3 Ездры IV. Первоп. вéщєхъ: Нов. другой текстъ) и т. д.

§ 6. Болѣе измѣненій претерпѣло склоненіе бывшихъ основъ на согласный. Какъ и у основъ на i- (ei-) уподобляющими типами здѣсь являются основы на jo-.

У бывшихъ первичныхъ основъ м. р. на n- исчезъ почти совершенно древній именительный п. ед. ч. (какъ стсл. **камы**), вмѣсто котораго находимъ новѣйшее образованіе отъ основы косвенныхъ падежей (съ -ен-) по типу основъ на jo- или на i- (кáмєнь). Остатокъ древняго именит. падежа—плáмы (Iова XLI. 12, II. пѣсней VIII. 6, Остр. и Первоп. плáмы), но плáмєнь (2 Макк. I. 32. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), кáмень (Ис. V. 28, Остр. и Первоп. такъ же).

Смотрицкій причисляетъ эти основы къ своему четвертому склоненію (съ именит. ед. на -ь), главный контингентъ котораго составляютъ первичныя основы на jo- (л. 123 на обор). Но на л. 131 (на обор.) онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что „вся (?) на ь кончащаяся склоненія сего имена чистѣе родителныи единственныи сходити творятъ на є, нежели на ѧ. яко, корєнь, ко-

рѣне. степе́нь, степе́не. ка́мень, не. де́нь, дне. пла́мень, пла́мене. и прочая".

Образчики стараго род. ед. на -е: ко́рене (М. XIII. 21), пла́мене (3. Ездры XIII. 10), ка́мене (Мр. XV. 46, Исх. XVII. 6), ѧчме́не (Аггея II. 17) и т. д.

Имѣющіяся рядомъ формы ка́менїѧ (Быт. XXVIII. 11, Апок. XVIII. 12, Остр. каменїа, Первоп. какъ въ Новой), коре́нїѧ (М. XIII. 6, Остр. коренїѧ, Первоп. коре́нїѧ), креме́нїѧ (Іова VIII. 17, Остр. ка́менїа, Первоп. ка́менїѧ) и т. д. вызваны такими собирательными, какъ ли́стїе и т. д. (первичныя основы на jo-). Имѣются и формы р. п., образованныя по общему типу основъ на jo-: ѧчме́нѧ (Быт. XXVI. 12, Остр. ѧчменю, Первоп. ѧчме́ню дат., Іезек. XIII. 19. Остр. ѧчме́нны), ка́менѧ (3. Ездры I. 20, Остр. друг. текстъ), пла́менѧ (Остр. б., Первоп. пла́мене, Новая ѻгнѧ. II. пѣсн. VIII. 6). Эти послѣднія формы внесены уже въ Новый текстъ, а въ текстѣ Остр. библіи не встрѣчаются.

Въ дательномъ единственнаго числа правильная форма ка́мени въ Библіи встрѣчается только два раза (Іис. Сир. XXII. 1, Іерем. II. 27). Вмѣсто нея болѣе употребительны формы: ка́меню (Суд. XX. 45, 47, Остр. камы́кѹ, Первоп. ка́мыкѹ, Прем. Сол. VII. 9, Остр. ка́мени, Первоп. какъ въ Новой), образованная по типу основъ на jo-, и ка́менєви (Луки IV. 3, такъ уже въ Остр.), по типу основъ на eu- (u-). У Смотрицкаго, кромѣ этихъ трехъ формъ, встрѣчаемъ еще четвертую форму ка́менїю (также Апок. VI. 16, Остр. и Первоп. такъ же. Аввак. II. 19, Остр. и Первоп. камы́кѹ), по типу собирательныхъ.

Винит. падежъ ка́мень (М. XXVII. 60, Исх. XVII. 6, Остр. такъ же).

Звательный падежъ, образованный по типу основъ на jo-, ка́меню находимъ во 2-й книгѣ Царствъ XXII. 2 (Остр. и Первоп. ка́мень). Предложный падежъ совершенно утратилъ древнюю форму (стсл. **камєнє**) и представляетъ образованія по типу основъ на i- (частыя и въ старославянскомъ): ка́мени (М. XXVII. 60; XXI. 44; XXII. 2), ко́рени (М. III. 10). Имѣется и случай обра-

зованія по типу бывшихъ основъ на о-: ѩчмéнѣ (Іоиль I. 11, Остр. ѩчмéни, Первоп. уже какъ въ Новой). Творительный имѣется чаще по типу собирательныхъ: кáменіемъ (Іис. Сир. XLVI. 6, М. XXIII. 37, Мр. V. 5. Такъ уже въ Острожской б.).

Рядомъ имѣется и форма кáменемъ, отвѣчающая старосл. **каменьмъ** (Іис. Сир. XXIX. 13, Плачъ Іерем. III, 16, Остр. и Первоп. такъ же). И. В. Зв. двойств. ч. идетъ по типу основъ на jo-: кáменѧ (Исх. XXVIII. 9. 12, Остр. и Первоп. кáмени, кáменѧ).

Именительный множественнаго представляетъ двѣ формы: по типу основъ на jo-: плáмени (Прем. Солом. XVIII. 5, Остр. и Первоп. родит. ед.) и по типу основъ на i-: кáменіе сотрóшасѧ (Наумъ I. 6. Остр. кáменіе сѣтрéсѧ, Первоп. кáменіѥ сотрéсѧ).

Старинный именительный множественнаго на -ѥ, который и въ дѣйствительно старославянскихъ памятникахъ уже отсутствуетъ, не встрѣчается и въ церковнославянскомъ.

Родительный множественнаго представляетъ двѣ формы; обѣ по типу основъ на i-: кáменей (Юдиѳь I. 2, Остр. кáменіи, Первоп. кáменій, Второзак. XXIV. 6, Остр. друг. текстъ, 3-я кн. Царствъ VII. 9, Остр. друг. текстъ) и кáменій (Исх. XXIV. 4. 1 кн. Цств. XVII. 40) съ обычной мѣной старослав. **и** и русско-церковнославянскаго -ѥ=ї (ь); корéній (Премудр. Солом. VII. 20, Остр. корéніи, Первоп. корéній и т. д.

Дат. кáменемъ (Іезек. VI. 3, Остр. и Первоп. друг. текстъ) одинаково можетъ отвѣчать дат. мн. первичныхъ основъ на jo- (какъ **конемъ**), первичныхъ на i- (какъ **пѫтьмъ**) и первичныхъ на u- (какъ **каменьмъ**). У Смотрицкаго есть еще форма кáменіемъ (листъ 132, на обор.), образованная по типу такихъ основъ ср. р. на jo-, какъ стсл. **ѕнаменіе**.

Винительный множественнаго представляетъ преимущественно одну форму, отвѣчающую первичной старославянской, но тожественную и съ винительнымъ множ. основъ на i-: кáмени: (Исх. XXXV. 27; Іерем. XLIII. 9). Въ книжномъ, церковнославянскомъ языкѣ эта форма совпадала и съ именит. винит. падежомъ основъ муж. рода на jo- (какъ напр. царѝ: Прем. I. с. Сирах. XLVIII.

6, 8, Остр. и Первоп. цр҃м), представляющимъ въ свою очередь продуктъ морфологической ассимиляціи къ винительному множ. основъ м. р. на o- (какъ рабы и т. д.). Рядомъ имѣются и собирательныя формы: коре́нїм (Іис. Сир. X. 18, Остр. вин. ед. ко́рень), ка̑менїм или ка́менїм (Ис. LIV. 12, Остр. вин. ед. ч. камы́къ).

Творительный падежъ имѣетъ собирательную форму (первичныя основы на jo- ср. р.): ка́менїи (Іис. Сир. XLV. 13. Остр. и Первоп. такъ же; старосл. **каменьмн**). У Смотрицкаго есть и форма ка́меньми (л. 132 на обор.). Форма предложнаго множ. ч. ка́менехъ (2-е Коринѳ. Ш. 7, Остр. предл. единств., Второзак. XXVII. 3, Остр. ка́мыцехъ, Первоп. -ѣхъ, Іерем. XVIII. 3 и т. д., Остр. другой текстъ), подобно дат. множ., одинаково можетъ отвѣчать первичной стсл. формѣ **каменьхъ** или представлять собой образованіе по типу основъ на i-.

Форма ка́менїмхъ (Исх. VII. 19, Остр. друг. текстъ, Іерем. XIV. 6, Остр. скала̑, Второз. XXVII. 8, 1; Остр. камы́цѣ; 1. Цств. XIII. 6 и т. д., Остр. такъ же, Первоп. ка́менїмхъ), развившаяся очевидно изъ ка́менїихъ (отъ собирательной основы ср. р. на jo-), представляетъ собой продуктъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на ā-, jā-. У Смотрицкаго есть и третья форма: ка́менїехъ (л. 132 на обор.), являющаяся плодомъ смѣшенія основъ собирательныхъ на jo- съ церковнославянскими основами, отвѣчающими первичнымъ на i- (пѧ́тéхъ=стсл. **пѧтьхъ**).

Основы средняго рода на n-, какъ **имя**, сохранили свое склоненіе лучше въ единственномъ числѣ. Встрѣчается правильный родительный падежъ: и҃мене (Матѳ. XXIV. 9, Первоп. такъ же, Остр. и҃мени, XIX. 29, Остр. и Первоп. и҃мени), ра́мене (Ис. X. 27, Остр. и Первоп. такъ же), вре́мене (М. XXVI. 16, Остр. времене, Первоп. такъ же, Луки IV. 13, Неем. II. 6, Остр. вре́мени, Первоп. какъ въ Новой), пи́смене (Римл. VII. 6, Остр. и Первоп. пи́смени), сѣмене (М. XXII. 25, Остр. сѣмене, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Рядомъ имѣется болѣе рѣдкая форма по типу основъ на i-: вре́мени (Апок. XII. 14, Остр. времени, Первоп. какъ въ Новой), какъ въ современномъ

русскомъ, и҃мени (и҃мени Остр. библ. М. XXIV. 9; въ Первопечатной и современныхъ книгахъ имене). Въ Остр. и Первоп. эта форма, какъ видно изъ цитатъ, чаще встрѣчается, чѣмъ въ Новой, гдѣ она замѣнена болѣе древнею, вѣроятно, вполнѣ сознательно.

Дательный правильно: и҃мени (1 Парал. XXII. 8, Остр. и Первоп. такъ же), племени (Апок. XIV. 6, Остр. племеню, Первоп. племени) и т. д.; по типу основъ ср. р. на о-: рамѹ (Числ. XVIII, 18, Остр. другой текстъ: рамо и. ед.). У Зизанія временю по типу основъ на jо- и времени (л. 30). Какъ и въ родит. ед., Остр. и Первопеч. библія представляютъ чаще вторичную форму (по типу основъ на jо-), въ Новой замѣненную болѣе древней.

Творительный можетъ отвѣчать и первичной формѣ на **-ьмь**, и формѣ основъ на jо- (**-ѥмь**): и҃менемъ = стсл. **именьмь** (М. XXVII. 57. Остр. и Первоп. такъ же, Л. I. 59, Остр. и҃менемъ), сѣменемъ (Апок. XII. 17, Остр. сѣменемъ, Первоп. какъ въ Новой). У Смотрицкаго и҃менемь (л. 115).

Предложный по типу основъ на jо- или основъ на i-: и҃мени (I. X. 25, Остр. и҃мени), времени (М. XXV. 19, Остр. времени).

Въ двойственномъ числѣ: И. В. З. рамѣ (Л. XV. 5, Быт. IX. 23, Остр. рамѣ, Первоп. какъ въ Нов.) по типу основъ ср. р. на о- или ж. р. на ā-. Встрѣчаются и образованія по типу основъ м. р. на о-: о҃ба рамена (Исх. XXVIII. 12, Остр. и Первоп. о҃бѣ рамѣ), два племена (I. Н. XIV. 4). Остр. племени. Вмѣсто формы двойств. числа, встрѣчается и форма винит. пад. множ. ч. по типу основъ муж. р. на о-: рамы (Быт. XLIX. 15, Остр. рамѣ, Первоп. рамѣ). Другія формы дв. числа также часто замѣняются формами множ., нпр. предложный: двѹ раменахъ (Исх. XXVIII. 12, 21; Остр. и Первоп. рамѣ; винит. на рамѹ по типу основъ на о-).

Дательный: двѹ племенѹмъ (I. Нав. XIV. 3. Остр. двема племенѣ, Первоп. двѣма племенемъ). У Зизанія И. В. З. времена = имен. множ., Р. П. времень, Д. Тв. временема и временѣма (по типу основъ на i- (л. 30).

Во множественномъ числѣ именит. и винительный падежи правильно: времена̀ (М. XXIII. 4, Остр. времена), рáмена (Суд. XVI. 3, Остр. двойств.: рáмѣ). Винит. множественнаго есть и по типу основъ муж. р. на о-: рáмы (Исх. XII. 34, Остр. такъ же).

Родительный множ. правильно: и̑мéнъ (Апок. XVII. 3, Остр. такъ же), племéнъ (Апок. V. 9, Остр. племенъ), времéнъ (ibid. XVIII. 12, Остр. временъ), также и съ другимъ удареніемъ сѣ̀менъ (М. XIII. 32, Остр. сѣменъ, Первоп. сѣменъ), рáменъ (1 Цств. X. 23, Остр. друг. текстъ, Ис. X. 27, Остр. друг. текстъ).

Дательный множественнаго представляетъ нѣсколько формъ: „правильную“ племéнемъ (Ис. XIX. 13, Остр. племéнемъ, Первоп. племéнемъ), которая отвѣчаетъ стсл. **племенымъ** и совпадаетъ также съ формой д. мн. ч. отъ основъ ср. и м. р. на jo-; встрѣчается и другая акцентуація — племенéмъ (1 Царствъ X. 19, Остр. племéнемъ, Первоп. какъ въ Новой), подобная акцентуаціи русскихъ формъ. Рядомъ имѣются формы, образованныя по типу основъ на о-: и̑менѡ́мъ (Быт. XXV. 13, Остр. и̑мени, Первоп. и̑мени — ед. число), племéнѡмъ (1 Парал. XXVII. 23, Остр. друг. текстъ), временѡ́мъ (М. XVI. 3, Остр. временемъ, Первоп. временéмъ), которыя свойственны Новой библіи, а также и формы по типу основъ на ā-: племенáмъ (1. Цств. X. 21, Остр. друг. текстъ, Второз. XVI. 18, Остр. племенемъ, Первоп. племéнемъ), и̑менáмъ (Быт. XXVI. 18, Остр. другой текстъ; Исх. XXVIII. 21, Остр. и̑менѣ̑, Первоп. и̑менéмъ). У Зизанія только временѡ̑мъ (л. 30 на об.).

Творительный множ. числа: „правильная“ форма — времены̀ (1 Тимоѳ. II. 6, Остр. времены, Первоп. какъ въ Новой), племены̀ (Второз. XXXIII. 5, Остр. им. множ.); рядомъ съ ними по типу основъ на ā-: временáми (3. Цств. XI. 28, Остр. другой текстъ), знамéнами (1. Маккав. VII. 45, Остр. твор. мн. знáменїи). У Зизанія времены̀ по типу основъ на о- и времéнми (л. 30 на об.), по типу основъ на i- или на u-.

Предложный мн. представляетъ въ сущности два окончанія:

-'æχ, которое передается въ цсл. графикѣ какъ -єхъ и -ѣхъ (первое „правильно“, или явилось по типу основъ на і-, гдѣ ь измѣнилось въ є, второе по типу основъ на о- мн. и ср. р.) и -аχ (-ахъ), отъ основъ на ā-: племенéхъ (Второзак. I, 13, Остр. племéнєхъ, Первоп. племенéхъ), и̑менєхъ (Дѣянія. XVIII. 15, Остр. и̑менє̑, Первоп. и̑менéхъ), рáменєхъ (Іезек. XII. 6, Остр. вин. дв. рáмѣ) и временѣ̀хъ (1. Солун. V. 1, Остр. временєхъ, Первоп. какъ въ Новой), племенѣ̀хъ (Апок. X. 11, Остр. племенєхъ, Первоп. племенéхъ, Суд. XX. 10, Остр. племéнєхъ, Первоп. какъ въ Новой), рáменахъ (Исх. XXVIII. 21, на двꙋ...; 2. Парал. XXXV. 3, Остр. двойств. ч.), временáхъ (Іис. Сир. XXXIX. 38, Остр. вин. ед.). У Зизанія временáхъ (л. 30 на об.).

§. 7. Склоненіе первичной основы на согласный n-, дéнь (стсл. **дьнь**). Родительный единств. ч.: двѣ формы — правильная днѐ (стсл. **дьнє**): М. XI. 23, XXVI. 29, XXV. 13, XXIV. 38 и т. д. и по типу основъ на jo-: днѧ̀ (Эккл. VII. 2, Остр. дн҃ѧ, Первоп. какъ въ Новой).

Дательный правильно—днѝ (стсл. **дьни**): Пс. XVIII. 3 (Остр. дн҃и); по типу основъ на jo-: дню̀ (Дѣянія II. 20, Іерем. XXXIII. 20, Такъ уже въ Остр. Библіи: дн҃ю), полꙋ́дню (2 Парал. XXXII. 30, Такъ уже въ Остр.); по типу основъ на u-: днéви (М. VI. 34, Остр. такъ же: дн҃єви, Первоп. какъ въ Новой).

Винительный: дéнь (стсл. **дьнь**): М. XI. 24, XXVI. 17, XXIV. 50 (Остр. дн҃ь, Первоп. какъ въ Новой).

Творительный: днéмъ (Іерем. XXXIII. 25, Остр. дн҃ємъ, Первоп. какъ въ Новой, стсл. **дьньмь**), совпадаетъ и съ творит. падежомъ основъ на jo- и на і-.

Предложный падежъ, рядомъ съ болѣе частой формой по типу основъ на і- —днѝ (М. XXIV. 36, Мрк. XIII. 32, Остр. дн҃и, Первоп. какъ въ Новой), представляетъ и болѣе древнюю форму днѐ (стсл. **дьнє**): вóдн҃є (Остр. библ. Іоа. XI. 9, также въ Первоп. вóднє. Въ новыхъ изданіяхъ уже днѝ), въ полꙋ́днє (Суд. V. 10, Остр. друг. текстъ, Пѣснь Пѣсн. I. 6, Остр. полꙋднѐ, Первоп. какъ въ Новой, Іис. Сир. XXXIV. 16, Остр. полꙋдн҃є, Первоп.

какъ въ Новой), но полу́дни (Софон. II. 4, Остр. друг. текстъ: месамврїю).

Двойственное число. И. В. Зв. правильно: дни́ (на два́ дни́, Исх. XVI. 29, Остр. дн҃и, стсл. **дьни**). Р. Пр. двою́ дню́ (М. XXVI. 2, Іоа. IV. 43, Остр. дн҃ю, Первоп. какъ въ Новой) по типу основъ на jo- и дні́ю (Мр. XIV. 1, Остр. дн҃їю, Первоп. какъ въ Новой), по типу основъ на i-: стсл. **дьноу**. Другіе падежи не встрѣчаются.

Множественное число. Въ именит. п. только позднѣйшая форма по типу основъ на i-: дні́є (стсл. **дьнє**): М. XXIV. 22, Л. II. 6, Остр. дн҃їє, Первоп. дніе.

Родительный п. по типу основъ на i-: дні́й (М. IV. 2, XXIV. 29, Остр. дн҃їи, Первоп. дне́й, Мр. XIII. 20, Остр. дн҃їи, Первоп. дній, Л. XIII. 14 и т. д. Остр. дн҃їи, Первоп. дне́й), съ сохраненіемъ (или возстановленіемъ) старославянскаго ї=ь и дне́й (Дѣян. XXI. 26, Остр. дат. мн. Быт. VII. 12, 17, XXIV. 55, Остр. дн҃їи, Первоп. дні́й) съ русскимъ *е* (стсл. **дьнъ**).

Дательный мн. отвѣчаетъ стсл. **дьньмъ**:—дне́мъ (Зах. VIII. 11, Осія II. 15, Остр. дн҃емъ, Первоп. дне́мъ).

Винительный: дни́ (стсл. **дьнь**): М. XXIV. 19, II. 1 (Остр. дн҃и, Первоп. какъ въ Новой).

Творительный: дне́ми (стсл. **дьньмь**); Іова XV. 10 (Остр. и Первоп. дн҃ьми), М. XXVI. 61 (Остр. дн҃ьми, Первоп. дне́ньми).

Предложный: дне́хъ (стсл. **дьньхъ**): М. XXVII. 63 (Остр. дн҃ехъ, Первоп. дне́хъ), XVII. 1, (Остр. дн҃ехъ, Первоп. какъ въ Новой), Мр. I. 9 (Остр. дн҃ехъ, Первоп. дне́хъ), Л. II. 36 (Остр. днехъ, Первоп. дне́хъ).

§ 8. Въ склоненіи основъ на r- лучше сохранилось единственное число. Именительный ед. ма́ти, какъ въ старославянскомъ (Л. XII. 53, Мр. III. 31—35, Остр. м҃ти) и ма́терь (М. Смотрицкій л. 121 на обор.), дцере́рь (Тов. VII. 8, Остр. дцр҃и, Первоп. дцри) — образованія отъ основы косвенныхъ падежей, но дцри (М. IX. 18, Остр. дцри, Л. II. 36, Остр. дцр҃и). У Зизанія ма́ти (л. 38), но дцере́ръ (л. 39) подъ вліяніемъ западнорусск. произношенія, не знающаго *r'*.

Родительный, какъ въ старославянскомъ: ма́тере (М. XV. 6, Остр. такъ же, Первоп. мт̄рь вин. ед. Быт. XXIV. 67, Остр. и Первоп. мт̄ри по типу основъ на і-), дщ́ере (Суд. XI. 34, Мр. VII. 26, Остр. и Первоп. такъ же): стсл. **матере**.

Дательный также „правильно“: ма́тери (2 Парал. XXV. 1, М. I. 18, Остр. мт̄ри), дщ́ери (М. XXI. 5, Остр. такъ же): стсл. **матери**.

Винительный только ма́терь (М. XIX. 29, Остр. и Первоп. ма́тере, II. 13, 14, 21, Остр. и Первоп. мт̄ре М. X. 35. 37, Остр. мт̄ре, Первоп. мт̄рь), дщ́ерь (М. X. 35. 37, Остр. и Первоп. дщ́ере): стсл. **матерь**. Въ Остр. имѣются еще стсл. формы в. ед. ма́тере, дщ́ере (Л. XII. 53). Въ Первоп. уже ма́тер҃ь, дщерь, какъ въ Новой). У Зизанія ма́теръ вмѣсто ма́терь подъ вліяніемъ западнорусскаго произношенія.

Творительный: ма́терію (М. II. 11, Остр. такъ же), дщ́ерію (Іезек. XLIV. 25, Остр. вин. ед. дщ́ере): стсл. **матерѣ**.

Предложный: ма́тери (М. Смотр. л. 121 на обор.) и по типу основъ на ā-: дщ́ерѣ (Зах. II. 7, Остр. дщ́ере. Первоп. уже дщ́ерѣ): стсл. **матери**.

Звательный: ма́ти (М. Смотр. л. 121 на обор.), дщѝ (Суд. XI. 35, Остр. такъ же), какъ въ старославянскомъ—**матн**.

Формы двойственнаго числа, приводимыя Смотрицкимъ (л. 121 на обор.), построены очевидно имъ самимъ по разнымъ типамъ: И. В. З. ма́терѣ (стсл. ***матери**), по типу основъ на ā-; Р. П. ма́терію (стсл. ***матероу**), дщ́ерію (1 Цств. XIV. 49, Остр. и Первоп. дщ́ерію), вмѣсто предполагаемой стсл. формы ***матероу**, по типу основъ на і-; Д. ма́терема и Тв. ма́терьма съ обычной у Смотрицкаго дифференціаціей одного окончанія на два; въ основѣ второй могла лежать старосл. предполагаемая форма ***матерьма**, совпадающая и съ соотвѣтствующей формой бывшихъ основъ на і- У Зизанія И. В. Зв. ма́терѧ, Р. ма́терію, Д. Т. ма́терема (л. 38); дщ́ерѧ, дщ́ерію, дщ́ерема (л. 39).

Множественное число. И. В. Зв. ма́тери (Смотрицкій л. 121 на обор.), дщ́ери (Быт. XXVII. 8, Остр. дщери; Суд. III, 6.

Іезек. XIV. 16, Остр. дщ҆е́ри): стсл. **матери**. У Зизанія ма́тери (л. 38), но дщ҆е́рѫ (л. 39).

Родительный падежъ только по типу основъ на i-: ма́терей (Плачъ Іер. II. 12. Остр. и Первоп. родит. ед. мт҃рє), матере́й и ма́терій (Смотрицкій; л. 121 на обор.), дщ҆е́рей (Л. I. 5, Суд. I. 27, Іезек. XIV. 18): стсл. **матерь**. (Въ Острожской библіи еще дщ҆е́рь—Іезек. XIV. 18, но дщ҆е́рїи Л. I. 5. Въ Первопеч. дщ҆е́рїй Л. I. 5 и дщ҆е́рей Іезек. XIV. 18). У Зизанія ма́терѐ (sic) и ма́терій (л. 38), но дщ҆е́рей (л. 39).

Дательный ма́терємъ (Плачъ Іерем. II. 12, Остр. мт҃рємъ, Первоп. мт҃рємъ, у Смотрицкаго матере́мъ съ акцентуаціей, подобной русской: л. 121, на обор.), дщ҆е́рємъ (Исх. II. 20, Остр. и Первоп. такъ же) отвѣчаетъ старосл. формѣ **матерьмъ**. У Зизанія мт҃рємъ (л. 38), но дщ҆е́рѫ̀ по типу бывшихъ основъ на ā- и дщ҆е́рѣ̀ (л. 39).

Творительный ма́терьми (Смотрицкій л. 122) также отвѣчаетъ стслав. формѣ. У Зизанія ма́тер҃ми (л. 38), но дщ҆е́рѧми рядомъ съ дщ҆е́р҃ми (л. 39): стсл. **матерьми**.

Предложный ма́терєхъ (Смотрицкій л. 122), дщ҆е́рєхъ (1. Цств. XXX. 6, Остр. и Первоп. другой текстъ) также восходитъ къ стсл. формѣ (**матерьхъ**). У Зизанія ма́терѫ̀х҃ по типу основъ на ā- (л. 38), дщ҆е́рѧхъ (л. 39).

§ 9. Склоненіе основъ на es-сохранило въ большинствѣ падежей свой старославянскій видъ. Рядомъ довольно часты различныя образованія вторичнаго происхожденія, объясняющіяся морфологической ассимиляціей, прежде всего къ первичнымъ основамъ ср. р. на o-, а также и къ первичнымъ основамъ на ā-.

Единственное число. Именит. падежъ; правильныя формы: тѣ́ло (I. XX. 12), коло (Пс. LXXXII. 14, Остр. коло, Іезек. X. 9. 10, Остр. ко́ло). Рядомъ встрѣчаются образованія отъ основы косвенныхъ падежей: колесѡ̀ (Экклес. XI. 6. Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ еще ко́ло). У Смотрицкаго (л. 116 на обор.) приводятся также формы нєбесѡ̀, чюдесѡ̀, тѣлесѡ̀, о҆у҆десѡ̀, о҆҃чесѡ̀, о҆у҆шесѡ̀, древесѡ̀ и т. д., построенныя имъ чисто теоре-

тически, но съ оговоркой, что въ И. В. З. вмѣсто нихъ употребляются формы: нéбо, чюдо и т. д.: стсл. **нєбо.**

Родительный п.; правильныя формы: тѣлесѐ (М. XXVII. 58. Остр. тѣлєсє), нєбесѐ (М. XXIV. 29, XXI. 25, Остр. нб҃сє), словесѐ (М. XXII. 46. V. 32, Остр. такъ-же), о҆чесѐ (М. VII. 4. 5, Остр. о҆чесє), оу҃шесѐ (Исх. XXIX. 20, Остр. оу҃шеси), колесѐ (Ис. XXIX. 5. Остр. винит. множ. по типу основъ муж. р. на о- или на u- колы). Рядомъ образованія по типу основъ ср. рода на о-: тѣла (Іоа. II. 21. Такъ уже въ Острожской и Первопечатной библіяхъ), оу҃ха (Іерем. XXXIV. 14. Такъ въ Остр. и Первоп.). У Л. Зизанія рядомъ нéба и нєбесє (л. 29 на обор.): стсл. **нєбєсє.**

Дательный п. правильно: словеси҆ (Пс. CV. 12, 24, Остр. словеси, словеси҆), нєбеси҆ (Дѣян. III. 21, Остр. нб҃си). У Л. Зизанія нéбу, по типу бывшихъ основъ на о-(л. 29 на обор.), а рядомъ нб҃си и нб҃ѣ (предл. вм. дат.): стсл. **нєбєси.**

Винительный п.: тѣло (М. XXVII. 58).

Творительный „правильно“: нєбесéмъ (М. XXIII. 22, стсл. **нєбєсьмь**); рядомъ по типу бывшихъ основъ на о-: слóвомъ (М. XXII. 15. Такъ уже въ Остр. и Первоп. библіяхъ), о҆҃комъ (М. XVIII. 9. Остр. и Первоп. о҆҃комъ), нéбомъ (М. V. 34, Остр. нб҃омъ, Іак. V. 12, Остр. нб҃омъ), дрéвомъ (3 Цств. VI. 10, Остр. и Первоп. уже такъ-же), у Л. Зизанія нéбомъ и нєбесéмъ (л. 29 на обор.). Какъ видно изъ цитатъ, образованія по типу основъ на о- встрѣчаются уже въ Остр. б. тамъ же, гдѣ и въ Новой.

Предложный идетъ большею частію по типу основъ на i- вмѣсто стсл. на -є (**нєбєсє**); тѣлеси҆ (2 Петра I. 13, Остр. такъ-же), колеси҆ (Пс. LXXVI. 19. Остр. вколеси, Первоп. какъ въ Новой, Іезек. X, Остр. вко҆леси, Первоп. какъ въ новой), нєбеси҆ (М. XXVIII. 18, Остр. нб҃си), о҆чеси҆ (Луки VI. 41, 42, Остр. о҆чеси, о҆чеси҆, Первоп. о҆чеси҆); по типу бывшихъ основъ ср. р. на о-: во о҆҃цѣ (Матѳ. III 3, 4, Остр. также о҆цѣ, о҆҃цѣ).

Двойственное число представляетъ очень скудное количество примѣровъ. И. В. З. образованы по типу основъ ж. р. на ā-: двѣ о҆҃цѣ

(винит. п. М. XVIII. 9, Остр. и Первоп. о҃цѣ), по типу основъ на і-: о҃чи (вин. п. Ис. I. 15, Остр. и Первоп. также о҃чи). У Смотрицкаго имѣется имъ построенная форма словеса̀ (л. 116), тожественная съ им. множ. числа.

Соотвѣтствій старославянскимъ формамъ, какъ **тѣлесѣ**, не встрѣчается. Формы, попадающіяся въ Остр. и Первоп., какъ о҃бѣ и҃стéсѣ (Исх. XXIX. 13, Лев. IX. 10. и҃стéси) въ Новой библіи замѣнены другими: о҃бѣ по́чки. У Л. Зизанія вм. И. В. Зв. дв. ч. находимъ только форму им. множ. нб҃са̀ (л. 29 на об.).

Родительный и предложный: во оу҃шію (1 Цств. XV. 14, Остр. въ оу҃шію, Первоп. воу҃шію) по типу основъ на і-, о҃чію (р. п. Тов. X. 5, Остр. и Первоп. очію). Только у Смотрицкаго (л. 116) находимъ форму, отвѣчающую старославянской: словесо҃ѵ.

Дательный и творительный: о҃чи́ма (твор. I. Цств. I. 18). оу҃ши́ма (твор. М. XIII. 15) какъ въ старославянскомъ по типу основъ на і-. У Смотрицкаго находимъ дифференціацію (разумѣется, чисто теоретическую и произвольную): для дат. словесе́ма, что можетъ отвѣчать старосл. **словесьма** или также стсл. **полѣма**, для твор. же форму, образованную по типу основъ на а-—и въ библейскомъ текстѣ не встрѣчающуюся: словеса́ма (л. 116). У Зизанія по типу основъ на о-: нб҃со́ма (л. 29 на об.).

Множественное число; именительный и винительный п.; правильныя формы: дре́ва̀ (Iезек. XXXI. 9, 14, Остр. такъ же, но дре́ва ibid. 15, Нов. дре́ва̀), тѣлеса̀ (М. XXVII. 52), коле́са (Iез. X. 9, 12, 16, 19; Остр. ко́леса, колеса̀, колеса, Первоп. колеса̀, коле́са), словеса̀ (М. XXVI. 1), ч҃деса̀ (М. XXIV. 24), оу҃шеса̀ (1 Цар. Ш. 17), о҃чеса̀ (Мр. XIV. 40): стсл. **тѣлеса**. Рядомъ формы, образованныя по типу основъ ср. р. на о- и встрѣчающіяся уже въ Остр. библіи, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой: дре́ва̀ (Исх. IX. 25, Остр. и Первоп. ед. число дре́во, Ис. XIV. 8, Остр. друг. текстъ, Суд. IX. 8; Остр. дре́ва, Первоп. какъ въ Новой). У Зизанія нб҃а и нб҃са̀ (л. 30); по типу основъ муж. р. на о-: оу҃шы (1 Цств. XI. 4), гдѣ морфологическая ассимиляція сказывается только въ написаніи съ ы- (въ Острожской и Первопечатной библіяхъ находимъ здѣсь обычное написаніе оу҃ши, но

типу И. В. Зв. дв. ч. основъ на і-). Встрѣчаются и собирательныя формы: дрєвіє (Мр. VIII. 24. Такъ уже въ Остр. б.).

Родительный падежъ правильно: словєсъ (М. X. 14), колєсъ (Іез. X. 2, 6, 9, 12, Остр. колєсъ, колєсъ, колєсъ, Первоп. колєсъ), нєвєсъ (М. XXIV. 31), тѣлєсъ (Апок. XVIII. 13), дрєвєсъ (Апок. VII. 3), оу҃шєсъ (Исх. XXIX. 20). У Зизанія по типу основъ на о-: нб҃съ и правильно нб҃съ (л. 30); стсл. **тѣлєсъ**.

Въ дательномъ падежѣ преобладаютъ формы правильныя: словєсємъ (1 Тимоѳ. VI. 3, Остр. словєсємъ, Первоп. какъ въ Новой, стсл. **словєсьмъ**), оу҃чєсємъ (1 Цств. II. 33, Остр. друг. текстъ), чѵдєсємъ (Дѣян. IV. 30, Остр. другой текстъ). Рядомъ встрѣчаются формы, образованныя по типу основъ на а-: колѣсамъ (Іезек. X. 12, Остр. имен. мн.), а также и по типу вторичныхъ формъ дат. множ. основъ ср. р. на о-, которыя въ свою очередь обязаны своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на а-,—дрєвамъ (Суд. IX. 15. Такъ уже въ Острожской и Первопечатной библіяхъ). У Зизанія по типу основъ на о- и на а-: нб҃сѡ и нб҃самъ (л. 30).

Творительный представляетъ старинную форму: словєсы҃ (Римл. XVI. 18, Остр. такъ же). Рядомъ формы съ полной основой косвенныхъ падежей, но съ окончаніемъ по типу основъ ж. р. на а-: дрєвєсами (Іезек. XXXI. 18, Остр. р. мн. дрєвєсъ), словєсами (Притчи VI. 2. Въ Остр. и Первоп. оу҃стнами). Имѣются и образованія по типу основъ ср. р. на о-: дрєвы (3 Цств. IX. 11, Остр. такъ же), колы (Острожская и Первопечатная библіи Ис. XXIX. 5, въ Новой р. ед. колєсѣ); а также образованія по типу основъ на а- отъ основы им. ед.: дрєвами (Суд. IX. 9, 11. Такъ уже въ Остр. и Первоп., Іезек. XLI. 26, Остр. друг. текстъ). У Зизанія нб҃сы҃ и нб҃ами (л. 30): стсл. **тѣлєсы**.

Предложный падежъ; „правильное“ написаніе окончанія этого падежа -єхъ, отвѣчающее старославянскому -ьхъ (**тѣлєсьхъ**), встрѣчается только въ Острожской библіи: словєсєхъ (1. Маккав. IX. 37, Л. IV. 22), но словєсѣхъ Мр. X. 24, дрєвєсѣхъ Іез. XXXI. 18; въ Первопечатной и современныхъ находимъ графическую ассимиляцію къ основамъ м. и ср. р. на о-: словєсѣхъ (Л. IV.

22), дрєвесѣхъ (I. Нав. гл. X. 26), оу҃шесѣхъ (Быт. XXXV. 4), чⷭдесѣхъ (Остр. чюдесѣхъ. 2 Коринѳ. XII. 12). У Смотрицкаго также словесѣхъ (л. 117 на обор.). Звуковое значеніе окончаній -єхъ и -ѣхъ, конечно, совершенно уже одинаково въ печатномъ церковнославянскомъ. Рядомъ съ этими формами находимъ образованія по типу основъ ж. р. на ā- отъ основы косвенныхъ падежей: оу҃шеса́хъ (2. Цств. XVIII. 12. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ... ко оу҃ши...); сверхъ того имѣются образованія отъ основы им. пад. ед. ч. по типу основъ ср. р. на о-: дре́вѣхъ (Суд. VI. 26. Такъ уже въ Остр. и Первоп., Іезек. XV. 6, Остр. древесѣхъ, Первоп. дрєвесѣхъ), а также по типу основъ ж. р. на ā-: древа́хъ (3 Цств. V. 8, Остр. другой текстъ) и дре́ваχъ (I. Нав. X. 26, Остр. другой текстъ). У Зизанія (вмѣсто дат.): нѣсѣхъ и нѣса́хъ (л. 30).

§ 10. Приблизительно подобныя отношенія представляетъ склоненіе основъ на nt̬-, сохранившее многія старинныя формы.

Единственное число. Именит. и винит. п. о҆трока́ (М. II. 9. 11. XVIII. 4), съ а = стсл. ѧ (такъ уже въ Острожской б.), о҆сля́, жрєбя́ (М. XXI. 2, Остр. о҆сля́, жрѣбя́, Первоп. о҆сля́, жрєбя́), о҆вча́ (М. XII. 11, Остр. о҆вчя́, Первоп. о҆вча́): стсл. **отроүѧ**.

Родительный падежъ правильно: о҆трока́тє (М. II. 13, 20, Остр. о҆трока́тє), о҆вча́тє (М. XII. 12, Остр. о҆вча́тє), козля́тє (Л. XV. 29, Остр. козлятє): стсл. **отроүѧтє**.

Дательный падежъ правильно: о҆трока́ти (2 Цств. XII. 21): стсл. **отроүѧтн**. У Зизанія также о҆трока́тю, по типу бывшихъ основъ на jo-, (л. 29 на об.), рядомъ съ правильной формой.

Творительный также отвѣчаетъ старосл. формѣ: о҆трока́тємъ (Быт. XXI. 20), съ а = стсл. ѧ. Такое правописаніе уже въ Остр. б.: о҆трочатємъ. У Смотрицкаго о҆трочя́тємь (л. 114 на обор.) = стсл. **отроүѧтьмь**. Окончавіе -ємъ совпадаетъ и со стсл. окончаніемъ основъ на jo-: **-ємь**.

Предложный: о҆трока́ти (М. II. 8, Л. II. 17, Остр. о҆трока́ти) по типу основъ на i-: стсл. **отроүѧтє**.

Двойственное число можетъ быть представлено только въ фор-

махъ, приведенныхъ у Смотрицкаго. И. В. Зв. у него образованъ по типу основъ м. р. на о-: ôтрочáта (л. 114 на обор.): стсл. **отроѵѧтѣ**. Р. П. правильно: ôтрочáтꙋ: стсл. **отроѵѧтоу**.

Дательный и творительный съ обычной у Смотрицкаго дифференціаціей; для перваго правильная форма ôтрочѧ́тєма (стсл. **отроѵѧтьма**), которая въ церковнославянскомъ совпадаетъ также съ Д. Т. отъ основъ на jo- (какъ стсл. **полѥма**), а для втораго форма ôтрочѧ́тама, образованная по типу основъ на ā-. Такія же формы находимъ у Зизанія (л. 29 на об.), за исключеніемъ дат. и творит. ôтрочáтома по типу основъ на о-.

Множественное число. Им. В. Зв. правильно: ôслѧ́та (1 Цств. IX. 5, Остр. ôслѧ́та), у Смотрицкаго ôтрочѧ́та (стсл. **отроѵѧта**). Существительное **дѣтѧ** идетъ по типу основъ на і-, какъ въ русскомъ: Им. дѣ́ти (М. XVIII. 3), Вин. дѣ́ти (Мр. X. 13); такъ уже въ Острожской библіи (дѣти).

Родительный правильно: ôтрочáтъ (Мр. IX. 37), тєлѧ́тъ (1 Цств. VI. 7): стсл. **отроѵѧтъ**. По типу основъ на і-: дѣтéй (вмѣсто винит. п. Мр. X. 14, Остр. дѣтїи; Первопеч. уже дѣтéй).

Дательный правильно у Смотрицкаго (л. 114 на обор.): ôтрочѧ́тємъ (стсл. **отроѵѧтьмъ**), каковая форма совпадаетъ также съ дат. мн. отъ основъ м. и ср. р. на jo-. Кромѣ того имѣются формы, образованныя по типу основъ ср. р. на о-: ôслѧ́тѡмъ (Суд. XIX. 19, 21. Такъ уже въ Остр. библіи) и по типу основъ на і- или на jo-, какъ: дѣ́тємъ (Быт. XLV. 19. Такъ уже въ Остр. б.—дѣтємъ). У Зизанія ôтрочáтѡ̑ и ôтрочáта̑ по типу основъ на о- и на ā- (л. 30).

Творительный п. у Смотрицкаго правильно: ôтрочѧ́ты (л. 114, стсл. **отроѵѧты**). У Зизанія ôтрочáты и ôтрочáтами по типу основъ на ā- (листъ 30).

Предложный падежъ представляетъ два окончанія: правильное — 'ǽх, передаваемое въ цсл. графикѣ то -єхъ (стсл. **-ьхъ**), то -ѣхъ (графическое уподобленіе къ основамъ на о-) и -áх (-ахъ), представляющее собой продуктъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на ā-: ôслѧ́тєхъ (1 Цств. X. 2), рядомъ съ ôслѧ́тѣхъ (1 Цств. IX. 20. Въ Острожской ôслѧ́тєхъ, въ Первопечатной

уже ôслѧ́тѣхъ). У Смотрицкаго: ôтрочѧ́тєхъ (стсл. **отроуѧтьхъ**). Рядомъ по типу основъ на ā-: Ôслѧ́тахъ (Суд. V. 10. Такъ уже въ Остр. и Первопечатн. библіяхъ). У Зизанія ôтроча́тахъ и ôтроча́тѣхъ (л. 30).

§ 11. Основы на ū- сохранили только въ нѣкоторыхъ формахъ свое первичное склоненіе. Въ другихъ же замѣчается вліяніе основъ на і-.

Единственное число. Именительный п. въ большинствѣ случаевъ утратилъ первичную форму съ -ы (стсл. -ъı) и представляетъ собой обыкновенно тожественное съ винит. ед. образованіе отъ основы косвенныхъ падежей по типу основъ на і-: ꙗ҆́тровъ (Руѳь I. 15. Въ Остр. и Первоп. ꙗ҆́трь, — образованіе по типу основъ на і-), свєкро́вь (Руѳь II. 18. Въ Остр. свє́кры, въ Первоп. свєкры̀), кро́вь (М. XXIII. 35. XXVII. 25. Такъ уже въ Остр. б.), любо́вь (Эккл. IX. 6. Такъ уже въ Остр.), смо́квь (Пѣснь Пѣсн. II. 13; въ Остр. смѣшанная форма смо́квы=смо́квь +смокъı). Старинный именительный сохранился въ слѣдующихъ случаяхъ: любы̀ (1 Кор. XIII. 4, М. XXIV. 12, Остр. такъ же), свєкры̀ (Л. XII. 53, Остр. такъ же въ противоположность вин. ед. свєкро́вь—тамъ же), нєпло́ды (Л. I. 7, Остр. такъ же).

Родительный падежъ правильно: кро́вє (стсл. **кръвє** М. XXIII. 35), любвѐ (стсл. **любъвє** Л. XI. 42. Острожск. и Первопечатн. б. Въ Новой б. любо́вь вин. пад.), ꙗ҆́тровє (Руѳь I. 15, Остр. такъ же), цр҃квє (М. XXIV. 1, стсл. **црькъвє**). Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ встрѣчается также форма именит. ед. вмѣсто родит.: Остр. въслѣдъ свє́кры (Первоп. свєкры̀) своєѧ̀ (Руѳь I. 14. Въ Новой друг. текстъ). Форма эта свидѣтельствуетъ о томъ, что именит. п. уже пересталъ чувствоваться таковымъ, такъ какъ въ языкѣ писавшаго былъ уже вытѣсненъ новообразованіемъ. Въ Острожской б. еще встрѣчается р. п. по типу основъ на і-: кро́ви (3 Цств. XVIII. 28). Въ Первоп. и Новой уже исправлено кро́вє.

Дательный правильно: цє́ркви (1 Кор. I. 2, стсл. **црькъви**), свєкро́ви (Руѳь II. 18).

Винительный п.; правильныя формы: цр҃ковь (М. XXI. 23,

Остр. такъ же), кро́вь (М. XXVII. 4, Остр. кровъ, Первоп. какъ въ Новой), свекро́вь (Л. XII. 53, Остр. такъ же), любо́вь (2 Петр. I. 7. 1, Іоа. III. 1, Остр. такъ же), неплодовь (Пс. CXII. 9, Остр. р. ед. неплодове, Первоп. какъ въ Новой): стсл. **црькъвь, кръвь** и т. д. Форма именит. п. вмѣсто винит.: любы творити (Апок. II. 14, Остр. любы), что встрѣчается уже въ древнѣйшихъ стсл. памятникахъ.

Творительный п. правильно: це́рковїю (М. XXIII. 16), кро́вїю (Римл. V. 9), свекро́вїю (Руѳь II. 11), любо́вїю (1 Кор. XVI. 14): стсл. **црькъвнѣ, кръвнѣ** и т. д.

Предложный п. утратилъ древнюю форму (стсл. **црькъвє**) и пошелъ по типу основъ на i-: любви (1 Іоа. IV. 16. 18. Такъ уже въ Остр. б.), це́ркви (М. XXVI. 55. XXI. 14), въ кро́ви (М. XXIII. 30, Остр. крови, Первоп. кро́ви, Іезек. XVI. 6, Остр. крови, Первоп. кровѝ), рядомъ въ кровѝ (Іезек. XVI. 6, Остр. крови, Первоп. кровѝ).

Множественное ч. Именительный п. правильно: смо́кви (Іер. XXIV. 3, 5, Іоиль II. 22, Остр. смо́кви, смокви, Первоп. какъ въ Новой), це́ркви (Римл. XVI. 4, Остр. цр҃кви): стсл. **црькъви**.

Родительный п., по типу основъ на i-: смо́квїй (Іер. XXIV. 1, Остр. смоквїи, Первоп. смо́квїи, Ис. XXXVIII. 21, Остр. смо́квїи, Первоп. какъ въ Новой), рядомъ: смо́квєй (ibid. 2, Остр. винит. мн. смо́кви), кровéй (2 Цств. XVI. 7, 8, Остр. ед. ч. кро́ви), церквéй (2 Кор. VIII. 19, Остр. р. ед. цр҃кви). Чередованіе ї и є объясняется вліяніемъ русскаго языка: стсл. **црькъвъ**.

Дательный п., какъ въ старославянскомъ, по типу основъ на ā-: смо́квамъ (Іер. XXIV. 2, Остр. смо́квємъ по типу основъ на i-, Первоп. какъ въ Новой), хорѵ́гвамъ (1 Цств. X. 19, Остр. хорѵ́гва҃); це́рквамъ (2 Кор. VIII. 18, Остр. цр҃ква҃, Первоп. цр҃ква҃м): стсл. **црькъвамъ**.

Винительный по типу основъ на ā-: смо́квы (Осія II. 12, Остр. смоквинїѧ), смо́квы (Іер. XXIX. 17. Такъ уже въ Остр.: смо́квы, Первоп. такъ же): стсл. **црькъви**.

Творительный по типу основъ на i-: кровмѝ (Апок. XVII. 6, Остр. и Первоп. кро́вми, Осія IV. 2, Остр. кр҃ми, Первоп.

кро́вьми), кровьмѝ (Пс. CV. 38, Остр. кро́вьми, Первоп. какъ въ Новой), бровьмѝ (Іис. Сир. XXVI. 11, Остр. дв. ч. бровма, Первоп. бро́вма); стсл. **црькъвьмн.**

Предложный, какъ въ старославянскомъ, по типу основъ на ā-: любвáхъ (Посл. Іуд. I. 12, Остр. любвѣ), цéрквахъ (Пс. XXV. 12, Остр. и Первоп. цр҃квахъ): стсл. **црькъвахъ.**

§ 12. Основы муж. р. на u- въ большинствѣ падежей пошли по типу болѣе многочисленныхъ основъ на o-. Въ свою очередь, нѣкоторыя ихъ падежныя формы въ силу своего звуковаго богатства и характерности послужили источникомъ новообразованій. Окончанія дат. ед. **-овн**, им. множ. **-ове** и род. **-овъ** (во всѣхъ этихъ случаяхъ **-ов-** принадлежитъ основѣ и отъ нея абсорбировано окончаніями, такъ что уже не чувствуется частью основы) перешли къ различнымъ другимъ основамъ, которымъ первично никогда не были свойственны.

Единственное число. Именительный п.: сн҃ъ (Л. I. 32 и т д.) совпадаетъ съ имен. п. ед. ч. основъ на o-: стсл. **сынъ.**

Родительный п. по типу бывшихъ основъ на o-: сы́на (М. XXI. 37, XXIV. 30, Остр. сн҃а, М. Смотрицкій, л. 113. Вмѣсто винит. ед. ч. М. XXI. 5, Остр. сн҃а, XXIV. 30 и т. д.), до́ма (I. XI. 20, Остр. такъ же), что встрѣчается, какъ видно изъ цитатъ, уже въ Остр. библіи. Рядомъ имѣются и старыя, правильныя формы: до́мꙋ (М. XXIV. 43, Мр. XIII. 35, Евр. XI. 7, Остр. такъ же. М. Смотрицкій л. 118 только до́мꙋ), по́лꙋ (Л. II. 23, Остр. такъ же), дх҃ꙋ (2 Кор. III. 6, Остр. такъ же), вєрхꙋ (Л. IV. 29, Остр. врьхꙋ, Первоп. какъ въ Новой), но вєрха̀ (Іоа. II. 7, Остр. такъ же): стсл. **сыноу, домоу.**

Дательный падежъ по типу основъ на o-: сы́нꙋ (М. XXI. 15, Остр. сн҃ꙋ, Іис. Сир. XXX. 7, Остр. испорч. текстъ), до́мꙋ (Л. XIX. 9, Остр. такъ же, Цств. II. 28, Остр. домꙋ); старая форма: сн҃ови (I. V. 22, Остр. такъ же), до́мови (М. Смотр. л. 118, гдѣ имѣется также и до́мꙋ): стсл. **сыновн.**

Винительный, какъ у бывшихъ основъ на o-, у именъ одушевленныхъ замѣняется формой родительнаго падежа (явленіе синтактическое): сы́на (М. XXIV. 30, XVI. 28, XXI. 5, Остр. сн҃а. Быт. XIX.

37. 38, Остр. сн҃ъ, Первоп. сн҃а, I. Сир. XXI. 1, Остр. сн҃а, 2. сн҃ъ, Первоп. сн҃а, 3. О. сн҃ъ, Перв. сн҃а, 13. О. сн҃ъ, Перв. сн҃а. М. Смотрицкій 113, только эта одна форма), вола̀ (Дан. V. 21, Остр. такъ же), но у неодушевленныхъ: до́мъ (Л. X. 38, Остр. домъ. М. Смотрицкій, л. 118). Послѣдняя форма одинаково можетъ быть винит. п. отъ основъ на и- и отъ основъ на о-: стсл. **сынъ**.

Какъ видно изъ цитатъ, старинный винит. п. ед. ч., тожественный съ имен., лучше сохраняется въ Остр. библіи, хотя и тамъ уже встрѣчается форма род. п. Въ Первопечатной на мѣстѣ старинныхъ формъ вин. п., находимъ уже родит. ед. ч.

Звательный по типу основъ м. р. на о-: сы́не (М. XX. 30. 31, Остр. сн҃е. М. Смотрицкій, л. 113), до́ме (Дѣянія VII. 42, Остр. такъ же. М. Смотр. 118); стсл. **сыноу** и т. д.

Творительный п. одинаково можетъ отвѣчать исконной формѣ или представлять собой образованіе по типу основъ на о-: сы́номъ (2 Цств. XVI. 19, М. Смотр. сы́номь л. 113, стсл. **сынъмь**), до́момъ (М. XXIV. 45. М. Смотр., л. 118), дх҃омъ (М. III. 11).

Предложный п. по типу основъ на о-: сы́нѣ (Евр. I. 2, Остр. сн҃ѣ, М. Смотр., л. 113), до́мѣ (1 Цств. III. 13. Такъ уже въ Остр. б.), на вер҃сѣ (1 Цств. XXVI. 13, Остр. такъ же), но правильно—домѹ (М. XXVI. 6, XXIV. 17, Остр. домѹ, IX. 10, Остр. домѹ, М. Смотрицкій, л. 118), вер҃хѹ (нарѣчіе М. II. 9, Остр. вр҃хѹ), воздѹхѹ (Притчи XXX. 19, Остр. воздѹхѹ), чинѹ (1 Кор. XV. 23, Остр. чинѹ): стсл. **сыноу, домоу**.

Двойственное число. И. В. З. Большая часть случаевъ по типу основъ на о-: два сы́на (М. XXI. 28. 1, Макк. XIII. 16, Остр. два сн҃а), о᷑ба сы́на (М. XX. 21, Остр. сн҃а), два̀ вола (3 Цств. XVIII. 23, Остр. ю᷑нца), у М. Смотрицкаго только до́ма (л. 118), сн҃а (л. 113). Рядомъ встрѣчаются изрѣдка старыя формы: в. п. два̀ сы́ны (Быт. XLVIII. 1. 13, Остр. о᷑ба̀ сн҃а, 1 Макк. XVI. 2, Остр. множ. ч. дв҃ѹ сн҃овъ), два̀ до́мы (3 Цств. IX. 10, Остр. два̀ домы, Первоп. два̀ домы); о᷑ба по́лы (Іезек. XLVII. 12, Остр. о᷑ба по́лы), Въ данныхъ случаяхъ эти винит. падежи могутъ быть просто формами вин. множ., употребленными вмѣсто вин. двойств. ч.: стсл. **сынъı, домъı**.

Р. П., судя по формамъ, приведеннымъ у Смотрицкаго (л. 113, 118): сы́нꙋ, до́мꙋ (стсл. **сыноꙋ**) пошелъ по типу основъ м. р. на о-. Въ исправленной, Новой библіи, вмѣсто р. дв., встрѣчаемъ форму р. мн.: ѻ̑бо́ихъ сынѡ́въ (Руѳь I. 5) — въ Острожской б. по ѻ̑бо́ю сн̑ꙋ.

Дательный и творительный идутъ по типу основъ м. р. на о-: двѣма̀ сы́нома (Руѳь I. 2, такъ же и въ Остр. б.), рядомъ сыно́ма (М. XX. 20, Остр. такъ же) съ удареніемъ на окончаніи: стсл. **сынъма**. Старинный Д. Тв. дв. сохранился въ нарѣчіи полма̀ (Дан. XIII. 59, Остр. по́льма, Первоп. по́лма, стсл. **полъма**). У Смотрицкаго обычная педантичная дифференціація: дат. сы́нома (л. 113), до́мома (л. 118) и твор. по типу основъ на ā-: сы́нама, до́мама (ibid.).

Множественное число. Именит. п. представляетъ разнообразіе формъ: правильныя формы — сы́новє (М. V. 9, XVII. 26, Остр сн̑новє), до́мовє (2 Цств. II. 3, Остр. домовє), воло́вє (Быт. XXX. 43, Остр. вълóвє): стсл. **сыновє, домовє**. У Смотрицкаго находимъ форму до́ми (л. 118 на обор.), образованную по типу им. мн. основъ м. р. на о- (см. также Числ. XXIV. 5, Остр. еще до́мовє, Первоп. до́мѡвє). Встрѣчается также и винит. п. вмѣсто именит.: до́мы (Іерем. VI. 12, Остр. домы̀, Первоп. до́мы), сы́ны (М. Смотр., л. 113 на обор.).

Родительный правильно: сынѡ́въ (М. XVII. 25, XXVII. 9), волѡ́въ (3 Цств. XIX. 19. 21), домѡ́въ (Мр. X. 30). У Смотрицкаго приводятся формы, образованныя по типу основъ на о-: сы́нъ (л. 113 на обор.), дѡ́мъ (л. 118 на обор.), въ новомъ библейскомъ текстѣ однако не встрѣчающіяся: стсл. **сыновъ**.

Дательный падежъ какъ у основъ на о-: сынѡ́мъ (Суд. III. 6, Мр. III. 28, Остр. сн̑омъ, М. Смотр. л. 113 на обор.), домѡ́мъ (Дѣянія II. 46, Остр. предложн. домохъ, Первоп. домѡ́хъ, XX. 20, Остр. домо̑, Первоп. домѡ́мъ, М. Смотр. л. 118 на обор.): стсл. **сыномъ** вмѣсто ожидаемаго ***сынъмъ**. Рядомъ съ этими формами имѣются образованныя отъ сильной основы косвенныхъ падежей: сыновѡ́мъ (2 Парал. XIII. 5, Пс. LXXXII. 9. Такъ и въ Остр. б. сн̑ово́мъ, М. Смотр. л. 113 на об. Евр.

XII. 7, Остр. сн҃о), дꙋховѡ́мъ (Л. IV. 36, Остр. дꙋховом҃, Первоп. какъ въ Новой, Мр. I. 27, Остр. дꙋховомъ, Первоп. какъ въ Новой, 1 Кор. XII. 10, Остр. дх҃овом҃, Первоп. дх҃овѡ́мъ), домовѡ́мъ (Дѣянія IV. 34, Остр. домовомъ, Первоп. какъ въ Новой. М. Смотр. только домѡ́мъ).

Винительный п. правильно: сы́ны (Iерем. XXIX. 6, Быт. V. 4. 3 Ездры I. 28, Ис. XLIX. 22, Остр. сн҃ы, М. Смотр. л. 113 на об.), до́мы (Iис. Сир. XLIX. 15, Остр. другой текстъ, 1 Тимоѳ. III. 12, Остр. такъ же, М. Смотрицк. л. 118 на об.). Формы эти совпадаютъ съ винит. падежемъ основъ м. р. на о-, что увеличиваетъ сходство склоненія этихъ двухъ основъ. М. Смотрицкій приводитъ еще не встрѣчающуюся въ библіи (исправленной) форму: сы́новы, но только отъ одной этой основы. Въ основѣ ея лежитъ сильная форма темы; окончаніе -ы одинаково можетъ принадлежать основамъ на о- и основамъ на u-: стсл. **сынꙑ**.

Творительный представляетъ обиліе формъ. Формы, отвѣчающія первичному старославянскому твор. мн., рѣдки: сынми̇ (стсл. **сынъми**): Iис. Нав. III. 7, Быт. XXXVII. 2, Дѣянія IX. 15 (стсл. **сынъми**), въ Остр. библіи сн҃ьми и сн҃ъми. Рядомъ имѣются формы по типу основъ м. р. на о-: сы́ны (I. Нав. V. 1. Такъ въ Остр. и Первопеч. б.; М. Смотр. л. 113 на об.); по типу основъ на ā-: сына́ми (2 Цств. XII. 3. Въ Остр. и Первоп. сн҃омъ, сн҃ѡмъ — ед. ч. 3 Цств. VIII. 9. Въ Остр. и Первоп. древняя форма сн҃ъми. М. Смотр. л. 113 на об.), дома́ми (М. Смотр. л. 118 на обор.).

Предложный падежъ представляетъ собой образованіе по типу основъ на о-: версѣ́хъ (Осія. IV. 13, Остр. другой текстъ), сынѣ́хъ (Ефес. II. 2, Остр. сынох҃, Первоп. сынѡ́хъ = стсл. **сынъхъ**; 1 Цств. IX. 2, XIV. 47, Остр. сн҃ѣхъ, Пс. LXXXVIII. 7, Остр. сн҃охъ, Первоп. уже сн҃ѣхъ). У М. Смотрицкаго сн҃ѣхъ, т.-е. сы́нѣхъ съ другимъ удареніемъ. Также: домѣ́хъ (М. XI. 8. Въ Остр. еще домохъ = стсл. **домъхъ**. Ис. XIII. 22, Остр. домо́хъ, Первоп. домѡ́хъ. Быт. XXXIV. 29. Дѣянія V. 42; въ Остр. и Первопеч. также домѣхъ и домѣ́хъ); у М. Смотр. другое удареніе — до́мѣхъ (л. 118 на обр.). Образованія по типу основъ на

о- въ Острожской б., какъ видно изъ примѣровъ, рѣже, чѣмъ въ Первопечатной и въ Новой. Эта послѣдняя въ свою очередь совсѣмъ не имѣетъ старинныхъ формъ на -ѡхъ = стсл. -ѣхъ. У Смотрицкаго приводится также не встрѣчающаяся въ исправлен. библіи форма сы́новѣхъ, въ основѣ которой лежитъ сильная тема (л. 113 на обор.).

§ 13. Основы на ā- и jā-. Лучше сохранили свое склоненіе бывшія основы на ā-, если не считать обычныхъ фонетическихъ измѣненій (ѫ = ѹ, ѭ = ю, ы послѣ заднеязычныхъ = и) и нѣкоторыхъ единичныхъ продуктовъ морфологической ассимиляціи. Им., род., вин., зват. и твор. единств. числа ничѣмъ не разнятся отъ старославянскихъ формъ въ морфологическомъ отношеніи. Уклоненія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ основѣ перечисленныхъ падежей, сказываются у основъ съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ въ дательномъ и предложномъ единственнаго числа возстановленіемъ этого согласнаго. Въ этомъ отношеніи церковнославянское склоненіе бывшихъ основъ на ā- совпадаетъ съ русскимъ, что объясняется вліяніемъ русскаго языка. Отношенія ударенія часто своеобразны въ сравненіи съ русскимъ.

Единств. число. Именительный п.: сла́ва (Л. II. 9), нога́ (Пс. XXV. 12), рѹка́ (Пс. XXXI. 4. М. Смотр. л. 97), вла́га (М. Смотр. л. 96 на обор.).

Родительный: же́ртвы (Пс. XXXIX. 7.), главы́ (ibid. 13), рѹкѝ (Пс. XXXVIII. 11.), рѣкѝ (Дан. XII. 5), вла́ги (М. Смотрицкій, л. 96 на об.) и т. д. У Зизанія дѣвы и рѹкѝ (л. 31, 32): стсл. **главы, ржкы, влагы.**

Дательный: женѣ (Руѳь. IV. 11), рѹцѣ (М. Смотр. л. 97), вла́зѣ (ibid. л. 96 на об.) но снохѣ (Руѳь II. 22. Такъ уже въ Остр. и Первопеч. б.): стсл. **снъсѣ.**

Винительный: си́лѹ (Юдиѳь. II. 22), но́гѹ (Эккл IV. 17), рѹкѹ (Пс. LXXIII. 11. М. Смотр. л. 97: роу́кѹ), вла́гѹ (М. Смотр. л. 96 на об.): стсл. **снлж** и т. д.

Звательный: же́но (М. XV. 28. Л. XXII. 57), рѹко́ (М. Смотр. л. 97). Рядомъ встрѣчаются формы именит. п., какъ въ русскомъ: сатана́ (Л. IV. 8. Такъ уже въ Острожской б.); стсл. **жено** и т. д.

Творительный: женóю (Эккл. IX. 9), влáгою (М. См. л. 96 на об.), рѹкóю (ibid. л. 97): стсл. **ржкож**, **женож** и т. д.

Предложный: злóбѣ (Эккл. VII. 16), рѹцѣ (ibid. V. 13. 14. М. Смотр. l. c.), влáзѣ (М. См. l. c.) и рядомъ во влáгѣ (Іерем. XVII. 8. Въ Остр. и Первоп. мокротѣ), на дскѣ (Ис. XXX. 8. Въ Остр. и Первоп. въ дскѹ, во дскѹ. Аввак. II. 2. Въ Остр. и Первоп. во дскѹ): стсл. **ржцѣ**.

Двойственное число. И. В. Зв. рѹцѣ (Эккл. II. 11. М. Смотр. l. c. роу́цѣ), ланúтѣ моѝ (Ис. L. 6), сестрѣ (Іоан. XI. 3), нóзѣ красни (!) (Іис. Сир. XXVI. 23, Остр. такъ же): стсл. **ржцѣ**.

Рядомъ встрѣчаются и формы и. множ.: о҃бѣ сноχѝ (Руѳь. I. 6. 7. Такъ уже въ Остр. б.), о҃бѣ страны̀ (Iезек. XXXV. 10: о҃ба та҃зы́ка ѝ о҃бѣ страны̀ моѝ бѹдѹтъ. Въ Остр. о҃бѣ стрáнѣ ѝ óбѣ землѝ мои бѹдета, Первоп. странѣ, землѝ); винит. дв. нóзѣ (Пс. CIV. 18, Остр. нóсѣ, Первоп. какъ въ Новой, Іерем. XIV. 10, Остр. нóсѣ, Первоп. нѡ́зѣ) и рядомъ совершенно невозможная форма им. мн. нóзи твоѝ текѹтъ (Іерем. XII. 5. Въ Остр. и Первопеч. б. это мѣсто имѣетъ совсѣмъ другой текстъ), въ основѣ которой лежитъ очевидно форма И. В. З. двойств., видоизмѣненная по типу имен. множ. цслав. основъ, соотвѣтствующихъ первичнымъ на jā- (землѝ—въ свою очередь продуктъ морфологической ассимиляціи), на i- и б. м. основъ м. р. на o-. У Зизанія находимъ невозможную форму на -а: лѹкà, дѣва, тожественную съ им. ед. бывшихъ основъ на ā- и вызванную, вѣроятно, вліяніемъ им. дв. основъ на o-.

Родит. и предл. п. правильно: рѹкѹ (Пс. XXX. 16, М. Смотр. роу́кѹ, l. c.), нóгѹ (Пс. XCVIII. 5): стсл. **ржкоу**.

Дат. и твор. правильно: двѣмà стѣнáма (Іерем. LII. 7, Ис. XXII. 11. твор.), рѹкáма (М. XV. 20. твор.), ногáма (Ис. XXIII. 3), сноχáма (Руѳь. I. 8. дат.). У Смотрицкаго рѹкáма (л. 97).

Рядомъ въ новой библіи встрѣчается форма твор., образованная по типу бывшихъ основъ на o-: вѣждома, (Притчи VI. 4. Въ Остр. и Первоп. вѣкома). Ниже твор множ. вѣждами (ibid. 25. Въ Остр. ѿ вѣй), ланúтома (Іоа. XIX. 3, Остр. ланитома; I.

Сир. XXXV. 15. Остр. лани́тама, Первоп. какъ въ Новой): стсл. **рѫкама, стѣнама.**

Множественное число. Именительный правильно съ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго: воды́ (Іерем. LI. 16. Въ Остр. и Первоп. во́ды, вѡ́ды), жены́ (Іерем. XVIII. 21. Въ Остр. б. же́ны; въ Первоп. жены́; Іерем. VI. 12, Остр. же́ны, въ Первоп. жены́), вдовы́ (Плачъ Іерем. гл. V. 3. Такъ и въ Первопеч., Остр. безъ удареніе), но во́ды, го́ры (Пс XLV. 4). Послѣ заднеязычныхъ -и вмѣсто -ы: рѹ́ки (Ис. I. 15, Остр. такъ же), роу́ки (М. Смотр. л. 97), сноухи́ (Руѳь I. 6. 7, Остр. сно́хи, сно́сѣ, Первоп. снѡухи́), слѹги́ (Іоа.. XVIII. 18, Остр. и Первоп. еще слѹгы́): стсл. **рѫкы.** У Зизанія вмѣсто им. мн. находимъ форму И. В. Зв. дв.—рѹцѣ (л. 32).

Родительный не представляетъ никакихъ особенностей: рѹ́къ (Экил. V. 5. М. Смотр. роу́къ л. 97); стсл. **рѫкъ.**

Дательный правильно: жена́мъ (Іис. Сир. XLVII. 22. Такъ и въ Остр. и въ Первоп.), нога́мъ (Пс. XXXVII. 17), гора́мъ (Ис. XXII. 5) и т. д. М. Смотр. роука́мъ (л. 97), дѣва́мъ (л. 94 на об.): стсл. **женамъ** и т. д.

Винительный: главы́ (Посл. Іерем. 8), рабы́ (Іис. Сир. XXI. 1), страны́ (Ис. X. 9. Такъ и въ Остр.); послѣ заднеязычныхъ -и вмѣсто -ы: рѹ́ки (Пс. XL. 3. Остр. рѹ́кы, Первоп. какъ въ Новой, Осія VII. 5, Остр. такъ же), но́ги (Дан. VIII. 18, Остр. и Первоп. предл. дв. ч. но́гѹ): стсл. **главы, рѫкы** и т. д.

Творительный, безъ всякихъ отличій: нога́ми (Дан. VII. 7. Въ Остр. и Первоп. нога́ма); М. Смотр.: дѣвами (л. 94 на обор.), рѹка́ми (л. 97 на обор.): стсл. **рѫкамн.**

Предложный, рядомъ съ правильными формами, какъ: рѹка́хъ (Пс. XXX. 9), вла́гахъ (М. Смотр. л. 96 на обор.) и т. д., представляетъ изрѣдка и образованія по типу основъ м. р. на о-: зло́бѣхъ (Іезек. VI. 9. Въ Остр. и Первоп. ед. ч. зло́бѣ), лани́тѣхъ (Плачъ Іер. I. 2. Остр. и Первоп. дв. ч. лани́тѹ), пѹ́ргѣхъ (гр. πύργος: Іезек. XXVII. 11. Остр. всѹнѣхъ; Первоп. въ текстѣ всѹнѣхъ, на полѣ впу́ргѣхъ; 1. Макк. V. 5. Остр. въ пи́ргехъ, Первоп. въ пѹ́ргѣхъ; 2 Макк. X. 20. Остр. въ столпѣхъ, Первопеч. въ

столпѣхъ. Въ Остр. и Перв. б. пѵ҃ргъ мужеск. рода: два̀ пи҃рги, въ новой двѣ̀ пѵ́рги: 2 Макк. X. 18). Уподобленіе здѣсь основывается скорѣе на недоразумѣніяхъ, иногда, можетъ быть, и случайнаго характера, какъ напримѣръ зло́бѣхъ, у формы пѵ́ргѣхъ оно только кажущееся, такъ какъ первично основа эта муж. рода. Форма Острожской б. пи҃ргѣхъ представляетъ графическое уподобленіе къ основамъ на i-. Форма пѵ́ргѣхъ вмѣсто ожидаемой *пѵ҃рѕѣхъ замѣчательна еще возстановленіемъ первичнаго г подъ вліяніемъ основъ такихъ падежей, гдѣ г оставалось въ силу фонетическихъ условій (морфологическая ассимиляція).

Основы на jā- сохранились хуже и въ извѣстныхъ падежахъ подверглись уподобляющему вліянію основъ на ā-, а также и основъ на i-.

Тѣ изъ основъ, послѣдній согласный которыхъ утратилъ палатальность, особенно легко подпали вліянію основъ на ā- и почти совпали съ ними.

Единственное число. Именительный не представляетъ никакихъ особенностей: зⷣмлѧ̀ (Варуха II. 15), ты́сѧща (1 Макк. XIV. 24), дꙋ҆ша̀ (M. XXVI. 38), дѣви́ца (Мр. VI. 28), о҆дёжда (Дан. VII. 9).

Родительный, вмѣсто того, чтобы оканчиваться на -'а (-ja)= стсл. ѧ (ѩ), имѣетъ своимъ окончаніемъ послѣ палатальныхъ согласныхъ -і (и), послѣ утратившихъ палатальность согласныхъ (ц, главнымъ образомъ) -ꙋ (ы), что объясняется уподобленіемъ къ основамъ на ā-, у которыхъ р. п. ед. ч. оканчивался на -ы: зⷣмлѝ (4. Цств. XV. 5. Въ Остр. еще зⷣмлѧ̀, но зⷣмлѝ: Іов. XII. 17. 19, въ Первопеч. уже зⷣмлѝ), ты́сѧщи (Іов. IX. 3, Остр. другой текстъ), пи́ѧщи (Прем. Сол. XIX. 20. Остр. пи́ща, Первоп. -и), кꙋ҆́щи (Суд. IV. 20. Остр. -а, Первоп. -и), дꙋ҆́шѝ (Іов. X. 1. XXI. 25. Остр. дша̄), ко́жи (Іов. XL. 26), мы́шцы (Пс. LXXVIII. 11. Остр. еще мышца, Первопеч. мы́шцы), ло́жницы (Юд. XIII. 3. Въ Остр. стихъ 1: ло́жница, Первопеч. ло́жницы), царѝцы (Эсѳ. VII. 6. Въ Остр. въ ст. 8. ц҃цы), пшенѝцы (Іов. XXXI. 40. Въ Остр. также пшеницы, но Пс. IV. 8 пшеница). У М. Смотр. мрѣ́жи (л. 98), овцѝ (л. 98 на об.), пѧ́ницы (л. 99 на обор.). У Зизанія, рядомъ со стар. формой пѧ́ницѧ, имѣется и родит. на -ѣ (л. 32 на об.), но

только сꙋдїѧ̀ (л. 33), ю҆́ноши (Дѣянія VII. 58. Въ Остр. еще ю҆́ноша, Первоп. ю҆́ноши, М. Смотр. л. 99).

Какъ видно, Острожская библія еще представляетъ болѣе древнее окончаніе, которое уже въ Первопечатной замѣняется вторичнымъ, позднѣйшимъ.

Послѣ жд, которое въ церковнославянскомъ произношеніи утратило палатальность, встрѣчаемъ то -и, то -ы. Первое написаніе объясняется остатками старославянской орѳографіи, требовавшей небнаго гласнаго послѣ жд, второе, встрѣчающееся уже въ Острожской б., вліяніемъ живаго произношенія: нꙋ́жды (3 Ездры IV. 42 Евр. VII. 27. Въ Остр. и Первоп. это мѣсто пропущено. Тов. IV. 9. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ), жа́жды (Юд. VII. 22, Остр. и Первоп. жа́жди), вражды̀ (Притчи VI. 35, Остр. вра́жды, Перв. вражды̀), наде́жды (Ис. XXVIII. 4. Остр. надєжа, Первоп. наде́жди), но жа́жди (Ис. V. 13. XLI. 17, такъ и въ Остр. и Перв.), наде́жди (Іов. II. 9. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ): стсл. ꙁємлѧ, доушѧ и т. д.

Дательный, рядомъ съ правильнымъ окончаніемъ -і (-и), отвѣчающимъ старосл. -и, у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, имѣетъ и окончаніе -æ (-ѣ)=стсл. -ѣ, которое обязано своимъ происхожденіемъ уподобляющему вліянію основъ на ā-: вдови́цѣ (Л. IV. 26. Остр. еще вдови́ци, но Юд. XIII. о҆трокови́цы, Первопеч. уже вдови́цѣ), десни́цѣ (Ис. XVI. 7. Остр. десници, Первоп. десни́цѣ), дѣви́цѣ (М. XIV. 11, Остр. дв҃ци, Первоп. дѣви́цѣ), госпожѣ̀ (2 Іоа. I. 1, Остр. и Первоп. господы́ни), ржѣ̀ (Пс. LXXVII. 46. Такъ и въ Остр. и Первоп.), но дꙋши̇̀ (Пс. III. 3, XXXIV. 7. Такъ и въ Остр. и Первоп.), стра́жи (Юд. XIV. 2. Остр. и Первоп. иной текстъ), наде́жди (Ис. XXVIII. 10, 13), У М. Смотр. о҆вцѣ̀ (л. 98 на об.), пїѧ́ницѣ (л. 100), но мре́жи (л. 98), ю҆́ноши (99), сꙋдїи̇̀ (102 на об.) и т. д.: стсл. ꙁмии, ꙁємл҃и, доуши. У Зизанія: пѧ́ници (л. 32 на об.), сꙋдїи̇̀ (л. 33). У именъ собственныхъ съ основами на jā- встрѣчается изрѣдка д. п. по типу основъ на u-: Є҆зєкі́єви (2 Пар. XXXII. 27. Остр. є҆зєкїєви), Хєлкі́єви (ibid. XXXIV. 20. Остр. хєл҆кїєви).

Винительный падежъ не представляетъ особенностей. Окончаніемъ является -u или -'u (-ꙋ, -ю) съ предшествующимъ согласнымъ палатальнымъ или утратившимъ палатальность: зе́млю (4 Цств. VIII. 6), ѕмїю̀ (ibid. XVIII. 4), лжꙋ̀ (Іоа. VIII. 44), жа́ждꙋ (Пс. LXVIII. 22), дꙋ́шꙋ (Тов. XIV. 11): стсл. **доушѫ, ꙁемлѭ, ꙁмнѭ.** У М. Смотр. мре́жю (л. 98), но ю̑ношꙋ (л. 99), о̑вцꙋ (л. 98 на обор.) и т. д.

Звательный падежъ чаще имѣетъ правильное окончаніе -æ (-є) = стсл. -є: цари́цє (Эсѳ. V. 6), дꙋ́шє (3 Ездры. VIII 4), ю̑ношє (Л. VII. 14), о̑трокови́цє (Л. VIII. 54), землѐ (М. II. 6) и т. д.: стсл. **ꙁемлѐ, доушє,** но наде́ждо по типу основъ на ā- (Акаѳ. Іисусу, икосъ 5).

Творительный б. ч. отвѣчаетъ старославянскимъ формамъ: дꙋше́ю (Тов. XIII. 6), во́лєю (Пс. LIII. 8). Даже въ основахъ съ сочетаніемъ жд-, которыя въ нѣкоторыхъ падежахъ подпали вліянію основъ на ā-, имѣется также -єю, не -ою: о̑де́ждєю (Суд. IV. 18. Такъ и въ Остр.), нꙋ́ждєю (Дѣян. V. 26, Ис. XVII. 13. Въ Остр. русская форма нꙋ́жєю, въ Первоп. уже нꙋ́ждєю), жа́ждєю (Суд. XV. 18. Такъ и въ Остр., и въ Первоп., Прем. Сол. XI. 9. 15. Остр. друг. текстъ), наде́ждєю (Суд. XVIII. 27, Ис. XXXII. 9, Остр. наде́ж̑єю, Іез. XXVIII. 26, Остр. надеж̑єю); изрѣдка встрѣчаются формы по типу основъ на ā-: жа́ждою (Юд. VII. 25. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ), о̑де́ждою (Числ. IV. 13, Остр. о̑де́жєю, Первоп. о̑де́ждєю, Пс. CVIII. 29, Остр. о̑дєжєю, Первоп. о̑де́ждєю, Прем. I. Сир. XLV. 8. Остр. о̑дєждєю, Первоп. ѡ̑дєждєю): стсл. **доушєѭ, волєѭ.** У нѣкоторыхъ именъ собственныхъ, принадлежащихъ къ основамъ муж. р. на jā-, встрѣчается форма твор. ед., образованная по типу основъ м. р. на jo- (или на i-): Исаїємъ пр̑ро́комъ (М. III. 3. Въ Остр. также і̑сайємъ), І̑єрємі́ємъ проро́комъ (М. II. 17. Остр. и̑є̑рємїємъ). Ассоціаціи, вызвавшія это уподобленіе, поддерживались и сосѣдними по контексту формами твор. падежа основъ м. р. на о-.

Предложный падежъ представляетъ два окончанія: одно правильное -i (-и) = стсл. -и, другое, перешедшее, какъ и въ русскомъ, отъ основъ на ā-, -æ (-ѣ) = стсл. ѣ. Примѣры перваго: въ дꙋшѝ

(Пс. XII. 3), на землѝ (Пс. XXVI. 13), въ во́ли (Пс. XXIX. 6), во мре́жи (2 Парал. IV. 13), стра́жи (Юд. XII. 5) и т. д.

Второе окончаніе имѣется главнымъ образомъ послѣ согласнаго ц: въ темни́цѣ (М. XXV. 39, 43. Остр. темни́ци, Первоп. одинъ разъ темни́цѣ, другой в҆ темницы), въ ко́шницѣ (Дѣян. IX. 25, Остр. въ кошницы, Первоп. -ѣ), по оу҆́треницѣ (Дѣян. V. 21, Остр. оу҆́треници, Первоп. -ы), въ мы́шцѣ (Юд. IX. 7, Іис. Сир. XXI. 24. Въ Остр. и Первоп. другой переводъ), на дши́цѣ (Іов. XIX. 24. Другой текстъ въ Остр. и Первоп.), въ ло́жницѣ (Юд. XIII. 4. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ), на мы́тницѣ (М. IX. 9, Остр. мы́тници, Первоп. -ѣ), въ скꙋде́лницѣ (Мр. XIV. 13. Остр. в҆скꙋделницѣ, Первоп. также -ѣ) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что окончаніе -ѣ послѣ ц въ Острожской библіи встрѣчается очень рѣдко, преобладаетъ -и, рядомъ съ которымъ, также рѣдко, встрѣчается -ы. Разницы между -и и -ы послѣ ц въ произношеніи по всей вѣроятности не было, и -и объясняется традиціями старославянской орѳографіи. Написанія съ -ы принадлежатъ къ одной категоріи съ написаніями въ родѣ предл. ед. ч. сердцы̀, лицы̀, им. мн. оу҆ченицы̀ и т. д., обычными въ новой церковнославянской орѳографіи. Окончаніе -ѣ, весьма рѣдкое въ Острожской б., въ Первопечатной уже вытѣсняетъ -ы (-и), а въ новой, исправленной библіи господствуетъ исключительно. У М. Смотр. встрѣчаемъ также -ѣ послѣ ц: ѻ҆вцѣ̀ (л. 98 на об.), пі́ѧницѣ (л. 100), но мре́жи (л. 98), ю҆́ноши (л. 99 на об.) и т. д.

Послѣ жд въ новой, исправленной библіи встрѣчаемъ и -и, и -ѣ. Первое, „правильное“ окончаніе чаще, второе, заимствованное отъ основъ на ā-, рѣже: въ жа́жди (Пс. LXI. 5, 2 Кор. XI. 27. Такъ въ Остр. и Первоп.), въ нꙋ́жди (Посл. Іерем. 36), во ѻ҆де́жди (Дѣян. I. 10, Л. VII. 25. Такъ въ Остр. и Первоп.), но: жа́ждѣ (Ам. VIII. 13, Остр. друг. текстъ), наде́ждѣ (Іов. VII. 6. Въ Остр. русская форма имен. надежа, Первоп. также им. наде́жда—церковнославянская), нꙋ́ждѣ (3 Макк. I. 14. Остр. и Первоп. нꙋ́жди, 1. Цств. XXII. 2, Остр. и Первоп. другой текстъ), въ жа́ждѣ (Плачъ Іер. IV. 4, Остр. другой текстъ, но

Юд. VII. 25, въ жа́ждѣ). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что окончаніе -ѣ въ Острожской и Первопечатной почти не встрѣчается и свойственно главнымъ образомъ новому исправленному тексту.

Двойственное число насчитываетъ немного формъ въ текстѣ Библіи. И. В. Зв. у М. Смотрицкаго идетъ по типу основъ на ā-: мре́жѣ (л. 98), ѻ҆́вцѣ (л. 99), пїѧ́ницѣ (л. 100) у основъ ж. рода, но ю҆́ноша (л. 99 на об.), сꙋдїа̀ (л. 102), пїѧ́ница (л. 100), по типу основъ на о-; рядомъ имѣются правильныя формы: лодїѝ (л. 102), сꙋдїѝ (л. 102 на об.). Формы, могущія быть И. В. Зв. дв. и встрѣчаемыя въ текстѣ Библіи, представляютъ собой правильныя продолженія старославянскихъ: вѣ́жди... и҆спыта́етѣ (Псал. X. 4. Такъ въ Остр. и Первоп.), двѣ дꙋши̇̀ (вин. дв. 3 Ездры VI. 49. Такъ и въ Остр.); иногда замѣчается графическое уподобленіе къ именит. вин. падежу множ. ч. основъ на ā-: двѣ ты́сѧщы (вин. дв. 1 Макк. XV. 26, 4. Цств. XVIII. 23, Первоп. ты́сѧщи), но три ты́сѧщи (им. дв. Дѣян. II. 42): стсл. **ꙁемли̇̀ доуши**. Въ Острожской и Первопечатной б. встрѣчаются у основъ съ послѣднимъ согласнымъ непалатальнымъ и образованія по типу основъ на ā-: дв҃цѣ (Эсѳ. V. 1), ѻ҆трокѡви́цѣ (Первоп. Дан. XIII. 19, Остр. и Нов. -ы), въ Новой: двѣ̀ ѻ҆́вцѣ (Ис. VII. 21). У Зизанія находимъ формы пѧ́ница, сꙋдїѧ̀, тожественныя съ им. множ. пѧ́ницѧ, сꙋдїѧ̀ (л. 33).

Родит. и предложный въ парадигмахъ Смотрицкаго отвѣчаетъ старославянскимъ формамъ: мре́жю (л. 98), ѻ҆́вцꙋ (л. 99), ю҆́ношꙋ (л. 99 на об.), пїѧ́ницꙋ (л. 100), ло́дїю (л. 102), сꙋдїю̀ (л. 102 на об.), хотя, разумѣется, формы эти построены составителемъ главнымъ образомъ теоретически: стслав. **ꙁемлю, доушоу**.

То же надо сказать и о формахъ дательнаго и творительнаго: мре́жама (л. 98 на об.), ѻ҆вца́ма (л. 99), ю҆́ношама (л. 99 на об.), пїѧ́ницама (л. 100), лодїа́ма (л. 102.), сꙋдїа́ма (л. 102 на об.) и т. д.: стсл. **ꙁемлꙗма, доушама**.

Въ Новой библія формы двойств. числа обыкновенно замѣняются уже формами множ.: со двѣма̀ ѻ҆трокови́цами (Дан. XIII. 15, Остр. и Первоп. -ма), дат. ѻ҆трокови́цамъ (ibid. 17, Остр. и Первоп.

-ма); форма мре́жема (3 Цств. VII. 42. Такъ уже въ Остр.) образована по типу основъ на і- (стсл. **костьма**). По типу основъ на о-: твор. вѣ́ждома (Притчи VI. 4. XXX. 13, Остр. вѣкома, Первоп. вѣ́кома). У Зизанія по типу основъ на і- или на jo-: пѧ́ницема, сꙋдїе́ма (л. 33).

Множественное число: именительный падежъ, какъ въ русскомъ, подпалъ уподобляющему вліянію основъ на ā-. Вмѣсто окончанія -'*а* (*а* съ предшествующимъ палатальнымъ или нѣкогда палатальнымъ согласнымъ), отвѣчающаго старосл. **ѧ** въ **ꙁемлѧ**, **доушѧ**, является окончаніе -*і* (-и), отвѣчающее стсл. **-ы** формъ **рыбы**, **жены** и т. д., которое послѣ палат. согласнаго должно дать -и. Болѣе отдаленнымъ типомъ, имѣвшимъ также уподобляющее вліяніе, должны были служить и основы ж. р. на і-, именит. множ. которыхъ оканчивается на -и: ко́сти, ча́сти и т. д.

Послѣ согласныхъ, утратившихъ свою палатальность, вмѣсто и, мы находимъ -ы: дѣви́цы (Эсѳ. II. 8. Въ Остр. форма вин. мн. дв҃ца. Въ Первоп. также вин. дѣви́цы), пти́цы (Іезек. XXXI. 13, Остр. пти́ца, Первоп. -ы), колесни́цы 4. Цств. X. 2, Остр. колесни́ца, Первоп. -ы), мы́шцы (Пс. XXXVI. 17. Остр. мы́шца, Первоп. -ы), ю҆́ношы (Дѣян. V. 10. Остр. ю҆́ноша, Первоп. -ы), дꙋ́шы (Прем. Сол. III. 1. XVII. 14, Остр. д҃ша, Первоп. д҃шы), но ю҆́нѡши (Іов. XXIX. 8, Остр. ю҆́ноша, Первоп. -и), мре́жи (4. Цств. XXV. 17, Остр. мре́жа, Первоп. -и), велмѡ́жи (Апок. VI. 15, Остр. и Первоп. также -и) и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что -ы, вмѣсто -и, встрѣчается постоянно только послѣ ц; послѣ же другихъ согласныхъ, утратившихъ палатальность,—ж, ш, чаще встрѣчается -и. Едва ли однако изъ этого можно сдѣлать выводъ, что во время установленія такой орѳографіи согласные ж, ш обладали большей степенью палатальности, чѣмъ ц, тѣмъ болѣе, что въ винит. множ., какъ мы увидимъ ниже, и послѣ ж, ш встрѣчается какъ правило -ы. Для установленія точнаго вывода необходимо всестороннее и полное изслѣдованіе всѣхъ относящихся сюда церковнославянскихъ написаній, которое завлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ непосредственной задачи этого изслѣдованія.

Трудность въ данномъ случаѣ увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что при образованіи подобныхъ написаній играли роль не только извѣстныя звуковыя свойства данныхъ согласныхъ, но и стремленіе провести одинаковость написанія въ цѣлой категоріи однородныхъ морфологическихъ формъ (графическая ассимиляція или морфологическая ассимиляція въ написаніи). У М. Смотрицкаго находимъ вездѣ -и: мре́жи (л. 98, на об.), о̑вци (л. 99), ю̑ноши (ib. на об.), пїѧ́ници (л. 100), ло́дїи (л. 102), сꙋдїѝ (л. 102 на об.); у Зизанія „правильныя" формы имен. зват, пѧ́ницѧ, сꙋдїѧ̀ (л. 33), рядомъ съ формой пѧ́ницѣ (ibid.).

У основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ имѣется -и, вмѣсто ожидаемаго -а, какъ это уже сказано выше: пе́тли (Исх. XXXVII. Въ Остр. другой текстъ), стєзѝ (Притчи Сол. II. 15, Остр. пꙋти. III. 17, Остр. стєзѧ. Первоп. -ѝ), при́тчи (Пр. Солом. I. 1, Остр. при́тча) и т. д. Въ Острожской б. еще встрѣчается болѣе древнее -а.

Послѣ щ, произносимаго какъ ѕ̑ с̑, находимъ однако часто -ы, въ чемъ, вѣроятно, нужно видѣть вліяніе такихъ написаній, какъ дꙋ́шы, ю̑ношы, (им. множ. см. выше): кꙋ́щы (Быт. XIII. 5. Остр. другой текстъ, Числ. XXIV. 5. 6, Остр. и Первоп. -а), свѣщы̀ (Быт. XV. 17, Остр. свѣща̀, Первоп. -ѝ), но свѣщѝ (Дѣян. XX. 8, Остр. -а, Первоп. -ѝ), ты́сѧщы (Числ. XXVI. 47. Въ Остр. цифрами, Первоп. -и), но ты́сѧщи (Апок. VII. 4. Такъ и въ Остр.) и т. д. Остатки правильнаго именит. мн. съ -'а= стсл. -ѧ, -ѩ, имѣются въ очень ограниченномъ числѣ случаевъ: бронѧ̀ (Апок. IX. 9, Остр. такъ же), змїѧ̑ (Зв. п. М. XXIII. 33, Остр. ѕмїа, Первоп. ѕмїѧ̀) и ѕмїѧ̀ (имен. мн. Матѳ. X. 16, Остр. змїа, Первоп. какъ въ Новой).

Родительный падежъ отвѣчаетъ старославянскому въ большинствѣ формъ.

На мѣстѣ старославянскаго -ь встрѣчаемъ, какъ и въ русскомъ, нуль гласнаго.

Послѣдній согласный основы или остается палатальнымъ, что обозначается посредствомъ -ь, или утрачиваетъ палатальность, въ каковомъ случаѣ въ церковнославянской графикѣ находимъ -ъ.

Послѣдній знакъ имѣется однако и въ нѣкоторыхъ такихъ случаяхъ, гдѣ мы ожидали бы -ь, такъ какъ послѣдній согласный основы сохраняетъ свою палатальность. Случаи съ послѣднимъ согласнымъ основы палатальнымъ (написанія въ -ь): сте́зь (Притчи I. 15, Пс. XVII. 46), земе́ль (Іезек. XXXVI. 24. Въ Остр. другой текстъ, стсл. ꙁемль), ка́пель (Пѣснь П. V. 2. Въ Остр. другой текстъ), ты́сѧщь (М. XIV. 21, Остр. тысѫщъ, Первоп. ты́сѧщь. Дѣян. IV. 4, Остр. и Первоп. ты́сѧщь, Апок. VII ubique, Остр. и Первоп. ты́сѧщъ) и т. д.

Случаи съ послѣднимъ согласнымъ основы непалатальнымъ (написанія съ -ъ): о҃вне́цъ (Іов. I. 3. Такъ и въ Остр., и у М. Смотрицкаго: л. 99), дѣви́цъ (Эсѳ. П. 9, Остр. дв҃ць, немного ниже дв҃цъ, Первоп. -ъ), колѣсни́цъ (Числ. VII. 3. Такъ и въ Остр. и Первоп.), а҃гницъ (ibid. VII. 35, Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. дꙋ́шъ (Прем. Сол. III. 13. Быт. XLVI. 22. 25. Такъ въ Остр. и Первоп.), ко́жъ (Исх. XXVI. 14, Остр. и Первоп. творит. падежъ), ѡ҃ношъ (1 Парал. XIX. 10, Остр. другой текстъ) и т. д. нꙋ́ждъ (Пс. XXX. 8, Остр. вѣ́дъ, Первоп. нꙋ́ждъ), о҃де́ждъ (4 Цств. X. 22, Остр. и Первоп. другой текстъ; ibid. VII. 15, Остр. также -ъ, Первоп. -ь, Исх. XXI. 10, Остр. друг. текстъ, Плачъ Іерем. IV. 14, Остр. др. текстъ) и т. д.

Рядомъ съ этими формами, отвѣчающими старославянской исконной формѣ р. мн., имѣется извѣстное количество формъ, вызванныхъ уподобляющимъ вліяніемъ основъ на і-: кꙋ́щей (Пѣснь П. I. 7. Такъ и въ Остр. 1 Ездры Ш. 4, Остр. и Первоп. другой текстъ), пи́щей (Притчи С. XXIII. 6, Остр. и Первоп. пи́щамъ, Лев. XXV. 37, Второз. XXIII. 19, Остр. и Первоп. другой текстъ), ты́сѧщей (2 Парал. XIV. 9, Юд. II. 15, Остр. и Первоп. другой текстъ), пе́тлей (Исх. XXVI. 10. Такъ и въ Остр.), ноздре́й (Іов. XLI. 11, Остр. но́здрїи, Первоп. ноздре́й) и но́здрїй (Числ. XI. 20. Такъ и въ Остр. и Первоп.), мы́шцей (2 Пар. IX. 18. Такъ въ Остр. и Первоп., Быт. XLIX. 24, Остр. р. ед. мы́шца, Перв. -ы, Второзак. XXXIII. 27, Остр. и Первоп. р. ед.) и т. д. Какъ видно изъ приведенныхъ

примѣровъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ основа имѣетъ передъ окончаніемъ не одинъ, а два согласныхъ.

Посредствующимъ звеномъ между основами на jā- и основами на i- въ данномъ случаѣ служили такія формы р. мн., какъ сѫдє́й (Суд. II. 17, 18 и т. д. Такъ и въ Остр.), которая отвѣчаетъ старосл. **сѫдии**; свинє́й (Л. VIII. 32, Остр. свинїи, Первоп. свини́й). У Зизанія сѫдіи́, є́й (л. 33 на об.). По типу этихъ и вышеприведенныхъ формъ, вѣроятно, уже послѣ образовались формы какъ мрє́жей (Іезек. XXVI. 5, Остр. и Первоп. другой текстъ), прода́жей (4 Цств. XII. 7. Въ Остр. и Первоп. р. ед.), гдѣ былъ только одинъ согласный.

Дательный множественнаго не представляетъ морфологическихъ особенностей сравнительно со старославянскимъ: зємлѧ́мъ (4 Цств. XIX. 11. Такое удареніе и въ Остр. б.)=стсл. **ꙁємлѧмъ**, пти́цамъ (Быт. II. 20), лжа́мъ (Притчи С. XXIV. 2) и т. д.

Винительный множ. ч. въ общемъ представляетъ тѣ же особенности, что имен. множ. Вмѣсто окончанія -ъ (стсл. -ѫ, -ѧ) встрѣчается -и или -ы, представляющееся результатомъ морфологической ассимиляціи къ вин. мн. основъ на ā-; первое окончаніе имѣется обыкновенно послѣ согласныхъ палатальныхъ, второе послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность.

Случаи съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ (написанія съ -и): ды̑ни (Числ. XI. 5. Такъ уже въ Остр.), ба̑шни (Юд. VII. 32, Остр. другой текстъ), но́здри (Іов. XL, 19, 21. Такъ уже въ Остр. б.), стєзи̑ (Притчи С. II. 20, Остр. стєзѧ́, Первоп. -и̑), сѫдіи̑ (Суд. II. 16, 2 Цств. VII. 11, Остр. сѫдіѧ́, Первоп. -и̑), вєрєи̑ (Пс. CVI. 16, Остр. вєрєа̑, Первоп. -и̑), зе́мли (4 Цств. XVIII. 35, Остр. зємлѧ́) и т. д. стсл. **ꙁємлѧ**.

Случаи съ послѣднимъ согласнымъ непалатальнымъ (написанія съ -ы): пти́цы (Быт. II. 19. Такъ уже въ Остр. б.), о̑вцы (Пс. XLIII. 12, Остр. о̑вцѧ, Первоп. -ы) и т. д., дꙋ̑шы (Іов. XXXVIII. 39, Остр. гл. XXXIX. дша, Первоп. -ы; Юд. IV. 9, Остр. другой текстъ; Пс. XCVI. 10, Остр. дша, Первоп. -ы), ча́шы (Исх. XXV. 29, Остр. ча́ша, Первоп. -ы. Притчи С. XXIII. 31, Остр. вин. ед. ч.), ю̑ношы (Юд. II. 27, Остр. другой текстъ),

но ю̑нѡши (2 Макк. V. 24. Такъ и въ Остр.), лжы̀ (Притчи С. VI. 19, Остр. лжа, Первоп. лжѝ), велмо́жы (4 Цств. X. 11, Остр. вельмо́жа, Первоп. велмо́жи), мре́жы (Пѣснь П. II. 9, Остр. в. ед.), но мре́жи (Л. V. 2. 4, Остр. мрѣжѧ, мре́жѧ, Первоп. мре́жи), ко́жы (Исх. XXV. 5, Остр. и Первоп. кожа. Сохраненіе -а въ Первоп., вездѣ уже имѣющей -и, -ы, объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ форма могла быть принята за им. ед.), но ко́жи (Мих. III. 2. 3, Остр. ко́жа, Первоп. -и), ѻ̑де́жды (1 Цств. XVIII. 4, Остр. ѻ̑де́жи, Первоп. ѻ̑де́жди; 4 Цств. X. 22, Остр. и Первоп. ед. ч., 2 Макк. V. 2, Остр. и Первоп. другой текстъ, 4 Цств. VII. 8, Остр. ѻ̑де́жда, Первоп. ѻ̑де́жди, Дѣян. IX. 39, Остр. ѻ̑де́жа, Первоп. ѡ̑де́жы) и т. д.

Сравнительное преобладаніе формъ съ послѣднимъ согласнымъ непалатальнымъ и вліяніе винит. множ. основъ на ā- вызываетъ написанія съ -ы послѣ щ=š'č', гдѣ мы ожидали бы -и, согласно произношенію.

Въ данномъ случаѣ мы опять имѣемъ дѣло съ уподобленіемъ одного написанія другимъ, болѣе частымъ. Фонетическаго значенія подобныя написанія не должны были имѣть, тѣмъ болѣе, что происхожденія они сравнительно новѣйшаго, и въ Острожской и Первопеч. преобладаютъ написанія съ а- и -и: ты́сѧщы (1 Парал. XVI. 15, Остр. и Первоп. ты́сѧща), пи́щы (1 Макк. XIII. 33, Остр. пи́ща, Первоп. пи́щи), пра́щы (2 Парал. XXVI. 14, Остр. и Первоп. пра́щи, 1 Макк. VI. 51, Остр. и Первоп. другой текстъ), кꙋ́щы (Прем. Сол. XI. 2, Остр. кꙋща, Первоп. кꙋ́ща. Числ. XVI. 30, Остр. кꙋща, Первоп. кꙋ́щи), свѣщы̀ (Суд. VII. 16, Остр. свѣща, Первоп. свѣщы̀, 20: Остр. и Первоп. свѣщѝ, XV. 4. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. У М. Смотрицкаго вездѣ въ винит. мн. послѣ согласныхъ непалатальныхъ -ы: мре́жы (л. 98), ѻ̑вцы (л. 99), ю̑ношы (л. 99 на обор.), пїѧ́ницы (л. 100); послѣ же согласныхъ палатальныхъ -и: ло́дїи (л. 102), сꙋдїѝ (л. 103), но ѻ̑брѧ́щы (л. 101).

Остатки правильной формы винит. мн. съ окончаніемъ -'а (=стсл. -ѧ, -ѩ) встрѣчаются изрѣдка и въ новой, исправленной Библіи (въ Острожской это окончаніе преобладаетъ, въ Первопечат-

ной уже вытѣснено, за немногими исключеніями, новымъ, представляющимъ собой результатъ морфологической ассимиляціи): вы҃ (Пс. CXXVIII. 4, Остр. и Первоп. вы҃), бронѧ҃ (Апок. IX. 9. Также въ Остр. и Первоп., Іер. XLVI. 4, Остр. и Первоп. бро́нѧ съ другимъ удареніемъ, Прем. Сол. V. 18, Остр. бро́нѧ, Первоп. бронѧ҃), мре́жа (Мр. I. 19, Остр. и Первоп. мре́жѧ), свинїѧ҃ (Л. VIII. 33).

Творительный не представляетъ значительныхъ уклоненій. Преобладаютъ формы правильныя, изрѣдка встрѣчаются и образованія по типу основъ на і-. Правильныя формы: пе́тлѧми (Исх. XXVI. 11), вонѧ́ми (Ам. VI. 6), ко́жами (1 Пар. XVII. 1), вере́ѧми (Суд. XVI. 3), ты́сѧщами (2 Макк. XII. 34. Также въ Остр. и Первоп.), но ты́сѧщими (2 Макк. V. 24, 3 Ездры XIII. 3. Такъ и въ Остр. и Первоп.; 1 Макк. VII. 40. Такъ же въ Остр. и Первоп.). Послѣдняя форма дополняетъ собой приведенныя выше формы р. мн., какъ ты́сѧщей, возникшія также подъ вліяніемъ о́сновъ на і-. Такъ какъ почти всѣ другіе падежи совпадали съ формами склоненія основъ на і-, то такимъ образомъ получалось почти полное уподобленіе всей системы.

Предложный падежъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ законное соотвѣтствіе старославянской формѣ: стєзѧ́хъ (Пс. XVI. 5), зємлѧ́хъ (Пс. LXVIII. 12), ка́плѧхъ (Пс. LXIV. 11); ты́сѧщахъ (Мих. V. 2), ѿ́ницахъ (Пс. LXVII. 31), дꙋша́хъ (Числ. XVI. 37. Съ такимъ удареніемъ и въ Остр.) и т. д. Рядомъ изрѣдка встрѣчаются формы съ окончаніемъ -’æх, которое въ цслав. графикѣ обозначается написаніемъ -ѣхъ: жа́ждѣхъ (Притчи С. IX. 12, Остр. и Первоп. жа́ждахъ), нозрѣ́хъ (Іов. XL. 20, Остр. и Первоп. но́здрѣхъ), колесни́цѣхъ (Пѣснь П. I. 8, Остр. и Первоп. предл. ед. колесни́цы). Въ этихъ формахъ надо видѣть продуктъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на і-, имѣющимъ въ предл. мн. -єхъ=стсл. -ьхъ и графической ассимиляціи написаній съ -єхъ къ написаніямъ основъ муж. р. на о-, гдѣ -ѣхъ отвѣчаетъ стсл. -ѣхъ. Формъ съ такимъ окончаніемъ немного, но онѣ встрѣчаются уже въ Острожской библіи, хотя все таки рѣже, чѣмъ въ Новой, исправленной.

Съ основами на jā- совершенно совпали и первичныя основы съ -ī въ именительномъ единственнаго (т. н. основы на ī-); совсѣмъ исчезъ им. ед. на -и: гордын҃ (Прем. Сол. V. 8. Такъ уже въ Остр.), рабын҃ (Юд. XI. 5), милостын҃ (Іис. Сир. XVII. 18, Остр. еще мл҃тыни, Первоп. милостын҃), Самарѧнын҃ (I. IV. 9, Остр. еще -и, Первоп. -ѧ) и т. д.; у М. Смотрицкаго самарѧнын҃ (л. 103), стын҃ (л. 103 на об.), гордын҃, рабын҃, милостын҃ (л. 104). Остаткомъ первичнаго склоненія можно считать форму звват. п. ед. ч. стыни (М. Смотр. л. 104); обычное же окончаніе зв. ед. у М. Смотрицкаго такое же, какъ и у основъ на jā-, т. е. -є: самарѧнынє, стынє. Иногда встрѣчается и форма им. п. пѹстын҃ (Ис. XXXV. 1, Остр. -и, Первоп. -ѧ). Какъ видно, Острожская библ. сохраняетъ еще болѣе древнюю форму им. и зв. ед. на -и, тогда какъ уже Первопечатная представляетъ то же окончаніе, какое встрѣчаемъ въ современномъ русскомъ, т. е. -'а.

Родительный ед. пѹстыни (Юд. II. 23. Такъ уже въ Остр.), гордыни (Пс. XXXV. 12, Остр. -ѧ, Первоп. -и), рабыни (Эсѳ. V. 1, Остр. другой текстъ, Іов. XXXI. 13, Остр. другой текстъ, Іис. Сир. XLI. 26, Остр. другой текстъ, Исх. XXI. 26. Такъ же въ Остр. и Первоп. Въ Остр. однако чаще окончаніе -ѧ: рабын҃: Исх. во главѣ XI, 6, и т. д.), Самарѧныни (Іоа. IV. 9, Остр. -и): стсл. **рабъıнѧ**.

Дательный по типу основъ на ā-: рабынѣ (Юд. X. 5, Остр. другой текстъ, XIII. 9, Остр. и Первоп. -и. Ам. II. 7, Остр. и Первоп. рабѣ), у М. Смотрицкаго самарѧнынѣ (л. 103), но стыни (тамъ же на обор.): стсл. **рабъıнѣ**.

Винительный правильно: пѹстыню (Пс. XXVIII. 8), рабыню (Юд. VIII. 10, X. 2), стыню (М. Смотр. л. 103 на обор.), самарѧныню (М. См. л. 103): стсл. **рабъıнѫ**.

Творительный также отвѣчаетъ старославянской формѣ: рабынею (Юд. VIII. 33), самарѧнынею (М. Смотрицк. л. 103), стынею (ibid. л. 104): стсл. **рабъıнєѭ**.

Предложный также правильно: пѹстыни (Пс. LXVII. 8, Быт. XII. 9, Дѣян. XIII. 18. Такъ и въ Остр.), самарѧныни (М.

Смотр. л. 103), ст҃ы́ни (ibid. л. 104) или по типу основъ на ā-: ст҃ы́нѣ (М. Смотр. тамъ же): стсл. рабъıнѣ.

Двойственное число. И. В. Зв. правильно: двѣ рабы́ни (вин. дв. Эсѳ. V. 1, Остр. дв҃цѣ по типу основъ на ā-, Первоп. также дѣви́цѣ). Формы, приводимыя въ парадигмахъ М. Смотрицкаго, построены по типу основъ на ā-: самарѧны́нѣ (л. 103), ст҃ы́нѣ (л. 104): стсл. рабъıнѣ.

Остальные падежи не представляютъ особенностей: р. и пр. самарѧны́ню (М. Смотр. л. 103), ст҃ы́ню (ibid. л. 104), д. и тв. самарѧны́нѧма (л. 103 на об.), ст҃ы́нѧма (л. 104).

Множественное число, какъ и слѣдовало ожидать, тожественно по формамъ съ вышеразсмотрѣннымъ склоненіемъ основъ на jā-. Им. падежъ: рабы́ни (Быт. XXIV. 61, Остр. рабы́нѧ, Первоп. -и, ibid. XXXII. 5, Остр. -ѧ, Первоп. -и, Іов. XXXI. 31, Остр. -ѧ, Первоп. -и), м҃а҃ты́ни (Притчи С. III. 3, Остр. и Первоп. -ѧ), самарѧны́ни (М. Смотр. л. 103 на обор.), ст҃ы́ни (ibid. л. 104), кнѧги́ни (2 Парал. XXXV. 25, Остр. кнεги́ни, Первопеч. кнѧги́ни) и т. д. Острожская библія представляетъ еще болѣе древнее окончаніе -'а (=стсл. ѧ), хотя и не во всѣхъ случаяхъ; Первопечатная уже чаще имѣетъ -и, тогда какъ въ Новой находимъ только -и.

Родительный правильно: рабы́нь (Эсѳ. II. 9), самарѧны́нь (М. См. л. 103 на об.), ст҃ы́нь (ibid. л. 104).

Дательный также: самарѧны́нѧмъ (М. См. л. 103 на об.), ст҃ы́нѧмъ (ibid. л, 104).

Винительный, какъ вообще у основъ на jā-, представляетъ морфологическую ассимиляцію къ основамъ на ā-: пѹ҃ст҃ы́ни (Іис. Сир. XLIII. 23, Остр. -ѧ, Первоп. -и), самарѧны́ни (М. См. л. 103 на об.), ст҃ы́ни (ibid. л. 104): стсл. рабъıнѧ.

Творительный правильно: самарѧны́нѧми (М. Смотр. л. 103 на об.), ст҃ы́нѧми (ibid. л. 104), а также и предложный: самарѧны́нѧхъ, ст҃ы́нѧхъ (l. c.).

§ 14. Основы мужескаго и ср. рода на о-. Въ общемъ склоненіе этихъ многочисленныхъ основъ сохранилось довольно прочно и даже послужило уподобляющимъ типомъ для разныхъ другихъ

менѣе многочисленныхъ и рѣже встрѣчающихся основъ муж. и ср. рода. Въ свою очередь оно также подпадало въ нѣкоторыхъ падежахъ вліянію главнымъ образомъ основъ на ā- (какъ въ русскомъ языкѣ) и основъ на u-. Въ написаніяхъ изрѣдка замѣчаются слѣды вліянія и основъ на i-, которое, конечно, имѣетъ только графическій характеръ.

Основы муж. рода. Падежи именительный и родительный представляютъ собой правильныя продолженія старославянскихъ формъ: раб҃ъ (Іов. VII. 2, стсл. рабъ), наѣ́мникъ (ibid. стсл. наѣмьникъ), раба̀ (Исх. XX. 17, стсл. раба), скота̀ (ibid.) и т. д.

Дательный падежъ или правильно: Бо́гоу҃ (I. XIII. 3, Варуха II. 5. 6, IV. 4. 21 и т. д.), или по типу основъ на u- съ окончаніемъ -ov'i (-ови), гдѣ -ov-, принадлежащее основѣ, абсорбировано окончаніемъ. Окончаніе это, какъ и другія окончанія (мы увидимъ это ниже), заимствованныя отъ основъ на u-, имѣется прежде всего у основъ односложныхъ: Бг҃ови (M. XXII. 21, Л. XXI. 4. Такъ и въ Остр.), мі́рови (Іоа. III. 17, Остр. ми́рови, Первоп. мі́рови), ки́тови (Іона II. 1, Остр. кі́тови), дроу҃гови (Іис. Сир. XX. 23, Остр, дроу҃гови), Петро́ви (Мр. XIV. 37, 66, Остр. пьтрови, 70, Остр. петро́ви, Матѳ. XVI. 23, XXVI. 40, Остр. петро́ви) и т. д. Появленіе окончанія -ови у этихъ основъ объясняется тѣмъ, что первичныя основы на u- въ именительномъ ед. ч. случайнымъ образомъ также всѣ односложны (въ старославянскомъ двухсложны: **сынъ, домъ, медъ** и т. д.): syn, dom ‖ mir, druk и т. д.

Отъ этихъ односложныхъ основъ окончаніе стало распространяться и на другія, главнымъ образомъ заимствованныя, иностранныя слова, къ которымъ надо отнести и имена собственныя: А҆рхїтрїкли́нови (Іоа. II. 9, Остр. а҆рхїтрикли́нови), а҆рхїсы́нагѡ́гови (Мр. V. 36, Остр. а҆рхїсинаго́гови), сарди́нови, смарагдови (Апок. IV. 3, Такъ и въ Остр.), Фараѡ́нови (Римл. IX. 17, Остр. фараѡ́нови), но Фараѡ́нъ҃ (Исх. III. 10. 11. 18, IV. 22, V. 1. 15. 23, VI. 1. 11, VII. 1. 2. 7. 15 и т. д.), і҆а́спїсъ҃ (Апок. IV. 3), а҆гѣ́мѡнъ҃ (M. XXVII. 2) и т. д.; въ именахъ собственныхъ: І҆ѡа́нновн (M. XI. 4, Остр. і҆ѡа́нновн), Е҆фре́мови (Ис. VII.

9, Остр. ѣфрéмови, Ос. V. 12. 14, Остр. ѣфрѣмови), Ѥрѡдови (М. XIV. 6, Остр. ѥродови), Ваáлови (Ос. XIII. 1, Остр, ваáлови), Ѡсифови (М. I. 18, Мр. XV. 45, Остр. ѡсифови), Варѵхови (Іерем. XXXII. 12, Остр. варѵхови), но Варѵхѵ (ibid. 13), Сíмѡнови (Л. V. 10, Остр. сíмонови, рядомъ къ Сíмѡнѵ), ко Ѡсови (М. XIV. 29. XV. 1, XXVI. 49, Мр. V. 15, Остр. ісови) и рядомъ ко Ѡсѵ (М. XVIII. 1), прешéдшѵ Ѡсѵ (Мр. V. 21), ко Ѥрѡдѵ (М. II. 12), Соморѡ́нѵ (Ис. VII. 9) и т. д.

Какъ на характерную черту формъ на -ови можно указать на извѣстный типъ акцентуаціи: удареніе въ именит. ед. на послѣднемъ слогѣ и въ родительномъ на третьемъ, какъ и въ первичныхъ основахъ на и- (дóмъ—домóви, смарáгдъ—смарáгдови, но ѡáсписъ—ѡáспісѵ).

Впрочемъ послѣдовательно эта черта не проведена. Въ соединеніи съ предлогомъ къ также чаще правильныя формы дат. ед. отъ основъ на о-, формы съ -ови, напротивъ, чаще въ независимомъ употребленіи.

И та, и другая черта однако находятся только въ зачаточномъ состояніи, до полной послѣдовательности онѣ не доведены; это легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что цслав. языкъ былъ языкъ главнымъ образомъ писанный, такъ что ассоціаціи между различными его формами не могли имѣть такой силы и яркости, какъ ассоціаціи языка живаго, „говоримаго“.

Формы винит. падежа въ синтактическомъ употребленіи, какъ и въ русскомъ, сохранились только у именъ неодушевленныхъ и именъ собственныхъ неодушевленныхъ (географическіе термины): во грáдъ (М. VIII. 33), во Ѡерѵсалúмъ (М. II. 1), сотворúте плóдъ (М. III. 8), на Ѡордáнъ (М. III. 13), Назарéтъ (М. IV. 13), свѣтъ (М. IV. 16), недѵгъ (ib. IV. 23), глаголъ (ib. V. 11), дáръ (ib. V. 23) и т. д.

Имена же собственныя одушевленныхъ существъ и имена одушевленныя, какъ въ русскомъ, утратили собственно винит. п. ед. числа, вмѣсто котораго употребляется форма р. ед. (явленіе синтактическое): Ѡоáнна (М. XIV. 10). врагá твоегò (М. V. 43. Такъ уже въ Остр.), óтрока (Л. I. 54), человѣка (М. X. 35,

XV. 11, 18), Аврама (М. Ш. 9), на брата (М. V. 22), Бга (М. IX. 8), прроκа (ib. X. 41), бѣса (ib. XI. 18) и т. д.

Эта особенность, замѣчающаяся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка, проведена въ языкѣ печатныхъ книгъ уже съ полной послѣдовательностью, такъ что исключеній не встрѣчается.

Звательный падежъ отвѣчаетъ старославянской формѣ: Сїѡнє (Ис. LII. 1), рабє (ib. XLI. 8), Бже (Пс. СШ. 1) и т. д. Случаевъ замѣны формы зват. падежа формой именительнаго не имѣется.

Творительный падежъ также является продолжателемъ старославянской формы. Единственная особенность—замѣна суффикса **-мь**, которому въ цслав. должна была бы соотвѣтствовать форма -m' (цсл. -мь),—суффиксомъ -m (цсл. -мъ), о чемъ уже сказано выше (стр. 161): котломъ (Іис. Сир. XIII. 3), раздомомъ (ib. XLIV. 3), Бгомъ (Іоа. VI. 45) и т. д.: стсл. **богомь**.

Предложный падежъ также отвѣчаетъ старославянской формѣ. У основъ съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ изрѣдка встрѣчаются образованія, обязанныя своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи къ основамъ тѣхъ падежей, гдѣ заднеязычный согласный сохранялся: въ смѣхѣ (Іис. Сир. XXI. 23, Остр. и Первоп. смѣхꙋ), при Антіохѣ (3 Макк. I. 1, Остр. и Перв. ѿ А—ха), въ прахѣ (Плачъ Іер. Ш. 29, Остр. и Первоп. въ прахꙋ), но на прасѣ (Ам. II. 7. Такъ и въ Остр.), ѿ грѣсѣ (Пл. Іер. Ш. 39, такъ же и въ Остр.), въ Дхѣ (II Кор. VI. 6. Остр. и Первоп. дсѣ), ѿ всадникѣ (Юд. IX. 7, Остр. и Первоп. другой текстъ), во ѻстрогѣ (Іезек. XVII. 17, Остр. и Первоп. ѻстрогомъ), въ ѻумїамникѣ (Числ. VII. 86, Остр. ѻимїамникꙋ, Первоп. ѻумїамникꙋ): стсл. **грѣсѣ**, **босѣ** и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, подобныя формы съ возстановленіемъ заднеязычнаго согласнаго передъ слѣдующимъ -ѣ составляютъ особенность новѣйшаго цслав. языка. Въ Острожской библіи онѣ не встрѣчаются, а вмѣсто нихъ находимъ образованія по типу основъ на u-, которыхъ напротивъ почти нѣтъ въ новой библіи (единственный примѣръ на... бокꙋ Іезек. IV. 4,

Остр. ре́брехъ, Иервоп. ре́брѣхъ). Псходной точкой морфологической ассимиляціи служила и здѣсь односложность основъ смѣх-, прах-, бок- и основъ сын-, дом- и т. д.

Двойственное число не представляетъ отличій отъ старославянскаго, но часто замѣняется множественнымъ. И. В. Зв. два̀ бра́та (М. IV. 18. 21), два̀ оу҆чн҃ка̀ (М. XXI. 1), но два́ велблꙋ́ды (Тов. IX. 2, Остр. и Первоп. вельблю́да) и т. д. Р. и Пр. во двою̀ дворꙋ̀ (4 Цств. XXIII. 12. Такъ и въ Остр.), ѡбою̀ оу҆глꙋ (Исх. XXX. 4), но на двꙋ̀ дворѣ́хъ (ib. XXI. 5, Остр. на̀ двꙋ̀ двора̑, Первоп. двора́хъ), двꙋ̀ є҆внꙋ́хѡвъ (род. вм. вин. Эсѳ. I. Остр. ниже: двꙋхъ ради євнꙋховъ), двои́хъ вертепа́хъ (3 Цств. XVIII. 4, Остр. дво́ю врътє́пꙋ, Первоп. двою̀ вертє́пꙋ), двои́хъ человѣ́кѡвъ (Іоа. VIII. 17, Остр. дво̂ю чл҃кꙋ, Первоп. двою̀ человѣ́кꙋ) и т. д. Дат. и твор. двѣма̀ ѻ҆шибома (Суд. XV. 4. Такъ въ Остр. и Первоп.), но двѣма̀ тала́нты (3 Цств. XVI. 24, Остр. и Первоп. тала́нтома), двѣма̀ є҆внꙋ́хи (Эсѳ. I. Остр. є҆внꙋ́хома, Первоп. є҆внꙋ́хома), ѻ҆бѣ́ма бра́тома (Быт. IX. 22), двѣма̀ во́инома (Дѣян. XII. 6, тв.); по типу основъ на ā-: рога́ма (Быт. XXII. 13, Остр. другой текстъ).

У М. Смотрицкаго находимъ дифференціацію окончаній дат. твор. -ома для дат. и -ама по типу основъ на ā- для твор.: дат. клєвре́тома, тв. клєвре́тама (л. 105 на об.), ꙗ҆рмо́ма — ꙗ҆рма́ма (л. 106), во́инома—во́инама и т. д. (л. 107). Дифференціація эта однако не подтверждается дѣйствительными фактами языка и должна быть отнесена на счетъ собственныхъ мудрованій составителя. У Лавр. Зизанія находимъ только правильное окончаніе -ома (см. листы 26, 27).

Множественное число представляетъ большое разнообразіе формъ, изъ которыхъ только небольшое количество исконныхъ, тогда какъ остальныя представляютъ собой результатъ разнообразныхъ вліяній другихъ основъ.

Именительный падежъ, форма котораго въ русскомъ языкѣ уже вытѣснена формой винит. множественнаго числа, еще сохраняется въ извѣстномъ количествѣ случаевъ: ско́ти (Іерем. XII. 4), наро́ди (М. IV. 25), гро́би (М. XXVII. 52), во́ини (М. XXVII.

27), и҆споли́ни (Быт. VI. 4), вразѝ (Іис. Сир. XLVI. 6. М̀. X. 36), грѣсѝ (М. IX. 5), мѣси (М. IX. 17), дꙋси (Дѣян. VIII. 7) и т. д.

Послѣ ц, утратившаго палатальность, находимъ въ написаніяхъ -ы: престꙋпницы (Соб. Посл. Іак. II. 9. Такъ уже въ Остр.), ѻ҆прѣсноцы (Мр. XIV. 1. Такъ и въ Остр.), лжепроро́цы (Мр. XIII. 22. Такъ и въ Остр.), оу҆чнцы̀ (М. XVIII. 1. Такъ и въ Остр.), ꙗ҆зы́цы (Римл. II. 14, Остр. ꙗ҆зы́ци, Первоп. -ы), проро́цы (Л. XVI. 16, Остр. также -ы), споспѣшницы (1 Кор. III. 9, Остр. и Первоп. винит. мн. поспѣшники), наслѣдницы (Римл. VIII. 17. Такъ же и въ Остр.) и т. д. У М. Смотрицкаго еще -и: проро́ци (л. 110).

Рядомъ съ этими формами уже часто находимъ формы винит. множ.: зꙋбы (Пс. LVI. 5, Остр. также зоу́бы, Дан. VII. 7. Остр. такъ же), гра́ды (Суд. X. 4, Остр. и Первоп. -и), га́ды (Быт. VIII. 19, Остр. и Первоп. другой текстъ), ѻ҆слы̀ (Быт. XXXII. 5. Такъ и въ Остр.), послы̀ (ib. 6, Ис. XXI. 2. Такъ и въ Остр.), и҆ гро́ми и҆ гла́сы (Апок. IV. 5, Остр. громи и҆ гла́сы), но гла́си (ib. VIII. 5), хлѣбы и҆ фі́нїки (2 Цств. XVI. 2. Остр. хлѣби, Первоп. -ы), пе́рсты (ib. XXI. 20, Остр. прь́сты, Первоп. пе́рсты, Дан. V. 5. Остр. прьсты, Первоп. пе́рсты), рабы̀ (Дан. XIII. 27, Остр. и Первоп. -ѝ), сосꙋды (Апок. II. 27, Остр. съсꙋды, Первоп. сосꙋды), завѡ́ры (Іерем. LI. 30, Остр. заво́ры, Первоп. завѡ́ры), кꙋмі́ры (Ос. X. 2, Остр. вин. мн. Ис. XXI. 9, Іерем. L. 2. Такъ и въ Остр.), и҆споли́ны (1 Парал. XX. 8, Остр. и Первоп. гига́нты), но -и (Быт. VI. 4. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что Остр. и Первоп. библіи немного чаще представляютъ окончаніе настоящаго именит. множ. -и, чѣмъ Новая, причемъ Первоп. нѣсколько ближе къ послѣдней. Но окончаніе винит. множ. также уже встрѣчается въ Острожской и Первопечатной и довольно часто.

Послѣ заднеязычныхъ согласныхъ, согласно условіямъ русской и церковнославянской фонетики, -ꙑ винит. падежа должно дать -і (-и): ро́ги (Дан. VIII. 3, Остр. и Первоп. двойств. рога̀, Исх.

XXVII. 2. Такъ и въ Остр.), тысѧщники, сотники, но рядомъ начáлницы (1 Парал. XXVII. 1. Такъ же въ Остр. и Первоп.), трй чинóвники (Дан. VI. 2. Такъ же и въ Остр. и Первоп.), помóщники (3 Цств. XX. 16, Остр. и Первоп. двойств. число), ѥунȣхи (Эсѳ. IV. 4. Такъ и въ Остр. и Первоп.), шипкй (4 Цств. XXV. 17, Остр. и Первоп. шúпки), начáтки (Iезек. XLVIII. 18, Остр. и Первоп. другой текстъ) колкй (Исх. XXXVII. Остр. и Первоп. конецъ XXXVI. такъ же), полкй (Быт. XXXII. 2, Остр. пóлкы, Первоп. полкй), крючкй, верхй (Исх. XXVII. 10. Въ Остр. и Первоп. такъ же), причáстники (Римл. XV. 27, Остр. -ы, Первоп. -и), и т. д. У Лавр. Зизанія обѣ формы рядомъ: снѣгй и снѣзи (л. 27 на об.), но бѡзи (л. 26 на об.).

Рядомъ имѣется довольно значительное число образованій по типу основъ на u-: львóнє (Ис. V. 29. Такъ и въ Остр.), стрóпове (Ам. VIII. 3, Остр. и Первоп. вóплєнє), кéдрове (Пѣснь П. V. 15. Такъ и въ Остр.), грéзнове (ibid. VII. 8, Остр. грезнóве, Первоп. грезнѡ́нє), бѣсове (Пс. XCV. 5. Такъ и въ Остр.), сóтовє (Притчи С. XVI. 24. Такъ и въ Остр.), дáрове (Iис. Сир. XX. 29. Такъ и въ Остр. Евр. IX. 9), сȣ́дове (Притчи С. XXIII. 29, Остр. сȣ́ди, Первоп. сȣ́ди, Римл. XI. 33, Остр. и Первоп. также сȣ́дове), пúрове (Притчи XXIII. 30, Остр. такъ же), плóдове (Притчи X. 16, Остр. и Первоп. ед. число), грóмове (Исх. IX. 33. Такъ и въ Остр.), но грóми (ibid. 28, 29, 34), врáнове (3 Цств. XVII. 6. Въ Острожск. такъ же), рóдове (М. I. 17. Въ Остр. также), жúдове (Iоа. I. 19. Въ Остр. такъ же), оȣ́дове (1 Кор. VI. 15. Въ Остр. такъ же) и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, образованіе это имѣетъ мѣсто только у основъ односложныхъ, которыя въ имен. ед. числа совершенно совпадали также съ односложными основами на u-. У основъ двусложныхъ и многосложныхъ окончаніе -овє не имѣетъ мѣста. Изрѣдка встрѣчаются и образованія по типу основъ на i-, которыя могутъ быть также разсматриваемы, какъ имена собирательныя: сáдіе (Числ. XXIV. 6, Острожск. и Первоп. сáди), плéнєліе (М. XIII. 26, Остр. плѣнєліе, Первоп.

плєвєлїє), но плєвєлы (вин. вм. им. М. XIII. 38. Остр. плѣвели, Первоп. плєвєли).

Промежуточнымъ звеномъ должны были служить въ этой ассимиляціи основы на jo-, какъ мужіє и т. д. (см. ниже).

Родительный падежъ также представляетъ нѣсколько образованій: правильное, отвѣчающее старославянской формѣ: сапѡгъ (Мр. I. 7, Остр. сапогъ, Первоп. сапѡгъ), грѣхъ (М. I. 21, Апок. I. 5. Остр. грѣхъ), грѡвъ (М. XXVII. 53. Въ Остр. гробъ), вѡинъ (М. XXVII. 27, Остр. воинъ, Первоп. вѡинъ), сребреникъ (М. XXVII, 9. Остр. сребреникъ. М. XXVI. 15), талантъ (М. XXV. 20. 28, Остр. талантъ), вѣтръ (М. XXIV. 31, Остр. вѣтръ), книжникъ (М. XVI. 21, Остр. книжникъ), ꙗзыкъ (М. IV. 15, Остр. ꙗзыкꙋ), градъ (ibid. 25, Острожск. градъ), плѡдъ (М. VII. 16, Остр. плодъ, плодъ), предѣлъ (М. VIII. 34), пророкъ (М. XXIII. 30) и т. д.; по типу основъ на u-, первично, вѣроятно, у односложныхъ, отъ которыхъ окончаніе -ov (-ωвъ) перешло и къ многосложнымъ: козлѡвъ, овнѡвъ (Ис. XXXIV. 6, Остр. иной текстъ, Быт. XXXII. 14. Остр. козловъ, но овенъ, Первоп. козлѡвъ, овенъ), ослѡвъ (ibid. 15, Остр. иной текстъ), жидѡвъ (I. IX. 22, Остр. жидовъ, Первоп. уже жидѡвъ), тꙋкωвъ (Быт. IV. 4, Остр. также тꙋковъ), рогѡвъ (Апок. V. 6, Остр. роговъ, Первоп. рогѡвъ), свѣтωвъ (Посл. Іак. I. 17, Остр. и Первоп. дат. мн.), сонмовъ (Суд. V. 10, Остр. другой текстъ), свекрωвъ (Тов. X. 12, вм. винит. мн., Остр. другой текстъ), оꙋглωвъ (Тов. XI. 12, Остр. другой текстъ), сварωвъ (Посл. къ Титу III. 9, Остр. свары), львѡвъ (Дан. VI. 22, Остр. 20, львовъ, Апок. IX. 8), градѡвъ (М. XIV. 13, Остр. градовъ, Первоп. градѡвъ, 2 Парал. XV. 8, Остр. гра, Первоп. градъ, Іезек. XVI. 7, Остр. гра, Первоп. градъ), дрꙋгѡвъ (Іис. Сир. VI. 13, Остр. дрꙋ, Первоп. дрꙋгъ, Притчи С. XVIII. 1, Остр. ед. ч. Іерем. XX. 4, Остр. другой текстъ, Л. XIV. 12, Остр. дрꙋгъ, Первоп. дрꙋгъ), врагѡвъ (Іис. Сир. VI. 13, Остр. и Первоп. врагъ, ibid. XLV. 2, Остр. врагъ, Первоп. врагъ), волхвѡвъ (Ис. XLVII. 9, Остр. волхвъ, Первоп. уже волхвѡвъ, Дан. I. 20. Остр. другой текстъ), рабѡвъ (М. XXII.

6, вм. винит. Остр. рабы, Первоп. рабы, Ис. XLIX. 7, Остр. другой текстъ), садѡвъ (Іезек. XXXI. 4, Остр. садовъ, Перв. садѡвъ), холмѡвъ (Ис. IX. 18, Остр. холмъ, Первоп. хѡлмъ), китѡвъ (Іис. Сир. XLIII. 27, Остр. китовє), снопѡвъ (Руѳь II. 15, 16, Остр. уже сноповъ, Первоп. снопѡвъ), сырѡвъ (1 Цств. XVII. 18, Остр. сыръ, Первоп. какъ въ Новой), прагѡвъ (Іезек. XLIII. 8, Остр. и Первоп. прагъ), волкѡвъ (М. X. 16, Остр. влъковъ, Первоп. волкѡвъ), громѡвъ (Апок. X. 3. 4, Остр. громовъ, Первоп. громѡвъ), гробѡвъ (Мр. V. 2, Остр. гровъ, Первоп. грѡвъ), родѡвъ (Іис. Сир. XXXIX. 12, Остр. вин. ед. М. I. 17, Остр. родовъ, Первоп. родѡвъ), дворѡвъ (Іезек. XXXIII. 30, Остр. другой текстъ; Іерем. XXXV. 2, Остр. дворовъ, Первоп. дворѡвъ), хлѣбовъ (Іерем. XLIV. 17, Остр. хлѣвъ, Первоп. хлѣбѡвъ, Мр. VIII. 5. 6, Остр. и Первоп. вин. мн.), гласѡвъ (Апок. VIII. 13. Остр. гласъ, Первоп. гласѡвъ), вѣтрѡвъ (Іезек. XXXVII. 9. Остр. вѣтръ, Первоп. вѣтръ, Посл. Іак. III. 4, Остр. вѣтровъ, Перв. вѣтрѡвъ), снѡвъ (Прем. Сол. IV. 6, Остр. сонїи), лѹкѡвъ (Ис. XXI. 15. 17, Остр. и Первоп. другой текстъ), дарѡвъ (Іис. Сир. VII. 9, Остр. дарѣ, Первоп. дарѡвъ), плодѡвъ (Притчи XVIII. 20, Остр. и Первоп. р. ед. плода и плодà; Посл. Іак. III. 17, Остр. плодовъ, Первоп. плодѡвъ, М. XXI. 34, Остр. дат. мн., Филипп. I. 11, Остр. плодовъ, Первоп. плодѡвъ), скиптрѡвъ (Прем. Сол. VII. 8, Остр. скупєтръ, Первоп. скиптръ), трѹдѡвъ (Прем. Сол. III. 15, Остр. трѹдовъ, Первоп. трѹдѡвъ), столѡвъ (2 Парал. IV. 8, Остр. столовъ, Первоп. столѡвъ), щитѡвъ (2 Парал. IX. 15, Остр. щитовъ, Первоп. щитѡвъ), шипкѡвъ (ibid. III. 16, Остр. и Первоп. шипокъ), зѹбѡвъ (ibid. IX. 17, Остр. зѹбовъ, Первоп. зѹбѡвъ), грѣхѡвъ (М. XXVI. 28. Остр. грѣховъ, Первоп. грѣхѡвъ), богѡвъ (Ис. XIX. 3, 2 Парал. XXV. 14, вм. винит. мн. Остр. боговъ, Первоп. богѡвъ), бѣсѡвъ (Мр. XVI. 9. Остр. бѣсовъ, Первоп. бѣсѡвъ), ликѡвъ (2 Цств. VI. 13, Остр. полкъ) и т. д., и т. д.

Отъ подобныхъ односложныхъ основъ окончаніе -ѡвъ распространилось и на основы двухсложныя и многосложныя. Переходнымъ звеномъ могли служить сложныя основы, второй членъ ко-

торыхъ былъ односложенъ: покро́вшвъ (Ис. LIV. 2, Остр. другой текстъ), и҃схо́дшвъ (Плачъ Іер. II. 19, Остр. и҃схо́, Первоп. и҃схо́дъ), восхо́дшвъ (Іезек. XL. 26. 32. 34, 37, Остр. вьсхо, Первоп. восхо́дъ и восхо́довъ), прєсто́лшвъ (Прем. Сол. VII. 8, Остр. прєсто́лъ, Первоп. пр҃то́лъ), зако́ншвъ (Прем. Сол. IX. 5, Остр. и Первоп. зако́нъ), о҃блако́швъ (ibid. V. 21, Остр. и Перв. другой текстъ), острово́швъ (Іезек. XXVII. 6. 7, Остр. о҃стровъ, Первоп. о҃стровъ, Ис. XI. 11, Остр. и Первоп. другой текстъ), восто́кшвъ (Ис. XI. 11, Остр. вьсто́къ, Первоп. восто́къ, Іезек. XLVIII. 26, Остр. иной текстъ), но восто́къ (Ис. XI. 14, Іезек. XLVIII. 16), поваро́швъ (Іезек. XLVI. 24, Остр. сѣкальчніи), чєловѣ́кшвъ (Осія XIII. 2, вм. винит. Остр. чл҃кы, Первоп. чєловѣки), недѹгшвъ (1 Тимоѳ. V. 23, Остр. недѹгъ, Первоп. недѹгъ), ра́зѹмшвъ (1 Цетв. II. 3, Остр. дат. мн. ра́зѹмомъ, Первоп. какъ въ Новой), по́мыслшвъ (Іезек. XLIV. 10, Остр. и Первоп. по́мыслъ), сосѹдшвъ (Дан. I. 2, Остр. сосѹдъ, Перв. сосѹдъ), о҃трокшвъ (Дан. I. 15, Остр. о҃трокъ, Перв. о҃трокъ) и т. д.

Отъ этихъ уже основъ окончаніе -ov (-швъ) распространилось и на другія двухсложныя основы: кѹмі́ршвъ (Іезек. XXXVI. 25, Остр. кѹми́ръ, Первор. кѹмі́ръ, Ис. XIX. 3, вм. вин. множ. Остр. кѹми́ръ, Первоп. кѹмі́ръ), грѣ́шникшвъ (1 Макк. I. 34, вм. винит. мн. Остр. и Первоп. грѣ́шницы, именит. вм. винит.), во́иншвъ (Апок. IX. 16, Остр. воиникъ, Перв. во́инникъ), цѝтникшвъ (2 Парал. XIV. 8, Остр. цѝтниковъ, Первоп. цѝтникшвъ), ѓдолшвъ (Ос. XIII. 2, Остр. другой текстъ), ѣ҆зы́кшвъ (Ис. XLIX. 8, Остр. и Первоп. другой текстъ), пра́здникшвъ (Малах. II. 3, Остр. пра҃зникъ, Первоп. пра́здникъ), пастѹхо́швъ (Ис. XXXII. 14. Остр. и Первоп. другой текстъ), о҃рга́ншвъ (Амосъ V. 23, Остр. пищ҃а́лїи), а҃ра́вшвъ (2 Парал. XXVI. 7, Остр. и Первоп. дат. мн. съ предл. проти́вѹ—управленіе старославянское; въ новой Библіи уже русское, съ род. п.), вєлблю́дшвъ (Суд. VIII. 21, Остр. и Первоп. дат. мн.), е҃ллиншвъ (Дѣян. VI. 1, Остр. дат. мн.), ви́сєршвъ (Апок. XXI. 21, Остр. двойств. число), є҆vнѹхшвъ (Дан. I. 3, 7, 8, 9, Остр. и Перв. 3, ка́женикъ, 7, 8, 9 прилаг. ка́женнчь) и т. д. Основы многосложныя: хѹдо́жникшвъ (Осія XIII. 2, Остр. и

Перв. друг. текстъ), ѝсполи́нѡвъ (Быт. XIV. 5, вм. вин. мн. Остр. и Первоп. гига́нты), свѣти́лникѡвъ (Апок. I. 13, Остр. и Первоп. свѣти́лникъ), но свѣти́ликъ (ibid. I. 12. Въ Остр. и Первоп. такъ же), похотникѡ́въ (Ос. II. 5, Остр. хо́тїи), слѫже́бникѡвъ (2 Парал. IX. 4, Остр. и Первоп. дат. мн.), свѧще́нникѡвъ (ibid. XIII. 9, Остр. сщ҃е́нниковъ, Первоп. сщ҃е́нникѡвъ, Дѣян. VI. 7, Остр. и Первоп. сщ҃е́нникъ), сосѣдникѡвъ (Филипп. I. 7. Остр. другой текстъ), ѝноплеме́нникѡвъ (2 Парал. XXVI. 6, съ предлогомъ проти́вѫ, Остр. и Первоп. съ дат. мн., Амосъ I. 8, Остр. ѝноплеме́нникъ, Первоп. ѝноплеме́нникъ), чрєвоволше́бникѡвъ (Ис. XLIV. 25, Остр. и Первоп. другой текстъ), нача́тковъ (Іезек. XLVIII. 18)

Рядомъ съ этими формами имѣются и правильныя: златни́къ (2 Парал. IX. 15), кѡнникъ (ibid. 25) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что распространеніе окончанія -ѡвъ въ языкѣ печатныхъ книгъ есть явленіе новѣйшаго времени и вызвано, очевидно, вліяніемъ русскаго языка, въ которомъ окончаніе -оѣ (-ov) получило очень широкое распространеніе. Въ Острожской библіи, вмѣсто многихъ изъ приведенныхъ случаевъ окончанія -ѡвъ новой библіи, имѣется еще старинный родительный падежъ отъ основъ на о-; особенно послѣдовательно сохраняется эта старинная форма у основъ двухсложныхъ и многосложныхъ. Въ Первопечатной библіи случаевъ съ -ѡвъ больше, чѣмъ въ Острожской, но всетаки меньше, чѣмъ въ Новой. Относительно мѣста ударенія необходимо замѣтить, что свойственное русскому языку передвиженіе ударенія на самое окончаніе также рѣже въ Острожской библіи (см. выше: ко́зловъ, жи́довъ, влъ́ковъ, гро́мовъ, дво́ровъ, да́ровъ, щи́товъ, зѫ́бовъ), тогда какъ оно наблюдается уже въ Первопечатной въ большихъ размѣрахъ. Быть можетъ, въ этой разницѣ сказалось и вліяніе мѣстныхъ діалектическихъ особенностей—западнорусскихъ и великорусскихъ.

Р. мн. би́сєрєй (М. XIII. 45, вм. винит.; Остр. и Первоп. би́сєры) является очень рѣдкимъ, если не единственнымъ образчикомъ образованія по типу основъ на і-.

Дательный множественнаго представляетъ три образованія: исконное, свойственное первичнымъ основамъ на о-: завѣтѡмъ

(3 Ездры V. 29, Остр. р. мн. завѣтъ, Первоп. завѣтъ), чл҃вѣ-кѡмъ (Матѳ. VI. 14, Остр. чл҃кѡ, Первоп. чл҃кѡмъ), должникѡ́мъ (ibid. 12, Остр. должникомъ, Первоп. какъ въ новой б.), ро-дѡ́мъ (Іис. Сир. XLIV. 15, Остр. ро́домъ, Первоп. родѡ́мъ), врагѡ́мъ (ibid. XLVI. 2, Остр. и Первоп. винит. мн.), богѡ́мъ (Іерем. I. 16, Остр. богомъ, Первоп. богѡ́мъ, ibid. XI. 12, Остр. и Первоп. ни́мъ), ѻ҃трокѡ́мъ (1 Цств. XXI. 14, Остр. ѻ҃трокомъ, Первоп. ѻ҃трокѡ́мъ), градѡ́мъ (2 Цств. XII. 31, Остр. гра́домъ, Первоп. градѡ́мъ), зѵбѡ́мъ (M. VIII. 12, Остр. зѵбомъ, Первоп. зѵбѡ҃, M. XIII. 50, Остр. зѵбо́мъ), M. Смотрицкій: клєвре́-тѡмъ (л. 105 на об.), ѣрмо́мъ (л. 106 на об.), во́инѡмъ (л. 107), ѭро́-дѡмъ (ibid. на об.), дрѣгѡ́мъ (л. 109 на об.), грѣхѡ́мъ (л. 110 на обор.). Относительно ударенія этихъ формъ необходимо замѣтить, mutatis mutandis, то же, что было сказано выше о формахъ родит. мн. на -ѡвъ. Въ Острожской библіи удареніе на окончаніи (если оно вообще обозначается) встрѣчается весьма рѣдко, тогда какъ въ Первопечатной и Новой оно уже, какъ въ русскомъ, передвинуто у извѣстныхъ основъ на окончаніе.

Рядомъ встрѣчаются изрѣдка формы, образованныя по типу основъ на ā-: спобо́рникамъ (1 Макк. VIII. 24. Въ Остр. и Перв. иной текстъ), но рядомъ ри́млѧнѡмъ (тамъ же), ѻ҃ста́нкамъ (Зах. VIII. 12. Въ Остр. и Первоп. дат. ед.), ѩсхо́дамъ (Іезек. XLIV. 5, Остр. пѵтємъ), оу҃гламъ (Іезек. XLVI. 21, Остр. вин. мн. наоу́глы), полка́мъ (2 Макк. V. 2. XII. 20, Остр. другой текстъ), оу҃дамъ (2 Макк. VII. 7, Остр. оу́да҃) и т. д.

Какъ видно изъ примѣровъ, образованія эти, вызванныя вліяніемъ русскаго языка, встрѣчаются только въ новой б. и весьма рѣдко; въ Острожской же и даже Первопечатной ихъ еще нѣтъ.

Третье образованіе дат. мн. вызвано вліяніемъ основъ на u-; въ основѣ его лежитъ сильная форма основы, имѣющаяся въ дат. ед., имен. и родит. множ. съ сочетаніемъ -ов-, собственно падежное окончаніе есть общее -от (-ѡмъ), гдѣ -о- представляетъ собой послѣдній гласный основы на o-, отошедшій путемъ морфологической абсорпціи къ окончанію. Образованіе это имѣетъ мѣсто только у основъ односложныхъ: градовѡмъ (Ис. I. 26, Остр. градовомъ,

Первоп. градовшмъ, М. XI. 20, Остр. градовомъ, Л. IV. 43, Остр. градомомъ), лисовшмъ (Пс. LXII. 11, Остр. лисовомъ. Первоп. лисшвѣ), бѣсовимъ (Пс. CV. 37, Остр. бѣсовѣ, Первоп. бѣсовшмъ). Въ Острожской библіи встрѣчается форма разѵмовомъ. (1 Цств. II. 3, Первоп. разѵмшвъ р. множ.), образованная отъ двухсложной основы, состоящей изъ двухъ односложныхъ.

Винительный множественнаго сохранился лучше винительнаго единственнаго.

Синтактическая замѣна винительнаго родительнымъ имѣетъ мѣсто преимущественно въ единственномъ числѣ. Въ то время, какъ въ единственномъ числѣ эта замѣна у извѣстныхъ именъ существительныхъ проведена безъ исключенія, послѣдовательно, во множественномъ числѣ самые случаи замѣны являются спорадически, въ видѣ исключеній: ѣмше рабшвъ (М. XXI. 35, Остр. рабы, Первоп. рабы, ibid. XXII. 6, Остр. рабы, Первоп. рабы), но посла рабы (М. XXI. 36), хотя посла сна (ib. 37, Остр. такъ же), имыи воины (М. VIII. 9), народы (М. V. 1), изгнаша пр҃роки (М. V. 12), собравъ первосщенниви и книжники (М. II. 4) и т. д. Случаи замѣны винительнаго родительнымъ приведены также выше, при перечисленіи формъ родит. мн. на -швъ: свекршвъ (Тов. X. 12, Остр. другой текстъ), человѣкшвъ (Ос. XIII. 2, Остр. винит. чл҃ы), кѵміршвъ (Ис. XIX. 3, Остр. кѵмірѣ), грѣшникшвъ (1 Макк. I. 34, Остр. именит. вм. винит. грѣшницы), исполиншвъ (Быт. XIV. 5, Остр. гиганты), но тутъ же языки, покры всадники (Исх. XIV. 28), истрясѣ Єгѵптяны (ib. 27), но видѣша Єгѵптянъ (ib. 30, Остр. видѣша... єгѵптяны) и т. д. Употребленіе родительнаго множ. вмѣсто винительнаго есть также явленіе новѣйшаго времени, которое въ Остр. библіи почти не встрѣчается.

Уклоненіе отъ старославянскаго представляютъ также основы съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ, послѣ котораго въ старославянскомъ имѣется -ы, а въ церковнославянскомъ, какъ въ русскомъ -и: грѣхи (М. IX. 6. Такъ и въ Остр.), мѣхи (ib. 17, Остр. еще мѣхы, Первоп. уже мѣхи), браки (М. XXII. 2, Остр. бракы, Первоп. браки), всадники (Исх. XIV. 28, Остр. всадникы, но выше ст. 26, всадники, Первоп. всадники) и т. д.

Такимъ образомъ въ правописаніи Острожской библіи еще по традиціи держалось ы послѣ заднеязычныхъ, хотя фонетическаго значенія этотъ фактъ не можетъ имѣть въ виду многихъ случаевъ, въ которыхъ имѣется -и, сдѣлавшееся въ Первопечатной б. уже общимъ. Смѣшеніемъ съ подобными формами вин. множественнаго, которыя имѣли -и послѣ заднеязычныхъ согласныхъ, надо, по всей вѣроятности, объяснять немногочисленные случаи вин. мн. съ -и отъ основъ съ другими послѣдними согласными основы: поста́ви... хо́лми (Ис. XL. 12. Такъ уже въ Остр., XLII. 15, ѡ҆пꙋстошꙋ... хо́лми, Остр. такъ же), и҆мѣѧхꙋ ѻ҆́шибы подо́бни (Апок. IX. 10, Остр. о́шиби подобни), Первоп. также ѻ҆́шиби подо́бни. Стсл. **ошибь** ж. р. въ Новой б. уже чувствуется какъ ѻ҆́шибъ м. р. сравн. предл. мн. ѻ҆́шибахъ ibidem). Кромѣ этого смѣшенія несомнѣнно должно было имѣть значеніе и уже установившееся въ довольно многочисленныхъ случаяхъ тождество именительнаго и винительнаго множественнаго числа, которое являлось слѣдствіемъ перенесенія формы винит. множеств. въ именит. того же числа.

Творительный множественнаго представляетъ нѣсколько образованій. Исконныя формы первичныхъ основъ на о- сохранились въ преобладающемъ количествѣ случаевъ. Уклоненіе отъ старославянской нормы представляютъ только основы съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ, у которыхъ имѣется, согласно общерусскому фонетическому закону, -и вм. стсл. -ы: со А҆́гглы (М. XVI. 27), ро́ды (Ис. XXIV. 22), гла́сы (Іис. Сир. L. 20) и т. д. послѣ заднеязычныхъ: чл҃ки (М. V. 13), ѡ҆бро́ки (Л. III. 14). ꙗ҆зы́ки (М. XXIV. 9), слꙋ́хи (Евр. V. 11) и т. д. Рядомъ имѣются образованія по типу основъ на u-, которыя первично имѣлись у основъ односложныхъ и отъ нихъ распространились и на остальныя: грѣхмѝ (Ис. L. 1, Остр. грѣхи, Первоп. грѣхѝ), дармѝ (Притчи С. VI. 35, Остр. дарми, Первоп. да́рми), би́сєрми (1 Тимоѳ. II. 9, Остр. и Первоп. твор. ед.), кꙋмі́рми (Іезек. XXXVI. 17, 18, Остр. кꙋми́рми, Первоп. кꙋмі́рми), сапогмѝ (Дан. III. 21, Первоп. насте́гнѝвами).

Эти немногочисленныя образованія свойственны болѣе тексту Новой библіи, а въ Острожской и Первопечатной встрѣчаются еще рѣже.

Болѣе многочисленны образованія по типу основъ на ā-, которыя также, повидимому, болѣе часты у основъ односложныхъ: щита́ми (Іерем. XLVI. 9, Остр. и Перв. другой текстъ; Неем. IV. 16, Остр. и Перв. другой текстъ), бога́ми (Посл. Іерем. 44), лѹ́ками (Неем. IV. 13, Остр. и Перв. лѹ́ки), серпа́ми (Ис. XVIII. 5, Остр. и Первоп. твор. ед.), ша́рами (Іезек. XXIII. 14, Остр. твор. ед. ша́ромъ), полка́ми (Юд. XIV. 11, Остр. и Перв. друг. текстъ), цвѣта́ми (3 Макк. VII. 14, Остр. род. мн. Юд. XV. 12, Остр. и Первоп. другой текстъ), бѣса́ми (Вар. IV. 35, Остр. и Первоп. бѣсы), плота́ми (2 Парал. II. 16, Остр. тїи плоты, Первоп. ти плоты—вин. множ.), грѣха́ми (Ис. XIV. 21, Остр. и Первоп. грѣхѝ), хлѣбами (Лев. XXIII. 18, 19, 20, Остр. и Первоп. хлѣбы, 2 Царствъ III. 29, Остр. р. ед. Первоп. р. мн.), врага́ми (Юд. VIII. 19, Остр. и Первоп. другой текстъ), рога́ми (Іезек. XXXII. 2, Остр. ро́ги, Первоп. ρѡ́ги, ibid. XXXIV. 21, Остр. ро́ги, Первоп. ρѡ́ги), ро́дами (2 Парал. XVI. 14, Остр. ро́ды, Первоп. ρѡ́ды), дрѹга́ми (1 Макк. VIII. 20, Остр. и Первоп. винит. мн.), посла́ми (Ис. XXXVII. 24. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), оу҃гла́ми (2 Парал. XXVI. 9, Остр. и Первоп. другой текстъ), скота́ми (Быт. I. 26, Остр. ско́ты, Первоп. скоты), но тутъ же рядомъ га́ды, замка́ми (Посл. Іер. 17) бока́ми (3 Цств. VI. 15, Остр. другой текстъ), вєрха́ми (Юд. VII. 10, Остр. другой текстъ), зѹба́ми (Іов. XIII. 14, Остр. зѹбы, Первоп. зѹбы), млата́ми (Іерем. X. 4, Остр. молоты, Первоп. молѡты), моста́ми (2 Макк. XII. 13, Остр. друг. текстъ), полка́ми (тамъ же XII. 20, Остр. друг. текстъ), посла́ми (тамъ же XIII. 12, Остр. ед. ч. постомъ), слона́ми (тамъ же XIV. 12, Остр. друг. текстъ) и т. д., у двухсложныхъ и многосложныхъ—зако́нами (Эсѳ. III. 13, Остр. д. ед.), завора́ми (Посл. Іер. 17; 1 Макк. IX. 50, Остр. и Первоп. вин. мн.), сосѹдами (Іис. Сир. XLV. 9, Остр. и Первоп. сосѹды), прєсто́лами (Прем. Сол. VI. 21, Остр. пр҃толы, Первоп. прєстѡ́лы), восхо́дами (Іезек. XL. 22, Остр. р. мн. сєдмі҃ю...), всадниками (Юд. II. 5, Остр. и Первоп. другой текстъ), блѹдника́ми (Ос. IV. 14, Остр. другой текстъ), похотника́ми. (ibid. II. 10, Остр. хо́тьми), а҃рѡма́тами (2 Парал.

XVI. 14, Остр. а҃рама́ты, Первоп. а҃рѡма́ты), спобо́рниками (1 Макк. VIII. 20, Остр. спобо́рницы им. мн. вм. винит.), скорпїо́нами (3 Цств. XII. 11, Остр. друг. текстъ), є҃ллинами (2 Макк. IV. 36, Остр. друг. текстъ) и т. д.

У М. Смотрицкаго находимъ вездѣ двѣ формы для твор. множ., одну по типу основъ на ā-, другую исконную: клєвре́тами, клєвре́ты (л. 105 на об.), а҃рма́ми, а҃рмы (л. 106 на об.), во́инами, во́ины (л. 107), ю҃ро́дами, ю҃ро́ды (ibid. на об.), дрꙋга́ми, дро́уги (л. 109 на об.), пр҃ро́ками, проро́ки (л. 110) и т. д.

Такимъ образомъ, окончаніе -ами, заимствованное отъ основъ на ā-, должно быть отнесено на счетъ вліянія русскаго языка и распространилось сравнительно въ новѣйшее время. Въ языкѣ Остр. и Первоп. библій это окончаніе весьма рѣдко.

Предложный множественнаго также представляетъ нѣсколько образованій.

Преобладаютъ формы исконныя: трꙋдѣ́хъ (1 Парал. X. 3, Остр. другой текстъ: въ скорбѣ), градѣ́хъ (Іерем. XXXII. 44, Остр. градѣ҆ и градѣ́҆, Первоп. градѣ́хъ, Захар. VIII, 20, 21, Остр. гра́дѣхъ, Первоп. градѣ́хъ, Іезек. XXXIX. 9, Остр. градѣ́хъ, Первоп. градѣ́хъ), розѣ́хъ (Дан. VII. 20, Остр. ро́зѣхъ, Первоп. рѡ́зѣхъ), о҃блацѣ́хъ (М. XXVI. 64, М. XXIV. 30, Остр. о҃блацѣхъ), во гробѣ́хъ (Мр. V. 3, Остр. въ гробѣ́хъ, Первоп. гро́бѣхъ), помсѣ́хъ (М. X. 9, Остр. безъ ударенія, Первоп. по́мсѣхъ), дꙋсѣ́хъ (М. X. 1, Остр. дꙋсѣ́҆, Первоп. дꙋ́сѣхъ), хо́лмѣхъ (Ос. V. 8, Остр. холмѣ́҆, Первоп. холмѣ́҆) и холмѣ́хъ (ibid. IV. 13, Остр. и Первоп. другой текстъ), вєльблю́дѣхъ (Ис. XXX. 6, Остр. вєльблюдєхъ, Перв. вєлблꙋ́дѣхъ) и т. д.

Рядомъ довольно часто встрѣчаются формы съ окончаніемъ -ах (цсл. -аχъ), заимствованныхъ отъ основъ на ā-: вѣса́хъ (Іерем. XXXII. 10, Остр. другой текстъ: прєвѣснѫхъ), кро́вахъ (ibid. 29, Остр. хра́минахъ), лꙋ́кахъ (1 Парал. X. 3, Остр. другой текстъ), о҃сла́хъ (Ис. XXX. 6, Суд. XII. 14, Остр. др. текстъ), пра́гахъ (Иех. XII. 7. Въ Остр. и Первоп. такъ же), вѣсахъ (Лев. XIX. 35, Остр. прєвѣсѣ, Первоп. прєвѣсѣхъ), въ цвѣта́хъ (3 Ездры IX. 26, Остр. оу҃цвѣтъ), рога́хъ (Исх. XXIX. 12, Остр.

другой текстъ), рва́хъ (1 Цств. XIII. 6, Остр. др. текстъ), цита́хъ (1 Парал. XII. 34, Остр. другой текстъ, но во́инахъ въ этой же главѣ), слѣда́хъ (Іов. XXXVIII. 16, Остр. друг. текстъ), горшка́хъ (Числ. XI. 8. Такъ и въ Остр. и Первоп.), же́рновахъ (Числ. XI. 8, Остр. же́рновнѣ, Первоп. же́рновахъ, М. XXIV, 41, Остр. же́новѣ, Первоп, же́рновахъ), затво́рахъ (3 Ездры IV. 35, Остр. другой текстъ), предѣлахъ (1 Парал. VI. 54, Остр. и Первоп. предѣлехъ), вса́дникахъ (1 Макк. I, 17, Остр. им. мн.), ѻбра́дахъ (3 Макк. II. 22, Остр. друг. текстъ), пра́здникахъ (Іезек. XXXVI. 38, Остр. вин. ед.), верте́пахъ (Ис. VII. 19, Остр. друг. текстъ), и҃споли́нахъ (Прем. I. Сир. XVI. 8, Остр. друг. текстъ), вса́дникахъ (1 Макк. I, 17, Остр. вса́дники), ѻбра́дахъ (3 Макк. II, 22, Остр. друг. текстъ) и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, формы на -ахъ встрѣчаются главнымъ образомъ въ новѣйшемъ, исправленномъ и частью вновь переведенномъ текстѣ Библіи; въ Острожской и Первопечатной онѣ гораздо рѣже.

Изрѣдка встрѣчаются и формы исконнаго предложнаго падежа мн. ч., уподобленныя въ своемъ написаніи формамъ того же падежа основъ на і-, у которыхъ стсл. -ьхъ должно было дать -єхъ. Разница здѣсь только на бумагѣ, такъ какъ є и ѣ въ русскомъ, а слѣдовательно и церковнославянскомъ, уже не различались другъ отъ друга въ произношеніи XVI-го вѣка. Въ Новой Библіи такихъ написаній очень немного; примѣромъ можетъ служить предѣлєхъ (Второзак. XXVIII. 40, Остр. предѣлєхъ, Первоп. предѣлѣхъ, ср. также 1 Парал. VI. 54; цвѣтєхъ, Остр. Пѣснь II. IV. 5) и т. д.

У М. Смотрицкаго находимъ также написанія: клєвре́тєхъ (л. 105 на об.), ю҃ро́дєхъ (л. 107 на об.), дроу́зѣ (л. 109 на об.), проро́цєхъ (л. 110), рядомъ съ правильными на -ѣхъ; основы а҃ре́мъ (л. 106), во́инъ (л. 107), грѣхъ (л. 110), имѣютъ у него только правильныя написанія. Въ Остр. и Первоп. Б. такія написанія нерѣдки.

Относительно ударенія необходимо замѣтить, что древнѣйшее его мѣсто у основъ односложныхъ на первомъ слогѣ, т. е. на томъ слогѣ, на которомъ оно было въ именит. ед.; въ Остр. Б. гра́-

дѣхъ, ро́зѣхъ, Первоп. грѹ́бѣхъ, дѹ́сѣхъ; — въ Новой: градѣхъ, розѣхъ, гробѣхъ, дѹ́сѣхъ. Это перенесеніе ударенія очевидно вызвано вліяніемъ русскихъ формъ: *городáхъ*, *рогáхъ*, *гробáхъ* и т. д.

Основы средняго рода на о- въ общемъ представляютъ тѣ же особенности и новообразованія, что и основы муж. рода. Единственное число ихъ не уклоняется отъ старослав. склоненія, за исключеніемъ творит. п., имѣющаго суффиксомъ -т (цсл. -мъ), вмѣсто ожидаемаго -т' (-мь=стсл. мь).

Такимъ образомъ склоненіе церковнославянскихъ основъ на о- въ единственномъ числѣ совершенно тожественно съ русскимъ склоненіемъ тѣхъ же основъ.

Им. млекѡ́ (Пѣснь Пѣсн. IV. 11, Остр. мле́ко, Первоп. млекѡ́), чре́во (ibid. V. 14), винѡ́ (Іис. Сир. XXXI. 29. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Родит. зла́та (ibid. I. 10), сребра́ (ibid. I. 10. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Дат.: зе́рнѹ (Л. XIII. 19, Остр. зернѹ).

Винит.: зла́то, сребрѡ́ (Іис. Сир. XLVII. 21); зват.: ча́до (ibid. XXXVIII. 9, 16).

Творительный: вино́мъ (I. Сир. XXXI. 32. Такъ и въ Остр.), млеко́мъ (Пѣснь II. V. 1, Остр. мле́комъ, Первоп. млеко́мъ), и т. д. Своеобразная замѣна творит. ед. формой твор. двойств. имѣется въ стома́ а҃гнцы (Быт. XXXIII. 19, Остр. стомъ, Первоп. сто́мъ), вызванномъ двѣма́ сто́ма (Мр. VI. 37, Остр. двѣма стома, Іоа. VI. 7, Остр. сто́ма) и т. п.

Предложный: чре́вѣ (I. Сир. XL. 32), винѣ (ibid. XXXI. 29), млецѣ (Пѣснь II. V. 12, Остр. мле́цѣ, Первоп. млецѣ) и т. д.

Двойственное число уклоняется въ им. вин. зв. отъ старославянской нормы.

Вмѣсто ожидаемаго -ѣ (стсл. лѣтѣ и т. д.), мы встрѣчаемъ здѣсь -а, какъ у основъ м. р. на о-, вліяніемъ которыхъ эта форма и объясняется. Сверхъ этого такой им. вин. зв. дв. числа на -а совпадаетъ совершенно съ им. вин. зв. мн. числа, что, конечно, еще болѣе способствовало утратѣ церковнославянскихъ формъ дв. числа: два́ лѣта (Дѣян. XXVIII. 30, Остр. двѣ лѣтѣ, Первоп.

двѣ лѣтѣ, 4 Цств. XV. 23, Остр. род. мн. лѣтъ ѣ), два крила Исходъ XXXVI. Остр. и Первоп. ѳбѣ ра́мѣ; ср. Остр. б. Іезек. I. 7, лєгцѣ кры́лѣ, Первоп. лє́гцѣ кры́лѣ. Нов. лє́гка кри́ла), два сто́ла (Исх. XXVI. 19, 21, 25, Остр. дв҃ѣ сто́лѣ, Первоп. двѣ сто́лѣ), колѣна (Дан. V. 6, Остр. колѣни, Первоп. колѣна) и т. д. Старинная форма сохранилась въ написаніи числительнаго двѣстѣ (Быт. V. 3, 1 Цств. XV. 4), но двѣсти (Числ. II. 21, 1 Цств. XVIII. 27, XXX. 10, Остр. вездѣ выражено цифрами, Перв. Числ. II. 21, двѣстѣ, но 1 Цств. XXX. 10, двѣсти, въ остальныхъ случаяхъ цифрами), гдѣ сказалось вліяніе русскаго произношенія неударенныхъ гласныхъ; также у основы крило̀: крилѣ (Пс. LXVII. 14, LIV. 7, Остр. такъ же, 2 Парал. III. 11, Остр. и Первоп. кри́лѣ, 13, Остр. кры́лѣ, Первоп. крылѣ, Л. XIII. 34, Остр. крилѣ, Первоп. крилѣ, Іезек. XVI. 8, Остр. кры́лѣ, Первоп. крылѣ, Дан. VII. 4, Остр. кры́лѣ, Перв. крылѣ, но тутъ же кри́ла).

Родительный и предложный не уклоняются отъ старославянскаго: крилѹ̀ (предл. 2 Цств. XXII. 11, Остр. кры́лѹ, Перв. крылѹ, Пс. XVII. 11, Остр. крилѹ, Первоп. крилѹ, Пс. CIII. 3, Остр. крилѹ, Первоп. крилѹ, род. Пс. XVI. 8, Остр. крилѹ, Первоп. крилѹ, Пс. LXII, 8, Остр. крилѹ, Первоп. крилѹ), лѣтѹ (род. М. II. 16, Остр. лѣтѹ); случаи замѣны формъ двойственнаго числа формами множественнаго, разумѣется, часты: двѹ̀ со́тъ (Числ. III. 46. Такъ уже въ Острожской б.), лѣтъ ѣ (Остр. б. 4 Цств. XV. 23, Новая б. лѣта два), двоюна́десѧтє лѣтъ (Л. II. 42, Остр. и Первоп. еще лѣтѹ) и т. д.

Дательный и творительный, рядомъ съ исконными формами колѣнома (Посл. Іак. I. 1, М. XIX. 28), цр҃твома (1 Макк. I. 16, Остр. такъ же), крило́ма (Руѳь. II. 12, Остр. такъ же, Іезек. XXIX. 4, Остр. и Первоп. р. дв. кры́лѹ), представляютъ и замѣну формами множественнаго числа: кри́лами (3 Ездры XI. 5, Остр. друг. текстъ, Іезек. I. 8: подкри́лами, Остр. по҃кры́лѹ) и т. д. У М. Смотрицкаго обычная дифференціація: дре́вома для дат. и ре́вамы для твор. (л. 108). (Смотрицкій склоняетъ дре́во по типу основъ на o- безъ всякихъ слѣдовъ первичныхъ основъ на es-).

У Зизанія И. В. З. оу̂ста̀, оу̂стна̀, р. п. оу̂стнꙋ̀, дат. оу̂ста́ма (л. 40).

Множественное число, рядомъ съ исконными, въ общемъ хорошо сохранившимися формами, представляетъ нѣкоторыя новообразованія, обязанныя своимъ возникновеніемъ морфологической ассимиляціи.

Именит., винит. и зват. не представляетъ уклоненій отъ старославянской нормы: врата̀ (Іезек. XLVIII. 31—34, Остр. вра́та, Первоп. врата̀), стада̀ (Быт. XXIX. 2, 3, Остр. ста́да, Первоп. стада̀, Ис. XXV, 11, 10, Остр. др. текстъ), чада (М. III. 9), дрова̀ (Лев. I. 7, 8, Остр. такъ же), дѣла̀ (3 Цств. V. 16, Остр. вин. ед.) и т. д.

Удареніе Новой библіи, вызванное у нѣкоторыхъ основъ вліяніемъ русскаго языка, отличается отъ ударенія Острожской, какъ это мы уже не разъ видѣли.

Родительный множественнаго или правильно: ча̂дъ (М. XXII. 24, Быт. XLIX. 3), вра́тъ (Іезек. XL. 3, 14, 15 и т. д.) и т. д., или по типу основъ на u-: ча́да, ча́дѡвъ (Требникъ, вѣнчальный обрядъ), ꙗ҆́блокѡвъ (3 Цств. VII. 42, Остр. VI гл. другой текстъ: ши́пковъ), но ꙗ҆́блѡкъ (ibid. 18), мѵ́рѡвъ (2 Парал. XVI. 14. Остр. род. е.), забра́лѡвъ (Пл. Іерем. II. 7, Остр. вин. мн.).

Послѣднія формы новѣйшаго происхожденія и очень рѣдки. Въ Остр. и Первопеч. онѣ отсутствуютъ. Такъ же рѣдки формы съ развитіемъ вторичнаго гласнаго, какъ въ русскомъ: о҆́конъ (3 Цств. VII. 4, Остр. о҆ко̑, Первоп. о҆́кѡнъ).

Дательный множественнаго представляетъ двѣ формы: исконную, какъ дѣлѡ́мъ (Іерем. I. 16, Остр. дѣ́ломъ, Первоп. дѣлѡ́мъ), ча́дѡмъ (2 Кор. VI. 13), вратѡ́мъ (3 Цств. VI. 33, Остр. вра́томъ, Первоп. вратѡ́мъ) и т. д. или образованную по типу основъ на ā-: кри́ламъ (Ис. XVIII. 1, Остр. друг. текстъ: кры́ла), ре́брамъ (Ис. XI. 5, Остр. др. текстъ: ре́бра), се́ламъ (1 Парал. VI. 54, Остр. другой текстъ), по забра́ламъ (Іерем. XLIX. 3, Остр. по забра́лахъ), носи́ламъ (Исх. XXXVIII, Остр. такъ же), мѣста́мъ (3 Ездры XVI. 71, Остр. дат. е.), лꙋка́вствамъ (1 Макк. XIII. 46, Остр. лꙋка́въствомъ, Первоп. -ѡмъ), дѣла́мъ (2 Макк. XI, 1,

Остр. друг. текстъ), ца́рствамъ (3 Ездры XII. 13, Остр. ц҃рство҃, Первоп. ц҃рствомъ) и т. д. Послѣднія формы, какъ это видно изъ примѣровъ, внесены въ исправленный текстъ, и въ Острожской библіи еще рѣдки.

Творительный мн. представляетъ нѣсколько образованій. Встрѣчаются исконныя формы: ча́ды (Галат. IV. 25), дѣлы (2 Петр. II. 8), сты (1 Цств. XXX. 10, Остр., такъ же) и т. д. Рядомъ съ ними изрѣдка формы по типу основъ ср. р. на es-: дѣлесы (Іерем. XXXII. 19, Остр. дѣлесы, Перв. дѣлєсы; 4. Цств. XXII. 17, Остр. дѣлесы). Въ Новой библіи довольно часты образованія по типу основъ на ā-, которыя произошли, быть можетъ, и не безъ вліянія имен. множ. на -а: о҃кнами (Іерем. XXII. 14, Остр. вин. мн.), ре́брами (Іезек. XXXIV. 21, Остр. ребры, Первоп. ре́бры), копы́тами (Іезек. XXVI. 11, Остр. слѣдо҃), врата́ми (2 Парал. VIII. 5, Остр. вин. мн. вра́та), кри́лами (3 Ездры XI. 5, Остр. др. текстъ), дѣла́ми (3 Цств. V. 16, Остр. тв. ед. 3 Ездры, IX. 7, Остр. по дѣломъ, 2. Парал. II. 18, Остр. д. мн. дѣломъ), оу҃ста́ми (Второз. XXIII, 23, Остр. и Первоп. оу҃стна́ми), ста́ми (2 Цств. XVIII. 4, Остр. и Первоп., стори́цами), носи́лами (2 Пар. V. 8. Такъ же въ Остр. и Первоп.) мѣста́ми (1 Макк. XV. 29, Остр. мѣста вин. мн.), дѣла́ми (2 Макк. III. 7, Остр. бога҃ствы), бѣдствами (тамъ же, VI. 16, Остр. друг. текстъ), стада́ми (тамъ же, XIV. 14, Остр. друг. текстъ) и т. д. Послѣднія формы, вызванныя вліяніемъ русскаго языка, языку Остр. и Первоп. библій почти совсѣмъ чужды и встрѣчаются главнымъ образомъ въ исправленной библіи.

Предложный множ. представляетъ такія же образованія, какъ соотвѣтствующій падежъ бывшихъ основъ м. р. на о-. Рядомъ съ исконными формами, какъ чресле́хъ (М. III. 4, Остр. чресле́хъ, Первоп. чреслѣхъ), но чре́сле́хъ (Іер. XIII. I, Остр. чре́сле́хъ, Первоп. такъ же), оу҃стѣхъ (М. XVIII. 16, Остр. оу҃стѣ҃, Первоп. -ѣхъ), челѣхъ (Апок. XIV. 1, Остр. челохъ, Первоп. чела́хъ), ча́дѣхъ (М. XXVII. 25, Остр. и Первоп. ча́дѣхъ), мѣстѣхъ (Іер. VIII. 3, Острожск. мѣстєхъ, Первоп. мѣстѣхъ), вратѣхъ (2 Цств. XVIII. 4, Острожск. прєвра́ты,

Первоп. прє́вра́ты), крилѣ́хъ (Мал. IV. 2, Остр. др. текстъ) стѣ́хъ (3. Ездры. VII. 28, Остр. цифры) и т. д., встрѣчаются довольно часто формы, образованныя по типу основъ на ā-: чєла́хъ (Апок. VIII. 16, Остр. чєлохъ, Первоп. чела́хъ), се́лахъ (Іерем. XIII. 27, Остр. сєла̄, Первоп. се́лахъ), сте́гнахъ (Лев. III. 10, Остр. стєгна̄, Первоп. сте́гна̄), мѣста́хъ (Тов. V. 5, Остр. и Первоп. другой текстъ), нѣ́драхъ (Ездры XV. 55. Остр. вн҃дра́хъ (sic!), Первоп. в҃нѣ́драхъ), ца́рствахъ (Второз, XXVIII. 25, Остр. ц҃рствѣ̄, Первоп. ц҃рствахъ; 3 Цств. IV. 21, Остр. и Первоп. другой текстъ), дрова́хъ (Лев. IV. 12, Остр. тв. мн. дро́вы), бра́шнахъ (Евр. IX. 10, Остр. и Первоп. на бра́шна), пі҃а́нствахъ (Юд. XIII. 15, Остр. и Первоп. другой текстъ: пі҃а́нъ), колѣ́нахъ (2 Цств. XIX. 9, Остр. колѣна̄, Первоп. колѣнахъ; Быт. XXX. 3, Остр. и Первоп. на лоно̀; Второз. XXVIII. 35, Остр. колѣноχъ, Первоп. колѣнахъ), кади́лахъ (1 Цств. III. 14, Остр. и Первоп. такъ же), ѣ̂зе́рахъ (Лев. XI. 9, 10, Остр. е́зерехъ, Первоп. ѣ̂зе́рахъ), мѣ́рилахъ (Дан. V. 27, Остр. и Первоп. мѣ́рахъ), оу҃бі́йствахъ (Іезек. XLIII. 7, Остр. и Первоп. другой текстъ). Относительно ударенія въ склоненіи основъ ср. р. на о- можно замѣтить въ общихъ чертахъ то же, что было уже указано при разсмотрѣніи основъ м. р. Первопечатная и Новая б. представляютъ почти такое же ударе́ніе, какое мы находимъ въ современномъ русскомъ: мл҃ко̀ (молоко́), мл҃ко́мъ (молоко́мъ), мл҃цѣ̀ (молоке́), стада̀ (стада̀), дѣли́мъ (дѣла́мъ), врата́ми (воро́тами), мѣста́хъ и т. д. Острожская же имѣетъ ударе́ніе на второмъ съ конца слогѣ: мл҃е́ко, мл҃е́комъ, мл҃е́цѣ, ста́да, дѣ́ломъ, вра́ты и т. д. Есть ли это діалектическая особенность, свойственная въ то время западно-русскому (что, однако, мы лишены возможности провѣрить), или только черта печатнаго церковнославянскаго языка, сложившаяся даже, быть можетъ, совсѣмъ искусственно, судить трудно. Мы можемъ только констатировать это различіе ударе́ній, которымъ объясняется нерѣдко особая акцентуація словъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго въ русскій. Какое бы происхожденіе эта акцентуація ни имѣла, но она, очевидно, соблюдалась при чтеніи во время богослуженія и въ из-

вѣстныхъ случаяхъ усваивалась вмѣстѣ съ заимствованными изъ церковнославянскаго словами.

§ 15. Бывшія основы мужескаго и средняго рода на jo-. Основы эти въ своемъ склоненіи, рядомъ съ формами исконными, насчитываютъ не мало новообразованій, вызванныхъ морфологической ассимиляціей. Уподобляющими типами служили основы на o-, съ которыми основы на jo- тѣсно связаны параллелизмомъ извѣстныхъ формъ, основы на i-, благодаря совпаденію нѣкоторыхъ падежей, и основы на ā-, имѣвшія вообще широкое вліяніе рельефностью своихъ окончаній, а также и основы на u-.

Основы муж. рода. Единственное число. Именительный не представляетъ особыхъ уклоненій отъ старославянскаго; конечное -ь исчезаетъ, оставляя послѣ себя палатальность послѣдняго согласнаго основы: ца́рь (М. II. 3), во́ждь (ibid. 6), кр҃ти́тель (ibid. III. 1) и т. д. Такъ какъ нѣкоторые согласные (ш, ж, ц) утратили эту палатальность въ живой рѣчи большинства русскихъ говоровъ, то въ церковнославянской графикѣ, рядомъ съ -ь, обозначавшимъ палатальность послѣдняго согласнаго основы, мы встрѣчаемъ и -ъ, обозначающее только отсутствіе палатальности: но́жъ (М. XXVI. 51, 52. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), мѫ́жъ (М. I. 19. Такъ уже въ Остр. и Первоп.) и т. д., ко́кошъ (М. XXIII. 37, Въ Остр. и Первоп. такъ же), о҃ц҃ъ (М. XXIV. 36, Остр. ѡ҃ц҃ъ, XVIII. 35, Остр. ѡ҃ць, но Первоп. о҃ц҃ъ, X. 21, Остр. ѡ҃ц҃ъ), слѣпе́цъ (М. XV. 14, Остр. слѣпєць, но Первоп. слѣпе́цъ), писе́цъ (Неем. VIII. 4. Такъ и въ Остр.), вѣне́цъ (I. Сир. XXV. 8, Остр. вѣнєцъ, Первоп. вѣне́цъ) и т. д.

Вліяніемъ западно-русскаго произношенія объясняются такія написанія, какъ ца́ръ у Зизанія (л. 35), и отнесеніе основы сѣнеръ у него же къ одному склоненію съ ко́нь (л. 34).

Такъ какъ ѣ въ большинствѣ русскихъ говоровъ (если не во всѣхъ) палатально, то церковнослав. графика сохраняетъ ь послѣ ч: ме́чь (1 Цств. XXI. 8, 9, Остр. другой текстъ), пла́чь М. XXV. 30, Остр. плачъ, Первоп. пла́чъ, VIII. 12, Остр. и Первоп. пла́чь) и т. д. Встрѣчающеся иногда послѣ ч -ъ обязано своимъ происхожденіемъ графической ассимиляціи. У М. Смотр.

*

о̂тецъ (л. 111), чва́нецъ (ib. на обор.), жре́цъ (л. 113 на об.), но мѧте́жь (л. 124), стра́жь, моу́жь (л. 123 на обор.). Послѣ ч также вездѣ ь: вра́чь (л. 131), ме́чь, кли́чь (ib. на обор.).

Родительный не представляетъ уклоненій отъ старославянскаго: царѧ̀ (М. II. 9), кр҃ти́телѧ (Мр. VI. 25), мꙋ́жа (Л. I. 34), пе́рвенца (ibid. вм. винит. II. 7) и т. д.

Дательный падежъ или правильно съ окончаніемъ -u (-ꙋ послѣ непалатальныхъ согласныхъ, -ю послѣ палатальныхъ): цр҃ю (М. XXII. 2), пѣ́нѧзю (М. XX. 2. 9. 10), кораблю̀ (Дѣян. XXVII. 15), о̂ц҃ꙋ (Л. I. 73), жерцꙋ̀ (Числ. XIX. 3) и т. д., или по типу основъ на u- съ окончаніемъ -ev'i (цсл. -еви): мꙋ́жеви (I. Сир. VII. 27, Л. I. 27, 1 Цств. XXI. 8, 9, Остр. мꙋжеви, Первоп. мꙋ́жеви), ѕмі́еви (Ам. IX. 3, Остр. ѕмїеви, Первоп. ѕмі́еви), царе́ви (Эсѳ. VI. 4, Остр. цр҃еви, Первоп. цр҃е́ви), но мꙋ́жꙋ (ibid. 6. Такъ и въ Остр.), царю̀ (ibid. 7. Въ Остр. такъ же), вра́чеви (М. Смотр. л. 131, но рядомъ врачю̀)— все у именъ односложныхъ, означающихъ одушевленныя существа; это окончаніе имѣется еще у немногихъ основъ двухсложныхъ и многосложныхъ, какъ: вїнаре́ви (Л. XIII. 7. Такъ и въ Остр.), і̂ере́еви (Мр. I. 44, Остр. і̂ере́ови, Первоп. і̂ере́ѡви), Ке́сареви (М. XXII. 17. 21, Остр. кесаре́ви, Первоп. такъ же кесаре́ви), также именъ одушевленныхъ существъ; единственное имя неодушевленное—о̂лтаре́ви (1 Кор. X. 18. Въ Остр. и Первоп. такъ же), но къ о̂лтарю̀ (М. V. 23); кромѣ того имена собственныя, какъ и у основъ на о-, также имѣютъ это окончаніе: Мѡѷсе́еви (Мр. IX. 5, Остр. моѷсе́ови, Первоп. мѡѷсе́ови), І̂и҃леви (Іоа. I. 31, Остр. і̂и҃ле́ви, Первоп. і̂и҃леви), Мардохе́еви (Эсѳ. VIII. 2, Остр. и Первоп. такъ же), но Мардохе́ю (ibid. VII. 9. 10. Такъ и въ Остр.), Нѡ́еви (Быт. VIII. 15 Остр. но́еви), но Нѡ́ю (ibid. VII. 9, 15, 16, Остр. но́еви, Первоп. нѡ́еви) и т. д. Рядомъ имѣется и окончаніе -ови, какъ у основъ на о-: і̂ере́ови (М. VIII. 4. Такъ и въ Остр.), Мѡѷсе́ови (М. XVII. 4. Такъ и въ Остр.), а̂рхїере́ови (М. XXVI. 57) и т. д. У М. Смотрицкаго: о̂тцꙋ̀ (л. 111), чва́нцꙋ (л. 111 на об.), жерцоу̀ (л. 113 на об.), послѣ ц вездѣ ꙋ; послѣ ж однако ю: мѧте́жю (л. 124);

у основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: па́стырю (л. 123), свидѣ́телю (л. 124 на об.), хода́таю (л. 125), і҆ере́ю (л. 126), мра́вію (ib. на об.), зно́ю (л. 127 на об.), крагоу́ю (л. 128) и т. д. Примѣръ дат. на -еви только одинъ: вра́чеви, рядомъ съ врачю̀ (л. 131). У Зизанія коню̑, рядомъ съ коне́ви (л. 34), но́ю, і҆ере́ю, рядомъ съ но́еви, і҆ере́еви (л. 41). Ассимиляція къ основамъ на u-, конечно, происходила при посредствѣ основъ на о-, которыя имѣли больше точекъ соприкосновенія съ основами на u- и потому носятъ на себѣ болѣе многочисленные слѣды ихъ вліянія.

У основъ же на jo- это вліяніе, какъ видно изъ примѣровъ, не было особенно значительно, что естественно въ виду бо́льшаго различія, имѣвшагося между данными основами.

Винительный падежъ сохранился въ употребленіи только у именъ, означающихъ неодушевленные предметы. Синтактическая замѣна его формой родительнаго падежа проведена въ языкѣ печатныхъ книгъ почти такъ же послѣдовательно, какъ у основъ на о-. Случай сохраненія первичнаго винит. у именъ одушевленныхъ: приве́дше теле́цъ оу҆пита́нный (Л. XV. 23), но закла̀... тельца̀ (ibid. 27, 30, Остр. еще закла̀... телецъ, Первоп. также теле́цъ), ѿбрѧ́щете младе́нца пови́та (Л. II. 12, Остр. ...младе́нець, Первоп. младе́нецъ), ѿбрѣто́ша... младе́нца лежа́ща (ibid. 16, Остр. ...младе́нець, Первоп. младе́нецъ), роди̇̀ сн҃а своего̀ пе́рвенца (ibid. 7, Остр. и Первоп. также пе́рвенца). Но такихъ случаевъ весьма мало; въ Остр. и Первоп. они были чаще, но во всякомъ случаѣ замѣна винит. ед. формой родит. того же числа и въ ихъ текстѣ проведена весьма послѣдовательно. Что касается окончанія винит. падежа, то онъ совершенно тожественъ въ этомъ отношеніи съ уже разсмотрѣннымъ именит. ед.

Звательный сохранился у большинства основъ: цр҃ю (М. XXVII. 29), оу҆чи́телю (М. XIX. 16), врачꙋ̀ (Л. IV. 23, Остр. и Первоп. врачю̀), но мечю̀ (Зах. XIII. 7, Остр. др. текстъ), мꙋ́жꙋ (1. Кор. VII. 16, Остр. мꙋжꙋ, Порвоп. мꙋ́жꙋ), царю̀ небе́сный оу҆тѣ́шителю (изв. молитва) и т. д. Формы звательнаго на -е, какъ у основъ на о-, имѣвшіяся, напримѣръ, у стсл. **отьче, кънѧже**, цслав. О҆́ч҃е (Л. X. 21, XI. 2 и т. д.) вызвали и такіе зват.

падежи, какъ крагоу́е (М. См. л. 128), хотя во всѣхъ остальныхъ основахъ съ послѣднимъ -j у него имѣется -и (-ю): ходáтаю (л. 125), їерéю (л. 126), мрáвїю (ibid. на об.), знóю (л. 127 на об.), любодѣю (л. 128 на об.) и т. д. Этотъ звательный падежъ имѣется также у именъ собственныхъ съ суффиксомъ -ij (-ий): Ѳанáсїе, Василїе, Антѡ́нїе и т. д. Въ послѣднихъ случаяхъ мы ожидали бы также -ю (-ju), вмѣсто котораго однако является -є (мрáвїй—мрáвїю=Василїй—Василїю).

Причина, вызвавшая здѣсь морфологическую ассимиляцію, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что само по себѣ отдаленное и рѣдкое Ѻче, послужившее прототипомъ, обыкновенно стояло рядомъ: Ѻче Василїе и т. д.

Такимъ образомъ здѣсь играла роль ассоціація по смежности, ассоціація рядовая, подобная замѣчаемой у именъ числительныхъ. У Зизанія находимъ конѭ (л. 34).

Творительный уклоняется отъ старославянскаго: вмѣсто ожидаемаго окончанія -єm' (=стсл. -ѥмь), мы имѣемъ -æm (цсл. -ємъ) съ утратой согласнымъ -m палатальности.

Гласный -æ- этого окончанія одинаково можетъ отвѣчать и стсл. -є- (-ѥ) основъ на jo-, и стсл. -ь- основъ на i-, съ которыми цслав. основы на jo- совпали въ извѣстныхъ отношеніяхъ: ножéмъ (М. XXVI. 52, Остр. ноже́, Первоп. какъ въ Новой), Ѻцéмъ (М. XVIII. 14, Остр. ѿцем́, Первоп. ѻцéмъ), Ѻлтарéмъ (М. XXIII. 18, Остр. ѺлтарЂ́, Первоп. Ѻлтарéмъ) и т. д. Такъ же у Зизанія: конéмъ (л. 34). Въ нѣкоторыхъ, немногочисленныхъ случаяхъ имѣется и окончаніе -омъ отъ основъ на о-: Назѡрéомъ (М. XXVI. 71, Остр. назорєо́мъ, Первоп. назорéомъ). Сохраненіе -о- указываетъ на отсутствіе согласнаго j.

Предложный падежъ рядомъ съ исконными формами, какъ въ раи́ (Л. XXIII. 43), краи́ (Исх. XIV. 30), во Їи́ли (Второз. XXV. 9, 10, 1. Макк. I. 25), мѫ́жи (1 Цств. IV. 21, Остр. друг. текстъ), Ѻлтари́ (1. Макк. VI. 7) и т. д. имѣются формы новѣйшаго происхожденія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ основамъ на о-: ѿрѣ́ (Ис. XXXVII. 21, Остр. цр̃и, Первоп. также цр̃и), Ѻлтарѣ́ (1. Макк. I. 54, Остр. на ѺлтарЬ,

Первоп. ѻлта́рь), мц҃ѣ (ibid. 58. Такъ и въ Остр. и Первоп.), чва́нцѣ (3 Цств. XVII. 12. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), пе́рвєнцѣ (Зах. XII. 10. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), кла́дѧзѣ (Быт. XXVI. 32, Остр. и Первоп. кла́дѧзи), кораблєцѣ (Прем. Сол. XIV. 6, Остр. корабльци Первоп. кора́блци) и т. д. Такимъ образомъ изъ примѣровъ видно, что окончаніе -ѣ, отъ основъ на о-, является главнымъ образомъ въ Новой Б., въ Остр. и Первоп. мы находимъ его только послѣ утратившаго палатальность ц, и то не всегда, въ другихъ же случаяхъ имѣется исконное -и. Появленіе такихъ формъ съ -ѣ объясняется русскимъ вліяніемъ, берущимъ все болѣе и болѣе верхъ надъ традиціоннымъ церковнославянскимъ матеріаломъ. Окончаніе -ѣ должно было явиться прежде всего у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, напр. у основъ съ суффиксомъ -єцъ (-ѧс=стсл. -ьць), что мы и видимъ дѣйствительно. У М. Смотрицкаго преобладаютъ исконныя формы на -и: па́стыри (л. 123), мѧте́жи (л. 124, NB. ударєніе), свидѣтели (ib. на об.), ходатаи (л. 125 на об.), їере́и (л. 126), мра́вїи (ibid. на об.), зно́и (л. 127 на об.), крагоу́и (л. 128), врачи́ (л. 131), и т. д., но ѻтцѣ (л. 111), чва́нцѣ (ib. на об.), которыя и отнесены къ одному склоненію съ грѣхъ и т. д., т. е. къ основамъ на о-.

Двойственное число отвѣчаетъ старославянскому им. вин. зв.: ры́барѧ, (М. IV. 18. И. дв.), корабля́ (Л. V. 2, 7, вин.), два́ го́рѧ (Апок. IX. 12. Им.), два́ мужа (1. Цств. X. 2. вин.), ѻба́ конца́ (Исх. XXXV. винит.), два́ сосца́ (Пѣснь П. IV. 5. Имен. Остр. двѣ се́сца, Первоп. два́ сосца́), два́ мла́да близица́ (sic! ibid. имен. Остр. двѣ мла́ды близьца́, Первоп. двѣ мла́ды близица́: Опечатка или ошибка Первопеч. Б. сохранена и въ Новой) и т. д. У Зизанія конѧ́ (л. 34), їере́ѧ (л. 41). Родит. и предложный также не представляютъ особенностей: кораблю́ (Л. V. 3, родит. п. Остр. кораблю, Первоп. -ю́).

Дат. и твор. являются правильными продолжателями старославянскаго: пѣшєма (Твор. дв. Л. XII. 6, Остр. и Первоп. такъ же). У М. Смотрицкаго обычная дифференціація этихъ двухъ падежей: для дательнаго исконная форма, какъ па́стырєма (л, 123), мѧте́жєма (л. 124), свидѣтєлєма (л. 125), їере́єма (л. 126) и т. д., для

творительнаго форма, образованная по типу основъ на і-: па́стырьма, мѧте́жьма, свидѣ́тельма, і҆ере́йма и т. д. Основаній для такой дифференціаціи въ языкѣ библіи и въ этомъ случаѣ не имѣется, такъ что она должна быть признана произвольной и чисто теоретической, тѣмъ болѣе, что вообще формы двойственнаго ч. весьма рѣдко встрѣчаются. У Зизанія по типу основъ на о-: і҆ере́ома (л. 41), но коне́ма (л. 34).

Множественное число. Именительный представляетъ нѣсколько новообразованій рядомъ съ исконной формой. Примѣромъ послѣдней могутъ служить: кнѧ́зи (М. XX. 25), цари̇̀ (Дан. XI. 2, Остр. ц҃ри), мытари̇̀ (М. XXI. 32, Остр. мытаре, Первоп. мытари̇̀), па́стыри (Іезек. XXXIV. 8, Остр. пасты́ри, Первоп. па́стыри), свидѣ́тели (Прем. Сол. IV. 6, Остр. еще свѣдѣтели, Первоп. свѣдѣ́тели), и т. д. Послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, имѣется -ы: ю҆́нцы̀ (М. XXII. 4, Остр. ю́нцы, Первоп. ю҆́нцы), концы̀ (Пс. LXVI. 8, Остр. концы, Первоп. концы̀), младе́нцы (Осія. XIV. 1, Остр. и Первоп. такъ же), кꙋпцы̀ (Іезек. XXVII. 15, 17, 18, 20 и т. д., Остр. кꙋпцы, Первоп. кꙋпцы̀), и т. д.

Послѣ ж встрѣчается и -и: мѧте́жи (Мр. XIII. 8, Остр. и Первоп. такъ же), но мꙋ́жы (Числ. XVI. 2, Остр. мꙋжи, Первоп. мꙋ́жи; Быт. XXIV. 54, Остр. и Первоп. мꙋ́жи) и т. д. У М. Смотрицкаго встрѣчаемъ -и и послѣ ц: о҆тци̇̀ (л. 111), чва́нци (л, 112), но едва ли такія написанія указываютъ на палатальность предшествующаго согласнаго.

Рядомъ съ этими формами, сохранившими исконное образованіе, имѣются многочисленныя новообразованія по типу основъ на і-: ры́барїе (Л. V. 2, Остр. рыбарїе, Первоп. какъ въ Новой б.), па́стырїе (Іезек. XXXIV. 8. Рядомъ въ томъ же стихѣ па́стыри, Остр. въ обоихъ случаяхъ пасты́ри, Первоп. па́стыри, Л. II. 15, 20, Остр. и Первоп. такъ же па́стырїе), ц҃рїе (М. XVII. 25, Остр. и Первоп. такъ же), мꙋ́жїе (Л. V. 18. Такъ и въ Остр. и Первоп.), законоꙋчи́телїе (ibid. 17, Остр. зако́но оу҆чи́телїе, Первоп. какъ въ Новой), слы́шателїе (Римл. II. 13, Остр.

и Первоп. такъ же), дѣлателїє (зват. мн. Л. XIII. 27, Остр. дѣлателїє, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Формы эти не представляютъ собой исключительнаго достоянія новаго церковнославянскаго языка печатныхъ книгъ (на это указываетъ и согласіе всѣхъ трехъ текстовъ) и имѣлись уже въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка, хотя въ гораздо меньшемъ количествѣ. Такъ же часты и формы, образованныя по типу основъ на согласный и встрѣчающіяся въ большомъ количествѣ и въ старославянскихъ памятникахъ: предáтелє (2 Тимоѳ. III. 4, Остр. и Первоп. такъ же), прелагáтає (ibid. 3, Остр. и Первоп. прелагáтає), лжесвидѣтелє (1. Коринѳ. XV. 15, Остр. лжє свѣдѣтелє, Первоп. лжѐ свѣдѣтелє), рꙋгáтелє (2. Петра III. 3. Въ Остр. -є, Первоп. -є), но рꙋгáтели (Іуды I. 18, Остр. рꙋгáтелє, Первоп. -є), свидѣтели (1 Сол. II. 10, Остр. свѣдѣтелє, Первоп. свѣдѣтелє), мрáвїє (Притчи XXX. 25, Остр. мравїи, Первоп. мрáвїи), фарїсéє (М. XIX. 3, Остр. фарисéє, Первоп. какъ въ Новой), Ї҆ꙋдéє (I. X. 31, Остр. и҆оу҆дéє, Первоп. какъ въ Новой), А҆рхїєрéє (М. XXVI. 59, Остр. а҆рхїєрéє, Первоп. а҆рхїєрéє) и т. д. М. Смотрицкій пользуется существованіемъ этихъ параллельныхъ формъ для попытки дифференцировать по формѣ именительный и звательный множ. ч. Такъ находимъ у него им. мн. любодѣє, рядомъ съ зват. любодѣи (л. 129) и наоборотъ им. мн. ходáтаи, но зв. ходáтає (л. 125 на об.), Им. мн. древодѣлє, -и и зват. только древодѣлє (л. 129 на об.). Въ другихъ же случаяхъ эта дифференція не проведена, и мы встрѣчаемъ им. и зв. пáстырїє, пáстыри (л. 123 на об.); мѧтéжїє, мѧтéжє (л. 124); свидѣтелїє, -лє (л. 125); і҆єрéи (л. 126), мрáвїє (л. 127), знóи. Такимъ образомъ попытка дифференцировать данные падежи является у М. Смотрицкаго вполнѣ случайной и непослѣдовательной.

Рядомъ съ вышеприведенными формами, имѣется значительное число образованій по типу основъ на u-. Посредствующимъ звеномъ въ этой морфологической ассимиляціи служили очевидно основы на o-, подвергшіяся ей непосредственно. И у основъ на jo- играетъ важную роль односложность основы, которая сближала ихъ съ основами на u- и односложными на o-.

Собственно именительный множественнаго на -єѵ'æ (цсл. -євє = *-јовє) рѣже, чѣмъ родительный множ. по типу основъ на u-; примѣрами могутъ служить: ѐжéвє (Софон. II. 14, Остр. ѐжи, Первоп. ѐжѝ, Ис. XIII. 22, Остр. ѐжéвє, Первоп. ѐжéвє), сúплєвє (Іоиль. I. 4. Такъ и въ Остр. и Первоп.), врáчєвє (Ис. XXVI. 14. Такъ въ Остр. и Первоп., Іов. XIII. 4, Остр. и Первоп. такъ же), дождéвє (Притчи XXV. 14, Остр. дождєвє, Первоп. дождéвє), у М. Смотр. врáчєвє (л. 131 им. и зв.), жєрцéвє (и жєрцѝ, л. 114); у двухсложныхъ основъ: врáбїєвє (Притчи XXVI. 2, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. У Зизанія рядомъ съ „правильной" формой кѡ́ни имѣемъ и вторичную кѡ́нѣ, объясняющуюся, вѣроятно, вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія (л. 34 на об.).

Родительный множественнаго представляетъ три формы: исконную основъ на jo-, образованіе по типу основъ на i- и образованіе по типу основъ на u-. Примѣрами первой формы могутъ служить: пѣнѧзь (М. XVIII. 28, Остр. пѣнѧѕь, Первоп. пѣнѧзь), лꙋ́чь (Прем. Сол. II. 4, Остр. лꙋчъ, Первоп. лꙋ́чъ), фарїсéй (М. V. 20, Остр. фарисéи, Первоп. какъ въ Новой), а̂рхїєрéй (М. XVI. 21, Остр. а̂рхїєрéи, Первоп. какъ въ Новой), младéнєцъ (М. XXI. 16, Остр. младéнєць, Первоп. младéнєцъ), стáрєцъ (М. XVI. 21, Остр. старєцъ, Первоп. какъ въ Новой), конéцъ (М. XXIV. 31, Остр. конéцъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Написанія съ -ъ послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ свидѣтельствуютъ объ утратѣ палатальности этими послѣдними.

Образованія по типу основъ на i- у основъ односложныхъ: царéй (Іис. Сир. XLV. 3, Остр. другой текстъ, Апок. XVII. 12, Остр. еще ц҃рь, Первоп. ц҃рéй), мꙋжéй (Мр. VI. 44, Остр. мꙋ́жїи, Первоп. мꙋ́жїй), кóнєй (Второз. XVII. 16, Остр. и Первоп. кóнь; 1 Ездры. II. 66, Остр. конїи, Первоп. кóнїй; Апок. IX. 19, Остр. другой текстъ), кнѧзéй (1 Ездры. II. 68, Остр. кнѧѕїи, Первоп. кнѧзéй) и т. д.; у основъ двухъ -и многосложныхъ: концéй (Пс. LXIV. 6, Остр. и Первоп. дат. мн.), пáстырєй (Л. II. 18, Остр. пáстырїи, Первоп. пáстырїй), мѣсѧцєй (мц҃єй Апок. IX. 5, Остр. мц҃ь, Первоп. мц҃ъ), но мц҃ъ (ib. 10, Остр. мц҃ь, Первоп. мц҃ъ), корабле́й (Апок. VIII. 9, Остр. кораблєй, Первоп. кораблéй), свидѣтєлєй (М. XXVI.

65, Остр. свѣдѣтєліи, Первоп. свидѣтєлєй) и т. д. У Зизанія кѡнь рядомъ съ кѡнїй (л. 34 на об.). Первично такія образованія очевидно имѣлись у основъ односложныхъ (большая часть основъ на і- въ церковнославянскомъ также стала односложной) и отъ нихъ распространились на основы двухъ -и многосложныя. У М. Смотрицкаго находимъ обыкновенно двѣ формы рядомъ—исконную и вторичную: пастырєй и пастырь (л. 124 на об.), мѫтежей и мѫтежь (л. 124), свидѣтелєй и -тєль (л. 125), древодѣлєй и -дѣль (л. 129 на об.), или одну исконную: ходатай (л. 125 на об.), їерєй (л. 126), мравїи (л. 127), знѡй (ib. на об.), крагоуй (л. 128 на об.), любодѣй (л. 129).

Образованія по типу основъ на u-, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣчаются чаще всего у основъ односложныхъ и двухсложныхъ или у сложеній, второй членъ которыхъ составляетъ основа одно- или двухсложная: кравєвъ (1 Макк. I. 3, Остр. другой текстъ, Ис. XLIII. 6, Остр. крави, Первоп. врай) и кравєвъ (Быт. XLVII. 21, Остр. ед. ч.), врачєвъ (Мр. V. 26, Остр. врачѣ. Первоп. какъ въ Новой), вѡєвъ (2 Парал. XVI. 4, Остр. д. мн. воємъ), змієвъ (Прем. Сол. XVI. 10, Остр. другой текстъ), жерцєвъ (М. Смотр. л. 114) и жерцѡвъ (2 Парал. V. 12, Остр. жерцовъ, Первоп. какъ въ Новой; Лев. XIII. 2, Остр. другой текстъ) и т. д. Основы двухсложныя: стрѣлцєвъ (2 Пар. XIV. 8, Остр. стрѣлцевъ, Первоп. какъ въ Новой), птенцєвъ (Лев. XIV. 30, Остр. другой текстъ), пѣшцєвъ (Іис. Сир. XVI. 11, Остр. пѣшецъ, Первоп. пѣшєцъ), кѵпцєвъ (Іис. Сир. XLII. 5, Остр. другой текстъ) и кѵпцѡвъ (2 Пар. IX. 14, Остр. кѵпцовъ, Первоп. какъ въ Новой), вѣнцєвъ (2 Пар. IV. 13, Остр. другой текстъ), но звонцѡвъ (ib. Остр. звонъковъ), ѻцєвъ (Зах. I. 6, родит. вм. винит. Остр. винит. ѿца, Первоп. ѻтцы, Быт. XLVI. 3, Остр. ѡцъ, Первоп. ѻцъ), но ѻнцѡвъ, агнцѡвъ (Ис. I. 11, Остр. другой текстъ), мѣсѧцевъ (Ам. IV. 7, Остр. тв. мн.) и т. д. Сложенія: прелюбодѣєвъ (Ис. LVII. 3, Остр. р. ед.), пришєлцѡвъ (2 Парал. XV. 9, род. вм. вин. Остр. винит. мн.) и пришєлцевъ (Лев. XX, 2, Остр. пришєлецъ, Первоп. пришєлєцъ), ѻбычаєвъ (Дѣян. XXVI. 3, Остр. д. мн.), злодѣєвъ (р. вм. вин.

1. Петра II. 12, Остр. д. мн.), кровопійцевъ и оутробождшвъ, но чадоубійцъ (род. вм. вин. Прем. Сол. XII. 5, Остр. кровопійцевъ, оутробождцовъ, чадоубієцъ, Первоп. такъ же, какъ въ Новой, кромѣ чадоубієцъ) и т. д. У Зизанія по типу основъ на и-: іерѣшвъ (л. 41).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ Остр. и Первопечатной библіяхъ окончаніе -евъ (-овъ или -швъ послѣ непалатальнаго ц) встрѣчается рѣже, чѣмъ въ Новой. Послѣ ц, утратившаго палатальность, имѣется въ Новой нерѣдко о (ѡ), которое, однако, нельзя разсматривать, какъ происшедшее изъ є (ср. русск. веду, вёлъ) въ виду случаевъ въ родѣ пришѣлцшвъ и т. д., гдѣ нѣтъ ударенія на є. Появленіе о послѣ ц, замѣчаемое уже въ Остр. б., объясняется морфологически: полнымъ совпаденіемъ такихъ основъ на jo-, послѣдній согласный которыхъ утратилъ палатальность, съ основами на о-.

Дательный множественнаго въ большинствѣ случаевъ сохраняетъ исконную форму; окончаніемъ служитъ -ѣm (цсл. -ѣмъ = стсл. -ѣмъ, -ѣмъ): тѫжа́телѣмъ (Мр. XII. 1), мѹчи́телѣмъ (М. XVIII. 34), мѹжѣ́мъ (Перем. XI. 2, Остр. мѹжемъ, Первоп. какъ въ Новой), ста́рцѣмъ (М. XXVII. 3), їере́ѣмъ (М. XII. 4), а҃рхїере́ѣмъ (М. XXVII. 3) и т. д. Рядомъ у основъ иностранныхъ съ послѣднимъ согласнымъ j- встрѣчается и окончаніе -от (цсл. -ѡмъ) отъ основъ на о-: їѹдѣшмъ (І. XVIII. 36, Остр. їоудѣомъ, Первоп. їѹдѣшмъ), фарїсѣшмъ (М. XXII. 41, Остр. фарїсѣѡ, Первоп. какъ въ Новой), а҃рхїерѣшмъ (Мр. X. 33, Остр. а҃рхїереѡмъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Изрѣдка встрѣчаются и образованія по типу основъ на а-: чкнигочїмъ (І. Нав. І. 10, Остр. книгочїмъ, Первоп. книгїмъ), сосца́мъ (2 Макк. VI. 10, Остр. сосцамъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

У М. Смотрицкаго преобладаетъ правильная форма: отцѣмъ (л. 111 на об.), чва́нцемъ (л. 112), па́стырѣмъ (л. 123 на об.), мжтѣжемъ (л. 124), свидѣтелемъ (л. 125), ходатаемъ (л. 125 на об.), їерѣемъ (л. 126 на об.) и т. д. Рядомъ съ правильнымъ д. мн. жерцѣмъ встрѣчаемъ у него своеобразную форму жер-

це́вемъ (л. 114), представляющую собой результатъ контаминаціи правильной формы съ вторичной формой дат. мн. основъ на u-, какъ сыновѡ́мъ (см. выше стр. 188—189).

У Зизанія кѡ̑немъ, сѣ́веремъ (sic!): л. 34 на об.; і҆ере́ѡ̑ (л. 41) по типу основъ на о-.

Винительный множ. Правильная форма съ а=стсл. ѧ сохранилась только въ рѣдкихъ остаткахъ: вѡ́ѧ своѧ (М. XXII. 7, 2 Макк. XII. 20, 38, Остр. во́ѧ своѧ), ко́шѧ (М. XIV. 20, Остр. такъ же), жре́бїѧ (Іоа. XIX. 24. Л. XXIII. 34, М. XXVII. 35, Остр. жре́бїа), у М. Смотр. мра́вїѧ (л. 127) и т. д.

Изрѣдка встрѣчается синтактическая замѣна винит. мн. формой родит. мн.: ѕмїе́въ (Числ. XXI. 6, Остр. ѕмїа, Первоп. ѕмїѧ̀), но ѕмїи̑ (ib. 7, Остр. и Первоп. ѕмїѧ̀), па́стырей (Іер. XXII. 22, Остр. им. мн.), выше были уже приведены случаи ѡ҆ц҃е́въ (Зах. I. 6). прише́лцѡвъ (2 Парал. XV. 9, Остр. пришє҃цы, Первоп. прише́лцы), вѡ́евъ (Іерем. LI. 28). Какъ и въ единственномъ, замѣна эта имѣетъ мѣсто у именъ одушевленныхъ, но проведена далеко не такъ послѣдовательно. Въ большинствѣ случаевъ мы находимъ винит. мн., образованный по типу винит. мн. основъ муж. р. на о-; при этомъ -ы остается только послѣ согласныхъ, утратившихъ свою палатальность, во всѣхъ же прочихъ случаяхъ измѣняется въ -и подъ вліяніемъ предыдущаго палатальнаго согласнаго. Такимъ образомъ винительный въ этихъ случаяхъ становится вполнѣ тожественнымъ съ именительнымъ множественнаго. Основы съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: кн҃зи (Эсѳ. I. 16. Остр. кнѧ́зѧ, Первоп. кнѧ́зи), ко́ни (Іерем. L. 37, Остр. конѧ, Первоп. кѡ́ни, LI. 27, Остр. конѧ, но рядомъ во́и, Остр. вѡ́и, кѡ́ни), царѝ (Іис. Сир. XLVIII. 6, 8, Остр. и Первоп. цр҃ѧ, что можетъ быть и род. ед.). саддꙋке́и (М. XXII. 34, Остр. са̑дꙋке́ѧ, Первоп. саддꙋке́ѧ), роди́тели (Прем. Сол. IV. 6, Остр. роди́тели), ѻ҆лтарѝ (2 Парал. XXXII. 12, Остр. ѻ҆лта́ри, Первоп. ѻ҆лтарѝ), кла́дѧзи (Быт. XXVI. 18, Остр. кла́дѧзѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Основы съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность: мꙋ́жы (Быт. XIV. 21, Остр. мꙋжа, Первоп. мꙋ́жы, Іерем. XXIX. 6, Остр. мꙋ́жа, Первоп.

какъ въ Новой), мѣсѧцы (М. XVII. 15, Остр. мц҃ѧ, Первоп. мц҃ы, Л. I. 56, Остр. мц҃а, Первоп. мѣсецы *) и т. д. У Зизанія винит. множ.=именит. мн.: кѡ́ни и кѡ́нѣ (л. 34 на обор).

Какъ видно изъ послѣднихъ примѣровъ, правильная форма винит. мн. на -а (-ѧ) преобладала въ Остр. библіи; въ Первопечатной также встрѣчалась значительно чаще, чѣмъ въ Новой, гдѣ вліяніе русской рѣчи вытѣснило старинную форму.

Въ творительномъ множ. ч. встрѣчаемъ нѣсколько образованій. Исконная форма имѣется въ большомъ количествѣ случаевъ: царѝ (Мр. XIII. 9), мытарѝ (М. IX. 11), свидѣтели (2 Тимоѳ. II. 2), фарїсе́и (М. XXVII. 41) и т. д. Послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, находимъ -ы: ста́рцы (М. XXVII. 41), о҆́тцы (3 Цств. XIV. 31); у М. Смотр. о҆́тцы (но именит. о҆́тцѝ; л. 111), чва́нцы (л. 112, но им. и зв. чва́нци подъ вліяніемъ другихъ формъ имен. множ., гдѣ -и стояло послѣ палатальныхъ согласныхъ), жерцы (именит. и зв. опять жерцѝ л. 114); послѣ ж встрѣчаемъ однако -и: мѧте́жи (л. 124 на об.).

Рядомъ имѣются образованія по типу основъ на і- прежде всего у основъ односложныхъ: ко́нми (Ос. I. 7, Остр. ко́ньми, Первоп. такъ же), царми́ (3 Цств. IV. 24, Остр. другой текстъ Дѣян. IX. 15, Остр. царьми, Первоп. цр҃ьмѝ), бичми́ (3 Цств. XVIII, 28, Остр. бичми, Первоп. бичмѝ), мѫжми́ (Притчи XXII. 29, Остр. и Первоп. твор. ед. 2 Цств. XIX. 16, Остр. мѫжьми, Первоп. какъ въ Новой), мечми́ (Эсѳ. III. 13, Остр. еще ме́чи, Первоп. мечѝ) и т. д. У основъ двусложныхъ: жи́телми (Іерем. L. 34, Остр. и Первоп. жи́тели), жа́телми (1 Цств. VIII. 12, Остр. и Первоп. такъ же), па́стырми (Іер. III. 1, Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. У М. Смотрицкаго па́стырми (л. 123 на об.), мѧте́жьми (л. 124 на об.), свидѣтельми (л. 125), хода́тайми (л. 125 на об.), і҆ере́йми (л. 126 на обор.), мра́вїими (л. 127), зно́йми (л. 128), кра́гѹими (л. 128 на обор.), любодѣйми (л. 129), дрєводѣльми (іb. на об.), врачми́ (л. 131 на обор.), рядомъ

*) Характерное написаніе, свидѣтельствующее о вліяніи русскаго произношенія неударенныхъ гласныхъ.

съ исконными формами па́стыри, мѧте́жи, врачѝ и т. д. У Зизанія кѡ́нми, сѣверми (л. 34 на обор.), і҆ере̑ми (л. 41). Подобныя формы встрѣчаются, какъ видно изъ цитатъ, уже въ Остр. библіи, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой. Уподобляющимъ типомъ, кромѣ односложныхъ основъ на і-, служили несомнѣнно и основы на u-, также односложныя, у которыхъ твор. множ., вслѣдствіе исчезновенія ъ, являлся почти вполнѣ сходнымъ съ твор. множ. основъ на і-, гдѣ также исчезло ь-, въ извѣстныхъ случаяхъ оставившее послѣ себя палатальность предшествующаго согласнаго.

Кромѣ того имѣется (уже и въ Острожской) извѣстное количество образованій по типу основъ на ā- (вліяніе русское): ножа́ми (3 Цств. XVIII. 28, Остр. но́жи, Первоп. ножи́), во́ѧми (3 Цств. XVI. 16. Такъ и въ Остр. и Первоп.), птенца́мп (Притчи XXIV. 22, Остр. дат. мн. пте́нца̑), ключа́ми (1 Парал. IX. 27, Остр. другой текстъ), волчца́ми (Суд. VIII. 7, Остр. другой текстъ), дождѧ́ми (Прем. Сол. XVI. 16, Остр. дожами, Первоп. дожда́ми), бича́ми (2 Макк. VII. 1, Остр. и Первоп. такъ же), корабля́ми (1 Макк. VIII. 26, Остр. другой текстъ), ѱалти́рѧми (2 Парал. XX. 28, Остр. ѱалтырѧми, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. У М. Смотрицкаго: о̑тца́ми || о̑тцы̀ (л. 111 на об.), чва́нцами (л. 112), жерца́ми (л. 114).

Предложный множ. утратилъ совершенно исконную форму, вмѣсто которой встрѣчаемъ различныя новообразованія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ разнымъ другимъ основамъ. Всего чаще образованія по типу основъ на о-: царѣ́хъ (Суд. VIII. 26, Остр. еще правильно цр҃ихъ, Перв. уже царѣ́хъ, Апок. X. 11, Остр. цр҃ехъ, Первоп. цр҃ѣ́хъ, 3 Цств. III. 13, Остр. цр҃ехъ, Первоп. цр҃ѣ́хъ), ко́нѣхъ (Исх. XIV. 17, 18, Остр. и Первоп. такъ же, но рядомъ во́ехъ; Іезек. XXIII. 6, Остр. конехъ, Первоп. кѡ́нѣхъ, 4 Цств. V. 9, Остр. ко́нехъ, Первоп. кѡ́нѣхъ), жерцѣ́хъ (Лев. VI. 29, Остр. жерцѣхъ, Первоп. жерце́хъ, ib. XVI. 33, Остр. жрецѣхъ, Первоп. жрецѣ́хъ), мц҃ѣхъ (Дан. IV. 26, Остр. другой текстъ), прише́лцѣхъ (Исх. XII. 19, Остр. прише́льцѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), ко́кошѣхъ (Притчи XXX. 31, Остр. кокошехъ, Первоп. какъ въ Новой), птенцѣ́хъ (Второзак. XXII. 6, Остр. птенцѣ̑, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Вслѣдствіе тождества

церковнославянскихъ ѣ и є=æ (respective є) *), это окончаніе обозначается въ церковнославянской графикѣ и посредствомъ -єхъ, въ чемъ можно видѣть графическую ассимиляцію къ основамъ на і- (съ стсл. ь=є): дождéхъ (Прем. Сол. XVI. 22, Остр. дождѣхъ, Первоп. дождѣхъ), кóнєхъ (Апок. XIX. 14. Такъ и въ Остр. конєхъ, Ис. XXX. 16, Остр. дат. мн., Эккл. X. 7, Остр. конѣ, Первоп. кóнєхъ), крáєхъ (Исх. XXVI. 19, Остр. другой текстъ), мѫжéхъ (1 Цств. XVII. 12, Остр. и Первоп. такъ же, Римл. I. 27, Остр. мѫжѣхъ, Первоп. мѫжѣхъ, 1 Парал. XIX. 5, Остр. другой текстъ), пѣвцéхъ (Неем. XII. 46, Остр. другой текстъ), свидѣтелєхъ (Евр. X. 28, Остр. другой текстъ), корáблєхъ (Ис. XLIII. 14, Остр. кораблѣ, Первоп. корáблєхъ, Апок. XVIII. 17, Остр. кораблѣ), жи́телєхъ (Исх. XII. 19, но тутъ же пришéлцѣхъ, Остр. другой текстъ), о҃бы́чаєхъ (Дѣян. XXI. 21, Остр. дат. мн.), і҃ѹдéєхъ (М. XXVIII. 15, Остр. йоу҃дéє҃хъ, Первоп. і҃ѹдéєх҃, Іоа. X. 19, Остр. іоу҃дéєхъ, Первоп. і҃ѹдéєхъ), Галїлéєхъ (Л. XIII. 1. Остр. галилéихъ, Первоп. галїлéєхъ) и т. д.

Образованія по типу основъ на ā-: концáхъ (Притчи XVII. 24, Остр. к҃оц҃и, Первоп. уже концáхъ, Псал. LXIV. 9, Остр. концы́, Первоп. концáхъ), крáмхъ (Второз. XXII. 12, Остр. и Первоп. крáєхъ), мѫжáхъ (2 Цств. XVII. 12, Остр. другой текстъ), корабли́хъ (Пс. CVI. 23, Остр. кораблй, Первоп. какъ въ Новой, Второз. XXVIII. 68, Остр. предл. ед., 3 Цств. XXII. 49, Остр. другой текстъ, Ис. XI. 14, Остр. кораблихъ, Первоп. корабли́хъ) и т. д.

Послѣднія образованія свойственны главнымъ образомъ языку Новой, исправленной библіи, но появляются уже въ Первопечатной; въ Острожской ихъ еще нѣтъ, а вмѣсто ихъ находимъ или исконныя формы, совсѣмъ исчезнувшія изъ языка Новой, или образованія по типу основъ на і- (о-).

Образованія по типу основъ на о- (съ -ѣхъ) встрѣчаются уже въ Острожской библіи, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой.

*) Такъ обозначаются широкое е (æ) передъ непалатальными согласными и узкое (є) передъ палатальными.

Уже a priori можно было предположить, что они должны были явиться прежде всего у такихъ основъ, которыя, въ силу утраты послѣдними ихъ согласными палатальности, стали чувствоваться совершенно тожественными съ основами на о-. Въ самомъ дѣлѣ окончаніе -ѣхъ у основъ на jo- въ Острожской Библіи имѣется именно у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность (ц, ж): жерцѣхъ, жрецѣхъ, пришéльцѣхъ, птенцѣ҇, мꙋжѣхъ; отъ этихъ основъ окончаніе стало распространяться и на другія основы на jo-, но въ очень рѣдкихъ случахъ: конѣхъ (Исх. XIV. 17, 18), дождѣхъ (Прем. Сол. XVI. 22) и т. д.

Въ большинствѣ же случаевъ мы находимъ или правильную форму цр҃ихъ, галилéихъ, ко҇ци҇, концы҇, корабли҇ (рѣже), или окончаніе -єхъ: цр҃єхъ, вóєхъ, конєхъ, кокошєхъ, мꙋжéхъ, кораблє҇, йоу҇дє҇єхъ, крáєхъ и т. д. (чаще).

У М. Смотрицкаго образованія по типу основъ на о- имѣются въ незначительномъ количествѣ случаевъ: чвáнцѣхъ (л. 112), врачѣхъ (л. 131 на обор.); въ остальныхъ же случаяхъ только -єхъ: о҇тцéхъ (л. 111 на об.), жерцéхъ (л. 114), пáстырєхъ (л. 123 на обор.), мѧтéжєхъ (л. 124 на об.), свидѣтєлєхъ (л. 125), ходáтаєхъ (л. 125 на об.), і҇єрéєхъ (л. 126 на об.), мрáвїєхъ (л. 127), знóєхъ (л. 128), крáгꙋєхъ (ibid. на об.), любодѣєхъ (л. 129), дрєводѣлєхъ (ibid. на обор.). Образованій по типу основъ на ā- у него не встрѣчаемъ. У Зизанія кѡ҇нєхъ и сѣвєрѧхъ, по типу основъ на ā- (л. 34 на об.), но і҇єрéѡ҇ по типу основъ на о-, рядомъ съ і҇єрéѧ҇ (л. 41). Основа вóждь идетъ въ большинствѣ своихъ формъ по типу основъ на о-: р. ед. вождà (3 Цств. XIV. 7, вм. вин. Остр. вóжда, Первоп. какъ въ Новой, 1 Парал. V. 2, Остр. друг. текстъ: им. ед. вóждъ, Первоп. вождь, Дан. III. 38, Остр. вóжда, Первоп. какъ въ Новой), д. ед. вождꙋ҇ (4 Цств. XX. 5, Остр. и Первоп. вóждꙋ), твор. ед. вождóмъ (1 Макк. XIV. 41, Остр. вин. ед. вóжда=р. ед.), р. множ. вождѡ́въ (1 Макк. IX. 53, Остр. вóждєи, Первоп. вождéй), вин. множ. вожды̀ (2 Пар. V. 2, Остр. р. мн.=вин. вожóвъ, Первоп. вожѡ́въ) и т. д.

Рядомъ встрѣчаются и правильныя формы: тв. ед. вождéмъ (2 Парал. VI. 5, Остр. другой текстъ).

Основы средняго рода на jo- въ единственномъ числѣ представляютъ незначительныя уклоненія отъ старославянскаго, что замѣчается и въ русскомъ склоненіи этихъ основъ. Уклоненіе отъ старославянскаго имѣется только въ творительномъ единств., гдѣ, какъ и вездѣ, въ окончаніи находимъ -т (-мъ), вмѣсто т', котораго мы ожидали бы въ виду старослав. -мь: ср҃цемъ (М. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же).

Въ предложномъ падежѣ, рядомъ съ исконными формами: по́ли (Іер. XXXIX. 5), мо́ри (Мр. I. 16), сѫди́щи (М. XXVII. 19, Остр. сѫдищи, Первоп. сѫди́щи), сѣда́лищи (М. XXIII. 2), ло́жи (Іис. Сир. XL. 5) и т. д., встрѣчаемъ изрѣдка у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, образованія по типу основъ на о-: въ ср҃цѣ (М. V. 28, Остр. ср҃ци, Первоп. ср҃цы), се́рдцѣ (Мр. XI. 23, Остр. ср҃цы, Первоп. такъ же), лицѣ (2 Цств. XIV. 22, Остр. лицы, Первоп. такъ же).

У исконныхъ формъ послѣ ц встрѣчаемъ ы, что свидѣтельствуетъ о неналатальности согласнаго: лицы (Быт. XVII. 3, Остр. и Первоп. такъ же, 1 Цств. XVII. 49, Остр. и Первоп. такъ же), сръцы (М. XII. 40, Остр. ср҃ци, Первоп. ср҃цы) и т. д. Написанія Острожской библіи съ -и объясняются остатками старославянской орѳографіи, такъ какъ параллельныя написанія съ -ы указываютъ уже на непалатальность ц. Въ Первопечатной библіи уже преобладаетъ -ы. Окончаніе -ѣ отъ основъ на о- свойственно Новой библіи, а въ Острожской и Первопечатной находимъ только исконныя формы. У М. Смотрицкаго се́рдци (л. 112 на об.), единственный примѣръ. У Зизанія мо́ри, сп҃се́нїи (л. 34 на об.).

Двойственное число им. вин. и зв., какъ у основъ на о-, представляетъ форму, тожественную съ им. вин. зв. множественнаго: два́ го́рѫ (Апок. IX. 12, им. дв., Остр. два́ го́рѫ, Первоп. какъ въ Новой), се́рдца (М. Смотр. л. 112 на об.), зна́менїѫ (л. 130), вмѣсто *го́ри, *се́рдцы (стсл. полѝ). Остальныя формы двойственнаго числа въ текстѣ Библіи почти не встрѣчаются; род. и пр. у Смотрицкаго совпадаетъ съ исконной формой—се́рдцѫ (л. 112 на обор.), зна́менїю (л. 130), плецѫ (предложный Быт. XLIX. 8); въ дат. и твор. находимъ у него обычную дифференціацію: дат. пра-

вильно—се́рдцема, твор. по типу основъ на ā-: се́рдцама (л. 112 на об.), дат. зна́менїема (л. 130) и твор. по типу основъ на ī-: зна́меньма. Послѣдняя форма возникла очевидно подъ вліяніемъ такого творительнаго множ., какъ твое́нми, благодаре́нми, зна́менми и т. д. (см. ниже). Аналогичное образованіе представляетъ плѣщма́ (Пс. XC. 4. Остр. пле́щма, Первоп. какъ въ новой).

Множественное число. Падежи именительный и винительный не уклоняются отъ старославянскаго: поля́ (Ис. XVI. 8), сердца́ (М. Смотр. л. 112 на об.), зна́менїа (ibid. л. 130) и т. д.

Родительный или правильно: по́ль (Быт. XLI. 48), мо́ръ (вм. род. дв. Юд. I. 12, Остр. другой текстъ), или съ нѣкоторыми общими вышеуказанными фонетическими особенностями: сердѣ́цъ (М. См. л. 112 на об., М. XVIII. 35, Остр. уже ср҃цъ)—стсл. срьдьць и т. д. Написанія сокро́вицъ (М. VI. 19, Остр. съкро́вицъ, Первоп. какъ въ Новой), ко́злицъ (М. XXV. 32, Остр. еще ко́злиць, Первоп. ко́злиць) представляютъ собой продукты графической ассимиляціи къ написаніемъ серде́цъ и т. д., гдѣ согласный уже утратилъ палатальность. Въ Новой библіи написанія съ ъ послѣ ц проведены послѣдовательно; въ Острожской встрѣчаются и правильныя съ -ь. У Зизанія форма мо́ръ объясняется вліяніемъ западнорусскаго произношенія; рядомъ имѣется спсе́нїй (л. 35).

Дательный множеств., рядомъ съ немногочисленными правильными формами, какъ, напр. помышле́нїемъ (Евр. IV. 12, Остр. помышле́нїемъ, Первоп. какъ въ Остр.), представляетъ частыя образованія по типу основъ на ā-: ли́цамъ (Аввак. I. 9, Остр. др. текстъ, Іов. XXXIV. 19, Остр. лицемъ, Первоп. лице́мъ), ло́жамъ (Юд. XIII. 1, Остр. друг. текстъ), ка́пищамъ (3 Макк. III. 11, Остр. друг. текстъ—жерцемъ, Первоп. жерце́мъ), селе́нїямъ (Іерем. XXIII. 3, Остр. селе́нїемъ, Первоп. селе́нїемъ), дѣ́нїямъ, помышле́нїямъ (Іис. Сир. XXXV. 21, Остр. дат. ед.), пе́рїямъ (3 Ездры XI. 7, Остр. пе́рїемъ, Первоп. пе́рїемъ), беззако́нїямъ (Іезек. XXXIX. 24), пе́рїйцамъ (3 Ездры XI. 24, Остр. другой текстъ); у М. Смотрицкаго находимъ сердца́мъ (л. 112), но зна́менїемъ (л. 130). Какъ и у прочихъ основъ вторич-

ный дательный множ. по типу основъ на ā- составляетъ принадлежность главнымъ образомъ исправленной библіи; въ Острожской и даже Первопечатной на мѣстѣ вторичныхъ формъ Новой находимъ исконныя.

У Зизанія находимъ, рядомъ съ правильной формой мѹ̑рѣ̑, и вторичную по типу основъ на ā-: мѹ́рѧмъ, спсе́нїѧ̑, и совсѣмъ небывалую спсе́нїѹ̑ по типу основъ на o- (л. 35).

Винительный тожественъ съ именительнымъ. Исключеніе составляютъ формы винит. множ. плєщѝ (Быт. XXI. 14, Остр. и Первоп. такъ же; Ис. L. 6, Остр. другой текстъ), плєщы̀ (1 Цств. X. 9, Остр. другой текстъ; Ис. LI. 23. Остр. плє́щи, Первоп. плєщѝ), образованныя по типу основъ муж. р. на o- (или женскаго на ā-?).

Творительный представляетъ нѣсколько образованій: 1) формы исконныя: помышле́нїи (Римл. I. 21), зна́менїи (Дѣянія II. 22, М. Смотр. л. 130); послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, -ы: сердцы̀ (М. Смотр. л. 112 на об.); 2) по типу основъ на ā-: ли́цами (Прем. Сол. XVII. 4, Остр. друг. текстъ), оу̑жами (Іерем. XXXVIII. 6, 13, Остр. ю́жи и оу́жи, Первоп. оу̑жи), моря́ми (Дан. XI. 45, Остр. твор. дв. мо́рема, Первоп. такъ же), плещя́ми (Іезек. XXXIV. 21, Остр. такъ же), ко́пїѧми (1. Парал. XII. 34, Остр. другой текстъ), видѣ́нїѧми (Іов. VII, 14, Остр. твор. ед), со́нїѧми (ibid. Остр. такъ же), йзваа́нїѧми (Іис. Сир. XLV. 13, Остр. другой текстъ йстѹка́нїемъ), нече́стїѧми (Осія XI. 12, Остр. другой текстъ), вре́тищами (Іерем. XLIX. 3, Остр. твор. ед.), звизда́нїѧми (Прем. Сол. XVII. 9, Остр. другой текстъ), помышле́нїѧми (Іез. XIV. 5, Остр. тв. ед.), страши́лищами (ibid. 3, Остр. другой текстъ), подгра́дїѧми (1 Парал. VI. 67, 68, Остр. такъ же), ср̑ца́ми (М. Смотр. л. 112 (на об.) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, это новообразованіе свойственно главнымъ образомъ Новой библіи; въ Острожской и Первопечатной оно встрѣчается только изрѣдка; 3) образованія по типу основъ на i-: зна́менми (Мр. XVI. 20, Остр. и Первоп. такъ же, М. Смотр. л. 130—зна́меньми), но зна́менїи (Дѣян. II. 22), беззако́нми (Быт. XIX. 15, Остр. друг. текстъ), гада́ньми

(2 Пар. IX. 1, Остр. въ гада́нїихъ), писа́нми (Д. Ап. XVIII. 28, Остр. такъ же), творе́нми (Римл. I. 20, Остр. творе́нми̑, Первоп. какъ въ Новой), благодаре́нми (2 Коринѳ. IX. 12, Остр. благодаре́ньми, Первоп. бл҃годаре́нми), киче́нми, прелще́нми (Эсѳ. VIII. 13, Остр. другой текстъ) и т. д. Послѣднее образованіе имѣетъ мѣсто только у основъ именъ существительныхъ отглагольныхъ съ суффиксомъ -нїє и встрѣчается уже и въ Острожской библіи, какъ видно изъ цитатъ. Но рядомъ у этихъ основъ имѣются и другія образованія: видѣ́нїѧми, и̑зваѧ́нїѧми, помышле́нїѧми и т. д. (см. выше). У Зизанія мѡ́рѧми, но сп҃се́ми и сп҃се́нїи (л. 35).

Предложный падежъ также богатъ различными образованіями. Исконныя формы, въ противоположность основамъ муж. р., совершенно ихъ утратившимъ, встрѣчаются часто: распꙋ́тїихъ (М. XII. 19), ѡ̑мове́нїихъ, ѡ̑правда́нїихъ (Евр. IX. 10, но тутъ же питїѧ́хъ, Остр. винит. множ. питїа), селе́нїихъ (Быт. IV. 20), зна́менїихъ (Второз. XXXIV. 11), посла́нїихъ (2 Петра III. 16), пребыва́нїихъ, бл҃гоче́стїихъ (ibid. 11), видѣ́нїихъ (Второз. XXVI. 8), и̑схо́дищихъ (Пс. I. 3), гро́бищихъ (Іов. XXI. 32), со́нмищихъ (I. XVIII. 20) и т. д. У М. Смотрицкаго зна́менїихъ рядомъ съ зна́менїѧхъ (л. 130).

Многочисленны образованія по типу основъ на ā-: полѧ́хъ (Исх. IX. 3, Остр. по̀лѧхъ, Первоп. какъ въ Новой, Ис. XXXII. 19, Остр. по́лихъ, Первоп. полѧ́хъ, Юд. V. 1, Остр. друг. текстъ, 1. Парал. XXVII. 28, Остр. полехъ, Первоп. полѧ́хъ), ло́жахъ (Ис. XLII. 22, Остр. ложихъ, Первоп. ложи́хъ), морѧ́хъ (Лев. XI. 9, 10, Остр. мори́хъ и мо́ри̑, Первоп. какъ въ Новой, Бытія I. 22, Остр. и Первоп. мо́рѣхъ), плеща́хъ (1 Цств. XVII. 6, Остр. предл. дв. пле́щꙋ, Первоп. плещꙋ̀, Ис. XLIX. 22, Остр. пле́щꙋ, Первоп. плещꙋ̀), сердца́хъ (М. IX. 4, Остр. ср҃цы̑, Первоп. какъ въ Новой, Л. III. 15, Остр. ср҃цыхъ, Первоп. ср҃цахъ, М. Смотр. л. 112 на обор. ср҃ца́х̑), и̑схо́дищахъ (2 Цств. I. 20, Остр. и̑сходищихъ, Первоп. и̑схо́дищихъ), жили́щахъ (Іис. Сир. XLIV. 6, Остр. жили́щехъ, Первоп. жили́щехъ, Суд. XVIII. 22, Остр. другой текстъ), вре́тищахъ (Быт. XLIII. 12, 18, 23, Остр. вре́-

тищихъ, Первоп. 12, 18 какъ въ Остр., 23 какъ въ Новой), собо́рищахъ (М. X. 17, Остр. собо́рищй, Первоп. собо́рищихъ, Мр. XIII. 9, Остр. съборищихъ, Первоп. собо́рищихъ), со́нмищахъ (М. IX. 35, Остр. сонмищихъ, Первоп. со́нмищихъ, М. XXIII. 6, Остр. со́нмищихъ, Перв. уже со́нмищахъ), сокро́вищахъ (М. XXIV. 26, Остр. скро́вищыхъ, Первоп. сокро́вищихъ), то́ржищахъ (М. XXIII. 7, Остр. тръжищихъ, Первоп. то́ржищахъ), питїа́хъ (Евр. IX. 10, Остр. друг. текстъ—вин. мн.), оу҃до́лїахъ (Іерем. XLIX. 4, Остр. такъ же, Первоп. оу҃до́лїахъ), воскри́лїахъ (Числ. XV. 38, Остр. друг. текстъ), и҃сча́дїахъ (Второз. XXVIII. 11, Остр. другой текстъ), ѡ҃бита́нїахъ (Числ. XXXI. 10, Остр. предл. ед.), зна́менїахъ (М. См. л. 130), оу҃гліахъ (Притчи VI. 28, Остр. вин. мн.) и т. д. Образованія эти являются уже въ Острожской библіи, еще чаще въ Первопечатной и особенно часто въ Исправленной. У Зизанія только мо́рѣ҃ и сп҃се́нїѣ҃ (л. 35).

У основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, встрѣчаются изрѣдка образованія по типу основъ на о-: ли́цѣхъ (3 Цств. I. 40, Остр. и Первоп. такъ же), ла҃ицѣхъ (Второз. XXII. 6, Остр. ла҃ицѣхъ, Первопеч. ла҃йцѣхъ). Отсюда это окончаніе могло распространяться и на основы съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ, какъ напр. мо́рѣхъ, въ Остр. и Первоп. библіяхъ (Быт. I. 22).

Кромѣ того въ извѣстномъ количествѣ случаевъ имѣется окончаніе -ѣхъ, распространившееся отъ бывшихъ основъ на і- и отвѣчающее старослав. -ьхъ: по́лѣхъ (Іезек. XXXV. 8, Остр. такъ же, Первоп. пѡ́лѣхъ), со́нмищѣхъ, то́ржищѣхъ (Л. XI. 43, Остр. со́нмищыхъ, тръжищыхъ, Первоп. со́нмищахъ, то́(ρ)жищахъ). У М. Смотр. сердцѣ́хъ (л. 112) на об.). Въ живомъ произношеніи это окончаніе давно уже сдѣлалась тожественно съ окончаніемъ -ѣхъ бывшихъ основъ на о-, и ассимиляція къ основамъ на і- имѣетъ только графическій характеръ.

§ 16. Имена прилагательныя и причастія простыя (несложныя), какъ и въ старославянскомъ, въ большинствѣ падежей склоняются какъ соотвѣтствующія именныя основы на о-, jo- (муж. и ср. роды) и на ā-, jā- (женскаго). Уклоненіе отъ старославянскаго

представляетъ творит. ед. числа всѣхъ трехъ родовъ, въ которомъ находимъ форму сложныхъ прилагательныхъ. Первичный творительный въ современномъ церковнославянскомъ совершенно утраченъ: до́брымъ, бл҃ги́мъ (Л. VIII. 15. Твор. ед. ср. р.; Зогр. Ев.: **добромь, блгомь**, Остр. до́брым҃, но бл҃гомъ, что однако можетъ быть и слѣдствіемъ недоразумѣнія, Первоп. до́брымъ, бл҃ги́мъ), ве́лїимъ (ibid. 37. Тв. ед. м. р. Въ Зографскомъ Ев. **вельемь**, Остр. еще ве́лїе҃, Первоп. какъ въ Новой ве́лїимъ), въ Моск. грамматикѣ 1648 г. (М. Смотрицкаго), гдѣ склоненія простыхъ прилагательныхъ и сложныхъ приведены параллельно, въ творит. ед. находимъ только одну сложную форму м. и ср.: ст҃ы́мь (л. 133, 134 на обор.), ж. р. ст҃о́ю (л. 134).

Въ звательномъ ед. м. р., какъ уже и въ старославянскомъ, находимъ часто окончаніе -є: го́рдє (Іерем. L. 31, Остр. такъ же), си́льнє (Пс. XLIV. 6, Остр. си́лнє), равнодꙋ́шнє (Пс. LIV. 14, Остр. равнод҃шнє), ст҃є (М. Смотр. л. 133 на обор.), бл҃жє (л. 135), ни́щє (л. 137) и т. д. Въ женскомъ и ср. родѣ въ зват. форма именительнаго: ст҃а̀ (л. 134), ст҃о (ibid. на обор.), бла́га (л. 136), бл҃го (ibid. на обор.). Въ предложномъ въ церковнославянскомъ нерѣдко находимъ формы сложныхъ прилагательныхъ на мѣстѣ стсл. простыхъ: на до́брѣй зємли̇̀ (Л. VIII. 15, Зогр. Ев. **добрѣ**, Остр. и Первоп. до́брѣи, до́брѣй), но на зємли̇̀ бла́зѣ (ibid. VIII. 8, Зогр. Ев. **добрѣ**, Остр. и Первоп. бла́зѣ).

Двойственное число. Им., вин. и зв. м. и ср. рода совершенно отвѣчаютъ старославянскимъ формамъ: мла́да (Пѣснь Пѣсн. IV. 5), бла̑га (ibid. I. 1), ст҃а (М. Смотр. л. 124 на об.) и т. д.: ж. рода также косма́тѣ (Быт. XXVII. 23), ст҃ѣ (М. Смотр. л. 134), бла́зѣ (л. 136) и т. д. Встрѣчается и замѣна формами множ. ч.: ѻ҆́бѣ дщє́ри Лѡ́товы (Быт. XIX. 36, Остр. ло́товѣ, Первоп. лѡ́товѣ). Отъ основы на jā- им. дв. ж. р. по типу основъ на ā-: пристꙋ́плшѣ (М. XXVIII. 9, Остр. правильно пристꙋ́пльши, Первоп. -шѣ).

Родительный и предложный также не уклоняются отъ старославянскаго: ногꙋ̀ І҆и҃совꙋ (Л. VIII. 35, 41), ст҃ꙋ (во всѣхъ родахъ: М. Смотр. л. 133 на об., л. 134, л. 135), бл҃гꙋ (л. 135 на об., л. 136, л. 136 на обор.), ни́щꙋ (л. 137 на об) и т. д.

Въ дат. и твор. всѣхъ трехъ родовъ у М. Смотрицкаго находимъ опять заимствованіе отъ сложныхъ прилагательныхъ: ст҃ы́ма (л. 135 на обор., л. 134, л. 135), благи́ма (л. 135 на об., л. 136, л. 136 на обор.), ни́щима (л. 137 на обор.) и т. д. Первичная простая форма утрачена или не встрѣчается, за исключеніемъ немногихъ случаевъ: колѣ́нома І҆и҃совома (дат. дв. Л. V. 8, Зогр. Ев. по типу основъ на ā-: **колѣнама і҆соусовома**, Остр. и҆с҃овома, Первоп. і҆и҃совома), оу҆ченико́ма І҆ѡа́нновома (Л. VII. 24, Остр. і҆о҆анновома, Первоп. і҆ѡа́нновома) и т. д., но ко нога́ма І҆и҃совыма (М. XV. 30, Остр. по типу бывшихъ основъ на о-: і҆с҃овома, Первоп. і҆и҃совама). У основъ на jo- (причастія): дат. и҆сходѧ́щема (М. IX. 32) и т. д.

Множественное число. Въ извѣстныхъ падежахъ замѣчаются уклоненія отъ старославянскихъ нормъ, объясняющіяся или морфологической ассимиляціей, или перенесеніемъ формъ отъ сложныхъ именъ прилагательныхъ. Такъ, въ имен. множ. м. р. нерѣдко встрѣчается уже форма винит. падежа, въ появленіи которой играетъ роль морфологическая ассимиляція къ такимъ падежамъ, гдѣ основа являлась въ болѣе неприкосновенномъ видѣ, чѣмъ въ именительномъ: высо́ки сꙋ́ть (Іов. XXXV. 5, Остр. нарѣчіе высоцѣ, Первоп. высо́цѣ), кѡ́ни мно́ги (Апок. IX. 9, Остр. другой текстъ—р. мн.), оу҆ченицы̀ І҆ѡа́нновы (Мр. II. 18, Остр. еще і҆о҆а́ннови, Первоп. і҆ѡа́ннови), на́ги (Амос. IV. 3, Остр. вин. мн. на́гы, Первоп. также вин. на́ги), ко́ни вра́ни и рядомъ ко́ни бѣ́лы, пе́стры, скѡ́ры (Зах. VI. 2, 3, Остр. вра́ни, срѣни, пѣ́ѕи бро́ни, Первоп. вра́ни, срѣ́ни, пѣ́зи, бро́ни), мы́ же Мѡѷсе́овы є҆смы̀ оу҆ченицы̀ (I. IX. 28, Остр. моѷсеови, Первоп. мѡѷсе́ови), у основъ на jo-, послѣдній согласный которыхъ утратилъ и палатальность—ко́ни ры́жы (Зах. VI. 2, Остр. и Первоп. ры́жи), но ры́жи, сѣ́ри, пе́стри, бѣ́ли (Зах. I. 8), сі́и всѝ гра́ды тве́рды и҆ вели́цы (1 Макк. V. 26, Остр. сі́и всѝ гра́ды тверды и҆ вели́ки, Перв. тве́рды и҆ вели́ки), ꙗ҆́ты бы́ша (Іерем. LI. 56, Остр. и҆зыма́ни сꙋ́ть, Первоп. и҆зы́мани), прі́ѧты (Дан. III. 39, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что это перенесеніе формы винит. мн. въ именительный встрѣчается

уже въ Остр. и Первопечатной библіяхъ, но несравненно рѣже, чѣмъ въ новой, исправленной, такъ что мы должны отнести его къ новѣйшему времени. Объясняется оно вліяніемъ русскаго живаго языка, въ которомъ указанное перенесеніе совершилось уже давно.

Иногда замѣчается смѣшеніе родовъ: врата̀ затворе́ны бы́ша (I. Нав. II. 7, Остр. другой текстъ), Четы́редесѧть тысѧщъ вооружѐни... преидо́ша (I. Нав. IV. 13, Остр. также вооружѐни— въ этомъ случаѣ можетъ быть и согласованіе по смыслу); но́зѣ бо и҃хъ... текѹ́тъ, и҆ ско́ри сѹ́ть (Притчи С. I. 16, Остр. но́ги... ско́ры, Первоп. нѹ́ги... ско́ри...).

Родительный множ., если употребляется, то не уклоняется отъ старославянской нормы. Нерѣдко однако онъ замѣняется соотвѣтствующей формой отъ сложныхъ прилагательныхъ: мно́гихъ серде́цъ (Л. II. 35, Остр. мно́гъ, Первоп. мнѹ́гъ), но рѹ́гъ е҆дино́рожь (Пс. XXI. 22, Остр. е҆ди́норождь, Первоп. какъ въ Новой) отъ основы на jo-.

Повидимому, не безъ вліянія въ процессѣ этой замѣны была односложность основъ: дх҃ъ зълы́хъ (Л. VII. 21), дх҃ѹ́вѣ зълы́хъ (Л. VIII. 2. Въ Зогр. Евангеліи въ обоихъ случаяхъ **ꙁълъ**, Остр. уже зълыхъ, злыхъ, Первоп. какъ въ Новой), лѣ́тъ мно́гихъ (Л. VIII. 27, Зогр. Ев. **лѣтъ многъ**, Остр. уже мно́гыхъ, Первоп. мнѹ́гихъ), но дх҃ъ чл҃вѣ́ческихъ (Л. IX. 56, Зогр. Ев. **человѣчьскъ**, Остр. уже чл҃кы́хъ, Первоп. чл҃ческихъ), сосѣ́дъ бога́тыхъ (Л. XIV. 12, Зогр. Ев. **сѫсѣдъ богатъ**, Остр. сѣсѣ́дъ бога́тыхъ, Первоп. также бога́тыхъ), дх҃ъ нечи́стыхъ (Л. VI. 18, Зогр. Ев. **доухъ нечистъ**, Остр. и Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Замѣна эта уже достаточно укоренилась въ языкѣ Острожской и Первопечатной библій, хотя здѣсь и не такъ, какъ въ Новой, исправленной.

Дательный множеств. утратилъ исконную форму совершенно. Вмѣсто нея находимъ заимствованную отъ прилагат. сложныхъ: мнѹ́гимъ слѣпы́мъ (Л. VII. 21, Зогр. Ев. **многомъ слѣпомъ**, Остр. б. уже мно́гымъ слѣпы́, Первоп. мнѹ́гѣ слѣпы́мъ) и т. д. У основъ (причастій) на jo-: сѣдѧ́щымъ (Л. VII. 32, Зогр. Ев.

сѣдѧштємъ, Остр. и Первоп. сѣдѧ́щимъ), и҆дꙋ́щымъ (Л. VIII. 23, Зогр. Ев. **ѣдѫштємъ**, Остр. и҆дꙋ́щимъ, Первоп. и҆дꙋ́щымъ) и т. д.

Въ винительномъ множественнаго, рядомъ съ правильными формами, какъ напр. стѣна́ты (гра́ды, 2 Парал. XI. 5, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д., встрѣчаемъ изрѣдка формы именит. множ.—результатъ смѣшенія именит. и винит. падежей: ѿведе́тъ... ю҆́ношы и҆ ста́рцы, на́ги (м. б. и винит. множ.) и҆ бо́си, ѿкрове́ны (несомнѣнный винит. падежъ. Ис. XX. 4, Остр. на́ги и҆ бо́сы ѿкровєны, Первоп. на́ги и҆ бо́си ѿкрове́ны). Въ послѣднемъ случаѣ, быть можетъ, мы имѣемъ примѣръ того морфологическаго процесса, который носитъ въ наукѣ названіе „рядовой ассимиляціи“ (Reihenassociation). Форма на́ги, чувствуемая тожественной съ именит. множ., вызываетъ и аналогичную форму бо́си, хотя бы и въ видѣ мимолетнаго, не устанавливающагося прочно новообразованія.

Творительный утратилъ совершенно простую форму. Вмѣсто нея находимъ только сложную: ст҃ы́ми (М. Смотр. во всѣхъ трехъ родахъ: л. 134, ibid. на об., л. 135), благи́ми (тамъ же, л. 135 на об., л. 136, л. 137) и т. д. Формы въ родѣ **мѧкъками рнꙁами** (Зогр. Ев. Лук. VII. 25), не имѣютъ совсѣмъ представителей въ языкѣ печатной библіи.

То же должно сказать и о предложномъ падежѣ, который въ современномъ церковнославянскомъ имѣетъ только одну сложную форму: ст҃ы́хъ (во всѣхъ трехъ родахъ. М. См. л. 134 и на обор., л. 135), благи́хъ (тамъ же, л. 135 на об., л. 136, л. 137) и т. д.

Въ Острожской библіи еще можно встрѣтить старинныя простыя формы въ родѣ предл. ж. р. і҆оу҆́довахъ, но въ Новой библіи онѣ замѣнены сложными—І҆ꙋ́довыхъ (М. II. 6). Въ Первопечатной находимъ также старую форму: і҆ꙋ́довахъ.

Основа прилагательнаго чꙋ́ждь (Суд. XIX. 12, вин. ед), Остр. чюжь—русская форма, Первоп. чю́ждь) въ нѣкоторыхъ падежахъ идетъ по типу основъ на jo-, въ другихъ по типу основъ на о-. Примѣромъ послѣднихъ могутъ служить формы: чꙋ́ждо (им. ед. ср. р. 1 Макк. I. 38, Остр. дат. ед. чюждꙋ, Первоп. чю́ждꙋ, также по типу основъ на о-), но чꙋ́ждє вин. ед. ср.

(Іерем. XIX. 4, Остр. и Первоп. чю́же), чю́жды (винит. мн. м. р. 3 Цств. XIV. 9, Остр. правильно чю́жди, Первоп. такъ же). Ср. также склоненіе сложной формы этой основы (§ 18).

§ 17. Мѣстоименія. Личныя мѣстоименія. Склоненіе мѣстоименій личныхъ въ единственномъ и множественномъ числѣ почти не уклоняется въ морфологическомъ отношеніи отъ старославянской нормы. Если есть отличія, то они объясняются общими фонетическими измѣненіями, характеризующими церковнославянскій (и русскій): исчезновеніемъ краткихъ гласныхъ ъ, ь, измѣненіемъ ѫ въ у и т. д. Им. ед. а́зъ, ты̀ (М. Смотр. л. 161 на об., л. 162), р. менѐ (Исх. XX. 3, Остр. мене, Первоп. менѐ, М. Смотр. л. 161 на обор.), тебѐ (М. II. 6, Остр. тебѐ, Первоп. тебе́, М. См. л. 162), себѐ (М. V. 29, Остр. и Первоп. такъ же, М. Смотр. л. 162 на об.): стсл. **мене**, **тебе**, **себе**; дат. мнѣ̀ (М. III. 14, Остр. и Первоп. такъ же, стсл. **мьнѣ**, **мънѣ**), мѝ (М. II. 8, стсл. **мн**), тебѣ̀ (М. IV. 9, стсл. **тебѣ**), тѝ (М. V. 29, 30), себѣ̀, сѝ (М. Смотр. л. 162 на об.: стсл. **себѣ**, **сн**). Въ винительномъ, рядомъ съ продолжателями исконныхъ формъ мѧ̀ (М. Смотр. л. 161 на об., стсл. **мѧ**), тѧ̀ (М. IV. 5, стсл. **тѧ**), сѧ̀ (М. Смотр. л. 162 на об., стсл. **сѧ**) имѣются обычныя синтактическія замѣны формой родительнаго: менѐ (I. VII. 19, Остр. и Первоп. такъ же), тебѐ (ibid. 20, Остр. тебе, Перв. тебѐ), себѐ (1 Кор. IX. 19, Остр. себе, Первоп. себе, ср. также М. Смотр. л. 161 на об., л. 162 на об.). Творительный: мно́ю (М. IV. 10, М. Смотр. 161 на об.: стсл. **мъноѫ**), тобо́ю (М. III. 14, М. Смотр. л. 162: стсл. **тобоѫ**), собо́ю (М. Смотр. л. 162 на обор.: стсл. **собоѫ**).

Предложный: мнѣ̀ (М. См. л. 161 на об., стсл. **мънѣ**, **мьнѣ**), тебѣ̀ М. Смотр. л. 162, стсл. **тебѣ**), себѣ̀ (М. См. л. 162 на об., стсл. **себѣ**).

Такъ же мало разнится склоненіе множественнаго числа. Именительный мы̀, вы̀ (М. Смотр. л. 162, стсл. **мы**, **вы**); родительный на́съ (М. См. ibid. стсл. **насъ**), ва́съ (М. V. 12, стсл. **васъ**), дат. на́мъ (М. III. 15, стсл. **намъ**), ва́мъ (М. V. 11, стсл. **ва́мъ**); въ винительномъ, рядомъ съ исконными формами ны̀, вы̀ (М. Смотр. л. 162; стсл. **ны**, **вы**), обычная синтактическая замѣна на́съ, ва́съ (ibid).

Употребляются и та, и другая форма, повидимому, безразлично: лю́бѧщꙋ ны̀, и҆ ѡ҆мы́вшꙋ на́съ ѿ грѣ́хъ (Апок. I. 5, Остр. любѧщꙋ ны̑ и҆ о҆мы насъ), на вы̀ лжꙋ́ще (М. V. 11, Остр. на́ вы, Первоп. на вы̀), разлꙋча́тъ вы́ (Л. VI. 22, Остр. разлꙋчѧтъ вы̑), но: возненави́дѧтъ ва́съ (Л. VI. 22, Остр. также васъ), ненави́дѧщымъ васъ (тамъ же, 27, Остр. васъ), хотя кленꙋ́щыѧ вы̀ (тамъ же, 28, Зогр. Ев. **вьзненавидѧтъ вы**, Остр. вы̑. Л. VI. 21, но уже ненави́дѧштимъ ва́съ тамъ же, 27) и т. д.

Творительный: на́ми (М. I. 13, стсл. **нами**), ва́ми (М. XXVIII. 10, стсл. **вами**).

Предложный: на́съ (М. Смотр. л. 162, стсл. **насъ**), въ ва́съ (Л. IX. 41, стсл. **васъ**).

Двойственное число замѣняется часто множественнымъ. Такъ утратились совершенно формы им. вин. зв. дв., вмѣсто которыхъ употребляются соотвѣтствующія формы множественнаго числа. Именит. двойств.: И҆ мы̀ оу҆́бо; достѡ́йнаѧ... по дѣлѡ́мъ на́ю воспрїе́млева (Л. XXIII. 41, Остр. и҆ мы̑..; въспрїе́млевѣ, Первоп. какъ въ Новой), мы̀... е҆смы̀ (Варнава и Павелъ. Дѣянія XIV. 15, Остр. мы̑... е҆свѣ̀, Первоп. мы̀... е҆сма̀); Пе́тръ же и҆ І҆ѡа́ннъ... рѣ́ста... не мо́жемъ бо мы̀ (Дѣян. Ап. IV. 19, 20, Остр... не мо́жемъ бо̑ мы̑... Первоп. не мѡ́жемъ бо мы̀); рече́ же А҆вра́мъ Лѡ́тꙋ:... ꙗ҆́ко чл҃вѣ́цы бра́тїѧ мы̀ е҆смы̀ (Быт. XIII. 8, Остр. чл҃ка бра́та е҆свѣ̀), мы̀ (Азъ и Отецъ) е҆ди́но е҆смы̀ (I. XVII. 22, Остр. мы̑... е҆смы, Первоп. мы̀... е҆смѣ̀) и т. д.; вы̀ са́ми вѣ́стѣ (Лія и Рахиль. Быт. XXXI. 6, Остр. вы̑ вѣ́сте, Первоп. вы вѣ́сте); не вѣ́сте ко́егѡ дх҃а е҆стѐ вы̀ (Іаковъ и Іоаннъ. Л. IX. 54, Остр. невѣ́ста ко́его дх҃а е҆ста вы̑, Первоп... е҆ста̀ вы̀) и т. д.

Изъ данныхъ примѣровъ видно, что замѣна старославянскихъ формъ именит. двойств. **вѣ** (1-го лица) и **ва** (2 лица) соотвѣтствующими формами множеств. проведена послѣдовательно уже въ Острожской библіи. Въ Новой библіи эта замѣна связана съ аналогичной замѣной глагольныхъ формъ, что уже встрѣчается въ Острожской и Первопечатной, но не такъ часто. Въ грамматикѣ Лавр. Зизанія мѣстоименіе перваго лица сохраняетъ исконную форму -вѣ, но второе лицо представляетъ форму множественнаго

вы̀ (л. 44 на оборотѣ). У Мелетія Смотрицкаго находимъ неоправдываемыя библейскими текстами образованія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ косвеннымъ падежамъ: им. в. и зв. м. и ср. рода на̀, ва̀, ж. нѣ̀, вѣ̀ (л. 161 на об. и 162). Формы на̀, нѣ̀ представляютъ собой чисто книжныя, теоретическія построенія, вызванныя вліяніемъ косвенныхъ падежей на́ю, на́ма и стремленіемъ провести послѣдовательность основъ, нарушаемую въ старославянскомъ склоненіи 1-го лица формой именит. винит. зв., но имѣющуюся въ склоненіи втораго лица.

Формы втораго лица имѣютъ въ основѣ исконную старослав. форму **вл**.

Вторичная форма ж. р. нѣ̀, которая, какъ и форма нѣ̀, вызвана вліяніемъ именнаго склоненія (основъ на ā-) и также имѣетъ чисто теоретическій характеръ.

Въ винительномъ дв. также встрѣчаемъ замѣну формами множ. числа, при чемъ наблюдается и обычная синтактическая замѣна помощью родит. падежа: помѝлꙋ́й вы̀ (двухъ слѣпцовъ. М. IX. 26, Остр. вы̀, Первоп. вы̀) и мꙋ́чити на́съ (двухъ бѣсныхъ. М. VIII. 29, Остр. насъ, Первоп. на́съ), оу̑мертви́ти на́съ (Маноэ и его жену. Суд. XIII. 23, Остр. и Первоп. на́ю), на́съ (Рахиль и Лію. Быт. XXXI. 15, Остр. вы̀, Первоп. вы̀) и т. д., сотворю̀ вы̀ ловца̀ (Петра и Андрея. М. IV. 19, Остр. вы̀, Первоп. вы̀), восхожда́щема ва́ма.... сра́щетъ вы̀ (Л. XXII. 10, Остр. вы̀, Первоп. вы̀) и т. д. Случай замѣны вин. двойств. формой родит. дв.: спасѝ... на́ю (Л. XXIII. 39. Такъ и въ Остр.). Родительный и предложный: на́ю (стсл. **наю**. Л. XXIII. 41), ва́ю (М. IX. 29, стсл. **вю**).

Дательный и творительный, рядомъ съ исконной формой на́ма (стсл. **нама**. Мр. X. 35. Л. II. 48, XXIV. 29), ва́ма (стсл. **вама**. М. IX. 29, XXI. 2, Мр. X. 36, XI. 23, Л. XXII. 10, 12), представляетъ нерѣдко замѣну соотвѣтствующими формами множеств. ч.: о̑на же рѣста.... да́ждь на́мъ (Мр. X. 37, хотя выше: сотвори́ши на́ма ст. 35, Остр. даждь намъ, Первоп. какъ въ Новой), къ на́мъ (къ двумъ дочерямъ Лота. Быт. XIX. 31, Остр. кна̑, Первоп. кна́мъ), ...Рахи́ль и̑ Ли́а, рекóста:.... на́мъ

(Быт. XXXI. 14. 16, Остр. на́ма, Первоп. на́ма); ...показа́лъ на́мъ... (Маноэ и его женѣ. Суд. XIII. 23, Остр. на́ма, Первоп. на́мъ) и т. д. речѐ Ноеммі́нь ѻ҆бѣ́ма снохáма:.... съ ва́ми.... ва́мъ (Руѳь I. 8. 9, Остр. сва́ма, ва́ма, Первоп. с҆ва́ма, ва́ма) и т. д. Замѣна эта, какъ видно изъ примѣровъ, составляетъ особенность Новой, исправленной библіи, хотя встрѣчается уже и въ Острожской б. Въ Первопечатной она чаще, чѣмъ въ Острожской, но рѣже, чѣмъ въ Новой.

Мѣстоименія указательныя, вопросительныя, притяжательныя и прилагательныя представляютъ два типа основъ: основъ на о- и на jo-. Образчикомъ первыхъ можетъ служить указательное мѣстоименіе то́й, та̀, та́ѧ, то̀, то́є (стсл. **тъ, та, то**).

Уклоненія его склоненія отъ старославянскаго заключаются въ слѣдующемъ:

Единственное число. Въ именительномъ падежѣ замѣчается исчезновеніе простыхъ формъ и вытѣсненіе ихъ сложными. Именит. пад. муж. рода является только въ сложной формѣ: то́й (Ис. XXVII. 7, М. XXIV. 48, Остр. такъ же. М. Смотр. л. 167 на обор.), ж. р. у М. Смотр. только въ сложной формѣ та́ѧ (Быт. IV. 22, Остр. друг. текстъ), но та̀ (Дѣян. XVI. 15, Л. I. 36, VIII. 42, Быт. III. 12, 3 Ездры V. 53), ср. р. у М. Смотр. только въ сложной формѣ то́є (л. 168), то̀ (Мр. III. 24, 1 Ездры VI. 8). У Зизанія то́й, та́ѧ: то́є (л. 50).

Родительный не уклоняется отъ старослав. нормы: тогѡ̀ (м. р. Л. XII. 5, Остр. того, Первоп. тогѡ̀, Іов. XII. 13. 16, Остр. того, Первоп. тогѡ̀), ж. р. тоѧ̀ (Л. VI. 49, Быт. III. 15, Іоан. XIX. 31), стсл. **того, тоѩ**; равнымъ образомъ и дательный не представляетъ отличій: м. р. томꙋ̀ (стсл. **томоу**: Л. XXII. 22, Л. IV. 8, Апок. I. 6), ср. р. томꙋ̀ (Быт. XXI. 31), ж. р. то́й (Л. VI. 48, стсл. **тои**). Винительный муж. р. или тожественъ съ именительнымъ (сложной формы): въ то́й де́нь (Л. VI. 23, Остр. то́и), въ то́й ча́съ (Л. XII. 12, Остр. такъ жо) и т. д. (стсл. **тъ**), или представляетъ обычную синтактическую замѣну формой род. ед., причемъ церковнославянская орѳографія прибѣгаетъ къ графической дифференціаціи (въ родит. -ѡ̀, въ родит.=

винит. -ò): тогò (Ис. XI. 10, Остр. друг. текстъ, Іоан. VI. 30, Остр. еще тóи, Первоп. тóй, Мр. XII. 4. 5. 6, Остр. того, Первоп. того), хотя и не всегда: тогѡ̀ (Мр. IX. 7, но Остр. того, Первоп. тогò).

Дифференціація эта имѣетъ мѣсто и у другихъ мѣстоименныхъ формъ, какъ это видно будетъ ниже, и проведена уже въ Первопечатной библіи (Л. XII. V, тогѡ̀ оу҆бóйтєсѧ, но Мр. XII. 5, тогò оу҆би́ша и т. д.). У М. Смотрицкаго она также уже есть: род. тогѡ̀, вин. тогò (л. 167 на об.). У Зизанія тогò (л. 50). Винительный женскаго рода представляетъ чаще простую форму, отвѣчающую точно старославянской: тꙋ́же при́тчꙋ (Евр. IV. 11), тꙋ̀ нóщь (Быт. XIX. 35, Остр. натꙋю, сложная форма, Первоп. на тꙋ́ю), изрѣдка сложную: снѣси тꙋ́ю (землю. Быт. III. 17, Остр. тꙋ̀, Первоп. тꙋ, Іерем. XXV. 12, Остр. тꙋ̀, Первоп. тꙋ̀): стсл. тѫ. У М. Смотрицкаго одна сложная форма: тоу́ю (л. 167 на об.). У Зизанія тꙋю̀ (л. 50). Ср. родъ имѣетъ обѣ формы: простую—тò (I. XIV. 13, 3 Ездры XII. 4, XVI. 19) и сложную тóє (Исх. XII. 7, Остр. другой текстъ). У М. Смотрицкаго одна сложная: тóє (л. 168); такъ же у Зизанія (л. 50).

Творительный не уклоняется отъ старославянскаго, если не считать исчезновенія палатальности у конечнаго -m, и перехода ѫ въ *у*, особенностей, свойственныхъ и русскому: ср. р. тѣ́мже (Л. I. 35), м. р. тѣ́мъ (Быт. IV. 7, Іоан. I. 3. 10)—стсл. **тѣмь**, ж. р. тóю (Л. VI. 38)—стсл. **тоѭ**. У Зизанія для м. и ср. ты̑ (сложн. формы) и тѣ̑ (л. 50). Предложный также продолжаетъ стсл. формы съ общими отличіями: ср. р. на тóмъ мѣ́стѣ (Л. X. 32), м. р. на тóмъ кáмени (Л. XX. 18), ж. р. въ землѝ тóй (Быт. XXVI. 12): стсл. **томь, тои**.

Двойственное число представлено, какъ и всегда, очень скудно. Им. винит. м. р. тà (имен. Мр. XVI. 13, Л. XXIV. 14. 35, Пс. XLII. 3, Остр. та̑. Перв. тà) отвѣчаетъ вполнѣ стсл. формѣ та. Эту же форму приводитъ М. См. и для ср. р. тà (л. 168) вмѣсто ожидаемаго *тѣ̀ (стст. тѣ). Форма ж. р. тѣ̀, приводимая М. Смотрицкимъ (л. 168), также соотвѣтствуетъ стсл. тѣ. Ср. также тѣ̀: 3 Ездры XI. 34, Остр. тѣ̀, Первоп. какъ въ Новой.

У Зизанія м. р. тыѧ, тѫю, ж. р. такъ же, ср. та и тѫю (л. 50). Р. и предлож. у М. Смотрицкаго представляетъ двѣ формы: одна—тою (л. 167 на об., л. 168) для муж. и ср. рода, отвѣчаетъ стсл. **тою**, другая, для ж. р., тѣю (л. 168), вызванная морфологической ассимиляціей къ им. вин. тѣ и дат. тв. тѣма, не имѣетъ реальнаго существованія (въ языкѣ Библіи). У Зизанія для всѣхъ родовъ тѫю (л. 50). Дательный дв. м. р. тѣма (Мр. XVI. 13, Матѳ. IX. 32) отвѣчаетъ старославянской формѣ **тѣма**. Творит. тѣма (I. Сир. VII. 30). У М. Смотрицкаго находимъ свойственную ему произвольную дифференціацію падежей дательнаго и творительнаго: для перваго (всѣхъ родовъ) онъ пользуется сложной формой тыма (л. 167 на об., л. 168), для втораго простой — тѣма (ib.). У Зизанія для м. и ср. тыма, для ж. р., кромѣ этой же формы, и тѣма (л. 50).

Множественное число. Именительный муж. рода только въ сложной формѣ: тіи (1 Цств. VIII. 8, Л. XII. 37, XVI. 28 и т. д.)—стсл. чаще **ти**; у М. Смотр. приведена и краткая форма ти (л. 167 на об.). У Зизанія тыи (л. 50), представляющая собой продуктъ взаимной контаминаціи формъ им. мн. тіи и вин. мн. тыѧ. Встрѣчается и форма винительнаго падежа вмѣсто именит.: бѣша мѫжи тыѧ (2 Цств. X. 5). Именит. пад. ж. рода имѣетъ сложную форму тыѧ или тыѧ (стсл. чаще краткая **ты**): М. XXV. 7, Іез. XLII. 8, Остр. ты, Первоп. ты. Числ. XXXI. 16, Остр. тіи, Первоп. тіи). У М. Смотрицкаго находимъ двѣ, повидимому, теоретическія формы: тіѧ, ти (л. 168), изъ которыхъ первая, какъ можно предполагать, есть просто передѣлка формы тыѧ подъ вліяніемъ именит. муж. тіи. Процессъ этой морфологической ассимиляціи можетъ быть представленъ въ такомъ видѣ: если рядомъ съ им. м. р., положимъ, мои имѣется им. ж. моѧ (см. ниже), то рядомъ съ им. м. р. тіи долженъ быть им. ж. тіѧ. У Зизанія тыѧ (л. 50).

Именит. ср. р. отвѣчаетъ стсл. формѣ (**та**): та (3 Ездры XII. 3, Іоан. V. 39), эту же форму находимъ и у М. Смотр., рядомъ со сложной таѧ (л. 168 и на обор.). У Зизанія только таѧ (л. 50 на об.).

Родительный множеств. не уклоняется отъ стсл.: м. р. тѣ́хъ (Дан. I. 18) : стсл. **тѣхъ**. У Зизанія ты̑хъ (сложная форма) и тѣ́хъ для всѣхъ родовъ (л. 50).

Дательный множ., рядомъ съ правильной формой тѣ́мъ (м. р. Исх. I. 14)=стсл. **тѣмъ**, представляетъ и позднѣйшую сложную форму (Суд. I. 19, ты̑мъ, Остр. другой текстъ), которую находимъ у М. Смотрицкаго для всѣхъ трехъ родовъ: ты́мъ (л. 167 на об., 168 и на об.). У Зизанія для м. р. ты̑, для ж. и ср. ты̑мъ и тѣ́мъ (л. 50).

Винительный муж. рода имѣется только въ сложной формѣ ты́ѧ (стсл. чаще краткая **ты**): Л. XIII. 14, Остр. ты, Первоп. уже ты́ѧ). Мр. VIII. I, Остр. ты́а, Первоп. ты́ѧ, Быт. XXVI. 15. 18, Остр. другой текстъ) и т. д. (очень часто). У М. Смотрицкаго находимъ обѣ формы: ты́ѧ и ты̀ (л. 167 на об.). Встрѣчается и общая синтактическая замѣна винит. падежа родительнымъ: и҃зр҃и́ни тѣ́хъ (Іерем. XV. I. Остр. и Первоп. такъ же). Женскій родъ имѣетъ обѣ формы: простую—ты̑ (Л. VIII. 33, Остр. такъ же, Первоп. ты̀) и сложную—ты́ѧ (I. X. 16, Остр. тыѧ, Первоп. какъ въ Новой, Евр. X. 11. ты́ѧже Остр. и Первоп. также). У М. Смотрицкаго формы винит. множ. тѣ̀ же; что для именит.: ті́ѧ, ті̀. Въ среднемъ родѣ также имѣются обѣ формы: простая та̑ (3 Ездры XIII. 17, Л. X. 21. Іоан. XIV. 11, стсл. **та**) и сложная та̑ѧ (Быт. XL. 17, Дан. XIV. 13, Остр. друг. текстъ).

Творительный падежъ не уклоняется отъ старославянскаго: тѣ́ми же (ж. р. Евр. X. 1, стсл. **тѣми**). У М. Смотр. также тѣ́ми для м. и ср. р. (л. 167 и 168 на об.), для ж. р. тѣ́ма (л. 168), что есть очевидная опечатка. У Зизанія для муж. р. ты́ми, для ж. и ср. ты́ми, тѣ́ми (л. 50). То же слѣдуетъ сказать и о предложномъ : тѣ́хъ (ср. р. Л. II. 49, IX. 36; м. р. Іоан. XVII. 9 и т. д.)=стсл. **тѣхъ**. Рядомъ имѣется и рѣдкая сложная форма ты́хъ (ж. р. Псал. CIII. 12, Остр. винит. мн. ты̑, Первоп. ты́хъ).

Мѣстоименіе указательное **онъ, она, оно** утратило въ церковнославянскомъ многія простыя формы, которыя замѣняются сложными еще чаще, чѣмъ въ склоненіи мѣстоименія **тъ, та, то**. Въ

этой замѣнѣ нужно видѣть вліяніе сложныхъ именъ прилагательныхъ. Въ Остр. и Первоп. библіяхъ преоблагаютъ простыя формы, въ Новой—сложныя.

Единственное число. Именительный падежъ. Въ муж. родѣ употребляется одна сложная форма: ѻ҆́ный (Быт. XXIV. 65, XXXVII. 19, Остр. и Первоп. ѻ҆́нъ); простая форма ѻ҆́нъ имѣетъ вездѣ значеніе личнаго мѣстоименія 3-го лица, напр. Быт. XV. 10, 1 Ездры VII. 6 и т. д., хотя тожественный винит. падежъ сохраняется (см. ниже). Ср., впрочемъ, Іова I. 1. и҆ бѣ̀ человѣ́къ ѻ҆́нъ и҆́стиненъ... и стихъ 3: и҆ бѣ̀ человѣ́къ ѻ҆́ный бл҃горо́днѣйшїй... Суд. II. 10. и҆ весь ро́дъ ѻ҆́нъ; гра́дъ ѻ҆́нъ (1 Ездры IV. 15). Средній родъ имѣетъ обѣ формы: оно (Дан. II. 31), ѻ҆́ное (Лев. IV. 5, Остр. друг. текстъ, Лев. XXV. 27, Остр. другой текстъ). Женскій родъ является чаще въ сложной формѣ: ѻ҆́наѧ (Исх. XII. 42, Остр. другой текстъ, Прем. Сол. XVIII. 6, Остр. ѻ҆на, Первоп. ѻ҆́на, Лев. XXII. 3, Остр. другой текстъ); простая форма съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ имѣетъ только значеніе личнаго мѣстоименія третьяго лица: ѻ҆на̀ (Быт. XXIV. 47, Остр. сїѧ, Первоп. сїѧ̀, I. Нав. II. 6, Остр. си́, Первоп. сїѧ̀ и т. д.). Въ Острожск. и Первопечатной библіяхъ чаще имѣется простая форма, встрѣчающаяся изрѣдка и въ Новой: дꙋша̀ ѻ҆́на (Лев. V. 2, Остр. ꙗ҆́же, VII. 20, Остр. и Первоп. ѻ҆на̀). У Мел. Смотрицкаго приведены только простыя формы: ѻ҆́нъ (л. 165 на обор.), ѻ҆на̀ (съ такимъ удареніемъ) и ѻ҆́но (л. 166).

Родительный падежъ. Въ муж. родѣ преобладаетъ сложная форма: ѻ҆́нагѡ (Быт. XVII. 26, Дѣян. III. 23, Остр. того, Второз. XXII. 17, 18, Остр. ѻ҆́ного, Первоп. ѻ҆́ногѡ, ѻ҆́ного), простая форма встрѣчается очень рѣдко: со ѻ҆́ногѡ по́лꙋ (М. IV. 25, Остр. ѻ҆́ного, Первоп. ѻ҆́ного). То же замѣчается въ среднемъ родѣ: (до вре́мене) ѻ҆́нагѡ (Дан. XII. 1, Остр. друг. текстъ, Второз. VII. 24, Остр. другой текстъ: сего̀). Въ женскомъ родѣ встрѣчаются рядомъ обѣ формы: ѻ҆́ноѧ (I. Нав. V. 11, Остр. ѻ҆ноѧ̀, Первоп. ѻ҆́ноѧ, Прем. С. I. 16, Остр. и Первоп. ѻ҆́ноѧ) и ѻ҆́ныѧ (Быт. II. 12, Остр. ѻ҆ноѧ̀, Первоп. ѻ҆́ноѧ). У Мел. Смотр.

муж. и ср. родъ ѻ҃ногѡ (л. 165 на об. и 166), ж. одна сложная форма ѻ҃ныѧ (л. 166).

Дательный падежъ. Въ мужскомъ родѣ одна простая форма: ѻ҃номѹ (Б. XXVI. 33, Іоан. Ш. 30); сложной формы не имѣется, что объясняется отсутствіемъ подобнаго образованія у сложныхъ именъ прилагательныхъ, идущихъ въ данной формѣ по типу простыхъ мѣстоименій. У М. Смотрицкаго ѻ҃номѹ (л. 165 на об. м. р. и 166 ср. р.). Для ж. рода находимъ у него двѣ формы: одну простую ѻ҃ной, другую, вызванную вліяніемъ сложныхъ прилагательныхъ — ѻ҃нѣй (л. 166). Въ текстѣ Библіи встрѣчается одна простая форма: ѻ҃ной (3 Ц. Ш. 25. Единств. примѣръ. Остр. ѻ҃но́и, Первоп. ѻ҃ной).

Винительный падежъ. Въ мужскомъ родѣ имѣются обѣ формы; въ дѐнь ѻ҃нъ (Ис. Ш. 14, Исх. XII. 51), до́лгъ ѻ҃нъ (М. XVIII. 32), ѻ҃нъ хлѣ́бъ (Іоан. XIII. 30) и т. д. въ дѐнь ѻ҃ный (Ис. XI. 11, Остр. то́и, Ис. II. 17, Остр. и Первоп. ѻ҃нъ); ѻ҃ный (Быт. XL. 11, Остр. друг. текстъ) и т. д. Случай синтактической замѣны винительнаго сложнымъ родительнымъ съ обычной графической дифференціаціей (въ род. -ѡ, въ родительномъ-винительномъ -о): ѻ҃наго (Л. XIV. 9, Остр. и Первоп. ѻ҃ного). У М. Смотрицкаго приведена только эта послѣдняя форма (простая): ѻ҃ного рядомъ съ род. ѻ҃ногѡ (л. 165 на обор.). Встрѣчаются и простыя формы род.-винит. (очень рѣдко): ѻ҃на (Д. Ап. XVI. 35, Остр. о́на). Въ среднемъ родѣ также имѣются обѣ формы: простая — ѻ҃но (Быт. XLI. 32, Остр. др. текстъ, Евр. XI. 15, Остр. ѻ҃на) и сложная — ѻ҃ное (Исх. XVI. 21, I. Нав. V. 12, Дан. VII. 18, Остр. и Первоп. другой текстъ). У М. Смотрицкаго одна простая форма ѻ҃но (л. 166). Въ женскомъ родѣ также обѣ формы: ѻ҃нѹ (ѿѣ́ ѻ҃нѹ стра́нѹ I. Нав. IX. 10, Остр. ѻ҃бо́нѹ, Первоп. ѻ҃вонѹ) или ѻ҃нѹ (проидо́хомъ всю̀ пѹсты́ню... ѻ҃нѹ: Второз. I. 19, Остр. и Первоп. ѻ҃нѹ) и сложная ѻ҃нѹю (Числ. XVI. 43, Остр. другой текстъ, Дан. XIII. 14, Остр. др. текстъ). У М. Смо́трицкаго одна простая форма ѻ҃нѹ (л. 166).

Творительный падежъ. Въ муж. родѣ одна сложная форма: ѻ҃нымъ (I. Нав. Ш. 4, Остр. ме́жду нами и́ о́нѣхъ... вѣроятно,

опечатка вмѣсто простой формы о́нѣмъ, Первоп. также о̃нѣхъ. Прем. С. XVII. 6, Остр. другой текстъ); у М. Смотр. одна простая форма: о̃нѣмъ (л. 165 на об.), равно какъ и въ среднемъ родѣ (л. 166). Ср. также тв. м. р. и̂нѣмъ (Мр. XVI. 12). Въ женскомъ родѣ: о̃ною (3 Ездры XIII. 45, Остр. другой текстъ; единственный примѣръ), какъ и у М. Смотр. о̃ною (л. 166)—простая форма.

Предложный падежъ. Въ мужескомъ родѣ одна простая форма: о̃номъ (I. Н. VIII. 27, Остр. о̃но̃, Первоп. о̃номъ), въ ср. родѣ такъ же (Быт. XXVIII. 11, Остр. то̃, Первоп. то́мъ); у М. Смотрицкаго также о̃номъ въ обоихъ родахъ (л. 165 на об. и 166). Въ женскомъ родѣ одна простая форма: оной (Быт. XIX. 33, Остр. другой текстъ, 1 Цств. XIV. 1, Остр. о́ной, Первоп. о̃ной); у М. См. обѣ формы о̃ной и о̃нѣй (л. 166).

Двойственное число представлено, какъ и всегда, скудно. Именит. падежъ муж. рода имѣется только въ простой формѣ, не уклоняющейся отъ старославянскаго: о̃на (въ значеніи 3-го лица: Л. XIX. 34, Іоан. I. 38, Дѣян. А. XIII. 51, Остр. о̂на). У М. Смотр. въ мужескомъ и среднемъ родахъ также о̃на (л. 165 и 166 на об.); хотя въ среднемъ р. мы ожидали бы о̃нѣ, какъ въ старославянскомъ. Именительный падежъ ж. рода какъ въ старославянскомъ: о̂нѣ (также въ значеніи мѣстоименія личнаго 3-го л. М. XXVIII. 9, Остр. о̂нѣ, Первоп. о̂нѣ); у М. Смотр. съ другимъ удареніемъ о̃нѣ (л. 166). У Зизанія безъ различенія рода: о̃на (л. 45); повидимому это только муж. родъ. Формы родит. и предложнаго находимъ только у М. Смотрицкаго: о̃нѫ для всѣхъ трехъ родовъ (l. c.). Въ библіи онѣ не встрѣчаются. У Зизанія о̃ною (л. 45).

Форма дат. падежа муж. рода, не уклоняющаяся отъ старославянскаго,—о̃нѣма (Л. XXIV. 31, Остр. о̂нѣма (sic.), Первоп. о̂нѣма). У М. Смотр. дат. и твор. для всѣхъ трехъ родовъ также о̃нѣма (l. c.). У Зизанія сложная форма о̃нымa (л. 45).

Множественное число. Именительный падежъ. Въ мужескомъ родѣ имѣются обѣ формы—простая изрѣдка: о̃ни (М. XXII. 10, Остр. о̂ни, Первоп. форма винит. падежа о̃ны), также съ другимъ удареніемъ: о̂ни́ (2 Макк. X. 28, Остр. о̂ни, Перв. о̂ни́,

XII. 12, Остр. другой текстъ, VI. 25, Остр. ѻ҃нѝ), впрочемъ преимущественно въ значеніи мн. ч. личнаго мѣстоименія 3 лица (такъ 2 Макк. VI. 25, XII. 12) и болѣе частая сложная: ѻ҃нїи (Дан. III. 21, Остр. другой текстъ, VI. 11, 15, Остр. ѻ҃ни, Первоп. ѻ҃ни и ѻ҃нѝ, XII. 2, Остр. ѻ҃нѝ, Первоп. ѻ҃нѝ, 1 Макк. VIII. 30, Остр. и Первоп. ѻ҃нѝ, и т. д.). У Зизанія ѻ҃нѝ (л. 45). Изрѣдка встрѣчается и форма винит. падежа: ѻ҃ны (М. XXIV. 22, днiє ѻ҃ны два раза, Остр. тїи, Первоп. тiи). Въ данномъ случаѣ перенесеніе формы винит. падежа въ именительный могло быть вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что выраженіе днiє ѻ҃ны состоитъ изъ двухъ членовъ, тѣсно связанныхъ между собой ассоціаціей смежности, образующихъ такъ называемый рядъ (Reihenassociation нѣмецкихъ ученыхъ) и особенно часто встрѣчающихся именно въ винительномъ падежѣ въ готовой формулѣ во днѝ ѻ҃ны. При естественной слабости языковаго чутья у редакторовъ текста такое перенесеніе представляется вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что въ другихъ сочетаніяхъ такая форма именит. падежа множ. ч. не встрѣчается. У М. Смотр. находимъ только простую форму съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: ѻ҃нѝ (л. 165 на об.). Въ среднемъ родѣ находимъ также обѣ формы: ѻ҃на (Прем. Сол. V. 9. Только одинъ случай. Остр. ѻ҃на, Первоп. ѻ҃на) и ѻ҃нѧ (Числ. X. 31. Остр. друг. текстъ, Іов. XIX. 23, Остр. другой текстъ, 3 Ездры. XII. 2, Остр. друг. текстъ. Только три случая). У М. Смотрицкаго одна простая форма ѻ҃на (л. 166 на обор.). Въ женскомъ родѣ имѣется уже только одна сложная форма: ѻ҃ныѧ (Исх. II. 19, Остр. ѻ҃ни жє, Первоп. ѻ҃нѝ жє, Дан. XIII. 57, Остр. еще ѻ҃ны, Первоп. ѻ҃ны). У М. Смотрицкаго одна простая: ѻ҃ны (л. 166).

Родительный падежъ. Въ муж. родѣ имѣются обѣ формы: простая ѻ҃нѣхъ (Iезек. XLIII. 8, Остр. ѻ҃нѣхъ, Первоп. ѻ҃нѣхъ, Матѳ. XXIII. 23, Остр. ѻ҃нѣхъ, Первоп. ѻ҃нѣхъ) и сложная ѻ҃ныхъ (Второз. XXIX. 18, Остр. тѣхъ; Исх. VII. 12, Остр. ѻ҃нѣхъ, Первоп. ѻ҃нѣхъ; Быт. XLVIII. 6, Остр. ѻ҃нѣ, Первоп. ѻ҃нѣхъ; Быт. XLIII. 32, Остр. ѻ҃нѣхъ, Первоп. ѻ҃нѣхъ; Дан. III. 22 вм. винит., Остр. ты, Первоп. ты; Прем. С. XI. 14, вм.

винит., Остр. ѝхъ; XVI. 4, вм. винит. Остр. дат. мн. о҃нѣмъ; XVII. 18 также вм. винит., Остр. друг. текстъ—ѝхъ и т. д.). У М. Смотр. одна простая форма: о҃нѣхъ (л. 165 на об.). Въ среднемъ родѣ находимъ также и ту, и другую: о҃нѣхъ (Л. XI. 42, Остр. о҃нѣхъ, Первоп. о҃нѣхъ) и о҃ныхъ (1 Парал. XXIX. 3, Остр. и Первоп. также о҃ныхъ, 1 Макк. XI. 14, Остр. о҃ныхъ, Первоп. о҃ныхъ). У М. Смотрицкаго только простая форма о҃нѣхъ (л. 166 на об.). Въ женскомъ родѣ находимъ только простую форму: о҃нѣхъ (единств. случай: Iезек. XVI. 51, Остр. о҃нѣ, Первоп. о҃нѣхъ). У М. Смотрицкаго также одна простая—о҃нѣхъ (л. 166). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что сложная форма принадлежитъ позднѣйшему времени. Въ Остр. и Первопечатной библіи находимъ вмѣсто нея простую форму или формы другихъ основъ. Только въ родит. множ. ср. рода форма встрѣчается уже въ Остр. библіи.

Дательный падежъ представляетъ приблизительно такія же отношенія.

Въ мужескомъ родѣ находимъ обѣ формы: о҃нѣмъ (Матѳ. XIII. 11, Остр. о҃нѣмъже, Первоп. о҃нѣмъже, Мр. IV. 11, Остр. о҃нѣмже, Первоп. о҃нѣмъ же, Зах. VIII. 11, Остр. о҃нѣмъ XIV. 17, Остр. сїѻ҃нѣхъ, Первоп. сїѽ҃нѣхъ—опечатка вм. сїи҃ онѣмъ и т. д.) и о҃нымъ (Быт. VI. 21, Остр. и Первоп. о҃нѣмъ, XLIII. 32, Остр. сѝмъ, 3 Ездры VII. 69, Остр. сѝмъ, Притчи XXIV. 16, Остр. о҃нємъ падаю҆щемъ, Первоп. о҃нѣмъ па́дающымъ и т. д.). У М. Смотрицкаго: о҃нѣмъ, простая форма для всѣхъ трехъ родовъ (л. 165—166). Примѣровъ дат. множ. ж. и ср. рода въ новомъ библейскомъ текстѣ не встрѣчается *). Какого-либо оттѣнка въ значеніи съ той или другой формой не соединено: о҃нымъ же... разбѣгшымсѧ (2 Макк. XIV. 44, Остр. другой текстъ), но о҃нѣмъ же ѿвѣща́вшымъ (тамъ же XV. 4, Остр. ѿнѣмже). Въ Остр. въ первомъ случаѣ другая редакція текста, во второмъ ѿнѣмже.

*) Въ Остр. и Первоп. библіи дат. мн. ср. р. по словесе́мъ о҃нымъ (Нов. сѝмъ).

Винительный падежъ. Въ мужескомъ родѣ обѣ формы: простая:—о҃ны (2 Парал. VIII. 2, Остр. другой текстъ, Д. Апост. XXI. 26, Остр. друг. текстъ, М. XXII. 7, Остр. о́ны, Первоп. о҃ны), во днѝ о҃ны (Быт. VI. 4, Остр. Первоп. о҃ны, Матѳ. III 1, 1 Цств. IV. 1 и т. д.—весьма частая формула), и сложная: о҃нымъ (Быт. XXXI. 34, Остр. друг. текстъ, 3 Цств. XIV. 28, Остр. а҃, Іезек. IV. 9, Остр. другой текстъ, XXXVIII. 17, Остр. ты̀), которая, какъ и всѣ сложныя формы, въ болѣе древнемъ періодѣ церковнославянскаго отсутствуетъ. У М. Смотрицкаго одна простая форма—о҃ны (л. 165 на об.).

Синтактическая замѣна формой родительнаго довольно часта. Въ роли винит. п. встрѣчаемъ обѣ формы: простую—о҃нѣхъ (Прем. С. XI. 11, Остр. о́нѣхже, Перв. о҃нѣхъ же, Евр. IV. 8, Остр. о҃нѣхъ) и сложную о҃ныхъ (тамъже 14, Остр. ѝхъ; Неем. XIII. 11, Остр. другой текстъ, Быт. XIX. 9, Остр. о҃ны, Перв. о҃ны, Іоан. X. 35, а҃ще о҃ныхъ речѐ богѡ́въ... Остр. а҃ще о҃ны̀ речѐ богы, Первоп. также о҃ны̀ и т. д. см. также выше — родит. падежъ). Въ Остр. и Первоп., какъ видно, чаще исконный винит. падежъ. Въ среднемъ родѣ находимъ также обѣ формы: простую—о҃на (1 Макк. XI. 14, врємена̀ о҃на, Остр. по съ предл. мн., Второз. VII. 19, зна́менїмъ о҃на. Остр. и Первоп. о҃на, Дан. XI. 14, въ лѣта о҃на, Остр. та̀) и сложную о҃нам (Второз. XXIX. 3, Остр. и Первоп. о҃на, 1 Цств. XXV. 11, Остр. та̀, Іезек. VII. 20, Остр. є҃). У М. Смотрицкаго одна краткая форма о҃на (л. 166 на об.). Въ женскомъ родѣ имѣются также обѣ формы: простая о҃ны (1 Цств. XVII. 28, Остр. о́ны̀, Первоп. о҃ны, Дѣян. Ап. XX. 2. страны̀ о҃ны, Остр. ты́мъ) и сложная о҃нымъ (Лев. XX. 14, Остр. ѝхъ, Суд. XVI. 3, Остр. а҃). У М. Смотрицкаго одна простая форма о҃ны (л. 166).

Творительный падежъ представляетъ одну простую форму только въ мужескомъ родѣ (всего два случая): о҃нѣми (Д. Апост. XV. 9, Остр. о҃нѣми, Первоп. о҃нѣми. 1. Петра IV. 14, Остр. о҃нѣми, Первоп. ѡ҃нѣ́ми, съ удареніемъ, вызваннымъ вліяніемъ тѣ́ми). У М. Смотрицкаго простая форма о҃нѣми для всѣхъ трехъ родовъ (л. 165—166).

Предложный падежъ. Въ мужескомъ родѣ обѣ формы: про-

стая ѻ҃нѣхъ, очень частая въ сочетаніи во днéхъ—или по днéхъ—(Мр. I. 9, Остр. о҃нѣхъ, Первоп. ѻ҃нѣхъ, 2 Пар. XXI. 8, Остр. и Первоп. ѻ҃нѣхъ, Іерем. V. 18, Остр. тѣхъ, Евр. X. 16, Остр. ѻ҃нѣ҅хъ и т. д.) и сложная ѻ҃ныхъ (1 Парал. VII. 24, Остр. о҃ныхъ, Первоп. ѻ҃ныхъ, можетъ быть и предложный ср. рода, 2 Пар. XXXII, 24 во днéхъ ѻ҃ныхъ, Остр. по̀ дне҅хъ тѣ҅хъ). У М. Смотрицкаго одна простая форма ѻ҃нѣхъ для всѣхъ трехъ родовъ. Случай предложнаго ср. р. (простая форма): на мѣстѣхъ ѻ҃нѣхъ (Д. Ап. XVI. 3, Остр. о҃нѣхъ, Первоп. ѻ҃нѣхъ).

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ сложныя формы принадлежатъ позднѣйшему времени; въ текстахъ Остр. и Первоп. библій на ихъ мѣстѣ находятся простыя формы этой же или другихъ мѣстоименныхъ основъ, если текстъ тожественъ; очень часто сложныя формы въ Новой библіи имѣются въ такихъ мѣстахъ, чтеніе которыхъ сильно разнится отъ стараго текста, такъ что онѣ очевидно внесены при исправленіи. Въ Новой библіи замѣчается даже стремленіе къ замѣнѣ простыхъ формъ сложными. Простыя большею частью встрѣчаются въ готовыхъ формулахъ (сочетаніяхъ), сложившихся давно и очень устойчивыхъ, въ родѣ во вре́мѧ ѻ҃но, (во, по)днéхъ ѿнѣхъ и т. д. Если отбросить такія формулы, то числовое отношеніе между простыми и сложными формами представляется въ такихъ приблизительныхъ цифрахъ:

Единственное число: Им. м. р. простыхъ 3, сложныхъ 11, ж. р. простыхъ 3, сложныхъ 9, ср. р., наоборотъ, простыхъ 5, сложныхъ 4. Родительный: м. р. простыхъ 1, и 2 вмѣсто винит. п., всего три, сложныхъ—15 и, вмѣсто винит. 3, ж. р. простыхъ 3, сложныхъ 6, ср. р. только сложныя 4. Въ дательномъ находимъ однѣ простыя формы. Винительный м. р. простыхъ 4, сложныхъ 8, ж. р. простыхъ 9, сложныхъ 10, ср. р. простыхъ 4, сложныхъ 8. Творит. м. р. только сложный—2 случая, ж. р. только одна простая форма. Предложный имѣется также только простой: м. р. 4, ж. 2, ср. 3. Множественное число. Именит. м. р. 2 простыхъ, 6 сложныхъ, ж. р. только сложныя двѣ, средняго рода одна простая, двѣ сложныхъ. Род. м. р. простыхъ 6, сложныхъ 9, ж. р. одна простая, ср. р. два простыхъ, сложныхъ—3. Дательный м. р.

простыхъ 7, сложныхъ 8, ж. и ср. р. нѣтъ случаевъ. Винит. падежъ м. р. простыхъ 4, сложныхъ 5, ж. р. по одной ф., ср. простыхъ двѣ, сложныхъ 5. Творит. м. р. только двѣ простыхъ. Предложный м. р. наоборотъ—три простыхъ и двѣ сложныхъ, ср. р. одна простая. Родительный, вмѣсто винительнаго м. р.—три простыхъ и 10 сложныхъ. Общій итогъ: 78 простыхъ и 133 сложныхъ. Незначительная неточность, которая могла вкрасться при составленіи этого разсчета, не уничтожаетъ значенія этихъ цифръ, свидѣтельствующихъ о значительномъ перевѣсѣ сложныхъ формъ. Принадлежащей къ разсмотрѣнному морфологическому и семасіологическому гнѣзду чувствуется теперь очевидно и форма винит. ед. м. р. отъ относительнаго мѣстоименія и̑—о̑нь со вторичнымъ, абсорбированнымъ отъ предлога о; объ этомъ свидѣтельствуютъ не только обычныя написанія: въ дѐнь, въ о̑ньже не ча́етъ, и̑ въ ча́съ, въ о̑ньже не вѣсть (Матѳ. XXIV. 44, Остр. воньже и вънъже, Первоп. во́нь же), въ о̑нь (Лев. XXIII. 21, Остр. вонь, Первоп. во́нь), гдѣ предлогъ отдѣленъ и возстановлено (графически) ъ, но и такія, какъ во о̑ньже (1 Цств. XXI. 6, Остр. вто́и, Первоп. в то́й, Ис. XVII. 11, Остр. и Первоп. во́ньже).

Такія же приблизительно отношенія представляютъ менѣе богатыя примѣрами склоненія мѣстоименій и̑нъ, о̑въ. Мѣстоименіе са́мъ представляетъ нѣкоторыя особенности, такъ какъ въ извѣстныхъ падежахъ идетъ по типу мѣстоименныхъ основъ на jo-, какъ **и, сь** и т. д.

Какъ и у вышеразсмотрѣнныхъ мѣстоименныхъ основъ и здѣсь мы находимъ простыя формы рядомъ со сложными:

Единственное число. Именительный падежъ Въ мужескомъ родѣ простая форма са́мъ (2 Парал. XXVI. 20: и̑бо и̑ са́мъ тща́шесѧ, Іов. XXVIII. 23: са́мъ во вѣсть...); въ ж. р. также: сама̀ (Римл. VIII. 21, сама̀ тва́рь свободи́тсѧ, Остр. сама, Первоп. сама̀); въ ср. р. обѣ формы: простая са́мо (1 Іоан. Посл. II. 27: то̀ са́мо пома́заніе оу̑чи́тъ, Остр. только то̀) и сложная са́мое (1 Кор. XI. 4: са́мое е̑стество̀ оу̑чи́тъ вы̑... Остр. самое, Первоп. са́мое, 3 Ездры VIII. 9, Остр. др. текстъ). У М. Смотрицкаго

одна простая форма: са́мъ (л. 163), сама̀ (тамъ же на обор.) и са́мо.

Родительный муж. рода въ сложной формѣ: самагѡ̀ (Іов. I. 12, самагѡ̀ да не ко́снешисѧ, Остр. само́го же, Первоп. самого́ же простая форма) и сама́гѡ (Ефес. IV. 16, Остр. себѣ). У М. Смотрицкаго въ муж. р. простая форма, самогѡ̀, въ ж. сложная самы́ѧ, въ ср. также сложная самагѡ (безъ ударенія l. c.). Родительный вмѣсто винительнаго—самаго̀ же сщ҃е́нноградителѧ... оу҆би́ша (2 Макк. IV. 42, Остр. безъ мѣстоименія) — сложная форма съ обычной графической дифференціаціей (ѡ и о); сама́го (Іак. II. 8, Остр. самого, Первоп. самого̀) есть вѣроятно опечатка.

Дательный м. р. въ простой формѣ: самомꙋ (Мр. IV. I, Д. Ап. XXV. 25, Остр, самомꙋ, Первоп. какъ въ Новой). У М. Смотрицкаго м. и ср. родъ также въ простой формѣ, ж. р. имѣетъ обѣ: само́й: ѣ́й (л. 163 на обор.).

Винительный м. рода въ сложной формѣ: въ са́мый то́й де́нь (Эсѳ. VIII. 13, Остр. самы́й, Первоп. какъ въ Новой); ж. р. также самꙋ́ю (Іез. XXIII. 10, самꙋ́ю мече́мъ оу҆сѣ́кнꙋша, Остр. простая ф. самꙋ, Первоп. са́мꙋ. Характерно и удареніе, находящееся, быть можетъ, въ связи съ только что приведенной формой в. ед. м. р. самы́и изъ Остр. библіи) и са́мꙋю (П. Пѣсн. I. 7, Остр. самꙋю, Первоп. са́мꙋю); въ ср. р. опять только сложная форма: са́моє (Лев. VI. 5: да ѿда́стъ са́моє то̀ и҆́стоє, Остр. само́є, Первоп. са́моє). У М. Смотр. въ муж. родѣ одна форма родит. ед., въ ж. простая—са́мꙋ, въ среднемъ также простая—са́мо.

Творительный. Въ муж. родѣ простая форма: самѣ́мъ (Быт. XXII. 16, мно́ю самѣ́мъ клѧ́хсѧ, Остр. другой текстъ—собо́ю) и рядомъ по типу мѣстоименныхъ основъ на jo- сами́мъ (3 Ездры XIII. 26, сами́мъ собо́ю и҆зба́витъ, Остр. са́мъ себѣ), какъ въ современномъ русскомъ. У М. Смотрицкаго одна простая форма. Въ ж. родѣ также простая форма — са́мою (2 Макк. III. 8, Остр. другой текстъ, М. Смотр. л. 163 на обор.). Въ среднемъ родѣ—сложная: са́мымъ (2 Макк. IV. 12, под҆ са́мымъ краєгра́дїємъ, Остр. друг. текстъ). У М. Смотр. простая (л. 164).

Предложный муж. р. въ простой формѣ: самóмъ (3 Ездры IX. 1, въ себѣ..., Іоан. I. 22, ѿ тебѣ самóмъ..., тоже у М. Смотрицкаго). Въ ж. р. у М. Смотр. двѣ формы: простая и сложная самóй и самѣй, примѣровъ которымъ въ библ. текстѣ не имѣется. Ср. р. у М. Смотрицкаго одинаковъ съ мужескимъ (l. c.).

Формы двойственнаго числа, приведенныя у М. Смотрицкаго, въ библейскомъ текстѣ не встрѣчаются, и потому, какъ недостовѣрныя, могутъ быть оставлены безъ особаго вниманія. Им. вин. зв. во всѣхъ родахъ сáма (для ж. и ср. это мало вѣроятно), род. и пр. муж. и ср. самѹ̀, ж. самѹ̀ (опечатка?), дат. и твор. самѣмá.

Множественное число. Именительный муж. рода только въ простой формѣ—сáми (Быт. XLIV. 3, Остр. другой текстъ, Прем. Сол. XIII. 6, Остр. такъ же); у М. Смотрицкаго такъ же (л. 163 на обор.). Формы ж. и ср. рода въ библіи не встрѣчаются; у М. Смотрицкаго онѣ простыя: самы̀ и сáма (л. 163 на об. и л. 164).

Родительный муж. р. имѣетъ три формы: простую—самѣ́хъ (Д. Ап. XX. 30: ѿ нáсъ самѣ́хъ, Остр. самѣ́хъ, Первоп. какъ въ Новой, 1. Кор. V. 13, Остр. самѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), сложную—сáмыхъ (3 Ездры VIII. 10, ѿ сáмыхъ члéнѡвъ, Остр. ѿй̀ съставъ, Первоп. ѿ йхъ составъ) и вторичную, продуктъ морфологической ассимиляціи къ мѣстоименнымъ основамъ на jo-: самúхъ (Іезек. XXXIV. 8, вмѣсто винит. пасóша... самúхъ себѣ̀, Остр. и Первоп. сáми себѣ̀, Юд. II. 10, Остр. другой текстъ, Ис. III. 9, Остр. другой текстъ), какъ сúхъ, йхъ и т. д. У М. Смотрицкаго для всѣхъ трехъ родовъ простая форма—самѣ́хъ (l. c.). Формы ж. и ср. род., въ текстѣ библіи отсутствуютъ.

Дательный муж. р. — простая форма самѣмъ (2 Сол. I. 4, самѣмъ нáмъ, Остр. самѣмъ, Первоп. самѣмъ, 1 Кор. VII. 35, на пóльзѹ вáмъ самѣмъ, М. Смотрицк. для всѣхъ трехъ родовъ также самѣмъ).

Рядомъ вторичная форма по типу мѣстоименныхъ основъ на jo-: самúмъ (Быт. XLVII. 24, бѹ́дѹтъ вамъ самúмъ, Остр. только вамъ, 2. Макк. III. 2, слѹ́чáшесѧ ѝ самúмъ царѣ́мъ, Остр. сáми

цри, 1. Кор. I. 24, проповѣдуемъ... самимъ же званнымъ Іудеемъ, Остр. самѣмже, Первоп. самѣмъ же).

Сложная форма самымъ имѣется: Исх. XX. 23 (Остр. сами себѣ), 1 Ездры VI. 20, Остр. другой текстъ.

Винительный не встрѣчается. Имѣются только синтактическія замѣны родительнымъ: самѣхъ (Кол. III. 16, вразумляюще себе самѣхъ, Остр. и Первоп. такъ же) и самихъ (см. выше). У М. Смотрицкаго простыя формы: м. и ж. р. самы, ср. сама.

Творительный въ текстѣ библіи не встрѣчается. У М. Смотрицкаго простая форма самѣми для ж. и ср. родовъ, въ муж. самѣмъ—очевидная опечатка.

Предложный м. р. встрѣчается только въ простой формѣ—самѣхъ (Римл. I. 24, въ себѣ самѣхъ. Остр. самѣхъ, Первоп. самѣхъ). У М. Смотрицкаго для всѣхъ трехъ родовъ также самѣхъ. Кромѣ того имѣется и вторичная форма самихъ (Ис. V. 21, Остр. друг. текстъ).

Изъ другихъ мѣстоименій съ основой на о- укажемъ еще на нѣкоторыя формы, уклоняющіяся отъ старославянскаго или чѣмъ-нибудь замѣчательныя. Такъ морфологической ассимиляціей къ остальнымъ падежамъ объясняется творит. ед. отъ мѣстоименія вопросительнаго кто (стсл. **къто**)—кимъ (Л. XIV. 8, Остр. кимъ, стсл. **чѣмь**). Путемъ „аналогіи“ здѣсь возстановлено к, сохранившееся въ другихъ падежахъ въ силу особыхъ фонетическихъ условій.

Другимъ факторомъ въ образованіи данной формы весьма вѣроятно была параллельная форма чимъ, отвѣчающая стсл. **чимь**; не безъ вліянія оставались и формы творит. ед. прочихъ мѣстоименныхъ основъ на jo-, какъ симъ, имъ и т. д. Процессъ морфологической ассимиляціи здѣсь такимъ образомъ сложнѣе, чѣмъ тотъ, результатомъ котораго является соотвѣтственная русская форма *кѣмъ*. Мѣстоименія і҃акъ, та́къ склоняются, какъ и другія мѣстоименныя основы на о-, разсмотрѣнныя выше: тв. ед. м. р. і҃ацѣмъ (Іоан. V. 4, Остр. і҃ацѣмже), р. мн. і҃ацѣхъ (Мр. IX. 3, Остр. і҃ацѣхже, Первоп. і҃ацѣхже), тацѣхъ (тамъ же X. 14, Остр. тацѣ[х], Первоп. какъ въ Новой).

Склоненіе числительныхъ два, о҃ба въ общемъ сохранилось безъ особыхъ измѣненій.

Им. м. р. два̀ (Быт. II. 24), вин. м. р. два̀ (Быт. XXXIV. 25). Ср. р. им. дв҃ѣ (I. XXI. 8, дв҃ѣ стѐ), но рядомъ встрѣчается и форма муж. р., какъ въ русскомъ, вліяніемъ котораго она и объясняется: вин. два̀ свѣти́ла (Быт. I. 16, Остр. и Перв. еще дв҃ѣ свѣти́лѣ); ж. р. им. дв҃ѣ жены̀ (2 Макк. VI. 10), вин. дв҃ѣ жены̀ (Быт. IV. 19, Остр. и Первоп. дв҃ѣ жен҃ѣ). У Мел. Смотрицкаго для муж. и средн. рода два̀ (л. 154 и 155), для женскаго дв҃ѣ. У Зизанія для муж. р. два̀ (л. 41 на обор.), женск. р. дв҃ѣ, ср. р. дво́е (л. 42).

Родительный м. р. дв҃ сынѡ́въ (Быт. XXXVIII. 11, Остр. дв҃ѣ), ср. р. дв҃стѣ (Iезек. XLVIII. 17, Остр. дв҃ стѣ). Предложный м. р. на дв҃ дворѣ́хъ (4 Цств. XXI. 5, Остр. на́ дв҃ дворѣ̀). Въ стсл. чаще форма **дъвою** отъ **двой, дъвой**, основы на jo-. Примѣры этой послѣдней формы: ѿ двою̀ дрє́вѣ (Ис. VII. 4, Остр. дво́ю дрєвєсѣ, Первоп. двою̀ дрєвєсѣ), по двою̀ жѐ дню̀ (Іоан. IV. 43, Остр. двою, Первоп. двою̀), по двою̀ лѣтѣ (Быт. XLI. 1, Остр. другой текстъ), по двою̀ дворѣ (4 Цств. XXIII. 12, Остр. въ дво́ю, Первоп. двою̀). Рядомъ имѣется вторичная, заимствованная изъ русскаго форма съ окончаніемъ множ. числа: дв҃ѣхъ (род. м. р. 1. Ездры X. 13, Остр. и Первоп. дв҃ѣ, Ис. VII. 16, Остр. дво́ю, Первоп. двою̀, предложный м. рода Суд. X. 4: на трид҃есѧти дв҃ѣхъ ѻ҃слѣхъ, Остр. на л҃ ѻ҃слєхъ). У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ дво́ю (л. 41—42). Та же форма и у Мелет. Смотрицкаго для муж. рода: дво́ю (л. 154), для сред. двою̀ (л. 155) и для женскаго дв҃ѣю (л. 154 на об.). Дифференціація эта произвольна, какъ указываютъ приведенные выше примѣры изъ Библій. Въ Новой и Первопечатной безразлично имѣется только двою̀ для муж. и сред., а въ Острожской дво́ю. Форма же дв҃ѣю не встрѣчается.

Дательный и творительный. Для всѣхъ родовъ дв҃ѣма̀ (стсл. **дъвѣма**): дат. муж. рода дв҃ѣма̀ (Мр. XVI. 12, Остр. дв҃ѣма, Первоп. дв҃ѣма̀), твор. ср. р. дв҃ѣма̀ сто́ма (Мр. VI. 37, Остр. дв҃ѣма стома, Первоп. дв҃ѣма̀), ж. р. дв҃ѣма̀ ве́щми (Евр. VI. 18, Остр. дв҃ѣма̀ ве́щма), м. р. дв҃ѣма̀ тала́нты (3. Цств. XVI. 24, Остр. дв҃ѣма̀ тала́нтома). Рядомъ имѣется вторичная форма дат.

множ., заимствованная очевидно изъ русскаго: дв҃мъ рабы҃мъ (Быт. XXXIII. 1, Остр. род. дв. дв҃) и объясняющаяся морфологической ассимиляціей къ вторичной же формѣ дв҃хъ. I. Н. XIV. ст. 3, имѣемъ форму родит. дв. въ значеніи дат. дв. ср. р.: дадѐ... дв҃ племен҃мъ (Остр. двема̀ племе́не̂, Первоп. двѣма̀ племе́мъ). У Мелет. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ: двѣма́ (л. 154 и 155).

У Зизанія дифференціація по ударенію: муж. и жен. двѣма̀ (л. 41—42), ср. двѣма.

Такъ же склоняется о҃ба: им. м. р. о҃ба (Быт. II, 25), им. ж. р. о҃бѣ (дще́ри Лѵ́товы. Быт. XIX. 36), вин. м. р. о҃ба (Быт. XL. 2), ср. р. на о҃ба ра́мена (Исх. XXXVI), подъ вліяніемъ тождества им. вин. зв. м. и ср. рода въ именномъ склоненіи (основъ на о-), вмѣсто обѣ (Остр. и Перв. еще о҃бѣ ра́мѣ); но о҃бѣ ра́мѣ (Быт. IX. 23); вин. жен. р. о҃бѣ странѣ (Исх. XXVIII. 7): стсл. м. **оба**, ж. и ср. **обѣ**.

Родительный и предложный только отъ основы на jo- *о҃бо́й, какъ и въ стсл.: р. м. р. ѿ о҃бою̀ (I. Сир. XXII. 5, Остр. обо́ю, Первоп. обою̀), предл. м. р. ѵ҆ о҃бою̀ бра̂тѵ҃ (Матѳ. XX. 24, Остр. о҃бою, Первоп. ѵ҆бою̀): стсл. **обою**.

Дательный и творительный, какъ въ старославянскомъ: д. м. р. о҃бѣма бра́тома (Быт. IX. 22, Остр. о҃бѣма, Перв. о҃бѣма, Быт. III. 7, Апок. XI. 3, Остр. о҃бѣма, Перв. о҃бѣма и т. д.); творит. м. р. о҃бѣма (Быт. XXXII. 22): стсл. **обѣма**.

У М. Смотрицкаго находимъ своеобразныя педантскія попытки дифференцировать различные роды въ склоненіи данныхъ числительныхъ: муж. рода о҃ба, о҃бою (NB. удареніе), о҃бо́ма (NB. л. 152 на обор.), ср. р. о҃ба, о҃бою, о҃боима (безъ ударенія, л. 153), но ж. р. о҃бѣ (пропущено), о҃бѣю (NB.), о҃бѣма. Въ языкѣ Библіи эти попытки не находятъ оправданія.

Основы мѣстоименныя на jo-. Склоненіе мѣстоименія *и҃, ꙗ҃, е҃ не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ старославянскаго. Въ именительномъ падежѣ всѣхъ трехъ чиселъ первичныя формы утрачены; сохранились онѣ только въ сочетаніи съ частицей же: ед. чис. и҃же (Второзак. XXV. 19), ꙗ҃же (Быт. I. 7, 9), е҃же (Быт.

II. 16), множ. ч. їѧже (2 Ездры II. 6), ж. р. їѧже (Матѳ. XXV. 1), съ ѧ=ѩ, ср. р. їѧже (I. XXI. 25), стсл. ед. ч. **н, ѫ, ѥ**, мн. ч. **н, ѩ, ѫ**. Вмѣсто этихъ формъ находимъ соотвѣтственныя формы другаго указат. мѣстоименія **онъ** (напр. у Зизанія л. 45).

Родительный ед. М. р. ѥ̂гѡ̀ (Быт. II. 7, стсл. **ѥго**), ж. р. ѥ̂мѫ̀ (Б. XII. 6, стсл. **ѥѫ**). У М. Смотрицкаго такъ же (л. 178).

Дательный. М. р. ѥ̂мꙋ̀ (Матѳ. XXII. 19, стсл. **ѥмоу**), ж. р. ѥ̂й (Б. XXIV. 47, стсл. **ѥи**). М. См. ѥ̂моу̀, ѥ̂й (l. c.).

Винительный. М. р. и̂, довольно часто (Быт. XXXII. 8—по́лкъ, Исх. II. 35—ковче́жецъ, Исх. XXIV. 21—священника Азарію, Ис. XXXIII. 7—нищаго) въ значеніи личномъ и предметномъ. Въ первомъ значеніи весьма часто имѣется обычная замѣна формой род. ед. съ графической дифференціаціей: и̂ возвѣ́тъ ѥ̂гѡ̀ ѿ мѣ́ста ѥ̂гѡ̀ (Іов. XXVII. 21, Остр. въ обоихъ случаяхъ ѥ̂го, Первоп. уже ѥ̂гѡ̀... ѥ̂гѡ̀, ср. также М. XXVII. 35: распе́ншїи же ѥ̂гѡ̀, раздѣли́ша ри́зы ѥ̂гѡ̀, Остр. въ обоихъ случаяхъ ѥ̂го, Первоп. ѥ̂гѡ̀—ѥ̂гѡ̀). Обѣ формы нерѣдко встрѣчаются вмѣстѣ: и̂спыта́йте и̂ а̑ки верте́пъ, и̂ погꙋби́те ѥ̂гѡ̀ (Іерем. L. 26, Остр. другой текстъ); пове́рзи ѥ̂гѡ̀ на зе́млю. и̂ ве́рже и̂ на зе́млю (Исх. IV. 3, Остр. ѥ̂го... и̂, Первоп. ѥ̂гѡ̀... и̂). Женск. рода—ю̑ (М. I. 19, Б. XXXII. 8 и т. д.). Ср. р.—ѣ̑ (М. V. 29, Исх. II. 6 и т. д.): стсл. **н, ѫ, ѥ**. У М. См. ѥ̂гѡ̀, и̂, ю̑, ѣ̑ (л. 178).

Творительный. М. р. пре́дни́мъ (Л. I. 17, стсл. **имь**), М. См. и̑мъ; ж. р. ѣ̑ю (Быт. I. 28, стсл. **иѥѫ**), М. См. такъ же.

Предложный. М. р. на не́мъ (М. XII. 18, стсл. **ѥмь**); ж. р. въ не́й (М. I. 20, стсл. **ѥи**). У М. См. ѡ̑ ѣ̑мъ, ѡ̑ ѣ̑й рядомъ съ ѡ не́мъ, ѡ̑ не́й.

Двойственное число. Именительный не встрѣчается. Формы им. и вин. дв., приводимыя М. Смотр. (л. 178) м. и ср. а̑, ж. ѣ̑, ничѣмъ не подтверждаются въ текстѣ Библіи и являются однимъ изъ примѣровъ чисто теоретическихъ педантскихъ построеній этого грамматика. Родительный: м. р. ѥ̂ю̀ (М. XXI. 3, VIII. 30: — ѿ нею̀, Л. XV. 12 и т. д., стсл. **ию**). Дательный. М. р. и̑ма (Іис. Сир. VII. 30, Лев. X. 1), ж. р. и̑ма (Матѳ. XXVIII. 10, 11): стсл. **има**. Винительный двойственнаго за-

мѣненъ винительнымъ множественнаго: м. р. ѧ̑ (Мр. I. 20 Іакова и Іоанна: стсл. ѧ, Остр. и Первоп. ѧ̑), ж. р. ѧ̑ (Матѳ. XXVIII. 9, Руѳь I. 9, 1 Цств. VI. 10 Остр. и Перв. ѧ̑). Въ м. р. ѧ можетъ еще отвѣчать стсл. вин. дв. ѧ, но въ женскомъ мы ожидали бы *ѧ̑ (стсл. ѧ); такъ какъ церковнославянская орѳографія сохраняетъ написаніе ѧ, положимъ въ им. ж. р. ѧ̑же (стсл. ѧ), то и въ вин. дв. м. р. слѣдовало бы ожидать написаній съ ѧ. Вмѣсто нихъ однако мы имѣемъ такое же написаніе съ ѧ, какъ въ винительномъ множественнаго ѧ̑=стсл. ѧ, такъ что и вин. дв. м. р. ѧ̑ можетъ быть разсматриваемъ какъ вин. множ.

Творительный м. р.: съ ни́ма (Лук. XXIV. 15, стсл. **нма**).

Множественное число. Именительный не встрѣчается. Родительный не уклоняется отъ старославянскаго: ѧ̑хъ (Быт. XLIII. 24, мужеск. рода стсл. **нхъ**). Дательный также: ѧ̑мъ (М. II. 13. м. р., Л. XXIV. 4, 5. ж. р.). Винительный м. р. какъ въ старославянскомъ: ѧ̑ (Быт. XXV. 6, Ам. IX. 2, 3, стсл. ѧ), ж. р. также ѧ̑ (sѣ́зды Б. I. 17, стсл. ѧ), ср. р. ѧ̑ вмѣсто *ѧ̑ (Быт. XV. 10, стсл. ѧ). Рядомъ имѣются случаи синтактической замѣны родительнымъ: ѧ̑хъ (м. р. М. XXI. 14, 41, Остр. ѧ̑хъ, ѧ̑, ж. р. Мр. XVI. 8, Остр. ѧ̑) и т. д. У М. Смотр. находимъ графическую дифференціацію для написаній тожественныхъ формъ вин. м., ж. и ср.: въ муж. и ср. ѧ̑, въ ж. ѧ̑. Творительный: м. р. съ ни́ми (Б. XIX. 5, стсл. **нмн**), ж. р. прѣдни́ми (Лук. XXIV. 4, стсл. **нмн**) и т. д. Предложный муж. р. въ ни́хъ (Лук. XXII. 24, стсл. **нхъ**).

Такъ же мало измѣнилось склоненіе притяжательныхъ мѣстоименій мо́й, тво́й, свой.

Единственное число. Именительный м. р. мо́й (Матѳ. III. 17, стсл. **мой**), ж. р. моѧ̑ (Быт. XLIX. 3, стсл. **моѧ**), ср. р. моѐ (Іов. XXIII. 2, стсл. **моѥ**).

Родительный м. р. моѥгѡ̀ (Быт. XLVI. 31, стсл. **моѥго**), ср. р. такъ же (Іов. XXIII. 2), ж. р. моѥѧ̑ (тамъ же, стсл. **моѥѧ**). Дательный м. р. твоѥмꙋ̀ (Пс. V. 8, стсл. **твоѥмоу**), ср. р. такъ же (Пс. XLIV. 13), ж. р. своѐй (Исх. XXI. 26, 27, стсл. **своѥи**). Винительный м. р. мо́й (Іерем. VI. 19, стсл.

мой), ср. р. твоѐ (Исх. IV. 6, стсл. **твоіе**), ж. р. твою̀ (Руѳь III. 10. стсл. **твоѭ**). Случай синтактической замѣны винит. м. р. формой родительнаго: посыла́ю А҃г҃ла моего̀ (Мр. I. 2, Остр. моѐго, Первоп. моего̀: графическая дифференціація въ Первопечатной библіи проведена не послѣдовательно) и т. д. У М. См. приводится только одна форма родит. винит. (л. 170). Творительный м. р. мои́мъ (Быт. XLVIII. 32, стсл. **моимь**), ср. р. такъ же (Іерем. XX. 8), ж. р. свое́ю (1 Цетв. II. 10, стсл. **своеѭ**). Предложный м. р. моѐмъ (Эккл. II. 10, стсл. **моіемь**), ср. р. такъ же (Пс. XXIX. 7), но мо́емъ (3 Езд. XIII. 16, Остр. моѐмъ, Перв. моѐмъ), ж. р. мое́й (Руѳь I. 11, стсл. **моіеи**).

Двойственное число. И. м. р. твоа̀ (Пѣснь II. IV. 5, VII. 3: два̀ сосца̀—, стсл. **твоа**), вин. м. р. моа̀ (Римл. XVI. 3) и т. д. им. ж. р. моѝ (Пс. XVII. 37, стсл. **мои**), вин. ж. р. въ ρ҃ц҃ѣ моѝ (Быт. XXXIX. 8) и т. д. им. ср. р. о҃чи моѝ (Пс. CXL. 8, стсл. **мои**), вин. ср. р. возмѹ́ крилѣ̀ моѝ (Пс. CXXXVIII. 9) и т. д. У М. Смотр. находимъ формы им. ж. р. моѣ̀ (л. 170 на об.), твоѣ̀ (л. 171 на об.), своѣ̀ (л. 172 на об.), которыя, можетъ быть, были вызваны народными формами им. множ. моѣ̀, своѣ̀.

Родительный и предложный: предл. ср. р. во о҃чію мое́ю (Іерем. VII. 30, стсл. **моіею**), родит. ѿ о҃чію мое́ю (Быт. XXXI. 40), р. ж. р. ѿ ρ҃ѹкѹ́ мое́ю (Быт. XXXIII. 10) и т. д. У Визанія мое́ю и твое́ю. Сюда же надо отнести и формы мою̀, твою̀, которыя у него, вѣроятно, ошибочно отнесены къ им. вин. зв. (л. 46).

Дательный и творительный: дат. муж. р. свидѣтелема мои́ма (Апок. XI. 3. стсл. **моима**), тв. ж. р. ρ҃ка́ма мои́ма (Пс. LXXVI. 3), тв. ср. р. о҃чи́ма свои́ма (Лев. XX. 4), дат. ср. р. о҃чи́ма мои́ма (Пс. CXXXI. 4) и т. д.

Множественное число. Именительный муж. род. моѝ (Быт. XXXI. 43, стсл. **мои**), ж. р. моа̀ (тамъ же), ср. р. моа̀ (тамъ же). Графическая дифференціація двухъ послѣднихъ написаній иногда достигается употребленіемъ разныхъ знаковъ для обозначенія ударенія ` и ^, но проведена она далеко не послѣдовательно, такъ что является почти исключеніемъ: бєззакѡ́нїа моа̀ (Пс.

XXXVII. 5) и ра̑ны моѧ̀ (тамъ же, 6), оу̑ста̀ моѧ̀ (Пс. XXXIX. 4), чꙋдеса̀ твоѧ̀ (тамъ же, 6) и т. д. Въ среднемъ родѣ слѣдовало бы ожидать написаній съ ꙗ (стсл. ж. **моꙗ**, ср. **моꙗ**), но такъ какъ вообще знакъ ѧ въ церковнослав. графикѣ получилъ значеніе = а съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ или j, то формы им. ж. р. и ср. р. въ ней совпали совершенно. Иногда встрѣчается форма м. р., вмѣсто ж. или ср.: жи́тницы твоѝ (Второз. XXVIII. 5, 17, Остр. гꙋ́мна твоѝ, Первоп. такъ же), въ чемъ надо видѣть вліяніе русскаго языка.

Родительный м. род. мои́хъ (Ч. XXIII. 11), ж. р. такъ же (Іов. 34): стсл. **моихъ**.

Дательный м. р. свои́мъ (Быт. XLIX. 33), ж. р. мои́мъ (Пс. LVI. 7) и т. д.: стсл. **моимъ**.

Винительный м. р. моѧ̀ (Быт. XXVI. 5), ср. и ж. р. такъ же (тамъ же): стсл. м. и ж. **моꙗ**, ср. **моꙗ**.

Синтактическая замѣна родительнымъ въ м. родѣ: двои́хъ сынѡ́въ мо́ихъ оу̑бі́й (Быт. XLII. 37, Остр. сн҃а моѧ̀ о́ба, Первоп. такъ же—моѧ̀), но лю́ди твоѧ̀ (Пс. LXXVI. 21), сы́ны твоѧ̀ (Пс. CXLVII. 2). Иногда встрѣчаются формы им. вин. зв. ср. рода вмѣсто вин. множ. того же рода: ра́мы своѝ (Быт. XLIX. 15, Остр. ра́мѣ своѝ, Первоп. такъ же), но ра́мы своѧ̀ (Исх. XII. 34, Остр. и Перв. также); у Зизанія вин. м. р. мои̑, твои̑ (л. 46 на об.), ж. и ср. моѧ̑, твоѧ̑ (л. 47); такая неправильность объясняется просто подстановкой формы множ. ч. существительнаго на мѣсто формы двойственнаго ч., при чемъ слабость языковаго чутья въ области цслав. съ одной стороны и вліяніе роднаго языка съ другой помѣшали сдѣлать такую же замѣну и съ мѣстоименіемъ.

Звательный м. р. заимствуетъ форму винит. множ.: бра́тїє моѧ̀ (Іак. V. 12).

Творительный м. р. мои́ми (Б. XLIX. 29), ж. р. (Пс. VI. 7) и ср. (Іер. I. 12) такъ же; стсл. **моими**.

Предложный м. р. твои́хъ (Іов. XXII. 28), ж. р. свои́хъ (Іер. XXIII. 32), ср. р. мои́хъ (Быт. XXX. 3): стсл. **моихъ**.

Точно такъ же склоняются и мѣстоименія чі́й, на́шъ (стсл. **нашь**), ва́шъ (стсл. **вашь**). Извѣстныя особенности представляютъ только

нѣкоторые падежи множ. числа послѣднихъ двухъ мѣстоименій. Такъ, въ именительномъ множ. м. р., рядомъ съ „правильной“ формой на́ши, ва́ши (Быт. XLVI. 34, Исх. XII. 26, Остр. и Перв. ва́ша), встрѣчается форма винит. множ. ва́шѧ (ско́ти ва́шѧ, Второз. III. 19), употребленная какъ именительный. Встрѣчается также вмѣсто формы именит. множ. ж. р. форма, тождественная, какъ въ русскомъ, съ именит. мн. м. р. и которая въ сущности есть именит. двойств. ж. р.: „ѡ҃мы́ютсѧ но́ги ва́ши (Быт. XVIII. 4, Остр. ноги ваша, Перв. но́ги ваша), но винит. мн. но́ги ва́шѧ (Быт. XIX. 2, Остр. нозѣ ваши. Перв. но́зѣ ва́ши). Что касается именит. множ. ср. рода, то надо замѣтить графическую дифференціацію его съ одинаково звучащей формой им. мн. ж. р.: конечный гласный а, соотвѣтствующій въ ср. р. стсл. -а, въ ж. -ѧ, обозначается помощью а въ первомъ случаѣ (ли́ца на́ша: Дан. I. 13, Остр. ѻ҃зрачи на́ша, Первоп. ѡ҃зрачи на́шы; Быт. XXXIV. 23. ...на́ша... бꙋ́дꙋтъ, Остр. ед. ч., Прем. Сол. IX. 14. ѻ҃умышле́нїѧ на́ша, Остр. на́ша, Первоп. такъ же), ѧ во второмъ (рꙋ́ки на́шѧ: 1 Іоан. I. 1, Остр. и Первоп. на́ша). Дифференціація эта послѣдовательно проведена только въ Новой библіи, въ Остр. и Первопеч. она отсутствуетъ.

Дательный въ написаніи отличается отъ старосл. окончаніемъ -ымъ, что объясняется непалатальностью ш: на́шымъ (Прем. Сол. II. 12, ср. р., Остр. на́шимъ, Первоп. на́шымъ, Быт. L. 24, м. р., Остр. нашꙋ́, Перв. на́шымъ), ва́шымъ (Исх. XII. 24, м. р., Остр. ва́шимъ, Первоп. такъ же): стсл. **нашимъ, вашимъ**.

Въ написаніяхъ другихъ падежей однако эта непалатальность ш почти не даетъ себя чувствовать. Сверхъ непалатальности ш, т..е. причины фонетической, въ происхожденіи подобныхъ написаній могла играть роль и причина морфологическая — уподобляющее вліяніе дат. множ. сложныхъ именъ прилагательныхъ съ послѣднимъ согласнымъ основы непалатальнымъ, какъ до́брымъ и т. д.

Винительный множ. м. р. представляетъ двѣ формы — исконную: ва́шѧ (стсл. **вашѧ**, Исх. III. 22, Остр. ва́ша, Первоп. такъ же, Быт. XLVII. 16: скоты на́шѧ, Остр. ед. ч. и т. д.) и форму именит. множ. ва́ши, какъ въ русскомъ (Быт. L. 21,

до́мы ва́ши, Остр. ва́ша, Первоп. такъ же, Іерем. V. 17, хлѣбы ва́ши, Остр. хлѣбъ твои), которая, въ силу непалатальности ш, передается иногда написаніемъ ва́шы (помдѣ́ проро́ки ва́шы—Іерем. II. 30, Остр. ва́ша, Первоп. такъ же). Какъ видно изъ цитатъ, форма эта, вдобавокъ очень рѣдкая, является только въ Новой библіи и такимъ образомъ должна быть отнесена на счетъ вліянія русскаго языка. Остальные падежи не представляютъ ничего особеннаго. У М. См. находимъ формы им. дв. ч. ж. р., не оправдываемыя библейскимъ текстомъ и вызванныя педантическимъ и произвольнымъ стремленіемъ исправлять языкъ: на́шѣ (л. 176), ва́шѣ (л. 177 на обор.). У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ на́ша (л. 48).

Мѣстоименіе чі́й имѣется только въ нѣкоторыхъ формахъ: Ед. ч. им. м. р. чі́й (Быт. XXXII. 17), ж. р. чі́а (Б. XXIV. 23, удареніе какъ въ русскомъ. Остр. такъ же).

Р. ср. р. чі́его (Іов. XXXVIII. 29, Остр. чі́его, Первоп. какъ въ Нов.), ж. р. чі́ѣа (1 Цств. XII. 4, Остр. ничі́ѣа, Первоп. ничі́ѣа).

Тв. ср. р. чі́имъ (2 Ездры VI. 4, 11, Остр. им. ср. чі́е, Первоп. чі́ѣ).

Пр. ср. р. чі́ѣмъ (I. Сир. XXIV. 7, Остр. друг. текстъ).

Им. мн. ср. р. чі́а (Быт. XXXII. 17, Остр. чі́ѣ).

Такъ же, какъ мой, склоняются числительныя дво́й, о́бо́й, тро́й, имѣющіяся главнымъ образомъ въ формахъ множ. числа.

Именительный множ. м. род. дво́и лю́діе (Быт. XXV. 23, Остр. и Первоп. такъ же), им. мн. ср. р. врата́ тро́а (Іез. XLVIII. 31—34).

Родительный мн. ж. род.: двои́хъ рабы́нь (Быт. XXXI. 33, Остр. и Первоп. о́бою рабы́ню).

Дательный мн. м. р.: двои́мъ ѡ́ношамъ (I. Нав. VI. 21, Остр. и Первоп. двѣма́ же ѡ́ношама.

Винительный мн. ж. род. дво́и две́ри (3 Цств. VI. 32, Остр. дво́а, Первоп. такъ же), дво́и ри́зы (Суд. XVII. 10, Остр. двое ри́зы, Первоп. какъ въ Новой), форма эта тожественна съ им. дв. ж. р., но въ то же время можетъ быть вызвана вліяніемъ рус-

скихъ формъ; ср. р. двоѧ сїѧ слы́шахъ (Пс. XLI. 12, Остр. вин. ед. двоє сє̂, Первоп. двоѧ̀ сїѧ̀).

Предложный м. род. двои́хъ вертє́пахъ (3 Цств. XVIII. 4, Остр. двóю врътє́пꙋ, Первоп. двою̀ вертє́пꙋ).

Какъ именит. ср. р. ед. числа слѣдуетъ разсматривать форму двóє ѻслѧ́тъ (Суд. XIX. 3, Остр. такъ же), винит. ед. ср. р. на двóє (Лев. XI. 3, 4, Остр. съ русскимъ удареніемъ на́двоє, Первоп. такъ же), также двóє же ми сотвори́ши (Іов. XIII. 20).

Такія же почти отношенія представляетъ склоненіе ѿбóй.

Единственное число. Родительный ср. род. ѻ̂боєгѡ̀ (2 Макк. VIII. 22, Остр. другой текстъ, Притчи С. XXVII. 3, Остр. ѻ̆боє̂го, Первоп. ѻ̂боєгѡ̀).

Множественное число. Именительный м. р. ѻ̂бои̇ (2 Макк. X. 28, Остр. ѻ̂бои́, Первоп. такъ же), ср. р. ѻ̂боѧ̀ по́лны (Числ. VII. 13, 19, 25 и т. д. Остр. ѻ̂бóє, Первоп. ѻ̂боє̀; Притчи XX. 10, 12, Остр. ѻ̂боѧ, Первоп. обоѧ̀).

Родительный м. род. ѻ̂бои́хъ (Іоан. I. 40, Остр. ѻ̂бою, Первоп. ѻ̂бою̀; вм. вин.: Тов. VIII. 13, Остр. друг. текстъ. Ефес. II. 16, Остр. ѻ̂бои̇хъ, Первоп. ѻ̂бои́хъ).

Дательный м. род. ѻ̂бои́мъ двꙋ́мъ оўгламъ (Исх. XXVI. 24, Остр. ѻ̂бѣма оўглома, Первоп. ѻ̂бѣма, 3 Цств. VI. 25.

Винительный м. род. см. родит., ср. р. за ѻ̂боѧ̀ (Прем. Сол. XIV. 30, Остр. друг. текстъ).

Творительный м. род. над̾ ѻ̂бѣими столпа́ми (3 Цств. VII. 20, Остр. гл. VI другой текстъ), ж. р. со ѻ̂бѣими верєѧ́ми (Суд. XVI. 3, Остр. м. р. ѻ̂бѣи̇ма побóєма, Первоп. ѿбѣима по̆бóєма), безъ того различенія между этими двумя видами основы, какое имѣется въ русскомъ (не всегда и не вездѣ).

Предложный м. р. на ѻ̂бои́хъ краєхъ (Исх. XXVI. 19, 21, Остр. и Первоп. ѻ̂бою концꙋ̀), на ѻ̂бѣихъ столпѣхъ (3 Цств. VII. 42, Остр. гл. VI. на óбѣ столпѣхъ, Первоп. на ѻ̆бѣхъ...), ср. р. во ѻ̂бои́хъ оу̂шєсѣхъ (1 Цств. III. 11, Остр. им. дв.), во ѻ̂бои́хъ (Іис. Сир. XLI. 17, Остр. ѿ óбою), ж. р. на ѻ̂бои́хъ двєрѧ́хъ (3 Цств. VI. 34, Остр. другой текстъ). Основы обоj- и обѣj- употребляются, какъ видно изъ примѣровъ, безъ всякаго отно-

шенія къ роду; послѣдняя очевидно внесена изъ русскаго языка и въ Остр. библіи встрѣчается рѣже, чѣмъ въ Новой. У М. Смотрицкаго даже нѣтъ второй основы, вызванной вліяніемъ именит. двойств. ж. и ср. рода **обѣ**. Склоненіе первой основы во множ. ч. представляется у него въ такомъ видѣ:

И. м. р.	ôбои (удареніе?),	ж. р. ȍбоѧ,	ср. ȍбоѧ.
Р.	ôбои́хъ	ȍбоихъ (съ другимъ акцентомъ).	
Д.	ôбои́мъ	ôбои́мъ	ȍбоимъ
В.	ôбоѧ̀	ȍбоѧ	
Зв.	ѿ ôбои (удареніе?)	—	ѿ ȍбоѧ
Тв.	во всѣхъ родахъ ôбои́ми		
Предл.	ѡ̂ ôбои́хъ	ȍбоихъ	ôбои́хъ (лл. 152 на об. и 153).

Различной акцентуаціи тожественныхъ формъ едва ли можно придавать какое нибудь значеніе, кромѣ произвольной попытки дифференцировать одинаковыя формы.

Сложное мѣстоименіе кі́й (стсл. **кый**), ка́ѧ (стсл. **каꙗ**), ко́є (стсл. **коѥ**) въ косвенныхъ падежахъ представляло въ стслав. двѣ основы **къ-** и **коjо-**, которыя могутъ быть выдѣлены и въ церковнославянскихъ формахъ.

Единственное число. Им. ед. м. р. кі́й или кїй (Второз. XX. 5. 7, Остр. др. текстъ. Быт. XXXI. 36, Остр. др. текстъ, М. XXI. 31, Остр. кы́и, Первоп. кі́й, Л. XXII. 24, Остр. кїи), ж. р. ка́ѧ (М. XVI. 26, Остр. каа̀, Первоп. ка́ѧ), ср. р. ко́є (1 Цств. XVIII. 18, Д. Ап. VII. 49, Остр. и Первоп. такъ же). У М. См. кі́й, ка́ѧ, ко́є (л. 173 на об., 174). Въ Остр. библіи встрѣчается чисто русскій именительный ед. м. р. кои (3 Макк. IV. 3, Первоп. ко́й), въ основѣ котораго лежитъ стсл. **къи**.

Родительный м. и ср. р. ко́єгѡ (стсл. **коѥго**: м. р. I. Сир. XXXIV. 24, Остр. коє̂го, Первоп. какъ въ Новой, ср. р. Тов. V. 9. 11, Остр. др. текстъ, Неем. II. 6, Остр. коє̂го, Первоп. какъ въ Новой), ж. р. ко́єѧ (стсл. **коѥѩ**, Іона I. 8, Остр. коєѧ, Первоп. коєѧ̀, Д. Ап. XXIII. 34, Остр. коє̂ѧ̀, Первоп. коєѧ̀) и коєѧ̀ (Д. Ап. X. 29, Остр. др. текстъ). Удареніе ко́єѧ

вѣроятно позднѣйшаго происхожденія и вызвано уподобленіемъ къ другимъ падежамъ, гдѣ удареніе находится на основѣ. Ср. акцентуацію моєм҃ (см. выше), а также формы Первопечатной библіи коєм҃, приведенныя выше. У М. Смотр. м. и ср. ко́єгѡ, ж. ко́єѧ (l. c.).

Дательный м. и ср. р. ко́емꙋ (стсл. **коіємоу**: м. р. Лев. XXI. 17, Остр. коемꙋ, Первоп. ко́емꙋ), ж. р. ко́ей (Мр. IV. 30, Остр. ко́ей, Первоп. ко́єй, стсл. **коієи**). У М. Смотр. м. и ср. ко́емꙋ, ж. ко́ей (l. c.).

Винительный м. рода кі́й (Д. Ап. VII. 49, Остр. кіи, Первоп. кі́й, стсл. **кыи**), ж. р. кꙋю (стсл. чаще **коѭ**; Д. Ап. XXII. 24, Остр. кꙋю́, Первоп. какъ въ Новой), ср. р. ко́є (Іов. XXVII. 10, Остр. коє, Первоп. какъ въ Новой); у М. Смотр. въ м. р. только форма родит. вм. винит. ко́его (см. также Тов. I. 17, 18, Остр. другой текстъ), ж. кою́ю, ср. ко́є.

Творительный м. р. кі́имъ (стсл. **кыимь**, 3 Цств. XIII. 12, Остр. кы҃́имъ, Первоп. какъ въ Новой, 4 Цств. III. 8, Остр. кои́мъ҃, Перв. ко́имъ), ср. р. ко́имъ (Д. Ап. IV. 7, Остр. кои́мъ, Первоп. ко́имъ, Остр. Д. Ап. X. 29 ко́и҃ словѡ҃; 1 Кор. XV. 35, Остр. ко́и҃мже, Первоп. ко́имже) и кі́имъ (Дан. XIII. 58, Остр. кі́имъ, Первоп. кі́имъ); ж. р, ко́єю (стсл. **коієѭ**, М. XXI. 23, 24, 27, Остр. коєю҆. Первоп. коєю҆, Д. Ап. IV. 7, Остр. коєю҆, Первоп. ко́єю). Приведенныя формы замѣчательны въ отношеніи ударенія: въ Остр. библіи оно имѣлось на окончаніи: кои́мъ, коєю҆, въ Первопечатной уже ко́имъ, но коєю҆ (есть и ко́єю), въ Новой уже на основѣ ко́имъ, ко́єю. У М. Смотр. м. и ср. ко́имъ, ж. ко́єю.

Предложный м. и ср. р. ко́емъ (стсл. **коіємь**; сравн. ср. р. нѣкоемъ Второз. XXII. 6), у М. Смотр. такъ же; ж. р. ко́ей (стсл. **коієи**; Іов. XXXVIII. 19, Остр. коєи, Первоп. ко́єй); у М. Смотр. такъ же.

Двойственное число не имѣетъ примѣровъ въ текстѣ Библіи.

Им. вин. зв. муж. рода долженъ быть ка҃ (ср. два҆ нѣка҃ Л. VII. 18, вин. м. рода, Остр. нѣкаа, Первоп. нѣка҃). или *ко́м҃ (ср. стсл. **мои**), ж. и ср. *ко́и҃ (ср. стсл. **мои**). У М.

Смотр. кі҃ѧ для м. и ср., кі҃ѣ для женскаго—формы, не оправдываемыя текстами.

Род. и предл. у М. Смотрицкаго ко́єю, дат. и твор. ко́има и кі́има для всѣхъ трехъ родовъ (л. 173—174)—формы возможныя.

Множественное число. Именительный муж. рода представляетъ вторичное образованіе, въ которомъ, подъ вліяніемъ остальныхъ падежей, возстановлено к: кіи (стсл. **цни**; Ис. LX. 8, Остр. нѣцїи, Первоп. нѣцїи, Іоан. VI. 64, Остр. ктѡ̂); судя по формѣ нѣцыи (Неем. V. 2. 3, Остр. другой текстъ), мы должны были бы ожидать им. мн. м. р. *цыи, какого однако въ дѣйствительности не встрѣчается. У М. Смотрицкаго находимъ также только кіи (л. 173 на обор.). Изрѣдка встрѣчается форма винит. множ., употребленная въ смыслѣ именительнаго: кі҃ѧ сѷть... (3 Ездры IV. 7, стсл. **кыѧ**. Остр. другой текстъ—чтѡ̂ сѷть). Въ женскомъ родѣ никакихъ уклоненій отъ старославянскаго, кромѣ ы=и: кі҃ѧ (стсл. **кыѧ**, 3 Макк. IV. 3, Остр. другой текстъ). У М. Смотрицкаго такая же форма (л. 174). Въ среднемъ также: ка҆̂ѧ плємена҆̀ (стсл. **каѧ**; 3 Ездры III. 32, Остр. кацыи ѣ҆̂зы́цы). У М. Смотрицкаго ко́ѧ (л. 174 на об.)—форма, въ Библіи не встрѣчающаяся.

Родительный м. р. кі҃иχъ (стсл. **кынхъ**; Іона I. 8, Остр. кои҆́χъ, Первоп. кои҆́χъ съ другимъ удареніемъ, чѣмъ въ Новой библ., Матѳ. XVII. 25, Остр. кый, Первоп. кі҃иχъ), а также ко́иχъ (Юд. X. 12, Остр. друг. текстъ; вмѣсто винит. 3 Ездры V. 52, Остр. кой, Первоп. ко́иχъ. Зографск. ев. Л. XXIV. 19 **конхъ**). У М. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ только ко́иχъ (l. c.).

Дательный не встрѣчается; судя по формѣ м. р. нѣкі҃имъ (2 Макк. X. 18, Остр. нѣкои҆́χъ), онъ долженъ бы былъ имѣть форму кі҃имъ (стсл. **кынмъ**). У М. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ ко́имъ (l. c.).

Винительный м. р. слѣдовало бы ожидать кі҃ѧ (стсл. **кыѧ**. Ср. нѣкі҃а и нѣкі҃ѧ. Д. Ап. IX. 2. 19, Остр. нѣкі҃а, Первоп. нѣкі҃ѧ, а также вышеприведенную форму именит. множ. кі҃ѧ: 3 Ездры IV. 7). У М. Смотрицкаго кі҃ѧ. Обычныя синтактическія замѣны

формой родит. множ.: ко́ихъ (3 Ездры V. 52, см. выше, Евр. III. 17, Остр. ко́йхѥ, Первоп. ко́ихъ). Женск. рода кі҃м (стсл. **кыѭ**. Матѳ. XIX. 18, Остр. кы́а, Первоп. ки́м). У М. Смотр. также кі҃м (л. 174). Ср. рода должно бы быть ка́м (стсл. **кѫ**), если заключать на основаніи формы ка́ѫждо (1 Парал. XXVI. 13, Остр. коѭ́ждо, Первоп. ка́ѫждо, 2 Макк. XIV. 9, Остр. ко́ждо. Перв. такъ же). У М. Смотрицкаго мало вѣроятная форма кі҃м (л. 174 на обор.).

Творительный въ Библіи не встрѣчается. У М. Смотрицкаго для муж. и ж. р. коими и ки́ми (стсл. **кыими** заставляло бы ожидать *кі҃ими), для ср. р. коими и кі҃ими.

Предложный м. р. кі҃ихъ (стсл. **кыихъ**; Юд. VIII. 15, Остр. другой текстъ, ср. также кі҃ихждо, 2 Макк. II, 29, Остр. ко́йхъждо, Первоп. такъ же), ср. р. ко́ихъ (3 Ездры X. 38, Остр. ко́йхъ, Первоп. ко́ихъ); ж. р. кі҃ихждо (2 Ездры I. 16, Остр. друг. текстъ). У М. Смотрицкаго для м. р. ко́ихъ, кі҃ихъ, для ж. и ср. ко́й, кі҃й.

Точно такъ же или почти такъ же склоняются различныя сложныя мѣстоименія, въ составъ которыхъ входятъ кі҃й: нѣкі҃й (довольно частыя формы), никі҃йжѥ (Л. XVI, 13), кі҃йждо и т. д.

Относительно перваго изъ нихъ надо отмѣтить преобладаніе основы **къ-**; основа **коjо-** въ Новой б. имѣется только въ род., дат., предл. единственнаго, во множественномъ числѣ она совсѣмъ не встрѣчается. Именительный множеств. ч. м. р. всегда—нѣцыи (Мр. IX. 1, Остр. нѣціи, Первоп. нѣцыи); форма нѣкіи встрѣчается только въ Остр. б. (3 Ездры XIII. 13, Первоп. такъ же, Новая нѣцыи). Винит. множ. м. р. нѣкі҃м (2 Макк. IV. 32, Д. Ап. IX. 2. 19).

Слѣдуетъ отмѣтить еще нѣкоторыя формы съ „контракціей“ гласныхъ і-и: род. мн. муж. р. нѣкихъ (Іов. XXII. 8, Остр. нѣкі҃ихъ, Первоп. нѣкихъ, Л. IX. 7, Остр. нѣкыхъ, Первоп. нѣкихъ, 1 Тимоѳ. V. 24, Остр. нѣкѣ́й, Первоп. какъ въ Новоѝ), рядомъ съ нѣкі҃ихъ (2 Макк. IV. 8, Остр. друг. текстъ, X. 20, Остр. нѣкоѝхъ, Первоп. нѣкихъ), дат. мн. м. р. нѣкимъ (Л. XXI. 5, Остр. нѣкоимъ, Первоп. такъ же) и нѣкимъ (I. Тим. V. 24,

Остр. нѣкимже, Первоп. нѣкимъ же), рядомъ съ нѣкїимъ (2 Макк. X. 18, Остр. другой текстъ).

Собственно „контракцію“ гласныхъ въ этихъ формахъ едва ли можно видѣть. Гораздо правдоподобнѣе объясненіе ихъ морфологической ассимиляціей къ такимъ формамъ отъ мѣстоименныхъ основъ на jo-; какъ си́хъ, си́мъ, мои́хъ, мои́мъ, и̑хъ, и̑мъ и т. д. Процессъ уподобленія имѣлъ приблизительно такое направленіе: если рядомъ съ сіи, мои́, на́ши и т. д. имѣются формы си́хъ, си́мъ; мои́хъ, мои́мъ; на́шихъ, на́шымъ, то и рядомъ съ кіи, нѣкіи могутъ быть формы ки́хъ, ки́мъ, нѣкихъ, нѣкимъ. Такого же происхожденія должны быть приведенныя у М. Смотрицкаго (см. выше) формы твор. и предл.множ. ки́ми, ки́хъ.

Мѣстоименія се́й (стсл. **сь, снн**) и что̀ (стсл. **ѣто**), первоначально основы на i-, представляютъ въ своемъ склоненіи уже въ старославянскомъ характерныя черты мѣстоименныхъ основъ на jo-, которыя болѣе или менѣе сохраняются и въ церковнославянскомъ.

Мѣстоименіе се́й уклоняется отъ старослав. главнымъ образомъ въ им. и вин. падежахъ ед. и множ. числа. Склоненіе его представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Единственное число. Именительный м. р. только въ сложной формѣ се́й (стсл. **снн**, простая **сь**; Быт. IV. 20. 21. 22, Остр. се́и, Первоп. се́й) или сі́й (очень рѣдко: Мр. XII. 16, Остр. сїи, Первоп. сі́й). У М. Смотрицкаго се́й, сі́й (л. 168 на обор.). У Зизанія се́й (л. 49 на обор.). Простая форма совершенно исчезла. Въ ж. р. также одна сложная форма сі́а̀ (стсл. **сн**, Быт. II. 4, Остр. сіа̀, Л. II. 36, Остр. сѝ, Первоп. какъ въ Новой). У М. Смотрицкаго сі́а̀ и сѝ (л. 169). У Зизанія сі́а̀ (л. 49 на обор.). Форма ж. р. сѝ въ текстѣ Новой библ. совсѣмъ не встрѣчается. Средній родъ представляетъ обѣ формы: простую сѐ (очень рѣдко: Л. XVIII. 36 — что̀ оу҃бѡ ѥ̑сть сѐ, Остр. се̑, Первоп. сѐ, Исаія XXXVI. 6, въ смыслѣ нарѣчія сѐ оупова́єши, Іерем. V. 5), соотвѣтствующую стсл. **сє**, и сложную сіѐ (Эккл. XI. 6, Остр. се̑, Первоп. се́ли), въ основѣ которой лежитъ форма *сьjo-. У М. Смотрицкаго одна сложная форма сіѐ

(л. 169 на обор.). У Зизанія сі́є. Можно отмѣтить разницу въ акцентуаціи Зизанія сі́м, сі́є, рядомъ съ общими сі́м, сі́є (л. 49 на обор.).

Родительный м. и ср. рода сего́ (стсл. **сего**; м. р. 1 Цетв. IV. 16, Остр. сего́, Первоп. сего́, ср. р. Быт. II. 24, Остр. сего́, Первоп. сего́), ж. р. сея́ (стсл. **сеѧ**, Быт. XXI. 10, Остр. и Первоп. такъ же). У М. Смотрицкаго сего́, сея́ (l. c.).

Дательный м. р. сему́ (Лев. IV. 20, Остр. сему́, Первоп. сему́), ж. р. се́й (Мр. XI. 23, Остр. се́и, Первоп. се́й): стсл. **сему**, **сеи**. У М. Смотрицкаго м. и ср. сему́, ж. се́й.

Винительный м. р. се́й (Мс. XXXVI. 6, Остр. другой текстъ, стсл. **сѧ**, **сь**), обычная замѣна родит. сего́ (Іоан. VI. 27, Остр. сего, Первоп. сего), съ графической дифференціаціей. У М. Смотрицкаго только эта послѣдняя форма. Въ ж. родѣ сію́ (стсл. **сѣѧ**; Быт. XII. 7, Остр. и Первоп. какъ въ Новой). Въ ср. родѣ такія же двѣ формы, какъ въ именит.: простая сѐ (стсл. **се**; Лук. XIII. 8, и̑ сѐ лѣ́то, Остр. сѐ, Первоп. сѐ, Іоан. II. 22, сѐ глаго́лаше, Остр. сѐ Первоп. сѐ) и сложная сі́є (Мр. I. 39, Остр. сѐ, Первоп. се́, Быт. XXXVIII. 23, Остр. другой текстъ). Какъ видно изъ цитатъ (ср. также выше формы именит. ср. р.), форма сі́є въ Остр. и Первоп. встрѣчается рѣже, чѣмъ простая и болѣе древняя сѐ, почти исчезнувшая напротивъ въ Новой. У Зизанія м. сего́, ж. сію́, ср. сі́є (л. 49 на обор.).

Творительный м. и ср. р. си́мъ (Ис. XXXVI. 7, Остр. симъ, Первоп. си́мъ м. р. Тов. VI. 8, ср. р.: стсл. **снмь**); ж. р. се́ю (Числ. XIII. 18, Остр. и Первоп. такъ же, стсл. **сѣѭ**). У М. Смотрицкаго м. и ср. р. си́мь, ж. сею́, съ удареніемъ, вызваннымъ, очевидно, морфологической ассимиляціей къ такимъ формамъ, какъ сі́м, се́м, сію́. У Зизанія м. сѝ, ср. сѝмъ, ж. сею́ (л. 49 на обор.).

Предложный м. и ср. рода се́мъ (М. р. Быт. VII. 1, Остр. се́м, Первоп. се́мъ; ср. р. Быт. XXIV. 9, Остр. другой текстъ, стсл. **семь**), ж. р. се́й (Іоан. IV. 20, Остр. и Первоп. такъ же, стсл. **сеи**). У М. Смотрицкаго м. и ср. се́мъ, ж. се́й.

Двойственное число представлено, по обыкновенію, скудно.

Имѣется им. дв. ср. р. два сі҃а (Ис. XLVII. 9, Остр. о҆бо́є то҆) или два сі҃а (тамъ же LI. 19, Остр. дво́є сѐ), если только это не имен. множ. ср. р., на что указываетъ множ. число глагола. Согласно съ старосл. мы ожидали бы формы *сіи҆ (стсл. **сни**), которая въ текстѣ библіи не встрѣчается. Съ другой стороны приведенная форма сі҃а тожественна съ ожидаемой формой именит. дв. м. р. (ср. стсл. **сима**). У М. Смотрицкаго для муж. и ср. р. находимъ дѣйствительно одну форму сі҃а (л. 169 на обѣихъ сторонахъ), для ж. построенную по образцу **обѣ** и т. д., невозможную форму сі҃ѣ. У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ сі҃а и сі҃ю (л. 49 на обор.).

Родительный двойств. м. р. сею҆ (Д. Апост. I. 24, Остр. сею, Первоп. сею҆), ср. р. такъ же (Матѳ. V. 37, Остр. и Первоп. сею҆). Рядомъ имѣется предложный ж. р. сію҆, уклоняющійся отъ стсл. **сею** подъ вліяніемъ такихъ формъ, гдѣ имѣется основа сьjо- Матѳ. XXII. 40: въ сію҆ о҆бою҆ за́повѣдію... Остр. всію, Первоп. в҃ сію҆). У Зизанія для всѣхъ родовъ сі҃ю (л. 49 на обор.).

Дательный м. р. си҆ма (Д. Ап. IV. 16, Остр. и Первоп. такъ же, стсл. **сима**). У Зизанія си҆ма (л. 49 на обор.).

Множественное число. Именительный муж. р. сі҃и (стсл. **сни**), съ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго (Быт. XXXVI. 1, 5, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 и т. д. Остр. сіи҆, Первоп. сі҃и, Исх. XIV. 3, Остр. си҆, Первоп. си҆, какъ вси, 1 Парал. XII. 1. 14. 15, Остр. сіи, Первоп. сіи҆, Быт. X. 29. 31, Остр. сіи, Первоп. сіи҆, Числ. III. 9, 17, 20, 21, 27, 33, Остр. сіи҆, Первоп. также сіи҆) и которое является, повидимому, вторичнымъ (Остр. и Перв. почти вездѣ сіи҆) и вызваннымъ, быть можетъ, морфологической ассимиляціей къ ті҃и. У М. Смотрицкаго сі҃и, какъ въ Новой библ. Такъ же и у Зизанія (л. 49 на обор.). Въ ж. р. сі҃а (Быт. XLI. 4, Остр. сіа, Первоп. сі҃а); у М. Смотрицкаго также сі҃а (стсл. **сима**). У Зизанія сіа (л. 49 на обор.). Въ ср. р. также сі҃а (Исх. I. 1, Остр. си҆, Первоп. сі҃а) или сіа҆ (Матѳ. XXIV. 3, Остр. сіа, Первоп. сі҃а), въ основѣ каковой формы лежитъ стсл. **сима**. Разные знаки акцента, понятно, не имѣютъ никакого фонетическаго значенія и вѣроятно являются плодами попытки къ графической дифференціаціи тожественныхъ написаній сі҃а (им. ж. р.) и сіа҆

(им. ср. р.). У М. Смотрицкаго сі҃м (л. 169 на обор.); у Зизанія сі҃м (л. 49 на обор.).

Родительный не представляетъ никакихъ уклоненій отъ стсл.: м. р. сѝхъ (1 Цств. IV. 8), ср. р. такъ же (Притчи С. I. 5): стсл. **сихъ**.

Дательный также сохранился безъ особыхъ измѣненій: м. р. сѝмъ (Быт. XXIV. 28), ср. р. также сѝмъ (2 Макк. IV. 9, Остр. симже, Первоп. сѝмъ же) или сѝмъ Іак. III. 10, Остр. сѝмъ, Первоп. сѝмъ): стсл. **симъ**.

Винительный м. р. сі҃м (Іерем. VI. 19. 21, Остр. сіи, Первоп. сі҃м)—стсл. **сим**. У М. Смотрицкаго также сі҃м; ж. р. также сі҃м (М. Смотрицкаго л. 169 на обор.: стсл. **сим**), ср. р. сі҃м (Іерем. VI. 6, 9, 16, Остр. сіи, Первоп. сі҃м), съ графической дифференціаціей при помощи разныхъ знаковъ ударенія (м. и ж. ` ср. ^); въ основѣ этой послѣдней формы лежитъ стсл. **сим**; болѣе древняя стсл. форма **си** дала, быть можетъ, также начало вышеприведеннымъ формамъ им. муж. сѝ Остр. и Первоп. библій. У М. Смотр. также сі҃м. Обычная замѣна вин. м. р. родительнымъ: сѝхъ (Быт. XLVI. 18, Остр. другой текстъ). У Зизанія для м. р. сіи, для ж. и ср. сі҃м.

Творительный ничѣмъ не уклоняется отъ стслав.: м. р. сѝми (Исх. XVII. 5, Остр. другой текстъ), ср. р. такъ же (Быт. XV. 17, Остр. сѝми). У М. Смотр. во всѣхъ родахъ сѝми (стсл. **сими**).

Предложный м. р. сѝхъ (Быт. XXII. 1, Остр. предл. ед.) — стсл. **сихъ**. У М. Смотрицкаго такъ же.

Мѣстоименіе что̀ (стсл. **ѣто**), первоначально основа на і-, представляетъ въ своемъ склоненіи особое распространеніе основы чесо- (стсл. **ѣсо**, **ѣсо**), которая есть въ сущности родит. ед. отъ основы че-. Къ этой основѣ присоединяются падежныя окончанія. Это распространеніе замѣчается уже въ древнѣйшихъ старослав. памятникахъ, но въ новомъ церковнославянскомъ оно еще сильнѣе. У М. Смотр. именительный не только что̀, но и чесо̀ (л. 167).

Родительный п. чесѡ̀ (ра́ди... Исх. II. 13, Остр. что̀ ради, Первоп. чесѡ̀; Іов. XXXIII. 13, Остр. чесо, Первоп. чесѡ, Мр. VIII. 1, Остр. и Первоп. чесо̀) — стсл. **ѣсо**, **ѣсо**. Кромѣ

этой формы имѣется еще чесогѡ̀=стсл. **ьсого** (Быт. XXXVII. 16, 1 Цств. XX. 4, Остр. что̀, Первоп. что̀, Іов. XXXI. 16, Остр. другой текстъ), которая представляетъ изъ себя родит. чесѡ̀, взятый за основу+окончаніе родит. п. -гѡ. У М. Смотрицкаго чесѡ̀ и чесо́гѡ.

Дательный чесомѹ̀ (стсл. **ьсомоу**, **есомоу**: Быт. XV. 8, Остр. чесомѹ̀, Л. I. 18, Остр. чесомѹ̀, Первоп. чесомѹ̀, Іоан. XIII. 28, Остр. чесомѹ̀, Первоп. чесомѹ̀) = род. чесѡ̀ + окончаніе мѹ̀. У М. Смотрицкаго чемоу̀ (русская форма) и чесо́мѹ̀ (ibid.).

Винительный имѣетъ двѣ формы: исконную что̀ (стсл. **ьто**; Римл. IX. 11, Остр. и Первоп. чесо̀) и форму родит. падежа чесо̀ (синтактическая замѣна съ обычной графической дифференціаціей: Мр. XIII. 15, взѧ́ти чесо̀, Остр. чесо, Первоп. чесѡ̀). У М. Смотр. находимъ также обѣ формы что̀, чесо̀ (л. 167).

Творительный является (кромѣ именит.) единственнымъ падежомъ, оставшимся свободнымъ отъ проникновенія вторичной основы чесо и сохранившимъ стслав. форму: чи́мъ (стсл. **ѣмь**; Лев. VI. 2, Остр. чи̑, Первоп. чи́мъ; Суд. XVI. 5. 6, Остр. чи́мъ, чи̑, Перв. чи́мъ, I. Сир. XXXIV. 15, Остр. чи́мсѧ ѳдержи̑, Первоп. чи́мсѧ). У М. Смотрицкаго также чи́мъ (тамъ же).

Предложный, рядомъ съ исконной формой че́мъ (стсл. **ѣмь**: Суд. XVI. 5. 6, Остр. и Первоп. че́мъ, Ис. II. 22, Остр. другой текстъ), представляетъ вторичную чесо́мъ (стсл. **ѣсомь**; Пс. LV. 8, Остр. че́сом҃, Первоп. чесо́мъ, Римл. VIII. 26, Остр. что̀, Первоп. что̀, Суд. VI. 15, Остр. чи̑, Первоп. чи́мъ). У М. Смотрицкаго равнымъ образомъ че́мъ и чесо́мъ (тамъ же).

Въ парадигмахъ М. Смотрицкаго находимъ вторичную основу чесо̀ даже въ именительномъ падежѣ, куда она очевидно попала по недоразумѣнію изъ винительнаго. Акцентуація у него разнится отъ находимой въ печатныхъ текстахъ Библіи, и удареніе, подъ вліяніемъ акцентуаціи род. чесо̀, получившаго такое преобладающее значеніе, сохраняется на послѣднемъ слогѣ вторичной основы, тогда какъ въ библейскихъ формахъ оно находится на падежныхъ окончаніяхъ, какъ въ русскомъ языкѣ: чесомѹ̀ какъ *чему̀*, чесогѡ̀, какъ *чего̀* и т. д.

Мѣстоименіе вѐсь (стсл. **вьсь**), сохранило свое склоненіе безъ особыхъ уклоненій отъ старославянскаго.

Единственное число. Именительный падежъ м. р. вѐсь (Мр. I. 33, Остр. весь, Первоп. вѐсь, стсл. **вьсь**); ж. р. всѧ̀ (стсл. **вьсѣ**, **вьса**)=русск. вся (f's'a или fs'a): Мр. I. 5, Остр. всѧ̂, Первоп. всѧ̀; ср. р. всѐ (стсл. **вьсе**): Іоанна Посл. 1. II. 16, Остр. всѐ, Первоп. всѐ.

Родительный м. и ср. всѣгѡ̀ (ср. р. Іер. VIII. 2, Остр. друг. текстъ, Исх. XX. 17, Остр. всѣго скота̀, Первоп. всѣгѡ̀; стсл. **вьсѣго**), ж. р. всѣѧ̀ (Быт. I. 29, Остр. и Первоп. такъ же; стсл. **вьсѣѩ**).

Дательный м. и ср. р. всѣмꙋ̀ (м. р. Іоан. XXI. 25, Остр. всѣмꙋ̀, Первоп. всѣмꙋ̀; стсл. **вьсѣмоу**), ж. р. всѣ́й (Лук. VII. 17, Остр. всѣи, Первоп. всѣй, стсл. **вьсѣи**). У М. Смотрицкаго дат. м. и ср. р. всѣмоу̀ (л. 152).

Винительный м. р. вѐсь (вѐсь дѐнь Пс. XXXVI. 26, Остр. весь, Первоп. вѐсь; стсл. **вьсь**): У М. Смотрицкаго только форма родит. всѣго̀ (л. 152), съ обычной графической дифференціаціей (см. также Іоан. VII. 23, Остр. всего, Первоп. всѣго̀); ж. р. всю̀=русск. *всю* (fs'ú, f's'ú). Согласно старосл. **вьсѧ**, слѣдовало бы ожидать *всꙋ̀, которое или прямо замѣнено русской формой, или, какъ и эта послѣдняя, возникло подъ вліяніемъ основъ на jo-(jā-) съ одной стороны и именит. ед. ж. р. всѧ̀ съ другой. Ср. р. всѐ (Быт. II. 6, Остр. всѐ, Первоп. всѐ, стсл. **вьсе**).

Творительный м. и ср. р. всѣмъ (Мр. XII. 30, Остр. всѣмъ, Первоп. всѣмъ; стсл. **вьсѣмь**); у М. Смотрицкаго м. р. всѣмь, ср. всѣмъ. Въ ж. р. всѣ́ю (Мр. XII. 30, Остр. всею и всею̀, Первоп. всѣ́ю; стсл. **вьсѣѭ**).

Предложный м. и ср. р. всѣ́мъ (Эккл. I. 3, Остр. всѣ̂, Первоп. всѣ́мъ—м. р.; стсл. **вьсѣмь**); ж. р. всѣ́й (Мр. I. 39, Остр. всѣи, Первоп. всѣ́й; стсл. **вьсѣи**).

Двойственное число совсѣмъ не имѣетъ представителей въ библейскомъ текстѣ.

Множественное число. Именительный падежъ муж. рода всѝ (Быт. V. 5, стсл. **вьси**), ж. р. всѧ̀ (Быт. XLI. 57, Остр. всѧ̂,

Первоп. всѧ, стсл. **вьса**), ср. р. всѧ (Д. Ап. IV. 32, Остр. всѧ, Первоп. всѧ, стсл. **вьсѣ=вьсѩ, вьса**) съ графической дифференціаціей отъ ж. р. помощію разныхъ знаковъ ударенія.

Родительный м. р. всѣхъ (Быт. III. 1, Остр. и Первоп. такъ же, стсл. **вьсѣхъ**), ср. р. (Быт. II. 2), ж. р. (Іерем. VIII. 2), такъ же безъ всякихъ попытокъ къ дифференціаціи.

Дательный м. р. и ж. р. всѣмъ (Быт. II. 20, Остр. всѣмъ, Первоп. всѣмъ, стсл. **вьсѣмъ**), ср. р. такъ же (1 Цств. VIII. 8, Остр. другой текстъ).

Винительный м. р. всѧ (Быт. I. 25, Остр. всѧ, Первоп. всѧ, стсл. **вьса**, Быт. II. 19, Остр. всѣ, какъ въ русскомъ); родит. вм. винительнаго всѣхъ (Іов. XXXIV. 24, Остр. всѣхъ); ж. р. всѧ (Быт. II. 19, Остр. всѣ, Первоп. всѣ—формы русскія; Ис. IX. 15, Остр. всѧ, Первоп. всѧ; стсл. **вьса**); ср. р. всѧ съ графической дифференціаціей (Быт. VII. 5, Остр. другой текстъ, М. XXIV. 2, Остр. всѧ, Первоп. всѧ, Л. XVIII. 28, Остр. всѧ, Первоп. всѧ, стсл. **вьсѣ=вьсѩ, вьса**).

Дифференціація эта, какъ и у другихъ подобныхъ мѣстоименныхъ формъ, представляетъ собой позднѣйшее явленіе, свойственное языку Новой Библіи. Въ Острожской безразлично всѧ, въ Первопечатной всѧ. У М. Смотрицкаго также во всѣхъ родахъ всѧ.

Творительный м. р. всѣми (Быт. I. 26. 28, Остр. всѣми, Первоп. всѣми; стсл. **вьсѣми**); ср. р. такъ же (Исх. I. 14, Остр. всѣми, Первоп. всѣми).

Предложный м. и ж. р. всѣхъ (Быт. IX. 2, Остр. м. р. всѣхъ, ж. всѣхъ, Первоп. вездѣ всѣхъ; стсл. **вьсѣхъ**), ср. р. такъ же (Исх. XVIII. 9, Остр. другой текстъ).

Формы, приводимыя М. Смотрицкимъ, не представляютъ никакихъ особенностей.

§ 18. Имена прилагательныя сложныя. Въ склоненіи именъ прилагательныхъ (и причастій) сложныхъ характеристичной особенностью, составляющей принадлежность и русскаго соотвѣтствующаго склоненія, является „контракція“ гласныхъ, слѣдствіемъ которой получается болѣе тѣсное сплоченіе именной основы и мѣ-

стоименной между собою. Другая особенность, также раздѣляемая церковнославянскимъ съ русскимъ и вызванная очевидно вліяніемъ этого послѣдняго, есть образованіе нѣкоторыхъ падежей по типу мѣстоименныхъ основъ на о- и jo-. Въ старославянскихъ памятникахъ подобныя образованія встрѣчаются только спорадически, тогда какъ въ церковнославянскомъ они становятся правиломъ.

Бывшія основы на о-, ā-. Единственное число. Именительный падежъ не представляетъ особыхъ уклоненій отъ старославянскаго, кромѣ общихъ фонетическихъ: м. р. нѣмы́й (М. IX. 33, Остр. и Первоп. такъ же: нѣмы́и, нѣмы́й), рече́нный (Матѳ. III. 3), тѣ́сный (М. VII. 14) и т. д., но бл҃гі́й (Матѳ. XII. 35, Остр. бл҃гыи, Первоп. какъ въ Новой), мѧ́гкїй (Прем. Сол. II. 3, Остр. простая форма мѧкокъ), широ́кїй (М. VII. 13, Остр. и Первоп. простая форма): стсл. **нѣмый, благый, широкый** и т. д.; ср. р. небе́сноє (М. III. 2: нб҃ноє), до́броє (М. VII. 17)—стсл. **доброѥ**; ж. р. десна́ѧ (съ ѧ=ja. М. V. 30)—стсл. **десьнаꙗ**.

Родительный падежъ уже представляетъ въ муж. и ср. родѣ уклоненіе: м. р. вели́кагѡ (Матѳ. V. 35, Остр. вели́каго, Перв. какъ въ Новой), дрꙋга́го (вм. винит., чѣмъ и объясняется конечное о, а не ѡ: М. VI. 24): стсл. **новаѥго**; ж. р., кромѣ общихъ фонетическихъ измѣненій, не уклоняется отъ старославянскаго: плотскі́ѧ, мꙋ́жескїѧ (Іоан. I. 13, Остр. плотъскыѧ̀, мꙋжьскы́а, Первоп. пло́тскїѧ, мꙋ́жскїа)—стсл. **плътьскыѩ**.

Дательный падежъ муж. и ср. рода совершенно утратилъ исконную форму, вмѣсто которой находимъ образованіе по типу мѣстоименныхъ основъ на о-: м. р. слѣпо́мꙋ, нѣмо́мꙋ (М. XII. 22, Остр. слѣпомꙋ, нѣмомꙋ, Первоп., какъ въ Новой), разсла́бленномꙋ (Мр. II. 5, Остр. расла́бленомꙋ, Первоп. раз̾сла́бленомꙋ) и т. д., стсл. **новоуѥмоу**. Ожидаемыхъ сложныхъ формъ съ контракціей *но́вꙋмꙋ, *слѣпꙋ́мꙋ и т. д. въ текстѣ печатныхъ книгъ не встрѣчается. Дательный женск. р. не уклоняется отъ старославянскаго: содо́мстѣй (М. XI. 24, Остр. содо́мъстѣй, Перв. какъ въ Новой), ѡ҆брꙋче́нѣй (М. I. 18) и т. д., стсл. **новѣи**. У М. Смотрицкаго имѣется дат. ж. р. по типу мѣстоименій: бл҃го́й (л. 136), ст҃о́й (л. 134), какъ въ русскомъ.

Винительный м. р., рядомъ съ сохранившейся исконной формой ст҃ы́й (М. IV. 5), сꙋ́дный (М. XI. 24), представляетъ и обычную синтактическую замѣну формой родит. п. (см. выше). Ср. родъ не уклоняется отъ старославянскаго: Галїле́йскоє (Матѳ. XV. 29), а также и женскій: распꙋ́стнꙋю (Матѳ. XIX. 7), ѿгненнꙋю (Матѳ. XIII. 50): стсл. **новъıй, новоѥ, новѫѭ.**

Звательный тожественъ съ именит.: м. р. благі́й (М. XIX. 16), слѣпы́й (тамъ же XXIII. 26), ж. р. бл҃года́тнаѧ (Лук. I. 28).

Творительный м. и ср. р. отвѣчаетъ старославянской формѣ съ „контракціей" гласныхъ; послѣднимъ согласнымъ окончанія является m (мъ) вмѣсто ожидаемаго m' (стсл. **мь**), какъ вездѣ: м. р. ст҃ы́мъ (Матѳ. III. 11), пра́веднымъ (М. XXI. 32), ср. р. цр҃ко́внымъ (ibid. XXIII. 16). У М. Смотрицкаго ст҃ы́мь (л. 133, 134 на об.), благи́мь (л. 135, 137 на об.) и т. д., но бж҃їимъ (л. 142), па́вловымъ, па́влимъ (л. 146 на обор.): стсл. **новъıимь.** Въ женскомъ родѣ находимъ образованіе по типу мѣстоименій: чи́стою (М. XXVII. 59), непра́здною (Л. II. 5), какъ то́ю: стсл. **новѫѭ** и **новоѭ.** Какъ видно, образованіе это имѣетъ мѣсто уже въ старослав., гдѣ уже почти вытѣснило болѣе древнюю форму. Слѣдовъ этой послѣдней въ текстѣ печатныхъ книгъ не имѣется.

Предложный м. и ср. въ основѣ имѣетъ старослав. форму съ „контракціей" гласныхъ и послѣднимъ согласнымъ окончанія m (мъ) вм. m' (мь): м. р. бѣсо́встѣмъ (М. IX. 34), ср. род. цр҃ко́внѣмъ (Матѳ. IV. 5), Галїле́йстѣмъ (М. IV. 18), но́вѣмъ (М. XXVII. 60): стсл. **новѣѥмь.** Ж. родъ не уклоняется отъ старослав.: сме́ртнѣй (М. IV. 16), І҆ꙋде́йстѣй (тамъ же III. 1): стсл. **новѣи.** У М. Смотрицкаго находимъ частью исконныя контрагированныя формы: ст҃ѣ́м҆ (л. 133 и 134 на обор.), бла́зѣмъ (л. 135 и 136 на обор.), частью вторичныя, вызванныя въ русскомъ уподобляющимъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія и перенесенныя изъ него въ цслав.: ст҃о́м҆, бл҃го́мъ (и т. д. тамъ же). Въ ж. р. такой же параллелизмъ: ст҃о́й и ст҃ѣ́й, бл҃го́й и бла́зѣй (л. 134, 136) и т. д.

Двойственное число представлено скудно: именит. муж. рода

не уклоняется отъ старослав. — пасѡ́маѧ (Пѣснь Пѣсн. IV. 5, Остр. и Первоп. им. мн. пасо́мїи), вин. муж. дрꙋга̑ѧ два̀ тала́нта (Матѳ. XXV. 22, Остр. дрꙋгаѧ, Первоп. дрꙋга́ѧ): стсл. **новаꙗ**. Средній и женскій родъ не имѣютъ въ текстѣ библіи данныхъ формъ. У М. Смотрицкаго находимъ только простыя формы м. и ср. ст҃а, ж. ст҃ѣ (л. 133—134).

Родительный и предложный м. р. идутъ по типу мѣстоименныхъ основъ на о-: род. м. р. ѻ҆бѣ́шєною (Л. XXIII. 39, Остр. ѻ҆бѣше́ною, Первоп. ѡ҆бѣ́шєною), предл. м. р. ѡ҆ бѣсно́ю (М. VIII. 33, Остр. ѻ҆бѣ́сною, Первоп. ѻ҆бѣсно́ю): стсл. **новоую**. Формы ср. и ж. р. не встрѣчаются. У М. Смотрицкаго однѣ простыя формы.

Дательный и творительный имѣютъ въ своемъ основаніи старославянскую форму съ „контракціей“ гласныхъ: твор. ж. рода босы́ма нога́ма (2 Цств. XV. 30, Остр. бо́сыма, Первоп. какъ въ Новой), чи́стыма рꙋка́ма (Іов. XXII. 30, Остр. и Первоп. такъ же), ср. р. ѻ҆чи́ма І҆и҃лєвыма (2 Цств. III. 19, Остр. і҆и҃лєвыма, Первоп. і҆и҃лєвыма), до́брыма ѻ҆чи́ма (1 Цств. XVI. 12, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д.: стсл. **новъıима**.

Множественное число. Именительный всѣхъ трехъ родовъ сохраняетъ старослав. форму: м. р. слѣпі́и, хро́мїи, ме́ртвїи, глꙋсі́и (Матѳ. XI. 5, Остр. слѣпїи, хро́мїи, мр҃твїи, глꙋсїи, Первоп. такъ же, какъ въ Новой, кромѣ хромі́и), лю́дстїи (Пс. XLIV. 13, Остр. людьстїи, Первоп. какъ въ Новой), кро́тцыи (М. V. 5, Остр. кро́тцїи, Первоп. какъ въ Новой) и т. д., стсл. **новии**; ср. р. оу҆́зкаѧ (М. VII. 14, Остр. оу҆з̾скаа, Первоп. какъ въ Новой), дрꙋга̑ѧ (тамъ же XIII. 5. 7. 8, Остр. и Первоп. дрꙋга́ѧ) съ графической дифференціаціей отъ им. ед. ж. р.: стсл. **новаꙗ**; ж. р. мꙋ́дрыѧ (Матѳ. XXV. 4, Остр. мꙋдрыѧ, Первоп. мꙋ́дрыѧ), ю҆рѡ́дивыѧ (тамъ же, 4, Остр. юро́дивыѧ, Первоп. какъ въ Новой): стсл. **новъıѧ**. Изрѣдка встрѣчаются формы, вызванныя морфологической ассимиляціей. Таковъ им. мн. м. р. мно́гїи (3 Макк. III. 16, Остр. другой текстъ), образованный, какъ и соотвѣтственная русская форма *многіе*, отъ основы другихъ падежей съ возстановленіемъ г; мꙋ́хи оу҆ме́ршїи (Эккл. X. 1, Остр. также оу҆мръшїи) им. мн. ж. р. по типу им. мн. муж. р.

*

Родительный имѣетъ старослав. форму съ „контракціей“ гласныхъ: м. р. лжи́выхъ (М. VII. 15, Остр. очевидная опечатка лжихъ, Первоп. лжи́вы), ме́ртвыхъ (М. VIII. 22), ж. р. мно́гихъ (М. XIII. 58, вм. винит. мн., Остр. мно́гы, Первоп. мнѡ́ги) и т. д.: стсл. **новыихъ.** По типу мѣстоименій: ж. р. А҆арѡ́новѣхъ (Лук. I. 5, Остр. а҆а҆ро́новѣхъ, Первоп. а҆а҆рѡ́новѣхъ).

Дательный также отличается отъ старославянской формы только „контракціей“ гласныхъ: м. р. стра̑ннымъ (Матѳ. XXVII. 7, Остр. и Первоп. стра́ннымъ), ж. р. мꙋ́дрымъ (тамъ же XXV. 8), чл҃вѣ́ческимъ (Матѳ. XV. 9, Остр. вин. множ.), непра̑зднымъ (тамъ же XXIV. 19) и т. д. стсл. **новыимъ.**

Винительный сохраняетъ старославянскія формы: м. р. хромы́ѧ, слѣпы̑ѧ, нѣмы̑ѧ, бѣ́дныѧ (М. XV. 30, Остр. и Первоп. винит. простой), Галїле́йскїѧ (М. II. 22, Остр. галиле́йскїа, Перв. галїле́йскїа), людскі́ѧ (М. II. 4, Остр. лю̑скыѧ̀, Первоп. какъ въ Новой) и т. д., ж. р. Ту́рскїѧ и҆ Сїдѡ́нскїѧ (М. XV. 21, Остр. ту̏рскїа и҆ сидо́нскїа, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. стсл. **новыѩ**; ср. р. дѡ́браѧ (М. V. 16, Остр. до́браа, Первоп. до́браѧ), лꙋкава̑ѧ (Матѳ. IX. 4, Остр. и Первоп. лꙋка́ваѧ) и т. д.—стсл. **новаꙗ.**

Творительный, какъ въ русскомъ, отличается отъ старослав. только „контракціей“ гласныхъ (не говоря объ общихъ фонетическихъ отличіяхъ): м. р. разли́чными (М. IV. 24), мно́гими (М. XXV. 23, Остр. мно́гыми, Первоп. мнѡ́гими, рядомъ встрѣчается и мѣстоименная форма: мно́зѣми ро́ды: Ис. XXIV. 22, Остр. мно́ѕѣми, Первоп. мнѡзѣми), ср. р. оу̑зкими (М. VII. 13, Остр. оу̑зскыми, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. стсл. **новыими.**

Предложный также тожественъ съ русской формой и отличается отъ славянскаго „контракціей“ гласныхъ: нечи́стыхъ м. р. (М. X. 1) и т. д. стсл. **новыихъ.** Встрѣчаются и формы, вызванныя морфологической ассимиляціей къ мѣстоименному склоненію: въ страна́хъ А҆ха́йстѣхъ (2 Кор. XI. 10, Остр. а҆хаистѣхъ, Первоп. а҆ха́йстѣхъ), въ лю́дехъ тѧ́жцѣхъ (Пс. XXXIV. 18, Остр. тѧжцѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), какъ тѣ́хъ и т. д.

Форма тѧ́жцѣхъ можетъ быть и предложнымъ множ. простымъ (несложнымъ). У М. Смотрицкаго во всѣхъ родахъ одна сложная форма съ контракціей: ст҃ы́хъ (л. 134—135), благи́хъ (л. 135 на обор., 136, 137 и т. д.).

Основы на jo- въ общемъ представляютъ тѣ же отличія отъ старославянскаго соотвѣтствующаго склоненія, что и основы на о-.

Единственное число. Именительный сохраняетъ старославянск. форму: м. р. чꙋжді́й (Притчи XXIII. 27, Остр. тꙋждїи, Перв. чюжді́й, Ис. XLIII. 12, Остр. р. ед., 3 Цств. VIII. 43, Остр. чюжїи, Первоп. чюжі́й, 2 Парал. VI. 32. 33, Остр. чю́ждїи, Первоп. чюжді́й), тѧ́жшїй (Притчи С. XXVII. 3, Остр. тѧжїи, Первоп. тѧ́жшїи), мꙋдрѣ́йшїй (Бытія III. 1, Остр. мꙋдрѣиши, Первоп. мꙋдрѣ́йши) и т. д. бо́лїй (Матѳ. XI. 11), мні́й (тамъ же), ди́вїй (М. III. 4), крѣ́плїй (М. III. 11), Бж҃їй (М. IV. 1) и т. д. — стсл. **вышьн҃ий**; ж. р. бо́лшаѧ (М. XXII. 38, Остр. болшаа, Первоп. какъ въ Новой), ст҃ѧ́щаѧ (тамъ же, XXIII. 17, Остр. имен. множ.), дре́внѧѧ (1 Цств. XXIV. 14), у М. Смотрицкаго ни́щаѧ (л. 137 на обор.), сн҃о́внѧѧ (л. 140 на обор.) и т. д. стсл. **вышьнꙗꙗ**; ср. р. входѧ́щеє (М. XV. 11), Бж҃їє (М. XII. 28), у М. Смотрицкаго ни́щеє (л. 138), сн҃о́внеє (л. 141) и т. д., стсл. **вышьн҃ѥѥ**.

Родительный м. и ср. рода отличается отъ старославянской формы только „контракціей“ гласныхъ: м. р. Вы́шнѧгѡ (Л. I. 32; Остр. вы̑шнѧго, Первоп. вы́шнѧгѡ), дне́шнѧгѡ (Матѳ. XI, 23, Остр. дне́шнѧго, Первоп. какъ въ Новой), и҆́скреннѧго вм. винит. ед. (М. XIX. 19, Остр. и́скренѧго, Остр. и҆́скренѧго, съ графической дифференціаціей), поги́бшаго (тамъ же XVIII. 11, также вмѣсто винит.), вопїю́щагѡ (Матѳ. III. 3, Остр. въпїю́щаго, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.—стсл. **вышьнꙗѥго**; въ женскомъ родѣ имѣемъ вторичное образованіе по типу родит. ед. основъ на о-, причемъ ꙑ послѣ палатальнаго послѣдняго согласнаго основы даетъ -и: заблꙋ́ждшїѧ (Матѳ. XVIII. 12, Остр. заблꙋ́ждьшеѐ, Первоп. заблꙋ́ждьшеє), поги́бшїѧ (Л. XV. 4, Остр. исконная форма поги́бъшаа, Первоп. какъ въ Новой), ꙗ҆́вльшїѧсѧ (Матѳ. II. 7, Остр. ꙗ҆́влъшаасѧ, Первоп. какъ въ Новой); у

М. Смотрицкаго нищимъ (л. 137 на обор.), сновнимъ (л. 140 на обор.) и т. д.—стсл. **вышнимъ**. Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что новообразованіе это позднѣйшаго происхожденія, и въ Острожской библіи на его мѣстѣ находимъ исконную форму, измѣненную только согласно законамъ церковнослав. фонетики. Формы дивїмъ (Римл. XI. 24, Остр. дивїа, Перв. дивїа), Бжїмъ (тамъ же V. 2, Остр. бжїа, Первоп. бжїмъ) и т. д. являются вмѣсто ожидаемыхъ *дивїнаа, *божїнаа.

Дательный муж. и ср. рода уклоняется отъ старославянской формы и представляетъ собой новообразованіе, вызванное морфологической ассимиляціей или къ параллельнымъ основамъ на о-, причемъ о послѣ палатальнаго конечнаго согласнаго основы должно дать -є-, или прямо къ мѣстоименнымъ основамъ на jo-. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, оба указанные фактора могли дѣйствовать сразу. Муж. р.: ѯотѧщємѹ (Матѳ. V. 40, Остр. такъ же), просѧщємѹ (тамъ же 42), толкѹщємѹ (Матѳ. VII. 8), нынѣшнємѹ (Галат. IV. 25, Остр. нынѣшнємѹ), у М. Смотрицкаго сновнємѹ (л. 140) и т. д.—стсл. **вышнюємѹ**. Слѣдовъ этой послѣдней формы, которая должна была бы дать въ церковнославянскомъ *вышнюмѹ, въ текстѣ библіи не встрѣчается. Въ женскомъ родѣ находимъ форму, которая одинаково можетъ происходить или изъ исконной старославянской (съ є=стсл. ь), или быть плодомъ морфологической ассимиляціи къ параллельной формѣ отъ основъ на о-; а- (въ свою очередь плодъ морфологической ассимиляціи къ мѣстоименнымъ основамъ), какъ благо́й (о послѣ палатальнаго согласнаго должно дать є), а также и къ мѣстоименнымъ основамъ на jo-; ja- (какъ сѐй, ѣй и т. д.). Образованіе это тожественно съ соотвѣтствующей формой русскаго языка: сѹщєй (Дѣян. Ап. IX. 38, Остр. сѹщи, Первоп. сѹщи), свѣдѹщєй (Дѣян. V. 2, Остр. свѣдѹщи, Первоп. такъ же), болѣвшєй (Дѣян. IX. 37, Остр. и Первоп. болѣвши), бывшєй (2 Кор. II. 12. Остр. и Первоп. бывши), послѹшествѹющєй (Римл. IX. 1, Остр. послѹшествѹющи, Первоп. какъ въ Новой), у М. Смотрицкаго нищєй (л. 137 на обор.), сновнєй (л. 140 на об.) и т. д.—стсл. **вышьнн**. Подъ вліяніемъ исконной формы д. ж. р. основъ

на о-, а-, какъ бла́зѣй и т. д.;, являются (рѣдкія впрочемъ) написанія: за́днѣй странѣ (Іезек. XL. 40, 41, Остр. друг. текстъ), дома́шнѣй (Филим. I. 2, Остр. домашнеи, Первоп. какъ въ Новой. Уподобленіе написанія могло тѣмъ легче быть вызвано, что въ томъ же стихѣ имѣется возлю́бленнѣй) и т. д. Написанія эти, какъ видно, позднѣйшаго происхожденія. У М. Смотрицкаго они также встрѣчаются: сн҃овнѣй (л. 140 на об.), варна́влѣй (л. 144 на обор.), па́влѣй (л. 147) и т. д.

Винительный сохраняетъ старославянскую форму: м. р. бꙋ́дꙋщїй (М. XII. 32), ве́лїй (М. IV. 16) и т. д.; ж. р. дома́шнюю (Колосс. IV. 15), кромѣ́шнюю (М. VIII. 12), поги́бшꙋю (Л. XV. 6), сꙋ́щꙋю (Колосс. IV. 15), Бж҃їю (Матѳ. XV. 3) и т. д., ср. р. внꙋ́треннее, внѣ́шнее (Матѳ. XXIII. 26), Бж҃їе (Мр. IV. 30) и т. д.—стсл. **вышьнии, вышьнѭѭ, вышьнѥѥ.**

Творительный м. и ср. рода отличается отъ стслав. „контракціей“ гласныхъ (и послѣднимъ согласнымъ окончанія m вм. m': мъ вм. мь): м. р. гл҃ющимъ (Матѳ. I. 22, Остр. гл҃ющимъ), ве́лїимъ (М. XXIV. 31), ср. р. Гд҃нимъ (Л. I. 76, Остр. гн҃имъ), и т. д.—стсл. **вышьнинмь.** Женскій родъ сохраняетъ старослав. форму: чꙋжде́ю (Евр. IX. 25, Остр. чюже́ю, Первоп. такъ же), дома́шнею (1 Кор. XVI. 19), бо́льшею, соверше́ннѣйшею (Евр. IX. 11) и т. д.—стслав. **вышьнѥѭ, -нѭѭ.** Форма эта, съ одной стороны, тожественна съ соотвѣтствующей русской, съ другой съ такой же мѣстоименной (какъ се́ю и т. д.).

Предложный м. и ср. рода идетъ по типу мѣстоименныхъ основъ на jo-: ср. р. бы́вшемъ (Дѣян. IV. 21, Остр. бы́вшемъ), м. р. и҆сходѧ́щемъ (Матѳ. IV. 4, Остр. и҆сходѧ́щимъ, Первоп. такъ же), каю́щемсѧ (Лук. XV. 10, Остр. ка́ющимъсѧ, Первоп. какъ въ Новой), чꙋже́мъ (Лук. XVI. 12, Остр. чюжемъ, Первоп. какъ въ Новой), ср. р. вы́шнемъ (1 Парал. XXI. 29, Остр. и Первоп. какъ въ Новой) и т. д. у М. Смотр. ни́щемъ (л. 137 на обор., 138 на обор.), сн҃овнѣ (л. 140), сн҃о́внемъ (л. 141 на обор.), бж҃їемъ (л. 142, 143) и т. д. Исконная форма съ контракціей, отвѣчающая старославянской (**вышьнинмь**), встрѣчается еще довольно часто въ Острожской (см. приведенныя выше ци-

таты), но въ Первопечатной начинаетъ уже вытѣсняться вторичнымъ образованіемъ. Въ Новой она не встрѣчается. Рядомъ имѣются написанія, вызванныя вліяніемъ параллельныхъ формъ отъ основъ на о-: ср. р. послѣ́днѣмъ (Іоиль II. 20, Остр. послѣ̑нємъ, Первоп. какъ въ Новой, Л. XIV. 10, Остр. послѣ̑нємъ, Первоп. какъ въ Новой), пре́днѣмъ (Лук. XIV. 8, Остр. прє̑нємъ, Перв. какъ въ Новой), оу̑трєннѣмъ (Псал. XXI. заглавіе, Остр. оу̑трєнємъ, Первоп. какъ въ Новой); у М. Смотрицкаго м. и ср. сн҃о́внѣмъ (л. 140 и 141 на об.), ср. р. варна́влѣмъ (л. 145 на обор.), муж. и ср. р. па́влѣмъ (л. 146 на обор. и 148) и т. д. Въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ примѣръ весьма частой въ церковнославянскомъ графической ассимиляціи (морфологической ассимиляціи на письмѣ). Въ женскомъ родѣ, какъ и въ дательномъ того же рода, находимъ форму, которая одинаково можетъ быть сведена къ исконной старославянской (какъ **вышьн̑ии, нєсъшии**) или къ мѣстоименнымъ основамъ на jo-, jā-: сꙋ́щєй (Дѣян. XIII. 1, Остр. сꙋщєй, Первоп. какъ въ Новой), бы́вшєй (2 Кор. I. 8, Остр. бы́вшєи, Первоп. какъ въ Новой); у М. Смотр. ни́щєй (л. 138), сн҃овнєй (л. 140 на об.), бж҃їєй (л. 142 на об.), и т. д. Вмѣсто этихъ написаній находимъ также написанія съ ѣ, вызванныя морфологической ассимиляціей на письмѣ къ написаніямъ того же падежа отъ основъ на о-, ā-: послѣ́днѣй (1 Кор. XV. 52, Остр. послѣднєи, Первоп. послѣ́днєй), ве́рхнѣй (Быт. XL. 17, Остр. ве́рхнєи, Первоп. ве́рхнєй), внѣ́шнѣй (Эсѳ. IX. 19, Остр. другой текстъ); у М. Смотр. сн҃о́внѣй (л. 141), варна́влѣй (л. 145), па́влѣй (л. 147) и т. д.

Двойственное число. Им. вин. зв. не встрѣчается. Родительный м. р. по типу мѣстоименныхъ основъ на jo-: слы́шавшєю, ше́дшєю (Перв. Іоан. I. 40, Остр. слы́шавшою, ше̑шєю), какъ **сєю**, въ Новой библіи замѣненъ родит. множ.: слы́шавшихъ, ше́дшихъ: стсл. **вышьнюю, нєсъшоую.** Дательный м. р. бесѣ́дꙋющєма, совопроша́ющємасѧ (Лук. XXIV. 15, Остр. бесѣ́дꙋющєма, но съвопрашаю̑щимасѧ, Первоп. бесѣ́дꙋющєма, но совопраша́ющимасѧ), и̑сходѧ́щєма (Матѳ. IX. 32, Остр. такъ же), грѧдꙋ́щєма (Мр. XVI. 12, Остр. грѧдꙋщєма), ср. р. сконча́вшємасѧ (Дѣян. Ап. XXIV.

27, Остр. и Первоп. такъ же) представляетъ образованіе по типу простыхъ причастій настоящаго и прошедшаго дѣйствительнаго, какъ стсл. **несѫштема, несъшема.** Первичная форма, отвѣчающая стслав. **вышьи̑нима, несѫштинима,** имѣется въ вышеприведенномъ примѣрѣ Остр. съвопрошаю̑щимасѧ, Первоп. совопраша́ющимасѧ (Лук. XXIV. 15). Въ Новой библіи эта форма замѣнена вторичной. У М. Смотрицкаго им. вин. зв. и р. пр. только простой формы, дат. тв. правильно; ни́щима (л. 137 на об., 138), сн҃о́внима (л. 140 на об., 141), бж҃їима (л. 142—143 на об.) и т. д.

Множественное число. Именительный м. р. прилагательныхъ отвѣчаетъ старослав. формѣ: послѣ́днїи (Матѳ. XX. 12), ни́щїи (ibid. V. 3), Бж҃їи (ib. XXII. 30) и т. д.—стсл **вышьи̑ни.** У причастій находимъ только одно окончаніе -ии; слѣдовъ старослав. **-єи** въ Новой б. не встрѣчается: и̑щꙋщїи (Матѳ. II. 20, Остр. и̑щꙋщеѝ, Первоп. какъ въ Новой), сѣдѧ́щїи (Матѳ. IV. 16, Остр. сѣдѧ́щеѝ, Первоп. сѣдѧ́щии), пла́чꙋщїи (тамъ же V. 4, Остр. пла́чющеи, Первоп. пла́чющїи), а̑лчꙋщїи, жа́ждꙋщїи (тамъ же: 6, Остр. а̑лчющеѝ, жа́ждꙋщеѝ, Первоп. а̑лчющїи, жа́ждꙋщїи), трꙋжда́ющїисѧ (Матѳ. XI. 28, Остр. трꙋжа̑ющеисѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. стсл. **несѫштеи, несѫштии.** Первую изъ этихъ послѣднихъ формъ встрѣчаемъ въ Острожской библіи (хотя ея происхожденіе можетъ быть и другое), вторую въ Первопечатной и Новой, гдѣ она совершенно вытѣсняетъ первую. Въ женскомъ родѣ находимъ вторичное образованіе по типу параллельныхъ формъ отъ основъ на о-, ā-: про́чыѧ (Лук. XXIV. 10, Остр. и Первоп. про́чаѧ), мнѡ́жайшїѧ (Матѳ. XI. 20, Остр. множа́ишаѧ, Первоп. мнѡ́жайшыѧ), бы́вшыѧ (ibid. 21, 23, Остр. бы́вшаѧ, Первоп. какъ въ Новой), ка́плющыѧ (Лук. XXII. 44, Остр. им. ед. ж. р.), ѡ̑бращáющыѧсѧ (Руѳь I. 22, Остр. о̑бращáющисѧ, Первоп. ѡ̑бращáющисѧ — контрагированная форма именит. двойств. ж. р., ср. стсл. **несѫштии,** замѣненная въ Новой б. множественнымъ числомъ), сѣдѧ́щыѧ (Пѣснь II. V. 12, Остр. сѣдѧ́щїи имен. дв. ср. р.); у М. Смотрицкаго ни́щїѧ (л. 138), сн҃о́внїѧ (л. 141), и т. д. какъ мꙋ́дрыѧ. Морфологическая ассимиляція въ данномъ случаѣ простирается и на написа-

нія, въ которыхъ находимъ ы послѣ палатальныхъ согласныхъ, какъ про́чыѧ и т. д. Формы, отвѣчающія стсл. **вышьнѩѩ, несѫштаѩ**, встрѣчаются въ Острожской библіи, изрѣдка и въ Первопечатной, изъ которой, однако, онѣ уже начинаютъ вытѣсняться вторичными образованіями, перенесенными изъ русскаго языка.

Родительный отличается отъ старослав. формы только „контракціей“ гласныхъ: м. р. оу҆бива́ющихъ, могꙋ́щихъ (Матѳ. X. 28, Остр. оу҆бива́ющихъ, могꙋ́щихъ), ж. р. заблꙋ́ждшихъ (Матѳ. XVIII. 13) и т. д.—стсл. **вышьи҆нихъ, несѫштнихъ**, но про́чїихъ м. р. (2 Макк. XI. 3, Остр. и Первоп. также), какъ ве́лїихъ.

Дательный представляетъ такія же отношенія, т. е. разнится отъ стслав. только контракціей гласныхъ: про́чымъ лю́демъ (Неем. IV. 19, Остр. дат. мн. ж. про́чимъ ча́стемъ, Первоп. также про́чимъ), м. р. ѿше́дшымъ (Матѳ. II. 13, Остр. ѿше҆шимже, Первоп. какъ въ Новой), ни́щымъ (М. XIX. 21, Остр. и Перв. такъ же), сѣдѧ́щымъ (Матѳ. IV. 16, Остр. сѣдѧ́щи҆, Первоп. какъ въ Новой, ср. р. XI. 16, Остр. сѣдѧ́щим҆, Первоп. какъ въ Новой), просѧ́щымъ (М. VII. 11, Остр. просѧ́щи҆, Первоп. просѧ́щы҆) и т. д. ср. р. возглаша́ющымъ (Матѳ. XI. 16, Остр. възглаша́ющимъ, Первоп. возглаша́ющымъ), гл҃ющымъ (тамъ же 17, Остр. гл҃ющимъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.; ж. р. доѧ́щымъ (Матѳ. XXIV. 19, Остр. доѧ́щимъ, Первоп. какъ въ Новой), поги́вшымъ (ibid. X. 6, Остр. поги́вши҆, Первоп. какъ въ Новой) и т. д., но дре́внимъ (Матѳ. V. 21, 27) и т. д. стсл. **вышьи҆нимъ, несѫштнимъ**. Написанія съ ы послѣ ш могутъ объясняться и непалатальностью согласнаго; ы послѣ щ есть или результатъ распространенія чисто орѳографическаго правила, или продуктъ морфологической ассимиляціи на письмѣ (графической ассимиляціи) написаній вышеприведенныхъ формъ къ написаніямъ такихъ же формъ дат. множ. отъ основъ на о-, а҃-, какъ мꙋ́дрымъ и т. д. У М. Смотрицкаго однако ни́щимъ во всѣхъ родахъ (л. 137 на об., 138), но бїю́щымъ (л. 264 на об., 265), би́вшымъ (л. 266, 267) и т. д.

Винительный сохраняетъ старославянскую форму только въ среднемъ родѣ: гѡ́рнѧѧ (Лук. I. 39, Остр. го́рнѧа, Первоп.

го́рнѧѧ), бы̑вшаѧ (Матѳ. XVIII. 31, Остр. бывшаѧ, Первоп. бы́вшаѧ); у М. Смотр. ни́щаѧ (л. 138 на об.), сн҃о́внѧѧ (л. 141 на об.) и т. д.: стсл. **вышьнꙗꙗ, несѫштаꙗ**. Въ муж. и ж. р. находимъ вторичныя образованія по типу основъ на о-, ā-: м. р. ни́щыѧ (Матѳ. XXVI. 11, Остр. родит. множ. вмѣсто винит. ни́щи̑), болѧ́щыѧ (Матѳ. IV. 24, Остр. болѧ́щаа, Первоп. болѧ́щаѧ), грѧдꙋ́щыѧ (ibid. III. 7, Остр. и Первоп. простая форма грѧдꙋ́ща), бли́жнїѧ (Мр. I. 37, Остр. ближнѧа, Первоп. какъ въ Новой); прѡ́чїѧ (Іер. XV. 9, Остр. и Первоп. про́чїи), у М. Смотрицкаго ни́щыѧ (л. 137 на об.), сн҃овнїѧ (л. 140 на об.), бїю́щыѧ (л. 264 на об.), би́вшыѧ (л. 266 на об.); ж. р. ѡ̑ста́вшыѧсѧ (Быт. XXX. 36, Остр. о̑ставшаа̀, Первоп. ѡ̑ста́вшыѧ), и̑мѣющыѧ (4 Цств. VIII. 12, Остр. др. текстъ), у М. Смотрицкаго ни́щыѧ (л. 138), сн҃о́внїѧ (л. 141), бїю́щїѧ (л. 265), би́вшыѧ (л. 267) и т. д. Формы, отвѣчающія стслав. вин. множ. м. и ж. р. **вышьнꙗꙗ, несѫштаꙗ**, встрѣчаются только въ Острожской и Первопечатной, въ послѣдней рѣже, такъ какъ ихъ вытѣсняетъ вторичная форма, исключительно господствующая въ Новой. Написанія съ ы, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, объясняются частью непалатальностью ш, частью графической ассимиляціей къ написаніямъ, гдѣ ы оправдывается фонетическими условіями.

Творительный падежъ ничѣмъ не отличается, кромѣ „контракціи", отъ стслав. формы: м. р. жнꙋ́щими (Руѳь II. 6), ж. р. лꙋ́чшими (Евр. IX. 23), козлѧ́чими (Быт. XXVII. 16); у М. Смотрицкаго ни́щими во всѣхъ родахъ (л. 137 на об., 138), сн҃о́вними (л. 131 на об., 141), бїю́щими (л. 164 на об. 165), би́вшими (л. 266 на об., 267) и т. д. стсл. **вышьи̑ними, несѫштиими**.

Предложный также сохраняетъ стслав. форму, уклоняясь отъ нея только контракціей: ср. р. и̑сходѧ́щихъ (Лук. IV. 22), м. р. творѧ́щихъ (Лук. VI. 28), ж. р. ѻ̑вчихъ (Матѳ. VII. 15), да́льшихъ (2 Кор. X. 16); у М. Смотр. ни́щихъ (л. 137 на об., 138), сн҃о́внихъ (л. 140 на об., 141), бїю́щихъ (l. c.), би́вшихъ (l. c.) и т. д.—стсл. **вышьи̑нихъ, несѫштиихъ**; но про́чїихъ ср. р.

(2 Макк. XII, 11, Остр. прочихъ, Первоп. прóчихъ), какъ вéлiихъ. Въ этомъ склоненiи останавливаютъ на себѣ вниманiе нѣкоторыя формы, являющiяся результатомъ морфологической ассимиляцiи. Уподобляющими типами здѣсь служатъ формы собственно мѣстоименнаго склоненiя. Подобное же вліяніе мѣстоименнаго склоненiя на склоненiе именъ прилагательныхъ имѣется и въ русскомъ языкѣ. Церковнославянскiя формы, вызванныя этимъ вліяніемъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категорiи: А) формы, общiя русскому и церковнославянскому (respective, заимствованныя изъ перваго въ послѣдній), В) формы, принадлежащiя одному церковнославянскому. Въ ряду первыхъ отмѣтимъ дат. ед. ч. муж. и ср. рода основъ на о- слѣпóмѹ, нѣмóмѹ (см. выше) вмѣсто ожидаемыхъ *слѣпѹ́мѹ, *нѣмѹ́мѹ (стсл. **новоуємоу**)—плодъ ассимиляцiи къ дат. ед. мѣстоименiй (**томоу**); такую же форму основъ на jо- хотя́щемѹ—плодъ морфологической ассимиляцiи съ одной стороны къ только что приведенной формѣ, съ другой къ соотвѣтствующему падежу мѣстоименiй семѹ, всемѹ и т. д. предложный м. и ср. р. основъ на о- у М. Смотр. сто́м, бл҃го́мъ по типу то́мъ (стсл. **томь**) и т. д.; дат. и предл. ед. ж. р., находимый у М. Смотрицкаго, — бл҃го́й и т. д. по типу мѣстоименныхъ основъ на о-, ā-; предложный ед. м. и ср. рода отъ основъ на jо-, какъ ни́щемъ (стсл. **въшьнѣмь**) по типу **семь**; родит. ед. ж. р. основъ на jā-, какъ ни́щимь (по типу род. ед. основъ ж. р. на ā-: до́брыѧ); именит. множ. ж. р. основъ на jā-, какъ ни́щыѧ (стсл. **въшьнѣѧ**) по типу такого же падежа отъ основъ на ā- (до́брыѧ); винит. того же числа муж. и ж. р. основъ на jо-, jā-, какъ ни́щыѧ (стсл. **въшьнѣѧ**) по типу такого же падежа отъ основъ на о-, ā- (добрыѧ). Всѣ эти новообразованiя свойственны русскому и изъ него очевидно перенесены въ церковнославянскiй. Ко второй категорiи формъ, свойственныхъ одному церковнославянскому и развившихся въ немъ, относятся, напр., предложные множ. ч. м. р. тѣ́жцѣхъ (см. выше), ж. р. Ахаи́стѣхъ (см. выше) по типу предл. множ. мѣстоименiй тѣ́хъ, всѣ́хъ и т. д.; родит. множ. ж. р., какъ Аарѡ́новѣхъ (Лук. I. 5, см. выше) также по типу тѣ́хъ и т. п. (но м. р. Їи҃левыхъ

Римл. IX. 27); род. и предл. двойств. отъ основъ на о- и jo-: бѣсно́ю, ше́дшєю по типу то́ю, сєю̀ и т. д. (см. выше).

Имя прилагательное чꙋжді́й (стсл. **штоуждь, штоуждии**) представляетъ въ нѣкоторыхъ падежахъ первичную основу на jo-, въ другихъ же идетъ по типу основъ на о-, что объясняется отсутствіемъ всякаго критерія для произношенія сочетанія жд въ живомъ языкѣ писавшихъ на церковнославянскомъ.

Единственное число. Именительный м. р. чюжді́й, (3 Цств. VIII. 43, Остр. чюжїи, Первоп. чюжі́й—чисто русскія формы по консонантизму; Притчи С. XXVII. 2, Остр. тꙋждїи, Первоп. чꙋжді́и; 2 Парал. VI. 32. 33, Остр. чю́ждїи, Первоп. чюжді́й; Ис. XLIII. 12, Остр. р. п. чю́ждєго, Первоп. чюжда́го) и чꙋжды́й (Іис. Сир. XXXII. 20; рядомъ го́рдый, Остр. тꙋждь, Первоп. тꙋ́ждь).

Родительный м. р. чꙋжда́гѡ (Іоан. X. 5, Остр. чꙋжаго, Первоп. чꙋжа́го), ж. р. чꙋжді́ѧ (Тов. IV. 12, Остр. друг. текстъ, Притчи С. VII. 5, Остр. тꙋждєѧ, Первоп. какъ въ Новой, IX. 8, Остр. тꙋждаѧ=стсл. **штоуждаѩ**, Первоп. какъ въ Новой, XX. 16, Остр. друг. текстъ, Іис. Сир. IX. 8, Остр. чюжїѧ, Первоп. чюжді́ѧ).

Дательный м. р. чꙋжде́мꙋ (3 Цств. VIII. 41, Остр. дат. мн. чю́ждимъ, Первоп. чюжди́мъ, ср. также Остр. б. Іоан. X. 5, чꙋжємꙋ, Первоп. чюжде́мꙋ, Притчи XXVI. 17, Остр. вин. ед. тꙋждь, Іис. Сир. XLIX. 7, Остр. тꙋждємꙋ, Первоп. какъ въ Новой); ж. р. чꙋжде́й (Притчи С. V. 20, Остр. тꙋ́ждїи, Первоп. чꙋжде́й).

Винительный м. р. чꙋжді́й (Лев. XVI. 1, Остр. чю́ждъ, Первоп. такъ же), род. вм. винит. чꙋжда́го (Второз. XVII. 15, Остр. чю́ждаго, Первоп. чюжда́го); ж. р. чꙋждꙋ́ю (Притчи IX. 18, Остр. тꙋ́ждꙋ, Первоп. чꙋ́ждꙋ).

Творительный ср. р. чꙋжди́мъ (Іис. Сир. XXI. 9, Остр. чюжимъ, Первоп. чюжи́мъ).

Предложный ж. р. чꙋжде́й (1 Макк. VI. 13, Остр. чю́ждєи, Первоп. чюжде́й, 3 Макк. VI. 2, Остр. чю́ждєи, Первоп. чюжде́й); м. р. чꙋжде́мъ (Іоан. X. 5, Остр. дат. ед.).

Множественное число. Именительный м. р.: чѫждіи (Ис. I. 7, Остр. чю́ждіи, Первоп. чюждіи; 2 Цств. XXII. 45, Остр. тѫждіи, Первоп. какъ въ Новой; Пс. CVIII. 11, Остр. русск. форма чѫжіи, Первоп. чюждіи); ж. р. чѫждіѧ (3 Цств. XI. 4, Остр. чѫждаѧ=штоуждаѧ, Первоп. какъ въ Новой).

Родительный м. р. чѫждѝхъ (Пс. XVIII. 14, Остр. чюа҃хъ, Первоп. чюждѝхъ; Пс. CXLIII. 7, Остр. чѫжихъ, Первоп. чюжѝхъ; I Макк. I. 44, Остр. чю́ждѣ, Первоп. чюждѝхъ), но чѫждыхъ (2 Парал. XIV. 3, Остр. вин. мн. м. р. чю́ждаѧ, Первоп. чюждіѧ; Іов. XIX. 13, вм. винит. Остр. и Первоп. чю́жа р. ед.).

Дательный м. р. чѫждѝмъ (2 Парал. XXVIII. 25, Остр. другой текстъ, 1. Цств. XXVI. 19, Остр. чѫждимъ, Первоп. чюждимъ) или чѫждѣ́мъ (Пс. XLVIII. 11, Остр. чюжѝмъ—съ очень рѣдкимъ здѣсь удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, Первоп. чюждѝмъ, Іерем. III. 13, Остр. чю́а҃имъ, Первоп. чюждѝмъ), ж. р. чѫждѝмъ (3 Цств. XI. 8, Остр. и Первоп. чѫжѝмъ).

Винительный м. р. только чѫждыѧ (3 Цств. IX. 9, Остр. чѫжаѧ=руссифицированной стсл. формѣ штоуждаѧ, Первоп. чѫжіѧ; Притчи С. V. 10. Остр. тѫждаѧ, Первоп. чѫждіѧ; Іезек. XXVIII. 7, Остр. род. ед. вм. вин. чюа҃а), ж. р. чѫждіѧ (1 Ездры X. 2, Остр. чюждіа, Первоп. чюждіѧ), въ чѫждіѧ ꙗ҃зцѣ (прилагательное во множ. ч., существительное въ двойственномъ: Іезек. VII. 21, Остр. и Первоп. чю́жди—правильная простая форма им. вин. зв. двойств.), но чѫждыѧ (4 Цств. XIX. 24, Остр. вин. ед. чѫа҃ѫ); ср. р. чѫждаа҃ѧ (Іис. Сир. XXIX. 22, Остр. другой текстъ. Притчи XI. 24, Остр. тѫждѧ, Первоп. чюждаа҃ѧ), чѫждаа҃ѧ (Ос. VIII. 12, Остр. чю́ждаѧ, Перв. такъ же) и чѫждаѧ (единственный случай съ удареніемъ на корнѣ въ Новой библіи: 2 Макк. XIV. 26, Остр. дат. ж. мн. ч. чюждимъ).

Творительный ср. р. чѫждыми (Іис. Сир. XL. 30. Остр. тѫждими, Первоп. чюждѝми) по типу основъ на о-.

Предложный ж. р. чѫждихъ (Іис. Сир. XXIX. 21, 25, Остр. тѫждихъ, Первоп. какъ въ Новой; Іерем. XI. 10, Остр. чю́жихъ, Первоп. чюждѝхъ).

Наличность такихъ формъ и написаній, какъ р. ед. м. р.

чꙋжда́гѡ, вин. ед. ж. р. чꙋждꙋ́ю, именит. мн. ж. р. чꙋ́ждаѧ (Остр. библ.), имен. вин. мн. ср. р. чꙋжда̑ѧ (стслав. **штоуждааго, штоуждѫѭ, штоуждаꙗ, штоуждаꙗ**), гдѣ, конечно, д обозначало собой согласный непалатальный, вызвала и появленіе им. ед. м. р. чꙋжды́й, род. мн. чꙋжды́хъ, винит. мн. м. и ж. р. чꙋжды́ѧ. Въ данномъ случаѣ новообразованія вызваны вліяніемъ графики. Формы и написанія чꙋжда́гѡ, чꙋждꙋ́ю, чꙋжда̑ѧ и т. д. чувствовались вполнѣ тожественными съ формами и написаніями напр. го́рдагѡ, го́рдꙋю, го́рдаѧ и т. д., вслѣдствіе чего возникли и вышеприведенныя формы чꙋжды́й, какъ го́рдый, чꙋжды́хъ, какъ го́рдыхъ и т. д.

§ 19. Степени сравненія. Въ образованіи степеней сравненія останавливаетъ на себѣ вниманіе исчезновеніе простой или неопредѣленной формы сравнительной степени. Какъ остатокъ ея, встрѣчается изрѣдка именительный ед. ж. р.: го́рши (Мр. II. 21, Остр. и Первоп. такъ же), бо́лши (Матѳ. VI. 25, XXII. 36, Остр. болши, Первоп. бо́лши и бо́льши), лꙋ́чши (Псал. LXII. 4, Остр. лꙋ́чє, Первоп. какъ въ Новой). Чаще же встрѣчаются или сложныя формы, какъ бо́лшаѧ (им. ед. ж. р. Матѳ. XXII. 38, Остр. болшаа, Первоп. какъ въ Новой) или новообразованія по типу прилагательныхъ простыхъ, какъ именит. ед. ж. р. бл҃же́ннѣйша (1 Кор. VII. 40, Остр. бл҃женѣ́йша, Первоп. какъ въ Новой), хꙋ́ждша (Суд. VI. 15, Остр. хꙋдѣ́иша, Первоп. хꙋдѣ́йша, го́рша (М. IX. 16, Остр. горши, Первоп. го́рши).

Характерны новообразованія именит. единств. сравнительной степени сложной (опредѣленной) формы м. и ср. р. рода, въ которыхъ находимъ основу косвенныхъ падежей, перенесенную сюда путемъ морфологической ассимиляціи: крѣ́плшїй (Числ. XIII. 32, Остр. и Первоп. именит. множ. положит. степени крѣ́пцы сꙋть, стсл. **крѣпл̑ни**), хꙋ́ждшїй (1 Цств. XVII. 43, Остр. другой текстъ: стсл. **хоуждни**), тѧ́жшїй (Притчи С. XXVII. 3, Остр. тѧ́жїи=стсл. **тѧжни**, Первоп. тѧ́жшїи), вѧ́щшїй (I Сир. 27, Остр. вѧ́щїи, Первоп. какъ въ Новой), вы́шшїй (Дан. VIII. 3, Остр. вы́шнїи, Первоп. вы́шнїй), ср. р. сла́ждшє (Суд. XIV. 18, Остр. слаш̑є, Первоп. сла́дшє), хꙋ́ждшє (Прем. С. XV. 10, Остр. хꙋ́жши, Первоп. хꙋ́ждши—по формѣ именит. ед. ж. р., но употреблено

какъ им. ед. м. р.), вы́шше (Даніилъ VIII. 3, Остр. другой текстъ) и т. д. лу́чше (Іис. Сир. XXII. 10, Остр. лу́чє, Первоп. лу́чше), но крѣплѣє (Суд. XIV. 18, Остр. крѣплѣи, Первоп. крѣплѣй).

Формы въ родѣ сладча́є (Іис. Сир. XXII. 10, Остр. друг. текстъ), тяжча́є (тамъ же 15, Остр. другой текстъ), высоча́є (3 Ездры II. 43, Остр. высоча́ишїи, Первоп. высоча́йшїй), глубоча́є (2 Макк. II. 31, Остр. другой текстъ) и т. д., являющіяся сами вторичными образованіями, дають начало формамъ въ родѣ скора́є (Іов. VII. 6, Остр. друг. текстъ), очень правда рѣдкимъ.

Своимъ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго, обращаетъ на себя вниманіе болѣє (Дан. VII. 20, Остр. и Первоп. бо́лє).

Другой особенностью церковнославянскаго въ отношеніи образованія степеней сравненія является присвоеніе распространеннымъ сравнительнымъ степенямъ на -ѣйшїй значенія превосходной степени: мудрѣйшїй (Бытія III. 1, Остр. мудрѣиши, Первоп. мудрѣйши). У Мелет. Смотрицкаго находимъ строго проведенную систему, въ которой образованія въ родѣ свя́тшїи, свя́тшаѧ, свя́тшєє (л. 80) представляютъ собой сравнительную степень („разсудительный степень“), а превосходную („превосходительный степень“)—образованія на -ѣйшїй: сты́йшїи, -ѣйшаѧ, сты́йшєє (тамъ же).

Изъ педантичной послѣдовательности М. Смотр. строитъ даже простыя формы свя́тшъ, сты́шє, святѣйшъ, сты́йшє, которыя едва ли могутъ быть доказаны цитатами изъ дѣйствительныхъ памятниковъ языка.

Изъ образованій на -шїй, подобныхъ вышеприведеннымъ и встрѣчающихся у М. Смотрицкаго, приведемъ нѣсколько странныхъ образчиковъ: чи́стшїи (л. 80 на об.), уубо́гшїи, пра́вшїи, про́стшїи (л. 81), ара́гшїи, многшїи, ти́хшїи, дюжшїи (!!!), даже вѣтхшїи и т. д. (л. 81 на об.), сла́вншїи, чє́стншїи, смире́ншїи, ѡказа́ншїи и т. д. (л. 83 на об.).

Такого же происхожденія формы: ва́цшїи (л. 80 на об.), младшїи (л. 81 на об.), вошедшія и въ русскій языкъ. „Превосходныя“ степени: чистѣйшїи, уубо́жайшїи, правѣйшїи, простѣйшїи, дража́йшїи, множа́йшїи, тишайшїи и т. д.

Форма млажа́йшїи (л. 81 на об.), по вокализму церковнославянская, по консонантизму (ж) руссифицирована, такъ что представляетъ собой гибридное образованіе.

Острожская библія, какъ всегда, представляетъ болѣе древнія формы (ср. выше лꙋче, вѧ́щїи, тѧ́жїи), которыхъ не находимъ уже въ Первопечатной; тѣмъ не менѣе и въ ней находимъ формы ср. р. съ вторичнымъ -ше, какъ слаше или м. р., какъ хꙋ́жши. Такія новообразованія встрѣчаются изрѣдка и въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка; въ церковнославянскомъ же они получаютъ широкое распространеніе.

Въ склоненіи степеней сравненія наблюдаются также вторичныя образованія, вызванныя морфологической ассимиляціей. Таковъ им. множ. м. р. оу̑нши (Лук. XII. 7, Остр. также оу̑нши, Первоп. какъ въ Новой; ср. стсл. им. мн. м. р. **мьньше**), образованный по типу именъ прилагательныхъ простыхъ съ основой на jo- и встрѣчающійся уже въ древнѣйшихъ стсл. памятникахъ (Cod. Zogr. Л. XII. 7, **соулѣ̑ши**).

§ 20. Имена числительныя не вполнѣ сохранили свою старославянскую форму. Уклоненіе представляютъ, во-первыхъ, количественныя съ 11 до 19, подпавшія уподобляющему вліянію соотвѣтствующихъ русскихъ формъ.

Вмѣсто стслав. **дъва на десѧте** и т. д., находимъ двана́десѧть Числ. I. 44, Остр. в҃і) и т. д. какъ *двѣнадцать*, хотя изрѣдка попадаются и старинныя формы, какъ ѻ҆бана́десѧте (Лук. VIII. 1, Остр. о́ба на десѧте, Первоп. о̑ба || на́десѧте), четырена́десѧте (Матѳ. I. 17, Остр. четы́ри на десѧте, Первоп. четы́ринадесѧте) и т. д. Числительныя количественныя съ 20 до 40 также представляютъ такое же вторичное образованіе, какъ въ русскомъ, вліянію котораго и обязаны своимъ происхожденіемъ: два́десѧть (Іезек. XLV. 3, 5, 6 и т. д.), три́десѧть (Числ. VII. 13, 31, 43, 55 и т. д.), четы́редесѧть (Лук. IV. 2) (старосл. **дъвадесѧти, тридесѧти, четыредесѧте**), но четы́редесѧтъ (Быт. V. 13), пѧтдесѧ́тъ (Числ. XXVI. 38) или пѧтьдесѧ́тъ (тамъ же II. 6), шестьдесѧ́тъ (тамъ же XXVI. 21) или шестдесѧ́тъ (тамъ же VII. 88), се́дмьдесѧтъ, ѻ̑смьдесѧтъ (2 Пар. II. 2), де́вѧть-

десѧтъ (Быт. V. 9, 17). У М. Смотрицкаго не только два́десѧть, три́десѧть и т. д., но и пѧтьдесѧ́ть, шестьдесѧ́ть, се́дмьдесѧть, о́смьдесѧть, девѧтьдесѧ́ть (л. 156).

Порядковыя числительныя съ *перваго* по *десятый* имѣются только въ сложной („опредѣленной“) формѣ: вин. ед. ж. десѧ́тꙋю (Левит. V. 11), пѧ́тꙋю (ibid. 16), вин. ед. м. р. седмы́й (Лев. XIII. 5, 6), о́смы́й (ibid. XIV. 10), р. ед. м, девѧ́тагѡ, десѧ́таго (Лев. XXIII. 32) и т. д.

Въ образованіи порядковыхъ съ 11 по 19 утрачена совершенно древнѣйшая форма: порядковое числительное + на десѧте (стсл. **осмын на десате**); имѣются только образованія въ родѣ четвертыйна́десѧть, пѧтыйна́десѧть (Числ. XXVIII. 16, 17, Лев. XXIII. 5, 6, Остр. и Первоп. цифры), вторыйна́десѧть (Эсѳ. II. 16, Остр. и Первоп. цифры), второена́десѧть (тамъ же III. 7), третйна́десѧть (тамъ же III. 12) и т. д. Примѣромъ образованія съ суффиксомъ стсл. — **ынъ** можетъ служить шестьсо́тное лѣто (Быт. VIII. 13, Остр. и Первоп. такъ же).

Порядковыя съ 20 по 90 образуются иначе, чѣмъ въ старославянскомъ, а именно отъ основы соотвѣтствующихъ количественныхъ по типу первыхъ десяти порядковыхъ, какъ десѧ́тый: пѧтдесѧ́тое лѣто. (Лев. XXV. 10, Остр. не) и т. д. ср. стсл. **дъвадесатынъ, седмьдесатынъ.** (Супр. р.).

Склоненія числительныхъ количественныхъ трїе (стсл. **трнѥ**) и четы́ре (стсл. **четырѥ**), въ старославянскомъ еще отчасти разграниченныя, совпали почти совершенно въ церковнославянскомъ:

Единственное число; именительный м. р. трїе (Быт. XVIII. 2, Остр. трїе, Первоп. какъ въ Новой, Числ. XII. 4, 5, Остр. трїе, Первоп. трїѣ), но также и трѝ (2 Цств. XIV. 27, Остр. и Первоп. г҃; 4 Цств. III. 21, Остр. трѝ, Первоп. какъ въ Новой)—форма тожественная съ винит. множественнаго или съ именит. множ. ж. и ср. родовъ. Поддерживаемая этими формами, она, кромѣ того, могла быть вызвана морфологической ассимиляціей къ именит. множ. основъ м. р. на jo-, какъ царѝ, мꙋ́жи. Именит. ж. р. ...трѝ ты́сѧщы (стсл. **три**: Числ. I. 46); ср. р. трѝ стада̀ (стсл. **три**, Быт. XXIX. 2, Остр. три); встрѣчается и

форма именит. муж. р. въ значеніи именит. ср. трїѣ мѝ сѫ́ть невозмо́жнаѧ (Притчи XXX. 18, Остр. трїе... невозможни, т.-е. именит. множ. муж. р. Перв. также трїе́... невозмо́жни).

Именит. муж. р. пе́рсты... четы́ре (стсл. **четыре** образованіе отъ основы на согласный; 2 Цств. XXI. 20, Остр. ѧ), но четы́ри вну́цы (тамъ же XXI. 22, Остр. и Первоп. такъ же; 1 Парал. XXIII. 11, 12, сы́нове четы́ри, Остр. и Первоп. четы́ре), что объясняется такъ же, какъ форма им. мн. м. р. трѝ. Въ ж. р. правильно четы́ри (стсл. **четыри**; Зах. VI. 1, Остр. и Перв. такъ же), но четы́ре (1 Цств. IV. 2, Остр. и Перв. цифры, 1 Парал. XXIII. 4, 5, Остр. и Перв. цифры). Въ ср. родѣ правильно четы́ри (стсл. **четыри**. Притчи XXX. 24, Остр. четыри, Первоп. какъ въ Новой; Іезек. X. 9, 14, Остр. и Первоп. такъ же), но четы́ре (Іезек. I. 6, Остр. и Первоп. четы́ри). Какъ видно изъ цитатъ, форма ж. и ср. р. четы́ре является только въ Новой библіи; въ Остр. и Первопечатной находимъ или цифры, или правильную форму. Такія написанія объясняются вліяніемъ русскаго, въ которомъ -і и -ѣ въ слогѣ послѣ ударяннаго звучатъ одинаково неопредѣленно, а также графической ассимиляціей къ готовымъ уже написаніямъ и формамъ именит. мн. м. р.

У М. Смотрицкаго находимъ для муж. р. трїѣ (л. 154), ж. и ср. р. трѝ (л. 154 на об., 155), но четы́ри во всѣхъ родахъ (л. 155 на об.).

Родительный падежъ м. р. какъ въ русскомъ тре́хъ (1 Пар. XI. 24, Остр. трєхъ, Первоп. тре́хъ, Іов. XXXII. 5, Остр. друг. текстъ); рядомъ трїе́хъ (Исх. VIII. 27, Остр. другой текстъ; 1 Парал. XI. 20, 21, Остр. трєхъ и трїєхъ, Первоп. трїе́хъ); ж. р. тре́хъ (Суд. XVI. 27, вм. винит. Остр. винит. трѝ, Первоп. тре́хъ); ср. р. также тре́хъ (4 Цств. XVIII. 10, Остр. и Первоп. тре́хъ; 1 Парал. XI. 20, Остр. своеобразный родит. двойственнаго тре́ю со́тъ, Первоп. трєюсѡтъ, вызванный, разумѣется, морфологической ассимиляціей къ двою). Старосл. форма **трнй** не находитъ себѣ продолжателей въ цслав., гдѣ ее замѣнило образованіе по типу мѣстоименныхъ основъ: тре́хъ, трїе́хъ (послѣдняя отъ основы именит. падежа), рядомъ

съ законнымъ предложнымъ трéхъ (стсл. **трьхъ**) или трiéхъ, какъ р. мн. **тѣхъ**, рядомъ съ предл. **тѣхъ**. У Мелетія Смотр. въ м. р. трiéхъ, трéхъ (л. 154), ж. и ср. только трéхъ (л. 154 на об., 155).

Отъ чєты́рє род. мн. ср. чєтырéхъ (Iезек. I. 5, 9, 15, Остр. и Первоп. такъ же, Апок. XV. 7, Остр. чєтырь, стсл. **чєтырь** или **чєтырѣ**, какъ у основъ на согласный), такого же происхожденія, какъ р. мн. трéхъ, т.-е. подъ вліяніемъ параллелизма родит. и предл. падежей мн. въ мѣстоименномъ склоненіи. У М. Смотр. также чєтырéхъ (л. 155 на обор.).

Дательный правильно: трéмъ или трѣ́мъ (стсл. **трьмъ**; м. р. 1 Парал. XI. 21, 25, Остр. трємъ и троймъ, Первоп. трéмъ, троймъ; Iов. XXXV. 4, трéмъ, Остр. трємъ, Первоп. трéмъ); ж. р. трiéмъ (Іоан. II. 6, Остр. трiємъ); чєтырємъ (стсл. **чєтырьмъ**; муж. р. Дан. I. 17, Остр. чєтырємъ, Первоп. какъ въ Новой; средн. р. Iезек. X. 11, Остр. другой текстъ). У Мел. Смотр. м. р. трéмъ или трiéмъ (вліяніе именит. множ.), ж. и ср. трéмъ (l. c.).

Винительный, рядомъ съ правильной формой трѝ (стсл. **трн**; м. р. Быт. V. 32, ж. р. Быт. XVIII. 6, Остр. м. р. три; 2 Парал. IV. 5; ср. р. Второз. XVI. 16, Остр. друг. текстъ), чєты́ри (стсл. **чєтырн**; м. р. Зах. I. 20, 21, ж. р. Iезек. X. 11, Остр. такъ же; ср. р. Амос. I. 6, 9, 11, Остр. такъ же), имѣются формы именит. множ. м. р.: трiѐ (1 Парал. XXI. 10, Остр. трѝ, Первоп. трѝ), чєты́рє (Iов. XXXVIII. 38, Остр. чєты́ри, Первоп. чєты́рє; 1 Парал. XXI. 20, Остр. чєтыри, Первоп. чєты́ри). У М. Смотр. во всѣхъ родахъ трѝ (l. c.), чєты́ри (л. 155 на обор.).

Творительный правильно: трéми (стсл. **трьми**; м. р. 1 Парал. XI. 12, Остр. посрéдѣ трѣ̀; ср. р. Притчи XXX. 21, Остр. трєми, Первоп. какъ въ Новой), или трéмѝ (Матѳ. XXVI. 61, Остр. трєми, Первоп. трéми, XXVII. 40, Остр. трими, Перв. трéми, Мр. XIV. 58, Остр. трими, Первоп. трéми), чєты́рми (стсл. **чєтырьмн**; Мр. II. 3, муж. р., Остр. чєтырми, Перв. какъ въ Новой, Исх. XXV. 35, ж. р. Остр. и Первоп. чєты́рма, по

типу дв҃ма̀). У М. Смотр. во всѣхъ родахъ трѣ́ми (л. 154, 155). Изрѣдка встрѣчается и заимствованная изъ русскаго форма трема̀ (ср. р. 1 Цств. XIII. 17, Остр. другой текстъ; ж. р. 1 Макк. IV. 6, Остр. и Первоп. трема̀), представляющая собой плодъ взаимной ассимиляціи формъ трѣ́ми и трема̀, изъ которыхъ послѣдняя вызвана формою дв҃ма̀. Такого же происхожденія, какъ трема̀, и форма четы́рма (М. Смотр. л. 155 на обор., а также въ Остр. и Первоп. Исх. XXV. 35). Акцентуація трѣмѝ, встрѣчающаяся въ Новой библіи, въ Первопечатной еще отсутствуетъ и вызвана вѣроятно вліяніемъ русской формы *тремя̀*.

Предложный м. р. или правильно трѣ́хъ (стсл. **трьхъ**; М. Смотр. л. 154 на обор.) или трі́ѣхъ—образованіе отъ основы именит. множ. числа трі́ѣ, подобное приведенному выше род. множ. (1 Парал. XI. 20, Остр. трі́ѣхъ, Первоп. трі́ѣхъ, Евр. X. 28, Остр. трѣ̃, Первоп. трі́ѣхъ). Въ ж. и ср. родѣ у М. Смотр. только трѣ́хъ (л. 155), но въ библіи встрѣчаемъ и трі́ѣхъ (ж. рода Лук. XIII. 21, Остр. вин. трѝ). Отъ четы́рѣ только правильная форма четы́рѣхъ (ж. род. Іезек. I. 8, Остр. четырѣ̃, Первоп. четы́рѣхъ; стсл. **четырьхъ**). У М. Смотрицкаго четы́рѣхъ (л. 155 на обор.). Числительныя: пя́ть, ше́сть, се́дмь, о҃смь, де́вять, де́сять и сложныя съ этимъ послѣднимъ въ единственномъ числѣ склоняются, какъ первичныя основы на ěi- (i-): р. ед. седмѝ (Быт. XLI. 48, 50, Остр. сѣ́мѝ), твор. ед. о҃смію (Іерем. XLI. 15, Остр. о҃смію, Первоп. о҃смі́ю), десятію̀ (Быт. XXXI. 41, Остр. і), предл. ед. седмѝ (Быт. XLI. 47). Сложныя съ два̀ имѣютъ и формы двойств. числа: твор. дв҃мана́десятьма (3 Цств. XIX. 19, Остр. и Первоп. такъ же), но род. предл. двою на́десяти (тамъ же, Остр. двою́ на́десять). Во множественномъ числѣ числительныя эти также склоняются (черта церковнославянскаго языка), но уже по типу мѣстоименныхъ основъ на jo-: род. множ. десяти́хъ (Дан. I. 15, Остр. ед. ч. десяти, Первоп. десяти́хъ), три́десятихъ (1 Пар. XII. 4, Остр. и Перв. три́десяти), пяти́хъ (Іоа. VI. 13, Остр. пяти, Первоп. пятѝ), седми́хъ (Апок. XV. 7, Остр. сѣ́михъ, Первоп. седми́х҃); дат. множ. седми́мъ, о҃смѝмъ (Эккл. XI. 2, Остр. седмимъ, о҃смѝ,

седми́мъ—Апок. XV. 7, Остр. сѣмимъ, Первоп. какъ въ Новой), десѧти́мъ (Матѳ. XXV. 1, Остр. десѧтимъ, Первоп. какъ въ Новой); предл. мн. седми́хъ (Іезек. Ш. 16, Остр. седми, Перв. седми́хъ), по стѣ пѧти́десѧтихъ днє́хъ (Быт. VШ. 3, Остр. и Первоп. цифрами) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, подобныя формы множ. ч. встрѣчаются уже въ Острожской библіи (на девять цитатъ пять случаевъ), въ Первопечатной еще чаще (семь случаевъ). У М. Смотрицкаго находимъ нѣсколько своеобразныхъ вторичныхъ формъ, которыя однако не подтверждаются библейскимъ текстомъ. Таковы р. и д. мн. пѧ́тєхъ, шєстєхъ, пѧтє́мъ, шє́стємъ, твор. пѧтмѣ́, шестмѣ́, седммѣ́, о̑смѣ́, девѧтмѣ́, десѧтмѣ́ и т. д., образованныя по типу склоненія трі̑є и четы́рє (л. 155 на обор.). Такой же педантичный характеръ имѣетъ склоненіе четве́ро, приведенное на обор. л. 153.

Въ склоненіи четы́рє надо отмѣтить еще акцентуацію, расходящуюся съ русской; удареніе сохраняется на томъ же слогѣ, на которомъ оно находится въ именительн. падежѣ, и не переходитъ на окончаніе, какъ въ русскомъ.

§ 21. Глаголъ. Личныя окончанія первичныя. Единственное число. Первое лицо: у глаголовъ съ основой на согласный (т. наз. „архаическаго“ спряженія) старославянское -мь даетъ -м’ (цсл. -мь) только у одного глагола е̑смь (Матѳ. XXVII. 43); прочіе же глаголы имѣютъ -м (цслав. -мъ), какъ въ русскомъ: да́мъ (Матѳ. IV. 9, Остр. да́̑, Первоп. да́мъ), преда́мъ (Матѳ. XXVI. 15, Остр. предамъ), вѣ́мъ (Матѳ. XXVШ. 5, Остр. вѣмъ, Первоп. вѣ́мъ; Матѳ. XXVI. 70, Остр. вѣмъ, Первоп. вѣ́мъ), и̑сповѣ́мъ (Матѳ. VII. 23, Остр. и̑сповѣмъ, Первоп. какъ въ Новой), свѣ́мъ (Дѣян. Ап. XIX. 15, Остр. свѣмъ), и̑ма́мъ (М. XIX. 16, Остр. има̑), та́̑мъ (Быт. XXVII. 4, Остр. и Первоп. ма́мъ), снѣ́мъ (Мр. XIV. 14, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -м (-мъ) имѣется уже въ Острожской библіи. У М. Смотр. е̑смь (л. 235), но вѣ́мь (л. 238 на об.), снѣ́мь, та́̑мъ (л. 243), снѣ́мь (тамъ же на обор.), и̑ма́мь (л. 246 на об.) и даю́ (л. 151 на об.). У Л. Зизанія е̑смь (л. 76, 77). Старославянское -ж глаголовъ съ основой на

гласный=цсл. -ѫ (-ю): йдѫ (М. VIII. 19), хощѫ (М. IX. 13), глаго́лю (М. VIII. 10), крещаю (Матѳ. III. 11) и т. д. какъ въ рѹсскомъ.

Второе лицо сохранило оба окончанія: -си у „архаическихъ“ глаголовъ, -ши у глаголовъ съ основой на гласный: е̑сѝ (Матѳ. II. 6, XXVI. 63), да́си (Мр. VI. 25. Дѣянія Ап. XIII. 35), воздаси (Матѳ. V. 26), вѣси (Матѳ. XV. 12), ѩси (Мр. XIV. 12) и т. д. и́маши (Матѳ. XXV. 25, XIX. 21), хо́щеши (Матѳ. XIX. 21), клене́шисѧ (тамъ же V. 33), прѣткне́ши (тамъ же IV. 6), ѿвѣщава́еши (тамъ же XXVI. 62) и т. д. У М. Смотр. е̑сѝ (л. 235), вѣси (л. 238 на об.), ѩси (л. 243) и т. д. бі́еши, стои́ши (л. 251 на об.) и т. д. У Л. Зизанія е̑сѝ (л. 76, 77).

Третье лицо. Старослав. -тъ должно было дать въ цслав. -т (-тъ), которое мы и находимъ почти во всѣхъ случаяхъ (въ русскомъ вездѣ, за исключеніемъ одной формы *есть*). Однако, принимая во вниманіе, что въ основѣ современнаго церковнославянскаго лежитъ главнымъ образомъ старославянскій языкъ памятниковъ русской рецензіи, которому свойственно окончаніе 3-го л. -ть, мы не можемъ считать современное цслав. -т (-тъ) прямымъ продолжателемъ стслав. -тъ. Окончаніе -т’ (цсл. -ть), свойственное памятникамъ русской рецензіи, сохранилось главнымъ образомъ у нѣкоторыхъ глаголовъ „архаическихъ“: е̑сть (Матѳ. XXVI. 66, Остр. е̑сть, Первоп. какъ въ Новой), вѣсть (Матѳ. XXIV. 36, 50, Остр. вѣсть, Первоп. какъ въ Новой), и̑сповѣсть (Матѳ. X. 32, Остр. и Первоп. такъ же), ѹ̑вѣсть, (Мр. V. 43, Остр. ѹ̑вѣсть, Первоп. какъ въ Новой), снѣсть (Мр. XI. 14, Остр. снѣсть, Первоп. какъ въ Новой; Лук. XIV. 15, Остр. снѣсть, Первоп. какъ въ Новой), и́мать (Матѳ. IX. 6, Остр. и́мать, Первоп. какъ въ Новой; V. 23, Остр. и Первоп. такъ же; XVII. 22, Остр. и Первоп. какъ въ Новой; Лев. XXI. 23, Остр. и Первоп. такъ же), но снѣстъ (Исх. XXIX. 33, Остр. ѧ́сть, Первоп. ѩ́стъ; Лев. VII. 6, 18, 19, 20, Остр. и Первоп. ѩ́стъ), ѩ́стъ (Лук. IV. 2, Остр. ѩ́сть, Первоп. какъ въ Новой, XV. 2, Остр. и Первоп. ѩ́стъ), да́стъ (Матѳ. VII. 11, Остр. и Первоп. такъ же), пода́стъ (Матѳ. VII. 9, 10, Остр. пода́стъ

и подасть, Первоп. подастъ и подастъ), предастъ (Матѳ. X. 21, Остр. предастъ, Первоп. какъ въ Новой; XXI. 41, Остр. предастъ, Первоп. какъ въ Новой, XXVI. 16, 21, 23, Остр. во всѣхъ трехъ случаяхъ предасть, Первоп. предастъ; ср. также дастьсѧ Остр. Мр. VIII. 12), воздастъ (Матѳ. XVIII. 34, Остр. въздасть, Первоп. какъ въ Новой). Въ 3-мъ лицѣ аориста съ первичнымъ окончаніемъ: бысть (Матѳ. XI. 1, Остр. и Первоп. такъ же, XXI. 42, Остр. бысть, Первоп. какъ въ Новой, XIX. 8, Остр. бысть, Первоп. какъ въ Новой). У глаголовъ съ основой на гласный звукъ вездѣ безъ исключеній: пріемлетъ (М. X. 40, Остр. пріемлѣ и пріемлетъ, Первоп. какъ въ Новой), восхо-щетъ (Быт. XXIV. 5, Остр. и Первоп. такъ же), глаголетъ (Исх. X. 3, Остр. и Первоп. глетъ), будетъ (Лев. X. 19, Остр. и Первоп. будетли), сотворитъ (Второз. XXXI. 4, Остр. сътворитъ, Первоп. какъ въ Новой), вмѣнитъ (Ис. XXXI. 2, Остр. въмѣнитъ, Первоп. какъ въ Новой), речетъ (Ис. XLI. 7, Остр. речетъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -ѣ (цсл. -тъ) является весьма распространеннымъ уже въ Острожской библіи, не только у глаголовъ съ основой на гласный, но и у глаголовъ на -ті. Немногочисленныя написанія съ -ь (см. выше) объясняются какъ остатки болѣе древней орѳографіи; звуковаго значенія это -ь, очевидно, не имѣло въ виду преобладанія написаній съ -ъ. У М. Смотр. ѣсть (л. 235), вѣсть (л. 238 на об.), ѣасть (л. 243), ѣмать (л. 246 на об.). У Л. Зизанія ѣстъ, но бысть (л. 76).

Множественное число. Первое лицо. На мѣстѣ старославянскаго окончанія -мъ, свойственнаго первично всѣмъ глаголамъ, въ церковнославянскомъ находимъ два окончанія: -му (-мы) у глаголовъ „архаическихъ“ и -м (-мъ) у всѣхъ прочихъ. Первое изъ нихъ встрѣчается и въ старославянскомъ (-мы) рядомъ съ болѣе распространеннымъ -мъ, но не у одного только класса глаголовъ на -ті, а также и у прочихъ глаголовъ.

Явленіе позднѣйшее и свойственное церковнославянскому — закрѣпленіе окончанія -мы (цсл. -мы), только за глаголами на -ті: ѥсмы (Мр. V. 9, Остр. ѣсмы, Первоп. какъ въ Новой; Лук.

IX. 12, Остр. ѣсмы, Первоп. какъ въ Новой, XVII. 10, Дѣян. II. 32 и т. д. у М. Смотрицкаго какъ въ Новой, л. 235), вѣмы (Матѳ. XXI. 27, Остр. вѣмы, Первоп. какъ въ Новой), ѧмамы (Матѳ. XIV. 17, Остр. неѧмамы, Первоп. какъ въ Новой; Мр. VIII. 16, Остр. и Первоп. какъ въ Новой), дамы (Мр. XII. 14, Остр. и Первоп. такъ же; Іоан. I. 22, Остр. и Первоп. такъ же), ѧмы (Лук. XXII. 8, Остр. и Первоп. такъ же; 1. Кор. XV. 32, Остр. даѧмы, Первоп. ѧмы), нѣсмы (Іоан. VIII. 41, Остр. нѣсмы, Первоп. какъ въ Новой и т. д.

У прочихъ глаголовъ (съ основой на гласный) имѣется только -мъ: трєбѹємъ (Матѳ. XXVI. 65, Остр. трєбѹємъ, Перв. трєбѹємъ), сотворимъ (Матѳ. XVII. 4, Остр. сътворимъ, Первоп. какъ въ Новой), оудержимъ (Матѳ. XXI. 38, Остр. оудръжимъ, Первоп. какъ въ Новой), да ѧмы и пїємъ, оутрѣ бо оумрємъ (1 Кор. XV. 32, Остр. и Первоп. также: пїємъ... оумремъ) и т. д. У М. Смотрицкаго также находимъ строгое разграниченіе этихъ двухъ окончаній: ѣсмы (л. 235), вѣмы (л 238 на об.), ѧмы (л. 243) и т. д., но читаємъ (л. 191) и т. д. У Л. Зизанія ѣсмь, ы (л. 76), гласимь (л. 68), бїемь (л. 72 на об), ѧвимъ (л. 57 на об.), ѧвлѧємъ (л. 58), въставаємъ, въставаймо (л. 66 на об.) и т. д. Окончаніе мо вызвано вліяніемъ малорусскаго; въ Новой библіи оно совсѣмъ не встрѣчается.

Причина, по которой произошла въ церковнославянскомъ такая строгая дифференціація двухъ окончаній, первично употреблявшихся болѣе или менѣе безразлично, заключается въ тожественности 1 л. ед. и 1 л. множ. у глаголовъ на -ші, которая несомнѣнно должна была получиться въ церковнославянскомъ: 1 л. ед. вѣмъ, но 1 л. множ. вѣмы вмѣсто ожидаемаго *вѣмъ. Такого совпаденія у глаголовъ съ основой на гласный не было и не могло быть: 1 л. ед. трєбѹю, но 1 л. мн. трєбѹємъ, почему и не имѣлось никакого повода къ дифференціаціи.

Второе лицо имѣетъ окончаніе -т'е (-тє), отвѣчающее стсл. -тє и свойственное всѣмъ глаголамъ: глаголы на -ші—вѣстє (Матѳ. XX. 25, Остр. вѣстє, Первоп. какъ въ Новой; XXVI. 2, Остр. вѣстє, Первоп. какъ въ Новой), ѧматє (Матѳ. XXVI. 11, Остр.

и Перв. такъ же), ѣстѣ (Матѳ. X. 31, Остр. ѣстє, Первоп. какъ въ Новой, XXIII. 28, Остр. ѣстє, Первоп. какъ въ Новой), оувѣстє (Матѳ. IX. 6, Остр. оувѣстє, Первоп. какъ въ Новой), ѣстє (Матѳ. VI. 25, Остр. и Первоп. такъ же, Лук. V. 30, Остр. и Первоп. такъ же), предастє (Мр. VII. 13, Остр. и Первоп. такъ же), и т. д. Глаголы съ основой на гласный: требѹєтє (М. VI. 8), слышитє, видитє (Матѳ. XI. 4), хощетє (тамъ же 14) и т. д. Никакихъ особенностей это окончаніе не представляетъ, тѣмъ болѣе, что и въ русскомъ языкѣ оно сохранилось безъ измѣненія.

Третье лицо представляетъ три окончанія, изъ которыхъ два имѣются и у глаголовъ на -mi, и у глаголовъ съ основой на гласный, а одно только у глаголовъ на -mi. Эти окончанія слѣдующія: у глаголовъ на -mi: 1) -'at (цслв. -ѧтъ) отвѣчаетъ стсл. -ѧтъ (-ѧть стслав. памятниковъ русской рецензіи): ѣдѧтъ (Матѳ. XV. 2. 27, Остр. и Первоп. такъ же), дадѧтъ (Исх. XXX. 13, Остр. и Первоп. такъ же), воздадѧтъ (Матѳ. XII. 36, Остр. вьздадѧтъ, Первоп. какъ въ Новой), предадѧтъ (Матѳ. X. 17, Остр. предадѧт, Первоп. какъ въ Новой), вѣдѧтъ (Іоан. X. 4, Остр. вѣдѧтъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. У М. Смотрицкаго вѣдѧ (л. 238 на об.), вѣдѧтъ (л. 239 на обор.), ѣдѧтъ (л. 243) и т. д. 2) -ut' (цсл. -ѹть) отвѣчаетъ стсл. -ѹтъ (-ѹть памятниковъ древней русской рецензіи). Окончаніе это заимствовано у глаголовъ тематическихъ еще въ старославянскомъ. Имѣется только въ одной церковнославянской формѣ сѹть (Матѳ. XIII. 38. 39, Остр. сѹть, Первоп. сѹть; XXIII. 25, Остр. сѹть, Первоп. сѹть); у М. Смотр. соуть (л. 235), но у Л. Зизанія сѹтъ (л. 76) и сѹтъ (л. 77). 3) -ut (цсл. -ѹтъ) отвѣчаетъ стсл. -ѧтъ (-ѧть памятниковъ русской рецензіи): ѧмѹтъ (Матѳ. VIII. 20, Остр. ѧмѹтъ, Первоп. ѧмѹт, XXI. 26, Остр. ѧмѹтъ, Перв. какъ въ Новой; XXVI. 4, Остр. ѧмѹтъ, Перв. какъ въ Новой); у М. Смотрицкаго также ѧмѹтъ (л. 247). Изъ цитатъ видно, что окончанія эти установились въ ихъ современномъ видѣ еще въ Острожской библіи.

У глаголовъ тематическихъ имѣется два окончанія: 1) -ut

или -'ut (цсл. -ѹтъ, -ютъ), отвѣчающее стсл. -ѫтъ, -ѭтъ (-ѫть, -ѭть памятниковъ русской рецензіи): нарекѹтъ (М. I. 23, Остр. нарекѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), поперѹтъ (Матѳ. VII. 6, Остр. поперѹть, Первоп. какъ въ Новой), растóргнѹтъ (тамъ же, Остр. и Первоп. такъ же), йждєнѹтъ (Матѳ. V. 11, Остр. йждєнѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), вóзмѹтъ (Лук. IV. 11, Остр. възмѹ̀, Первоп. возмѹтъ) и т. д., вжигáютъ, поставлáютъ (Матѳ. V. 17, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д.

2) -'at или -at (цсл. -ѧтъ, -атъ = стсл. -ѫтъ, древнерусск. -ѫть): наслѣдѧтъ (Матѳ. V. 5, Остр. наслѣдѧ̀т, Первоп. какъ въ Новой), оу̀зрѧтъ (Матѳ. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же), понóсѧтъ (Матѳ. V. 11, Остр. и Первоп. такъ же), вúдѧтъ (Матѳ. V. 16, Остр. вúдѧ̀, Первоп. какъ въ Новой), приложáтсѧ (Матѳ. VI. 33, Остр. и Первоп. такъ же), слы́шатъ (Матѳ. XI. 5, Остр. слы́шѧ̀т, Первоп. слы́шатъ), бѣжáтъ (Іоан. X. 5, Остр. бѣжатъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Въ грамматикахъ М. Смотрицкаго и Л. Зизанія никакихъ особенностей у этихъ окончаній не замѣчается.

Двойственное число. Здѣсь мы находимъ обиліе окончаній, находящееся, очевидно, въ связи съ малой употребительностью вообще формъ двойств. числа и ихъ исчезновеніемъ изъ живаго языка, который уже не могъ служить поддержкой въ данномъ случаѣ.

Первое лицо вмѣсто старослав. -вѣ имѣетъ въ Новой библіи -ва или -ма. Образцы перваго: хóщєва, прóсива (Мр. X. 35, Остр. хóщєвѣ, прóсивѣ, Первоп. хóщєвѣ, но прóсива), сѧ́дєва (тамъ же X. 37, Остр. и Первоп. сѧ́дєвѣ), мóжева (тамъ же X. 39, Остр. и Первоп. мóжевѣ; Матѳ. XX. 22, Остр. мóжевѣ, Первоп. мóжевє), воспрїéмлева (Лук. XXIII. 41. Остр. въспрїéмлевѣ, но Первоп. уже воспрїéмлева). Образцомъ втораго окончанія -ма можетъ служить въ Новой библіи только форма ѣ̂смà (Іоан. X. 30, Остр. ѣ̀свѣ, Первоп. ѣ̂свà). Очень часто въ Новой библіи формы двойственнаго замѣнены формами множественнаго: ѣ̂смы̀ (Дѣян. XIV. 15, Остр. ѣ̂свѣ, Первоп. ѣ̂смà; Быт. XIII. 8, Остр. ѣ̂свѣ), рєчéмъ (Лук. IX. 54, Остр. рєчéвѣ, Первоп.

рече́ва), прїи́демъ, сотвори́мъ (Іоан. XIV. 23, Остр. прїидѣвѣ, сътвориѣ; Первоп. также прїи́дѣвѣ, сотвори́вѣ), мо́жемъ (Дѣян. IV. 20, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Отсюда видно, что старославянское окончаніе 1-го л. дв. ч. -вѣ еще господствуетъ въ Острожской библіи; въ Первопечатной оно еще встрѣчается, но имѣетъ рядомъ и -ва, -ма и даже -не; въ Новой же библіи совершенно вытѣснено окончаніемъ -ва, рядомъ съ которымъ весьма рѣдко (только у глагола ѣ́смь) имѣется и -ма. Въ Московскомъ изданіи грамматики М. Смотрицкаго (1648 г.) находимъ только два окончанія, дифференцированныя согласно роду: для муж. и ср. -ма, напр. чте́ма, для женскаго -мѣ: чте́мѣ (л. 190 на об.), м. и ср. чита́ема, ж. чита́емѣ (л. 191), м. и ср. чита́йма, ж. чита́ймѣ (повелит. накл. л. 193), ѣ́сма и ѣ́смѣ (л. 235) или ѣ̂сма̀, ѣ̂смѣ̀ (л. 192 на об.) и т. д. Въ оригинальномъ же изданіи имѣется для муж. и ср. -ва, для ж. -вѣ (л. 125). Въ грамматикѣ Лаврентія Зизанія (лл. 53, 57) имѣются эти же оба окончанія -ва, -вѣ, но безъ различія родовъ, какъ и въ Первопечатной библіи, гдѣ -ва и -вѣ употребляются безразлично. Такая разноголосица объясняется, конечно, малой употребительностью двойственнаго числа, его полнымъ исчезновеніемъ изъ живаго народнаго языка и отсюда отсутствіемъ всякаго критерія для установленія дѣйствительно правильной формы. Неудивительно, что здѣсь открывалось такимъ образомъ широкое поле для разныхъ въ значительной степени субъективныхъ образованій такихъ грамматиковъ, какъ М. Смотрицкій или Л. Зизаній. Въ основѣ всѣхъ этихъ образованій лежитъ, разумѣется, морфологическая ассимиляція. Появленіе -а вмѣсто стслав. -ѣ въ церковнославянскомъ окончаніи 1-го л. дв. числа вызвано по всей видимости вліяніемъ именнаго склоненія (основъ на o- и jo-). Въ пользу этого предложенія говоритъ дифференціація окончаній, находимая нами у М. Смотрицкаго, для муж. и ср. рода принимающаго окончаніе -ва (первое изданіе) или -ма (второе изданіе), какъ два̀ бра́та, а для женскаго -вѣ (первое изданіе) или -мѣ (втор. изданіе), какъ двѣ ру́цѣ. Такъ же объясняется и дуализмъ Лавр. Зизанія -ва рядомъ съ -вѣ, причемъ однако у него не замѣчается диф-

ференціации въ отношеніи грамматическаго рода. Согласный м вмѣсто к въ окончаніяхъ -ма, -мѣ очевидно вызванъ вліяніемъ окончанія перваго лица множ. числа: ѣ́смы вызвало форму ѣ́сма, послѣ которой возникла уже форма ж. р. ѣ́смѣ. Написанія -нє въ ро́дѣ вышеприведеннаго мо́жєнє (Первоп. Матѳ. XX. 22, Остр. -нѣ) или иска́хонє (Первоп. Лук. II. 48, Остр. -нѣ, Новая б. иска́хомъ), сводятся къ первичному -нѣ и представляютъ собой скорѣе всего опечатки, въ происхожденіи которыхъ можетъ быть не безъ вліянія было совпаденіе въ русскомъ соотвѣтствій для стсл. ѣ и є.

Второе и третье лица представляютъ также уклоненія отъ старославянскаго. Вмѣсто старосл. окончаній 2 л. -та и 3-го -тє, встрѣчаемъ также два окончанія -та и -тѣ, которыя не разнятся по лицамъ, а только по родамъ: -та присвоено второму и третьему муж. (иногда средняго) р., а -тѣ—женскаго (иногда средняго). Эти же окончанія находимъ у М. Смотрицкаго и въ оригинальномъ (л. 125 на обор.) и въ московскомъ изданіяхъ, который по обыкновенію пользуется ими для дифференціации. Въ московскомъ изданіи находимъ такія формы: 2 л. на́ бі́єта || нѣ бі́єтѣ; 3-е о́на бі́єта; о́нѣ бі́єтѣ (л. 184); 2 и 3 м. и средн. чита́єта, 2 и 3 ж. р, чита́єтѣ (л. 191), 2 и 3 м. и ср. ѣ́ста, 2 и 3 ж. ѣ́стѣ (л. 235) или ѣ́ста, ѣ́стѣ (л. 192 на обор. По-видимому, М. Смотрицкій различаетъ вспомогательныя формы этого глагола отъ самостоятельныхъ. Въ первомъ случаѣ удареніе у него на окончаніи, во второмъ на корнѣ. Но эта дифференціація—чисто произвольная—является у него далеко невыдержанной); 2 и 3 м. и ср. ї́ста и ж. ї́стѣ (л. 243) и т. д.

У Зизанія для обѣихъ формъ одно окончаніе -та безъ различенія рода (л. 57 и слѣд.): їавлѧ́єта, а; буд. їави́та и т. д.

Примѣры 2-го лица муж. рода. У глаголовъ на -ті: нѣ́ста, ѣ́ста (Остр. Лук. IX. 55, Первоп. нѣ́ста, ѣ́ста, Новая б. множеств. число: нѣ́стє, ѣ́стѣ, Матѳ. XX. 22, Остр. и Первоп. такъ же); у глаголовъ тематическихъ: мо́жєта, про́сита, (настоящ. Матѳ. XX. 22, Остр. и Первоп. такъ же), вѣ́рꙋ́єта (Матѳ. IX. 28, Остр. вѣ́рꙋ́єта, Первоп. какъ въ Новой), хо́щєта (Матѳ. XX.

32, Остр. и Первоп. такъ же), ѡбрѧщета (Матѳ. XXI. 2, Остр. и Первоп. 2 лицо множ. числа), йспіе́та (Матѳ. XX. 23, Остр. и Первоп. такъ же), но рядомъ йматє крести́тисѧ (тамъ же; Остр. и Первоп. кр҃ти́тасѧ). Подобныя замѣны формъ двойственнаго числа формами множественнаго, встрѣчающіяся уже въ Острожской библіи, не рѣдки: йщетє, (Матѳ. XXVIII, 5, Остр. йщетє, Перв. такъ же, какъ въ Новой), нє мо́жетъ... рещѝ... глава̀ нога́мъ, нє трє́бѣ мн҃ ѣстѐ (1 Кор. XII. 21, Остр. нога́ма... ѣстє, Перв. нога́ма... ѣстѐ), оу҃зрите (Матѳ. XXVIII. 7, Остр. оу҃зрите) и т. д.

Примѣры 3-го л. двойств. ч. У глаголовъ на -ті: муж. рода ѣстà (Дѣян. Ап. IV. 13, Остр. ѣста, Первоп. какъ въ Новой), нѣста (Матѳ. XIX. 6, Остр. и Первоп. такъ же); у глаголовъ тематическихъ: сѧдета (Матѳ. XX. 21, Остр. и Первоп. такъ же), бу҃дета (Матѳ. XIX. 5, XXIV. 40, Остр. ву҃дета, Первоп. какъ въ Новой).

Рядомъ съ этими окончаніями 2-го и 3-го л. имѣется окончаніе -тѣ, встрѣчающееся изрѣдка и въ старославянскихъ памятникахъ (Супрасльская рукопись и Саввина книга) и присвоенное женскому роду. Возможно, что оно сводится къ исконному старослав. окончанію 3-го л. двойств. ч. -тє. Формы съ -ѣ объясняются вѣроятнѣе всего стремленіемъ къ большей конгруэнціи формъ глагольныхъ съ формами именит. двойств. ч. именнаго склоненія основъ ср. р. на о- и ж. на ā- (какъ лѣтѣ, дѣлѣ; но́зѣ, рꙋ҃цѣ и т. д.); въ русскихъ памятникахъ сверхъ того написанія съ ѣ могли облегчаться совпаденіемъ русскихъ соотвѣтствій для ѣ и є. При отсутствіи различія между этими соотвѣтствіями въ русскомъ языкѣ, а также и въ церковнославянскомъ, различеніе окончаній -тѣ и -тє является особенностью графики, не языка. Примѣрами могутъ служить: 2 лицо двойств. вы сѧми вѣстѣ Лія и Рахиль; Быт. XXXI. 6, Остр. вѣстє, Первоп. вѣстє=2 л. множ. числа); 3-е лицо двойств. о҃чи... призира́етѣ (Псал. IX. 30, Остр. и Первопеч. такъ же, Пс. X. 4, Остр. и Первопеч. такъ же), вѣжди... йспыта́етѣ (Пс. X. 4, Остр. и Первоп. такъ же), возра́дꙋетѣсѧ оу҃стнѣ моѝ (Псал. LXX. 23, Остр. възрадꙋетасѧ, Первоп. какъ въ Новой); въ Новой библіи встрѣчаемъ иногда

вмѣсто этого окончанія -те, что вызывается смѣшеніемъ со вторымъ лицомъ множ: бꙋ́дете двѣ̀ (Лук. XVII. 35, Остр. бꙋдетѣ, Первоп. бꙋ́детѣ).

Часты замѣны формами множеств. числа: грѧдꙋ́тъ є҆щѐ два̀ го́рѧ (Апок. IX. 12, Остр. уже грѧдꙋтъ, Первоп. какъ въ Новой), пошꙋмѧ́тъ ѻ҆́бѣ ѹ҆́ши (4 Цств. XXI. 12, Остр. и Первоп. пошꙋми́та), ста́нꙋтъ ѻ҆́ба (Апок. XI. 11, Остр. и Первоп. ста́нета) и т. д. Замѣны эти встрѣчаются уже въ Острожской библіи, но не такъ часто, какъ въ Новой.

Окончанія личныя вторичныя. Единственное число. Первое лицо: стслав. -ъ, восходящее къ праязыковому звуковому комплексу -o-m, исчезаетъ въ церковнославянскомъ живомъ произношеніи: ꙗ҆до́хъ, пи́хъ (Второз. IX. 18, Остр. и Первоп. такъ же)=jådóx, p'íx.

Второе лицо. Роль окончанія (какъ и въ старославянскомъ) играетъ послѣдній гласный временной или глагольной основы, послѣ котораго исчезло еще въ основнославянскомъ конечное -s: сотворѝ (что̀.... на́ма Лук. II. 48, Остр. сътвори, Первоп. сотворѝ) и т. д. Примѣровъ немного, такъ какъ обыкновенно эта форма замѣнена въ Новой библіи формами другихъ временъ: Остр. библія—сътворѝ, ѿи́де, ѻ҆кра́де, ѿведѐ (Быт. XXXI. 26, Первоп. уже сотвори́лъ є҆сѝ, но ѿи́де, ѡ҆кра́де, ѿведѐ; на поляхъ ѿше́лъ є҆сѝ, Новая б. сотвори́лъ є҆сѝ, ѹ҆ше́лъ є҆сѝ, ѡ҆кра́лъ є҆сѝ, ѿве́лъ), сътворѝ (ibid. 28, Первоп. и Новая: сотворѝлъ є҆сѝ), и҆зыска́, ѻ҆брѣте (ibid. 37, Первопечатная: и҆зыска́лъ, ѡ҆брѣ́лъ є҆сѝ; Новая: ѡ҆бѝска́лъ, ѡ҆брѣ́лъ є҆сѝ), преѻ҆бѝдѣ (ibid. 41, Первоп. преѡби́дѣ, Нов. преѡби́дѣлъ є҆сѝ), видѣ (Апок. XVII. 18, Первоп. ви́дѣ, Новая б. ви́дѣлъ є҆сѝ) и т. д. Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что эта замѣна сложной формой проявляется уже въ Первопечатной библіи, но рядомъ здѣсь имѣются и исконныя, древнія формы втораго лица; въ Новой же библіи древняя форма почти совершенно вытѣснена.

Третье лицо. Роль окончанія, какъ и во второмъ лицѣ, играетъ послѣдній гласный глагольной или временной основы, что имѣется уже въ старославянскомъ. Собственное окончаніе -t исчезло еще

въ основнославянскомъ, благодаря чему получается полное совпаденіе втораго и третьяго лица. Въ противоположность второму лицу, замѣненному другими формами въ Новой библіи, третье лицо остается въ новомъ церковнославянскомъ: воскре́се (Матѳ. XIV. 2, Остр. въскр҃се, Первоп. воскр҃се), сни́де (Матѳ. VII. 25), и҆змолчѐ (Пс. LXVIII. 4, Остр. и҆змолче, Первоп. какъ въ Новой), раскопа̀, всы́па (4 Цств. XXIII. 12, Остр. раскопа̀, всыпа), велерѣ́чева (Юд. VI. 18, Остр. и Первоп. другой текстъ), разда́ра̀ (4 Цств. XIX. 1, Остр. раздра), восхотѣ́ (М. I. 19, Остр. въсхотѣ́), поцадѣ́ (Іезек. XVI. 5, Остр. поцадѣ́), запрѣти́ (М. VIII. 26, Остр. запрѣти́, Первоп. какъ въ Новой), роди́м҃ (Матѳ. I. 16, Остр. такъ же), о҆҃скверна́ви (Числ. XIX. 20, Остр. о҆҃скверна́вилъ, Первоп. о҆҃скверна́вилъ), оу҆́мы (Матѳ. XXVII. 27, Остр. такъ же) и т. д. пребыва́ше (Л. I. 22, Остр. такъ же) и т. д.

Множественное число. Первое лицо. Старослав. окончаніе -мъ даетъ въ церковнославянскомъ -м (-мъ): ходи́хомъ (Псал. LIV. 15, Остр. двойств. ходи́ховѣ, Первоп. ходи́хома), возжго́хомъ (2 Макк. I. 8, Остр. вожгохомъ, Первоп. вожго́хѡмъ), и҆҃згони́хомъ (Матѳ. VII. 22, Остр. и҆҃згони́хо҃м) и т. д.

Второе лицо сохраняетъ старославянское окончаніе -тє: сохрани́стє (Малах. II. 9, Остр. съхрани́стє), о҆҃бинѹ́стєм҃ (тамъ же, Остр. о҆҃бинѹ́стєсм҃), велерѣ́чиваστе (Іерем. L. 11, Остр. велерѣ́чева́стє, Первоп. велерѣ́чевастє), о҆҃ста́вистє (Матѳ. XXIII. 23, Остр. о҆҃ставистє), плачево́пльствистє (Зах. VII. 5, Остр. пла́че вопльстви́тє, Первоп. плачево́пльствитє), слы́шастє (Матѳ. V. 21, Остр. такъ же) и т. д., въ повелительномъ: повѣ́дитє (Матѳ. XVII. 9, Остр, повѣ́дитє, Первоп. какъ въ Іовой), дади́тє (Матѳ. XIV. 16, Остр. и Первоп. такъ же), возвѣсти́тє (Матѳ. XI. 4) и т. д.

Третье лицо на мѣстѣ старославянскихъ -ѧ и -ѫ имѣетъ -а, -ѹ, согласно съ общимъ фонетическимъ закономъ: возра́довашасм҃ (М. II. 10, Остр. възра́довашм҃, Первоп. возра́довашасм҃), ви́дѣша (ibid. 9, Остр. видѣша, Первоп. ви́дѣшм҃), и҆́до́ша (тамъ же, Остр. и҆́до́шм҃, Первоп. и҆́дѹ́шм҃), рекóша (Матѳ. II. 5, Остр. такъ же, Первоп. рекѹ́шм҃), собра́ша (Матѳ. XXII. 10, Остр. събра́шм҃,

Первоп. собра́шѧ), сказа́ша (Лук. II. 17, Остр. и Первоп. сказа́шѧ), дивѝшасѧ (тамъ же, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. и҃мѣ́ахѫ (Іов. IV. 21, Остр. и҃мѣ́ахѫ, Первоп. какъ въ Новой), ѡ҃ра́хѫ, паса́хѫсѧ (Іов. I. 14, Остр. о҃ра́хѫ, паса́хѫ, Первоп. ѡ҃ра́хѫ, паса́хѫ), хожда́хѫ (1 Цств. XIII. 20, Остр. и Первоп. такъ же), стица́хѫсѧ (Мр. VI. 33, Остр. стица́хѫсѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Написанія съ -ѧ, встрѣчаемыя въ Острожской и Первопечатной библіяхъ на мѣстѣ новыхъ съ -а, представляютъ собой, разумѣется, только остатки старославянской орѳографіи и фонетическаго значенія не имѣютъ.

Двойственное число. Первое лицо вмѣсто старославянскаго -вѣ представляетъ окончанія -ва или -ма, какъ и въ первичныхъ временахъ (см. выше). Въ Новой библіи формы двойственнаго обыкновенно замѣнены формами множественнаго числа: ходи́хомъ (Псал. LIV. 15, Остр. ходи́ховѣ, какъ въ старославянскомъ; Первоп. ходи́хома), и҃ска́хомъ (Лук. II. 48, Остр. и҃ска́ховѣ, Первоп. и҃ска́ховѥ). У М. Смотрицкаго: м. и ср. что́хома, женск. что́хомѣ (л. 190 на обор.), м. и ср. чита́хома, ж. р. чита́хомѣ (л. 191 на обор.); м. и ср. чита́хомасѧ, ж. читахомѣ сѧ (л. 202 на обор.); твори́хома, твори́хомѣ (л. 215 на обор.) и т. д. съ такой же дифференціаціей по роду, какъ отмѣченная выше у первичныхъ окончаній. Въ первомъ изданіи (Евю) находимъ -ва и вѣ: что́хова, что́ховѣ и т. д. У Лавр. Зизанія иногда только—вѣ: би́ховѣсѧ (л. 74 на об.), бі҃а́ховѣсѧ (ibid.), бі҃ма́ховѣсѧ (ibid.), бѣ́ховѣ (л. 76), бы́ховѣ (ibid.), иногда рядомъ -ва и -вѣ: спаса́ховѣ, спасахова (л. 63), въстава́ховѣ, ва (л. 67), спасо́хова, вѣ (л. 63) и т. д.

Второе лицо сохраняетъ старославянское окончаніе -та: ѿда́ста (Дѣян. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же), согласи́стасѧ (Дѣян. V. 9, Остр. съгласи́стасѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. У М. Смотрицкаго съ обычной дифференціаціей—твори́ста, твори́стѣ (л. 215 на обор.); снѣ́ста, снѣ́стѣ (л. 243 на об.) и т. д. Въ повелительномъ наклоненіи: гр҃ди́та (Матѳ. IV. 19, Остр. гр҃дѣ́та, Первоп. какъ въ Новой), блюди́та (Матѳ. IX. 30, Остр. блюдѣ́та, Первоп. какъ въ Новой), рцы́та (Мр. XI. 3, Остр.

рцѣта, Первоп. какъ въ Новой), и҆ди́та, приведи́та (Матѳ. XXI. 2, Остр. и҆дѣта, приведѣта, Первоп. какъ въ Новой), прїиди́та, ви́дита (Іоан. I. 39, Остр. прїидита, ви́дѣта, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Нерѣдки замѣны формами множественнаго (уже въ Острожской библіи): не бо́йтесѧ (Матѳ. XXVIII. 5, Остр. бо́итесѧ), прїиди́те, ви́дите, рцы́те (ibidem. 6. 7, Остр. прїидѣте, ви́дите, рцѣте, Первоп. прїиди́те, ви́дите, рцѣте) и т. д.

Третье лицо утратило старославянское -те, вмѣсто котораго имѣются -та (главнымъ образомъ для мужескаго рода) и -тѣ (для женскаго и средняго). Происхожденіе этихъ окончаній таково же, какъ и соотвѣтствующихъ окончаній у первичныхъ временъ. Въ основѣ ихъ лежатъ окончанія втораго лица -та и третьяго -те, которыя подъ вліяніемъ двойственнаго числа именнаго склоненія, развѣтвились на -та и -тѣ. Возможно также, что и одно первичное -те могло дать начало обоимъ даннымъ окончаніямъ. Дифференціація въ отношеніи рода представляетъ собой явленіе позднѣйшее. Въ Острожской библіи она далеко не такъ послѣдовательна, какъ въ Новой.

Окончаніе -та: м. р. бѣ́ста (Матѳ. IV. 18, Остр. такъ же), и҆до́ста (ibid. 20, Остр. такъ же), м. р. пристꙋпи́ста (Матѳ. IX. 28, Остр. такъ же), м. р. возопи́ста (Матѳ. XX. 30, Остр. възъпи́ста, Первоп. какъ въ Новой), м. р. вопїѧ́ста (ibid. 31, Остр. въпїа́ста, Первоп. возопи́ста), смотрѧ́ста, падо́ста (м. род. Суд. XIII. 20, Остр. такъ же).

Окончаніе -тѣ: ж. р. рꙋ́цѣ созда́стѣ (Осія XIII. 4, Остр. стѧжа́сте, Первоп. стѧжа́стѣ), теко́стѣ, и҆дѧ́стѣ (Марія Магдалина и другая Марія. Матѳ. XXVIII. 8, Остр. теко́стѣ, но и҆дѧсте, Первоп. теко́стѣ, но и҆дѧ́сте), ꙗ҆стѣсѧ, поклони́стѣсѧ (тамъ же, Матѳ. XXVIII. 9, Остр. и Первоп. въ обоихъ случаяхъ -тѣ), зрѧ́стѣ (обѣ Маріи; Мр. XV. 47, Остр. и Первоп. зрѧ́ста), рꙋ́цѣ твои̑ сотвори́стѣ мѧ и҆ созда́стѣ мѧ (Іов. X. 8, Остр. сътвори́ста, създа́ста, Первоп. какъ въ Новой), бѣ́стѣ бо рꙋ́цѣ (Быт. XXVII. 23, Остр. бѣста, Первоп. бѣ́ста), бѣ́стѣ двѣ̀ дщє́ри (Быт. XXIX. 16, Остр. бѣста, Перв. бѣ́ста), оу҆тверди́стѣсѧ є҆гѡ плеснѣ̀ и гле́знѣ (Дѣян. III. 7, Остр. и Перв. также оу҆тверди́стѣсѧ),

поравóтастѣ (Пс. LXXX. 7, Остр. такъ же), послꙋжи́стѣ рꙋцѣ (Дѣян. XX. 34, Остр. послꙋжисте, Перв. какъ въ Новой), и҆дóстѣ, преидóстѣ, прїидóстѣ (Руѳь I. 19, Остр. и Перв. и҆дóста, прїидóста), и т. д. Изрѣдка встрѣчается и окончаніе -та: Рахоль и Лія рекóста (Быт. XXXI. 14. Остр. такъ же).

Средн. рода: ви́дѣстѣ ѻ҆́чи (Второз. X. 21, Остр. и Перв. ви́дѣста, Л. II. 30, Остр. видѣ́стѣ, Перв. какъ въ Новой), и҆злїѧ́стѣ (ѻ҆́чи: Плачъ Іерем. I. 16, Остр. и҆злїастѣ, Перв. и҆злїа́стѣ), оу҆стнѣ̀ двиза́стѣсѧ (1 Цств. I. 13, Остр. двиза́стасѧ, Перв. какъ Новой), держа́стѣсѧ (Лук. XXIV. 16, Остр. дръжа́стасѧ, Перв. держа́стасѧ), ѿверзóстѣсѧ (ibid. 31, Остр. ѿвръзóстасѧ, Перв. ѿверзóстасѧ; Іоан. IX. 10, Остр. ѿвръзóстѣ, Перв. ѿверзóстѣ), ѻ҆слѣпóстѣ ѻ҆́чи (Іов. XVII. 7, Остр. и Первоп. ѻ҆слѣпóсте) и т. д. Изрѣдка встрѣчаемъ окончаніе -та: притꙋпи́стасѧ ѻ҆́чи (3 Цств. XIV. 4, Остр. ѻ҆мрачи́стасѧ, Первоп. ѡ҆мрачи́стасѧ), и҆ста́ѧста ѻ҆́чи (Іов. XVII. 5, Остр. и Первоп. такъ же), ѿверзóстасѧ (Матѳ. IX. 30, Остр. ѿверзостасѧ, Первоп. какъ въ Новой), ви́дѣста (Второз. XI. 7, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -та для средняго рода преобладаетъ въ Острожской и Первопечатной библіяхъ, хотя и въ нихъ изрѣдка встрѣчается новѣйшая форма съ -тѣ. Тамъ, гдѣ въ Новой библіи удержалось -та, Острожская и Первопечатная имѣютъ также -та. Исконное окончаніе -те встрѣчается въ Острожской и Первопечатной, но рѣдко; на его мѣстѣ находимъ въ Новой библіи всегда -тѣ, никогда -та, что указываетъ на происхожденіе окончанія -тѣ изъ -те.

Очень часты замѣны формами множественнаго числа: ѿвѣща́ша же и҆́мъ роди́телѧ є҆гѡ̀ и рѣ́ша (Іоан. IX. 20, Остр. и Первоп. ѿвѣща́ста, рѣ́ста), ѡба сїѧ̀ прорѡ́ка мꙋ́чиша (Апок. XI. 10, Остр. и Первоп. мꙋ́чиста); Манѡ́е же и҆ жена̀ є҆гѡ̀ зрѧ́хꙋ (Суд. XIII. 19, Остр. и Первоп. гледѣ́ста), рꙋцѣ же... бѣ́ша (Исх. XVII. 12, Остр. бѣша, Первоп. бѣ́ша), воздвигóша, пла́кашасѧ (двѣ снохи Руѳи: Руѳь I. 9, Остр. и Первоп. также множ. число), рекóша (тамъ же, 10, Остр. и Первоп. рекóста), пла́каша тамъ же, 14; Остр. плакаста, Первоп. пла́каста), пла́кашасѧ ѻ҆́ба (Тов. XI.

*

8, Остр. и Первоп. начáста плáкати), поидóша (Рафаилъ и Товій. Тов. XI. 3, Остр. и Первоп. йдóста).

Въ Острожской и Первопечатной преобладаетъ двойственное число; случаи замѣны встрѣчаются и здѣсь, но очень рѣдко.

§ 22. *Образованіе глагольныхъ формъ.*

Въ отношеніи тематическомъ церковнославянскій глаголъ не уклоняется замѣтно отъ старославянскаго и представляетъ такіе же классы спряженія.

Въ образованіи отдѣльныхъ временъ замѣчаются уклоненія, вызванныя частью фонетическими причинами, частью процессомъ морфологической ассимиляціи.

Уклоненія эти однако не особенно значительны и имѣются далеко не у всѣхъ глагольныхъ формъ.

Настоящее время. Изъявительное наклоненіе не отличается особенно отъ старославянской нормы, за исключеніемъ вышеуказанныхъ особенностей въ окончаніяхъ. Въ отношеніи тематическаго образованія оно сохранило всѣ характерныя черты старославянскаго. Замѣчаются, впрочемъ, нѣкоторыя немногочисленныя уклоненія, вызванныя частью процессами морфологическаго уподобленія, частью вліяніемъ русскаго языка.

1) Формы, вызванныя морфологической ассимиляціей: снабдю̀ 1 л. ед. ч. (Iезек. XXXIV. 16, Остр. снабжѫ̀, ср. также Числ. XXIII. 12, снабжѫ̀, Первоп. снабжѫ̀. Въ спискѣ XVI в. сънабъжоу, см. Востоковъ словарь цсл. языка), вмѣсто *снабждѫ̀ или по крайней мѣрѣ *снабжѫ̀; wдождю̀ (Исх. XVI. 4, Остр. ѡдождѫ̀, Перв. уже ѡдождю̀, Iезек. XXXVIII. 22, Остр. ѡдождѫ̀, Перв. wдождю̀), надождю̀ (Ам. IV. 7, Остр. надождѫ̀, Первоп. какъ въ Новой). Здѣсь, кромѣ формъ въ родѣ разширю̀ (Исх. XXIII. 18), йспражню̀ (Iез. XXX. 13) и т. п., вліяли также формы другихъ лицъ, какъ снабдѧтъ, надождѧтъ и т. д. Возможно, впрочемъ, что -ждю̀ въ приведенныхъ формахъ есть попытка изобразить палатальность сочетанія звуковъ ž'z' (см. выше, стр. 153). У М. Смотрицкаго, кромѣ дождю̀, имѣется цѣлый рядъ подобныхъ новообразованій, не встрѣчающихся, впрочемъ, въ текстѣ Библіи: гнѣздю̀, вдю̀, даже вегю̀. Рядомъ съ формами скорблю̀,

тєрплю, онъ приводитъ также вызванныя морфологической ассимиляціей къ прочимъ лицамъ формы мертвю, гремю (л. 169). Ни одна изъ этихъ формъ въ текстѣ Библіи не встрѣчается, за исключеніемъ дождю.

2) Формы, вызванныя вліяніемъ русскаго языка (съ ж вмѣсто жд и ч вмѣсто шт): сѣжѫ (Іер. XL. 10, Остр. сѣжѫ), пощажѫ (Іер. XXI. 7, Остр. другой текстъ), оутвержѫ (Лев. XVII. 10, Остр. другой текстъ), йзвєрчѫ (1 Цств. XI. 2, Остр. и Перв. такъ же), вижѫ (Іоан. XX. 25, Остр. и Первоп. такъ же), возвѫжѫ (Іоан. XI. 11, Остр. и Первоп. возвѫждѫ) и т. д. У М. Смотрицкаго находимъ подобныя же формы вижю, молочю, рожю, хожю (л. 230). У глаголовъ нетематическихъ обращаетъ на себя вниманіе загадочная форма вѣдѣ, встрѣчающаяся въ Острожской и Первопечатной, но въ Новой замѣненная обычнымъ вѣмъ (Второз. XXXI. 27. 29) и представляющая собой весьма вѣроятно первое лицо ед. числа средн. залога (medium), какъ лат. vidi, скр. tutudé (ср. Brugmann. Grundriss der vergl. Gramm. Bd. II. 1892, стр. 1262, § 894, а также H. Hirt. Indogerm. Forschungen II. Bd. 1893, стр. 358).

Повелительное наклоненіе. Единственное число, второе лицо: рядомъ съ первичными формами въ родѣ возми, йди, востáни (Матѳ. IX. 6, Остр. въстáни, възми, їди, Первоп. какъ въ Новой), йзы́ди (Мр. V. 8, Остр. йзыди, Первоп. какъ въ Новой), тєцы, рцы (Зах. II. 4, Остр. тєци, гл҃и, Первоп. тєцы, гл҃и), привлєцы (Пс. XXVII. 3, Остр. привлєцы, Первоп. какъ въ Новой), вéрзи (М. XVIII. 9, Остр. врьзи, Первоп. вéр҃зи), лáзи (2 Цств. XIII. 5, Остр и Первоп. такъ же), встрѣчаются и вторичныя, вызванныя морфологической ассимиляціей: вéржи (Іезек. XXIII. 47, Остр. разбіи), повéржи (Исх. VII. 9, Остр. и Перв. повéрзи), ѿвéржи (Пс. L. 13, Остр. ѿвéрзи, Первоп. какъ въ Новой), вмѣсто которыхъ въ Острожской библіи находимъ еще древнюю форму. Въ этихъ формахъ сказалось вліяніе такихъ, свойственныхъ уже старославянскому, формъ, какъ: бѣжи (Быт. XXVII. 43, Остр. и Первоп. такъ же, Матѳ. II. 13, Остр. бѣжи, Перв. какъ въ Новой, Числ. XXIV. 11, Остр. и Перв.

такъ же), солжѝ (4 Цств. IV. 16, Остр. солъжѝ, Первоп. какъ въ Новой), воздви́жи (I. Сир. XIII. 2, Остр. въздвижи, Перв. какъ въ Новой) и т. д., а также и формъ изъявительнаго наклоненія настоящаго времени. Глаголъ хощꙋ̀ имѣетъ 2 л. пов. хощѝ (3 Езд. VIII. 27, Остр. и Первоп. хо́щєши), восхощѝ (I. Сир. VI. 35, Остр. въсхо́щи, Первоп. какъ въ Новой, ibid. VII. 13, Остр. въсхотѝ, подъ вліяніемъ темы неопредѣленнаго наклоненія, какъ въ русскомъ *хотѝ*, Первоп. какъ въ Новой, 3 Цств. XX. 8, Остр. восхощи, Первоп. какъ въ Новой), какъ уже въ старославянско́мъ (см. Miklosich. Altslovenische Formenlehre in Paradigmen W. 1874, стр. 47). Глаголы нетематическіе сохраняютъ старославянскія формы: ꙗ҆́ждь (Суд. XIII. 4. 7), повѣ́ждь (2 Цств. XVIII. 21), да́ждь (I. Нав. XV. 19) и т. д. Въ смыслѣ повелительнаго употреблено 2 л. ед. изъявит. въ Пл. Іерем. (III. 64. 65): возда́си и҆́мъ, Гдⷭ҇и, воздаѧ́нїє, по дѣлѡ́мъ рꙋкꙋ̀ ихъ. Возда́си и҆́мъ застꙋпле́нїє и т. д. (Остр. ѿдаси и ѿда́си, Первоп. ѿда́си).

Двойственное число. Формы перваго лица не встрѣчается; вмѣсто нея встрѣчаемъ соотвѣтственную форму изъявительнаго наклоненія: да сѧ́дєва (Мр. X. 37, Остр. и Первоп. сѧ́дєвѣ). Старославянская форма была бы **сѧдѣвѣ**. Окончаніе **-вѣ** въ позднѣйшемъ церковнославянскомъ уступило мѣсто окончанію -ва (см. выше стр. 321), а на мѣстѣ -ѣ- находимъ -є-, что указываетъ на одинаковое съ общерусскимъ (и вызванное вліяніемъ этого послѣдняго) употребленіе формъ изъявительнаго наклоненія (съ значеніемъ будущаго вр.), вмѣсто повелительнаго. То же имѣетъ мѣсто въ первомъ лицѣ множественнаго (см. ниже стр. 328). Второе лицо встрѣчается довольно часто и въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ новообразованіе по типу глаголовъ нетематическихъ и глаголовъ, образующихъ основу настоящаго времени съ суффиксомъ -і-, какъ ви́дита (Іоан. I. 39, Остр. ви́дѣта, по типу такихъ, какъ стсл. **идѣта**, Первоп. какъ въ Новой), стсл. **видита**, **тръпита**, **хвалита**, **дадита**, **вѣдита**, **ꙗдита** и т. д.: грѧди́та (М. IV. 19, Остр. грѧдѣта, Первоп. какъ въ Новой), блюди́та (Матѳ. IX. 30, Остр. блюдѣта, Первоп. какъ въ Новой), и҆ди́та (Мр.

XI. 2, Остр. йдѣта, Первоп. какъ въ Новой), прїидѝта (Іоан. I. 39, Остр. прїидѣта, Первоп. какъ въ Новой), привєдѝта (Лук. XIX. 30, Остр. привєдѣта, Первоп. какъ въ Новой; Мр. XI. 2, Остр. привєдѣта, Первоп. какъ въ Новой), рцы́та (Лук. XIX. 31, Остр. рцѣта, Перв. рцѣта, Мр. XI. 3, Остр. рцѣта, Перв. какъ въ Новой).

Какъ видно изъ цитатъ, Новая библія представляетъ только -и́-та, въ Острожской вездѣ находимъ еще -ѣ-та, Первопечатная, за единственнымъ исключеніемъ, имѣетъ, какъ и Новая, -и-та. Старинная форма съ -ѣ-та встрѣчается въ Новой библіи очень рѣдко: йдѣта (Лук. XXII. 10, Остр. йдѣта, Первоп. йди́та), рцѣта (ibid. 11, Остр. рцѣта, Первоп. какъ въ Новой). Вмѣсто двойственнаго находимъ часто множеств. число: бо́йтєсѧ (Матѳ. XVII. 7, Остр. боитєсѧ), воста́нитє (ibid. Остр. ѓстанѣтє, Перв. какъ въ Новой), йди́тє (Мр. XVI. 7, Остр. йдѣтє, Перв. какъ въ Новой, Лук. XIX. 30, Остр. йдѣтє, Перв. какъ въ Новой), рцы́тє (тамъ же, Остр. рцѣтє, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Замѣна эта имѣется уже въ Острожской и Первоп. библіяхъ. Третье лицо встрѣчается весьма рѣдко: ни́цъ ѝ оу҃бо́гъ ѓвосхвали́та ймѧ твоє̀ (Пс. LXXIII. 21, Остр. въсхвалита), о҃чи мои́ да ви́дита правоты̀ (Пс. XVI. 2, Остр. видѣта по образцу стсл. **несѣта, берѣта**, Первоп. ви́дита), оу҃стнѣ̀ мои́ похвали́тѣ тѧ̀ (Пс. LXII. 4, Остр. съ древнимъ окончаніемъ похвали́та, Перв. какъ въ Новой): стсл. **видѧта, хвалѧта**.

Множественное число. Формы перваго лица на -имъ отъ глаголовъ нетематическихъ и образующихъ основу настоящаго при помощи суффиксовъ -i-, -jo- или -je-, какъ оу҃вѣнча́имъ (Прем. С. П. 8, Остр. вѣнча҃ѣ̀, Первоп. вѣнча́ємъ=изъявит. наклон.), наслади́мсѧ, оу҃потрєби́мъ (тамъ же, 6, Остр. пожи҃вѣ̀, оу҃бл҃жи́мсѧ, Первоп. пожи҃вє́мъ, оу҃бл҃жи́мсѧ), сотвори́мъ, пощади́мъ, оу҃стыди́мсѧ (тамъ же 10, Остр. сътвори́, пощадимъ), йстѧ́жимсѧ (Ис. I. 18, Остр. съвопраша҃ѣ̀, Первоп. съвопраша́ємъ), поймъ (Исх. XV. 1, Остр. и Первоп. такъ же), возопи́мъ (1 Макк. IV. 10, Остр. възопї҃ѣ̀, Первоп. возопї́ємъ), дади́мъ (1 Макк. XV. 35, Остр. дадємъ, Первоп. какъ въ Новой), съѧди́мъ (4 Цств. VI. 28.

29, Остр. и҆ꙗ҆ди́мъ, зꙗ҆ди́мъ, и҆зꙗ҆ди́мъ, Перв. ꙗ҆ди́мъ, и҆зꙗ҆ди́мъ) и т. д. вызвали новообразованія: начни́мъ (2 Макк. II. 33, Остр. и Первоп. начина́емъ), поиди́мъ (Ис. XXX. 21, Остр. и҆дѣмъ, Первоп. и҆́демъ), напади́мъ (Іер. XX. 10, Остр. друг. текстъ: пого́ни҆), воста́нимъ (Іер. XLVI. 16, Остр. ед. ч. въста́ни), собери́мсѧ (Іезек. XXXIII. 30, Остр. събере́мсѧ, Перв. собере́мсѧ) и т. д. Исконныя формы 1 л. множ. на -ѣмъ почти не встрѣчаются, кромѣ: предтецѣ́мъ (Тов. XI. 2, Остр. другой текстъ: да пріидемъ на пре҆), а также рце́мъ (2 Ездры III. 5, Остр. глаго́лемъ). Въ настоящемъ случаѣ ц указываетъ на исконный повелительный, хотя вмѣсто ѣ находимъ е подъ вліяніемъ весьма частыхъ случаевъ замѣны повелительнаго формами изъявительнаго наклоненія, какъ напр.: идемъ, дви́гнемъ (3 Езд. IV. 14, Остр. также и́демъ, двигнемъ, но 15. поидимъ, двигнѣмъ, Первоп. по́йдемъ, дви́гнѣмъ, Нов. по́йдемъ, дви́гнемъ), вни́демъ (Пс. CXXXI. 7, Остр. и Первоп. также), пожре́мъ, во́змемъ, пріи́мемъ (Притчи С. I. 12—13, Остр. по́жремъ, во́змемъ, пріимемъ, Перв. какъ въ Новой), взы́демъ (Ис. II. 3, Остр. в҆зы́идемъ, Первоп. взы́дем҆, Іерем. VI. 5, Остр. възы́идемъ, Первоп. в҆зы́демъ, 1 Макк. IV. 36, Остр. взы́идемъ, Первоп. в҆зы́демъ), по́йдемъ (Іерем. VI. 16, Остр. ходи́мъ, Первоп. хо́димъ; Зах. VIII. 23, Остр. и҆де҆, Первоп. и҆́демъ; 1 Макк. V. 57, Остр. и҆демъ, Первоп. и҆́демъ), свѧ́жемъ (Ис. III. 10, Остр. свѧ́же҆), изсѣче́мъ, посѣче́мъ, сози́ждемъ (Ис. IX. 10, Остр. оу҆сѣче́мъ, посѣче́мъ, съгради́мъ, Перв. такъ же и согради́мъ), сози́ждемъ (Быт. XI. 4, Остр. сози́жде҆), сѧ́демъ, вни́демъ (Іерем. XLII. 13. 14, Остр. сѧ́демъ, вни́дем҆), расто́ргнемъ || расто́ргнимъ, ѿве́ржемъ || ѿве́ржимъ (Пс. II. 3, Остр. растръгнемъ, ѿве́ржемъ, Первоп. расто́ргнемъ, ѿве́ржемъ) и т. д. Замѣна эта, какъ видно, имѣется уже въ Острожской библіи.

Второе лицо множественнаго числа, рядомъ съ первичными формами на -ите глаголовъ нетематическихъ и образующихъ основу настоящаго времени съ суффиксомъ -і-, какъ напримѣръ: дади́те (Быт. XXIII. 4, Остр. такъ же), ꙗ҆ди́те (Исх. XXIII. 15, Остр. ꙗ҆ди́те, Лев. X. 12. 13. 14, Остр. ѧ҆ди́те), повѣ́дите (Дан. II. 9, Остр. повѣди́те, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. сотвори́те

(Исх. XXIII. 14, Остр. снабди́те), оу҆краси́те (Исх. III. 22, Остр. такъ же), слы́шите, внꙋши́те (Ос. V. 1, Остр. слы́шите, внꙋшите) и т. д., представляетъ обиліе новообразованій, вытѣснившихъ совершенно исконныя формы на -ѣте: рцы́те (Лев. XI. 2, Остр. гл҃ите, Быт. XXIII. 8, Остр. погл҃ите), посѣцы́те (Исх. XXXIV. 13, Остр. изъявит. да посѣче́те), оу҆сѣцы́те, взы́дите, принеси́те, сози́ждите (Агг. I. 8, Остр. оу҆сѣцѣте, възыидѣте, принесѣте, съзи́ждете, Первоп. оу҆сѣцы́те, в҆зы́дите, принеси́те, сози́ждете), воста́ните (Тов. VI. 18, Остр. другой текстъ), собери́тесѧ (Быт. XLIX. 2, Остр. събери́тесѧ), бꙋ́дите (Суд. IX. 19, Остр. и Перв. бꙋ́дете), впрѧзи́те (1 Цств. VI. 7, Остр. въпрѧзите), возми́те (ibid. Остр. возмѣте, Первоп. какъ въ Новой), ста́ните (1 Цств. X. 19, Остр. и Первоп. такъ же), и҆́дите, поищи́те (1 Цств. IX. 3. Остр. и҆дѣта, пои҆́щѣте, Первоп. и҆дита, поищи́та), поими́те, веди́те (3 Цств. I. 33, Остр. пои҆мѣте, ведѣте, Перв. пойми́те, веди́те), пожри́те (Лев. XIX. 5, Остр. положи́те), посли́те (Числ. XXXI. 4, Остр. послите), ѿтосли́те (Быт. XLV. 1, Остр. другой текстъ ѿстꙋпите), сѧ́дите (Р. IV. 2, Остр. и Первоп. сѧ́дѣте), воздѣжи́те (Пс. 133. 2, Остр. въздѣжи́те, Первоп. воздежи́те), пове́рзите (Быт. XXXV. 2, Остр. повръ́зѣте, Первоп. какъ въ Новой), прїиди́те (3 Ездры IV. 14, Остр. прїидѣте, Первоп. какъ въ Новой), бꙋ́дите, возми́те, принеси́те (Числ. XVI. 16. 17, Остр. бꙋ́дете, възмѣте, принеси́те, Первоп. бꙋ́дете, возми́те, принеси́те) прикосни́тесѧ (ibid. 26, Остр. прикоснетесѧ, Перв. какъ въ Новой), прїиди́те, взы́дите, помози́те (I. Нав. X. 4, Остр. възы́идѣте, помозѣте, Первоп. възыди́те, помози́те), ѿве́рзите, и҆зведи́те (I. Нав. X. 22. Остр. ѿвръ́зите, и҆зведи́те, Перв. какъ въ Новой), донеси́те, поими́те (Быт. XLIII. 11. 13, Остр. донеси́те, но по́имѣте, Первоп. какъ въ Новой), и҆ми́те (П. П. II. 15, Остр. и҆мѣте, Первоп. изъявит. и҆́мете), пла́чите (2 Цств. I. 24, Остр. такъ же), ѿтрѧси́те, разсы́плите (Дан. IV. 11, Остр. посѣцѣте, расы́плете, Перв. посѣцы́те, разсы́плите) и т. д. Исконныя формы съ -ѣте не встрѣчаются совсѣмъ въ Новой библіи, вмѣсто нихъ находимъ позднѣйшія новообразованія, какъ въ русскомъ. Въ Первопечатной онѣ встрѣчаются, но очень рѣдко (одинъ

случай изъ всѣхъ вышеприведенныхъ). Новообразованія съ -ите встрѣчаются довольно часто уже въ Острожской библіи; нерѣдки также здѣсь и въ Первопечатной замѣны повелит. наклоненія изъявительнымъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ въ Новой уже имѣемъ новообразованіе съ -ите (Новая бу́дите, Остр. бу́дете) и т. д. Подъ вліяніемъ перваго лица ед. числа повѣ́ждь, оу҃вѣ́ждь и такихъ отношеній, какъ ста́ни—ста́ните, бери́—бери́те и т. д., возникаетъ вторичная форма втораго лица множ. оу҃вѣ́ждьте (1 Цств. XIV. 38, Остр. и Первоп. изъявит. вмѣсто повелит. оу҃вѣ́сте), рядомъ съ исконными формами оу҃вѣ́дите (Числ. XVI. 30, Остр. да оу҃вѣ́сте), повѣ́дите (Дан. II. 9, Остр. повѣди́те) и т. д. Возстановленіе первичнаго заднеязычнаго согласнаго подъ вліяніемъ родственныхъ формъ представляетъ форма стрегите́ (Ис. XXI. 11, Остр. снабди́те). Глаголъ хощ҃ имѣетъ во второмъ лицѣ множ. ч. хоще́те (Іерем. XIII. 15. Только въ Острожской и Первопечатной, въ Новой другой текстъ). Третье лицо множ. числа не встрѣчается. Вмѣсто него имѣемъ всегда изъявительное наклоненіе съ частицей да. Также не встрѣчаются формы типа стсл. **бѣхѫ, бѣхомъ, бѣхте**, имѣвшіяся въ старослав. Вмѣсто нихъ находимъ болѣе новыя формы, какъ бі́йте (Числ. XXV. 17, Остр. бі́ите, Перв. какъ въ Новой), и҃збі́йте (ibid. 5, Остр. какъ въ Новой, Перв. и҃збі́йте) и т. д. Формальное тожество изъявительнаго и повелительнаго у извѣстныхъ основъ, повидимому, послужило источникомъ дифференціаціи ихъ по ударенію. Такъ 2 Парал. XIX. 6. 7 читаемъ: ви́дите, что҃ вы҃ творите́, не҃ человѣ́ческій бо вы҃ сѫ́дъ творите́... и҃ нынѣ́ да бу́детъ страхъ Г҃дне на ва́съ, и҃ храни́те, и҃ твори́те, ѩ҃кѡ нѣ́сть... непра́вды и т. д. (Остр. творите́,сътвори́те || повел. твори́те); сѣ́дите повел. (Зах. IX. 12, Остр. и Первоп. сѣ́дете), но сѣ́дите́ изъяв. (Суд. XVIII. 8, Остр. другой текстъ), изъявит. да въ за́повѣдехъ мои́хъ хо́дите, и҃ сѫ́ды мо҃и ѡ҃храните́, и҃ сотворите́ мѣ҃ (Іезек. XXXVI. 27, Остр. хо́дите.., снабдите́.., сътворите́.., Первоп. хо́дите... снабдите́... сотворите́), но сотвори́те повелит. (Исх. XXIII. 14. 15. Остр. сътвори́те, снабди́те, Первоп. сотвори́те, снабди́те), повел. ѩ҃ди́те (Исх. XXIII. 15, Остр. и Первоп. такъ же), но изъявит. ѩ҃дите́ (Іезек. XXXIV. 3, Остр. ѩ҃ди́сте)

и т. д. Ударе́ніе на самомъ личномъ окончаніи свойственно только формамъ изъявительнаго наклоненія, а въ повелительномъ оно является большею частью на послѣднемъ гласномъ основы: изъяв. твори́тѐ || повел. твори́тє. Въ томъ случаѣ, если ударе́ніе находится на корнѣ, дифференціаціи между повелит. и изъявительн. не наблюдается: изъяв. ви́дитє || повел. сѧ́дитє. Подобной дифференцировки помощью ударе́нія мы также не находимъ часто и въ тѣхъ случаяхъ, когда изъявительное наклоненіе отличается уже отъ повелительнаго: по́слєтє изъяв. (1 Цств. VI. 3, Остр. и Первоп. такъ же) и посли́тє повелит. (Числ. XXXI. 4, Остр. послитє, Перв. какъ въ Новой), хотя это и не проведено строго: испїѐтѐ изъявит. (Іезек. XXXIX. 18, 19) и пі́йтє повелит. (ibid. 17. Остр. и̑спиєтє и пїєтє, Первоп. и̑спїѐтѐ и пїѐтѐ), приведѐтѐ изъявит. (Мал. I. 8, Остр. приведѐтє, Первоп. какъ въ Новой) и повелит. веди́тє (3 Цств. I. 33), и̑зведи́тє (I. Нав. X. 22) и т. д. Случаи такой акцентуаціи 2-го лица множ. ч. изъявительнаго наклоненія очень часты: и̑ да не ѡ̑скверни́тєсѧ (Лев. XVIII. 30, Остр. о̑скверни́тесѧ, Первоп. ѡ̑скверни́тесѧ), ꙗкѡ да не сотвори́тѐ (ibid. Остр. сътвори́тє, Первоп. сотвори́тє), да не сотвори́тѐ (ibid. XXIII. 3, Остр. и Первоп. твори́тє), да раздѣли́тѐ (Лев. XXV. 46, Остр. и Первоп. раздѣли́тє), а̑ще... сохранитѐ и̑ сотворитѐ (ibid. XXVI. 3, Остр. снабдитѐ, сътвори́тє, Перв. снабдитѐ, сотворитѐ), вселите́сѧ (ibid. 5, Остр. вселѝтесѧ, Перв. какъ въ Новой), а̑ще же не послу́шаєтє... нижѐ сотворитѐ (ibid. 14, Остр. послу́шаєтє... сътворитѐ, Первоп. какъ въ Новой), ни покорите́сѧ (ibid. 15, Остр. другой текстъ), е̑гда́ же согрѣшитѐ, и̑ не сотворитѐ (Числ. XV. 22, Остр. съгрѣши́тє, сътвори́тє, Перв. какъ въ Новой), да не сотворитѐ (ibid. XXIX. 7. 12, Остр. сътвори́тє и сътворитє, Первоп. сотвори́тє), и̑ да не ѡ̑скверни́тѐ земли́, на не́йже живетѐ (ibid. XXXV. 34, Остр. о̑скврꙁни́тє, живе́тє, Первоп. какъ въ Новой), словесѣ, а̑же сотворитѐ (Второз. I. 18, Остр. сътвори́тє, Первоп. сотвори́тє), да поживетѐ (ibid. IV. I, Остр. пожива́тє, Первоп. какъ въ Новой), да не приложитѐ (ibid. 2, Остр. и Первоп. приложи́тє), потребите́сѧ (ibid. 26, Остр. потребѝтесѧ, Первоп. какъ въ Новой), да боите́сѧ

(ibid. VI. 2, Остр. да сѧ бо́ите, Первоп. да сѧ̀ бо́йте), до́ндеже и҆скоренитѐ (ibid. VII. 23, Остр. 2 л. ед.), ꙗ҆́кѡ сотворитѐ (ibid. XXXI. 29, Остр. сотвори́сте), оу҆клоните́сѧ (ibid. Остр. и Перв. скло́нитесѧ), а҆́ще оу҆́бѡ не возвѣститѐ (Дан. II. 5. 9, Остр. не совѣститѐ, Перв. не совѣститѐ), а҆́ще же возвѣститѐ (ibid. 6, Остр. совѣсти́те, Перв. совѣститѐ), а҆́ще ꙗ҆́стеи҆ли̇ пїетѐ, не вы́ ли ꙗ҆́сте и҆ пїетѐ (Зах. VII. 6, Остр. ꙗ҆́сте, пїете, Перв. какъ въ Нов.), а҆́ще... повелитѐ... и҆ поꙋчитѐ (3 Езд. XIV. 34, Остр. повелите, пооу҆чи́те, Перв. какъ въ Новой), а҆́ще приведетѐ (Мал. I. 8, Остр. приведете, Перв. какъ въ Новой), да... воцарите́сѧ, да поживетѐ (Притчи С. IX. 6, Остр. въцр҃итесѧ, поживете, Первоп. воцрите́сѧ, поживетѐ) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, случаи такой акцентуаціи начинаютъ встрѣчаться уже въ Острожской библіи, Первопечатная представляетъ ихъ еще чаще, но особенно часты они въ Новой.

Источникомъ ея надо считать русскія діалектическія формы съ подобнымъ удареніемъ, какъ *ходитё, носитё* и т. д., малор. *несете́, плетете́, горите́* и т. д., особенно послѣднія.

Дифференціація тожественныхъ формъ втораго лица множ. ч. изъявительнаго и повелительнаго наклоненія при помощи ударенія, имѣющаяся въ малорусскомъ, вполнѣ напоминаетъ только что разсмотрѣнную церковнославянскую, для которой она и послужила, очевидно, главнымъ источникомъ: хва́лите́ изъяв. || хвалі́те повел., горите́ изъяв. || горі́те повелит.; ср. также параллели—плетете́ || плет'і́те, несете́ || нес'і́те, гребете́ || гребі́те, печете́ || печі́те, мрете́ || мрі́те, бъете́ || би́йте, берете́ || бері́те и проч. Весьма вѣроятно, что эти разницы акцентуаціи вызвали и церковнославянскія параллели въ родѣ творитѐ изъяв. || твори́те повелит. Акцентуація второго лица множ. ч. изъявительнаго на окончаніи -те представляетъ собой вполнѣ вѣроятную праславянскую еще особенность (ср. H. Hirt. Zu den slavischen Auslautsgesetzen. Indogerm. Forschungen. Bd. II. 1892, стр. 347, а также Брандта. Начертаніе славянской акцентологіи. 1880, стр. 92. Прим. 2).

Рѣдкое третье лицо множественнаго числа повелительн. стсл. бѫдѫ, вмѣсто котораго мы ожидали бы въ церковнославянскомъ *бꙋдꙋ, замѣняется соотвѣтствующей формой изъявит. съ частицей

да: да бу́дутъ чресла̀ ва́ша и т. д. (Лук. XII. 35, Остр. и Первоп. такъ же, Зограф. Ассеман. Савина Кн.: вѣдѫ чресла ваша и т. д.).

У Мел. Смотрицкаго въ двойств. и множеств. числахъ повелит. находимъ обыкновенно формы изъявительнаго наклоненія: чтѝ ты̀, да чте́тъ о̑нъ, муж. и ср. чте́ма, чте́та, да чте́та; женск. чте́мѣ, чте́тѣ, да чте́тѣ; чте́мъ, чте́те, да чту́тъ (л. 192 на об.—193); то же самое въ такъ называемомъ „будущемъ повелительномъ“: прочтѝ, да прочте́тъ и т. д. (л. 193). Ничѣмъ почти не разнится отъ этихъ формъ его „молительное наклоненіе“: чтѝ ты̀, чтѝ о̑нъ; дв. м. и ср. чте́ма, чте́та, чте́та; ж. р. чте́мѣ, чте́тѣ, чте́тѣ; чте́мъ, чте́те, да чту́тъ (л. 193 на об.). „Будущее молительное“ отличается только прибавленіемъ префикса про и еще 2 л. мн. прочтѣ́те. У глаголовъ нетематическихъ, какъ стсл. вѣмь, находимъ у М. Смотрицкаго частью формы дв. и множ. ч., образованныя подъ вліяніемъ второго лица ед. ч., частью новообразованія по типу глаголовъ тематическихъ: вѣ́ждь ты̀, да вѣ́сть о̑нъ; дв. м. и ср. вѣ́ждьма, вѣ́ждьта, да вѣ́дѣта, ж. вѣ́ждьмѣ, вѣ́ждьтѣ, да вѣ́дѣтѣ; мн. вѣ́ждьмы, вѣ́дѣмъ, вѣ́дѣте, да вѣ́дѧтъ (л. 239 на об.). Почти то же находимъ и въ его „молительномъ наклоненіи“ нетематическихъ глаголовъ: вѣ́ждь ты̀, вѣ́ждь о̑нъ; м. и ср. дв. вѣ́ждьма, вѣ́ждьта, вѣ́ждьта; ж. вѣ́ждьмѣ, вѣ́ждьтѣ, вѣ́ждьтѣ; мн. вѣ́ждьмы или вѣ́дѣмъ, вѣ́дѣтѣ, да вѣ́дѧтъ (л. 139 на обор.). Иначе представляется повелительное глагола ѣмь, гдѣ мы находимъ смѣсь исконныхъ формъ и новообразованій: ꙗ̑ждь ты̀, да ꙗ̑сть о̑нъ; дв. муж. и ср. ꙗди́ма, ꙗди́та, да ꙗди́та; ж. ꙗдѣ́мѣ, ꙗдѣ́тѣ, да ꙗдѣ́тѣ; мн. ꙗ̑ждмы или ꙗди́мъ, ꙗдѣ́те, да ꙗдѧ́тъ (л. 244); „будущее повелительное“ въ свою очередь представляетъ нѣкоторыя особенности: снѣ́ждь ты̀, да снѣ́сть о̑нъ; дв. м. и ср. снѣ́ждма, ждта, да, дѣ́та; ж. снѣ́ждмѣ, ждтѣ, да, снѣдѣ́тѣ, мн. снѣ́ждмы или снѣдѣ́мъ, дѣте, да снѣдѧ́тъ (ibid). По типу тематическихъ глаголовъ образованы формы 2 л. ед. дадѝ, види, ꙗдѝ, которыя, однако, самъ авторъ называетъ менѣе употребительными (л. 200). Огромное большинство приведенныхъ здѣсь формъ въ текстѣ Библіи совсѣмъ не встрѣчается и должно быть приписано

педантичному творчеству самого автора. Дифференціаціи по ударенію сходныхъ формъ изъявит. и повелит. накл. (особенно 2 л. мн. ч.), подобной вышеуказанной, у М. Смотрицкаго (Московское изданіе) не имѣется: изъяв. 2 мн. чтѣте (л. 190 на обор., изд. Евю чтєтѐ) и повелит. чтѣте (л. 193), изъяв. 2 множ. твори́те (л. 215 на обор.), буд. сотвори́те (л. 216) и повел. твори́те, сотвори́те (л. 216 на об. и 217, изд. Евю твóрите, сотвóрите), одинаково сотвори́тесѧ (л. 223 на об. сторонахъ) и т. д. Исключеніе представляютъ формы 2 л. мн. „буд.“ прочтетѐ (л. 192) и „буд. повел.“: прочтѣте (л. 193), а также 2 л. мн. „наклоненія подчинительнаго“, вида совершеннаго: чтѣтѣсѧ (л. 207).

Евюнское изданіе представляетъ больше случаевъ такой дифференціаціи, Московское же, пріуроченное до извѣстной степени къ московскому (великорусскому) нарѣчію, сохраняетъ ее, кажется, только по недосмотру въ рѣдкихъ случаяхъ. Это обстоятельство подтверждаетъ косвеннымъ образомъ высказанное выше предположеніе, что источникомъ помянутой дифференціаціи является подобная же малорусская. Другимъ подтвержденіемъ является акцентуація изъявительнаго и повелительнаго наклоненія, находимая у Лаврентія Зизанія. Здѣсь имѣется дифференціація, вполнѣ напоминающая малорусскую и церковнославянскую: „изъявит. будущ.“ і҃авита̀, і҃авитѐ (л. 57 на об.), но „повелит. будущ.“ да̀ і҃ави́та, і҃ави́те (л. 58); спаси́та, спаси́те (л. 63), „настоящее изъявит.“ гласита̀, гласитѐ (л. 68 на обор.) и изъявит. будущ. възгласита̀, ситѐ (л. 69), но повелит. будущ. възгласи́та (л. 71), възгласи́те (л. 71 на об.), „молитвенное дѣлат. настоящ.“ да̀ гласита̀, гласитѐ (л. 71 на об.), „молитв. будущ.“ да̀ возглашѫ... ита̀, взгласѣтѐ (л. 72), настоящ. изъявит. вѣта̀, вѣтѐ (л. 72 на об.) и т. д.

Причастіе настоящаго времени дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ сохраняетъ въ общемъ старославянскія черты тематическаго образованія, хотя у перваго замѣчается не мало новообразованій, а также и наклонность къ замѣнѣ формъ простыхъ формами сложными. Старинное краткое причастіе дѣйствительн. залога м. р. встрѣчается довольно рѣдко: м. р. ходѧ (2 Цств. VII. 6, Остр. прєбывáѧ), хотѧ (3 Цств. XIII. 1, Остр. такъ же),

молча́ (ibid. XXI. 7, Остр. молча, Первоп. какъ въ Новой), и҃ща́ (2 Пар. XXVI. 15, Остр. другой текстъ), ви́да (1 Макк. IV. 35, Остр. другой текстъ), мща́ (Пс. XCVIII. 8, Остр. такъ же), пота́са, тща́са (Прем. I. Сир. XI. 11, Остр. пота́са, тщаса), сказ҃а, разрѣша́а (Дан. V. 12, Остр. сказа́а, разрѣша́а), глаго́ла (Быт. XLIV. 32, Остр. другой текстъ), стена́ (Быт. IV. 12. 14, Остр. такъ же), пла́ча (Іерем. Плачъ I. 2, Остр. пла́ча), пони́ча, притвора́са (Іис. Сир. XIX. 24, Остр. понича, раслы҃ша́а), пі҃а (Лук. VII. 33—34, Остр. піа, Первоп. пі҃а) и т. д.; въ значеніи средняго рода (рѣдко): о҃слѣпа́а (Зах. XI. 17, Остр. о҃слѣпа́а, Первоп. какъ въ Новой), просвѣща́а (I. Сир. XLII. 16, Остр. свѣта́са). Рядомъ гораздо чаще сложныя формы: спа́й (1 Ц. XXVI. 7, Остр. и Перв. спа҃), зи́ждай (3 Ц. IX. 1, Остр. и Перв. зи́жда, Пс. CXLVI. 2, Остр. зи́жай, Первоп. какъ въ Новой), помога́й (1 Ездры X. 15, Остр. помога́ша), приходи́й, разы҃мѣй (Неем. X. 28, Остр. разы҃мѣи, оу҃крѣпляйся, но проклинаа), хота́й (1 Макк. VII. 5, Остр. хота́и), о҃волга́й (2 Макк. III. 11, Остр. зноса, Перв. с҃носа), быва́й (ibid. IV. 5, Остр. быва́ми), созида́й, о҃снова́й (Зах. XII. 1, Остр. съзида́а, Перв. созида́й), мста́й, потребля́й (Наумъ I. 2, Остр. м҃ста́и, о҃чища́й, Перв. мста́й, м҃ста́й, о҃чища́й), запреща́й, и҃зсы҃ша́й, о҃пы҃стоша́й (ibid. 4, Остр. запреща́ми, послы҃ша́й, и҃скажа́ми, оу҃малча́й), присѣда́й (Іов. XXXI. 9, Остр. присѣда, Первоп. присѣда҃), сѣда́й (Быт. XLIX. 17, Остр. и Первоп. сѣда҃; Второз. VI. 7, Остр. сѣдми, Перв. какъ въ Новой), ви́дй (ibid. XIII. 1, Остр. вида҃, Первоп. ви́да), о҃сказа́й, помога́й (ibid. XXVIII. 29, Остр. о҃сеза́ми, но помага́а, Перв. о҃сказа́й, но помага́а), гона́й (Суд. IV. 16, Остр. женыи), сы҃да́й (ibid. XI. 27, Остр. друг. текстъ), и҃мѣй (Іов. VI. 5, Остр. и҃мѣ́, Первоп. какъ въ Новой), боа́йся (ib. VII. 2, Остр. боисѧ), держа́йся (I. Сир. IV. 14, Остр. дръжа́ися), тры҃жда́йся (ib. XI. 11, Остр. тры҃жда́ися), возвѣща́й (Дан. V. 12, Остр. съвѣсты҃а, Первоп. совѣсты҃а), дѣла́й (Быт. IV. 2, Остр. дѣла́а, Первоп. дѣла́а) и т. д. Никакихъ особыхъ оттѣнковъ значенія съ той или другой формой, повидимому, не со-

единено, ср. совершенно тожественныя синтактическія построенія: вины̀ и҆́щетъ мꙋ́жъ хотѧ̀ ѿлꙋчи́тисѧ ѿ дрꙋгѡ́въ (Притчи С. XVIII. 1, Остр. хотѧ̀) и лꙋ́чше є҆́сть оу҆бо́гъ ходѧ́й въ простотѣ̀ своє́й (ibid. XIX. 1, Остр. ходѧ́и) или вели́ка ве́щь человѣ́къ, и҆ драга́ѧ мꙋ́жъ творѧ́й ми́лость (ibid. XX. 6, Остр. творѧ́и) и т. д. Нерѣдки случаи безразличнаго употребленія рядомъ простыхъ и сложныхъ формъ: и҆ да бꙋ́детъ Да́нъ ѕмі́й на пꙋти̇̀, сѣдѧ́й на распꙋ́тіи, оу҆грыза́ѧ пѧ́тꙋ ко́нскꙋ (Быт. XLIX. 17, Остр. сѣдѧ̀... хаплѧ́а, Первоп. сѣдѧ̀... ха́плѧѧ); є҆́сть трꙋжда́ѧйсѧ и҆ потѧ́сѧ и҆ тща́сѧ (Іис. Сир. XI. 11, Остр. трꙋжда́ѧисѧ, потѧ́сѧ, тщасѧ); и҆ смы́слъ (ѡ҆брѣ́тесѧ) въ не́мъ, сказꙋ́ѧ сны̀, и҆ возвѣща́ѧй сокрове́ннаѧ, и҆ разрѣша́ѧ соꙋ́зы (Дан. V. 12, Остр. сказа́ѧ, съвѣ́стꙋѧ, раз҃рѣша́ѧ) и т. д. Тѣмъ не менѣе, кажется, можно видѣть у формъ сложныхъ нѣкоторый, болѣе независимый и субстантивный, такъ сказать, оттѣнокъ значенія, чѣмъ у формъ простыхъ. Этимъ оттѣнкомъ, вѣроятно, объясняется послѣдовательное употребленіе сложной формы въ такихъ случаяхъ, какъ; боѧ́йсѧ Гд҃а сотвори́тъ сїѐ, и҆ держа́йсѧ зако́на пости́гнетъ ю҆̀ (Прем. I. Сир. XV. 1, Остр. боѧ́исѧ, держа́и); любѧ́й ю҆̀ (премудрость) лю́битъ жи́знь... держа́йсѧ є҆ѧ̀ наслѣ́дитъ сла́вꙋ... слꙋ́шаѧй є҆ѧ̀, сꙋди́ти и҆́мать ꙗ҆зыки, и҆ внима́ѧй є҆́й, всели́тсѧ надѣ́ѧвсѧ (Ibid. IV. 13. 14. 15. 16, Остр. любѧ́и, дръжа́исѧ, послꙋшаѧи, внима́ѧи) и т. д. Напротивъ, простыя формы имѣютъ болѣе зависимое, такъ сказать, вербальное, а иногда адвербіальное значеніе: бѣ́хъ ходѧ̀ (2 Цств. VII. 6); І҆еровоа́мъ стоѧ́ше... жре́ти хотѧ̀ (3 Цств. XIII. 1); воста́ни и҆ молча̀ бꙋ́ди (ibid. XXI. 7); оу҆дивле́нъ бы́сть и҆щѧ̀ по́мощи... (2 Пар. XXVI. 15); въ библіяхъ Острожской и Первопечатной (особенно въ первой) это различіе въ оттѣнкахъ проведено послѣдовательнѣе, чѣмъ въ Новой, въ которой берутъ верхъ формы сложныя. Въ роли подлежащаго является обыкновенно сложная форма, а въ роли сказуемаго или другого какого-нибудь члена предложенія—формы простыя. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если въ Новой библіи имѣется уже сложная форма, мы находимъ простую форму въ Острожской или Первопечатной (въ послѣдней рѣже), тогда какъ сложное причастіе подлежащее

и въ Острожской уже является въ сложной формѣ: и҆ сѐ Саꙋ́лъ спѧ́й сно́мъ въ колесни́цѣ ца́рстѣй, и҆ копїѐ є҆гѡ̀ водрꙋже́но въ зе́млю (1 Ц. XXVI. 7, Остр. и Первоп. спѧ̀); и҆ бы́сть є҆гда̀ сконча̀ Соломѡ́нъ зи́ждай хра́мъ Гдⷭ҇нь (3 Ц. IX. 1, Остр. и Первоп. зи́жда); а҆ не ꙗ҆́коже бѣ̀ ѡ҆болга́ѧй нечести́вый Сі́мѡнъ (2 Макк. III. 11, Остр. зносѧ, Первоп. сносѧ̀); и҆ а҆́ще присѣдѧ́й бы́хъ при две́рехъ є҆ѧ̀ (Іов. XXXI. 9, Остр. присѣдѧ, Перв. присѣдѧ̀); встрѣчаются однако и противоположные случаи: а҆́ще же воста́нетъ.,. прⷪ҇рокъ, и҆лѝ ви́дѧй со́нїе, и҆ да́стъ тебѣ̀ зна́менїе (Второз. XIII. 1, Остр. видѧ̀, Первоп. ви́дѧ); драга́ѧ (ве́щь) мꙋ́жъ творѧ́й ми́лость (Притчи С. XX. 6, Остр. творѧ́и) и т. д. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ только зародышъ извѣстной дифференціаціи простыхъ и сложныхъ формъ причастія настоящаго дѣйств. м. р. въ отношеніи значенія и употребленія; зародышъ этотъ, имѣвшійся уже въ старославянскомъ (ср. Зогр. Ев. Лук. XI. 10: **всѣ̀къ бо просѧі приемлѐтъ, ї иштѧі обрѣтаетъ**) и т. п., однако, дальнѣйшему развитію не подвергся.

Необходимо замѣтить, что все сказанное здѣсь относится только къ причастію настоящ. дѣйств. м. р. на -ѧ (у глаголовъ, имѣющихъ въ основѣ настоящ. времени гласный -и- или суффиксы -jo-, -je-); причастіе же м. р. на ы- (отъ всѣхъ прочихъ глаголовъ) въ церковнославянскомъ совершенно утратило простую форму и является только въ сложной: и҆ды́й (2 Ц. V. 10, Остр. и҆ды́и), сы́й (1 Парал. II. 21, Остр. сы́и), и҆ды́й и҆ расты́й (ibid. XI. 9, Остр. ї҆дꙋщи и҆ растꙋщи, Первоп. какъ въ Новой), простры́й (Зах. XII. 1, Остр. пропⷭ҇ныи), пасы́й (Исх. III. 1, Остр. пасы́и), крады́й (Второз. XXIV. 7, Остр. кра́дыи, Первоп. кра́дый), могі́й (I. Нав. XIV. 11, Остр. могїи, Первоп. какъ въ Новой), и҆ды́й и҆ ꙗ҆ды́й (Суд. XIV. 9, Остр. и҆ды́и, ꙗ҆ды́и), зовы́й (1 Ц. III. 9, Остр. зовы́и), жды́й (Іов. VII. 2, Остр. жды́и), свѣ́дый (ibid. 20, Остр. съвѣды́и, Первоп. свѣ́дый), процвѣты́й (ibid. XIV. 2, Остр. процвѣты́и), клены́йсѧ (Пс. XIV. 4, Остр. клены́исѧ), бл҃гоцвѣты́й (Дан. IV. 1, Остр. бл҃го цвѣтыи, Первоп. какъ въ Новой), трѧсы́йсѧ (Быт. IV. 12. 14, Остр. трѧсы́исѧ), ꙗ҆ды́й (Лук. VII. 33. 34, Остр. ꙗ҆ды̀, ꙗ҆ды̀, Первоп. ꙗ҆дый, ꙗ҆ды̀.

Зогр. Е. **ѣ̑ды**), **вѣ̑дый** (Лук. IX. 47, Остр. **вѣ̑ды**, Первоп. какъ въ Новой, Зогр. **вѣды**), **ѿвергі́йсѧ** (Лук. XII. 9, Остр. **ѿвръгі́йсѧ**, Зогр. **отъвръгы**) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, замѣна простой формы сложною имѣется уже въ Острожской библіи; форма простая встрѣчается здѣсь весьма рѣдко; Первопечатная ближе въ этомъ отношеніи къ Новой, хотя и въ ней изрѣдка можно найти простую форму, въ Новой совершенно вытѣсненную сложной. Въ значеніи средняго рода форма эта встрѣчается очень рѣдко и тоже только въ сложномъ видѣ: а҆́ще бо тѣ́ло твоѐ... не и҆мы́й нѣ́кїѧ ча́сти те́мны, бꙋ́детъ свѣ́тло (Лук. XI. 36, Остр. **и҆мы̀**, Первоп. какъ въ Новой, Зогр. **і҆мы**). Обыкновенно же, вмѣсто этой болѣе древней формы, мы находимъ для средняго рода сложную форму, образованную подъ вліяніемъ основы косвенныхъ падежей: лицѐ є҆гѡ̀ бѣ̀ грѧдꙋ́щее во І҆ерꙋсали́мъ (Лук. IX. 53, Остр. **грѧды̀**, Перв. **грѧды́й**, Зогр. **грѧды**, Ев. Добрил. 1164 **грѧдыи**); свидѣ́тельство Гдⷭ҇не вѣ́рно, оу҆мꙋдрѧ́ющее младе́нцы (Пс. XVIII. 8, Остр. оу҆мꙋдрѧ́а, Перв. какъ въ Новой); ѡ҆бли́чїе є҆гѡ̀ высо́ко, стоѧ́щее пред̾ лице́мъ твои́мъ (Дан. II. 31, Остр. и Первоп. **стоѧ̀**) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, простая форма была еще въ Острожской библіи, въ Первопечатной встрѣчается рѣже, а въ Новой совсѣмъ вытѣснена сложной формой. Рядомъ съ приведенными выше исконными простыми и сложными формами причастія настоящ. дѣйств. м. и ср. рода, являются и довольно многочисленныя (именно въ муж. р.) новообразованія.

Такъ, въ церковнославянскомъ весьма часта простая форма причастія муж. р., тожественная съ исконнымъ винит. ед. муж. рода (простой формы): стоѧ́щъ (1 Цств. XXVIII. 20, Остр. и Первоп. **стоѧ̀**), пїю́щъ (3 Ц. XX. 12, Остр. **и҆спивалъ**), стро́ѧщь (2 Макк. II. 13, Остр. **строа́щи**, Первоп. **стро́ѧщи**), хотѧ́щъ (ibid. III. 8, Остр. **конча́ѧ**, X. 24, Остр. друг. текстъ, V. 9, Остр. и Перв. **хотѧ̀**), ви́дѧщъ (ibid. VII. 28. Остр. друг. текстъ), возносѧ́щъ (ibid. 34, Остр. **възносѧ**, Первоп. **возносѧ́**), терпѧ́щъ (ibid. 39, Остр. друг. текстъ), и҆мѣ́ющъ (ibid. VIII. 3, Остр. друг. текстъ), взима́ющъ (ibid. 6, Остр. **възимающе**, Перв. **възима́юще**),

дышѹщъ (ibid. IX. 7, Остр. отнедышѹщє, Первоп. дыша), лежащь (ibid. 21, Остр. и Первоп. лежа), ѹвходящъ (ibid. 25, Остр. друг. текстъ), послѣдѹющъ (ibid. 27, Остр. винит. родит. послѣдѹюща), имѹщъ (ibid. X. 13, Остр. другой текстъ), радящъ (ibid. XI. 15, Остр. радѧ, Первоп. радѧ), бѣжащъ (ibid. XII. 22, Остр. другой текстъ), взираюшь (ibid. 45, Остр. зряи, Первоп. зряй), даюшъ (ibid. XV. 15, Остр. прош. давши, Первоп. давъ), содержащъ (3 Макк. II. 3, Остр. сдрѣжаи, Первоп. содержамй), любящъ (3 Макк. II. 9, Остр. и Первоп. любѧ), ѹмножающъ (ibid. 19, Остр. другой текстъ), лежащъ (3 Ездры III. 1, Остр. лежахъ, X. 30. Остр. друг. текстъ), глаголющъ (3 Ездры X. 29, Остр. и Первоп. глющи въ значеніи муж. р., VI. 17, Остр. глющи, Первоп. глющь) и глаголющь (ibid. IX. 30, Остр. глющь въ значеніи им. ед. м. р. Первоп. глющи), мѣрящъ (ibid. IX. 1, Остр. мѣрящи, Первоп. мѣрящи въ значеніи им. ед. м. р.), йсходящъ (ibid. XII. 17, вин. ед.: Остр. йсходящь, Первоп. какъ въ Новой), раздвоющъ, имѣющъ (Лев. XI. 3, Остр. дѣлѧ, копыта, Первоп. дѣлѧ, копыта), вѣлѣющсѧ, рдящсѧ (Лев. XIII. 19, Остр. вѣлѹсѧ, рдсѧ, Первоп. вѣлѹсѧ, рдсѧ), царствѹющъ (Эсѳ. III. 13, Остр. црьствова), бѣжащъ (Іис. Сир. XI. 10, Остр. и Первоп. бѣжа), покарающсѧ (Ис. III. 8, Остр. покарающтсѧ) и т. д. Форма эта, какъ видно изъ цитатъ, является главнымъ образомъ въ Новой библіи и здѣсь преимущественно въ тѣхъ частяхъ ея, которыя подверглись особенной переработкѣ для Елизаветинской редакціи, т. е. въ книгахъ Маккавеевъ, Эздры, Эсѳири и друг. (см. статью Чистовича объ исправленіи русскихъ богослужебныхъ книгъ. Православное Обозрѣніе 1860, № 5, стр. 42, 54). Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ на мѣстѣ этихъ новообразованій встрѣчаемъ болѣе древнія, исконныя формы простого причастія наст. врем. м. р. Здѣсь встрѣчается только винит. ед., какъ, напримѣръ, йсходяшь (Остр. 3 Ездры XII. 17), ѹстомящъ (2 Макк. XII. 29, Первоп. ѹстомящъ, Нов. ѹстомящій) и т. д. Зато здѣсь встрѣчаемъ довольно часто форму женск. рода или именит. множ. (простую) въ значеніи имен. ед. муж. р.: бы́хъ глющи (3 Ездры X. 29, VI. 17, Нов. глаголющъ), лежахъ скорбящи (3 Ездры III.

1, Нов. иначе), мѣрѧщи (Остр.) и мѣрѧщи (Первоп. 3 Ездры IX. 1, Нов. мѣрѧщъ) и т. д., възимáющє (2 Макк. VIII. 6, Нов. взимáющъ), дышѹщє (ibid. IX. 7, Первоп. дышà, Нов. дышѹщъ), глюще (Остр. 3 Ездры IX. 30, Первоп. глющи, Нов. глаго́лющь) и т. д. Употребленіе простой формы ж. р. вм. м. р. изрѣдка наблюдается и въ Новой библіи: по всемѹ, є҆ли́кѡ проси́лъ є҆сѝ ѿ Гд҃а Бг҃а твоєгѡ̀..., глаго́лющи (Второз. XVIII. 16, Остр. и Первоп. глющє), и ѧ҆ще смири́тсѧ (врагъ) и по́йдетъ пони́кши (I. Сир. XII. 11, Остр. и Перв. также пони́кши) и т. д., какъ въ современномъ русскомъ. Формы простаго именит. множеств. въ значеніи именит. ед. муж. р. въ Новой библіи не встрѣчается. Это употребленіе было свойственно (изрѣдка) Острожской библіи, въ Первопечатной встрѣчается еще рѣже, а въ Новой исчезаетъ совершенно, что объясняется, очевидно, бо́льшею (въ извѣстномъ смыслѣ) исправностью текста этой послѣдней. Подобное вышеприведенному новообразованію муж. р. (бѣжáщъ, ходѧщъ и т. д.) имѣется и въ среднемъ родѣ (очень рѣдко): ѿстоѧщо (1 Макк. VIII. 4: и҆ мѣсто бѣ далє́чє... Остр. и Первоп. ѿстоѧ). Вмѣсто этихъ вторичныхъ простыхъ формъ муж. и ср. р. встрѣчаются и сложныя формы, развившіяся изъ нихъ подъ вліяніемъ вообще исконнаго параллелизма простыхъ и сложныхъ формъ у другихъ морфологическихъ категорій (именъ прилагательныхъ, мѣстоименій и т. д.): муж. р. словѹщій (2 Макк. XIV. 37, Остр. сло́выи, Первоп. сло́вный), вин. ед. ходѧщїй (Аввак. I. 6, Остр. другой текстъ вин. ж. р.), покрыва́ющій (Лев. IV. 8, Остр. иначе и҆же на...), возраста́ющій (I. Сир. XLIII. 8, Остр. ж. р.), движѹщїйсѧ (Быт. VII. 21, Остр. ср. р. движѹщєєсѧ), плѣжѹщій (Лев. XI. 41, Остр. плѣжѹщїисѧ, Первоп. плѣжѹщїйсѧ), вдаю́щій, размышлѧющїй (Іис. Сир. XXXIX. 1, Остр. другой текстъ), блещáщїйсѧ (вин. ед. Лев. XIII. 25, Остр. иначе: блещáнїє), ѿставлѧющій (Притчи II. 17, Остр. ѡ҆ставлѧ, Первоп. ѿставлѧѧ), дє́ржащїйсѧ (Іезек. XLVIII. 18, Остр. дръжáисѧ, Первоп. держáйсѧ) и т. д., ср. р. держáщєєсѧ (3 Ц. VII. 36, Остр. другой текстъ), содержáщєє, и҆мѹщєє (2 Макк. IX. 18, Остр. простая форма и҆мѹщє, Первоп. и҆мѹще), ходѧщєє (Лев. XI. 42,

Остр. другой текстъ, м. р. ходѧ́и), блещáщеесѧ, пробѣлꙋ́ющеесѧ (Лев. XIII. 24, Остр. блещáсѧ, бѣлꙋ́ющеесѧ, Первоп. блещáсѧ, бѣлꙋ́ющеесѧ), продолжáющеесѧ (Iезек. XLVII. 19, Остр. другой текстъ), и҆змѣнѧ́ющеесѧ (Лев. XIII. 7, Остр. и Первоп. и҆змѣнѧ́ющи), процвѣтáющее (Лев. XIII. 57, Остр. и Первоп. процвѣтáѧ), пребывáющее (Лев. XIV. 44, Остр. пребываетъ), веселѧ́щеесѧ (Притчи С. XVII. 22, Остр. весéло), восходѧ́щее (Iис. Сир. XXVI. 20, Остр. въсходѧ, Первоп. восходѧ̀), возвѣщáющее (I. Сир. XLIII. 2, Остр. проповѣдáѧ), дышꙋ́щее (ibid. 4, Остр. иначе), пожигáющее (ibid. Остр. ср. р. жегыи, Первоп. жегы́и), простирáющее (ibid. Остр. простираѧ, Первоп. простирáѧ), оу҆малѧ́ющеесѧ (ibid. 7, Остр. оу҆малѧ́асѧ, Первоп. оу҆малѧѧсѧ), сїѧ́ющее (I. Сир. L. 7, Остр. сїѧ́а, Первоп. сїѧ́ѧ) и т. д. Въ старославянскомъ сложное (опредѣленное) причастіе настоящ. вр. въ муж. родѣ представляло только формы типа **несый, хвалѧй**, въ среднемъ родѣ **несѫштеѥ, хвалѧштеѥ**. Такимъ образомъ приведенныя выше формы м. р. словꙋ́щїй, ходѧ́щїй и т. д. представляютъ собой несомнѣнныя церковнославянскія новообразованія; напротивъ, формы ср. рода, какъ и҆мꙋ́щее, ходѧ́щее и т. д., въ морфологическомъ отношеніи могутъ быть признаны исконными старославянскими, хотя и употребляются гораздо чаще, чѣмъ въ настоящихъ старославянскихъ памятникахъ.

Тѣ же, приблизительно, отношенія замѣчаются у причастія настоящаго времени ж. р. Простая его форма еще встрѣчается довольно часто: живꙋ́щи (4 Ц. IV. 13. 16, Остр. живꙋ́щи, жи́ва), ѡ҆бзирáющи (Тов. XI. 4, Остр. друг. текстъ), ви́дѧщи (2 Макк. VII. 20, Остр. такъ же), держáщи (Быт. XXIV. 45, Остр. дръжáщи), сꙋ́щи (Притчи XXVII. 7, Остр. сꙋщи), поѧдáющи (Числ. XIII. 33, Остр. поꙗ̑дꙋщи), вслѣдствꙋ́ющи (Руѳь II. 2, Остр. въсл҃ѣствꙋю́щи), оу҆поѧвáющи (Псалт. XXII. 5, Остр. оу҆поѧ́ющи), и҆зсыхáющи (Зах. XI. 17) и т. д.

Рядомъ находимъ и сложную форму, которая отличается отъ старославянской вслѣдствіе морфологической ассимиляціи къ сложнымъ прилагательнымъ и мѣстоименіямъ: стсл. **несѫшти-ꙗ** || цслав. несꙋща-ѧ, какъ **добраꙗ, каꙗ** и т. д. Формы эти довольно часты,

и на ихъ мѣстѣ въ Острожской и Первопечатной мы находимъ обыкновенно еще простую форму: враща́ющаѧсѧ (3 Ц. VI. 34, Остр. иначе), просвѣща́ющаѧ (Пс. XVIII. 9, Остр. просвѣща́ющи, Перв. какъ въ Новой), вводѧ́щаѧ (Iезек. XL. 44, Остр. въводѧ́щаѧ два раза), ѡ҆крꙋжа́ющаѧ (Быт. II. 11, 13, Остр. 13: о҆бходѧ́щи, Первоп. ѡ҆бходѧ́щи), проходѧ́щаѧ (ibid. 14, Остр. и҆дꙋщи, Первоп. и҆дꙋ́щи), дви́жꙋщаѧсѧ (Быт. VII. 21, Остр. дви́жꙋщаѧ̑сѧ, Первоп. какъ въ Новой), зеленѣ́ющаѧсѧ, червленѣ́ющаѧсѧ (Лев. XIV. 37, Остр. и Первоп. простое прич. м. р. зеленꙋ́ющасѧ, червленꙋ́ющасѧ), приѡбща́ющаѧсѧ (I. Сир. XXVI. 8, Остр. о҆бща́ющисѧ, Первоп. ѡ҆бща́ющисѧ), вертѧ́щаѧсѧ (I. Сир. XXXIII. 5, Остр. врьтѧ́щисѧ, Первоп. вертѧ́щисѧ), срѣта́ющаѧ (I. Сир. XLIII. 24, Остр. срѣтаю̑щи, Первоп. срѣта́ющи), свѣтѧ́щаѧсѧ (I. Сир. L. 7, Остр. и Первоп. свѣтѧ́щисѧ), и҆зносѧ́щаѧ (ibid. 11, Остр. и Первоп. и҆зносѧ́щи), сожи́тельствꙋющаѧ (сія же есть — мужу: Быт. XX. 4, Остр. є҆сть жила̀) и т. д. Такую же морфологическую ассимиляцію къ сложнымъ прилагательнымъ и мѣстоименіямъ находимъ въ именит. множ. сложной формы: живꙋ́щїи (и рядомъ подъ вліяніемъ современныхъ русскихъ формъ живꙋ́щїє: I. Нав. X. 6, Остр. живꙋщіи и живꙋщеи — старославянская форма, Первоп. какъ въ Новой), преѡгорчева́ющїи (Пс. LXV. 7, Остр. старинная форма прогнѣвающеѝ, Перв. какъ въ Новой), оу҆держава́ющїи (Притчи XVIII. 21, Остр. старинная форма дръжа́щеи, Первоп. держа́щїи), высокоглѧ́дающїи (въ значеніи ср. р. Ис. V. 15, Остр. старинная форма глѧдающеи, Первоп. какъ въ Новой), пристꙋпа́ющїи (Iезек, XL. 46, Остр. старинная форма пристꙋпа́ющеи, Первоп. какъ въ Новой), болѧ́щїи (Матѳ. IX. 12, Остр. и Первоп. такъ же), гл҃ющїи (ibid. X. 20, Остр. старинная форма гл҃ющеѝ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Какъ видно, Острожская библія въ большинствѣ случаевъ представляетъ исконную старославянскую форму (стсл. **несѫщте-н**=цсл. несꙋщеи), которая изрѣдка однако и здѣсь уже уступила мѣсто новообразованію, а въ Первопечатной и Новой библіяхъ вытѣснена окончательно. Именительный множ. ж. р. также представляетъ морфологическую ассимиляцію къ сложнымъ прила-

гательнымъ: жены ...оу҃пова́ющыѧ (1 Петра гл. III. 5, Остр. еще исконная форма оу҃пова́ющаѧ, Первоп. какъ въ Новой). То же наблюдается въ винительн. множ. муж. рода: живу҃щыѧ (Апок. XIII. 12, 14, Остр. живу҃щаѧ, живу҃щала, Первоп. какъ въ Новой, стсл. муж. и женск. живѧштаѧ) и т. д. Въ Острожской тоже встрѣчается еще старинная форма, тогда какъ Первопечатная и Новая представляютъ уже новообразованія. Подробнѣе о различныхъ новообразованіяхъ въ склоненіи сложныхъ причастій, см. выше, стр. 293—301. Какъ результатъ взаимнаго вліянія причастій на -а и причастій на -ы, можно привести немногочисленныя формы: вѣдѧи (Неем. X. 28, Остр. тоже вѣдѧи, Первоп. какъ въ Новой), ж. р. вѣдѧщи (Марк. V. 33, Остр. вѣдѧщи), множ. ч. вѣдѧщѥ (Лук. VIII. 53, Остр. такъ же, Зогр. вѣдѧштѥ), рядомъ съ вѣдый (Лук. IX. 47, Остр. вѣды, Перв. какъ въ Новой), живѧи (I. Сир. XXV. 10. 11, Остр. живѧи, Первоп. какъ въ Новой), рядомъ съ живы́й (Іоан. VI. 57, Остр. живы́и), жрѧи (ibid. XXXV. 2, Остр. жрѧи, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Эти формы встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ. У Лавр. Зизанія находимъ рядомъ формы простыя и сложныя: причастіе наст. вр. ꙗвлѧѧи, ж. ющи, ср. ющѥѥ (л. 59); „прич. страд. наст.“ спасаѧсѧ, ж. спаса́ющисѧ, ср. спаса́ющѥѥсѧ (л. 68), „прич. дѣлательное“: бі҃и, бію́щи, бію́щѥѥ (л. 74), сы́й, ж. с҃щи, ср. с҃щѥѥ (л. 77 на об.) и т. д.

Замѣчаются произвольныя попытки временной дифференціаціи формъ различныхъ залоговъ. Такъ у него находимъ формы „будущаго“ причастія (сложныя): ꙗвлѧ́ющіи, аѧ, ѥѥ (л. 59), въ҃зглаша́ющіи, въ҃зглаша́ющи, въ҃зглаша́ющѥѥ (л. 70—71), бію́щій, бію́щаѧ, бію́щѥѥ (л. 74), бу҃ду҃щій, бу҃ду҃щаѧ, бу҃ду҃щѥѥ (л. 77) и т. д. У М. Смотрицкаго находимъ разграниченіе сложныхъ формъ отъ простыхъ; первыя называется у него *причастіями*, вторыя *дѣепричастіями*; тѣ и другія имѣютъ свое склоненіе. Примѣры: причастіе дѣйств. зал., вида соверш., настоящ. чты́и и чтоу́щіи, чтоу́щаѧ, чтоу́щѥѥ; „учащат. вида“: чита́ѧи и чита́ющіи, чита́ющаѧ, чита́ющѥѥ (л. 198 на об.). Дѣепричастія: чты́ и чтоу́щъ, ж. чтоу́щи, ср. чтоу́щѥ (л.л. 199 на обор. и 200); „учащат.“

чита́м и чита́ющъ, ж. чита́ющи, ср. чита́ющє (л. 200). Причастія: твори́и и твори́щіи, ж. твори́щам, ср. твори́щєє (л. 219 на обор.), „учащат.“ твори́ми, твори́ющіи и проч. (л. 220). Дѣепричастія: творѧ, твори́щъ, ж. твори́щи, ср. твори́щє (л. 220 на обор.) и т. д. Отъ глаголовъ нетематическихъ: причастія — сы́и и соу́щіи, соу́щам, соу́щєє (л. 237 на обор.); дѣепричастія: сы́, боу́дѧ (NB), соу́щъ, ж. соу́щи, ср. соу́щє (л. 237—238) и т. д. причастія—м. вѣ́дыи и вѣ́дѹщіи, ж. вѣ́дѹщам, ср. вѣ́дѹщєє или муж. вѣ́ми, вѣ́мщіи, ж. вѣ́мщам, ср. вѣ́мщєє (л. 241); дѣепричастія — вѣ́ды или вѣ́дѹщъ, ж. вѣ́дѹщи, ср. вѣ́дѹщє или вѣ́дѧ, вѣ́мшь, ж. вѣ́мщи, ср. вѣ́мщє (л. 242).

Такой же параллелизмъ формъ на -ы, -ый и -ѧ, -ѧй имѣется и у причастій отъ глагола ꙗ́мь: ꙗ́дыи или ꙗ́дѧи и т. д. ꙗ́ды, ꙗ́дѧ; ꙗ́доу́щъ, ꙗ́дѧшь; ꙗ́доу́щи, ꙗ́дѧщи; ꙗ́доу́що и ꙗ́дѧщє (л. 245). Окончаніе -о въ ꙗ́доу́що, вѣроятно, вызвано стремленіемъ дифференцировать тожественныя формы имен. множ. ꙗ́дѹщє и им. ед. ср. р. ꙗ́дѹщє. Въ общемъ отношенія между различными формами, находимыя у М. Смотрицкаго, согласуются съ выведенными выше изъ библейскаго текста. Въ текстѣ не встрѣчаются только формы простыхъ причастій (по М. Смотрицкому „дѣепричастій“), въ родѣ чты́, сы́, ꙗ́ды, вѣ́ды и т. д. (см. выше). Своеобразно также боу́дѧ, приравниваемое имъ къ формамъ сы́ и соу́щъ. Кромѣ приведенныхъ формъ, большинство которыхъ можетъ быть подтверждено текстами, мы находимъ у него цѣлый рядъ его собственныхъ новообразованій, въ родѣ „дѣепричастія“ будущаго времени: прочтоу́щъ, ж. и, ср. є (л. 201), страд. залога чты́сѧ, чтоу́щисѧ, чтоу́щесѧ (л. 210 на обор.), будущ. страд. залога прочтоу́щсѧ, прочтоу́щисѧ, прочтоу́щесѧ (л. 212) и т. п., которыя мы можемъ оставить въ сторонѣ, какъ не реальныя.

Причастіе страдательнаго залога настоящаго времени въ общемъ не уклоняется отъ старославянскаго, за исключеніемъ довольно частой замѣны суффикса простаго причастія муж. рода ед. ч. -*т* (цслав. -мъ) = стсл. -мъ, посредствомъ -*т*’ (цслав. -мь): велича́емь (2 Ц. V. 10, Остр. велича́емъ, Первоп. какъ въ Новой), кры́емь (4 Ц. XI. 3, Остр. кры́емъ, Первоп. какъ

въ Новой), люби́мь, (1 Макк. VI. 11, Остр. люби̑, Перв. люби́мъ), ѡ҆бита́емь (2 Макк. III. 1, Остр. verbum finitum), гони́мь, ненави́димь, ѡ҆гнꙋша́емь (ibid. V. 8, Остр. гнꙋша́емъ, ненави́дѣнъ, Перв. гнꙋша́емь, ненави́димь), оу҆ꙗзвлѧ́емь (ibid. VI. 30, Остр. другой текстъ), ѡ҆би́димь (Авв. I. 2, Остр. ѻ҆биди́мъ, Первоп. какъ въ Новой), люби́мь (Эсѳ. X. 3, Остр. и Первоп. гл. IX. люби́мъ), ви́димь (Іов. XXXVII. 21, Остр. невидимъ, Первоп. неви́димъ), оу҆ви́димь (ibid. XXII. 14, Остр. ср. родъ), хвали́мь, бл҃гослови́мь (Пс. IX. 24, Остр. хвали́мъ, бл҃гвимъ, Перв. хвали́мь, бл҃гви́мь), ѡ҆би́димь, расхища́емь (Второз. XXVIII. 29, Остр. ѻ҆биди̑, расхита́емъ, Перв. ѻ҆би́ди̑, расхища́ем̑), ѡ҆держи́мь (Іов. III. 24, Остр. ѻ҆дръжи́мъ, Перв. ѡ҆держи́мъ), лови́мь (Іов. X. 16, Остр. лови̑, Первоп. лови́мъ), дви́жемь (Іов. XIII. 25, Остр. дви́жемъ, Первоп. какъ въ Новой), зна́емь (ib. XVIII. 19, Остр. и Первоп. зна́емъ), и т. д., но ключи́мъ (2 Макк. III. 37, Остр. ключимъ, Первоп. какъ въ Новой), принꙋжда́емъ (ibid. VI. 18, Остр. насилѧ̑емъ, Перв. насилѧ́емь), ѡ҆держи́мъ (3 Макк. V. 7, Остр. оу҆дръжа́сѧ), ѡ҆блича́емь (Лук. III. 19, Остр. ѻ҆блича́е̑, Первоп. ѡ҆блича́ем̑), мни́мь (ibid. 23, Остр. мнимъ, Первоп. мни́мъ) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, въ Новой библіи преобладаетъ -мь (*-m'*), въ Острожской мы находимъ только -мъ (*-m*), а Первопечатная занимаетъ середину между ними. Суффиксъ -мъ (*-m*) въ Новой библіи встрѣчается въ частяхъ ея, подвергнувшихся сильному исправленію, и потому едва ли можетъ считаться остаткомъ старины. Скорѣе здѣсь повліяли современныя русскія формы.

У Зизанія простыхъ формъ не находимъ (см. ниже, стр. 347—48), а у М. Смотрицкаго -мь, какъ наприм. чита́емь (л. 211), но рядомъ и прочто́мъ (л. 212), твори́мь (л. 227), творѧ́емь, сотвори́мь, прочто́мь (ibid. на обор.), но опять прочто́мъ (л. 260) и т. д.

Простыя формы ед. ч. ж. и ср. рода въ библейскомъ текстѣ рѣдки: ж. р. глаго́лема (Іезек. XVIII. 3, а҆́ще бꙋ́детъ є҆щѐ — при́тча сїѧ̀, Остр. гл҃ема, Первоп. гл҃ема), люби́ма (пчела̀ — єсть: Притчи С. VI. 8, Остр. такъ же), поспѣшествꙋ́ема (мно́гѡ

бо мо́жетъ моли́тва — Iак. V. 16, Остр. поспѣшествѹ́ема), сравня́ема (Прем. С. VII. 29, мудрость — обрѣтается; Остр. другой текстъ), невѹвѣда́ема (свѣтла и — есть премудрость: Прем. С. VI. 12, Остр. и Первоп. неоу́вѣдо́ма) и т. д., винит. ед. низпѹща́емѹ (Дѣян. Ап. XI. 5, видѣхъ... сосудъ... яко плащаницу — Остр. ви́сящѹ), коле́блемѹ (Л. VII. 24, видѣти; трость ли вѣтромъ —, Остр. вин. м. р. колѣблемъ, Первоп. коле́блемь, Зогр. род. ж. **движемы**), вме́щемѹ (траву... въ пещь — Богъ одѣваетъ: Лук. XII. 28, Остр. ошибочно дат. ед. м. р. вме́щѹщемѹ, Первоп. ошибка исправлена вме́щемѹ, Зогр. **въмѣтаемѫ**) и т. д. ср. р. оу́держимо (Iак. III. 8, не — бо зло. Остр. не о́держи́мо), сказа́емо (М. I. 23, еже есть —, Остр. такъ же), прорѣка́емо (Лук. II. 34, се лежитъ сей.... въ знаменіе—, Остр. такъ же), поспѣша́емо (Притчи XIII. 11, имѣніе — съ беззаконіемъ, умалено бываетъ. Остр. поспѣшно, Первоп. поспѣшно), посѣка́емо, вмета́емо (М. III. 10, всяко убо древо — бываетъ и во огнь — Остр. посѣка́емо, вмѣта́емо), невгаса́емо (Прем. С. VII. 10, яко — есть блистаніе ея. Остр. неоу́сыпа́емо), нєwскѹдѣ́емо (сотворите себѣ... сокровище —, Лук. XII. 33, Остр. неоскѹдѣ́емо), и т. д. Рядомъ имѣются и сложныя формы: муж. рода зна́емый (Р. II. 1, и бѣ мужъ — мужу Ноемминю. Остр. оу́жика), превозноси́мый (Дан. III. 52, 53, 54, 55, благословенъ еси — во вѣки. Остр. превозноша́емъ, превъзноша́емъ, хвалимъ, превъзноси́мъ и т. д. Первоп. превозноша́емь, хвали́мый, превозносимый), держи́мый (Быт. XXII. 13, verbum finitum оу́вмзѐ), подѐмлемый (Прем. С. V. 14, упованіе нечестиваго яко прахъ отъ вѣтра —, Остр. по́ѐмлется), вѣ́емый, разсѣца́емый (ibid. V. 11, вѣемый духъ легкій и разсѣцаемый силою.... прелетѣ, Остр. другой текстъ), ѡклевета́емый (Дѣян. XXV. 16, прежде даже — не имать... клевещущихъ его, Остр. о́клевета́емыи, Перв. какъ въ Новой), нарица́емый (Дѣян. XIII. 1, бяху.... и Симеонъ — Нигеръ, ibid. XXVII. 14, возвѣя... вѣтръ... — Эвроклидонъ, Остр. нарица́емыи, Первоп. какъ въ Новой; винит. Лук. VII. 11, идяше во градъ — Наинъ, Остр. и Перв. какъ въ Новой, Зогр. **нарицаемы**), жела́емый (винит. ед. обновити — всѣми....

миръ, Эсѳ. III. 13, Остр. желáемыи) и т. д., ж. р. нарицáемаѧ (Марія — Магдалина: Лук. VIII. 2, Остр. нарицáемаа, Зогр. **нарицаемаѣ**), неѡдождúмаѧ (ты еси земля —: Іезек. XXII. 24, Остр. неѻдождúма, Первоп. неѡ̑дождúма) и т. д. (случаевъ очень немного); ср. р. ꙗ̑дóмое (Суд. XIV. 14, отъ ядущаго — изыде, Остр. такъ же; Іезек. XLVII. 12, всякое древо — не обетшаетъ, Остр. такъ же), ѡ̑бращáемое (Быт. III. 24, и пристави херувима и пламенное оружіе —, Остр. ѻ̑бращáющеесѧ, Первоп. ѡ̑бращáющеесѧ), оу̑дивлѧ́емое (Эсѳ. IV. 17, ...ты сотворилъ... все —, Остр. оу̑дивлѧ́ющее), неключúмое (Прем. С. XIII. 18, въ помощь — призываетъ, Остр. въ помóщъ неключúмꙋ призовеⷮ), благоꙋправлѧ́емое (Эсѳ. III. 13, дабы не устроялося отъ насъ — непорочно сообладаніе, Остр. е̑же ѿ ва̑ непорóчне правúмо съначáлие, Первоп. прáвимо), превозносúмое (Дан. III. 52, благословено имя славы... — во вѣки, Остр. м. р. превъзношáемъ), раждáемое (Лук. I. 35, тѣмже и — свято, наречется Сынъ Божій, Остр. такъ же), нарицáемое (Дѣян. XXVII. 8, пріидохомъ на мѣсто нѣкое — доброе, Остр. такъ же), бывáемое (Лук. XXII. 49, видѣвше же... —, рѣша ему, Остр. бывáемоѐ) и т. д. И здѣсь мы находимъ приблизительно такое же отношеніе между формами простыми и сложными, какъ у причастія дѣйств. залога настоящаго времени. Въ извѣстныхъ случаяхъ въ болѣе древнихъ текстахъ имѣются еще формы простыя, а въ Новой библіи уже сложныя. Въ другихъ же (при болѣе самостоятельномъ и субстантивномъ значеніи причастій) мы находимъ сложныя формы уже въ древнѣйшихъ текстахъ. При сравнительной рѣдкости данныхъ формъ, однако, это отношеніе не такъ замѣтно. У Зизанія находимъ рядомъ формы возвратнаго залога и страдательнаго подъ однимъ обозначеніемъ „прич. страд. наст.“: спасáѧ̑сѧ, спасáемый, ж. спасáющисѧ, ср. спасáющеесѧ (л. 68); глашáѧ̑сѧ, глашáющи̑, глашáющеесѧ и „непредѣльное“ м. р. глашáемы̑ (ж. и ср. р. имѣютъ форму отъ причастія прошедшаго: л. 72 на обор.). Въ другихъ мѣстахъ находимъ у него произвольную дифференціацію формъ возвратнаго и страдательнаго залоговъ: „причастіе страд. настоящ.“ біѧ́исѧ, біющі̑йсѧ, бивáемы̑, біющисѧ, біющеесѧ (л. 75

на обор.) и „будущ.“ біе́мы̑, біе́маѧ, біе́моє (л. 76). Формы сложныя и простыя (однако, болѣе рѣдкія) приводятся у него рядомъ безъ особаго различенія между ними. Иное находимъ у М. Смотрицкаго, который, какъ и въ причастіяхъ дѣйств. залога (см. выше стр. 343), формы сложныя отличаетъ отъ простыхъ, придавая первымъ терминъ *причастія*, а вторымъ *дѣепричастія*. Съ Зизаніемъ онъ сходится въ безразличномъ отношеніи къ формамъ возвратнымъ, которыя приводятся и у него вмѣстѣ съ страдательными, въ качествѣ послѣднихъ: „причастія“ (сложныя формы) вида совершеннаго, страдат. зал. настоящ. вр. чты́исѧ, чтоу́щїисѧ или что́мыи, ж. р. чтоу́щаѧсѧ или что́маѧ, ср. р. чтоу́щєєсѧ или что́моє (л. 209), вида учащат. чита́ѧисѧ, чита́ющїисѧ или чита́ємыи, ж. р. чита́ющаѧсѧ или чита́ємаѧ, ср. р. чита́ющєєсѧ или чита́ємоє (ibid. на обор.); „причастіе будущ.“ прочтоу́щїисѧ или прочто́мыи и т. д. (л. 210).

„Дѣепричастія“: настоящ. вр. чты́сѧ, чтоу́щсѧ или чтомъ; женск. рода чтоу́щисѧ или что́ма; ср. рода чтоу́щєсѧ или что́мо; двойств. м. и ср. чтоу́щасѧ, ж. чтоу́щѣсѧ или м. ср. что́ма, ж. что́мѣ; множ. ч. м. и ж. р. чтоу́щєсѧ, ср. чтоу́щасѧ или м. что́ми, ж. что́мы, ср. что́ма (л. 210 на обор.); „вида учащательнаго“ — чита́ѧсѧ, чита́ющсѧ или чита́ємь, ж. р. чита́ющисѧ или чита́єма, ср. чита́ющєсѧ или чита́ємо (л. 211). Ср. также причастія творѧ́исѧ, твори́мыи и т. д. творѧ́ѧисѧ, творѧ́ємыи (л. 226 на об.), сотворѧ́щїисѧ, сотвори́мыи (л. 227) и дѣепричастія творѧ́сѧ, твори́мь; сотворѧ́щсѧ, сотвори́мь; творѧ́ѧсѧ, творѧ́ющьсѧ, творѧ́ємь (ibid. на обор.). Это безразличное отношеніе М. Смотрицкаго къ возвратнымъ и страдательнымъ формамъ поддерживается дѣйствительнымъ употребленіемъ языка, ср. напр. именит. ед.: ...возвѣ́ѧ... вѣ́тръ бꙋ́ренъ, нарица́ємый Є҆ѵроклꙋ́донъ (Дѣян. Ап. XXVII. 14, Остр. нарица́ємыи), но вин. ед. О҆́стровъ... мимоте́кшє нарица́ющсѧ Клаѵді́й... (ibid. 16, Остр. нарица́ющьсѧ) и т. д.

Какъ и новые печатные тексты, московское изданіе грамматики М. Смотрицкаго (1648 г.) представляетъ суффиксъ простыхъ формъ причастія страдательнаго м. р. *-т'* (мь || стсл. -мъ). Но въ первомъ изданіи (Эвю. 1619) этого нѣтъ, и мы находимъ *-т*

(-мъ): чита́емъ, твори́мъ и т. д. Нѣтъ -мь и у Лавр. Зизанія, а также и въ Острожской библіи (см. выше, стр. 344—345). Появляется оно лишь въ Первопечатной библіи, хотя и рѣже, чѣмъ въ Новой.

Источникомъ этого -мь могли служить памятники болгарскаго или сербскаго извода, представлявшіе неправильное употребленіе ь и ъ, но ближайшимъ поводомъ къ широкому распространенію очевидно служило желаніе дифференцировать на письмѣ такія одинаковыя съ внѣшней стороны формы, какъ 1 л. множ. числа чита́емъ, твори́мъ и причастіе простое стр. з. настоящ. вр. м. р. чита́емъ, твори́мъ.

Развилась эта дифференціація очевидно уже въ Москвѣ, въ печатныхъ текстахъ XVII вѣка. Фонетическаго характера она навѣрное не имѣла. Съ грамматической теоріей того времени это -мь оказывается въ нѣкоторомъ противорѣчіи. Такъ, въ московскомъ изданіи грамматики Смотрицкаго находимъ слѣдующее правило для образованія „дѣепричастій страдательныхъ“: „дѣепричастіе коегождо времене составляется отъ причастія своего времене... въ страдателныхъ же ыи или їи на ъ измѣняюще яко... что́мыи, что́мъ. чита́емыи, чита́емь. прочто́мыи, прочто́мъ (л.л. 259 на об., 260)“.

Противорѣчіе это является слѣдствіемъ того, что издатели московской грамматики 1648 г., видоизмѣняя главнымъ образомъ парадигмы М. Смотрицкаго, не позаботились привести ихъ въ соотношеніе съ самими теоретическими правилами, изложенными въ текстѣ. Такъ какъ первое изданіе грамматики Смотрицкаго не знаетъ -мь, то тамъ этого противорѣчія и не было.

Подтвержденіемъ того, что -мь есть результатъ стремленія къ графической дифференціаціи, служитъ и то обстоятельство, что въ московской перепечаткѣ -мъ сохранено у такихъ формъ, какъ что́мъ, прочто́мъ, для которыхъ нѣтъ одинаковыхъ формъ 1 л. множ. числа, тогда какъ формы чита́емь и твори́мь дифференцированы.

§ 23. Аористъ и имперфектъ. Аористъ, какъ извѣстно, имѣлъ въ старославянскомъ двѣ главныхъ формы: 1) простой аористъ

(у глаголовъ перваго класса *), т. е. съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равной корню на согласный, и у глаголовъ второго класса, т. е. съ суфиксами -нѫ- въ основѣ неопредѣленнаго наклоненія и -no-, -ne- въ основѣ настоящаго, съ корнемъ на согласный) и 2) сложный или сигматическій аористъ а) безъ „соединительнаго гласнаго“ и б) съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о-. Форма а) употребительна была у глаголовъ перваго класса съ основой неопред. наклоненія, равной корню на согласный, а также у тѣхъ глаголовъ этого класса, которые имѣли корень на носовой согласный; кромѣ того у всѣхъ глаголовъ, съ основой неопредѣленнаго наклоненія на гласный звукъ, т. е. у глаголовъ перваго класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равной корню на гласный, у глаголовъ этого же класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равной корню + суффиксъ -а-, у глаголовъ второго класса, если они сохраняли въ аористѣ суффиксъ -нѫ-, у первичныхъ глаголовъ третьяго класса съ основой неопредѣл. наклоненія, равной корню на гласный, у первичныхъ глаголовъ этого же класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равной корню + суффиксъ -а-, у всѣхъ производныхъ глаголовъ этого же класса и наконецъ у глаголовъ четвертаго класса (т. е. образующихъ основу настоящаго при помощи суффикса -н-, и основу неопредѣленнаго помощью суффиксовъ -ѣ- или -и-). Вторая форма этого аориста съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о- (точнѣе съ особой основой на о-) имѣлась только у глаголовъ перваго класса съ основой неопредѣл. наклоненія, равной корню (на всѣ согласные, кромѣ носовыхъ) и у глаголовъ второго класса (съ -нѫ- въ неопредѣленномъ накл.), если они образовали аористъ прямо отъ глагольнаго корня.

Въ церковнославянскомъ простой аористъ почти совершенно исчезъ: въ библіи встрѣчаются только формы третьяго лица ед. числа: речѐ (Быт. XXIX. 25 и т. д. очень часто), оу҆мре (Быт. VII. 21), по́йде (ibid. VIII. 3), сѣде (ibid. 4), и҆зсше (ibid. VIII. 14), ꙗ҆дѐ (P. II. 14), подадѐ (ibid.), поѧдѐ (2 Цств.

*) Я придерживаюсь классификаціи старославянскаго глагола, предложенной Лескинымъ (Handbuch der altbulgar. Sprache. 2 изд. 1886).

XVIII. 8), снѣдѐ (4 Цств. I. 10, 12), снидѐ (ibid.), ѹ҃жасе́сѧ (Іерем. II. 12), прострѐ (Іерем. I. 9), сверже (Плачъ Іер. II. 1), прилпѐ (Вар. I. 20), и҃зведѐ (ibid. 19), пожи́вѐ (Вар. III. 38), ѡ҃стрижѐ (Іов. I. 20), стрѧсѐ, срѣте (Іов. IV. 14), ѹ҃вѧзѐ (Пс. IX. 16, 17), помо́же (Пс. XXVII. 7), процвѣтѐ (ibid.), сочтѐ (I. Сир. I. 19), и҃здолвѐ (Ис. XLIV. 12), ведѐ (Лук. IV. 9), и҃здше (Дѣян. V. 5) и т. д. По типу этихъ формъ у глаголовъ второго класса возникаютъ вторичныя образованія съ сохраненіемъ суффиксальнаго -н-, какъ блѣснѐ (2 Цств. XXII. 15, Остр. и Первоп. бле́снѹ), прикоснѐсѧ (Іерем. I. 9, Остр. прикоснѹ́сѧ, Первоп. прикоснѹ́сѧ), помнѐ (Плачъ Іер. II. 1, Остр. помнѹ́, Первоп. помнѹ́), толкнѐ (Юд. XIV. 14, Остр. друг. текстъ), дерзнѐ (Эсѳ. VII. 5, Остр. дерзнѹ́, Первоп. какъ въ Новой), прѣминѐ (ibid. X. 3, Остр. прѣминѹ́, Первоп. прѣминѹ́), коснѐсѧ (Іов. I. 19, Остр. коснѹ́сѧ, Первоп. коснѹ́сѧ), и҃зры́гнѐ (Прем. С. XIX. 10, Остр. ѡ҃ригнѹ́, Первоп. ѡ҃ры́гнѹ́) и т. д.

Острожская библія вездѣ, а Первопечатная, за весьма рѣдкими исключеніями (дерзнѐ) представляютъ правильныя формы сложнаго аориста (первой формы), которыя имѣются и въ Новой библіи, рядомъ съ приведенными выше новообразованіями, напр. прикоснѹ́сѧ (Матѳ. IX. 20, 21), рядомъ съ коснѐсѧ (см. выше) и т. д. Прочія формы простого аориста не встрѣчаются въ церковнославянскомъ языкѣ библіи и замѣнены въ огромномъ большинствѣ случаевъ формами сложнаго сигматическаго аориста (втораго вида, съ „соединительнымъ гласнымъ“ **-о-**). Такая замѣна наблюдается уже въ текстѣ Острожской библіи: 1 л. ед. Зогр. Е. **кънидъ** (Лук. VII. 44, 45, Нов. внидо́хъ, Остр. внидо́хъ и внидохъ), **ꙁндъ** (Матѳ. XII. 44, Нов. и҃зыдо́хъ, Остр. такъ же), **прндъ** (Матѳ. V. 17, Нов. пр҃идо́хъ, Остр. такъ же), **сънидъ** (Іоан. VI. 38, 42, Нов. снидо́хъ, Остр. снидохъ, снидѣ), **обрѣтъ** (Матѳ. VIII. 10, Нов. ѡ҃брѣто́хъ, Остр. ѡ҃брѣтохъ) и т. д. 1 л. мн. Зограф. Ев. **прндомъ** (Матѳ. XXV. 39, Нов. пр҃идохомъ, Остр. пр҃идохо҃), **въꙁмогомъ** (Марк. IX. 28, Нов. возмого́хомъ, Остр. вꙁмогохомъ) и т. д. 2 л. мн. Зогр. Е. **кънидѣте** (Іоан. IV. 38, Нов. внидо́сте, Остр. ѵ҃нидо́сте), **ꙁндѣте** (Матѳ. XI. 7, Нов. и҃зы-

до́стє, Остр. такъ же), **прндєтє** (Лук. XXII. 52, Нов. и҃здо́стє, Остр. такъ же) и т. д. 3 л. мн. Зогр. Ев. **ндж** (Матѳ. VIII. 1, Нов. impf. и҃да́хѫ, Остр. такъ же), **вьзндж** (Іоан. VII. 10, Нов. и Остр. взыдо́ша), **вънндж** (Матѳ. VIII. 32, Нов. и҃до́ша, Остр. и҃до́шѧ), **нзндж** (Мрк. III. 21, Нов. и҃здо́ша, Остр. и҃здо́шѧ), **обндж** (Іоан. X. 24, Нов. о҆быдо́ша, Остр. о҆быдошѧ), **прндж** (Лук. I. 59, Нов. прїидо́ша, Остр. прїидо́шѧ), **снндж** (Іоан. VI. 16, Нов. сниде́ша, Остр. снидошѧ), **прнсвядж** (Матѳ. XIII. 6, Нов. присвя́нѫша, Остр. присѣнѫшѧ), **вьзмогж** (Лук. IX. 40, Нов. возмого́ша, Остр. вьзмого́ша), **нзлєзж** (Іоан. XXI. 9, Нов. и҃злѣзо́ша, Остр. такъ же) и т. д. 3 лицо двойств. Зогр. Ев. **ндєтє** (Матѳ. IX. 27, Нов. и҃до́ста, Остр. идоста, Іоан. I. 37, Нов. и Остр. и҃до́ста), **прндєтє** (Лук. II. 44, Нов. прєидо́ста, Остр. мн. ч. прєидо́ша). Вездѣ здѣсь мы имѣемъ замѣну простого аориста сложнымъ (второй его формой). Изрѣдка встрѣчается замѣна настоящимъ временемъ: Зогр. 1 л. ед. **обрѣтъ** (Лук. XXIII. 14, Нов. о҆брѣта́ю, Остр. о҆брѣта́ю).

Аористъ сложный первый также плохо сохраняетъ свои древнѣйшія формы. Такъ у глаголовъ съ корнемъ на согласный носовой совсѣмъ не встрѣчается 3-е л. множ. на **-ся**: Зогр. **ысл** (Іоан. IX. 18, Нов. и Остр. и҃́ша), **вьзлся** (Іоан. XI. 41, Нов. взя́ша, Остр. взя́шѧ), **нлучлся** (Мрк. VI. 55, XV. 18, Лук. XXII. 23, Нов. нача́ша, Остр. нача́шѧ), **проплся** (Лук. XXIV. 20, Нов. и Остр. распя́ша; Іоан. XIX. 18, Нов. пропя́ша, Остр. пропя́шѧ) и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ Новой и Острожской библіи находимъ окончаніе -ša (Нов. -ша, Остр. иногда -шѧ), свойственное глаголамъ съ корнемъ на гласный. Точно также не встрѣчается и первое лицо на **-съ**, а только на **-хъ**, какъ у глаголовъ съ корнемъ на гласный. 3 лицо ед. числа съ окончаніемъ -т҃ (-тъ) довольно часто и въ Новой библіи: нача́тъ (Іоан. XIII. 5, Остр. нача́т҃, Дѣян. I. 1, Остр. начатъ), прїя́тъ (Іоан, XIII. 12, Остр. прїя́тъ), вня́тъ (Быт. IV. 5, Остр. вня҃), поя́тъ (Быт. XI. 31, Остр. поя҃), кля́тсѧ (Быт. L. 24, Остр. о҆бѣщa), ѡ҆бя́тъ (Іерем. VI. 24, Остр. о҆бъя́тъ), зая́тъ (ibid. XV. 10, Остр. заятъ) и т. д. Формы безъ -тъ рѣдки: заг҃ (Ос. XII.

3, Остр. другой текстъ: прельсти), заклѧ̀ (Быт. L. 25, Остр. такъ же), взѧ̀ (Р. II. 18, Остр. такъ же). Глаголы съ корнемъ на р, л обыкновенно представляютъ замѣну формами сложнаго аориста второго съ соединительнымъ гласнымъ -о-: 2 и 3 ед. Зогр. **оумрѣтъ** (Нов. вездѣ оу̑мре, М. IX. 24, Остр. оу̑мретъ, Первоп. оу̑мретъ; Мр. V. 35, Остр. оу́мре; IX. 26, Остр. оу̑мрѣ̑; Перв. какъ въ Новой; XII. 22, Остр. и Первоп. какъ въ Новой; XV. 44, bis. Остр. какъ въ Новой; Лук. VIII. 49, 53, Остр. оу̑мре, оу̑мре; XVI. 22, Остр. оу̑мрѣ̑, Первоп. какъ въ Новой; XX. 29, 30, 32, Остр. оу̑мре; Іоан. VIII. 53, Остр. оу̑мрѣ̑, Первоп. какъ въ Новой), **оумьрѣтъ** (Іоан. XI. 14, Нов. и Первоп. оу̑мре, Остр. оу̑мрѣ̑), **простьрѣ** (Мр. III. 5, Нов. прострѐ, Остр. про́стрѐ), **простьрѣсѧ** (Лук. XIII. 13, Нов. простре́сѧ, Остр. про́стресѧ), **простьрѣтъ** (Матѳ. XII. 13, Нов. и Первоп. прострѐ, Остр. простретъ), **ꙁакла** (Лук. XV. 30, Нов. закла́лъ є̑сѝ, Остр. и Первоп. закла̀), **ꙁакъла** (ibid. 27, Нов. и Остр. закла̀), **отръ** (Іоан. XII. 3, Нов. ѿтрѐ, Остр. о̑трѐ); 2 л. мн. **простьрѣсте** (Лук. XXII. 53, Нов. простро́сте, Остр. простросте); 3 л. мн. **оумрѣшѧ** (Л. XX. 31, Нов. оу̑мро́ша, Остр. оу̑мро́шѧ; Іоан. VI. 49, 58, Нов. и Остр. оу̑мро́ша; VIII. 53, Нов. оу̑мро́ша, Остр. оу̑мро́шѧ), **опьрѣшѧсѧ** (Матѳ. VII. 27, Нов. ѿпрошасѧ, Остр. о̑прѣшасѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Острожская библія представляетъ еще изрѣдка старыя формы 2, 3 л. ед., хотя и уподобленныя уже на письмѣ формамъ второго сложнаго аориста (точнѣе аориста простого): оу̑мретъ (стсл. **оумрѣтъ**) подъ вліяніемъ оу̑мре (стсл. **оумре**); Первопечатная въ большинствѣ случаевъ представляетъ тѣ же формы, что и Новая. Формы перваго сложнаго аориста мн. ч. у разсматриваемыхъ глаголовъ еще рѣже, (одинъ только случай въ Остр. о̑прѣшасѧ), и вмѣсто нихъ находимъ всегда второй сложный аористъ.

Сохранились только такія формы, какъ стсл. 2, 3 ед. **ꙁакъла**= закла̀, но и то лишь въ значеніи 3 ед. Какъ второе лицо ед. ч. подобныя формы не употребляются и замѣняются другими, не вызывающими сомнѣнія: Зогр. **ꙁакла**, Остр. и Первоп. закла̀, Нов. закла́лъ є̑сѝ (Лук. XV. 30).

Замѣна вторымъ сложнымъ аористомъ наблюдается и у глаголовъ съ корнемъ на заднеязычный согласный.

Встрѣчаются, однако, только формы отъ глагола **рекѫ**: 1 л. рѣхъ (Суд. II. 3, 1 Цств. IX. 23, Пс. XXX. 15, 23, Дан. IV. 4, 5), 1 л. мн. рѣхомъ (1 Езд. VIII. 22, Быт. XLIV. 22), 2 л. мн. рѣсте (1 Ц. X. 19, Числ. XIV. 31), 3 л. мн. рѣша (Суд. IX. 8, Быт. XL. 8), 3 л. дв. рѣста (2 Ц. IV. 8, Іоан. I. 38). Отъ другихъ глаголовъ съ корнемъ на заднеязычный согласный, а также и у сложеній съ **рекѫ** находимъ обыкновенно формы второго сложнаго аориста: Зогр. **нарѣшѧ** (Матѳ. X. 25, Лук. II. 21, Нов. нарекóша, Остр. нарекóшѧ), **прорѣшѧ** (Матѳ. XI. 13, Нов. прорекóша, Остр. прорекóшѧ), **тѣшѧ** (Мрк. VI. 33, Нов. стицáхѫсѧ, Остр. стицáхѫсѧ), **облѣшѧ** (Матѳ. XXVII. 31, Нов. ѡблекóша, Остр. ѡблекóшѧ, Мр. XV. 17, 20, Нов. ѡблекóша, Остр. ѡблекóша и ѡблекóшѧ, Іоан. XIX. 2, Нов. ѡблекóша, Остр. ѡблекóшѧ), **съвлѣшѧ** (Матѳ. XXVII. 31, Нов. совлекóша, Остр. съвлекошѧ, Мр. XV. 20, Нов. совлекóша, Остр. съвлекóшѧ), 3 л. дв. **тѣстѥ** (Матѳ. XXVIII. 8, Нов. и Остр. текóстѣ) и т. д. Въ этомъ отношеніи между Острожской и Новой библіями замѣчается полное согласіе.

У глаголовъ, имѣвшихъ послѣднимъ звукомъ корня такъ называемые заднеязычные перваго ряда (k^1, g^1), первый сложный аористъ также замѣненъ вторымъ: Зогр. 3 л. множ. **възнѣсѧ** (Лук. II. 22, Нов. дв. ч. вознесóста, Остр. възнесóста; XVII. 13, Нов. вознесóша, Остр. възнесóша), 3 л. дв. **отвръстѥ сѧ** (Іоан. IX. 10, Нов. ѿверзóстѣсѧ, Остр. сѧ ѿвръзóстѣ) и т. д. Замѣна эта имѣется уже въ Острожской библіи. Также утрачены въ большинствѣ случаевъ формы перваго сложнаго аориста и глаголами съ корнемъ на переднеязычные взрывной (d, t) и спирантъ (s): Зогр. 1 л. ед. **привѣсъ** (Мр. IX. 17, Нов. приведóхъ, Остр. приведохъ), 3 л. ед. **ѣстъ** (Лук. IV. 2, Нов. ѩстъ, Остр. ѩстъ, VI. 4, Нов. ѩдѐ, Остр. и Первоп. ѩстъ), **сънѣстъ** (Матѳ. XII. 4, Нов. снѣдѐ, Остр. снѣсть, Первоп. снѣдѐ; Мрк. II. 26, Нов. снѣдѐ, Остр. снѣсть, Первоп. снѣсть; Іоан. II. 17, Нов. и Первоп. снѣсть, Остр. снѣсть), 1 л. множ. **ѣвѣсомъ** (Матѳ. XXV. 38,

Нов. введо́хомъ, Остр. в̓ведохомъ), **ѣхомъ** (Лук. XIII. 26, Нов. ꙗ̓до́хомъ, Остр. ꙗ̓дохомъ), 2 л. мн. **привѣсте** (Лук. XXIII. 14, Нов. и Остр. приведо́сте, Іоан. VII. 45, Нов. и Остр. приведо́сте), 3 л. множ. **чиса** (Іоан. XIX. 20, Нов. и Остр. чтоша), **вѣса** (Лук. XXII. 54, 66, Нов. ведо́ша, Остр. ведо́шѧ, Іоан. IX. 13, Нов. ведо́ша, Остр. ведоша, XVIII. 28, Нов. и Остр. ведо́ша, XIX. 16, Нов. ведо́ша, Остр. ведо́шѧ), **привѣса** (Матѳ. IV. 24, Нов. приведо́ша, Остр. приведо́шѧ, VIII. 16, Нов. и Остр. приведо́ша, IX. 32. Нов. приведо́ша, Остр. приведо́шѧ, XII. 22, Нов. и Остр. приведо́ша, Іоан. VIII. 3, Нов. и Остр. приведо́ша), **пробаса** (Іоан. XIX. 37, Нов. проводо́ша, Остр. проводошѧ), **ѣша** (Матѳ. XIV. 20, Нов. ꙗ̓до́ша, Остр. ꙗ̓до́шѧ, XV. 37, Нов. и Остр. ꙗ̓до́ша, Мрк. VI. 42, Нов. ꙗ̓до́ша, Остр. ꙗ̓доша, VIII. 8, Нов. ꙗ̓до́ша, Остр. ꙗ̓до́шѧ, Лук. IX. 17, Нов. ꙗ̓до́ша, Остр. ꙗ̓до́шѧ, Іоан. VI. 23, 31, 49, 58, Нов. ꙗ̓до́ша, Остр. ꙗ̓до́шѧ, ꙗ̓дошѧ, Первоп. ꙗ̓до́ша, ꙗ̓до́шѧ), 3 л. дв. **вьвѣсте** (Лук. II. 27, Нов. введо́ста, Остр. в̓ведо́ста) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, старинныя формы перваго сложнаго аориста въ огромномъ большинствѣ случаевъ уже въ Острожской библіи замѣнены вторымъ сложнымъ аористомъ. Встрѣчаются только формы 3 л. ед. (въ Острожской довольно часто, въ Новой лишь изрѣдка) у глаголовъ нетематическихъ. Кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ, можно привести также: Лук. XXII. 19, Остр. и Перв. да́стъ, Нов. дадѐ; VI. 4, Зогр. **дастъ**, Остр. да̏стъ, Первоп. да́стъ, Нов. дадѐ; Іоан. XIX. 16, Остр. и Первоп. преда́стъ, Нов. предадѐ; Матѳ. XV. 36, Остр. дасть, Первоп. да́стъ, Нов. дадѐ; Руѳь II. 14, Остр. ꙗ̓сть, Первоп. и Нов. ꙗ̓дѐ; 4 Цств. I. 10. 12, Остр. снѣсть, Первоп. и Нов. снѣдѐ; ibid. 14, Остр. поꙗ̓сть, Первоп. и Нов. поѧдѐ и т. д. Въ Острожской библіи еще находимъ 3 л. ед. перваго сложнаго аориста, а въ Новой оно вездѣ замѣнено 3 л. простаго аориста, которое для церковнославянскаго въ сущности представляло 3 л. ед. втораго сложнаго аориста, такъ какъ вошло въ систему этого послѣдняго, въ то время какъ остальныя формы простаго аориста совсѣмъ вышли изъ употребленія.

*

Первопечатная занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто. У глаголовъ съ основой неопредѣленнаго наклоненія на гласный формы перваго сложнаго аориста вполнѣ обыкновенны: 1-е лицо ед. основы на гласный а-: ста́хъ (2 Цств. I. 10), да́хъ (Лев. XVI. 11), стоѧ́хъ (3 Езд. VI. 29, Остр. такъ же), и҆ста́ѧхъ (1 Цств. I. 16, Остр. стоѧ́хъ), ѡ҆полоска́хъ (Іез. XVI. 9, Остр. о҆пласкахъ), работахъ (Быт. XXIX. 25, Остр. рабо́та̑), воззва́хъ (Суд. XII. 2) и т. д., основы на ѣ-: состарѣ́хсѧ (I. Нав. XXIII. 2), и҆мѣ́хъ (Суд. XII. 2), вѣ́дѣхъ (2 Ц. I. 10), мнѣ́хъ (Быт. XXXVII. 7), пощадѣ́хъ (Быт. XX. 6), оу҆стыдѣ́хсѧ (1 Езд. VIII. 22), бдѣ́хъ (I. Сир. XXXIII. 15), хотѣ́хъ (3 Езд. IV. 23), смотрѣ́хъ (ibid. VI. 29), сѣдѣ́хъ (Іез. VIII. 1) и т. д., основы на и-: оу҆би́хъ (2 Ц. I. 10), и҆скорени́хъ, сотвори́хъ (ibid. VII. 9), разсмотри́хъ (3 Ц. III. 21), роди́хъ (ibid.), размы́слихъ, сотвори́хъ (Быт. VI. 7) и т. д., основы на ы-: бы́хъ (Неем. I. 11, Исх. XVIII. 3), ѡ҆мы́хъ (Іез. XVI. 9), прикры́хъ (ibid. 8) и т. д., основы на ꙋ- (стсл. ѫ, оу): возбнꙋ́хъ (3 Ез. V. 14), помѧнꙋ́хъ (Тов. II. 6, Іерем. II. 2), ѡ҆бꙋ́хъ (Іез. XVI. 10), оу҆снꙋ́хъ (Быт. XLI. 21) и т. д. Второе лицо ед. числа такъ же, какъ у другихъ видовъ аориста и у имперфекта, встрѣчается весьма рѣдко и въ Новой библіи обыкновенно замѣняется сложнымъ прошедшимъ: сотвори́лъ є҆сѝ (Нов. Быт. XXXI. 26, 28, Остр. сътворѝ, Первоп. какъ въ Новой), возжела́лъ є҆сѝ (Быт. XXXI. 30, Остр. и Первоп. помы́сли), ѡ҆бѝска́лъ є҆сѝ (ibid. 37, Остр. и҆зыска̀, Первоп. какъ въ Новой), преѡби́дѣлъ є҆сѝ (ibid. 41, Остр. преѡ҆би̇дѣ, Первоп. преѡби́дѣ), оу҆крѣпи́лсѧ є҆сѝ (Быт. XXXII. 28, Остр. оу҆крѣпи́сѧ, Первоп. какъ въ Новой), ѡ҆би́дѣлъ є҆сѝ (Быт. XXIX. 25, Остр. о҆би́ди, Первоп. ѡ҆би́ди), посла́лъ є҆сѝ (Исх. XV. 7, Остр. посла́, Первоп. посла̀), и҆зба́вилъ є҆сѝ (ibid. 13, Остр. и Первоп. и҆зба́ви), ви́дѣлъ є҆сѝ (Апок. XVII. 12, 16, 18, Остр. видѣ, Первоп. ви́дѣ. Въ стихѣ 18 на полѣ въ Первопечатной отмѣчено -лъ є҆сѝ, чего не сдѣлано, однако, въ стихахъ 12 и 16), оу҆ста́вилъ є҆сѝ, глаго́лалъ є҆сѝ (Вар. II. 24, Остр. оу҆ста́ви, гл҃а, Первоп. оу҆ста́ви, глаго́ла), положи́лъ є҆сѝ (ibid. 26, Остр. и Первоп. положѝ), сотвори́лъ є҆сѝ (ibid. 27, Остр.

сътвори, Первоп. сотворѝ), ѡ҆ста́вилъ є҆сѝ (Мр. XV. 34, Остр. ѻ҆ста́ви, Первоп. ѡ҆ста́ви, а на полѣ -лъ є҆сѝ) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, Острожская библія вездѣ представляетъ исконную форму 2-го л. ед. перваго сложнаго аориста, тогда какъ въ Новой вездѣ находимъ сложное прошедшее, а Первопечатная занимаетъ промежуточное мѣсто между той и другой, хотя и ближе къ Острожской. Въ Новой библіи 2-е лицо ед. ч. этого аориста почти не встрѣчается, за очень рѣдкими исключеніями въ родѣ Лук. II. 48 ...къ немꙋ̀ мт҃и є҆гѡ̀ речѐ; ча́до, что̀ сотворѝ на́ма та́кѡ (Остр. сътвори, Первоп. сотворѝ, а на полѣ -лъ єси). Третье лицо ед. ч. очень обыкновенно: основы на а-: гна̀, поима̀ (Суд. VIII. 12, Остр. гна̀, ѧ҆̀), возжажда̀ (ibid. XV. 18, Остр. вжажда́сѧ), возжада̀ (2 Ц. XXIII. 15), созда̀ (4 Цств. XXI. 4), созида̀ (Неем. III. 10, Остр. созида̀), велерѣ́чева (Юд. VI. 17), бѣжа̀ (Тов. II. 8), и҆зваѧ̀ (3 Езд. XIII. 6), запеча́та (Дан. VI. 17), соглѧ́да (Числ. III. 39) и т. д.; основы на ѣ-: имѣ̀ (1 Макк. IX. 36, 2 Макк. XIV. 39), ви́дѣ (Тов. IV. 4), летѣ̀ (Ис. XVII. 11), постыдѣ́сѧ (I. Сир. II. 10), возгремѣ̀ (ib. XLVI. 20), пощадѣ̀ (Быт. XIX. 16), оу҆вѣ́дѣ (1 Ц. XX. 39), пови́сѣ (2 Ц. XVIII. 9), возжелѣ̀ (Втор. XXXII. 11) и т. д., основы на и-: и҆скочѝ (Тов. VII. 6), оу҆льстѝ, сотворѝ (Пс. XIV. 3), оу҆тверди́сѧ (Пс. CXI. 8), потребѝ (I. Сир. XLVI. 21), запретѝ (Матѳ. VIII. 26), родѝ, роди́сѧ (Матѳ. I. 16), смꙋти́сѧ (Матѳ. II. 3), ѡ҆скверна́ви (Числ. XIX. 20), разрꙋшѝ (2 Макк. X. 22) и т. д., основы на ы-: забы̀ (Осія II. 13), ѡ҆бмы̀ (Юд. X. 3), сотры̀ (Пс. CIV. 3), оу҆мы̀ (Матѳ. XXVII. 24) и т. д. основы на ꙋ-: дꙋ́нꙋ (3 Ц. XVII. 21), прикоснꙋ́сѧ (Мр. V. 27, 31), и҆зсѧ́кнꙋ (ibid. 29) и т. д.

У глаголовъ II-го класса въ этой формѣ часты случаи морфологической ассимиляціи къ соотвѣтственной формѣ простаго аориста, въ родѣ: коснéсѧ, дерзнѐ, блеснѐ и т. д. (см. выше, стр. 351). Морфологическая ассимиляція здѣсь вызывалась необходимостью дифференцировать формы 2, 3-го л. ед. ч. перваго сложнаго аориста отъ совершенно съ ними одинаковой формы 1-го л. ед. ч. настоящаго времени. Случаи 2, 3-го л. ед. ч.

перваго сложнаго аориста съ окончаніемъ -ѣ (стсл. -тѣ, церковносл. -тѣ), у глаголовъ съ темой неопредѣл. наклоненія на гласный встрѣчаются весьма рѣдко: 3 ед. свѝтѣ (4 Ц. II. 8, Остр. такъ же). Множественное число: 1-е лицо: основы на а-: ѿдáхомъ (1 Езд. VIII. 33), повѣдáхомъ (Быт. XLIV. 24) и т. д. Основы на ѣ-: вѝдѣхомъ (1 Цств. X. 4), презрѣхомъ (Мал. I. 6), ѡскꙋдѣхомъ (Прем. С. V. 13) и т. д. Основы на и-: жѝхомъ (Чис̑л. XX. 15), пѝхомъ (2 Парал. XXXI. 10), потребѝхомсѧ (Числ. XVII. 12) и т. д. Основы на ы-: превы́хомъ (1 Езд. VIII. 32), бы́хомъ (Ис. LXIII. 19) и т. д. Основы на ꙋ-: метнꙋхомъ (Неем. X. 34), оꙋснꙋхомъ (Іер. III. 25) и т. д. 2-е лицо; основы на а-: попирáсте, пивáсте (Іезек. XXXIV. 18), пхáсте (ibid. 21), влагáсте (Агг. II. 17), вѣдáсте (2 Цств. XI. 20), ѡбитáсте (Лев. XVIII. 3), оꙋбоѧ́стесѧ (Числ. XII. 8) и т. д. Основы на ѣ-: вѝдѣсте (1 Цст. XXI. 14), согрѣ́стесѧ (Агг. I. 6) и т. д. Основы на и-: пи́сте (Агг. I. 6), ходи́сте (1 Цств. X. 14), пости́стесѧ, плачевопльствисте (Зах. VII. 5) и т. д. Основы на ы-: бы́сте (I. Нав. XXIV. 7, 2 Парал. XV. 2) и т. д. Основы на ꙋ-: йзсꙋнꙋсте (Ис. LVII. 4), воскреснꙋсте (Колосс. III. 1) и т. д. Третье лицо; основы на а-: пришéлствоваша (1 Цств. II. 5), ѡдѣѧ́ша (2 Парал. XXVIII. 15), созидáша (Неем. III. 17, 18), оꙋбоѧ́шасѧ (Быт. XLII. 35), бѣжáша, взѧ́ша (ibid. XIV. 10, 12) и т. д. Основы на ѣ-: вѣдѣша (1 Цств. XX. 39, вм. дв. ч. Остр. иначе), поцадѣша (2 Езд. I. 53), ймѣша (ibid. VI. 5), вѝдѣша (Исх. XXIV. 10) и т. д. Основы на и-: оꙋбѝша (2 Ездры I. 53), бѝшасѧ (3 Цств. XVIII. 28), порабо́тиша (1 Макк. VIII. 10, 11), проти́вишасѧ, йстребѝша (ibid. 11) и т. д. Основы на ы-: собы́шасѧ (I. Нав. XXI. 45), бы́ша (1 Ц. XIII. 2), кры́ша (Исх. II. 2) и т. д. Основы на ꙋ-: метнꙋша (Неем. XI. 1), повинꙋшасѧ (Юд. II. 6) и т. д.

Двойственное число очень часто замѣняется множественнымъ (см. выше, стр. 321—324). Такъ 1-е л. дв. разсматриваемой формы аориста совсѣмъ не встрѣчается въ Новой библіи: ходи́хомъ (Пс. LIV. 15, Остр. ходи́ховѣ, Первоп. ходи́хома), йска́хомъ (Лук. II. 48, Остр. йска́ховѣ, Первоп. йска́ховѥ) и т. д.

Формы, встрѣчающіяся у грамматиковъ, см. выше, стр. 321. Второе лицо довольно рѣдко. Основы на а-: ѿда́ста (Дѣян. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же); основы на и-: согласи́стасѧ (ibid. 9) и т. д. Третье лицо представляетъ два окончанія: -та для м. р. и -тѣ для ж. и ср. р.; о происхожденіи и распредѣленіи ихъ см. выше (стр. 322 и слѣд.). Основы на а-: ѿдержа́ста (3 Цств. VIII. 8), стоѧ́ста (ibid. XIII. 28), растерза́ста (Числ. XIV. 6), ѿста́стасѧ (ibid. 38), созда́стѣ (Пс. XCIV. 5), стоѧ́стѣ (Пс. CXXXI. 7) и т. д. Основы на ѣ-: оу҃довръ́ста (II. II. IV. 10) и т. д. Основы на и-: бл҃гослови́ста (Лев. IX. 23), вложи́ста, возложи́ста (ibid. X. 1), притѵ́пи́стаѧ (3 Ц. XIV. 4) и т. д. Основы на ы-: скры́стасѧ (Быт. III. 8), вы́ста (I. Сир. XLVI. 10) и т. д.

Случаи замѣны двойственнаго числа множественнымъ очень часты: возложи́ша, покры́ша, ви́дѣша (Симъ и Іафетъ: Быт. IX. 23, Остр. възложи́ста, покры́ста, видѣста, Первоп. возложи́ста, покры́ста, ви́дѣста), пла́кашасѧ (двѣ снохи Руѳи: Р. I. 9, Остр. такъ же), оу҃клони́шасѧ (два ангела у Лота: Быт. XIX. 3, Остр. съврати́стасѧ, Первоп. соврати́стасѧ), растерза́ша (двѣ медвѣдицы: 4 Цств. II. 24, Остр. и Первоп. растерго́ша) и т. д. (ср. другіе примѣры выше на стр. 321, 323). Замѣна эта встрѣчается нерѣдко уже въ Острожской библіи.

Второй сложный аористъ (съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о-) весьма обыкновененъ: 1 л. ед. ѿбыко́хъ (1 Цств. XVII. 39, Остр. нѣсмь ѻбы́клъ), сѣдо́хъ (1 Езд. IX. 3, Остр. сѣдѣ), простро́хъ (ibid. 5, Остр. такъ же), рекѡ́хъ (Числ. XVIII. 24, Остр. рекѡ́), разсѣко́хъ (3 Езд. I. 20), оу҃спо́хъ (Іер. XLV. 3, Остр. оу҃спѣ), ꙗдо́хъ (Іезек. IV. 14, Остр. нѣсмь ꙗ҆лъ), сожго́хъ, сотро́хъ (Второз. IX. 21, Остр. сѫжжего́хъ, сѫтро́хъ) и т. д.

Второе лицо, тожественное съ третьимъ, представляющимъ собой заимствованіе изъ простаго аориста (см. выше, стр. 350—351) въ Новой библіи не встрѣчается, такъ какъ вездѣ замѣнено формами сложнаго прошедшаго, какъ и у перваго аориста сложнаго (см. выше, стр. 353 и 357): Нов. вше́лъ є҆сѝ, ꙗ҆лъ є҆сѝ (Дѣян. XI. 3, Остр. вни́дє, ꙗ҆дѐ, Первоп. вни́дє и ꙗ҆дє), оу҃ше́лъ є҆сѝ, ѿкра́лъ є҆сѝ,

ѿвелъ безъ вспомогательнаго єсмь (Быт. XXXI. 26, Остр, ѿиде, окраде, ѿведѣ, Первоп. ѿиде, а на полѣ ѿшелъ єсмь, украде, ѿведѣ), укралъ єсмь (ibid. 30, Остр. украде, Первоп. какъ въ Новой), ѿбрѣлъ єсмь (ibid. 37, Остр. обрѣте, Первоп. какъ въ Новой, 1 Цств. XXIX. 8, Остр. обрѣте, Первоп. обрѣте), реклъ єсмь (Быт. XXXII. 12, XLIV. 23, Остр. рече, Первоп. речѣ, а на полѣ, какъ въ Новой), вшелъ єсмь (3 Цств. XVI. 2, Остр. вшедѣ, Первоп. вшедѣ, а на полѣ -лъ єсмь), прешелъ єсмь (4 Цств. XVII. 26, Остр. приведе, Первоп. приведѣ, а на полѣ -лъ) и т. д. Какъ видно, Острожская библія сохраняетъ еще старую форму, Первопечатная же или совсѣмъ замѣняетъ ее сложнымъ прошедшимъ или, сохраняя старую въ текстѣ, приводитъ сложную въ видѣ варіанта на полѣ.

Третье лицо вполнѣ обыкновенно (примѣры см. выше, стр. 350—351). Множественное число. Первое лицо: пріидохомъ (Суд. XV. 10), внидохомъ (1 Ц. X. 14), идохомъ (2 Пар. XXXI. 10), рекохомъ (Быт. XLIV. 26), погибохомъ, исчезохомъ (Числ. XVII. 12), могохомъ (Дан. XIII. 39) и т. д. Второе лицо: умростє (Колосс. III. 3), ѿверзостесѧ (Числ. XIV. 31), введостє (ibid. XX. 4), изведостє (ibid. 5) и т. д. Третье лицо весьма часто: пріидоша (Матѳ. II. 1), возжгоша (1 Макк. XII. 28), изнемогоша (Пл. Іер. V. 13), растроша (Ам. I. 3), столкоша (Мих. III. 3), прильпоша (Вар. III. 4), дадоша (Юд. XIV. 9, XVI. 19), погрѣвоша (ibid. XVI. 23), ухромоша (Пс. XVII. 46), воздвигошасѧ (Числ. X. 12, 13), воздвигоша (ibid. 14, 18, 22), ѿбѣгоша, рекоша (Числ. XVI. 34), принесоша (Матѳ. XIV. 35), привергоша (ibid. XV. 30), идоша (ibid. 37), ѿблекоша (Мр. XV. 17) и т. д. Двойственное число представляетъ только формы 3-го лица, первое и второе не встрѣчаются, третье же довольно часто: м. р. идоста (Адамъ и Ева. Быт. III. 6), умроста (Р. I. 5), падоста (Суд. XIII. 20), принесоста (2 Ц. IV. 8), изыдоста (Числ. XII. 5), рекоста (ibid. XIV. 7), пріидоста (Быт. XIX. 1. Марк. X. 35) и т. д., ср. р. изнемогостѣ (Пс. XVII. 37, плєснѣ), ж. р. идостѣ, прєидостѣ, пріидостѣ (Р. I. 19), текостѣ (Матѳ. XXVIII. 8) и т. д. О происхожденіи этихъ окон-

чаній и ихъ взаимномъ отношеніи см. выше (стр. 322 — 323). Какъ и у другихъ временъ, двойств. число часто замѣняется множественнымъ (ср. другіе примѣры на стр. 324): Си́мъ и҆ І҆а́фєѳъ... и҆до́ша (Быт. IX. 23, Остр. идоста, Первоп. и҆до́ста), внидо́ша, ꙗ҆до́ша (два ангела у Лота: Быт. XIX. 3, Остр. прїидоста, ꙗ҆доста, Первоп. прїидо́ста, ꙗ҆до́ста), но выше (стихъ 1) прїидо́ста, прїидо́ша, сѣдо́ша (3 Цств. XXI. 13, Остр. прїидо́ста, сѣдоста, Первоп. прїидо́ста, сѣдо́ста), и҆зыдо́ша (двѣ медвѣдицы: 4 Цств. II. 24, Остр. и҆зыидо́стѣ, но рядомъ растєрго́ша, Первоп. и҆зыдо́стѣ, растєрго́ша), воздвиго́ша, рєко́ша (двѣ снохи: Р. I. 9, 10, Остр. въздвиго́ша, но рєко́ста, Первоп. воздвиго́ша, но рєко́ста) и т. д. Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ двойств. ч. чаще, хотя и здѣсь изрѣдка встрѣчается замѣна множественнымъ.

Формы имперфекта, характеризующія церковнославянскій языкъ, имѣютъ болѣе или менѣе поздній и вторичный характеръ. Первымъ и общимъ признакомъ является контракція (господствующая уже въ Острожской библіи) характеристичныхъ для имперфекта гласныхъ звуковъ: ѣа, аа (ꙗа), свойственная главнымъ образомъ позднѣйшимъ старославянскимъ памятникамъ.

Въ тематическомъ же отношеніи замѣчается преобладаніе характернаго древнерусскаго новообразованія по типу глаголовъ съ темой неопредѣленнаго наклоненія на гласные -а, -и въ родѣ стсл. глаголаахъ, люблꙗахъ и т. д. Такимъ образомъ, мы можемъ раздѣлить формы церковнославянскаго имперфекта на двѣ категоріи: 1) формы исконныя, первичныя (для общеславянскаго вообще) и 2) формы, обязанныя своимъ происхожденіемъ только что указанной морфологической ассимиляціи.

1) Формы исконныя, первичныя: первое лицо ед. числа совпало совершенно въ смыслѣ формальномъ съ такимъ же лицомъ перваго сложнаго аориста глаголовъ съ основой неопред. наклоненія на а-: и҆схожда́хъ, поража́хъ, и҆сторга́хъ, оу҆мєрщвлѧ́хъ (1 Цств. XVII. 35, Остр. и҆схожда́хъ, поража́хъ, и҆зъторга̑, разбива́хъ, оу҆мръщвѧ́хъ), хожда́хъ, глаго́лахъ, заповѣ́дахъ (2 Цств. VII. 7, Остр. вхожа́хъ, гл҃ахъ, заповѣ́дахъ), пїѧ́хъ (4 Цств. XIX. 24, Остр. пїѧ̑), помина́хъ (Пс. XLII. 7, Остр. поминахъ), поꙋча́хсѧ

(ibid. Остр. пооу̑ча́хъсѧ), и̑згонѧ́хъ (Пс. С. 5, Остр. и̑згонѧхъ), прєхожда́хъ (ibid. 2, Остр. прєхожа̑), поглꙋмлѧ́хсѧ, размышлѧ́хъ (Пс. LXXVI. 4, Остр. другой текстъ), смотрѧ́хъ (Пс. CXLI. 5, Остр. сматрѧхъ), хожда́хъ (ibid. 4, Остр. хождаа̑, Первоп. какъ въ Новой), и̑схожда́хъ (Пс. LXXVII. 9, Остр. и̑схождаахъ, Первоп. какъ въ Новой), восхища́хъ (Пс. LXVIII. 5, Остр. въсхищаа̑, Первоп. какъ въ Новой), воста́хъ (Пс. CXVIII. 62, Остр. въста́ахъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Старинныя формы безъ контракціи встрѣчаются только въ Острожской библіи и то очень рѣдко *); Первопечатная уже представляетъ однѣ стяженныя формы, какъ и Новая.

Второе лицо ед. числа встрѣчается изрѣдка только въ Острожской библіи: ты̑ послꙋшашє, ты̑ бывашє (Остр. Пс. XCVIII. 8, Новая и Первоп. послꙋшалъ є̑сѝ, быва́лъ є̑сѝ); въ Новой оно вездѣ замѣнено соотвѣтствующей формой сложнаго прошедшаго.

Третье лицо ед. числа очень часто: хожда́шє, сꙋжда́шє (1 Ц. VII. 16, Остр. прохожда́шє, сꙋжда́шє), взима́шє, и̑гра́шє, ѿдыха́шє, ѿстꙋпа́шє (ibid. XVI. 23, Остр. поѧ́шє, ѿдохнꙋ̀, ѿстꙋпѝ), ноша́шє (ibid. XVII. 40, Остр. такъ же), мы́слѧшє (ibid. XVIII. 25, Остр. мышлѧ́шє), лєжа́шє (2 Цств. XIII. 8, Остр. такъ же), кадѧ́шє (3 Цств. III. 3, Остр. другой текстъ), любѧ́шє (ibid. V. 1, Остр. такъ же), люблѧ́шє (2 Цств. XIII. 15. 21, Остр. такъ же), ꙗ̑влѧ́шєсѧ (3 Ц. VI. 18, Остр. друг. текстъ), досѧза́шє (ibid. 27, Остр. такъ же), молѧ́шєсѧ (1 Езд. X. 1, Остр. такъ же), созида́шє (Неем. III. 6. 9. 10, Остр. созида̀), вопроша́шє (Мр. X. 17, Остр. въпраша́шє), бѣжа́шє (Быт. XXXV. 7, Остр. бѣжа̀), хожда́шє (I. Нав. V. 6, Остр. о̑бхожда́шє), и̑схожда́шє (Пс. XL. 7, Остр. и̑схождаашє, но тутъ же рядомъ гл҃ашє, вхождашє) и т. д.

Первое и второе лица множественнаго числа, какъ и первое единственнаго, благодаря контракціи отличительныхъ гласныхъ, совпали совершенно съ соотвѣтствующими лицами перваго сложнаго аориста у глаголовъ съ темой неопредѣленнаго наклоненія на а-, и только

*) Случаевъ шесть (въ разныхъ лицахъ) на весь Псалтырь, рядомъ съ подавляющимъ большинствомъ формъ съ контракціей.

значеніе позволяетъ различать однѣ формы отъ другихъ. Первое лицо множ. ч.: вопроша́хомъ (Дан. XIII. 40, Остр. въпраш а́ховѣ, Первоп. вопраша́хова) и т. д. Второе лицо: пїа́сте (Дан. V. 23, Остр. такъ же) и т. д.

Третье лицо весьма часто: хожда́хѫ (Пс. CXXV. 6, Остр. хо҃жаахѫ, но рядомъ пла́каахѫсѧ, Первоп. какъ въ Новой), цѣла́хѫ (Іерем. VI. 14, Остр. такъ же), тека́хѫ (ibid. XXIII. 21, Остр. такъ же), снѣда́хѫ (ibid. L. 7, Остр. ꙗ҃дѣ), дая́хѫ (Іез. VI. 13, Остр. да́ша), спа́хѫ (ibid. XXIII. 8, Остр. лєга́хѫ), пома́хѫ, бл҃гословла́хѫ, сла́влѧхѫ (Дан. III. 51, Остр. поа́хѫ, вл҃вѧхѫ, славлѧхѫ), писа́хѫ (ibid. V. 5, Остр. такъ же), смѫща́хѫ (ibid. 6, Остр. смѫща́хѫть, Первоп. какъ въ Новой), вхожда́хѫ, можа́хѫ (ibid. 8, Остр. такъ же), расхища́хѫ (Пс. LXXXVIII. 42, Остр. расхища́хѫть, Первоп. какъ въ Новой), наблюда́хѫ (ibid. XIII. 15, Остр. блюда́ста), оу҃топа́хѫ (Мр. V. 13, Остр. такъ же), оу҃гнѣта́хѫ (ibid. 24, Остр. такъ же), глаго́лахѫ (ibid. 31, Остр. гл҃ахѫ), ві́а́хѫ, плюва́хѫ, покланя́хѫсѧ (ibid. XV. 19, Остр, ві́а́хѫ и такъ же, какъ въ Новой) и т. д.

Формы, свойственныя древнерусскому и представляющія исконное третье лицо множ. ч. + окончаніе ть, встрѣчаются изрѣдка въ Острожской библіи (см. примѣры). Въ Новой онѣ отсутствуютъ, равно какъ и въ Первопечатной.

Двойственное число представлено, какъ всегда, скуднѣе и часто замѣняется множественнымъ. Первое лицо: Остр. въпраша́ховѣ (Дан. XIII. 40, Первоп. вопраша́хова, Новая множ. ч. вопроша́хомъ) и т. д. Второе лицо не встрѣчается; Зогр. Ев. **искалѣста** (Лук. II. 49, Нов. иска́сте—2 л. мн. аориста сложанго перваго, Остр. какъ Нов.) и т. д. Третье лицо довольно часто: м. р. бесѣдоваста (Лук. XXIV. 14, Зогр. **бесѣдовалѣсте**, Остр. какъ въ Новой), ср. р. держа́стѣсѧ (ibid. 16, Остр. дръжа́стасѧ), м. р. гл҃аста (Лук. IX. 31, Остр. такъ же), їска́ста (Лук. II. 44, Зогр. **искалѣсте**, Остр. їскаста), хождаста (ibid. II. 41, Зогр. **хождалѣсте**, Остр. хо҃жа́ста), поноша́ста (Матѳ. XXVII. 41, Мр. XV. 32, Зогр. **поношалѣсте**, Остр. поноша́ста, понаша́ста), нѫжда́ста (Лук. XXIV. 29, Зогр. **нѫждалѣсте**, Остр. нѫжа́ста), и т. д.

Съ внѣшней стороны формы двойственнаго числа ничѣмъ не отличаются отъ соотвѣтствующихъ формъ аориста у глаголовъ, имѣющихъ основу неопредѣленнаго наклоненія на а-.

По типу такихъ исконныхъ формъ созданы новообразованія, характеризующія церковнославянскій русскаго типа и вытѣснившія въ немъ исконныя формы совершенно. Окончанія здѣсь тожественны съ окончаніями разсмотрѣннаго выше исконнаго имперфекта, но въ тематическомъ отношеніи эти формы отличаются отъ исконныхъ непремѣнною палатальностью послѣдняго согласнаго основы, которая у исконныхъ формъ свойственна только глаголамъ, имѣющимъ основу неопред. наклоненія на и-.

Примѣры такихъ вторичныхъ, русскихъ формъ имперфекта: Единственное число, первое лицо: сѣдѧ́хъ (1 Езд. IX. 4, Остр. сѣдѧ́, Первоп. какъ въ Новой), живѧ́хъ (Тов. V. 6, Остр. бывáхъ), вѣдѧхъ (Пс. XXXIV. 11, Остр. вѣдѧхъ, 1 Ц. XXII. 22, Остр. аор. видѣхъ), зрѧ́хъ (Дан. VII. 4. 9, Остр. такъ же), йдѧ́хъ (Быт. XLVIII. 7, Остр. йдѧ́) и т. д. Формъ втораго лица въ Новой библіи не встрѣчается. Вмѣсто нихъ мы ожидали бы соотвѣтствующія формы сложнаго прошедшаго, какъ и у исконнаго имперфекта (см. выше стр. 362). Третье лицо весьма часто: вѣдѧше (Быт. XXXI. 32, Остр. и Первоп. вѣдѣ), ймѧ́ше (Іоан. XIII. 29, Остр. ймѣаше, Первоп. какъ въ Новой; Быт. XIV. 10, Остр. какъ въ Новой), гадѧ́ше (Быт. XXXIX. 6, Остр. гадѧ́ше), хотѧ́ше (ibid. 7, Остр. хотѧше), йдѧ́ше (Быт. XII. 4, Остр. такъ же; Числ. XXII. 23, Остр. йдѧше), сѣдѧ́ше (ibid. 22, Остр. такъ же), ведѧ́ше (Исх. XIV, 25, Остр. водѧ́ше), горѧ́ше (Второз. V. 23, Остр. такъ же), живѧ́ше (I. Нав. XII. 2, Остр. живѧше), видѧше (1 Ц. IV. 15, Остр. такъ же), пасѧ́ше (ibid. XVII. 34, Остр. 1 л. ед. пасѧхъ), цадѧ́ше (2 Ц. XVIII. 16, Остр. другой текстъ), вдѧ́ше (Іерем. V. 6, Остр. причастіе наст. вр. бдѧщь, Плачъ Іер. I. 14, Остр. аор. оубѫдѣсѧ), грѧдѧ́ше (Іез. I. 4, Остр. такъ же); кипѧ́ше (ibid. XLVII. 5, Остр. такъ же), кладѧ́ше (Ос. II. 13, Остр. такъ же), терпѧ́ше (Прем. С. XVII. 16, Остр. трѣпѧше), влечѧ́ше (ibid. XIX. 4, Остр. такъ же), горѧ́ше (I. Сир. XLVIII. 1, Остр. такъ же),

храплѧ́ше (Іона I. 5, Остр. храпѧ́ше, Первоп. какъ въ Новой), мнѧ́ше (1 Макк. VI. 9, Остр. мнѧше), радѧ́ше (2 Макк. IV. 14. 27, Остр. только 27: радѧше), мѧтѧ́шесѧ (3 Езд. XIV. 40, Остр. смѧтѧшесѧ) и т. д.

Множественное число, 1-е лицо: сѣдѧ́хомъ (Исх. XVI. 3, Остр. и Первоп. сѣда́хомъ), вѣдѧхомъ (Числ. XII. 11, Остр. такъ же) и т. д. (случаевъ немного). 2-е лицо: живѧ́сте (Кол. III. 7., Лев. XXVI. 35, Остр. такъ же), ꙗ҆дѧ́сте (Втор. XXXII. 38, Остр. такъ же) и т. д. (случаевъ немного).

Третье лицо очень часто: и҆дѧ́хꙋ (Быт. XXXVII. 25, Остр. настоящ. и аористъ, I. Нав. VI. 12, Остр. такъ же bis), ꙗ҆дѧ́хꙋ (Быт. XLIII. 32, Остр. такъ же), пасѧ́хꙋсѧ (Быт. XLI. 2. 3. 18, Остр. такъ же), и҆мѧ́хꙋ (ibid. XLIII. 26, Остр. и҆мѣѧ́хꙋ, Первоп. и҆мѣѧхꙋ; I. Нав. V. 8, Остр. и҆мѧ́хꙋ), живѧ́хꙋ (Быт. XII. 6, Остр. такъ же), ви́дѧхꙋ (Исх. V. 19, XXXIII. 10, Остр. видѧ́хꙋ и ви́дѧхꙋ), мелѧ́хꙋ (Числ. XI. 8, Остр. такъ же), вѣдѧхꙋ (I. Нав. X. 2, Остр. вѣдѧхꙋ), зрѧ́хꙋ (Суд. XIII. 19, Остр. и Первоп. двойств. гледѣста), владѧ́хꙋ (ibid. XIV. 4, Остр. такъ же), жнѧ́хꙋ (1 Цств. VI. 13, Остр. такъ же), хотѧ́хꙋ (ibid. XV. 9, Остр. такъ же), несѧ́хꙋ (2 Цств. III. 22, Остр. такъ же), везѧ́хꙋ (ibid. VI. 3, Остр. такъ же), зовѧ́хꙋ (3 Ц. XVIII. 28, Остр. такъ же), ведѧ́хꙋ (1 Пар. XIII. 8, Остр. такъ же), жрѧ́хꙋ (1 Макк. I. 59, Остр. такъ же) и т. д.

Двойственное число по обыкновенію представлено скудно. Имѣются только формы 3-го лица: ж. р. зрѧ́стѣ (Мр. XV. 47, Остр. и Первоп. зрѧ́ста), и҆дѧ́стѣ (Матѳ. XXVIII. 8, Остр. и҆дѧсте, Первоп. и҆дѧ́сте), м. р. и҆дѧ́ста (Лук. XXIV. 28, Остр. такъ же) и т. д. Исконныя формы (только съ контракціей) у этихъ глаголовъ (съ темой неопредѣленнаго наклоненія не на а- и н-) встрѣчаются лишь весьма рѣдко: и҆мѣ́хꙋ (2 Пар. XXX. 22; 1 Макк. X. 15, Остр. и҆мѣхꙋ).

Глаголъ быти, какъ и въ старославянскомъ, представляетъ двѣ формы: 1) Ед. ч. первое лицо: бѣ́хъ (Быт. XXXII. 10, Остр. бѣхъ; 2 Ц. VII. 9, Остр. настоящ. время є҆смъ, Неем. I. 1. 4, Остр. бѣхъ); второе лицо употребляется еще въ Остр. и

Первоп., но въ Новой не встрѣчается и замѣнено вездѣ сложнымъ прошедшимъ: Матѳ. XXVI. 69, Остр. и҆ ты̀ бѣ̀ съ і҆с҃омъ (Первоп. и҆ ты̀ бѣ̀... Нов. и҆ ты̀ бы́лъ є҆сѝ...) и т. д., третье лицо часто: бѣ̀ (Быт. XI. 1, Руѳь I. 7, 3 Ц. III. 18 и т. д.). Множ. число, первое лицо: бѣ̀хомъ (1 Цств. XXV. 16, Римл. VII. 5, Галат. IV. 3, bis. Д. Ап. XXVII. 15, Числ. XIII. 34 и т. д.); второе лицо: бѣ̀сте (Исх. XXIII. 9, Остр. такъ же, Лев. XIX. 34, Остр. бѣ̀сте); третье лицо: бѣ̀ша (Быт. III. 7, Остр. бѣ̀ша вм. двойств., 3 Ц. VIII. 7, Остр. двойств. бѣ̀ста, Первоп. бѣ̀ста, 1 Ц. XIII. 2, Остр. бѣ̀ша и т. д.). Двойственное число представлено лишь въ третьемъ лицѣ: м. р. бѣ̀ста (Лук. I. 6, Быт. XL. 4. 5, Остр. бѣ̀ста), ж. р. бѣ̀стѣ (Быт. XXVII. 23; XXIX. 16, Остр. бѣ̀ста, Первоп. бѣ̀ста). Формы перваго лица дв. числа встрѣчаются въ Острожской библіи, но въ Новой замѣнены множ.: бѣ̀ховѣ (Остр. и Перв. 3 Ц. III. 18, Нов. бѣ̀хомъ). Формы этого типа имперфекта такъ же, какъ и въ старославянскомъ, имѣютъ значеніе аориста въ огромномъ большинствѣ случаевъ (см. Miklosich. Altslovenische Formenlehre in Paradigmen. Wien. 1874, стр. 40); часто онѣ употребляются наряду съ формами настоящаго аориста (**быхъ, бы, бысть** и т. д.) совершенно безразлично: Сєгꙋ́въ роди̇̀ І҆аі́ра, и҆ бѣ̀ша є҆мꙋ̀ 23 гра́ды... (1 Парал. II. 22, Остр. бѣ̀ша)... И҆ бѣ̀ша сы́нове І҆єрамєи́ла... Ра́мъ..., и҆ Ваана̀ и т. д. (ibid. 25, Остр. бѣ̀ша); рядомъ ниже: И҆ бы́ша сы́нове Ра́ма... Маа́съ, и҆ І҆амі́нъ и т. д. (ibid. 27, Остр. бѣ̀ша и быша); и҆ бы́ша сы́ны Оу҆на́мли Саммаа̀, и҆ Є҆дда́й (ibid. 28, Остр. бѣ̀ша) и т. д. И҆ и҆збра̀ себѣ̀ Саꙋ́лъ три̇̀ ты́сѧщы мꙋже́й... и҆ бы́ша съ Саꙋ́ломъ двѣ̀ ты́сѧщы въ Махма́сѣ, и҆ въ горѣ̀ Веѳи́ли, и҆ ты́сѧща бѣ̀ша со І҆ѡнаѳа́номъ въ Гаваи̇̀ и т. д. (1 Ц. XIII. 2, Остр. бѣ̀ста, бѣ̀ша). Какъ видно изъ цитатъ, Острожская библія въ этомъ отношеніи представляетъ бо́льшее единообразіе, чѣмъ Новая.

2) Рядомъ съ только что приведенными аористическими формами, мы встрѣчаемъ и формы настоящаго имперфекта, соотвѣтствующія старослав. **бѣахъ, бѣаше** и т. д. И здѣсь мы находимъ только формы „русскаго“ имперфекта съ морфологической ассимиляціей къ формамъ типа **глаголаахъ = глаголахъ** и **люблꙗахъ =**

люблѧхъ. Имѣются, однако, только формы третьяго лица единственнаго и множественнаго. Остальныя формы всѣхъ трехъ чиселъ не встрѣчаются въ печатномъ библейскомъ текстѣ: 3 л. ед. бѧ́ше (Д. Ап. V. 4, Остр. бѧ́ше, Іов. I. 1, Остр. бѣ̀. Въ обоихъ случаяхъ бѧ́ше употреблено рядомъ съ бѣ̀ въ одинаковомъ значеніи аориста. Быт. XXXIX. 2. И҆ бѧ́ше Гдⷭ҇ь со І҆ѡ́сифомъ: и҆ бѧ́ше мꙋ́жъ благополꙋ́ченъ, и҆ бы́сть въ домꙋ̀ гдⷭ҇и́на своегѡ̀. Остр. и҆ бѣ̀ гь҃... и҆ бѧ́ше мꙋ́жъ... и҆ бы́сть... Быт. VII. 22. 23: и҆ всѐ, є҆́же бѣ̀ на сꙋ́ши, оу҆́мре. И҆ потреби́сѧ всѧ́кое воста́нїе, є҆́же бѧ́ше на лицѣ̀ всеѧ̀ землѝ... Остр. є҆ли́ко бѣ̀... и҆́же бѧ́хꙋ).

Третье лицо множественнаго—бѧ́хꙋ (Быт. VI. 4, Остр. такъ же, XXIX. 2, Остр. бѧхꙋ, XXXI. 5, Остр. такъ же, 1 Цств. XIII. 7, Остр. такъ же, XVII. 19, Остр. бѣхꙋ, Первоп. бѧ́хꙋ, 1 Макк. V. 5, Остр. бѧ́хꙋ, XIII. 44, Остр. бѧ́хꙋ, Іерем. XIV. 19, Остр. настоящее нѣсть, Дан. XIV. 32, Остр. бѧше и т. д.) имѣетъ всегда или въ огромномъ большинствѣ случаевъ значеніе имперфекта. Кромѣ того имѣется форма съ контракціей бѣ́хꙋ, употребляющаяся на ряду съ бѧ́хꙋ, часто въ непосредственномъ сосѣдствѣ, безъ всякаго особаго оттѣнка (1 Макк. XIII. 44. 45: и҆ вскача́хꙋ во гра́дъ, и҆́же бѧ́хꙋ въ миха́нѣ, и҆ бы́сть смѧте́нїе ве́лїе во гра́дѣ. И҆ взыдо́ша и҆́же бѣ́хꙋ во гра́дѣ... и бозопи́ша и т. д. Остр. бѧ́хꙋ и бѣхꙋ, ibid. VII. 13: и҆ пе́рвїи А҆сїде́и бѣ́хꙋ въ сынѣ́хъ І҆и҃левыхъ, и҆ и҆ска́хꙋ ѿ ни́хъ ми́ра. Остр. бѣхꙋ, Іерем. XI. 13: по числꙋ̀ бо градѡ́въ твои́хъ бѣ́хꙋ бо́зи твои̇̀, І҆ꙋ́до... Остр. бѣхꙋ, Быт. VIII. 1: и҆ помѧнꙋ̀ Бг҃ъ Нѡ́а, и҆ всѧ̀ ѕвѣ́ри, и҆ всѧ̀ скоты̀... є҆ли́ка бѣ́хꙋ съ ни́мъ въ ковче́зѣ... Остр. бѧ́хꙋ, 1 Пар. VII. 19: бѣ́хꙋ же сы́нове Семі́ра: А҆і́мъ, и҆ Сѵ҆хе́мъ и т. д. Остр. бѣхꙋ и т. д.).

Какъ остатокъ старославянскаго имперфекта безъ контракціи можно бы разсматривать имперфектъ глагола **имѫ, имѣти**—и҆мѣ́ѧхъ и т. д., встрѣчающійся нерѣдко въ печатныхъ текстахъ, но эти формы могутъ быть и результатами морфологической ассимиляціи къ основѣ настоящаго времени—и҆мѣ́ю, и҆мѣ́еши и т. д.

Примѣры такихъ формъ: 3 л. ед. и҆мѣ́ѧше (Быт. XXXIX. 5, Остр. и҆мѣа́ше, Первоп. какъ въ Новой; ibid. VIII. 11, Остр.

и҃мѣ́аше, Первоп. какъ въ Новой; Плачъ Іер. I. 7, Остр. и҃мѣ́аше, Первоп. какъ въ Новой; 1 Пар. XIII. 14, Остр. и҃мѣ́аше, Первоп. какъ въ Новой; 2 Пар. XXXIII. 6, Остр. и҃мѣ́аше, Первоп. какъ въ Новой), 3 л. мн. и҃мѣ́ахѫ (Матѳ. XIII. 5, 6, три раза, Остр. два раза и҃мѣ́аше, и҃мѣ́ахѫ, Первоп. и҃мѣ́ше, и҃мѣ́хѫ; Юд. VII. 21, Остр. другой текстъ; Прем. Сол. XVIII. 12, Остр. и҃мѣ́хѫ, Первоп. какъ въ Новой, Іов. IV. 21, Остр. и҃мѣ́хѫ и т. д.).

Иного происхожденія формы имперфекта (отъ глагола дати): 3 ед. да́ше (1 Макк. XIV. 8, 10, Остр. 8, да́ше, 10, дарова́хѫ), преподда́ше (2 Макк. I. 35, Остр. предаде), продда́ше (Быт. XLI. 56, Остр. такъ же); первое лицо множ. да́хомъ (Исх. V. 13, Остр. да҃хо҃); третье множ. да́хѫ (Іер. XXXVII. 21; Дан. XIV. 32, Остр. такъ же) и т. д. Изъ другихъ особенностей старославянскаго имперфекта, сохранившихся и въ печатномъ церковнославянскомъ, можно отмѣтить колебаніе у глаголовъ съ послѣднимъ согласнымъ основы (корня) губнымъ между формами съ л (развившимся изъ j) и формами безъ л. Формы съ л: ѡ҆скверни҃вла́хѫ (Іезек. XIII. 19, Остр. о҆скверна҃вла́хѫ), гл҃вла́шесѧ (Іов. XXII. 19, Остр. такъ же), погл҃вла́хсѧ (Пс. LXXVI. 4, Остр. гл҃вла́сѧ), разслабла́хѫ (Прем. С. XVII. 18, Остр. другой текстъ), пріе́мла́хѫ (ibid. XIX. 13. 14, Остр. пріе́мла́хѫ, въспріе́мла́хѫ), ѡ҆скорбла́хѫ (I. Сир. XLVI. 19, Остр. о҆скорба́хѫ, Первоп. какъ въ Новой), гра́бла́хѫ (Мих. II. 2, Остр. граба́хѫ, Первоп. какъ въ Новой), ѩ҃вла́ше (1 Макк. IV. 20, Остр. такъ же), поздравла́хѫ (ibid. VII. 29, Остр. поздравла́хѫсѧ), люба́ше (Быт. XXV. 28, Остр. такъ же), дава́ше (1 Цств. XVI. 14, Остр. такъ же), оу҃мерцвла́хъ, воспротивла́шесѧ (ibid. XVII. 35, Остр. оу҃мрѣцвла́хъ, въспротивла́шемисѧ, Первоп. какъ въ Остр.), люба́хѫ (XVIII. 16, Остр. такъ же) и т. д. Формы безъ л: люба́ше (3 Цств. V. 1, Быт. XXIX, 20, Остр. такъ же; 1 Цств. XIX. 1, Остр. оу҃го́денъ ба́ше), направа́хсѧ (Пс. CXVIII. 128, Остр. направла́хсѧ, Первоп. направла́хсѧ), подо́ба́шесѧ (Іез. XLIII. 3, Остр. подоба́шесѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Послѣднія значительно рѣже первыхъ, имѣются уже въ

Острожской библіи и, слѣдовательно, ведутъ свое начало изъ болѣе древнихъ памятниковъ. Въ церковнославянскомъ онѣ поддерживались также такими вторичными формами, какъ живѧ́хъ, живѧ́ше, живѧ́хꙋ и т. д. (см. выше, стр. 364).

Въ общемъ значеніе имперфекта не всегда строго выдержано. Нерѣдки случаи, когда формы имперфекта употребляются на ряду съ формами аориста (у глаголовъ вида несовершеннаго): Неем. III. 2 и слѣд.: „и близъ его созида́ша (Остр. съзида́ша) мужіе Іерихонстіи и близъ ихъ созида̀ (О. съзида̀) Закхуръ... 3. Врата же рыбная созида́ша (О. съзида́ша) сынове Асанаевы... 4. И близъ ихъ созида́ше (О. съѕида̀) изъ Рамоѳы сынъ Уріинъ... и близъ его созида́ше (О. соѕида̀) Мосолламъ... и близъ ихъ созида́ше (О. соѕида̀) Садокъ... 5. И близъ ихъ созида́ша (О. соѕда́ша) Ѳекоимы... 6. И врата старая созида́ше (О. соѕида́ше) Іоида... 7. созида́ша (О. соѕида́ша), 8. созида̀ (О. соѕида̀), 9, 10, 11, 12, 14. созида́ше (О. соѕида̀), 15. созида́ше (О. съзида̀), 16. созида́ше (О. съѕида̀), 20, 21. созида́ше (О. съѕида́ше), 23. созида́ше (О. созда̀) и т. д. Острожская и Первопечатная библіи въ этомъ отношеніи представляютъ болѣе выдержанности. Безразличное употребленіе это коренится въ особенностяхъ живого русскаго языка, знающаго одно прошедшее (praeteritum) вообще и выражающаго болѣе тонкіе оттѣнки глагольнаго дѣйствія помощью такъ называемыхъ *видовъ*. Нѣкоторое смѣшеніе въ значеніи формъ аориста и имперфекта, наблюдаемое въ печатномъ церковнославянскомъ, сказывается и у грамматиковъ.

Л. Зизаній обозначаетъ аористъ терминомъ „мимошедшее“: ꙗ҆ві҆, ꙗ҆ви́лъ є҆сѝ, ла, ло и ꙗ҆вѝ, ꙗ҆вѝ, ꙗви́ховѣ, ва; -ста, -ста, ꙗ҆ви́хо҆, ꙗ҆ви́сте, ꙗ҆ви́ша (л. 57). Рядомъ у него имѣется имперфектъ въ двухъ видахъ: 1) съ контракціей, обозначаемый терминомъ „протяженное“: ꙗ҆влѧ҆, ꙗ҆влѧ́лъ є҆сѝ, ла, ло и ꙗ҆влѧ́ше, ꙗ҆влѧ́ше (2 и 3 л.); ꙗ҆влѧ́ховѣ, ва; ꙗ҆влѧ́ста, ꙗ҆влѧ́хꙋ (л. 57) и 2) безъ контракціи, обозначенный терминомъ „пресовершенное“: ꙗ҆влѧ́а҆, ꙗ҆влѧа́л є҆сѝ, ꙗ҆влѧа́ше, ꙗ҆влѧа҆, ꙗ҆влѧа́ховѣ, ꙗ҆влѧа́ста, а́ста; ꙗ҆влѧа́хо҆, ꙗ҆влѧа́сте, ꙗ҆влѧа́хꙋ, ꙗ҆влѧа́ша. То же приблизительно находимъ и въ другихъ парадигмахъ Зизанія, напр. въ „молитвенномъ протяженномъ“: да҆ бы ꙗ҆влѧ҆;

ꙗ҆влѧ̑ бы є҆сѝ, ла, ло. ꙗ҆влѧ́шєбы, да̑ бы ꙗ҆влѧ́ховѣ, вабы. стабы. ꙗ҆влѧ́ста бы, да̑ бы ꙗ҆влѧ́хо̑, ꙗ҆влѧ́стє бы, ꙗ҆влѧ́хꙋ бы (л. 58) и въ „молитвенномъ пресовершенномъ“: дабы̑ ꙗ҆влѧ̑, ꙗ҆влѧ́лбы є҆сѝ, ла, ло. ꙗ҆влѧ́шєбы. да̑ бы̑ ꙗ҆влѧ́ховѣ, хова; ꙗ҆влѧ́стабы (bis), да̑ ꙗ҆влѧ́хо̑, ꙗ҆влѧ́стєбы, ꙗ҆влѧ́ахꙋбы (тамъ же). Отъ глагола въстава́ти „протяженное“ является въ такомъ видѣ: „въстава́хъ, въстава́лъ є҆сѝ, ла, ло, въстава̑, въстава́шє, въстава́ховѣ, ва, въстава́ста, ва́ста; въстава́хѡ̑, въстава́стє, въстава́хꙋ, въстава́ша“; „пресовершенное“ разнится только отсутствіемъ контракціи: въстава̑, въстава́аховѣ, въстава́ахомъ (л. 67).

Въ то же время „мимошедшее“ (=аористу) представляетъ другую тему, а именно вида несовершеннаго: въста́хъ, въста́ховѣ, въста́ста, въста́хомъ и т. д. (л. 66 на об.). Какъ видно, и у Зизанія главную роль играютъ не спеціальныя формальныя особенности того или другого *времени* (въ имперфектѣ у него мы находимъ формы аориста, напр. въ 3 л. мн., а также и сложнаго прошедшаго), а извѣстныя формальныя отличія того или другого *вида*. У М. Смотрицкаго въ Моск. изданіи аористъ окрещенъ терминомъ „преходящее“, напр. что́хъ, че́лъ, чла̀, чло̀, чтѐ; дв. м. и ср. что́хома (первое изд. что́хова), что́ста, что́ста, ж. что́хомѣ (первое изд. что́ховѣ), стѣ̀, тѣ̀; множ. что́хомъ, что́стє, что́ша (л. 190 на об.).

Имперфектъ же, какъ и у Зизанія, является въ двухъ видахъ: 1) съ контракціей подъ именемъ „прешедшаго“ (=„протяженному“ Зизанія): чита́хъ, чита́лъ, чита́ла, ло, чита́шє; дв. м. и ср. чита́хома (1-е изд. чита́хова) чита́ста, ста, ж. чита́хомѣ (1-е изд. чита́ховѣ), чита́стѣ, стѣ, множ. чита́хомъ, чита́стє, чита́хꙋ или чита́ша, 2) безъ контракціи подъ именемъ „мимошедшаго“ (=„пресовершенному“ у Зизанія): читаа́хъ, читаа́лъ, читаа́ла, читаа́ло, читаа́шє; дв. муж. и ср. читаа́хома (1-е изд. читаа́хова), читаа́ста, читаа́ста; ж. читаа́хомѣ (1-е изд. читаа́ховѣ), читаа́стѣ (bis); множ. читаа́хомъ, читаа́стє, читаа́хꙋ или читаа́ша (л. 191 на об.).

Какъ и у Зизанія, мы находимъ здѣсь смѣсь различныхъ формъ: аориста, имперфекта и сложнаго прошедшаго.

Главную роль играетъ *видъ*, а не временныя формальныя отличія. На чисто видовыхъ отличіяхъ основано и „непредѣльное“ время М. Смотрицкаго, представляющее собой въ большинствѣ формъ обыкновенный аористъ (сложный съ тематическимъ гласнымъ **-о-**): прочто́хъ, проче́лъ, ла, ло̀; прочтѐ, дв. м. и ср. прочто́хома, прочто́ста, ста, ж. прочто́хомѣ, прочто́стѣ, стѣ; мн. ч. прочто́хомъ, прочто́сте, прочто́ша (л. 191 на об.—192) и т. д.

Такія же формы находимъ и у глаголовъ съ основой неопредѣленнаго наклоненія на и-: „совершеннаго вида преходящее“ (аористъ): твори́хъ, твори́лъ, ла, ло, творѝ; дв. муж. и сред. твори́хома, твори́ста, ста, женск. твори́хомѣ, твори́стѣ, стѣ; множ. твори́хомъ, твори́сте, твори́ша (л. 215 на об.); „учащательнаго вида прешедшее“ (имперфектъ съ контракціей): творѧ́хъ и проч. якоже чита́хъ; „мимошедшее“ (имперфектъ безъ контракціи): творѧа́хъ и проч. ѣакоже читаа́хъ (л. 216). Особенно пеструю смѣсь различныхъ формъ находимъ мы у глагола бы́ти: „вида совершеннаго преходящее“ (аористъ): бы́хъ, бы́лъ, лà, ло, бѣ, дв. муж. и ср. бѣхома, бѣсма, стà, стà, женск. бѣхомѣ или бѣсмѣ, бѣстѣ, стѣ, множ. бѣхѡ̀, бѣстѣ, бѣхѫ или бѣша (л. 235).

Здѣсь находимъ смѣсь формъ аориста, имперфекта и сложнаго прошедшаго. Такую же смѣсь представляетъ и „прешедшее“ (имперфектъ съ контракціей): бы́хъ (аористъ), бы́лъ, былà, ло (сложное прошедшее), бы́сть (аористъ) или бѧ́ше (имперфектъ); двойственное число муж. и средн. рода: бы́хома или бы́сма, ста, ста, женскаго бы́хомѣ или бы́смѣ, бы́стѣ, бы́стѣ; множеств. бы́хомъ, сте (аористъ), бѧ́хѫ (имперфектъ) или бы́ша (аористъ) (л. 235 на обѣихъ сторонахъ). „Мимошедшее“ образуется уже отъ „учащательнаго вида“: бываа́хъ, якоже, читаа́хъ (л. 235 на обор.). Еще болѣе пестрый видъ представляютъ соотвѣтствующія парадигмы глагола вѣ̀мь: „совершеннаго вида преходящее“—вѣ̀дѣ^{x}, вѣ̀дѣлъ, ла, ло, вѣ̀дѣ, двойств. м. и. ср. вѣ̀дѣхома, вѣ̀дѣсма, вѣ̀дѣста, ста; женск. вѣ̀дѣхомѣ, вѣ̀дѣсмѣ, вѣ̀дѣстѣ, вѣ̀дѣстѣ; множ. вѣ̀дѣхомъ, вѣ̀дѣстѣ, вѣ̀дѣхѫ или вѣ̀дѣшѧ (л. 238 на обор. и 239). „Прешедшее“ вѣ̀дѣ^{x} (отчего не вѣ̀дѧхъ?), вѣ̀дѧлъ, ла, ло, ѧше; двойств. м. и ср. вѣ̀дѧхома, вѣ̀дѧсма, ѧста, ста; ж. вѣ̀дѣ-

хомѣ или вѣдѣсмѣ, мстѣ, стѣ; множ. вѣдмхомъ, вѣдмстє, вѣдмхѫ или вѣдмшм (л. 239). Интересны и парадигмы глагола ѩмь, представляющія не мало новообразованій — „преходящее совершеннаго вида“ (аористъ сложный второй) ѩдо́хъ, ѩлъ, ла, ло, ѩдѣ; двойств. м. и ср. ѩдо́хома, ѩдо́сма, ѩдо́ста, до́ста, ж. р. ѩдо́хомѣ, ѩдо́смѣ, стѣ; множ. ѩдо́хѡ, ѩдо́стє, ѩдо́ша (л. 243). „Прешедшее“ (имперфектъ): ѩдмхъ, ѩлъ, ла, ло, ѩдмше; двойств. м. и ср. ѩдмхома, ста, дмста; женск. ѩдмхомѣ, ѩдмстѣ, стѣ; множ. ѩдмхѡ, ѩдмстє, ѩдмхѫ (формы ѩдмшм нѣтъ, хотя у глагола вѣмь находимъ вѣдѣхѫ, вѣдмхѫ, рядомъ съ вѣдѣшм, вѣдмшм). „Мимошедшее“ образовано уже отъ „учащательнаго вида“: ѩдаа́хъ, якоже читаа́хъ (л. 243 на обор.). Глаголъ снѣмь имѣетъ у М. Смотрицкаго двѣ формы сложнаго аориста („непредѣльное учащат. вида“): 1) вторую форму съ соединительнымъ гласнымъ -о-: снѣдо́хъ, снѣлъ, ла, ло, снѣдѣ; двойств. м. и средн. снѣдо́хома, снѣдо́ста, ста; жен. снѣдо́хомѣ, стѣ, стѣ; множ. снѣдо́хомъ, снѣдо́стє, до́ша (л. 243 на обор. и 244) и 2) первую форму: снѣхъ, снѣлъ, ла, ло, снѣ; двойств. м. и ср. снѣсма, снѣста, снѣста; ж. снѣсмѣ, снѣстѣ, снѣстѣ; множ. снѣхомъ, снѣстѣ, снѣша. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, грамматика М. Смотрицкаго представляетъ не мало формъ, чуждыхъ библейскому тексту и являющихся результатами морфологической ассимиляціи къ разнымъ дѣйствительнымъ формамъ. Таковы, напр. оригинальныя формы 1 л. двойств. числа бѣсма, бѣсмѣ, бы́сма, бы́смѣ, вѣдѣсма, вѣдѣсмѣ, вѣдмсма, -ѣ, ѩдо́сма, -ѣ, снѣсма, -ѣ, вызванныя вліяніемъ втораго и третьяго лица того же числа: бѣста, бы́ста, вѣдѣста и т. д. и въ библейскомъ текстѣ совсѣмъ не встрѣчающіяся. Новообразованіемъ является и форма третьяго лица ед. ч. аориста снѣ, рядомъ съ 1 л. снѣхъ, образованная по типу ѩмѣ, рядомъ съ 1 л. ѩмѣхъ, ви́дѣ || ви́дѣхъ и т. д. (стсл. **имѣ || имѣхъ**). Смѣшеніе формъ имперфекта и аориста, имѣющееся въ нѣкоторыхъ парадигмахъ и указывающее на отсутствіе рѣзкаго различія между этими двумя временами, замѣчается не вездѣ. Такъ, рядомъ съ вѣдѣхѫ имѣется вѣдѣшм и рядомъ съ вѣдмхѫ—вѣдмшм, хотя рядомъ съ ѩдмхѫ нѣтъ аори-

стической формы. Какъ бы то ни было, грамматика М. Смотрицкаго также подтверждаетъ сказанное выше (на стр. 369) о паденіи спеціальныхъ аористическаго и имперфектнаго временныхъ оттѣнковъ.

§ 24. *Причастія прошедшаго времени.* Въ старославянскомъ имѣлись слѣдующія формы причастій прошедшаго времени дѣйствительнаго залога: 1) причастіе прошедшее дѣйств. залога первое (= индоевроп. причастію перфекта дѣйств. з.), образуемое отъ основы неопредѣленнаго наклоненія при помощи суффиксовъ **-ѣс-** (у основъ на согласный) и **-кѣс-** (у основъ на гласный); у глаголовъ четвертаго класса съ послѣднимъ гласнымъ основы въ неопредѣленномъ наклоненіи и настоящемъ времени **-н** возможны были и тѣ и другія образованія (**хвалѣ** и **хвалнѣ**); 2) причастіе прошедшее дѣйств. залога второе съ суффиксами **-лъ, -ла, -ло**, никогда не являющееся самостоятельно, а всегда въ сочетаніи съ разными формами вспомогательнаго глагола въ различнаго рода „описательныхъ“ временахъ.

Въ церковнославянскомъ всѣ эти образованія сохранились, но рядомъ являются и различныя новообразованія.

Исконныя формы причастія прошедшаго перваго: простыя— м. р. у основъ на согласный: вше́дъ (Тов. VI. 15, Остр. другой текстъ), совле́къ (2 Макк. IV. 38, Остр. 3 ед. аор.), всѣ́дъ (Захар. I. 8, Остр. всѣдъ), впрѧ́гъ (Быт. XLVI. 29; Остр. вънрѧ́гъже), ше́дъ (ibid. 31, Остр. ж. р. въ значеніи мужескаго шедъши, Первоп. какъ въ Новой), проше́дъ, ѡ́бше́дъ (Іов. II. 2, Остр. о҃бхо́ждь, прохо́ждь), пое́мъ (Быт. XII. 19, Остр. поѣ́мъ), взе́мъ (2 Макк. V. 5, Остр. 3 аор. взѧ́тъ), ѣ́мьсѧ (2 Цтв. I. 11, Остр. ѣ́мсѧ, Первоп. ѣ́мсѧ) и т. д. У основъ на гласный: бы́въ (2 Макк. I. 13, Остр. 3 ед. аор., V. 15, Остр. другой текстъ, ibid. 18, Остр. другой текстъ, Исх. II. 11, Остр. бывъ), плю́нувъ (ibid. VI. 20, Остр. и Первоп. прич. настоящ. ж. р. въ значеніи муж. плюющи), разѹмѣ́въ (Исх. II. 11, Остр. разѹмѣ́ѣ), поразивъ (ibid. 12, Остр. оу҃би́въ), ѩви́всѧ (Быт. XLVI. 29, Остр. 3 л. аор. показа́жесѧ), прикоснувсѧ (Лев. V. 3, Остр. такъ же), раста́мъ (Псалт. LVII. 9, Остр.

растамъ), оу҃тѣшисѧ (Ис. XXXVIII. 16, Остр. оу҃тѣшисѧ) и т. д. У глаголовъ IV-го класса съ послѣднимъ гласнымъ основы неопред. наклоненія и настоящаго времени -и-: сотво́рь (2 Макк. VIII. 35, Остр. сътворъ, Первоп. какъ въ Новой), соста́вль (3 Макк. II. 5, Остр. 2 л. ед. аор. о҃ста́ви, Первоп. ѡ҃ста́вль), и҃спо́лнь (Пс. XXXII. 5, Остр. и҃сполнь), ѡ҃мочь (Іоан. XIII. 26, Остр. о҃мо́чь), прист҃пль (Матѳ. XXVII. 58, Остр. прист҃пль), пог҃бль (Лук. XV. 4, Остр. пог҃бль) и т. д. Подобныя формы въ общемъ рѣдки и иногда замѣняются въ Новой б. формами съ суффиксомъ -въ: ѡ҃ложи́въ (2 Макк. VIII. 35, Остр. ѡ҃тложъ, Первоп. ѡ҃ло́жъ), сотвори́въ (Лук. X. 25, Остр. сътвори́въ, Зогр. **съткорь**), всади́въ (ibid. 34, Остр. всади́вже, Зогр. **въсѣждь**) и т. д. Женск. рода: ѡ҃тве́рзши (Тов. VIII. 13, Остр. другой текстъ), и҃зше́дши (ibid. 14, Остр. форма м. р. въ значеніи ж. р. о҃бра́цисѧ), прише́дши (Руѳь II. 3, Остр. 3 л. аор. прі҃иде), и҃зе́мши (Юд. XIII. 15, Остр. 3 л. ед. аор. и҃зѧ́т), поѧ́мши (Быт. XVI. 3, Остр. такъ же), заче́нши (ibid. IV. 1, Остр. такъ же), взе́мши (ibid. XXIV. 65, Остр. взе҃́ши), веста́вши (ibid. 61, Остр. въставши), воззрѣ́вши (ibid. 64, Остр. възрѣ́вше какъ ж. р. Первоп. возрѣ́вши) и т. д. Изрѣдка формы ж. р. употребляются въ значеніи м. р.: поникши (I. Сир. XII. 11, врагъ пойдетъ —, Остр. и Первоп. такъ же), какъ въ современномъ русскомъ. Въ Острожской библіи это употребленіе немного чаще, чѣмъ въ Новой. Въ ней встрѣчается также и имен. множеств. въ значеніи именит. ед. ж. р. Простыя формы средняго рода не встрѣчаются. Рядомъ съ простыми формами, имѣются сложныя, свойственныя и старославянскому: м. р. оу҃ме́рый (3 Цств. III. 22, Остр. оу҃мрыи, Первоп. оу҃мры́й, 2 Макк. VI. 26, Остр. сконча́), оу҃кради́ый (Исх. XXII. 7, 8, Остр. оу҃кра́дыи, Первоп. оу҃кра́дый), положи́вый (2 Цств. XXII. 34, 35, Остр. и Первоп. полага́), возврати́вый (3 Цств. XIII. 26, Остр. възвративый), бы́вый (2 Макк. XIV. 3, Остр. бывыи, Втор. XXII. 29, Остр. другой текстъ), оу҃би́вый (Исх. XXI. 13, Остр. оу҃би́выи), прикосну҃выйсѧ (ibid. XIX. 12, Остр. такъ же), ѡ҃бѣща́вый (Числ. VI. 18, Остр. о҃бѣща́выи), оу҃цѣлѣ́вый (I. Нав. X. 37, Остр.

другой текстъ), спобо́рствовавый (ibid. XXIII. 3, Остр. и҃же помо́же), пѹсти́вый (Іов. XXXIX. 5, Остр. пѹсти́выи), созда́вый (Пс. XCIII. 9, Остр. сѣзда́выи), помина́вый (Ис. LXIV. 7, Остр. другой текстъ), разве́ѧвый (Іерем. XXXI. 10, Остр. разве́ѧ́выи, Первоп. какъ въ Новой), оѹслы́шавый (Іезек. XXXIII. 4, Остр. слы́шавыи), порази́вый (Дан. II. 35, Остр. и҃же раз҃дрази), а҃ви́выйсѧ (Быт. XXXI. 13, Остр. а҃ви́выисѧ) и т. д. Женскаго рода: ѡста́вшаѧсѧ (I. Нав. XIII. 2, Остр. о҃ста́вленаѧ), бы́шаѧ (Суд. XX. 12, Остр. бы́ша́ѧ), приш҃е́дшаѧ (Руѳь II. 6, Остр. приш҃е́шаѧ), возлюби́шаѧ (ibid. IV. 15, Остр. вѣзлю́бившаѧ), роди́шаѧ (Іер. L. 12, Остр. стар. им. ед. роди́вшїѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Здѣсь, какъ и у причастій настоящаго времени (см. выше, стр. 342), замѣчается морфологическая ассимиляція къ сложнымъ именамъ прилагательнымъ или мѣстоименіямъ (стсл. **добра-ѩ** и т. д.), свойственная русскому языку. Исконная форма еще встрѣчается (весьма рѣдко) въ Острожской библіи, но уже въ Первопечатной находимъ указанныя новообразованія (Іер. L. 12), исключительно господствующія въ Новой. Средній родъ имѣетъ только сложную форму: бы́вшее (3 Макк. I. 1, Остр. такъ же), ѡбрѣ́тшееѧ (Быт. XLVII. 14, Остр. е҃же о҃брѣ́те), па́дшее (Лук. VIII. 14, Остр. па҃шее, Зогр. **падъшеѥ**), носи́вшее (ibid. XI. 27, Остр. такъ же, Зогр. **ношьшеѥ**) и т. д. Подъ вліяніемъ подобныхъ сложныхъ формъ, ж. и ср. р., имѣвшихся уже въ старославянскомъ, а также и косвенныхъ падежей, является вторичная форма им. ед. м. р. съ суффиксомъ -шїй: оѹме́ршїй (3 Цств. III. 23, Остр. оѹмрѣшїи), ше́дшїй (2 Пар. XVIII. 12, Остр. 3 л. ед. аор. и҃де), поше́дшїй (Тов. XI. 5, Ост. другой текстъ) поста́вльшїй (2 Макк. V. 22, Остр. р. ед. поста́вльшаго), бы́вшїй (1 Цств. IV. 16, Остр. е҃сть), забы́вшїй (Притчи С. II. 17, Остр. забывыи, Первоп. забы́вый), оѹмо́лкнѹвшїй (Іез. XXVII. 32, Остр. оѹмолкїи, Первоп. оѹмолкі́й) и т. д. Форма эта тожественна съ винит. ед. сложнаго причастія м. р. (свойственнымъ и старославянскому), напр., наше́дшїй (Вар. IV. 9, Остр. наш҃е́шїи) и т. д., но въ значеніи им. ед. она встрѣчается главнымъ образомъ въ

Новой библіи, а въ Острожской и Первопечатной находимъ на ея мѣстѣ или исконныя сложныя формы, или другіе обороты. У глаголовъ IV-го класса съ основой неопред. наклоненія на и- находимъ сложныя формы, представляющія собой русскую окраску свойственныхъ и старославянскому исконныхъ формъ, въ родѣ **хвалѣй, хвалнй:** рожде́йсѧ (Матѳ. II. 2, Остр. рожеисѧ), ѡ҆бращéйсѧ (вин. ед. Исх. VII. 15, Остр. и҆же бѣ и҆спровéрглъсѧ), насаждéй (Ис. XCIII. 9, Остр. насаждеи), оу҆твержде́й (Ис. XLII. 5, Остр. оу҆твержéи), и҆збавлéй (ibid. XLIV. 6, Остр. и҆збавлéи), порождéй (1 Петра I. 3, Остр. порожеи) и т. д. Формы эти имѣются не только въ Острожской библіи, но и въ болѣе древнихъ рукописныхъ памятникахъ.

Причастія прошедшаго времени съ суффиксами **-лъ, -ла, -ло** въ простой формѣ встрѣчаются только въ различныхъ описательныхъ временахъ: муж. рода, у основъ на гласный ꙗ҆лъ є҆сѝ, пи́лъ є҆сѝ (3 Цств. XIII. 22, Остр. такъ же), по́льзовалсѧ є҆сѝ (Мр. VII. 11, Остр. пльзевалъ, Первоп. по́лзовалсѧ), возвесели́лсѧ бы́хъ (Л. XV. 29, Остр. възвесели́лъсѧ) и т. д.; у основъ на согласный: помо́глъ є҆сѝ (3 Макк. II. 10, Остр. 2 ед. аор. помо́же), ре́клъ є҆сѝ (Исх. XXXII. 13, Остр. такъ же), нане́слъ бы (Юд. VIII. 8, Остр. другой текстъ), ѡ҆блéклъ є҆сѝ (Іов. X. 11, Остр. 2 л. ед. аор. о҆блечѐ, Первоп. ѡ҆блечѐ, на полѣ лъ є҆сѝ), дости́глъ є҆сѝ (ibid. XI. 7, Остр. 2 л. аор. о҆ста́ви), навы́клъ є҆сѝ (ibid. XXXVIII. 18, Остр. оу҆вѣси), поги́блъ є҆сѝ (Іезек. XXVI. 17, Остр. и Первоп. 2 л. аор. поги́бе) и т. д. женскаго рода у основъ на гласный: пощадѣ́ла, посо́бствовала є҆сѝ (Юд. XIII. 20, Остр. другой текстъ), оу҆краси́ласѧ, оу҆слади́ласѧ є҆сѝ (П. П. VII. 6, Остр. 2 л. ед. аор. оу҆краси́сѧ, о҆слади́сѧ, Первоп. оу҆краси́сѧ, ѡ҆слади́сѧ) и т. д.; у основъ на согласный: привлекла̀ є҆сѝ (ibid. IV. 9, Остр. другой текстъ—оу҆сръдны сътворѝ), ѿшла̀, пришла̀ є҆сѝ (Юд. XI. 3, Остр. 2 л. аор. ѿи́де, Первоп. ѿи́де, а на полѣ -шла̀ єси) и т. д.; средняго рода: бѧ́ше ѡ҆ста́ло (3 Езд. XI. 23, Остр. о҆ста́ло) и т. д.

Сложныя формы являются самостоятельно со значеніемъ именъ прилагательныхъ. какъ въ живомъ русскомъ языкѣ: м. р. ѡ҆бет-

ша́лый (зват. ед. Дан. XIII. 52, Остр. ѻ҆бєтша́лчє, Первоп. ѡ҆бєтша́лчє), сме́рзлый (Іов. VI. 17, Остр. причастіе прош. первое сме́рзъсѧ, Первоп. сме́рзсѧ), и т. д. женск. рода: запꙋстѣ́лаѧ (зват. ед. Іерем. IV. 30, Остр. запꙋстѣ́нна, Первоп. запꙋстѣ́на), созрѣ́лаѧ (Іов. V. 26, Остр. съзрѣ́ла, Первоп. созрѣ́ла) и т. д. Эти формы очень рѣдки и являются только въ Новой библіи; въ Острожской и Первопечатной на ихъ мѣстѣ находимъ другія образованія или простыя формы.

Приблизительно такъ же представляются причастія дѣйств. прошедш. времени у грамматиковъ XVI и XVII вв.

Такъ у Л. Зизанія находимъ слѣдующія формы причастія прошедшаго перваго: 1) „мимошедшее“: ꙗ҆ви́вы̑, ꙗ҆ви̑,-вшаѧ, вшєє (л. 59). Здѣсь имѣемъ рядомъ формы сложныя и простыя (ꙗ҆ви́въ), безъ всякой дифференціаціи; въ ж. р. та же морфологическая ассимиляція къ сложнымъ прилагательнымъ, о которой было сказано выше (стр. 375); вторичная сложная форма м. р. на -шїй отсутствуетъ; 2) „непредѣльное“: м. р. ꙗ҆вл҆ші̑, ꙗ҆́вль, ꙗ҆ле́й, ж. р. ꙗ҆вл҆ши,-аѧ; ср. р. ꙗ҆вл҆шєє (ibid.).

Тѣ же приблизительно отношенія находимъ на листѣ 68-мъ: 1) „мимошедшее“: м. р. спасы̑сѧ, спа́съсѧ (рядомъ простая и сложная формы, какъ выше); ж. р. спа҃шисѧ (одна простая форма, тогда какъ выше приводилась только одна сложная), средн. р. спа́съшєєсѧ; 2) „непредѣльное“: муж. р. спа́съшїйсѧ (вторичная сложная форма на -шїй), ж. р. спа́съшисѧ (одна простая форма); ср. р. сп҃шєє(сѧ).

Въ томъ же родѣ формы прошедшаго причастія перваго отъ глагола гласи́ти (л. 70): „мимошедшее“—гласи́вы̑, гласи́въ; гласи́в҆шаѧ; гласи́вшєє; „непредѣльное“: въз҆гласи́в҆шїй, въз҆гла́шъ; възгласи́в҆ши, възгласи́в҆шаѧ; въз҆гласи́вшєє; отъ глагола би́ти (л. 74): „мимошедшее“—би́вый, би́в҆шаѧ, би́в҆ши (простая и сложная формы рядомъ), би́в҆шєє; „непредѣльное“—би́в҆шїй, би́в҆ши, би́в҆шаѧ, би́в҆шєє и т. д.

Приведенныхъ формъ достаточно, чтобы видѣть, что распредѣленіе различныхъ причастныхъ формъ по временамъ произведено у Л. Зизанія большею частью на основаніи однихъ видо-

выхъ отличій, и то далеко не послѣдовательно; попытки къ дифференціаціи различныхъ формъ по значенію наблюдаются (ср. „мимошедшее“ м. р. би́вый, гласи́вы, спасъ҆ сѧ, ꙗ҆ви́вы, но „непредѣльное“ би́вшїй, въ҆згласи́вшїй, спа́съшїйсѧ, ꙗ҆вл҆шї и т. д.), но онѣ не могли быть проведены послѣдовательно (ср. „мимошедшее“ ж. р. би́вшаѧ, би́вши, ср. р. би́вшеє и „непредѣльное“ би́вши, би́вшаѧ, би́вшеє), что объясняется чисто „видовыми“ основаніями quasi временъ Зизанія. Противоположенія простыхъ формъ сложнымъ, какъ у Мелетія Смотрицкаго, мы здѣсь не находимъ. Второе причастіе прошедшее съ суффиксами -лъ, -ла, -ло у Зизанія не представляетъ никакихъ особенностей, такъ что приводить его примѣры является лишнимъ.

У Мелетія Смотрицкаго картина болѣе сложна. Какъ и у причастій настоящаго времени (см. выше, стр. 343) онъ противополагаетъ другъ другу формы сложныя и простыя. Первыя получаютъ названіе „причастій“, а вторыя „дѣепричастій“. Распредѣленіе различныхъ формъ по фиктивнымъ „временамъ“ основано, какъ и у Зизанія, на видовыхъ оттѣнкахъ. Такъ имѣются слѣдующія „причастія“: 1) „вида совершеннаго преходящее“ м. р. чте́и или че́тшїи; ж. р. че́тшаѧ; ср. р. че́тшеє (л. 198 на обор.); 2) „вида учащательнаго прешедшее“—м. р. чита́выи; ж. р. чита́вшаѧ; ср. р. чита́вшеє; 3) „мимошедшее“—м. р. читаа́выи; ж. р. читаа́вшаѧ; ср. р. читаа́вшеє; 4) „непредѣльное“—м. р. прочте́и или проче́тшїи; ж. р. проче́тшаѧ; ср. р. проче́тшеє (л. 199 на обѣихъ сторонахъ). Отъ глагола твори́ти: 1) „вида совершеннаго преходящее“—м. р. тво́ре́й или тво́ршїи (л. 219 на об.), ж. р. тво́ршаѧ, ср. р. тво́ршеє или твори́выи, твори́вшаѧ, твори́вшеє; 2) „вида учащательнаго прешедшее“— творѧ́выи и прочая, якоже чита́выи; 3) „мимошедшее“ — творѧа́выи и прочая, якоже читаа́выи; 4) „непредѣльное“—м. р. сотворе́и или сотво́ршїи, ж. р. сотво́ршаѧ, ср. р. сотво́ршеє (л. 220 на обѣихъ сторонахъ). Отъ глагола бы́ти имѣется только 2) „вида совершеннаго прешедшее“ — м. р. бы́выи или бы́вшїи, ж. р. бы́вшаѧ; ср. р. бы́вшеє (л. 237 на обор.); отъ вѣ́дѣти: 1) „вида совершеннаго преходящее“—м. р. вѣ́дѣвыи или вѣ́дѣвшїи, ж. р.

вѣдѣвшаѧ, ср. р. вѣдѣвшее; 2) „прешедшее“—м. р. вѣдѣи или вѣдшїи, жен. р. вѣдшаѧ, ср. р. вѣдшее (по типу глаголовъ IV-го класса съ основой неопред. накл. на н-); 4) „непредѣльное“—м. р. оувѣдѣи, оувѣдшїи, ж. р. оувѣдшаѧ, ср. р. оувѣдшее (л. 241 на обѣихъ стор.); отъ глагола имѣти: 1) „вида совершеннаго преходящее“ и 2) „прешедшее“ м. р. имѣвыи или имѣвшїи, ж. р. имѣвшаѧ, ср. р. имѣвшее; 4) „непредѣльное“ — м. р. воимѣвыи, яко же имѣвыи (л. 249) и т. д. Приведенныя формы представляютъ собой смѣсь дѣйствительныхъ съ чисто теоретическими или встрѣчающимися въ искусственномъ книжномъ языкѣ. Формы въ родѣ „мимошедшихъ“ причастій читáвыи, творѧ́выи или „прешедшаго“ творѧ́выи въ библейскихъ текстахъ не встрѣчаются. Извѣстныя „времена“, въ родѣ „непредѣльнаго“, представляютъ собой просто формы другого вида; на чисто видовыхъ отличіяхъ основано и различеніе „преходящаго“ (напр. чтéи или чéтшїи) отъ „прешедшаго“ (читáвыи). Распредѣленіе формъ по различнымъ quasi временамъ не всегда послѣдовательно; такъ формы вѣдѣи и вѣдшїи и т. д., образованныя по типу творéй, твóршїи и т. д., отнесены къ „прешедшему“ (какъ творѧ́выи, читáвыи), а формы вѣдѣвыи, вѣдѣвшїи и т. д. (одинаковыя съ „прешедшими“ читáвыи и творѧ́выи) къ „преходящему“. Своеобразны формы творѧ́выи (по типу читáвыи, а также подъ вліяніемъ основы имперфекта творѧ́хъ) и читáвыи, творѧ́выи (подъ вліяніемъ формъ имперфекта безъ контракціи).

Можно отмѣтить также, что вторичныя формы причастія им. ед. м. р. на -шїй у глаголовъ чести, читáти имѣются только въ „преходящемъ“ и „непредѣльномъ“, а въ „прешедшемъ“ и „мимошедшемъ“ ихъ нѣтъ. У другихъ глаголовъ, однако, находимъ эти формы и въ „прешедшемъ“ (вѣдшїй). Простыя формы, или „дѣепричастія“, по терминологіи Смотрицкаго, представляютъ также нѣсколько новообразованій: „вида совершеннаго преходящее“—м. р. чéтъ (стсл. **несъ**) или чéтшъ; источникомъ послѣдней формы является винит. ед. (стсл. **несъшь**, ср. р. 2 Петра I, 18: и сéй глáсъ мы слы́шахомъ съ нбсѐ сшéдшъ... Остр. сѣшéшъ.

Іез. XXVI. 19: да́мъ тѧ̀ гра́дъ ѡ҆пꙋстѣ́вшъ, Остр. о҆пꙋстѣ́вшъ и т. д.), ж. р. че́тши (стсл. **несъши**), ср. р. че́тше (въ старославянскомъ **несъ**, какъ именит. м. р.; форма **несъше** употребляется только, какъ вин. ед.); „прешедшее учащательнаго вида“—м. р. чита́въ или чита́вшъ, ж. р. чита́вши, ср. р. чита́вше; „мимошедшее“—м. р. читаа́въ или читаа́вшъ, ж. р. читаа́вши, ср. р. читаа́вше (л. 200 на обѣихъ сторон.), „непредѣльное“—м. р. проче́тъ или проче́тшъ, ж. р. проче́тши, ср. р. проче́тше (л. 201); отъ глагола твори́ти „преходящее совершеннаго вида“ — м. р. тво́рь, ж. р. тво́рши, ср. р. тво́рше (стсл. **творь, творьши, творь**) или твори́въ, ж. р. твори́вши, ср. р. твори́вше; „учащательнаго вида прешедшее“— творѧ́въ, „мимошедшее“ творѧа́въ, „непредѣльное“—м. р. сотво́рь, ж. р. сотво́рши, ср. р. сотво́рши (л. 220 на об. и 221 на обѣихъ сторонахъ). Точно такія же формы имѣются и у глагола бы́ти: „прешедшее совершеннаго вида“ — м. р. бы̑, ж. р. бы́вши, ср. р. бы́вше (л. 238), у глагола вѣ́дѣти: „преходящее вида совершеннаго“—м. р. вѣ́дѣвъ или вѣ́дѣвшъ, ж. р. вѣ́дѣвши (л. 242), ср. р. вѣ́дѣвше (ibid. на оборотѣ); „прешедшее“—м. р. вѣ́дь (по типу стсл. **творь**) или вѣ́дшъ, ж. р. вѣ́дши (какъ стсл. **несъши**), ср. р. вѣ́дше (какъ стсл. винит. ед. **несъше**); „непредѣльное“ — оу҆вѣ́дь или оу҆вѣ́дшъ, ж. р. оу҆вѣ́дши, ср. р. оу҆вѣ́дше (л. 242 на об. и 243) и т. д. Сказанное выше (стр. 378—79) о распредѣленіи „причастій“ Смотрицкаго по временамъ имѣетъ силу и въ отношеніи его „дѣепричастій“. И здѣсь имѣемъ дѣло съ чисто видовыми оттѣнками. Находимъ здѣсь также и образованія отъ основы имперфекта съ контракціей и безъ контракціи, совершенно отсутствующія въ библейскомъ текстѣ.

Причастія прошедшія страдательнаго залога, кромѣ обычныхъ старославянскихъ образованій съ суффиксами **-тъ,-та,-то, -енъ,-ена,-ено**, и **-нъ,-на,-но**, представляютъ также довольно часто новообразованія съ суффиксами -енный, -нный, чуждыя старославянскому. Примѣры этихъ сравнительно новыхъ формъ, ведущихъ свое начало еще изъ XIII-го вѣка и вызванныхъ вліяніемъ отпричастныхъ прилагательныхъ съ стсл. суффиксомъ **-н-ьнъ** (ср. А. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 2.

1891, стр. 235), довольно часты: 1) суффиксъ -еннъ (=**ен+ынъ**); сосꙋ́ди, и҆ ѡ҆лта́рь, и҆ до́мъ... ѡ҆свѧще́нна бы́ша (Юд. IV. 3, Остр. другой текстъ); до́мове и҆змлаче́нны бꙋ́дꙋтъ (Іер. LI. 33, Остр. друг. текстъ); падꙋ́тъ и҆збїе́ннїи... ꙗ҆́звеннїи (ibid. 4. Остр. и҆збїе́нїи, ꙗ҆зве́нїи, Первоп. и҆збїе́нїи, ꙗ҆́звенїи); возстенꙋ́тъ ꙗ҆́звеннїи твои̑ (Іезек. XXVI. 15, Остр. ꙗ҆зве́нїи, Первоп. ꙗ҆́звенїи), приносѧ́ше... и҆спещре́ннаѧ (ibid. XXVII. 24, Остр. другой текстъ); гра́ди разоре́ннїи, раско́паннїи, забра́лы оу҆твержде́нни сташа (ibid. XXXVI. 35, Остр. о҆пꙋстѣ́вшїи и҆ раскопанїи, оу҆твержⷣени, Перв. -ѣвшїи, -анїи, -ени); возгради́хъ разоре́нныѧ и҆ насади́хъ погꙋбле́нныѧ (ibid. 36, Остр. и Первоп. разоре́ныѧ, поги́бшаѧ); прїи́деши на зе́млю и҆звраще́ннꙋю (ibid. XXXVIII. 8, Остр. и Первоп. ѿвраще́нꙋю); оу҆краше́нна была̀ є҆сѝ (Іез. XVI. 13, Остр. и Перв. оу҆тваре́на); и҆ трапе́за оу҆крашенна пред̾ лице́мъ є҆ѧ̀ (ibid. XXIII. 41, Остр. оу҆крашенна); взе́млѧ сщ҃е́нныѧ сосꙋ́ды и҆ ꙗ҆́же ѿ и҆ны́хъ царе́й положе́ннаѧ (2 Макк. V. 16, Остр. и҆же... бѣ́хꙋ поста́влена, Первоп. также поста́влена); оу҆ще́дрити... хра́мъ ѿ нечестивыхъ чл҃вѣ́къ ѡ҆скверне́нный (2 Макк. VIII. 2, Остр. о҆скверня́емый, Первоп. ѡ҆скверня́емый); поми́ловати... разоре́нный гра́дъ (ibid. VIII. 3, Остр. о҆пꙋстѣ́ныи, Первоп. ѡ҆пꙋстѣ́ный); ча́стыми дщицами ѡ҆бложе́нными ѿ свѣ́та заключе́ни бы́ша (3 Макк. IV. 8, Остр. о҆бложени); пла́чите живꙋ́щїи въ посѣче́ннѣй (Соф. I. 11, Остр. впожже́неи, Первоп. в҆пожже́нѣй); гра́дъ ѡ҆предѣле́нный оу҆би́вшемꙋ, Кеде́съ... (I. Нав. XXI. 32, Остр. нарече́нныи); гра́ды ѿлꙋче́нныѧ (ibid. 27, Остр. нарече́ныа, Перв. нарече́нныѧ); ча́ша а҆нѳра́ѯа предложе́ннаѧ (Эсѳ. I. 8, Остр. предълежа́ща); и҆зможде́нна бꙋ́ди крѣ́пость и҆́хъ (Іов. V. 5, Остр. и҆змо́ждана, Первоп. и҆змождана́); речѐ разсла́бленномꙋ (Лук. V. 24, Зогр. **о҆слабле́ноумоу**, Остр. и Первоп. расла́бленомꙋ); насыще́ннїи (Лук. VI. 25, Зогр. **насыштенни**, Остр. и Первоп. насыще́нїи); прокаже́ннїи (ibid. VII. 22, Зогр. **прокаженни** Остр. и Первоп. прокаже́нїи); рожде́нныхъ (ibid. 28. Зогр. **рожденыхъ**, Остр. вроженыхъ, Перв. врожде́нныхъ), и т. д.

Суффиксъ -нный и т. д.: сотвори̑... корабли̑, и҆зва̑ѧнныѧ (1 Макк. XIII. 29, Остр. и҆зва́ѧны, Первоп. и҆зва́ѧны); ꙗ҆́коже бѣ̀

Ӥлїодѡръ по́сланный (2 Макк. V. 18, Остр. по́сланыи, Первоп. посланый); вышепи́санныхъ собра́вше... посла́ти... оу҆́зами... ѡ҆кова́нныхъ (3 Макк. III. 18, Остр. назнаменова́нныхъ, о҆кова́нныхъ); оу҆корѧ́лъ ѡ҆ содѣѧ́нныхъ (ibid. VII. 6, Остр. о҆ бы́вшихъ); ꙗ҆́же... ѡ҆бѣща́нна сꙋ́ть (3 Езд. IV. 27, Остр. что о҆бѣща́нна сꙋ́ть); бл҃гово́нїе ѡ҆бонѧ́нїѧ неизслѣдованнагѡ (3 Езд. VI. 44, Остр. о҆бонѧнїе о҆бонѧнїю неи҆з҆слѣдова́ны); а҆́ще оу҆́бѡ а҆́рхїере́й пома́занный согрѣши́тъ (Лев. IV. 3, Остр. пома́занныи); сїѧ̀ и҆мена̀ сынѡ́въ А҆арѡ́нихъ, жерцы̀ пома́занныѧ (Числ. III. 3, Остр. и Перв. пома́заныѧ); всѝ соглѧ́даннїи Леѵі́ты (Числ. IV. 46, Остр. р. множ. сущ. съглѧда́нїи), и҆ бы́ша соглѧ́даннїи 8580 (ibid. 48, Остр. им. множ. сущ. съглѧда́нїѧ); сꙋдбы̀ Гд҃ни... ѡ҆правда́нны (Пс. XVIII. 10, Остр. о҆правда́нны)... возжелѣ́нны (ibid. 11, Остр. въжелѣ́нны); ѡ҆кова̑нныѧ нището́ю и҆ желѣ́зомъ (Пс. CVI. 10, Остр. о҆кова́ны̑, Первоп. какъ въ Новой); не поста́влю тебѣ̀... въ гра́ды неѡбита́нны (Іер. XXII. 6, Остр. необита́нны); посѣкꙋ́тъ и҆збра̑нныѧ ке́дры твоѧ̀ (ibid. 7, Остр. и҆збра́нныѧ); возмѝ кни́гꙋ сїю̀... запечатлѣ́ннꙋ и҆ кни́гꙋ прочте́нꙋю (Іер. XXXII. 14, Остр. скꙋпле́ныѧ, почте́ныѧ, Первоп. скꙋпле́ныѧ, почте́ныѧ); до́мы твоѧ̀ вожделѣ́нныѧ разори́тъ (Іер. XXVI. 12, Остр. похо́тныѧ, Первоп. по́хотныѧ); оу҆гото́висѧ са́мъ ты̀ и҆ весь со́нмъ тво́й со́бранный (ibid. XXXVIII. 7, Остр. събраныи, Первоп. собра́ный); прїимꙋ̀... ꙗ҆́ростїю и҆злїѧ́нною (ibid. XX. 34, Остр. разлїаною, Первоп. разлїѧ́ною); и҆ въ ꙗ҆́рости и҆злїѧ́ннѣй ца́рствовати бꙋ́дꙋ... (ibid. 33, Остр. разлїѧнѣ, Первоп. разлїѧ́нѣ); по рꙋкотворе́нїемъ ва́шимъ растлѣ́ннымъ (ibid. 44, Остр. расы́панымъ, Первоп. раз҆сы́панымъ), зва́ннымъ (Лук. XIV. 7, Зогр. **зъванымъ**, Остр. и Первоп. какъ въ Новой); зва́нными (ibid. 10, Зогр. **зъванъıми**, Остр. и Первоп. зва́нными), и҆збра́нныхъ (ibid. 24, Зогр. нѣтъ, Остр. и Первоп. какъ въ Новой); оу҆пита́нный (Лук. XV. 23, Зогр. **оупитаны**, Остр. оу҆пита́нныи), оу҆пита́нна (ibib. 27, Зогр. **оупитѣны**, Остр. оу҆пита́нны̑) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что формы съ -н̄- (цсл. -нн-) встрѣчаются уже въ Острожской библіи, но далеко не такъ часто, какъ въ Новой; Первопечатная въ этомъ отно-

шеніи лишь немного ближе къ послѣдней и въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ тѣ же формы съ -н-, что и Острожская. Можно замѣтить еще, что въ Острожской библіи особенно рѣдки вторичныя формы съ суффиксомъ -єнный, тогда какъ формы на -нный не рѣдки. Встрѣчаются рядомъ и сложныя, и простыя формы. На ряду съ этими новообразованіями безразлично употребляются исконныя формы на -єный, -ный: возми кни́гꙋ сїю̀ запечатлѣ́ннꙋ, и̑ кни́гꙋ прочте́нꙋю (Іер. XXXII. 14); не бѣ̀ се́рдце є̑гѡ̀ соверше́но (3 Цств. XV. 3, Остр. съвръшено, Первоп. какъ въ Новой) и рядомъ се́рдце А̑сы бѣ̀ соверше́нно (ibid. 14, Остр. съвръшенно, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. создано̀ бы́сть (Іис. Сир. XL. 1), бѧ́ше... свѧ́занъ (Іерем. XXXIII. 1) и бѣ̀ И̑лїодѡ́ръ по́сланный (2 Макк. V. 18) и т. д.

Причастіе прошедшее страд. съ суффиксомъ -тъ встрѣчается также и въ простой, и въ сложной формѣ (послѣдняя въ значеніи имени прилагательнаго): ꙗ̑ты бы́ша (Іер. LI. 56, Остр. и̑зыма́ни), взѧ́тъ бы́сть (ibid. 31, Остр. взѧ́сѧ), взѧта̀ бы́сть (Быт. II. 23, Остр. възѧта̀) и т. д. ꙗ̑коже пшени́ца... пожа́таѧ (Іов. V. 26, Остр. по́жата, Первоп. пожата), поборю̀ рꙋко́ю просте́ртою (Іер. XXI. 5, Остр. в. ед. простертꙋ) и т. д. Въ Острожской библіи находимъ простыя формы.

У Лавр. Зизанія находимъ только формы возвратно-страдательныя съ -сѧ: „мимошедшее страд. залога“, м. р. спасы̑ісѧ, спа́съсѧ: ж. р. спа̑шисѧ, ср. р. спа́съшеєсѧ; „непредѣльное“— м. р. спа́съшїисѧ, ж. р. спа́съшисѧ, ср. р. сп̑шеє (л. 68); „мимошедшее“—би́вы̑сѧ, би́вшаѧсѧ, би́вшеєсѧ, „непредѣльное“—би́вшїйсѧ, бившисѧ, би́вшеєсѧ (л. 75 на об. и 76) и т. д. Исконныя формы на -тъ, -тый, -нъ, -ный, -єнъ, -єный и вторичныя на -нный, -єнный въ парадигмахъ у него не встрѣчается. Въ смыслѣ тематическаго образованія возвратно-страдательныя формы Зизанія ничѣмъ почти не отличаются отъ его причастій „дѣйствительнаго“ залога, и потому мы не будемъ останавливаться на нихъ.

У М. Смотрицкаго находимъ, какъ и у другихъ причастій, разграниченіе на „причастія“ и „дѣепричастія“ страдательныя (=сложныя и простыя формы). Распредѣленіе по временамъ имѣетъ

извѣстный уже, главнымъ образомъ видовой, характеръ. „Причастія (сложныя формы)“: „вида учащательнаго, времени прешедшаго“: м. р. чита́выисѧ или чи́таныи, ж. р. чита́вшаѧсѧ или чи́танаѧ, средн. р. чита́вшеесѧ или чи́таное; „мимошедшее“ того же вида—м. р. чита́выисѧ, чита́ныи; ж. р. чита́вшаѧсѧ, чита́наѧ; ср. р. чита́вшеесѧ, чита́ное; „непредѣльное“ м. р.—прочте́исѧ или проче́тшїисѧ, или прочте́ныи, ж. р. проче́тшаѧсѧ, прочте́наѧ, ср. р. проче́тшеесѧ, прочте́ное (л. 209 на об. и 210) и т. д. „Дѣепричастія (простыя формы): „вида совершеннаго преходящее“—м. р. че́тсѧ или чте́нъ, ж. р. че́тшисѧ или чте́на, ср. р. че́тшесѧ или чте́но (л. 210 на об.); „вида учащательнаго прешедшее“—м. р. чита́всѧ или чи́танъ, ж. р. чита́вшисѧ, чи́тана, ср. р. чита́вшесѧ, чи́тано; „мимошедшее“—м. р. чита́всѧ или чита́нъ, ж. р. чита́вшисѧ, чита́на, ср. р. чита́вшесѧ, чита́но; „непредѣльное“—м. р. проче́тсѧ, прочте́нъ, ж. р. проче́тшисѧ, прочте́на, ср. р. проче́тшесѧ, прочте́но (л. 211—212).

Подобныя же формы находимъ и въ другихъ парадигмахъ М. Смотрицкаго: „вида совершеннаго преходящее“ — твое́йсѧ, твои́выисѧ или твое́ныи; „вида учащательнаго прешедшее“—твомѧ́выисѧ или твомѧ́выи (очевидная опечатка вм. твомѧ́ныи), „мимошедшее“—твомѧ́выисѧ или твомѧ́выи (опять опечатка), „непредѣльное“ сотвое́и или сотвое́ныи якоже сотвое́и и прочте́ныи; „дѣепричастія“: „преходящее вида совершеннаго“ творсѧ и твои́вѣсѧ, или твое́нъ; „вида учащательнаго пре́шедшее“—твомѧ́всѧ или твомѧ́нъ, „мимошедшее“—твомѧ́всѧ или твомѧ́нъ, „непредѣльное“—сотво́рьсѧ или сотвое́нъ (л. 226—228). Формы на -нный и -енный у М. Смотрицкаго не встрѣчаются, причастія на -тъ, -тый отнесены къ прилагательнымъ: „рече́нїѧ причастїемъ подо́бнаѧ, ѣ́кѡ, пѣ́тыи, препѣ́тыи..., ѣ́тыи, прокла́тыи, пресла́вныи, сла́вныи, честны́и... и сѝмъ подо́бнаѧ, Ѝмена̀ бы́ти прилага́тельныѧ, а̀ не причастїѧ“ (л. 269 на об.).

Многія изъ вышеприведенныхъ формъ Смотрицкаго въ текстѣ библіи не встрѣчаются и представляютъ собой чисто педантическія измышленія. Къ таковымъ относятся, напримѣръ, формы „мимошедшаго“, образованныя отъ основы имперфекта (безъ кон-

тракціи), въ родѣ читаа́ныи, читаа́всѧ, читаа́нъ, или „преходящаго“, въ родѣ че́тсѧ и тво́рсѧ.

§ 25. *Перифрастическія выраженія.* Церковнославянскій сохраняетъ всѣ почти перифрастическія выраженія старославянскаго, за исключеніемъ условнаго съ вспомогательнымъ **бимь, би, би, бимъ, бисте, бѫ**, замѣненнымъ формами аориста **быхъ** и т. д.

Сложное прошедшее (перфектъ), выражаемое посредствомъ причастія прошедшаго дѣйств. залога на **-лъ** и вспомогательнаго **ѥсмъ** и т. д.: ꙗ҆́лъ є҆сѝ (Быт. III. 12, Остр. ꙗ҆́лъ є҆си), расточи́ли є҆стѐ (Іер. XXIII. 2, Остр. расточи́ли є҆стѐ) пришє́лъ є҆сѝ (Мр. I. 24, Зогр. **пришьлъ єси**, Остр. пришє́лъ є҆сѝ) и т. д.

Вспомогательный глаголъ, главнымъ образомъ, въ третьемъ лицѣ ед. ч. пропускается весьма часто. Пропускъ этотъ, наблюдаемый въ русскомъ языкѣ во всѣхъ лицахъ и числахъ, ведетъ свое начало уже изъ XI—XII вв. (см. А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русск. языка. Изд. 2, 1891, стр. 216—19). Въ библейскомъ текстѣ наблюдаются слѣдующіе случаи такого пропуска: 1) когда двѣ формы прошедшаго сложнаго стоятъ рядомъ, то вспомогательный глаголъ стоитъ только въ одномъ (первомъ) случаѣ: раздра́лъ є҆сѝ ри҆зы твоѧ̀, и҆ пла́калсѧ предо мно́ю (4 Цств. XXII. 19, Остр. раздра̑ є҆си, 2 ед. аор. пла́касѧ, Перв. тѣ же формы, что въ Остр.), не ты̀ ли є҆сѝ, и҆́же ѡ҆ста́лсѧ (3 Езд. XI, 39, Остр. нили ты є҆си и҆же наи҆звышилъ, Первоп. на и҆звы́шилъ), ты́ є҆сѝ, царю̀, ꙗ҆́кѡ возвели́чилсѧ є҆сѝ и҆ оу҆крѣпѣ́лъ (Дан. IV. 19, Остр. 2 л. аор. възвели́чисѧ и҆ оу҆крепѣ, Первоп. возвели́чилсѧ є҆сѝ и҆ оу҆крепѣ́лъ); ꙗ҆́кѡ не позва́лъ є҆сѝ на́съ, є҆гда́ ходи́лъ воєва́ти... (Суд. VIII. 1, Остр. 2 л. аор. по́зва, по́иде, Первоп. позва̀, по́йде) и т. д.—случай, возможный и въ старославянскомъ. При бо́льшемъ разстояніи между сложными выраженіями, вспомогательный глаголъ можетъ и оставаться: ꙗ҆́кѡ оу҆таи́лъ є҆сѝ сїѧ̑ ѿ премꙋ́дрыхъ и҆ разꙋ́мныхъ, и҆ ѿкры́лъ є҆сѝ та̑ млⷣнцемъ (Лук. X. 21. Зогр. **оутаі́лъ єси, отъкры**=2 л. аор., Остр. оу҆таи́лъ є҆си, ѿткрылъ є҆си) и т. д.

2) Когда, рядомъ со сложными выраженіями, въ сосѣднихъ предложеніяхъ встрѣчается verbum finitum: въ пꙋ́ть ѻ҆ца̀ сво-

єгѡ... не ходи́лъ, но и҆ на гора́хъ пожрѐ: и҆ женꙋ̀ бли́жнѧгѡ своєгѡ̀ ѡ҆скверна́вилъ, И҆ ᲂу҆бо́гаго и҆ ни́щаго преѡби́дѣ, и҆ хище́нїємъ восхи́тилъ, и҆ зало́га не ѿда́лъ, и҆ къ кꙋмі́рѡмъ положѝ ѡ҆́чи своѝ, беззакѡ́нїѧ сотворѝ, Съ ли́хвою дадѐ, и҆ съ примноже́нїємъ прїѧ́лъ (Іез. XVIII. 11, 12 и 13, Остр. ходѝ, жерлъ є҆сть, ѻ҆сквернави́лъ є҆сть, преѻ҆бидѣлъ є҆сть, въсхити́лъ є҆сть, далъ є҆сть, положѝ, сътворѝ, прїѧлъ є҆сть, Первоп. такія же формы, какъ въ Остр.); вложѝ же но́гꙋ мою̀ въ дре́во, и҆ надсмотрѧ́лъ пꙋтѝ моѧ̀ (Іов. XXXIII. 11, Остр. 3 ед. аор. вложѝ, съхрани. Первоп. тѣ же формы, что въ Остр.); и҆лѝ ѿ не́нависти порази́лъ є҆го̀ рꙋко́ю, и҆ ᲂу҆́мретъ... (Числ. XXXV. 21, Остр. ᲂу҆би́лъ и҆ рꙋко́ю); и҆ Гдь ᲂу҆мѧгчи́лъ се́рдце моѐ, и҆ вседержи́тель потща́сѧ ѡ҆ мнѣ̀ (Іов. XXIII. 16, Остр. Гь ѻ҆недꙋжилъ); и҆мѣѧхꙋ ѻ҆́шибы подо́бни скорпі́инымъ... и҆ и҆мѣли над собо́ю царѧ̀... (Апок. IX. 11, Остр. и҆ї́мѧхꙋ... и҆ї́мѣли); рыда́ла І҆ꙋде́а, и҆ врата̀ є҆ѧ̀ разрꙋши́шасѧ (Іер. XIV. 2, Остр. стена́ла); и҆ речѐ Гїезі́й: не и҆сходи́лъ ра́бъ тво́й ника́може. И҆ речѐ къ немꙋ̀ Є҆лїссе́й: не ходи́ло ли се́рдце моѐ съ тобо́ю (4 Цств. V. 25—26, Остр. не и҆сходи́лъ, нѣ́сть ли̑ ходи́ло, Первоп. тѣ же формы, что въ Остр.); да и҆спо́лнитсѧ сло́во твоѐ..., ты̀ бо менѐ сотвори́лъ царѧ̀... (2 Пар. I. 9, Остр. сътворилъ безъ є҆си); а҆́зъ вда́хъ ѧ҆ въ рꙋ́кꙋ твою̀, ты́ же не дала̀ и҆́мъ ми́лости (Ис. XLVII. 6, Остр. 2 л. аор. ты́ же не да̀, Первоп. не дала̀); да не ᲂу҆вѣ́стсѧ, ꙗ҆́кѡ приходи́ла жена̀, (Р. III. 14, Остр. ꙗ҆́ко приходи́ла є҆сѝ, Первоп. также съ вспомогат. глаголомъ) и т. д.

3) Вспомогательный глаголъ опускается въ придаточныхъ предложеніяхъ, соединенныхъ съ другими предложеніями большею частью относительнымъ мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ: а҆́ще ᲂу҆́бѡ а҆рхїере́й пома́занный согрѣши́тъ... и҆ да приведе́тъ ѡ҆ грѣсѣ̀ свое́мъ, и҆́мже согрѣши́лъ (Лев. IV. 3, Остр. є҆́же є҆сть съгрѣшилъ, Перв. также съ є҆́сть); гдѣ̀ є҆́сть Гдь... преведы́й на́съ... по землѝ, по не́йже не ходи́лъ мꙋ́жъ никогда́же, и҆ не ѡ҆бита́лъ чл҃вѣ́къ та́мѡ (Іер. II. 6, Остр. и҆сходи̑, ѻ҆бита́лъ; и҆ повѣ́да Рꙋѳь свекро́ви свое́й, гдѣ̀ рабо́тала, и҆ речѐ... (Р. II. 19, Остр. гдѣ̀ бы́сть, Первоп. бы́сть) и т. д. а҆́ще же посѧ́гла за мꙋ́жа (Числ. XXX.

7, Остр. посѧ́гнѣ); ꙗ҆́кѡ... оу҆слы́шала дꙋша̀ моѧ̀ (Іер. IV. 19, Остр. также безъ є҆сть); поне́же ѡ҆пꙋстѣ́ла всѧ̀ землѧ̀ (ibid. 20, Остр. о҆пꙋстѣ́нна є҆сть); а҆́ще же посѧ́гла за мꙋ́жа (Числ. XXX. 7, Остр. посѧ́гнѣ) и т. д.

Иногда вспомогательный глаголъ опускается и въ главномъ, независимомъ предложеніи, внѣ указанныхъ условій: н҃нѣ же дꙋша̀ на́ша и҆зсо́хла, ничто́же то́чїю ма́нна пред̾ ѡ҆чи́ма на́шима (Числ. XI. 6, Остр. и҆схла̀) и т. д. Болѣе подробное изслѣдованіе всѣхъ условій этого опущенія уже переходитъ въ область синтаксиса, котораго мы не намѣрены касаться въ настоящей работѣ. Однимъ изъ условій опущенія является также присутствіе личнаго мѣстоименія, дѣлающаго излишней форму вспомогательнаго verbi finiti. Какъ видно изъ примѣровъ, опущеніе вспомогательнаго глагола имѣется уже въ Острожской библіи (было и раньше), но далеко не такъ часто, какъ въ Новой. Пропуску Новой въ Острожской соотвѣтствуютъ большею частью или полныя перифрастическія выраженія, или какіе-нибудь другіе способы выраженія. Первопечатная библія въ этомъ отношеніи въ большинствѣ случаевъ не отличается отъ Острожской, хотя и приближается немного къ Новой. Въ Новой библіи особенно часты формы 2 л. ед., прошедшаго сложнаго, замѣняющія второе лицо ед. ч. аориста (см. выше, стр. 385).

У Лавр. Зизанія перифрастическое прошедшее совершенное является только въ формахъ 2-го и 3-го л. ед. ч.: „мимошедшее“ ꙗ҆ви́лъ є҆си̑, ла, ло; „протяженное“ ꙗ҆влѧ́лъ є҆си̑, ла, ло (л. 57); „пресовершенное“ ꙗ҆влѧа́л є҆си̑, (ꙗ҆влѧа́ше), ꙗ҆влѧа̑ (л. 57 на об.); или „протяженное“ въстава́лъ єси̑, ла, ло, встава̑ (л. 67); „мимошедшее“ гласи̑, и҆ єси̑ (л. 68), глашаа̑, аа́лъ є҆си̑, ла, ло; глашаа́лъ, глашаа́ше (л. 69) и т. д. Формы эти приводятся въ составѣ парадигмъ другихъ временъ (съ окончаніями аориста), какъ равноправныя имъ (см. выше, стр. 369—70).

Можно отмѣтить здѣсь присутствіе вспомогательнаго глагола только во второмъ лицѣ, тогда какъ въ третьемъ оно опущено. У М. Смотрицкаго также формы сложнаго прошедшаго являются лишь въ составѣ иныхъ временъ (безъ болѣе точнаго обозначе-

*

нія лица, но только въ ед. числѣ, вѣроятно, во 2-мъ же лицѣ): „вида учащательнаго прешедшее“ чита́хъ, чита́лъ, чита́ла, ло, чита́ше, „мимошедшее“ читаа́хъ, читаа́лъ, читаа́ла, читаа́ло, читаа́ше, „непредѣльное“ прочто́хъ, проче́лъ, ла, ло̀, прочтѐ (л. 191 на об.); „вида совершеннаго преходящее“ — что́хъ, че́лъ, чла̀, чло̀, чтѐ (л. 190 на об.). Вспомогательный глаголъ здѣсь опущенъ, какъ въ русскомъ языкѣ; полныя же формы приводятся ниже, но не какъ славянскія, а русскія (ро́усска и҆ногда̀ ѧ҆зы́ка навы́комъ... прои҆зноси́ма бы́ти ѡ҆брѣта́емъ): „преходящее“—че́лъ є҆́смь, че́лъ є҆сѝ, чла̀, чло̀, че́лъ є҆́сть, дв. ч. м. и ср. чла̀ є҆сма̀, чла̀ є҆ста̀, ж. члѣ̀ є҆смѣ̀, члѣ̀ є҆стѣ̀, члѣ̀ є҆стѣ̀, мн. члѝ є҆смы̀, члѝ є҆стѐ, члѝ соу҆ть (сице прешедшее), чита́лъ є҆́смь: и҆ про́чаѧ, мимошедшее читаа́лъ є҆́смь и т. д. (л. 192 на об.), такія же отношенія (за исключеніемъ полныхъ формъ съ є҆́смь) находимъ у М. Смотрицкаго и въ другихъ парадигмахъ (примѣры см. выше, стр. 371).

Давнопрошедшее, выражаемое причастіемъ прошедшаго вр. на **-лъ** и имперфектомъ вспомогательнаго глагола **быти**, сохранилось и въ церковнославянскомъ: бѣ́ша пресо́хли и҆ сплѣ́снѣли (I. Нав. IX. 5, Остр. бѣша пресхлѝ... і҆ съплеснѣли), бѣ̀ ѡ҆чи́стиласѧ (2 Цств. XI. 4, Остр. бѣ̀ о҆чи́стиласѧ), бѧ́хꙋ оу҆бѣ́гли (Іер. XL. 12, Остр. бѣхꙋ оу҆бѣгли), бѧ́хꙋ сложи́лисѧ жи́дове (Іоан. IX. 22, Зогр. **юже бо сѧ бѣахѫ съложили**, Остр. оу҆же бо̂сѧ бѣхꙋ сложили) и т. д.

Рядомъ встрѣчается изрѣдка и другой видъ давнопрошедшаго, свойственный древнерусскому (см. А. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка, 2 изд. 1891, стр. 145—46) и состоящій изъ прошедшаго сложнаго вспомогательнаго глагола **былъ єсмь** и причастія прошедшаго на **-лъ**: бы́лъ погꙋби́лъ є҆сѝ (Ис. XLIX. 20, Остр. 2 л. аор. и҆хъже погꙋбѝ, Первоп. погꙋби, а на полѣ лъ єси) и т. д.

Грамматики Л. Зизанія и Смотрицкаго не знаютъ этихъ образованій и въ парадигмахъ своихъ не приводятъ. Рядомъ съ прошедшимъ сложнымъ и давнопрошедшимъ, имѣются и другія описательныя выраженія прошедшаго времени, свойственныя и старославянскому. Такъ встрѣчается причастіе настоящаго времени съ

аористомъ или имперфектомъ вспомогательнаго глагола, какъ и въ старославянскомъ: бы́сть крестѧ́й (Мр. I, IV, Зогр, **бысть... кръстѧ**, Остр. бысть... кр҃тѧ, Первоп. бы́сть... кр҃тѧ̀), присѣдѧ́й бы́хъ (Іов. XXXI. 9, Остр. присѣдѧ бы҃); бы́ша предстоѧ́ще (3 Цств. XXII. 6, Остр. бѣша пре҆стоꙗ҆́ще) и т. д. бѣ̀ бо оу҆ча̀ (Мр. I. 22, Зогр. **бѣ бо оучѧ**, Остр. бѣ̀ бо̑ оу҆ча), бѣ̀ дѣлаѧ́й (Быт. IV. 2, Остр. бѣ̀ дѣлаѧ, Первоп. бѣ̀ дѣлаѧ), восходѧ́ще бѧ́хꙋ (Быт. XXXI. 10, Остр. другой текстъ), бѧ́ше пасы́й (Исх. III. 1, Остр. бѧ́ше пасыи), бѧ́хꙋ... сѣдѧ́ще (Мр. II. 6, Зогр. **бѣахѫ... сѣдѧште**, Остр. бѣхꙋ... сѣдѧще) и т. д. Встрѣчается также соединеніе имперфекта съ прошедшимъ причастіемъ, напр., бѧ́ше показа́вый (Быт. IV. 21, Остр. бѧ́ше показа́выи) и т. д. Грамматики Зизанія и Смотрицкаго также не имѣютъ подобныхъ выраженій въ своихъ парадигмахъ.

Будущее перифрастическое въ старославянскомъ выражалось неопредѣленнымъ наклоненіемъ и настоящимъ временемъ вспомогат. глаголовъ **имамь, хоштѫ, начьнѫ**. Въ древнерусскомъ встрѣчалось также сложное будущее изъ неопред. наклоненія и формъ *буду*. Тѣ и другія формы находимъ изрѣдка и въ церковнославянскомъ: и҆мѣ́ти и҆́маши (Матѳ. XIX. 21), и҆́мате ꙗ҆́сти (Быт. VI. 21, Остр. и҆́мате ꙗ҆сти), и҆зблева́ти тѧ̀... и҆́мамъ (Апок. III. 16, Остр. и҆зблевати... и҆ма҃), воскресе́нїе хо́щетъ бы́ти ме́ртвымъ (Дѣян. XXIV. 15, Остр. хотѧ́щее быти), нерадити на́чнетъ (Матѳ. VI. 24, Остр. такъ же) и т. д. Чаще встрѣчаются формы съ бꙋдꙋ: ꙗ҆́сти бꙋ́демъ (Быт. III. 2, Остр. и Первоп. да ꙗ҆́мы, Ис. IV. 1, Остр. ꙗ҆́сти бꙋ́демъ), блюсти̇̀ бꙋ́детъ, блюсти̇̀ бꙋ́деши (ibid. 15, Остр. блюде҃, блюде́ши, Первоп. блюде́тъ, блюде́ши), ѡ҆блада́ти бꙋ́детъ (ibid. 16, Остр. о҆блада́етъ, Первоп. ѡ҆блада́етъ), жи́ти бꙋ́деши (ibid. XXVII. 40, Остр. жи́въ бꙋди), и҆мѣ́ти бꙋ́деши (Ис. III. 23, Остр. иначе—прїимъши), корми́ти бꙋ́детъ (Ис. VII, 22, Остр. бꙋ́детъ... кормѧ́и, 23. бꙋ́детъ... ꙗ҆́сти), пасти́сѧ бꙋ́дꙋтъ (ibid. XI. 6, 7, Остр. и Первоп. напасе́тсѧ, напасꙋ́тсѧ), ꙗ҆́сти бꙋ́детъ (ibid. 7, Остр. зо́блета), оу҆пова́ти бꙋ́дꙋтъ (ibid. 10, Остр. надѣю́тсѧ, Перв. надѣ́ютсѧ), ꙗ҆́сти, пи́ти бꙋ́дꙋтъ (ibid. LXV. 13, Остр. наꙗ҆дѧ҃тсѧ, напїютсѧ), сꙋди́тисѧ бꙋ́детъ (ibid, LXVI. 16, Остр. о҆сꙋди҃тсѧ),

и҆мѣ́ти бꙋ́дꙋтъ (Іер. XXX. 6, Остр. и҆мꙋтъ) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, формы эти особенно часты въ Новой библіи, тогда какъ въ Острожской и Первопечатной имѣются или другіе обороты, или формы настоящаго времени, и описательныя формы попадаются только единично, какъ напр., ꙗ҆́сти бꙋдемъ (Ис. IV. 1, Остр.). Встрѣчается также и причастіе настоящаго или прошедшаго времени съ глаголомъ бꙋ́дꙋ въ значеніи будущаго: не бꙋ́детъ собира́ѧй (Ис. XIII. 14, Остр. не бꙋдѐ събира́ющаго, Первоп. такой же оборотъ, какъ въ Остр.), не бꙋ́детъ оу҆страша́ѧй (Іер. XXX. 10, Остр. не бꙋдетъ оу҆страша́ѧи) и т. д. бꙋ́детъ... ѿпады́й (Ис. XXVIII. 4, Остр. бꙋдетъ ѿпады́й) и т. д.

Будущее совершенное, имѣвшееся въ старославянскомъ и выражавшееся причастіемъ прошедшимъ на **-лъ** и настоящимъ **бѫдѫ**, въ современномъ церковнославянскомъ не употребляется, хотя формы его встрѣчаются въ Остр. и Первоп. библіяхъ и были свойственны древнерусскому (ср. А. Соболевскій, Лекціи по ист. русск. языка 2 изд. 1891, стр. 213): и҆ а҆́ще грѣхѝ сотвори́лъ є҆́сть, ѿпꙋ́стѧтсѧ є҆мꙋ̀ (Іак. V. 15, Остр. бꙋдѐ сътворилъ, Первоп. бꙋ́детъ сотвори́лъ); и҆ оу҆́зритъ жре́цъ, и҆ сѐ стрꙋ́пъ бѣ́лъ на ко́жи, и҆ се́й и҆змѣни́лъ вла́съ бѣ́лъ... (Лев. XIII. 10, Остр. и҆змѣни́лъ бꙋ́детъ, Первоп. и҆змѣни́лъ бꙋ́детъ), и҆змѣни́тсѧ (ibid. 3, Остр. и҆змѣни́лсѧ бꙋ́детъ, Первоп. и҆змѣни́лсѧ бꙋдѐ); да не ка́кѡ и҆скꙋси́лъ вы̀ и҆скꙋша́ѧй (1 Сол. III. 5, Остр. и҆скꙋси́лъ вы̀ бꙋдѐ, Первоп. и҆скꙋси́лъ вы̀ бꙋ́детъ) и т. д. Въ Новой б. находимъ или замѣну настоящимъ въ значеніи будущаго (и҆змѣни́тсѧ), или прошедшимъ сложнымъ со вспомогательнымъ глаголомъ и безъ него. Обыкновенно же функціи будущаго вообще беретъ на себя настоящее время совершеннаго залога, какъ уже и въ старославянскомъ.

Сослагательное или *условное* (Conditionalis) наклоненіе, выражавшееся въ старославянскомъ и древнерусскомъ причастіемъ прош. вр. на **-лъ** и формами аориста **бꙑхъ**, встрѣчается довольно часто въ современномъ церковнославянскомъ въ своемъ первичномъ видѣ: ед. ч. первое лицо—а҆́ще бы́хъ ме́чь и҆мѣ́лъ въ рꙋкꙋ̀ мое́ю, пробо́лъ бы́хъ тѧ̀ (Числ. XXII. 29, Остр. а҆́ще бы̑ ме́чъ и҆мѣ́лъ... пробо́лъ тѧ̑ бы́хъ), да бы́хъ бы́лъ (Іов. XXXI. 8, Остр. одинъ

аористъ бы̀), нє оу҃би́лъ бы́хъ ва́съ (Суд. VIII. 19, Остр. оу҃билъ бы́хъ ва́съ); са́мъ бы́хъ себѣ́ оу҃би́лъ, моли́лъ бы́хъ (Іов. XXX. 24, Остр. самъ бы себє оу҃би́лъ, моли́лсѧ бы́хъ), да... возвесели́лсѧ бы́хъ (Лук. XV. 29, Зогр. **възвеселилъсѧ бимь**, Остр. възвесели́лъсѧ бы́хъ), да́лъ бы́хъ (Пс. L. 18, Остр. далъ бымъ, Первоп. да́лъ бы́хъ) и т. д.

Въ Острожской библіи встрѣчаются изрѣдка формы съ бы́мъ (примѣры см. ниже, стр. 395), вызванныя по всей вѣроятности вліяніемъ польскаго bym (напр., gdy bym miał и т. д.). Возможно, впрочемъ, что это бы́мъ есть не что иное, какъ самостоятельная передѣлка (путемъ аналогіи или морфологической ассимиляціи) старославянскаго **бимь** подъ вліяніемъ аориста **бых** или другихъ формъ глагола **бѣти**, гдѣ имѣлось **ы**. Рядомъ съ подобными формами и казалось нелогичнымъ и было замѣнено ы. Въ Первопечатной на мѣстѣ бы́мъ находимъ бы́хъ, которое и въ Острожской библіи преобладаетъ.

Второе лицо въ старинной формѣ въ Новой библіи встрѣчается рѣдко, а обыкновенно представляетъ позднѣйшую съ бы, низошедшимъ уже на степень простой частицы, стоящей при формѣ прошедшаго сложнаго: а҃ще бы восхотѣлъ є҆сѝ (Пс. L. 18, Остр. а҃ще бы възхотѣлъ, Первоп. какъ въ Новой), страдат. зал. лише́нъ бы́лъ бы є҆сѝ (3 Макк. V. 21, Остр. 3 л. ед. гонъзнѹ́лъ бы̀), дабы̀... сохрани́лъ є҆сѝ, скры́лъ... бы є҆сѝ (Іов. XIV. 13, Остр. а҃ще... бы мѧ́ съхрани́лъ, съкры́лъ же мѧ́ бы̀, Первоп. также безъ є҆сѝ), разѹмѣ́лъ бы є҆сѝ (Іез. III. 6, Остр. разѹмѣ́еши), є҆гда́ бы є҆сѝ бы́лъ ѡ҃правди́лъ (3 Езд. IV. 18, Остр. є҆гда́ бы є҆си бы́лъ, бы є҆си... с҃правда́лъ), а҃ще бы вѣ́дала є҆сѝ (Іоан. IV. 10, Остр. а҃ще бы̀ вѣ́дала, Первоп. также безъ є҆сѝ) и т. д., но ты́ бы проси́ла, да́лъ бы тѝ (Іоан. IV. 10, Остр. ты́ бы проси́ла, да́лъ тѝ бы̀). Въ Острожской находимъ или другіе обороты, или болѣе древнія формы.

Третье лицо вполнѣ обыкновенно: и҃ꙗкѡ бы а҃ще кто́ ви́дѣлъ (Быт. XXXIII. 10, Остр. друг. текстъ и҃ꙗкоже ви́дитъ кто́), а҃ще бы кто́ возгна́лъ (Исх. XXXIII. 11, Остр. и҃ꙗкоже кто́ възгнѣ́тъ), а҃ще бы Ѧ҃вессалѡ́мъ жи́въ бы́лъ, пра́во бы́ло бы (2 Цств. XIX.

6, Остр. а҆́ще бы̑ авесоло́мъ живъ бы́лъ, право есть), е҆́же бы не преста́ло дѣ́ло то̀ (1 Езд. VI. 8, Остр. е҆жебы неоу҆медлѣло дѣ́ло то̑), что̀ бы́ло бы дре́во... (Іез. XV. 2, Остр. изъявит. что̑ оу҆бо древо ло́зное), а҆́ще ѿ мі́ра сегѡ̀ бы́ло бы цр҃тво моѐ (Іоан. XVIII. 36. Остр. было бы̑) и т. д. Случаевъ съ прибавкой вспомогат. е҆́сть не встрѣчается.

Первое лицо множ. числа имѣется довольно часто въ старинной формѣ: Содо́ма оу҆́бѡ бы́ли бы́хомъ, Гомо́ррꙋ оу҆подо́билисѧ бы́хѡмъ (Ис. I. 9, Остр. такъ же), да бы́хомъ пребы́ли, и҆ всели́лисѧ (I. Нав. VII. 8, Остр. а҆́ще бы́хомъ пребы́ли, всели́лисѧ), ме́ртвы бы́хомъ бы́ли (2 Цств. XIX. 6, Остр. мр҃твы бы́хомъ бы́ли) и т. д. Рядомъ имѣются позднѣйшія формы, состоящія изъ формъ прошедшаго сложнаго съ бы, ставшимъ уже частицей и отнесеннымъ къ союзу: дабы̀ е҆смы̀ не бы́ли (3 Езд. IV. 12, Остр. также дабы е҆смы̀ небы́ли), а также изъ исконныхъ формъ съ прибавленіемъ бы къ союзу: дабы̀ бы́хомъ и҆зме́рли (Исх. XVI. 3, Остр. да бы́хомъ, и҆зме́рли, Первоп. да̀ бы́хомъ, и҆́змерли), дабы̀ оу҆́мерли бы́хомъ (Числ. XIV. 3, Остр. другой текстъ, XX. 3, Остр. да бы́хомъ и҆зме́рли, Первоп. да бы́хѡмъ и҆зме́рли) и т. д. Въ Острожской и Первопечатной имѣемъ или другой текстъ, или исконныя формы.

Второе лицо встрѣчается большею частью въ исконной формѣ: а҆́ще бы́сте живи́ли (Суд. VIII. 19, Остр. такъ же), а҆́ще не бы́сте ѡ҆ра́ли, не бы́сте оу҆вѣ́дали (ibid. XIV. 18, Остр. а҆́ще не бысте принꙋ́дили, такъ же), а҆́ще бы́сте и҆мѣ́ли, глаго́лали бы́сте (Л. XVII. 6, Остр. такъ же, гл҃али бысте) и т. д. Изрѣдка встрѣчается форма сложнаго прошедшаго съ частицей бы и вспомогательнымъ глаголомъ е҆стѐ: дабы̀ воц҃ри́лисѧ е҆стѐ (1 Коринѳ. IV. 8. Остр. цр҃твовасте).

Третье лицо является въ двухъ видахъ: исконномъ — а҆́ще бы́ша послꙋ́шали (Пс. LXXX. 14, Остр. а҆́ще бы́шѧ... послꙋ́шали), а҆́ще... бы́ша ходи́ли, ѡ҆брѣ́ли оу҆́бѡ бы́ша (Пр. С. II. 20, Остр. а҆́ще... бышѧ ходили, о҆брѣ́ли оу҆́бѡ бышѧ), послꙋ́шали бы́ша (Іез. III. 6, Остр. послꙋ́шали бы́ша), да бы́ша оу҆вѣ́дѣли (Исх. XLV. 6, Остр. дабы́ша оу҆вѣ́дѣли), слꙋ́ги мои̑ оу҆́бѡ

подвиза́лисѧ бы́ша (Іоан. XVIII. 36, Остр. подвиза́лисѧ бы́ша) и т. д. и вторичномъ съ частицей бы: прѣпита́лисѧ бы́ (Быт. L. 20, Остр. дасѧ прѣко́рмѣтъ, Первоп. дасѧ прѣко́рмѣтъ), дабы́ хвали́ли и̑ исповѣ́далисѧ и̑ слоужи́ли (2 Пар. XXXI. 2, Остр. дабы́ слоужи́ли і̑ йсповѣда́лисѧ, и̑ пѣли), а̑ки бы принесли́ (Ис. LXVI. 20, Остр. і̑ако́же принесо́ша), въ о̑ньже бы́ не пришли́ (Іер. XLIX. 36, Остр. не прїидоутъ), дабы́ ѿдава́ли (Дан. VI. 2, Остр. другой текстъ повѣ́даемъ), а̑ще бы та́тїе влѣ́зли (Авд. I. 5, Остр. а̑ще та́тїе бы́ша вълѣ́зли, Первоп. бы́ша вълѣ́зли), дабы́ и̑мѣ́ли, прїима́ли (2 Макк. II. 26, Остр. другой текстъ), аки бы прїима́ли (3 Макк. I. 25, Остр. другой текстъ—произволи́хоу), а̑ще бы́ли бы, оуготова́ли бы (ibid. V. 21, Остр. сѹть, оуготова́ша), то бы́ли бы (Иов. VI. 3, Остр. бѹдѹтъ), а̑ще бы не оуничто́жили мѧ (Юд. XI. 2, Остр. а̑ще не бы́... оуничи́жиша, Первоп. а̑ще не бы́ша... оуничижи́ша) и т. д.

Изъ приведенныхъ случаевъ вторичныхъ формъ только одинъ имѣется уже въ Острожской (и Первопечатной); въ остальныхъ же находимъ въ Острожской библіи или исконную форму (рѣдко), или совсѣмъ другіе обороты, замѣненные уже при позднѣйшей редакціи (Елисаветинской) новыми формами, перенесенными изъ современнаго живаго русскаго языка. Формы двойственнаго числа условнаго наклоненія не встрѣчаются.

Кромѣ указанныхъ выше образованій, изрѣдка встрѣчается соединеніе изъявительнаго наклоненія аориста съ формами вспомогательнаго глагола бы́хъ: тогда́ наскочи́хъ бы́хъ на вы̑ словесы̑ (Іов. XVI. 4, Остр. а̑ще наскака́ на́ вы словесы, Первоп. наскака́хъ), и̑ бѹдѹтъ а̑ки бы не ѿврати́хъ и̑́хъ (Зах. X. 6, Остр. и̑ бѹдѹтъ вне́же кова́рьство не възврати́хъ и̑́хъ, Первоп, возврати́хъ) и т. д. Формы эти имѣются только въ Новой библіи, а въ Острожской и Первопечатной на ихъ мѣстѣ находимъ другіе обороты. Внесены онѣ въ текстъ уже впослѣдствіи при послѣдней его редакціи.

Формы вспомогательнаго бы́хъ нерѣдко сливаются въ написаніяхъ съ причастіемъ прошедшимъ, или съ союзами, что указываетъ на ихъ второстепенное значеніе; очевидно, онѣ чувствовались по-

чти какъ окончанія или суффиксы. Примѣромъ можетъ служить: оу҆кры́лбыхсѧ (Пс. LIV. 13, Остр. оу҆крылъ бысѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Случаи слитнаго написанія бы съ союзомъ да (дабы̀) см. выше (стр. 392).

Разсмотрѣнныя формы встрѣчаются и у грамматиковъ. У Л. Зизанія онѣ являются въ „молитвенномъ наклоненіи“ („образѣ“), представляющемъ слѣдующія подраздѣленія: „мимошедшее“—да̑ ꙗ҆ви́лбы̑, ꙗ҆ви́лбы є҆сѝ, ꙗ҆ви́лбы. да̑ бы ꙗ҆ви́ховѣ, ꙗ҆ви́ста бы, бы. да̑бы ꙗ҆ви́хомъ, ꙗ҆ви́стє бы, ꙗ҆ви́ша бы; „протяженное“—да̑ бы ꙗ҆влѧ̑, ꙗ҆влѧ̑ бы є҆сѝ, ла, ло. ꙗ҆влѧ́шєбы. да̑ бы ꙗ҆влѧ́ховѣ, вабы. стабы. ꙗ҆влѧ́стабы, да̑ бы ꙗ҆влѧ́хо̑, ꙗ҆влѧ́стєбы, ꙗ҆влѧ́хꙋбы, „пресовершенное“—дабы̑ ꙗ҆влѧ̑, ꙗ҆влѧ́лбы є҆сѝ, ла, ло. ꙗ҆влѧ́шєбы. да̑ бы̑ ꙗ҆влѧ́ховѣ, хова; ꙗ҆влѧ́стабы (bis), да̑ ꙗ҆влѧ́хо̑, ꙗ҆влѧ́стєбы, ꙗ҆влѧ́хꙋбы (л. 58); приблизительно такія же формы находимъ у глагола гласи́ти: „молитвеннаго мимошедшее“ — да̑ бы̑ гласи́лъ, гласи́лъ бы є҆сѝ, ла бы, ло бы. да̑бы гласи́ховѣ, гласи́ста бы (bis), множ. да̑ бы гласи́хо̑, си́стєбы, шабы̑; „протяженное“ да̑ бы глаша̑, глаша́лъ бы є҆сѝ, ла бы, ло бы, ша́лъ бы, глаша́шє бы̑; дв. да̑ бы глаша́ховѣ, стабы; да̑бы глаша́хо̑, стєбы, хꙋбы, шабы; „пресовершенное“—да̑бы глашаа̑, глашаа̑бы є҆сѝ, ла, ло, глашаа́шєбы, дв. да̑бы глашаа́ховѣ, шаа́стабы, стабы; да̑бы глашаа́хо̑, шаа́стєбы, хꙋбы, шабы и пр. (л. 71 на об. и 72); отъ бы́ти: „непредѣльное“—да̑ бы́л бы̑, бы̑ бы є҆сѝ, бы̑бы; да̑ бы́бы́ховѣ, ва; бы́ста бы, бы́ста бы; мн. да̑ бы бы̑хо̑, бы́стєбы, бы́шабы, бѧ́хꙋ (л. 77) и т. д. Въ этихъ парадигмахъ мы находимъ смѣсь различныхъ формъ условнаго или сослагательнаго наклоненія: рядомъ съ исконными, въ родѣ 1 л. ꙗ҆ви́лъ, гласи́лъ бы́хъ, 3 л. ꙗ҆ви́лъ, гласи́лъ бы, имѣются вторичныя, представляющія или формы сложнаго прошедшаго съ прибавленіемъ частицы бы (2 л. ꙗ҆ви́лъ бы є҆сѝ, ср. выше, стр. 391, ꙗ҆влѧ́лъ бы є҆сѝ, гласи́лъ бы є҆сѝ и т. д.), или формы изъявительнаго аориста и имперфекта также съ прибавленіемъ частицы бы: ед. ч. ꙗ҆влѧ́шє бы, глаша́шє бы и т. д., дв. ч. да̑ бы ꙗ҆ви́ховѣ, ꙗ҆ви́ста, да̑ бы ꙗ҆влѧ́ховѣ, ꙗ҆влѧ́ста бы, да̑ бы гласи́ховѣ, гласи́ста бы и т. д. мн. ч. да̑ бы ꙗ҆ви́хомъ, да бы гласи́хомъ, ꙗ҆ви́стє бы, гласи́стє бы, ꙗ҆ви́ша бы, ꙗ҆влѧ́хꙋ бы и т. д.

Изъ всѣхъ этихъ формъ въ библейскомъ текстѣ не встрѣчаются только формы двойственнаго числа, а также и формы имперфекта (съ контракціей и безъ контракціи) съ частицей бы.

У М. Смотрицкаго мы находимъ занимающія насъ формы въ его „сослагательномъ наклоненіи“, которое у него представляетъ слѣдующіе временные оттѣнки: „вида совершеннаго: 1) настоящее“—а҆́ще бьмъ че́лъ, чла̀, чло̀ (ср. Острожской библіи Пс. L. 18, далъ бымъ, Первоп. да́лъ бы́хъ; Остр. Пс. LXXX. 14, възложилъ бы̑, Первоп. во̑ложи́лъ бы́хъ; Остр. Пс. LIV. 13, претеръпѣлъ бым̑, Первоп. претерпѣлъ бы́хъ; въ Новой тѣ же формы, что и въ Первоп.); 2 л. а҆́ще бы є҆сѝ че́лъ и т. д. (какъ и у Зизанія и въ Новой, см. выше, стр. 391 и 394); 3 л. а҆́ще бы че́лъ и т. д. (исконная форма); въ двойственномъ и множественномъ замѣчается вліяніе польскихъ сложныхъ формъ въ родѣ byliśmy, byliście и т. д.: дв., мн. и ср. а҆́ще бы чла́сма, чла́ста, чла́ста; ж. р. а҆́ще бы члѣ́смѣ, члѣ́стѣ, стѣ; мн. ч. а҆́ще бы чли́смы, а҆́ще бы чли́сте, чли̇̀. Формы эти въ библейскомъ текстѣ отсутствуютъ. Въ „преходящемъ“ того же вида находимъ—въ первомъ лицѣ ед. ч. форму съ бы́хъ: а҆́ще бы́хъ че́лъ (исконную), во второмъ а҆́ще бы́лъ є҆сѝ (че́лъ?); т. е. форму давнопрошедшаго, въ третьемъ (?)—бѧ́ше (че́лъ?); дв. ч. м. и ср. р. а҆́ще бы́сма чла̀, бы́ста, ста, ж. р. а҆́ще бы́смѣ члѣ̀, бы́стѣ, стѣ (не встрѣчаются въ текстахъ), множ. ч. а҆́ще бы́хомъ чли̇̀, бы́сте (формы исконныя), бѧ́хꙋ или бы́ша (т. е. чли̇̀). Формы имперфекта съ причастіемъ прошедшимъ на -лъ, находимыя здѣсь, языку Библіи чужды. Въ томъ же родѣ и другія „времена“, напр. „вида учащательнаго настоящее“ а҆́ще бы́мъ, а҆́ще бы є҆сѝ, а҆́ще бы чита́лъ, ла, ло; дв. м. и ср. р. а҆́ще бы чита́ласма, чита́ласта, ста; ж. р. а҆́щебы чита́лѣсмѣ, чита́лѣстѣ, стѣ; множ. ч. а҆́ще бы чита́лисмы, чита́листе, чита́ли. Ближе къ исконнымъ формамъ „прешедшее“ М. Смотрицкаго: ед. ч. а҆́ще бы́хъ чита́лъ, ла, ло; бы́лъ є҆сѝ, ла, ло; бѧ́ше (какое лицо?); дв. ч. м. и ср. р. а҆́ще бы́сма чита́ла, бы́ста, ста (л. 194 на обѣихъ сторонахъ); ж. р. а҆́ще бы́смѣ чита́лѣ, бы́стѣ, стѣ; множ. ч. а҆́ще бы́хомъ чита́ли, бы́сте, бѧ́хꙋ, или бы́ша; „мимошедшее“ — а҆́ще бы́хъ читаа́лъ, ла, ло, бы́лъ є҆сѝ, ла, ло, бѧ́ше; дв. ч. м. и ср.

а҃ще бы́сма читаа́ла, бы́ста, ста; ж. р. а҃ще бы́смѣ читаа́лѣ, бѣ́стѣ, бы́стѣ; мн. ч. а҃ще бы́хомъ читаа́ли, бы́сте, бѫ́хѫ или бы́ша; „непредѣльное“—а҃ще бы́хъ проче́лъ, чла̀, ло; бы́лъ е҆сѝ, ла̀, ло; бѫ́ше; дв. м. и ср. а҃ще бы́сма прочла̀, бы́ста, ста; ж. р. а҃ще бы́смѣ прочлѣ́, бы́стѣ, стѣ; множ. а҃ще бы́хомъ прочлѝ, бы́сте(,) бѫ́хѫ, или бы́ша и т. д. Въ этомъ же родѣ и „наклоненіе подчинительное“ Смотрицкаго, въ которомъ только находимъ другой союзъ да̀: „преходящее“ да бы́хъ че́лъ, бы́лъ е҆сѝ, бѫ́ше; дв. мн. и ср. да бы́сма чла̀, ж. да бы́смѣ члѣ́ и т. д. (л. 195—196). Многія изъ приведенныхъ здѣсь формъ въ библейскомъ текстѣ вовсе не встрѣчаются и принадлежатъ, вѣроятно, самому Смотрицкому; таковы формы имперфекта съ частицей бы, нѣкоторыя формы, образованныя по типу польскихъ сложныхъ формъ въ родѣ chodziłem, chodziliśmy и т. д. Быть можетъ, впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ формъ, не встрѣчающихся въ церковнославянскомъ московскаго типа, употребляются въ смѣшанномъ югозападномъ церковнославянскомъ, разсмотрѣніе котораго не входитъ въ кругъ нашего изслѣдованія. Отъ соотвѣтствующихъ парадигмовъ Л. Зизанія формы, находимыя у М. Смотрицкаго, отличаются въ общемъ незначительно. Общимъ характернымъ признакомъ является у тѣхъ и другихъ пестрое смѣшеніе разнокалиберныхъ, дѣйствительныхъ и искусственныхъ формъ. У Смотрицкаго искусственнаго элемента больше, чѣмъ у Л. Зизанія.

§ 26. *Страдательный залогъ*, какъ и въ старославянскомъ выражается или формами возвратнаго залога, или описательными выраженіями. Употребленіе тѣхъ или другихъ формъ совсѣмъ безразлично и не связано ни съ какими оттѣнками значенія. Относительно первыхъ, т. е. возвратныхъ съ мѣстоименіемъ -**сѧ**, нужно замѣтить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мѣстоименіе возвратное уже является въ качествѣ простого суффикса, слившагося съ глагольной формой; это морфологическое сліяніе выражается и графически—слитными написаніями въ родѣ: кр҃ща́хѫсѧ (Мр. I. 6, Остр. кр҃щахѫсѧ), соблюдѫ́тсѧ (Лук. V. 38, Зогр. **съблюдетъ сѧ**, Остр. съблюде́тсѧ) и т. д. Случаевъ, въ которыхъ сѧ было бы отдѣлено отъ своего глагола другими словами

или стояло бы впереди его, немного; въ первомъ случаѣ мы обыкновенно находимъ слитныя написанія, показывающія, что сѧ все же чувствуется второстепенной и неразрывной морфологической частью слова: оу҃срами́хвосѧ (2 Езд. VIII. 51, Остр. оу҃срами́восѧ, Первоп. какъ въ Новой), оу҃кры́лбыхсѧ (Пс. LIV. 13, Остр. оу҃кры́лъ бысѧ, Первоп. какъ въ Новой), спасе́тлисѧ (Ис. XLIX. 24, Остр. спсе́тлйсѧ, Первоп. спасе́тлисѧ), посмѣ́темисѧ (Іов. XXI. 3, Остр. непосмѣ́темисѧ, Первоп. какъ въ Новой), ѡ҃ставлѧ́ютсѧ (Лук. V. 23, Остр. о҃ставлѧ́ютъсѧ, Первоп. ѡ҃ставлѧ́ютъсѧ); не прикаса́ютвосѧ (Іоан. IV. 9, Остр. неприкаса́ю҃восѧ, Первоп. неприкаса́ютвосѧ), 3 ед. дивѝтлитисѧ (Іов. XXXVI. 28, Остр. дивѝтлитисѧ, Первоп. какъ въ Новой), йзмѣнѧ́етлисѧ (ibid. Остр. йзмѣнѧ́е҃тисѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Примѣры второго случая встрѣчаются изрѣдка въ Острожской библіи: дасѧ йспра́витъ (Пс. CXL. 2, Первоп. и Нов. да йспра́витсѧ) и т. д.

Перифрастическія же формы страдательнаго залога не представляютъ ничего особеннаго, сравнительно со старославянскими.

Настоящее время выражается причастіемъ настоящаго времени страдательнаго залога съ формами вспомогательнаго глагола е҃смь: 3 л. мн. мо҃чими сѹ́ть (Исх. V. 16, Остр. мо҃чими сѹ́ть) и т. д.

Прошедшее время выражается также причастіемъ страдат. настоящимъ или прошедшимъ съ имперфектомъ, аористомъ или сложнымъ прошедшимъ вспомогательнаго глагола: бѧ́ше храни́ма (Лев. XIX. 20), бѧ́ше просла́вленъ (Исх. XXXIV. 30), ѡ҃ввѝтъ бѧ́ше (1 Цств. XXI. 9), вїе́ни бы́ша (Исх. V. 14), слы́шаны бы́ша (1 Цств. XVII, 31), оу҃кра́ше́нна была҃ е҃сѝ (Іез. XVI. 13), ѡ҃зло́бленъ бы́лъ е҃сѝ (3 Цств. II. 26) и т. д. Причастіе прошедшее страдательнаго встрѣчается также съ настоящимъ временемъ вспомогательнаго глагола въ значеніи прошедшаго страдат. взѧ́тъ е҃сѝ (Быт. III. 19, Остр. взѧ́тъ бы́сть) и т. д.

Сослагательное или условное наклоненіе также имѣется: а҃ще бы́хомъ сожже́ни бы́ли (3 Езд. XII. 44) и т. д.

Будущее время выражается причастіемъ страдательнаго настоящаго или прошедшаго времени съ вспомогательнымъ глаго-

ломъ бꙋ́дꙋ: ѡ҆блада́еми не бꙋ́демъ (Іер. II. 31), ꙗтъ бꙋ́детъ (Исх. XXII. 4), позна́нъ бꙋ́дꙋ (Исх. XXX. 6) и т. д.

У Зизанія страдательный залогъ имѣетъ всегда возвратныя формы: ꙗ҆влю́сѧ, ꙗ҆ви́шисѧ, ꙗ҆ви́тсѧ, 1 л. множ. ꙗ҆вимо́сѧ (1 л. дѣйств. ꙗ҆ви́мъ: л. 57 на об.), ꙗ҆вите́сѧ, ꙗ҆вѧ́тсѧ и т. д. (л. 60) и т. д.

Тоже находимъ и у М. Смотрицкаго: наст. чтоу́сѧ, чте́шисѧ, чте́тсѧ; дв. чте́масѧ, чте́мѣсѧ, чте́тасѧ, чте́тѣсѧ; мн. чте́мсѧ и т. д., но рядомъ у него приводятся и перифрастическія выраженія: что́м, ма, мо быва́ю, еши, етъ; дв. что́ма быва́ема, что́мѣ быва́емѣ... мн. что́ми, что́мы, что́ма быва́емъ и т. д. (л. 201 на об.).

Въ такомъ видѣ проведено у него все страдательное спряженіе. Формальныя особенности, замѣчаемыя здѣсь, разсмотрѣны уже выше и новаго ничего не представляютъ.

§ 27. *Неопредѣленное наклоненіе и супинъ.* Такъ называемое неопредѣленное наклоненіе ничѣмъ не отличается въ морфологическомъ отношеніи отъ старославянскаго.

Суффиксомъ у глаголовъ съ основой на гласный и всѣ согласные, кромѣ заднеязычныхъ (к, г, χ), служитъ -t'i (цслав. -ти), отвѣчающее стсл. -ти, а у глаголовъ съ основой на заднеязычный согласный—š'č'i (цсл. -щи=стсл. -шти). Формъ на -t' (цсл. -ть) въ Новой библіи не встрѣчается. Формы эти имѣютъ также значеніе супина, совсѣмъ не встрѣчающагося въ церковнославянскомъ, уже въ Острожской библіи: сн҃ъ бо чл҃вѣческїй не прїи́де дꙋ́шъ чл҃вѣческихъ погꙋби́ти, но спасти̇ (Л. IX. 56, Зогр. 55. **погоубитъ нъ съпастъ**, Остр. погꙋбити, но̂ с҃пти̇), посла̀ І҆исꙋ́съ... соглѧ́дати (I. Нав. II. 1, Остр. съглѧдати), свѧза́ти Самѱѡ́на прїидо́хомъ, и҆ сотвори́ти є҆мꙋ̀... (Суд. XV. 10, Остр. свѧза́ти, сътвори́ти) и т. д. помощи̇ (Вар. IV. 17), рещи̇ (Быт. XXVI. 7) мощи̇, тещи̇ (М. Смотр. л. 215) и т. д. У Л. Зизанія и М. Смотрицкаго имѣются такія же формы. У послѣдняго можно отмѣтить фиктивныя формы неопред. наклоненія „мимошедшаго“ вр., какъ читаа́ти (подъ вліяніемъ имперфекта безъ контракціи) или „непредѣльнаго“ и „будущаго“ прочести̇ и т. д. (л. 197 на обор.).

Формъ супина ни у того, ни у другого не встрѣчается, что вполнѣ естественно въ виду его ранняго исчезновенія и въ русскомъ языкѣ.

Заключеніе.

Мы закончили нашъ бѣглый очеркъ фонетики и морфологіи церковнославянскаго языка московскаго или великорусскаго типа. Въ основу его положены нами три памятника, отдѣленные другъ отъ друга приблизительнымъ разстояніемъ около 80—90 лѣтъ: Острожская библія (1581 г.), Первопечатная Московская (1663 г.) и Новая, представляющая собой точную перепечатку Елизаветинской исправленной библіи 1751 и 1756 гг. [1]). Эти тексты взяты нами, во-первыхъ, какъ наиболѣе разнообразные и богатые по языку, и, во-вторыхъ, какъ наиболѣе типичные представители позднѣйшаго церковнославянскаго. Острожская библія, какъ извѣстно, основана на спискѣ, присланномъ князю Константину Острожскому изъ Москвы царемъ Иваномъ Грознымъ [2]) и очень близкомъ къ такъ называемому Геннадіевскому списку библіи. Этотъ послѣдній составленъ въ самомъ концѣ XV в. (1499 г.) и представляетъ во всякомъ случаѣ въ значительной степени великорусскую переработку текстовъ, хотя бы первично и не русскаго извода [3]). Такъ какъ Острожская библія является резуль-

[1]) Изданія Елизаветинской библіи 1751 и 1756 г. не отличаются ничѣмъ другъ отъ друга въ отношеніи текста и языка. Во второмъ только прибавлены гравюры въ началѣ каждой ветхозавѣтной книги (въ первомъ лишь въ началѣ книги Бытія); кромѣ того, въ немъ употреблены другія заставки и виньетки въ концѣ книгъ, бо́льшаго размѣра и изящества. Вообще второе изданіе отличается отъ перваго бо́льшимъ типографскимъ изяществомъ. Отъ современныхъ изданій (мы пользовались Московскимъ въ малую 8° 1879 г.) отличія ничтожны. Текстъ, формы, акцентуація, правописаніе тожественны. Уклоненія современныхъ изданій заключаются только въ исправленіи незначительныхъ опечатокъ и разрѣшеніи нѣкоторыхъ сокращеній или, наоборотъ, въ подведеніи подъ титла.

[2]) См. Предисловіе къ Острожской библіи.

[3]) Объ этомъ спискѣ и его отношеніи къ Острожской библіи, см. Описаніе рукописей Синод. библіотеки 1855, стр. 1—164, а также Буслаевъ, Историческая Христоматія церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ,

татомъ извѣстной редакціонной обработки [1]), а не простой перепечаткой присланнаго изъ Москвы рукописнаго списка, то, разумѣется, языкъ и текстъ этого послѣдняго должны были подвернуться нѣкоторымъ, хотя бы и не особенно значительнымъ, измѣненіямъ. Главнымъ дѣятелемъ при ея печатаніи былъ, какъ извѣстно, московскій первопечатникъ, дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ [2]). Такимъ образомъ, Острожская библія легко могла получить и дѣйствительно получила въ значительной степени великорусскую (московскую) окраску [3]), которая еще болѣе усилилась въ ея московской перепечаткѣ 1663 г.

Библія Скорины на 60 слишкомъ лѣтъ старше Острожской [4]), но представляетъ совсѣмъ другой (и довольно рѣдкій) типъ языка— смѣсь церковнославянскаго, польскаго, бѣлорусскаго и чешскаго, почему мы и оставили ее въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что въ нашей литературѣ имѣется уже довольно обстоятельное изслѣдованіе этого памятника со стороны языка въ только-что цитированной книгѣ проф. П. В. Владимірова. Нельзя, конечно, отрицать, что тексты, въ родѣ библіи Скорины или различныхъ произведеній югозападной русской литературы, писанные на польско-малорусско (или бѣлорусско-)-церковнославянскомъ, обращались среди великоруссовъ и, слѣдовательно, оказывали извѣстное вліяніе на ихъ языкъ, но, съ другой стороны, мы также знаемъ, что не только на Москвѣ, но и у всѣхъ православныхъ славянъ въ борьбѣ за существованіе между нѣсколькими типами церковно-книжнаго языка одержалъ верхъ именно типъ великорусско-церковнославянскій, вполнѣ опредѣленно сказавшійся уже въ Острожской библіи и сохранившій лишь незначительные остатки другихъ не русскихъ изводовъ

Москва, 1861, стр. 185—198; кромѣ того, Н. Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ. Одесса, 1883, стр. 114—116, 120—123.

[1]) См. объ этомъ Предисловіе къ Острожской библіи.

[2]) О дѣятельности Острожской типографіи см. М. А. Максимовича Книжная старина южно-русская во Временникѣ Имп. Моск. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ. Кн. I. 1849. Смѣсь, стр. 1—12: стр. 5—8.

[3]) См. Владиміровъ, П. В., Докторъ Францъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888, стр. 204—205, 207.

[4]) Объ отношеніи Острожской библіи къ Скорининской, см. цитир. сочин. Владимірова, стр. 211—218.

(болгарскаго и сербскаго), а также и слабые слѣды малорусскаго вліянія. Очевидно, что побѣда досталась ему по праву, какъ болѣе сильному, т. е. болѣе распространенному, а также и поставленному въ лучшія условія существованія. Отсюда не будетъ натяжкой предположить, что и наибольшая доля вліянія на живой великорусскій языкъ должна была принадлежать именно этому книжному великорусско-церковнославянскому языку. Особенности и постепенныя измѣненія его лучше всего могутъ быть прослѣжены именно на трехъ вышеуказанныхъ библіяхъ, подвергавшихся въ теченіе четырехъ послѣднихъ столѣтій троекратному пересмотру и исправленію и представляющихъ какъ бы три послѣдовательныя стадіи на пути отъ средняго церковнославянскаго къ новому. Пересмотръ этотъ не проходилъ даромъ не только для текста, но и для языка,—напротивъ, замѣтно отражался на немъ. Благодаря этому, наблюдается довольно значительная разница между языкомъ тѣхъ библейскихъ книгъ, которыя ведутъ свое начало изъ болѣе древнихъ старославянскихъ рукописей или подверглись лишь незначительнымъ измѣненіямъ, напримѣръ, въ Елизаветинской редакціи, и такихъ, которыя были напечатаны съ болѣе позднихъ рукописей, сильно исправлены или совсѣмъ заново переведены для Елизаветинской библіи [1]) Но такъ какъ главной цѣлью нашего вышепредложеннаго очерка было дать лишь общую характеристику позднѣйшаго церковнославянскаго, а не детальную и всестороннюю его исторію, то мы игнорировали хронологическія разницы между языкомъ, положимъ, книги Іова, Руѳи или Бытія и т. д. съ одной стороны и книгъ Маккавейскихъ, Юдиѳи, Эсѳири, Товита и т. д. съ другой. Мы считали себя въ правѣ сдѣлать это не только потому, что уже самый фактъ напечатанія ихъ рядомъ, такъ сказать, подводитъ ихъ подъ одинъ уровень и какъ бы дѣлаетъ не существующими хронологическія разницы между рукописными оригиналами-источниками печатнаго изданія, но также

[1]) См. объ этомъ въ статьѣ Чистовича: Исправленіе Славянской Библіи (Православное Обозрѣніе. 1860, апрѣль, май), стр. 42, 54, а также въ статьѣ Лебедева, В. Къ исторіи кирилло-меѳодіевскаго славянскаго перевода Библіи на Руси (Странникъ 1885, томъ I, стр. 3—29, 201—230, 393—411, 584—589).

и потому, что для нашей главной цѣли—изслѣдованія церковнославянскихъ элементовъ въ современномъ русскомъ языкѣ съ общесравнительной точки зрѣнія, какъ одного изъ проявленій процесса заимствованія въ языкѣ, вышеупомянутые вопросы имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Поэтому же мы не даемъ здѣсь и историческаго очерка судебъ старославянскаго языка на Руси съ его перваго въ ней появленія [1]) до начала книгопечатанія (вторая половина XVI в.). Особенности рукописныхъ памятниковъ русской рецензіи уже достаточно изслѣдованы и общеизвѣстны; особенности же окончательно сложившагося и закрѣпленнаго Елизаветинской редакціей церковнославянскаго печатнаго языка до сихъ поръ не были представлены сколько-нибудь полнымъ и удовлетворительнымъ образомъ. Единственная почти попытка этого рода—Грамматика Славяно-церковнаго языка новаго періода В. Классовскаго [2]) весьма неполна въ отношеніи матеріала и часто совсѣмъ недостовѣрна, ибо приводитъ не существующія формы безъ всякихъ доказательствъ. Мы далеки отъ мысли считать предложенный выше общій очеркъ церковнославянскаго языка новаго періода свободнымъ отъ всякихъ недостатковъ, но позволяемъ себѣ надѣяться, что, при отсутствіи въ научной литературѣ исчерпывающаго представленія этого предмета, наша попытка будетъ не совсѣмъ лишней. Вездѣ мы старались провести параллель между дѣйствительными фактами языка, находимыми въ библейскомъ текстѣ, и современной имъ грамматической теоріей, главными представителями которой являются Л. Зизаній и М. Смотрицкій [3]).

---

[1]) Краткій подобный очеркъ можно найти у А. И. Соболевскаго. Судьбы Церковно-Славянскаго языка. Лекціи (литогр. изданіе). Спб. 1891, стр. 21—31 и въ цитиров. уже книгѣ Засадкевича.

[2]) Второе измѣн. изданіе 1867, Спб. 12°, М. О. Вольфъ, пятое, безъ перемѣнъ 1887. Существуетъ еще школьный учебникъ Кузьмина: Грамматика церковнославянскаго языка, новаго періода. М. 1885.

[3]) Что касается грамматики М. Смотрицкаго, то мы пользовались главнымъ образомъ ея вторымъ (точнѣе третьимъ) московскимъ изданіемъ 1648 г., ссылаясь на первое изданіе (Евю, 1619) только изрѣдка. При этомъ мы имѣли въ виду бо́льшую близость московскаго изданія (какъ извѣстно, довольно сильно измѣненнаго московскими справщиками) къ вырабатывавшемуся въ то время окончательному типу великорусско-церковнославянскаго

При этомъ довольно часто обнаруживалось несоотвѣтствіе между обѣими сторонами, не позволяющее намъ вполнѣ согласиться съ тѣми учеными, которые, начиная съ покойнаго Григоровича [1]), приписываютъ грамматикѣ Смотрицкаго особенно сильное, почти исключительное, вліяніе на окончательное образованіе церковнославянскаго языка новаго періода. Намъ кажется, что грамматика Смотрицкаго была часто довольно независима отъ современныхъ ему образцовъ языка [2]), представляя нерѣдко чисто субъективные взгляды и желанія самого автора, и, въ свою очередь, языковое чутье справщиковъ и другихъ знатоковъ церковнославянскаго, выработывавшихъ его не на одной грамматикѣ Смотрицкаго, но и на чтеніи разнаго рода текстовъ, довольно успѣшно боролось съ навязываемыми ему чуждыми или субъективными формами и правилами. Въ этомъ отношеніи интересно сравненіе Евюнскаго изданія 1619 г. съ московскимъ 1648 г. Какъ извѣстно уже, это послѣднее отличается отъ оригинальнаго. Отличія заключаются не только въ опущеніи оригинальнаго предисловія и замѣнѣ его собственнымъ, представляющимся въ бо́льшей части выпиской изъ сочиненій Максима Грека, въ прибавкѣ послѣсловія (также изъ сочиненій Максима Грека), въ опущеніи греческихъ и латинскихъ терминовъ, а также и имени ренегата-автора, которое могло бы

языка, а, слѣдовательно, и бо́льшее его значеніе для поставленной нами себѣ цѣли.

[1]) «... со времени, когда обращено было просвѣщенное вниманіе на исправленіе священныхъ книгъ, ученые въ опредѣленіи свойствъ и выговора Словянскаго языка рѣшительно руководствовались чувствомъ Русскаго языка Наконецъ, послѣдовательность такого пониманія была навсегда утверждена полною теоріей сего языка въ знаменитой грамматикѣ М. Смотрицкаго. Отселѣ правила этой грамматики служили послѣднимъ опредѣленіемъ Церковно-Словянскаго языка. Оставаясь примѣчательнѣйшимъ трудомъ ученаго. XVII столѣтія, она есть результатъ всѣхъ измѣненій, какимъ подвергался у насъ въ Россіи Словянскій языкъ въ продолженіе семи столѣтій. Вмѣстѣ съ этимъ, бывъ первымъ послѣдовательнымъ опредѣленіемъ языка, она изгладила также послѣднія воспоминанія о древнѣйшемъ его характерѣ. И не только у насъ въ Россіи, но и у Сербовъ и Болгаръ, даже у католическихъ Словянъ, употреблявшихъ глаголиту, она заставила забыть древніе звуки и формы Словянскаго языка и подчинила господствующему въ Россіи употребленію его» (Григоровичъ. Статьи, касающіяся древняго Словянскаго языка. Казань, 1852, стр. 10—11).

[2]) Ближе всего первое изданіе ея къ языку Острожской библіи.

вызывать недовѣріе и подозрѣніе, но главнымъ образомъ въ измѣненіи самого грамматическаго матеріала. Московскіе издатели не оставили безъ исправленія ни одной почти формы, ни одной акцентуаціи, которыя имъ показались странными или непривычными. Такъ, въ склоненіяхъ московскаго изданія мы находимъ много позднѣйшихъ, чисто русскихъ формъ, на мѣстѣ которыхъ въ оригинальномъ имѣются древнія старославянскія или болѣе близкія къ нимъ; въ спряженіяхъ измѣненій меньше (такъ почему-то сохранены всѣ образованныя на польскій ладъ глагольныя формы), но всѣ онѣ сдѣланы въ пользу новѣйшихъ, позднѣйшихъ формъ. Особенно много измѣненій въ акцентуаціи, которая въ московскомъ изданіи поставлена по русскому образцу. Какъ образчикъ, мы приведемъ различія въ склоненіи бывшихъ основъ на ā-, jā-:

	Е в ю.	М о с к в а.
Дат. предл.	сно́сѣ	сноѣ́
Дат. множ.	сно́хамъ	сноха́мъ
Творительный	сно́хами	сноха́ми
Предложный	сно́хахъ	сноха́хъ
Родит. един.	мре́жа	мре́жи
Винительный	мре́жу	мре́жю
Им. множ.	мре́жа	мре́жи
Винительный		мре́жы
Звательный		мре́жи
Винит. множ.	ю̆ноши и ю̆ноша	только ю̆ноши
Род. един.	тогѡ̀ пїа́ници / тоѧ̀ пїа́ница	тогѡ̀ и̊ тоѧ̀ пїа́ници
Д. пр. м. и ж.	пїа́ници	пїа́ницѣ
Именит. множ.	тїи пїа́ници, тїа пїа́ница	м. ж. пїа́ницы
Род. ед. м.	ѡ̊бра́щи, ж. ѡ̊бра́ща	м. ж. ѡ̊бра́щи
Винит. множ.	заха́рїа	заха́рїи
Родит. един.	ла́дїа	лодїи
Дат. предл.	ла́дїи	лодїи
Винительный	ла́дїю	лодїю

Им. вин. мн.	лáдїѧ	лóдїи
Родительный	лáдїй	лодéй, їй
Родит. множ.	сѫдíй	сѫдíй, éй
Винительный	сѫдїѧ	сѫдїи
Именит. един.	самарѧны́ни	самарѧны́нѧ
Родительный	самарѧны́нѧ	самарѧны́ни
Дательный, Предложный	самарѧныни	самарѧны́нѣ самарѧны́ни и т. д.

При подробномъ сличеніи [1]) этихъ двухъ изданій нетрудно убѣдиться, что не только грамматика Смотрицкаго (Евю 1619) не повліяла на церковнославянскій языкъ московскихъ ея издателей, но, наоборотъ, сама она подверглась передѣлкѣ въ ихъ рукахъ. Передѣлка эта совершилась подъ несомнѣннымъ вліяніемъ живого великорусскаго языка, которое вызвало и извѣстныя особенности великорусскаго церковнославянскаго [2]). Такимъ образомъ, если говорить о вліяніи грамматики Смотрицкаго на позднѣйшій церковнославянскій, то только разумѣя ея московское изданіе, въ которое внесено много особенностей великорусскаго церковнославянскаго, развившихся въ немъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ живого языка и независимо отъ какой бы то ни было грамматической теоріи. Выше однако мы видѣли, что и парадигмы московскаго изданія далеко не всегда согласуются съ формами, добытыми изъ самаго текста. Нѣкоторыхъ формъ, сохраненныхъ и въ московскомъ изданіи (въ родѣ сослагательнаго въ польскомъ вкусѣ), въ библейскомъ текстѣ всетаки не встрѣчается. Отсюда намъ кажется, что, не отрицая вообще возможности влія-

[1]) Мы производили подобное сличеніе, но приводимъ выше лишь небольшой образчикъ добытыхъ результатовъ.

[2]) Мы никакъ не можемъ согласиться съ г. Засадковичемъ (цит. сочиненіе, стр. 132—133), что причины измѣненій, произведенныхъ московскими издателями въ грамматикѣ Смотрицкаго, заключались въ недовѣріи къ ренегату-автору и боязни предъ еретическими его ученіями. Эти мотивы могли ихъ заставить умолчать имя автора, замѣнить предисловіе новымъ и т. д. Измѣненія же въ парадигмахъ прямо вызывались далекостью оригинальнаго изданія Смотрицкаго отъ привычнаго издателямъ типа церковнославянскаго языка, сообразно съ которымъ они и измѣнили свой оригиналъ.

нія грамматики Смотрицкаго (особенно московскаго изданія) на новый церковнославянскій, слѣдуетъ, однако, говорить объ этомъ въ менѣе категоричномъ тонѣ, чѣмъ это обыкновенно дѣлалось и дѣлается.

Конецъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строчка.*	*Напечатано.*	*Читай.*
8	13 сверху	проязыка	праязыка
17	20 снизу	заимствованъ	заимствовалъ
21	6 —	**съгласніе**	**съгласніе**
27	10 сверху	[1])	[2])
30	1 —	t'ьlæfón	t'ьl'æfón
32	13 снизу	имѣетъ	имѣется
59	7 сверху	*приблужаго*	*приблужаю*
61	12 снизу	**такон**	**такон**
63	2 —	Moscoviticom	Moscoviticam
—	3 —	но	ко
82	12 сверху	Sasy	Sacy
105	11 —	чуствоваться	чувствоваться
143	1 снизу	slǽ'zy	sl'ǽzy
144	9 —	дѣтіи	дѣтіи,
147	12 —	(=č')	=č'
150	18 —	(š)	š)
151	17 сверху	**жд**	**жд**
152	5 —	ž'd	žd

154 послѣ 18 — вставить: Въ первомъ изданіи грамматики М. Смотрицкаго (Евю. 1619) различаются г и Г, первое для спиранта γ, второе для взрывного g. Въ московскомъ же изданіи находимъ только одинъ знакъ г, звуковое значеніе котораго неясно. Казались-ли два знака для такихъ близкихъ звуковъ, какъ γ и g, роскошью московскимъ издателямъ, или ихъ произношенію свойственъ былъ лишь одинъ (который?) изъ этихъ звуковъ, рѣшить, разумѣется, нельзя.

Страница.	*Строчка.*	*Напечатано.*	*Читай.*
156	8 сверху	zz'з'	zž'ž'
158	14 снизу	лєжа	лєжà
169	16 сверху	благостѧхъ	бла́гостѧхъ
171	9 снизу	u-	n-
173	2 сверху	имєнє	и̏мєнє
174	8 —	удареніемъ	удареніемъ:
178	6 снизу	коло	ко́ло
187	5 —	дв̊ꙋ	дв̂ꙋ
204	9 —	**рабынн**	**рабынѝ**
206	11 —	mir	m'ir
209	9 сверху	ѻбою̀	ѻ̊бою̀
212	1 —	плєвєлы	плє́вєлы
214	7 —	ѻстровѡ́въ	ѻ̊стровѡ́въ
216	1 снизу	градовѡмъ	градовѡмъ
219	10 —	посла́ми	поста́ми
220	7 —	заимствованныхъ	заимствованнымъ
224	10 сверху	чада	ча̂да
225	2 —	цр҃ствомъ	цр҃твомъ
235	12 снизу	пєшцє́въ	пѣшцє́въ
237	7 сверху	своѧ	своѧ̀
242	17 снизу	срцы	ср҃цы
248	7 сверху	**і҆соусовома**	**і҆соусовама**
258	12 —	ѻно	ѻ̏но
259	4 —	ѻномꙋ	ѻ̏номꙋ
260	12 —	ѻной	ѻ̏ной
262	14 снизу	онѣмъ	ѻ̊нѣмъ
270	14 сверху	ѻбѣ	ѻ̏бѣ
271	2 снизу	има	и̏ма
273	15 сверху	ѻчи	ѻ̏чи
—	18 —	своѣ	своѣ̀

275 3 — слова: „Остр. и Перв. ва́ша“ перенести въ слѣдующую строку послѣ словъ: „Второз. III. 19“.

277	6 сверху	ѻслѧ́тъ	ѻ̊слѧ́тъ
—	7 снизу	краєхъ	кра́єхъ

Страница.	*Строчка.*	*Напечатано.*	*Читай.*
278	10 сверху	ѻ҃	ѻ҃
283	11 —	Мс.	Ис.
303	12—13 снизу	хꙋдѣйша,	хꙋдѣйша),
305	7 сверху	слаше	слаше
306	10 снизу	трїе	трїѐ
309	13 —	ѻсмїю	ѻ҆смїю̀
313	14 сверху	оу҆мре́мъ	оу҆мремъ
319	— —	jådóx	jadóx
321	4 снизу	снѣете	снѣсте
322	2 —	є҆гѡ	є҆гѡ̀
323	7 —	ѻба	ѻ҆ба
327	16 —	мои	моѝ
328	13 сверху	идемъ	и҆демъ
336	16 снизу	ꙗ҆зыки	ꙗ҆зы́ки
346	11 сверху	оу҆держимо	оу҆держи́мо
348	1 снизу	Эвю	Евю
351	1 сверху	сниде	сни́де

352 16 сверху вставить: Единственный примѣръ 1-го л. ед. аориста простого: а҆зъ... воздви́гъ (Дан. IV. 31, Остр. въздви́гъ, Перв. какъ въ Новой).

—	16 снизу	совсѣмъ	почти совсѣмъ

— послѣ 9 — вставить: Единственный примѣръ 3 л. мн. на -сѧ: є҆гда̀ ꙗ҆сѧ тебѐ (Іез. XXIX. 7, Остр. є҆гдасѧ ѧ҆ша потѧ.

356	7 сверху	работахъ	рабо́тахъ
369	9 снизу	ꙗви́ховѣ	ꙗ҆ви́ховѣ
373	3 —	поразивъ	порази́въ
378	10 —	тво́ре́й	творе́й
381	14 сверху	оу҆крашенна	оу҆кра́шенна
382	1 —	И҆лїодѡръ	И҆лїодѡ́ръ
—	7 —	а҆рхїере́й	а҆рхїере́й
384	13 снизу	творсѧ	тво́рсѧ
—	8 —	причастїемъ	прича́стїемъ

Записки Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Ч. I. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандилами и Готѳами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарій Гавріила Дестуниса. П. К. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами. Книга I-ая. 1876.

» II. 1. Ioannis Boccaccii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres. Изд. А. Веселовскій. 1876.

2. Индѣйскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ въ 1875 г. И. П. Минаевымъ. 1876.

» III. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка М. Бережкова. 1879.

» IV. Изъ древней исторіи Болгаръ Матвѣя Соколова. 1879.

» V. 1. Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. Тимоѳея Флоринскаго. 1880.

2. Antiphontis orationes. Edidit Victor Jernstedt. 1880.

» VI. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандилами и Готѳами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарій Гавріила Дестуниса. П. К. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами. Книга 2-ая. 1880. Приложеніе: О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ Аттической Аѳинѣ. Греческое стихотвореніе эпохи Турецкаго погрома. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Г. Дестунисъ. 1881.

» VII. Психологія. Изслѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни М. Владиславлева. Томы I и II. 1881.

» VIII. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. 1881.

» IX. Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка К. Я. Грота. 1881.

» X. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. 1-ый и 2-ой періоды жизни и дѣятельности (1799—1826) А. Незеленова 1882.

» XI. Къ исторіи Аѳинскихъ драматическихъ состязаній П. Никитина. 1882.

» XII. Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siècle par Vladimir Lamansky. 1884.

Ч. XIII. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи Е. Замысловскаго. 1884. Приложеніе: Матеріалы для ист.-геогр. атласа Россіи XVI в. 1884.

» XIV. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ Г. В. Форстена. 1884.

» XV. Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.) А. А. Барбашева. 1885.

» XVI. Буддизмъ. Изслѣдованія и матеріалы И. П. Минаева. Томъ I. Вып. 1 и 2. 1887.

» XVII. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка, Евгенія Пѣтухова. 1888.

» XVIII. Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи А. Введенскаго. Часть первая. 1888.

» XIX. Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка Н. Ланге. Часть первая. 1888.

» XX. Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ. Н. М. Бубнова. 1890.

» XXI. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ Г. В. Форстена. 1889.

» XXII. Города московскаго государства въ XVI вѣкѣ Н. Д. Чечулина. 1889.

» XXIII. Организація прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. 1890.

» XXIV. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709) И. А. Шляпкина. 1891.

» XXV. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. П. А. Сырку. 1891.

» XXVI. Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи. Палеографическіе и филологическіе этюды В. К. Ернштедта. 1891.

» XXVII. Сочиненіе Джильса Флетчера «On the Russe Common Wealth», какъ историческій источникъ. С. М. Середонина. 1891.

» XXVIII. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами Вандилами и Готѳами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарій Гавріила Дестуниса. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Вандалами. Книга первая. 1891.

» XXIX. Житіе иже во святыхъ отца нашего Ѳеодора архіепископа Едесскаго. Издалъ И. Помяловскій. 1892.

» XXX. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Н. Кареѣва. 1892.

» XXXI. Акты и письма къ исторіи балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Г. В. Форстена. Выпускъ второй. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. А. Е. Преснякова. 1893.